

БЫЛЫЕ ГОДЫ. 2016. № 41 (3)
РОССИЙСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Редакционная коллегия:

А. А. Черкасов (г. Сочи, Россия)
гл. редактор – д-р ист. наук

Е. Ф. Кринко (г. Ростов-на-Дону, Россия)
зам. гл. редактора – д-р ист. наук

С. И. Дегтярев (г. Сумы, Украина)
д-р ист. наук

В. Г. Иванцов (г. Сочи, Россия)
канд. ист. наук

Т. А. Магсумов (г. Набережные Челны,
Россия)
канд. ист. наук

Журнал включен в базу Scopus, Web of Science,
Directory of Open Access Journals,
Open Academic Journals Index.

Журнал зарегистрирован в федеральной
службе по надзору в сфере массовых
коммуникаций, связи и охраны культурного
наследия. Свидетельство о регистрации средства
массовой информации ПИ №ФС77-47157 от
03.11.2011

Редакционный совет:

П. Джозефсон (г. Вотервилль, США)

В. П. Зиновьев (г. Томск, Россия)

Р. Марвик (г. Ньюкасл, Австралия)

В. И. Меньковский (г. Минск, Белоруссия)

Р. В. Метревели (г. Тбилиси, Грузия)

Б. Н. Миронов (г. Санкт-Петербург, Россия)

Дж. Санборн (Пенсильвания, США)

Е. С. Сенявская (г. Москва, Россия)

В. Сандерлэнд (г. Цинциннати, США)

С. Г. Суляк (г. Тирасполь, Молдавия)

Ф. Б. Шенк (г. Базель, Швейцария)

М. Шмигель (г. Банска Быстрица, Словакия)

Учредитель

СОЧИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Адрес для писем:

354000, г. Сочи, ул. Советская 26а
Тел.: 8(918)201-97-19
E-mail: Bylyegody@sutr.ru
Сайт журнала: www.bg.sutr.ru
Англоязыч. сайт журнала: www.en.bg.sutr.ru

Выходит с 2006 г.
Периодичность – 1 раз в 3 месяца

Подписано в печать 01.09.2016 г.
Формат 21 × 29,7/4.

Уч.-изд. л. 18. Усл. печ. л. 16,3.
Заказ № 45.

Редактор, корректор,
редактор-переводчик В.С. Молчанова
Технический редактор, электронная
поддержка Н. А. Шевченко

На обложке слева направо:
Князь Ярослав Мудрый, в центре Император Николай II, Княгиня Ольга
В нижней части обложки: герб Черноморской губернии
и открытка «город Тифлис, 1837 год»

BYLYE GODY (FORETIME). 2016. VOL. 41. IS. 3
RUSSIAN HISTORICAL JOURNAL

Editorial Staff:

A. A. CHERKASOV (SOCHI, RUSSIA)
Editor in Chief – Dr. (History)

E. F. KRINKO (ROSTOV-ON-DON, RUSSIA)
Deputy Editor in Chief – Dr. (History)

S. I. DEGTYAREV (SUMY, UKRAINE)
Dr. (History)

V. G. IVANTSOV (SOCHI, RUSSIA)
PhD (History)

T. A. MAGSUMOV (NABEREZHNYE CHELNY,
RUSSIA)
PhD (History)

This magazine is listed in Scopus, Web of Science,
Directory of Open Access Journals,
Open Academic Journals Index.

This magazine is registered in the Federal
Supervision Agency for Information Technologies
and Communications. Magazine Certificate of
Registration ПИ №ФС77-47157 03 November
2011.

Editorial Board:

P. JOSEPHSON (WATERTVILLE, USA)

R. MARKWICK (NEWCASTLE, AUSTRALIA)

V. I. MENJKOVSKY (MINSK, BELARUS)

R. V. METREVELI (TBILISI, GEORGIA)

B. MIRONOV (ST. PETERSBURG, RUSSIA)

J. SANBORN (PENNSYLVANIA, USA)

E. S. SENYAVSKAYA (MOSCOW, RUSSIA)

F. B. SCHENK (BASEL, SWITZERLAND)

M. ŠMIGEL (BANSKÁ BYSTRICA, SLOVAKIA)

S.G. SULYAK (TIRASPOL, MOLDOVA)

W. SUNDERLAND (CINCINNATI, USA)

V. P. ZINOV'EV (TOMSK, RUSSIA)

Founder
SOCHI STATE UNIVERSITY

Postal Address:

26a, Sovetskaya str., Sochi city, 354000

Tel.: 8(918)201-97-19

E-mail: Bylyegody@sutr.ru

Website: www.bg.sutr.ru

English version of the magazine site:

www.en.bg.sutr.ru

Issued from 2006

Publication frequency – once in 3 months

Approved for printing 1.09.2016

Format 21 × 29, 7/4.

Ych. Izd. l. 18. Ysl. pech. l. 16, 3.

Order № 45.

Editor, Proofreader

editor-translator

V. S. MOLCHANOVA

Technical Editor, Electronic support by

N. A. SHEVCHENKO

On the cover page from left to right:

Prince Yaroslav the Wise, at the centre Emperor Nicholas II, Princess Olga

At the bottom of the cover page: Chernomorskay Gubernia (Black Sea Province) emblem
and card "Tiflis city, 1837"

C O N T E N T S

ARTICLES AND STATEMENTS

The Russian Historical Journal "Bylye Gody" (2006–2016 years): the Results of the First Decade Rajović G., Bulatović J.	550
The Evolution of Christianity in the Caucasus in the IV–XVIII Centuries Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S.	555
Muscovy and the Crimea in the Historical Destinies of the Peoples of the North Caucasus in the second half of the XVI century Kudryavtsev A.A.	565
State Institutes of the Siberian Khanate and their Reflection in Archaeological Materials Tataurov S.F.	575
The Social Composition of the Service Class and Urban Population of the South of Russia in 1640–1650-ies Lyapin D.A.	585
Multiculturalism of Tatar-Christians in Western Siberia as a result of confessional policy in the Russian Empire Naumenko O.N., Naumenko E.A., Bortnikova Yu.A.	594
The Absolutist Reformism: Projects of Political Reforms in Russia (2 nd half of 18 th century – 1 st quarter of 19 th century) Bugrov K.D.	600
The Influence of Historical and Climate-Geographical Factors on the Development of Eastern Black Sea Region Shevchenko N.A., Ermachkov I.A., Sinyueva M.I.	611
Cultural Transformation of the Aboriginal Population of the North and the Far Eastern Policy of the Russian Autocracy in XIX – Early XX Centuries Akhmetova A.V.	620
Finnish Factor in the History of the Northern Frontier of the Russian Empire 1809–1855 Zaikov K.S., Tamitskiy A.M.	629
European and Asian Countries through the Eyes of Foreigners (in 19 th – beginning of 20 th century) Ushakov V.A., Evsevjev M.Yu., Petrova A.A., Vakhromeeva O.B., Sokhor T.E.	642
The Personnel of the Russian Army in the Caucasus in 1830–1840-ies Karataev V.B., Ostrovskaya A.A., Kokuytseva T.V., Semenov A.S.	650
Guardianship in Activity Local Governments in the Kalmyks of the XIX – early XX centuries Lidgieva I.V.	658
Ethnic Entrepreneurship in the Russian Empire in the Era of Economic Modernization in the Second Half of the 19 th – Early 20 th Century (as Illustrated in the Example of Siberia) Shaidurov V.N.	666
The Discoveries and Achievements of Modern Historiography of the Don Cossacks in the Second Half of the XIX Century Chuikov O.E., Gordeev I.A., Batyrov V.V.	675
The Zemstvo's Activities to Guide the Primary School Teacher Resources Formation and Support Magsumov T.A., Nizamova M.S.	688

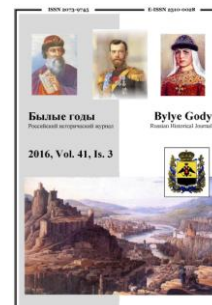
Social Activities of the Merchants Guild the Yenisei Province in the second half of XIX – early XX centuries Tuman-Nikiforova I.O., Fedorchenko V.I., Pashina N.V., Krylov I.I.	698
First Battleships of the Coast Defense of Russian Emperor Fleet. Part 2 Katorin Yu.F., Nyrkov A.P.	705
Urban industry of the Samara province in the second half of the nineteenth century Korneeva Ju.V.	714
The transformation of everyday historical memory of the peasants of Central Black Earth region in the post-reform period Linchenko A.A., Belyaev E.V.	725
Public control of alcohol trade in Russia (1863–1894) Goryushkina N.Ye., Rusakov I.B.	734
The reform of the military administration of the Don Cossacks in 1866–1874: realization of the project, which was never approved Peretyatko A.Y.	744
Kazakh-Dzhungarian relations in the works of the pre-revolutionary Russian scientists Tulebaev T., Kurmanalina N., Seksenbayeva G., Baygunakov D.	753
City streets, gardens and dachas as a leisure space on the Russian Far East in the late XIX – early XX century Poznyak T.Z.	761
The System’s Evolution of Church and Parish Schools Western Siberia at the Boundary of the XIX–XX Centuries Valitov A.A., Dementieva E.Sh., Dianov S.A.	770
Specificity of Female Deviancy in Tsaritsyn at the end of the XIX century – early XX century Suhova A.S., Kazanova N.V., Selezneva I.G.	777
Student Tumult in St. Petersburg Shortly Before the Revolution of 1905 Nefedov S.A.	784
Maps of the Resettlement Administration and colonization process in Tomsk-Chulym taiga (1905–1918) Vasilyev A.V., Kim E.A., Burkun A.O.	795
Creative Intelligentsia in Socio-Political Processes of the Epoch of the First Russian Revolution Gryaznukhina T.V., Gryaznukhin A.G., Severyanov M.D., Pfanenshtil I.A.	804
Reforms of police department and the practician of their realization in Western Siberia (1905– 1917) Sungurov P.A., Khramtsov A.B.	813
Allowance officers Russian and Austro-Hungarian armies on the eve of the First World War Abramov A.P.	822
Channels of Social Mobility of Russian Society: World War I influence Rynkov V.M.	830
REVIEWS	
A Book on Bulgarian Naval Officers Training in the Russian Empire and Western Europe Manasieva I.	839

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 41, Is. 3, pp. 550-554, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

ARTICLES AND STATEMENTS

UDC 002.53

The Russian Historical Journal "Bylye Gody" (2006–2016 years): the Results of the First Decade

Goran Rajović^{a, *}, Jelisavka Bulatović^b

^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, Russian Federation

^b College of Textile Design, Technology and Management, Serbia

Abstract

The article discusses the history of the development of the Russian historical journal "Bylye Gody" in 2006–2016. The attention is paid to the process of the formation of the journal, the change of format and thematic direction of the publication. The authors have selected as materials the open resources, which provide the information about the journal. The bibliometrical and statistical data were brought from the platforms of Russian scientific citation index, Directory of Open Access Journals, Open Academic Journals Index, Scopus and Web of Science.

In conclusion, the author notes that the first decade (2006–2016) was a time of formation and further development of the Russian historical journal "Bylye Gody". For this time, it has done a way from the limited regional edition, restricted the scope of the history of Sochi city, to one of the leading regional and then the Russian historical journals of open access.

Keywords: Russian historical journal "Bylye Gody", historical periodicals, 2006–2016 years, A.A. Cherkasov.

1. Введение

В сентябре 2016 года исполнилось 10 лет с момента выпуска первого номера российского исторического журнала «Былые годы». Прошедшее десятилетие – хороший повод подвести первоначальные итоги деятельности. За это время не раз менялись формат журнала (с 1-го по 10-й номера он печатался в формате А5, с 11-го по 36-й – в формате А4, а с 37-го номера редколлегия отказалась от печатной версии, и журнал начал издаваться только в электронном виде) и его тематическая направленность. Неизменными оставались только ежеквартальная периодичность (4 раза в год) и курс на развитие журнала. За 10 лет было выпущено 40 номеров журналов, в которых опубликовано 578 научных статей, 52 рецензии и обзора научных мероприятий. Основателем, издателем и главным редактором журнала на протяжении всего периода его существования является доктор исторических наук, доцент Александр Арвелодович Черкасов.

2. Материалы

Материалами для подготовки статьи стали открытые ресурсы, на которых представлена информация о журнале. Библиометрические и статистические данные с платформ Российского индекса научного цитирования, Directory of Open Access Journals, Open Academic Journals Index, Scopus и Web of Science.

3. Результаты и обсуждение

3.1. Вехи становления и тематическая направленность журнала

* Corresponding author

E-mail addresses: dkgoran.rajovic@gmail.com (G. Rajović), jelisavka.bulatovic@gmail.com (J. Bulatović)

Журнал «Былые годы» возник в 2006 году как издание кафедры отечественной истории Сочинского государственного университета туризма и курортного дела, которую в то время возглавлял А.А. Черкасов. Разумеется, появление собственного печатного издания стало важным событием в жизни не только кафедры, но и университета в целом. Однако журнал практически сразу перерос кафедральные и вузовские рамки, что отразило изменение его тематической направленности – от краеведческой к региональной, а затем и общероссийской.

В 2006 году на страницах журнала рассматривались преимущественно вопросы истории города Сочи. Однако уже в 2007 году в журнале начали публиковаться первые материалы по истории Черноморья и Кавказа. Рубрикация журнала в этот период становления были немногочисленны: «Актуальная тема», «Статьи и сообщения», «Проба пера» (для начинающих исследователей), «Научная жизнь».

В 2009 году журнал расширил географию публикуемых материалов до Северного Кавказа, значительно вырос и круг авторов журнала, что свидетельствовало не только о проявляемом к нему интересе, но и о возрастающем авторитете издания. Помимо исследовательских статей в журнале стали публиковаться исторические источники – документы и другие материалы.

На следующий год журнал начал прием статей по общероссийской тематике, в том числе по истории Российской империи. Наряду с этим, в журнале публиковались материалы и по другим темам и направлениям. В июне 2010 г. вышел первый специальный номер журнала, посвященный Второй мировой войне. Среди его авторов были представители трех стран (Российская Федерация, Финляндия и Белоруссия).

Практика выпуска спецномеров активно продолжилась в последующие годы. В 2011 году вышел еще один спецномер, посвященный Второй мировой войне, а в 2012 году – сразу три специальных номера: «Россия и Украина», «Россия в отечественных войнах: 1812, 1914, 1941 гг.» и «СССР: политические репрессии».

В июне 2013 года вышел первый номер журнала на английском языке. В нем приняли участия исследователи из Российской Федерации, Австралии, Германии, Великобритании, Белоруссии, Словакии, Казахстана и Украины. Именно в это время журнал стал использовать два рабочих языка: русский и английский. Выходные данные всех статей стали публиковаться на английском языке. При этом журнал перестал публиковать содержание на русском языке. В сентябре 2013 года вышел еще один спецномер, посвященный Второй мировой войне.

Центральным событием 2013 года для журнала стало празднование 400-летия Императорского Дома Романовых. Журналом был организован открытый Международный конкурс на лучшую научную работу студентов, аспирантов и преподавателей (научных сотрудников), посвященный 400-летию Императорского Дома Романовых «Россия и Романовы». Лучшие работы, представленные на конкурс научными сотрудниками и аспирантами, были опубликованы в декабрьском спецномере журнала.

В 2014 году тематика публикаций еще более расширилась, выйдя за рамки отечественной истории. Журнал публиковал материалы по актуальным вопросам различных периодов всемирной истории.

Однако на следующий год в редакционной политике произошли значительные изменения. В 2015 году был взят постепенный курс на сужение проблематики публикуемых статей до истории Европы, включая Российскую империю периода 1613–1917 гг. В 2015 году редакционная коллегия журнала стала членом Восточно-европейского исторического общества (www.easteuropeanhistory.org). В начале 2016 года на сайте издания была опубликована миссия журнала – публикация оригинальных статей, рецензий и обзоров по истории России и Европы в период царствования Императорского Дома Романовых, в 1613–1917 гг.

3.2. Основные авторы и тематика их публикаций

Кто они, авторы российского исторического журнала «Былые годы»?

География авторов включала, помимо Российской Федерации, такие страны как: США, Великобритания, Австралия, Германия, Словакия, Болгария, Финляндия, Украина, Белоруссия, Казахстан и др. Основная часть статей в 2012–2016 гг. поступала от грантодержателей российских и иностранных научных фондов, исполнителей проектов, выполнявшихся в рамках программ фундаментальных исследований Президиума РАН, Отделения историко-филологических наук РАН и других научно-исследовательских проектов.

С момента создания журнала в нем опубликовалось немало высокопрофессиональных специалистов-историков, среди них необходимо отметить труды:

- яркого специалиста в области региональной истории и аграрной истории НЭПа В.Е. Щетнева (Краснодар, Россия) ([Щетнев, 2006](#)),
- выдающегося исследователя социальной истории Российской империи Б.Н. Миронова (Санкт-Петербург, Россия) ([Mironov, 2015](#)),
- ведущего специалиста по вопросам национально-государственных отношений, депортации и реабилитации народов Н.Ф. Бугая (Москва, Россия) ([Бугай, 2012](#)),
- историка политических репрессий в СССР В.Н. Земскова (Москва, Россия) ([Земсков, 2012](#)),
- известного специалиста в изучении военной истории, историографии и источниковедения России новейшего времени Е.Ф. Кринко (Ростов-на-Дону, Россия) ([Krinko, Khlynina, 2014](#)),

- оригинального исследователя национальных отношений, советской социальной истории и отечественной историографии Т.П. Хлыниной (Ростов-на-Дону, Россия) (Khlynina, 2015),
- исследователя чиновничьего аппарата Российской империи С.И. Дегтярева (Сумы, Украина) (Degtyarev, 2015),
- ведущего специалиста в области историографии сталинизма В.И. Меньковского (Минск, Беларусь) (Menkouski, et al., 2015),
- известного исследователя социальных процессов в Центральной Европе М. Шмигеля (Банска Быстрица, Словакия) (Šmigel, Cherkasov, 2013),
- специалиста по истории повседневности К. Уль (Оксфорд, Великобритания) (Uhl, 2013),
- крупного специалиста в области военно-морской истории Российской империи Н.В. Митюкова (Ижевск, Россия) (Mitiukov, 2016),
- историка педагогического образования Российской империи Т.А. Магсумова (Набережные Челны, Россия) (Magsumov, Nizamova, 2015),
- признанного специалиста в области истории права П.Н. Бирюкова (Воронеж, Россия) (Biriukov et al., 2016),
- специалиста в области социально-экономического развития Российской империи на Кавказе Т.Е. Гварлиани (Сочи, Россия) (Gvarliani et al., 2015).

Важное значение имеют труды кавказоведческой школы под руководством А.А. Черкасова. В последние годы этой школой был опубликован ряд работ по истории Кавказа. Среди этих трудов важное значение имеют демографические работы по сословной численности племен Северо-Западного Кавказа, в том числе абазин, абхазов и джигетов (Cherkasov et al., 2016), а также убыхов, натухайцев и причерноморских (малых) шапсугов (Cherkasov et al., 2016a).

3.3. Индексирование

Важное значение для дальнейшего становления и развития журнала сыграло его включение в 2009 году в Российскую научную электронную библиотеку. Довольно быстро журнал занял среди российских исторических журналов свое собственное место.

Таблица 1. 5-летний импакт-фактор журнала в 2009–2015 гг. (по данным РИНЦ)

	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Импакт-фактор	0,033	0,938	1,709	0,352	0,260	0,553	0,372
Импакт-фактор без самоцитирований	0,017	0,875	1,624	0,301	0,225	0,522	0,316

Много внимания уделялось расширению доступности публикуемых материалов для возможно более широкого круга заинтересованных читателей. Именно поэтому была сделана ставка на превращение издания «Былые годы» в журнал открытого доступа. В октябре 2011 года журнал был включен в одну из престижных датабаз открытого доступа – Directory of Open Access Journals (DOAJ, Швеция). DOAJ является датобазой второго рейтинга.

Осенью 2012 года российский исторический журнал «Былые годы» был включен в базу данных Scopus (компания Elsevier, Нидерланды). В результате все статьи, начиная с мартовского номера за 2012 год, начали индексироваться в этой перворейтинговой международной датобазе.

Таблица 2. «Былые годы» в Scopus

	Годы		
	2013	2014	2015
H Index	1	2	3
Квартиль	Q4	Q2	Q1
SJR	0,100	0,159	0,324

Примечания: <http://www.scimagojr.com/journalsearch.php?q=21100219925&tip=sid&exact=no>

По результатам 2015 года, согласно данным Scopus (http://www.scimagojr.com/journalrank.php?category=1202&page=3&total_size=943), «Былые годы» занял второе место среди 62 журналов Восточной Европы, которые специализируются на истории. В общемировом зачете журнал занимает 117-ю позицию среди 943 журналов. Гораздо лучше позиции у журнала среди мировых исторических журналов, находящихся в открытом доступе, издание занимает 7-е место, что обеспечивает ему вхождение в первую десятку.

Примерно в это же время журнал был включен в коллекцию Historical Abstracts американской датобазы EBSCO (<http://ebSCO.com>).

В 2013 году журнал был включен в российскую англоязычную датобазу открытого доступа Open Academic Journals Index (<http://oaji.net/>).

В 2015 г. издание было включено в норвежскую базу данных ERIH PLUS European Reference Index for the Humanities and the Social Sciences (<https://dbh.nsd.uib.no>).

В декабре 2015 года журнал был включен в коллекцию Emerging Sources Citation Index первореитинговой международной базы данных Web of Science (компания Thomson Reuters, США). В результате статьи, опубликованные в нем, начиная с марта 2015 года, уже индексируются в Web of Science.

Заклучение

Подводя итоги, необходимо отметить, что первое десятилетие (2006–2016 гг.) стало временем становления и дальнейшего развития российского исторического журнала «Былые годы». За это время он проделал путь от выходявшего ограниченным тиражом краеведческого издания, ограниченного рамками истории города Сочи, к одному из ведущих региональных, а затем и российских исторических журналов открытого доступа.

В настоящее время журнал «Былые годы» стал специализированным изданием по истории Российской империи и Европы в период 1613–1917 гг., что позволяет ему четко определить свое место в массиве современной научной периодики. Публикации на страницах журнала ведущих российских и зарубежных специалистов, неизменно вызывающие интерес у широкого круга читателей, а также высокие рейтинговые показатели индексирования в различных базах данных позволяют утверждать, что он относится к числу наиболее востребованных исторических изданий, перспективы развития которых не вызывают сомнений.

Литература

- Бугай, 2012** – *Бугай Н.Ф.* Принудительные переселения – механизм осуществления национальной политики в государстве. 1930–1950-е годы. // *Былые годы.* 2012. № 4 (26). С. 31-41.
- Земсков, 2012** – *Земсков В.Н.* О масштабах политических репрессий в СССР (против спекуляций, извращений и мистификаций) // *Былые годы.* 2012. № 4 (26). С. 6-17.
- Щетнев, 2006** – *Щетнев В.Е.* Краеведение и историческая наука // *Былые годы.* 2006. № 1. С. 3-6.
- Biriukov et al., 2016** – *Biriukov P.N., Ustinovich E.S., Shelengovskiy P.G.* (2016) Censorship and Printing in the Caucasus at the end of XIX – early XX centuries. *Bylye Gody.* (1), 39: 166-172.
- Cherkasov et al., 2016** – *Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Shmigel M., Molchanova V.S.* (2016) Demographic characteristics of the Aristocratic Abkhazia in 1800–1860 years. *Bylye Gody.* (1), 39: 53-66.
- Cherkasov et al., 2016a** – *Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S.* (2016) The Demographic Characteristics of the Tribes of the Black Sea Region in the first half of the XIX century. *Bylye Gody.* (2), 40: 382-391.
- Degtyarev, 2015** – *Degtyarev S.I.* (2015) Bessarabian Functionaries in the Epistolary Legacy of Ivan Sergeevich Aksakov. *Bylye Gody.* (2), 36: 254-259.
- Gvarliani et al., 2015** – *Gvarliani T.E., Vidishcheva E.V., Rassolov I.M.* (2015) The Development of Agriculture and Trade Relations in the Caucasus in the Early 20th Century. *Bylye Gody.* (4), 38: 1039-1046.
- Khlynina, 2015** – *Khlynina T.P.* (2015) «In Order to Strengthen the Protection of Rostov Mobilized Population»: the Construction of Fortifications Autumn 1941 – Summer 1942. *Bylye Gody.* (2), 36: 434-441.
- Krinko, Khlynina, 2014** – *Krinko E.F., Khlynina T.P.* (2014) Milestones of Return of «Forgotten War»: Main Trends and Stages in the Development of Domestic Historiography of the First World. *Bylye Gody.* (3), 33: 296-305.
- Magsumov, Nizamova, 2015** – *Magsumov T.A., Nizamova M.S.* (2015) The Country Council Work on Extracurricular Enlightenment of Adults in the Volga-Ural Region. *Bylye Gody.* (4), 38: 1001-1010.
- Menkouski, et al., 2015** – *Menkouski V., Smigel M., Cherkasov A.A.* (2015) Contemporary European historiography of Stalinism: Tradition and new Research Strategies for Central and Eastern Europe (Statement of the Problem). *Bylye Gody.* (1), 35: 192-196.
- Mitiukov, 2016** – *Mitiukov N.W.* (2016) Ship's biographies as a source of the Spanish-Russian naval cooperation. *Bylye Gody.* (1), 39: 76-82.
- Mironov, 2015** – *Mironov B.N.* (2015) Russia and the West: «Different Time Zones». *Bylye Gody.* (3), 37: 602-622.
- Šmigel', Cherkasov, 2013** – *Šmigel' M., Cherkasov A.* (2013) The 14th waffen-grenadier-division of the SS Galizien Nr. 1 in Slovakia (1944-1945): Battles and repressions. *Bylye Gody.* (2), 28: 61-72.
- Uhl, 2013** – *Uhl K.* 'Oppressed and Brainwashed Soviet Subject' or 'Prisoners of the Soviet Self'? Recent Conceptions of Soviet Subjectivity. *Bylye Gody.* (2), 28: 4-10.

References

- Bugai, 2012** – *Bugai N.F.* (2012) Prinuditel'nye pereseleniya – mekhanizm osushchestvleniya natsional'noi politiki v gosudarstve. 1930–1950-e gody [Forced Resettlements – Mechanism in Carrying Out the National State Policy in 1930–1950s]. *Bylye Gody.* (4), 26: 31-41.
- Zemskov, 2012** – *Zemskov V.N.* (2012) O masshtabakh politicheskikh repressii v SSSR (protiv spekulyatsii, izvrashchenii i mistifikatsii) [Political Repressions in USSR (Against Speculations, Perversion and Mystifications)]. *Bylye Gody.* (4), 26: 6-17.

- [Shchetnev, 2006](#) – *Shchetnev V.E.* (2006) Kraevedenie i istoricheskaya nauka [Regional studies and historical science]. *Bylye Gody.* (1), 1: 3-6.
- [Biriukov et al., 2016](#) – *Biriukov P.N., Ustinovich E.S., Shelengovskiy P.G.* (2016) Censorship and Printing in the Caucasus at the end of XIX – early XX centuries. *Bylye Gody.* (1), 39: 166-172.
- [Cherkasov et al., 2016](#) – *Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Shmigel M., Molchanova V.S.* (2016) Demographic characteristics of the Aristocratic Abkhazia in 1800–1860 years. *Bylye Gody.* (1), 39: 53-66.
- [Cherkasov et al., 2016a](#) – *Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S.* (2016) The Demographic Characteristics of the Tribes of the Black Sea Region in the first half of the XIX century. *Bylye Gody.* (2), 40: 382-391.
- [Degtyarev, 2015](#) – *Degtyarev S.I.* (2015) Bessarabian Functionaries in the Epistolary Legacy of Ivan Sergeyevich Aksakov. *Bylye Gody.* (2), 36: 254-259.
- [Gvarliani et al., 2015](#) – *Gvarliani T.E., Vidishcheva E.V., Rassolov I.M.* (2015) The Development of Agriculture and Trade Relations in the Caucasus in the Early 20th Century. *Bylye Gody.* (4), 38: 1039-1046.
- [Khlynina, 2015](#) – *Khlynina T.P.* (2015) «In Order to Strengthen the Protection of Rostov Mobilized Population»: the Construction of Fortifications Autumn 1941 – Summer 1942. *Bylye Gody.* (2), 36: 434-441.
- [Krinko, Khlynina, 2014](#) – *Krinko E.F., Khlynina T.P.* (2014) Milestones of Return of «Forgotten War»: Main Trends and Stages in the Development of Domestic Historiography of the First World. *Bylye Gody.* (3), 33: 296-305.
- [Magsumov, Nizamova, 2015](#) – *Magsumov T.A., Nizamova M.S.* (2015) The Country Council Work on Extracurricular Enlightenment of Adults in the Volga-Ural Region. *Bylye Gody.* (4), 38: 1001-1010.
- [Menkouski, et al., 2015](#) – *Menkouski V., Smigel M., Cherkasov A.A.* (2015) Contemporary European historiography of Stalinism: Tradition and new Research Strategies for Central and Eastern Europe (Statement of the Problem). *Bylye Gody.* (1), 35: 192-196.
- [Mitiukov, 2016](#) – *Mitiukov N.W.* (2016) Ship's biographies as a source of the Spanish-Russian naval cooperation. *Bylye Gody.* (1), 39: 76-82.
- [Mironov, 2015](#) – *Mironov B.N.* (2015) Russia and the West: «Different Time Zones». *Bylye Gody.* (3), 37: 602-622.
- [Šmigel', Cherkasov, 2013](#) – *Šmigel' M., Cherkasov A.* (2013) The 14th waffen-grenadier-division of the SS Galizien Nr. 1 in Slovakia (1944-1945): Battles and repressions. *Bylye Gody.* (2), 28: 61-72.
- [Uhl, 2013](#) – *Uhl K.* 'Oppressed and Brainwashed Soviet Subject' or 'Prisoners of the Soviet Self'? Recent Conceptions of Soviet Subjectivity. *Bylye Gody.* (2), 28: 4-10.

УДК 002.53

**Российский исторический журнал «Былые годы» (2006–2016 гг.):
итоги первого десятилетия**

Горан Райович ^{a, *}, Джелисавка Булатович ^b

^a Международным сетевым центром фундаментальных и прикладных исследований, Российская Федерация

^b Колледж текстильного дизайна, технологии и управления, Сербия

Аннотация. В статье рассматривается история развития российского исторического журнала «Былые годы» в 2006–2016 гг. Уделено внимание процессу становления журнала, изменению формата и тематической направленности издания. В качестве материалов были использованы открытые ресурсы, на которых представлена информация о журнале. Библиометрические и статистические данные были привлечены с платформ Российского индекса научного цитирования, Directory of Open Access Journals, Open Academic Journals Index, Scopus и Web of Science.

В заключении автор отмечает, что первое десятилетие (2006–2016 гг.) стало временем становления и дальнейшего развития российского исторического журнала «Былые годы». За это время он проделал путь от выходявшего ограниченным тиражом краеведческого издания, ограниченного рамками истории города Сочи, к одному из ведущих региональных, а затем и российских исторических журналов открытого доступа.

Ключевые слова: российский исторический журнал «Былые годы», историческая периодика, 2006–2016 гг., А.А. Черкасов.

* Корреспондирующий автор

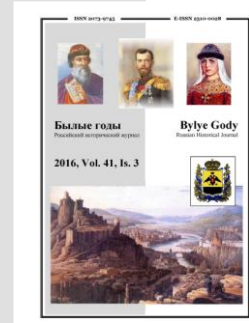
Адреса электронной почты: dkgoran.rajovic@gmail.com (Г. Райович), jelisavka.bulatovic@gmail.com (Д. Булатович)

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 41, Is. 3, pp. 555-564, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 93

The Evolution of Christianity in the Caucasus in the IV–XVIII Centuries

Aleksandr A. Cherkasov ^{a, d, *}, Vladimir G. Ivantsov ^b, Michal Smigel ^a, Violetta S. Molchanova ^c

^a Matej Bel University, Slovakia

^b Sochi state university, Russian Federation

^c International Network Center for Fundamental and Applied Research, Russian Federation

^d East European History Society, Russian Federation

Abstract

The article discusses the history of christianity in the Caucasus in the IV–XVIII centuries. The main attention is paid to the complex process of the formation and fate of christianity among the various peoples of the region, the role of Byzantine, Georgian and Russian christian missionaries.

Among the sources there are used the pre-revolutionary materials on the history of christianity in the Caucasus, as well as scientific publications. The decision of research tasks is based on the principle of historicism. The problem of the spread of christianity in the Caucasus, while maintaining the pagan beliefs are seen as a consequence of specific socio-historical conditions, in the formation of which the important role was played by external factors, and also the conservative mentality of highlanders.

In conclusion, the authors note that every of the caucasian peoples had its story of the spread and adoption of christianity in the Caucasus. On the one hand, the ancient christian Armenia and Georgia, relatively quickly emerging with paganism, on the other, the mountain tribes, who had no public began taking christianity in the reduced forms under the influence of Byzantium, Georgia, Russia with the broad preservation of pagan beliefs. Ultimately, under the influence of the first Crimean khans, and then the Ottoman Empire, these tribes have consistently converted to Islam.

Keywords: Byzantium, Georgia, Turkey, Russia, christianity, paganism, Islam, the caucasian peoples, toponyms.

1. Введение

История распространения христианства на Кавказе в рассматриваемое время, анализ периодов его успехов, отступлений и угасания у различных народов региона нашли отражение в научной литературе. Следует отметить, что эта литература основана на имеющихся письменных источниках, начиная с древнейших времен. При этом материалы корпуса источников по избранной теме не в полной мере введены в современный научный оборот. Исходя из этого, авторы определяют актуальность статьи, опираясь на ряд материалов и источников второй половины XIX века.

2. Материалы и методы

2.1. В качестве источников привлечены дореволюционные свидетельства по истории христианства на Кавказе, а также научные публикации.

2.2. Решение исследовательских задач основано на принципе историзма. Проблемы распространения христианства на Кавказе при сохранении языческих верований рассматриваются как следствие конкретных социально-исторических условий, в формировании которых важную роль играли внешние факторы, а также консервативность ментальности горских народов. Статья

* Corresponding author

E-mail addresses: sochio03@rambler.ru (A.A. Cherkasov), V-ivantsov@rambler.ru (V.G. Ivantsov), michal.smigel@umb.sk (M. Smigel), v.molchanova_1991@list.ru (V.S. Molchanova)

рассматривает определенный аспект темы, нашедший отражение в использованных источниках и литературе.

3. Обсуждение и результаты

Кавказ исторически является уникальным по своей сложности полиэтничным, поликонфессиональным и поликультурным регионом.

Фавст Византийский, писатель IV века, свидетельствовал, что в армянском городе Зарехаване насчитывалось 5 тыс. армянских и 8 тыс. еврейских семейств; в городе Ерундашате 30 тыс. еврейских дымов, в Нахчаване 16 тыс. и т.д. (П.У., 1869: 6)

Д.З. Бакрадзе, историк, этнограф, член-корреспондент Императорской Санкт-петербургской Академии наук, опираясь на древние источники, писал, что Греческая империя на Востоке напоминала папскую монархию в Риме. То было не государство, состоящие из той или другой нации или расы, но учреждение, бывшее наследием рода человеческого. Святая иерархия византийская, как и священная коллегия римских кардиналов, вербовалась из знатных лиц едва ли не всего мира. В средние века мы видим на папском престоле итальянцев, французов, англичан, немцев, испанцев. Также точно мы видим в Византии императоров из армян, исавров, славян, как и из самих византийцев. В Византии вообще во внимание принимались не язык и не национальность, но крещение; одно лишь крещение открывало варвару-неофиту дверь в управление, как и в самую церковь (Бакрадзе, 1882: 56).

Удивительное зрелище представляла собой византийская армия. Так, армия Юстиниана состояла из антов, славян, готов, герулов, вандалов, ломбардов, армян, персов, мавров, гуннов; они сражались в Италии, Испании, Африке, Египте, на Дунае и на Ефрате. Преобладание в армиях византийских императоров и при дворе принадлежало представителям двух народов: славянского и армянского (Бакрадзе, 1882: 57).

Что касается присутствия еврейского элемента на Кавказском перешейке, то оно ознаменовалось, между прочим, явлением, которому не находим подобного в целой истории. Правда, что оно случилось спустя много веков уже после Р.Х. С северной стороны к Кавказу прилегало сильное царство Хазарское. Хазары, согласно исследованиям, были в главной массе своей народом финского происхождения, следовательно, совершенно чуждым евреям, но, несмотря на это большая часть подданных хазарского кагани приняла иудейскую веру (При этом в Хазарском каганате исповедовали и христианство, и мусульманство. – Авт.). Это тем более интересно, что дух прозелитизма во все времена был чужд евреям. Они считали себя избранным народом Божьим, не только, как верующие в истинного Бога, но и как сыны Авраамовы. Неверие могли они утратить это высокое преимущество, но чужеземцы верою не приобретали его. Обращение хазаров в иудейство свидетельствует о том, как некогда элемент этот, даже пассивно, сильным был в странах, где теперь едва заметно его присутствие (П.У., 1869: 7).

В Армении христианство начало распространяться во II–III вв. В 301 году армянский царь Тиридат III провозгласил христианство государственной религией. Следом, в начале IV в. христианство принял и грузинский царь Мириан (265–342 гг.) (Отечественная история, 1994: 105, 642).

Обращение Грузии в христианство приписывается проповедям уроженки Иерусалима, которая у грузин именуется Нино, у армян Нуне, а у греческих писателей Нонна, что значит по-латыни монахиня. В Иерусалиме было предание, что хитон Господень сокрыт в Мцхете, и св. Нина возгорела желанием увидеть драгоценную святыню и возвести слово Божие в Иберии (П.У., 1869: 14-15).

Несмотря на принятие христианства армянским и грузинским царями, идолопоклонничество нескоро исчезло между их подданными. Христианская ревность новообращенных князей армянских подвигла их к ожесточенному и кровавому преследованию идолопоклонников, о чем подробно рассказывает историк Зенобий. В Грузии и спустя 200 лет после обращения в христианство царя Мириана, сохранялись еще идолы и жертвенники на горе Заден, в виду царской столицы. Местных средств к распространению христианства, по-видимому, было недостаточно и около 550 года, с благословения знаменитого подвижника Симеона Столпника, в Грузию прибыла миссия проповедников, известных в грузинской церковной истории под именем 13 сирийских отцов. Они почитаются основателями знаменитейших монастырей и церквей в крае и святыми, которые завершили дело, начатое мцхетскими евреями и св. Нино (П.У., 1869: 15).

Анализируя отрывочные сведения о распространении христианства на Кавказе грузинскими, армянскими и агованскими проповедниками, нельзя не прийти к выводу, что семя Слова божия никогда не дозревало там до благословенной жатвы: всходы уничтожаемы были невзгодами. Причины объяснить не трудно. Дагестан отделен от Грузии и от плоской части Аговании трудно проходимыми естественными рубежами. Поэтому влияние грузинских, армянских или агованских царей никогда не могло утвердиться в горах. Иногда горцы, отдельными группами, следуя различным побуждениям, признавали власть того или иного государя, но такая покорность была совершенно мнимая. Горцы без труда изъясляли покорность, потому что не считали ее для себя обязательной, или сколько-нибудь стеснительной для своей независимости. Столь же легко принимали они и христианскую веру, как и отказывались от нее (П.У., 1869: 15).

Одним из доказательств наличия еврейской диаспоры в регионе может служить свидетельство, оставленное английским путешественником Э. Спенсером: «Известно, что некоторые рода, живущие в Абазии, произошли от ранних иудеев, обращенных в христианство, кои, будучи преследуемы своими соплеменниками и правителями Римской империи, бежали на Кавказ и здесь поселились». Свою точку зрения Э. Спенсер подкреплял личными наблюдениями, отмечая, что «черты лиц некоторых родов и сегодня еще несут на себе печать их еврейского происхождения; а их религия по сей день является смешением иудаизма с христианством» (Спенсер, 2008: 159).

В настоящее время евреи живут небольшими общинами в разных местах Кавказа, даже в глубине гор. Наибольшее число их находится в Азербайджане, Дагестане и в Имеретии. Между дагестанскими евреями существует предание, будто предки их покинули Палестину еще до Р.Х.

Не может не вызывать интереса и еще одно весьма важное обстоятельство, которое указывает на южное происхождение абазин. Известно, что горцы Черноморья испытывали весьма трепетные чувства к своим священным рощам, родникам и т.п. Природу этого явления раскрыл Э. Спенсер, который на данный вопрос получил у абазин ответ: «Наши отцы, прибыв из опаленной пустыни, обнаружили благое пристанище под их освященной веками тенью» (Спенсер, 2008: 180).

На значимость языческих воззрений для горцев указывает следующее. Срубить дерево в священных рощах или лишить их висящих на них приношениях считалось богохульством и по закону человек, совершивший подобную кражу, наказывался смертью. Если учесть, что за убийство у горцев Черноморья полагался штраф, то можно сравнить отношение судопроизводства в светских и духовных вопросах (Cherkasov et al., 2014: 150-154).

На важное значение в христианизации Причерноморья и Черкесии деятельности византийского императора Юстиниана, указывает В.Б. Пфаф, доктор права, член Кавказского отделения Русского географического общества. В 562 году Юстиниан заключил мир с персами, и Лазия была возвращена Византии. Мир с персами позволил переключить внимание императора на горцев Кавказа. После одной из экспедиций в Осетию, Юстиниан, вероятно, присвоил себе в своем титуле прозвище Alanicus (т.е. Аланин – Авт.). Ему подчинились все горские племена от Терка до Тамани. Больше всего под его влиянием находились абхазы и черкесы, обитавшие тогда в горах западной части Кавказа и около устьев р. Кубани. С этого времени между этими горцами стало с большим успехом распространяться христианство, так что в сказаниях различных народов Западного Кавказа, когда говорится о «горе Черкесской», обычно прибавляется «страна христиан». Везде по западному Кавказу проповедовали греческие миссионеры. Есть версия, что Юстиниан учредил епископства в Никопсисе, на полуострове Тамани, на горе Касбуруне, близ нынешнего Нальчика, то есть в стране алан (Пфаф, 1874: 7-8).

В Осетии миссионеры Юстиниана могли иметь успех потому, что осетины ко всеобщему принятию христианства были уже некоторым образом подготовлены в I-м веке. Впрочем при известной дикости массы осетин того времени, нельзя и предполагать о существовании у них истинного христианства; можно предполагать только о знакомстве их с обрядностью средневекового христианства (Пфаф, 1874: 8).

В VI веке во время продолжительных войн Юстиниана с шахом Хосроем, веденных частью в пределах Грузии, эта страна была уже вполне христианскою. Историк этих войн Прокопий Кесарийский свидетельствовал о предках грузин: «иберы – христиане, и лучше всех известных нам народов хранят уставы христианского вероисповедания» (Цагарели, 1891: 3-4).

Ситуацию, связанную с ослаблением Грузии, а затем падением Константинополя описывает А.А. Цагарели, профессор Санкт-Петербургского университета. Арабское владычество хотя и задержало на время рост христианской культуры Грузии, но с ослаблением арабов и усилением Византии в X веке Грузия, в период правления династии Багратидов, снова усиливается. X–XII вв. в истории Грузии по справедливости могут считаться веками полного политического и военного могущества, расцвета литературы, искусства и общественной жизни. Этому золотому веку Грузии положило конец нашествие монголов в начале XIII века. С упадком же могущества монголов усиливаются в Малой Азии османские турки, завоевавшие Константинополь в 1453 году. Это было событием величайшей важности вообще для всех восточных христиан, видевших в Византии естественную опору и покровительницу христианской церкви и христианских народов Востока. Но падение Константинополя было особенно чувствительно для Грузии, тысячелетней союзнице Византии, с которой она была соединена узами единоверия, родством царствовавших династий, христианскою культурою, политическими и военными интересами. Вскоре после занятия турками Царьграда римские папы старались поднять западных и восточных христиан против турок. Пий II послал в Азию монаха Людовика Болонского, чтобы проповедовать новый крестовый поход против турок для освобождения Константинополя и Св. земли. В апреле 1459 года, император трапезундской империи Давид, писал римскому папе, что он сам и его союзники – грузинские цари и владетели, равно некоторые недовольные мусульманские князья готовы начать войну против турок с целью изгнания их из Св. мест и Константинополя. Союзники уже собрались у моря, чтобы выступить в поход, но французский король Филипп не решился опривиться сам лично в поход и, отчасти, вследствие этого, экспедиция расстроилась. До нас дошли, кроме письма трапезундского императора Давида к папе и письма грузинского царя Георгия и Ахалцихского владетеля к Римскому

первосвященнику. Грузинские цари и владетели писали в Рим, что они могут выставить в поход против турок более 100 тыс. воинов (Vasiliev, 1936: 281), и что если латиняне в то же время атакуют турок со стороны Греции, то в одно лето можно будет кончить поход: прогнать турок и взять Антиохию, Бруссу и Константинополь (Цагарели, 1891: 5).

Но случилось другое. Через три года после этой предполагаемой экспедиции Трапезунд постигла участь Константинополя – он был взят турками в 1462 году. В XIII и XIV веках, до владычества турок, в Передней Азии господствовали египетские мамелюки и монголы, которые вели между собой продолжительные кровопролитные войны из-за обладания Сирией и Палестиной. Христиане в это время не могли особенно пожаловаться на большие стеснения с их стороны; напротив того, соперники, желая привлечь на свою сторону христианское население этих стран, давали им некоторые привилегии как в местах их жительства, так и в Св. земле. В особенности монголы, которые до принятия ими мусульманства, относились с большой терпимостью к христианской церкви и народам. Но, спустя лет 60 после падения Константинополя, когда турки в 1516 и 1517 гг. завоевали Сирию, Палестину, Египет и таким образом сделались единственными и полновластными повелителями всех стран, начиная с Кавказских гор до берегов Нила включительно, тогда положение христиан сделалось сложным. Были ограничены права христианских братств, установлен особый налог на церкви и монастыри; если христианская община не в состоянии была платить непомерно высокий налог за свой монастырь, то турецкие власти немедленно отбирали его и продавали той общине, которая предлагала им платить за монастырь и больше, и аккуратнее. Именно таким образом в 1559 году францисканцы получили от турок за большую плату древнейший грузинский монастырь Св. Иоанна Богослова, переименованный ими в монастырь Спасителя (S.-Salvator) (Цагарели, 1891: 6).

В самой Грузии, распавшейся под влиянием этих событий во второй половине XV века на три царства и несколько княжеств, положение церкви и народа стало сложным. С конца XV в. происходили войны грузин с Персией и Турцией, кончившиеся в первой половине XVI в., разделением сферы влияния на Грузию: восточная ее часть осталась под политическим влиянием Персии, западная – под влиянием Турции. Кроме того, турки овладели южной Грузией с городом Ахалцихом, доминирующим над Тифлисом и восточным берегом Черного моря, где построили крепости и могли во всякое время высадить свои войска. При этом турки старались распространить магометанство среди грузинского народа, в чем отчасти и преуспели. Вторжения османов в западную Грузию (Имеретию) в XVI и XVII веках ознаменовались опустошениями и жестокостями. Свидетелями этих турецких варварств служат руины одного из лучших памятников церковной архитектуры X–XI вв. грузино-византийского стиля – знаменитого собора царя Баграта в Кутаиси (Цагарели, 1891: 7).

Для поддержки Грузии патриархи православных восточных церквей своими грамотами и посланиями к грузинским царям и католикосам, равно и личным посещением Грузии оказывали большую нравственную поддержку грузинской церкви и народу. Но силе необходимо было противопоставить силу. Греки, рассеявшиеся после взятия турками Константинополя по разным странам, пришли во множестве также и в Грузию, в особенности после падения Трапезунда, и без сомнения, немало способствовали сближению России и Грузии. Грузинскими посланниками в Россию часто были греки, и сами грамоты грузинских царей нередко писались по-гречески. Заметим, что еще до XVI века грузины встречались с русскими и в Царьграде, и на Афоне, и в Св. земле (Цагарели, 1891: 7-8).

Одним из путей распространения христианства являлась река Кубань с ее притоками, которая с древнейших времен была торговым путем на Северном Кавказе. Этим путем распространялось христианство среди горских племен черкесов, известных под названием кабардинцев, абазинцев, абадзехов, бжедухов, натухайцев, с которыми греческие колонии Крымского полуострова вели торговлю. Свидетельством тому служат сохранившиеся христианские памятники.

Известный кавказовед Л.Я. Люлье, живший среди черкесов и знавший их язык, в статье, изданной в 1866 г. писал: «И ныне видны развалины храмов христианских во многих местах в стране черкесов (адыге) по верховьям реки Кубани, в особенности по северному склону от перевала через Главный Кавказский хребет в Абхазию» (Люлье, 1990: 26).

Военный историк П.О. Бобровский сообщает, что в уезде Баталпашином Кубанской области в ущелье Большого Зеленчука с благословения Святейшего Синода во второй половине XIX века была открыта иноческая Свято-Александро-Афонская Зеленчукская обитель на том месте, где, по всем признакам, существовал город, населенный христианами, и где сохранились еще развалины трех христианских церквей (Бобровский, 1893: 25).

Успехи распространения христианства между черкесами-адыге были приостановлены в XI столетии. Адыге подпали сначала под власть хазар, потом половцев и, наконец, в XIII столетии монголо-татар, принявших в XIV веке мусульманство, распространявшееся огнем и мечом. Христианские храмы на землях черкесов с этого времени запустели, но в памяти черкесских народов сохранились многие признаки принадлежности их предков к христианской греко-восточной церкви.

Приостановление распространения христианства, его причины и последствия Л.Я. Люлье характеризовал следующим образом. С ослаблением влияния Грузии на кавказские племена

христианская вера у них, от недостатка проповедников, неизбежно пришла в упадок. С падением Византии и появлением вместо ее турецкого владычества «все морское побережье впало во мрак невежества и варварства» (Люлье, 1990: 26).

После присоединения в 1783 году Крыма и Закубанья к России, жаждавшая реванша Турция сделала ставку на исламизацию черкесских народов, разжигая в их среде ненависть к русскому присутствию в регионе.

Черкесы становились опасными своими неожиданными нападениями небольшими группами до 50 человек на русские посты, создаваемые на реке Кубани. Переправившись ночью через реку, группы черкесов проскакивали далеко в русские пределы, захватывали пленных, грабили жителей, отгоняли скот. Под влиянием мусульманской пропаганды, твердившей о грозившей опасности от русских с севера, черкесы стали собираться в крупные скопища до 4 тыс. человек и под предводительством своих князей или избранных храбрейших воинов являлись серьезными союзниками турок, желавших удержать свое господство на Кавказе (Бобровский, 1893: 26).

Со своей стороны отметим, что не только распространившийся ислам сам по себе усиливал конфронтацию с русскими, которые укреплялись на Северном Кавказе и стремились к дальнейшему продвижению. Свою роль играли и нараставшие социально-экономические проблемы, связанные с землевладением у горцев.

С XV века на Кавказе начинаются поземельные споры, а в связи с этим кровавая вражда. Причиной этому стала положительная демографическая динамика у кабардинцев, размножившись на плодородной плоскости. Кабардинцы стали постепенно оттеснять соседних осетин все дальше к югу и, наконец, заперли их совсем в неприступных ущельях. Вследствие давления с севера осетины, покидая свои территории, переходили постепенно за Кавказ и населяли оставленные грузинами или насильно отнятые у них ущелья. Но с течением времени и последние ущелья так густо населялись, что не было уже возможности отбрасывать нарождавшееся население с севера на юг. С юга только с великим трудом можно было доставить хлеб, а с севера не могло быть никакой доставки его, так как кабардинцы, усиливая вражду, ни одного осетина не впускали на равнинную часть. В то время роскошные и величественные горные ущелья Осетии представляли вид самой страшной темницы, где отцы и матери убивали своих малолетних и даже взрослых детей, для того, чтобы не дать им умереть мучительно голодной смертью. С этого времени убийство и выкидывание детей сделалось у осетин народным обычаем. Перенаселенность породила моровые язвы. Смертность и без общепринятого детоубийства достигла значительных размеров. Это порождало многочисленные распри и грабежи. В ходе этой войны не было генеральных сражений, а лишь мелкие стычки, поединки и нападения с целью захвата пленных. Здесь все средства были хороши, лишь бы только истребить врага без пощады и без даже признаков международного права. Все споры между отдельными семействами из-за земель на равнине заканчивались ссорами, драками, убийствами, они в свою очередь порождали кровную месть, которая была страшнее всякой войны. Когда раздоры начались в среде семейств и родов, тогда случалось, что семейства, преследуемые кровною местию, целые годы проводили в своих башнях, не выходя из них ни на шаг (Пфаф, 1874: 86-87, 100).

Были и другие особенности войны на Кавказе. Так, осетин, как представитель своего этноса, был совершенно различного от кабардинца склада. Хотя ему в продолжение всей его истории чрезвычайно редко удавалось наслаждаться спокойствием, он, однако, в глубине души любит спокойствие, тишину, удобства. Свирепым бойцом он может сделаться и делается только по принуждению. Напротив, кабардинец – нрава воинственного, беспокойного; мирным, покорным и любящим удобства тишины он в состоянии делаться только в качестве раба. Эта противоположность в характерах соседних народов породила глубокие различия в их общественном устройстве. Осетин – демократ, патриархал. Напротив, кабардинец аристократ, феодал (Пфаф, 1874: 88).

Осетины были христианами с первых веков до 931 года при византийских священниках. Затем в XII–XIII вв. они снова возвратились в христианство, но уже при грузинских священниках (Пфаф, 1874: 91).

Кабардинцы же, по сведениям С.М. Броневского, еще в начале XVIII века не имели точного вероисповедания. По показаниям самих кабардинцев не более 80 лет прошло как они совершенно отпали от христианской церкви и «прилепились к магометанству» (Броневский, 1999: 165).

Война между кабардинцами и осетинами, по утверждению В.Б. Пфафа, продолжалась вплоть до XIX века. На наш взгляд следует указать на то, что на последнем ее этапе в XVIII веке когда кабардинцы приняли ислам, а осетины в основном оставались христианами, это конфессиональное различие стало играть деструктивную роль.

Эволюция религиозных воззрений осетин в изложении В.Б. Пфафа следующая. После изгнания священников в XIV веке осетины возвратились к своей старинной языческой религии, которая всегда, даже в лучшие времена христианства, имела у них многочисленных последователей. Для объяснения этой языческой религии, необходимо отметить что, так как осетины принадлежали к семитскому племени, то религия Зороастра не могла у них распространиться, несмотря на то, что как нарты, так и аланы были иранцами. У семитов каждый род представлял собой суверенное государство и имел свою собственную религию. Семитические Осы, конечно, не знали еще Моисеевых законов, так как они жили на Кавказе еще гораздо раньше XVI в. до Р.Х. Таким образом, у языческих осетин до сих пор

каждый род имеет своего бога или святого, который называется на коренном осетинском языке – «дзуар». Это слово переводят обычно как «святой, покровитель», что не совсем точно; точные перевод понятия дзуар – «родовой бог». Подобному дзуару каждый род в известные дни года приносит свои жертвы. Жрецом дзуара (дзуари-лаг), прежде всего был старший в роде; а настоящее же время, когда патриархальный быт уже разлагается, жрецами являются и другие. Жрецы считаются в обществе безгрешными. В день праздника дзуара, каждый двор отдельно, в своих стенах, режет откормленного барана, быка и т.п. Потом следует жертвоприношение. Жертвоприношения напоминают древнееврейские жертвоприношения. Есть у них тоже нечто в роде libation пивом. Молящиеся приносят дзуару в дар драгоценные вещи, чтобы заслужить его покровительство. К месту жертвоприношения все отправляются пешком и большей частью босиком (Пфаф, 1874: 92-93).

Когда приходят к месту дзуара, мужчины отделяются от женщин и говорят между собой сначала не иначе как шепотом. Затем, приходят к каждому дзуари-лаг и отбирает дары и приношения. Последние состоят в кусочке ваты, с одной ниточкой канители и с мелкою серебряною монетой. Эта вата и ниточки тоже напоминают древнееврейские обычаи. От этого, вероятно, произошел так называемый циц, то есть шнурок, который, по словам еврейского путешественника, г-на Черного, каждый еврей, в знак своей веры, носит под поясом. Отобранные у молящихся вещи вносятся жрецом в дзуар; он один и имеет право входить в его капище. Остальные ни за что не вошли бы туда, так как они все верят, что от этого последовала бы смерть или тяжкая болезнь. Когда жрец возвращается назад, начинается общественное веселье, танцы, игры, попойка и т.д. Это действие называется «куфд» (Пфаф, 1874: 93).

Осетины очень не любят, если путешественники любопытствуют увидеть внутренность подобных капищ. Вот как выглядело это капище в Хцау-дзуар, в ауле Ладзе, в Куртати в описании В.Б. Пфафа: «В Хцау-дзуаре я видел кубический жертвенник, в половину роста человека; на нем было много стаканчиков, наполненных пивом, и различные приношения, в том числе и кусочки ваты» (Пфаф, 1874: 93-94).

У тех осетин, которые еще придерживаются языческих обычаев, христианские святые – св. Георгий, св. Илья и др. превратились в дзуары, которые приносят жертвы по тому же обряду. Кроме так называемых дзуаров, есть у осетин еще несколько особенных божеств, например, Авсати – покровитель скота, Саубарег – покровитель рабов и разбойников (Пфаф, 1874: 94).

По осетинскому уголовному праву, ни одно преступление и злодеяние, совершенное над чужим, то есть не принадлежащим к такому же роду, не считалось преступлением, но, напротив, удалством и геройством. Воровство совершалось совершенно открыто, не только между враждующими аулами, но и живущими между собой в дружбе. Если обворованный аул, защищал свое, убивал вора, то род, к которому принадлежал убитый вор, преследовал убийц кровной мстью, следовательно, воровство у осетин абсолютно не считалось преступлением. Был даже обычай: человек, отправлявшийся в ночное воровство, богу Саубарегу открыто в своем ауле приносил жертву (Пфаф, 1874: 100).

Необходимо отметить, что воровство считалось лихою у многих племен Кавказа. В обосновании этого своего поведения, например, абхазы приводили следующее предание: «Далеко в глубокой древности пришел какой-то святой человек и лег отдохнуть под деревом недалеко от берега реки Псырты. Как видно, путник шел издалека, потому что захотел отдохнуть, и, ложась, снял деревянные башмаки, которые и поставил около себя. Абхазцы воспользовались сном его и украли башмаки и сумку. Проснувшись, святой спросил, кто взял его вещи, и просил возвратить их. Когда эта просьба не была исполнена, то он изрек следующее проклятие: «будьте же вы ворами отныне и до века». – Поэтому мы и воруем, наивно прибавляли рассказчики» (А...ь, 1874: 1).

На Северо-Западном Кавказе приобщение населения к среде христиан также происходит с половины VI века, в период царствования Юстиниана-Августа. Юстиниан послал к абхазам одного из своих евнухов Ефрата (абхаза по рождению). В это время у абхазов был воздвигнут храм Божьей Матери в Пицунде. С этого времени Пицундский храм играет весьма важную роль не только в истории религии абхазцев, но и в политической жизни края. К XI веку весь абхазский берег был покрыт поселениями, монастырями, укрепленными замками и церквями. Присоединенная до 786 года то к Греции, то к Грузии, Абхазия при содействии константинопольских императоров приобретает самостоятельность и управляется своими царями. Пицунда служит резиденцией как духовных, так и светских властей и последнее продолжается до тех пор, пока абхазские цари не присоединяют к себе по наследству Грузию и не переносят свою резиденцию в Тифлис. Абхазия делается тогда самой отдаленной провинцией Грузинского царства и начинает постепенно приходить в упадок. Но Пицунда сохраняет свое значение как местопребывание главы местной церкви абхазского католикоса до 1795 года (А...ь, 1874: 3).

С падением Пицундского храма, можно сказать, пало христианство в Абхазии, еще немного поддерживавшееся проповедями монахов, бродивших по Абхазии, если не с миссионерской целью, то ради своих домашних дел (А...ь, 1874: 4).

Жиоржио Интериано, бывший в земле черкесов в первой половине XVI в., видел Черкесию свободной, христианскою и производившею довольно деятельную торговлю с крымскими татарами и итальянскими колонистами. С занятием турками Константинополя, влияние османов заметно возросло на всем Кавказе, а овладение некоторыми пунктами на берегу Черного моря, привело их в

тесные связи с черкесами (Cherkasov et al., 2015: 76-77). Здесь начинается первая пропаганда мусульманства, свидетелем которой был польский уроженец Жан-де-Мука, путешествующий в Черкесии в начале XVII века. Он и другой путешественник Ia Montraye ясно говорят о ненависти, которую питали черкесы к туркам и о том сопротивлении, которые оказывали их властолюбивым попыткам (Военная история, 1865: 259).

У России с Грузией завязываются более тесные сношения, прерванные при царе Иване Грозном вмешательством персидского шаха. Теперь уже сам шах предлагал уступить России Кахетию, если только Россия завоюет Шамхальство Тарковское и отнимет у турок находящийся в их руках Дербент, Шемаху и Баку. С такой же просьбой обратилось к царю Федору Ивановичу и прибывшие в Москву в 1586 г. посольство грузинского царя Александра. Сам царь Александр, прося заступничества у Федора Ивановича, писал ему: «Наступили времена ужасные для христианства, предвиденные многими Боговдохновенными мужами. Мы единоверные братья Россиян стонаем от нечестивых. Один ты венценосец православия можешь спасти нашу жизнь и душу» (Памятка гребенца, 1916: 56).

Монгольское, затем персидское и турецкое завоевания в XIII – XVIII вв. привели к ослаблению и распаду Грузинского царства, а также к падению политической роли Грузинской православной церкви. По трактату с Персией в 1732 году Россия признала невозможным защитить отдаленную Грузию. Прежнее отношение с Грузией возобновила императрица Екатерина II, употребив деятельные способы (Броневский, 1996: 146).

Положение изменилось в 1783 г. с принятием Георгиевского трактата и последующим вхождением Грузии в состав Российской империи и подчинением грузинской церкви Священному Синоду.

Возвращаясь к черкесским племенам, обратимся к свидетельствам конца XVIII века. В памяти черкесских народов жили, когда-то бывшие предметом сознательного поклонения, Ауз-гирге, т.е. Иисус греческий, пророки Яллия (Илья), Аймыс (Моисей). В быту удерживалось греческое деление годов и месяцев, почиталось воскресенье, которое черкесы считали «Божьим днем» и не работали; среда и пятница по-черкесски назывались малым и великим постом. Народ клялся именем Божьей Матери и Св. великомученика Георгия. В день Св. великомученика Георгия (23 апреля) черкесы ущелья Зеленчука и в настоящее время собираются к храму у Хумаринского укрепления, который, по преданиям, был посвящен в честь этого святого. Здесь они молятся и приносят жертвы (Бобровский, 1893: 28).

Рядом с обычаями, свойственными христианам, существовали обычаи и обряды чисто языческие. У черкесов имелись покровители стад овец, морских и речных вод, садов, лесов, охотников, наездников и в честь этих богов приносились жертвы. Повсюду имелись священные деревья, священные рощи (Бобровский, 1893: 28). В ряде мест Кавказа, например, на побережье Черного моря, ислам находился под запретом, поэтому для насаждения ислама здесь потребовалась целая социальная революция и гражданская война в горском обществе, которая имела место в 1785 году (Cherkasov et al., 2014a). Всего за 60 лет после гражданской войны религиозные фанатики подвергли прежнее христианско-языческое духовенство широкомасштабным гонениям. Христианская культовая атрибутика была подвержена уничтожению (Cherkasov et al., 2016).

Муллы и кадии, поставляемые большей частью Турцией, развили, мало по малу, религиозный фанатизм. После падения Крымского ханства они стали проповедовать ненависть к русским, уверяя, что «гяуры», принудившие Магомета спастись из Мекки в Медину, никто другие, как русские, что правочерных, павших в бою в войне с русскими, ожидают райские блаженства, а покоряющихся им – адские муки. Ислам, который поддерживал в народе веру в единого Бога, в бессмертие души и в загробную жизнь, не мог поколебать ни некоторых языческих обрядов и соблюдения обычаев, привитых христианскою верою по греческому обряду (Бобровский, 1893: 27).

Религиозные верования шапсугов, нагухайцев и убыхов, особенно низшего сословия, носили характер какой-то смеси христианства, язычества и магометанства. Наряду с почитанием священных рощ и жертвоприношениями, они поклонялись крестам и совершали обряд, напоминавший причащение, при котором чаша с вином заменялась деревянным сосудом, наполненным бузой (крепкой водкой), а просфора куском вареного пшена – гоми. Истинных мусульман среди населения встречалось очень мало. Это исключительно были люди, которые имели торговые сношения с турками или же вступившие с ними в самые тесные узы семейного родства (Тенгинский полк, 1900: 186).

В 1744 году Россией было создано Кавказское миссионерство или так называемая Осетинская миссия (подворье) целью которой было распространение и восстановление христианства среди кавказских горцев. Осетин тогда считалось до 15 тыс. человек. Значительная часть их, жившая на северном склоне Кавказского хребта и входившая в состав грузинского царства, исповедовала христианскую веру. Благодаря старанию грузинских проповедников, немало было христиан и среди ингушей, кабардинцев и других горцев еще до середины XV века (Цагарели, 1891: 36).

Вскоре после открытия подворья выяснилось, что его основали на земле, принадлежавшей Малой Кабарде. По требованиям владельца Большой Кабарды Стамбул формально протестовал против функционирования Осетинской миссии. В 1769 году «подворье наущением кабардинцев разорено вконец» (Броневский, 1996: 120).

До разорения Осетинская миссия показала, что с 1746 по 1764 год были обращены в христианство 2085 душ обоюбого пола. Однако, астраханский преосвященный по этому поводу доносил: «едва ли сей новопросвещенный народ о законе христианском имеет какое понятие» (АКАК, 1866: 83). Справедливость этого замечания была признана. Тем не менее, роль Осетинской миссии заключалась в том, что она возобновила распространение христианства на территориях Осетии и Кабарды.

В 1765 году в Моздоке была учреждена особая школа для преподавания новообращенным в христианство детям осетин и других горцев Закона Божия и русской грамоты. В 1777 году была открыта духовная семинария в Астрахани; в 1784 году в ней обучалось уже 9 воспитанников из осетин. В 1793 году в Моздоке была учреждена епископская кафедра (Цагарели, 1891: 37).

В своей миссионерской деятельности Осетинское подворье столкнулось с конкуренцией латинян. В 1765 году на подворье явились два католических священника с переводчиком, которые заявили, что имеют позволение от римского папы проповедовать слово Божие. Начальник Моздока приказал католиков не допускать к проповеди и выдворить. Донесение об этом выдворении было одобрено коллегией иностранных дел, которая предписала «иноверных проповедников стараться удалять» (АКАК, 1866: 83).

По имеющимся данным приемники Осетинского подворья Осетинской духовной комиссии к началу XIX века новообращенных в христианство горцев было 62249 человек, церквей – 53 и более 60 священников (Цагарели, 1891: 38).

Исследование истории восстановления христианства на Северном Кавказе и уточнение приведенной статистики о количестве новообращенных содержится в работе Е.А. Савенко (Савенко, 2011: 238-255).

4. Заключение

Распространение и утверждение христианства на Кавказе имело у каждого из народов региона свою историю. С одной стороны – древние христианские Армения и Грузия, относительно быстро покончившие с язычеством, с другой – горские племена, не имевшие никаких государственных начал, принимавшие христианство в урезанных формах под влиянием Византии, Грузии, России, при широком сохранении языческих верований. В конечном счете под влиянием сначала крымских ханов, а затем Османской империи эти племена последовательно исламизировались.

Процесс христианизации Кавказа имел свои этапы, тенденции и особенности, объективно обусловленные местными конкретными социально-историческими условиями, а также сильным влиянием внешних факторов. Особенностью эволюции христианства в регионе с его взлетами и падениями, являлся не только напор ислама извне, но и присущий народам Северного Кавказа консерватизм ментальности, где высоко ценился традиционный образ жизни, ценности вольности и независимости. Наконец усиление российского влияния на Северном Кавказе, в том числе в конфессиональной сфере происходило, когда исламизация в регионе уже дала свои плоды. Попытки восстановления христианства РПЦ к концу XVIII века на этих территориях дали минимальный результат.

Литература

- АКАК, 1866 – Акты Кавказской археографической комиссии. Т. 1. Тифлис, 1866.
- А...ъ, 1874 - А...ъ. Религиозные верования абхазцев // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1874. Вып. 5.
- Бакрадзе, 1882 - Бакрадзе Д.З. Об отношении Армении и Грузии к Византии вообще и в X веке в особенности // Известия Кавказского общества истории и археологии. 1882. № 1 (1).
- Бобровский, 1893 - Бобровский П.О. Кубанский егерский корпус 1786–1796 гг. СПб., 1893.
- Броневский, 1996 - Броневский С.М. Исторические выписки о сношениях России с Персией, Грузией и вообще с горскими народами в Кавказе обитающими со времен Ивана Васильевича донныне. СПб., 1996.
- Броневский, 1999 - Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Извлечения по Центральному и Северо-Западному Кавказу. Нальчик, 1999.
- Военная история, 1865 - Военная история грузинского гренадерского Е.И.В. Великого князя Константина Николаевича полка, в связи с историей Кавказской войны. / Сост. Г. Казбеком. Тифлис, 1865.
- Люлье, 1990 - Люлье Л.Я. Черкессия: Историко-этнографические статьи. Северо-Кавказский филиал МЦТК «Возрождение». 1990.
- Отечественная история, 1994 - Отечественная история: энциклопедия. В 5 т. Т. 1. М., 1994.
- Памятка гребенца, 1916 - Памятка гребенца. Очерк многовековой доблестной службы престолу и отечеству 1-го Кизляро-гребенского генерала Ермолова полка Терского казачьего войска и участия 5-й сотни в юбилейных торжествах 300-летия царствования Дома Романовых в городе Костроме. / Сост. под ред. А.Г. Рыбальченко, Б.С. Эсадзе. СПб., 1916.
- П.У., 1869 - П.У. Начало христианства в Закавказье и на Кавказе // Сборник сведений о кавказских горцах. 1869. № 2.

- Пфаф, 1874** - Пфаф В.Б. Материалы для истории осетин. // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1874. Вып. 5.
- Савенко, 2011** - Савенко Е.А. Вопросы периодизации распространения и восстановления христианства на Северном Кавказе // Проблемы и перспективы исследования церковной истории Северного Кавказа: материалы IV Свято-Игнатовьеских чтений. Г. Ставрополь. 11–12 мая 2011 г. Ставрополь, 2011. Вып. 2. С. 238–255.
- Спенсер, 2008** - Спенсер Э. Описание поездок по западному Кавказу, включая путешествие через Имеретию, Мингрелию, Турцию, Молдавию, Галицию, Силезию и Моравию в 1836 г. Нальчик, 2008.
- Тенгинский полк, 1900** - Тенгинский полк на Кавказе. 1819–1846 гг. / Сост. поруч. Ракович. Тифлис. 1900.
- Цагарели, 1891** - Цагарели А.А. Сношения России с Кавказом в XVI – XVIII вв. СПб., 1891.
- Cherkasov et al., 2014** - Cherkasov A.A., Šmigel' M., Ivantsov V.G., Ryabtsev A.A., Molchanova V.S. (2014) Hillmen of the Black Sea Province (early XIX century): Geography, demography, antropology. *Bylye Gody*. 32 (2): 150-154.
- Cherkasov et al., 2014a** - Cherkasov A.A., Menkovsky V.I., Ivantsov V.G., Ryabtsev A.A., Molchanova V.S., Natolochnaya O.V. (2014) The “Nobility” and “Commoners” in Ubykh Society: The Reasons behind the Social Conflict. *Bull. Georg. Natl. Acad. Sci.*, 8, 3: 64-72.
- Cherkasov et al., 2015** - Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S. (2015) The Daily Life and Morals of Circassian Society: A Historical-Comparative Investigation based on sources from the period between the Mid-16th and the First Half of the 19th centuries. *Brukenthal. Acta Musei*, X. 1: 76-77.
- Cherkasov et al., 2016** - Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Metreveli R.V., Molchanova V.S. (2016) The Destruction of the Christian Historical-Cultural Heritage of the Black Sea Area: Trends and Characteristics (the Late 18th and First Half of the 19th centuries). *Annales, Series Historia Naturalis*. 26 (1): 1-12.
- Vasiliev, 1936** - Vasiliev A.A. The Goths in the Crimea. Cambridge, 1936.

References

- АКАК, 1866** – Akty Kavkazskoi arkheograficheskoi komissii [Acts of the Caucasus archaeographic commission]. Т. 1. Tiflis, 1866.
- А...", 1874** - А...". Religioznye verovaniya abkhaztsev [The religious beliefs of the abkhazians] // Sbornik svedenii o kavkazskikh gortsakh. Tiflis, 1874. Vyp. 5.
- Bakradze, 1882** - Bakradze D.Z. Ob otnoshenii Armenii i Gruzii k Vizantii voobshche i v X veke v osobennosti [The attitude of Armenia and Georgia to Byzantium in general and in the X century in particular] // Izvestiya Kavkazskogo obshchestva istorii i arkheologii. 1882. № 1 (1).
- Bobrovskii, 1893** - Bobrovskii P.O. Kubanskii egerskii korpus 1786–1796 gg. [The Kuban Jaeger corps 1786-1796]. SPb., 1893.
- Bronevskii, 1996** - Bronevskii S.M. Istoricheskie vypiski o snosheniyakh Rossii s Persiei, Gruziiyu i voobshche s gorskimi narodami v Kavkaze obitayushchimi so vremen Ivana Vasil'evicha donyne [Historical statements about the relations of Russia with Persia, Georgia and all with the highlanders of the Caucasus dwelling from the time of Ivan Vasilyevich until now]. SPb., 1996.
- Bronevskii, 1999** - Bronevskii S. Noveishie geograficheskie i istoricheskie izvestiya o Kavkaze. Izvlecheniya po Tsentral'nomu i Severo-Zapadnomu Kavkazu [The latest geographical and historical news about the Caucasus. Extraction in the Central and North-Western Caucasus]. Nal'chik, 1999.
- Voennaya istoriya, 1865** - Voennaya istoriya gruzinskogo grenaderskogo E.I.V. Velikogo knyazyia Konstantina Nikolaevicha polka, v svyazi s istoriei Kavkazskoi voyny [Military history of the Georgian Grenadier E.I.V. Grand Duke Konstantin Nikolayevich regiment in connection with the history of the Caucasian war]. / Sost. G. Kazbekom. Tiflis, 1865.
- Lyul'e, 1990** - Lyul'e L.Ya. Cherkessiya: Istoriko-etnograficheskie stat'i [Circassia: historical and ethnographical articles]. Severo-Kavkazskii filial MTsTK «Vozrozhdenie». 1990.
- Otechestvennaya istoriya, 1994** - Otechestvennaya istoriya: entsiklopediya [National History: Encyclopedia]. V 5 t. Т. 1. М., 1994.
- Pamyatka grebentsa, 1916** - Pamyatka grebentsa. Ocherk mnogovekovoi doblestnoi sluzhby prestolu i otechestvu 1-go Kizlyaro-grebenskogo generala Ermolova polka Terskogo kazach'ego voiska i uchastiya 5-i sotni v yubileinykh torzhestvakh 300-letiya tsarstvovaniya Doma Romanovykh v gorode Kostrome [Grebensk memo. Essay centuries of glorious service to the fatherland and the throne of the 1st Kizlyar-Grebenskaya General Yermolov regiment Terek Cossack Army, and the participation of hundreds of 5th in the celebrations of the 300th anniversary of the reign of the Romanov dynasty in Kostroma city]. / Sost. pod red. A.G. Rybal'chenko, B.S. Esadze. SPb., 1916.
- P.U., 1869** - P.U. Nachalo khristianstva v Zakavkaz'e i na Kavkaze [The beginning of christianity in Transcaucasia and the Caucasus] // Sbornik svedenii o kavkazskikh gortsakh. 1869. № 2.
- Pfaf, 1874** - Pfaf V.B. Materialy dlya istorii osetin [Materials for the history of the ossetians]. // Sbornik svedenii o kavkazskikh gortsakh. Tiflis, 1874. Vyp. 5.
- Savenko, 2011** - Savenko E.A. Voprosy periodizatsii rasprostraneniya i vosstanovleniya khristianstva na Severnom Kavkaze [Issues of periodization distribution and recovery of christianity in the North

Caucasus] // Problemy i perspektivy issledovaniya tserkovnoi istorii Severnogo Kavkaza: materialy IV Svyato-Ignatov'skikh chtenii. G. Stavropol'. 11–12 maya 2011 g. Stavropol', 2011. Vyp. 2. S. 238 – 255.

[Spenser, 2008](#) - Spenser E. Opisanie poezdok po zapadnomu Kavkazu, vklyuchaya puteshestvie cherez Imeretiyu, Mingreliyu, Turtsiyu, Moldaviyu, Galitsiyu, Sileziyu i Moraviyu v 1836 g. [Description of trips in the western Caucasus, including the journey through Imereti, Mingrelia, Turkey, Moldova, Galicia, Silesia and Moravia in 1836]. Nal'chik, 2008.

[Tenginskii polk, 1900](#) - Tenginskii polk na Kavkaze. 1819–1846 gg. [Tengin Regiment in the Caucasus. 1819–1846 years.] / Sost. poruch. Rakovich. Tiflis. 1900.

[Tsagareli, 1891](#) - Tsagareli A.A. Snosheniya Rossii s Kavkazom v XVI – XVIII vv. [Relations of Russia with the Caucasus in the XVI – XVIII centuries]. SPb., 1891.

[Cherkasov et al., 2014](#) - Cherkasov A.A., Šmigel' M., Ivantsov V.G., Ryabtsev A.A., Molchanova V.S. (2014) Hillmen of the Black Sea Province (early XIX century): Geography, demography, antropology. Bylye Gody. 32 (2): 150-154.

[Cherkasov et al., 2014a](#) - Cherkasov A.A., Menkovsky V.I., Ivantsov V.G., Ryabtsev A.A., Molchanova V.S., Natolochnaya O.V. (2014) The “Nobility” and “Commoners” in Ubykh Society: The Reasons behind the Social Conflict. Bull. Georg. Natl. Acad. Sci., 8, 3: 64-72.

[Cherkasov et al., 2015](#) - Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S. (2015) The Daily Life and Morals of Circassian Society: A Historical-Comparative Investigation based on sources from the period between the Mid-16th and the First Half of the 19th centuries. Brukenthal. Acta Musei, X. 1: 76-77.

[Cherkasov et al., 2016](#) - Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Metreveli R.V., Molchanova V.S. (2016) The Destruction of the Christian Historical-Cultural Heritage of the Black Sea Area: Trends and Characteristics (the Late 18th and First Half of the 19th centuries). Annales, Series Historia Naturalis. 26 (1): 1-12.

[Vasiliev, 1936](#) - Vasiliev A.A. The Goths in the Crimea. Cambridge, 1936.

УДК 93

Эволюция христианства на Кавказе в IV–XVIII вв.

Александр Арвелодович Черкасов ^{a, d, *}, Владимир Гаврилович Иванцов ^b, Михал Шмигель ^a, Виолетта Сергеевна Молчанова ^c

^a Университет Матея Бела, Словакия

^b Сочинский государственный университет, Российская Федерация

^c Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Российская Федерация

^d Восточно-европейское историческое общество, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается история христианства на Кавказе в IV–XVIII веках. Главное внимание уделено сложному процессу становления и судьбы христианства у различных народов региона, роли византийских, грузинских и русских христианских миссионеров.

В качестве источников привлечены дореволюционные материалы по истории христианства на Кавказе, а также научные публикации. Решение исследовательских задач основано на принципе историзма. Проблемы распространения христианства на Кавказе при сохранении языческих верований рассматриваются как следствие конкретных социально-исторических условий, в формировании которых важную роль играли внешние факторы, а также консервативность ментальности горских народов.

В заключении авторы отмечают, что распространение и утверждение христианства на Кавказе имело у каждого из кавказских народов свою историю. С одной стороны – древние христианские Армения и Грузия, относительно быстро покончившие с язычеством, с другой – горские племена, не имевшие никаких государственных начал, принимавшие христианство в урезанных формах под влиянием Византии, Грузии, России, при широком сохранении языческих верований. В конечном счете, под влиянием сначала крымских ханов, а затем Османской империи эти племена последовательно исламизировались.

Ключевые слова: Византия, Грузия, Турция, Россия, христианство, язычество, мусульманство, кавказские народы, топонимы.

* Корреспондирующий автор

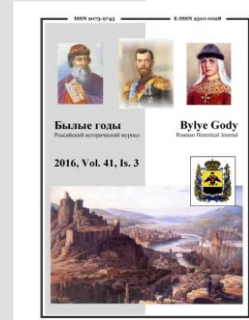
Адреса электронной почты: sochio03@rambler.ru (А.А. Черкасов), V-ivancov@rambler.ru (В.Г. Иванцов), michal.smigel@umb.sk (М. Шмигель), v.molchanova_1991@list.ru (В.С. Молчанова)

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 41, Is. 3, pp. 565-574, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 93/94

Muscovy and the Crimea in the Historical Destinies of the Peoples of the North Caucasus in the second half of the XVI century

Aleksandr A. Kudryavtsev ^{a, *}

^a North Caucasus Federal University, Russian Federation

Abstract

In the second half of the XVI century Moscow state, defeating Kazan (1552) and Astrakhan (1556) khanate, came to the Caspian sea to the North Caucasus, where he encountered opposition from two very strong opponents: Turkey and the Crimean khanate.

The Ottoman Empire, which included Northern Caspian and the Caucasus in the number of its geopolitical interests, sought power and diplomatic means to subdue the mountain and nomadic population, their power and actively opposed their rapprochement with Russia. One of the main performers and conductors of Turkish policy in the region were dependent vassal of Turkey, the Crimean khanate. The peoples of the North Caucasus, first of all Nogai, the Kabardians and the representatives of several other Circassian tribes, seen in Moscow state protection from the expansive aspirations of the Crimea and Turkey and actively supported the Russian fortification construction and anticrime military operations of the Russian North Caucasus. Military and diplomatic successes of the Russian state in the North Caucasus and the Caspian sea in the second half of the XVI century contributed to the development of international Eastern trade along the Volga-Caspian route and the strengthening of the authority of Moscow in the region and in the international arena.

Keywords: Moscow state, the Crimean khanate, geopolitical interests, «Circassians», Cossacks, Tatars, raids, Russian «gorodki», Circassian Embassy.

1. Введение

В сложной и весьма полемичной проблеме становления российской государственности на Кавказе, вопрос контактов и взаимоотношения России с народами Северного Кавказа и Прикаспия во второй пол. XVI века занимает особое место. В этот период Московское государство, разгромив Казанское и Астраханское ханства, пытавшихся опираться на своих отношениях с Москвой, на традиции Золотой Орды, продвинулось на Северный Кавказа и Прикаспий, где столкнулось с геополитическими интересами Оттоманской империи и Крымского ханства, стремившихся не допустить распространения русского влияния в регионе.

В советской историографии процесс взаимоотношений России с народами Северного Кавказа в XVI в. рассматривался лишь контексте их добровольного вхождения в ее состав и позитивного дальнейшего развития в составе СССР. Однако в конце XX – начале XXI вв. подобная позиция подверглась значительной критике со стороны целого ряда историков, многие из которых рассматривали начавшиеся во второй половине XVI в. контакты и взаимодействие Московского царства и феодальных образований Северного Кавказа лишь с негативных, антироссийских позиций, а важнейшие этапы становления российской государственности в регионе – в основном через призму Кавказской войны и ее отрицательных последствий. Поднятые в статье вопросы исследуются на базе современных методологических подходов и проливают новый свет на проблему взаимоотношений Московского государства с народами Северного Кавказа и их совместной борьбы с крымско-турецкой агрессией в регионе.

* Corresponding author

E-mail addresses: kaao210@yandex.ru (A.A. Kudryavtsev)

2. Материалы и методы

2.1. Важным источником для написания данной статьи стали этническая карта Северного Кавказа XVI–XVIII вв., сведения русских летописей и данные «кабардино-русских отношений», опубликованные материалы, отчеты и документы известных путешественников, дипломатов, купцов, посетивших регион в исследуемый период (Эвлия Челеби, стольник Толчанов и дьяк Иевлев, Антоний Дженкинсон, Ричард Джонсон, Артур Эдуардс, Лоренс Чепмен, Адам Олеарий и др.). Важными источниками стали «Военно-статистическое обозрение Российской империи. Департамент Генерального Штаба» (Т. XVI, Ч.1, 10.), уникальные материалы раритетных изданий, которые могли быть утрачены со временем, но получили новую жизнь и доступность в результате их переиздания в начале XXI века, и сведения о Кавказе, приведенные в издании Императорского русского географического общества «Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. Кавказ» (Т. IX.)

Проблема взаимоотношений и взаимовлияний народов России и Северного Кавказа во второй половине XVI – начале XVII вв. и путей становления российской государственности в этом регионе исследовалась автором статьи в целом ряде научных публикаций (более десяти).

2.2. В работе использовались широко известные в гуманитарных исследованиях историко-генетический и историко-ситуационный методы, позволяющие на основе исторических фактов и событий проанализировать и рассмотреть военно-политические и социокультурные аспекты взаимодействия Московского государства с народами Северного Кавказа и его влияния на исторические судьбы последних, в контексте конкретной исторической ситуации во второй половине XVI века и на широком историческом фоне протекавших параллельно событий.

3. Обсуждение

Отмечая, что в российской историографии в конце 90-х годов XX – начале XXI вв. активно обсуждаются вопросы политики России на Северном Кавказе, как в целом, так и на отдельных этапах их взаимодействия, особое внимание заслуживает ряд публикаций по поднятым в статье вопросам.

Здесь выделяются работы, посвященные различным аспектам контактов Московского государства с народами Северного Кавказа, и его военные и дипломатические усилия, направленные на защиту адыгов, кабардинцев, гребенских и терских казаков, ногайцев от турецкой экспансии и набегов крымских ханов.

Можно выделить три основных этапа научного обсуждения проблемы: в исторических трудах XIX – нач. XX вв.; в монографических и коллективных исследованиях второй пол. XX века; в публикациях постсоветского периода 90-х годов XX – нач. XXI вв.

Среди публикаций первого этапа выделяются работы общепризнанных авторов военной истории Северного Кавказа, таких как В.А. Потто, П.Г. Бутков, С.А. Белокуров, А.И. Лавров и др., которые освещали основные направления военных и дипломатических усилий России на Северном Кавказе второй половины XVI века, опираясь на сложившиеся к тому периоду исторические традиции Российской империи. Вклад их в изучение проблемы имеет важное значение, т.к. в своих исследованиях они опирались, зачастую, на недоступные сегодня материалы и документы.

Во второй пол. XX в. проблемы контактов и взаимоотношений России с народами Северного Кавказа получили новое звучание и вопросы посольств и добровольных дружественных связей западных адыгов, кабардинцев, ногайцев и других северокавказских этносов во второй половине XVI в. получили новое освещение в ряде монографий и коллективных трудов, среди которых выделяются работы Е.Н. Кушевой и фундаментальная «История народов Северного Кавказа».

В постсоветский период целый ряд вопросов, связанных с ролью России в исторических судьбах народов Северного Кавказа и ее борьбы с Турцией и Крымским ханством, получил освещение в монографических исследованиях В.В. Дегоева и публикациях Ю.В. Кривошеева, С.М. Иванова, И.В. Базиленко, А.А. Кудрявцева, Ю.М. Азиковой и др.

4. Результаты

Со времени возникновения Древнерусского государства Северный Кавказ и Крым играли особую роль в его истории. Здесь принял святое крещение равноапостольный князь Владимир, а с Северным Кавказом самым тесным образом связано возникновение и развитие самого южного княжества Древней Руси – Тмутараканского, история которого на протяжении двух веков оказалась тесно переплетена с судьбами народов Северного Кавказа и Предкавказья.

Распад Золотой Орды, окончательно оформившийся в начале XVI века (1502 г.), и дальнейшее возвышение Московского царства во второй половине XVI века значительно изменил обстановку на южнорусских рубежах, где, после разгрома Иваном Грозным Казани (1552 г.) и Астрахани (1556 г.), Россия получила выход к Каспийскому морю и на Северный Кавказ.

Выход Московского государства через Астрахань и Терки на восточные рынки и обширные геополитические планы Ивана Грозного на Северном Кавказе и в Закавказье (Кудрявцев, 2016: 133-139) вызвали активное противодействие им двух крупнейших держав Ближнего и Среднего Востока –

Османской Турцией и Сефевидского Ирана, противостояние которых на несколько веков определило исторические судьбы и политическое развитие народов Кавказа.

Турция, нераздельно господствовавшая на Западном Кавказе, стремилась подчинить себе и его восточные территории, объединив под своей властью Азов, Крым, Дербент и Шемаху. Неизменными союзниками и вассалами турецких султанов, в их борьбе за влияние на Северном Кавказе, являлись крымские ханы, основателем государства и династии которых (Гиреев) в Крыму в 1436 году (по другим данным в 1443 г.) стал Хаджи-Гирей ([Кривошеев, 2002: 133](#)).

Уже в начале 90-х годов XV века крымский хан Менгли-Гирей, если верить данным османотатарских хроник, попытался покорить адыгов и подчинить их Крыму ([История народов, 1988: 270](#)). Однако, во второй половине XVI в. и Крым, и Турция столкнулись с ростом русского влияния в регионе.

О том, что большинство адыгов не подчинились Крыму и искало покровительство Москвы, свидетельствует послание крымского хана польскому королю Сигизмунду-Августу, где он хвастливо сообщал о грабительском походе 1553–1554 гг. на пятигорских черкесов, из которого он вернулся «з добычею великой» ([КРО, 1957: 6](#)). С целью отвлечь хана от нового готовящегося похода в 1555 г. «на землю черкесов пятигорских», царь послал «на крымские улусы» 13-тысячное русское войско во главе с И. Шереметьевым ([ПСРЛ, 1965: 256-257](#)). Московское государство, прочно удерживавшее с 1556 года устье Волги, значительно укрепило свое влияние на Северном Кавказе и, благодаря сближению с Кабардой, западно-адыгскими племенами и Большой Ногайской Ордой, при поддержке казачества, сумел сильно потеснить здесь позиции Крыма и Турции. Особая роль в продвижении русского влияния на Северном Кавказе и Прикаспии принадлежала гребенскому, терскому, волжскому казачеству, обычно выступавшему проводником и защитником русских интересов в регионе и активно противодействовавшему крымско-турецким планам. Со второй половины XVI века историческое восприятие идеи о господстве России на Кавказе «становится как бы наследственной в русской истории» ([Потто, 1994: 14](#)).

Разгром Московским царством зависимых от Крыма и враждебно настроенных к Руси Казанского и Астраханского ханств, не только значительно укрепил безопасность южнорусского порубежья, но и открыл для русских и западноевропейских купцов дорогу на закавказские, ближневосточные и среднеазиатские рынки. Москва получила важный для нее контроль над торговыми путями в Закавказье, одновременно контролируя известной степной торговый маршрут из Крыма в Среднюю Азию. Перешедшая в русское подчинение Астрахань продолжала оставаться оживленным перекрестком международной торговли, куда стекались самые разнообразные товары из Москвы, Лондона, Бухары, Хивы, Шемахи, Дербента и других крупных экономических центров ([Английские путешественники, 1937: 172, 194](#)). Международная торговля восточными товарами, прежде всего шелком и пряностями, по Волжско-Каспийским трассам Великого шелкового пути, приносила большие доходы Московскому государству ([Кудрявцев, 2016: 35](#)). Наладить транзитную торговлю с Ираном и Закавказьем по Волжско-Каспийскому пути стремился и ряд западноевропейских стран, среди которых особую заинтересованность в ней проявляла Англия ([Толстой, 1875: 21-28](#)). В 1555 году английскими купцами была основана Московская английская торговая компания ([Кудрявцев, Кудрявцев, 2015: 25-34](#)), пользовавшаяся особым покровительством английской королевы Елизаветы и русского царя Ивана IV ([Английские путешественники, 1937: 29](#)).

Появление на кавказской арене новой политической силы – быстро крепнувшего Московского государства, привлекло к нему внимание феодальных владетелей Кавказа, прежде всего Северо-Западного и Западного, искавших защиты от турецкой угрозы и набегов крымских ханов ([Азикова, 2016: 61-63](#)). Контакты с населением именно этих регионов Кавказа определяли основное направление военно-политических и дипломатических усилий Московского государства во второй половине XVI века ([Дегоев, 2003: 332](#)).

Активизация международной торговли в Прикаспии и быстрое расширение русского влияния на Северном Кавказе и в Закавказье, где кахетинский царь Леван II, получив через кабардинских князей сведения об успехах русских на Тереке и в Кабарде, попытался установить контакт с воеводами Ивана Грозного, что вызвало ожидаемое недовольство Турции и зависимого от нее Крымского ханства, активизировавших силовое давление на адыгов, кабардинцев, ногайцев, казаков. Грабительские набеги крымских ханов вызвали активное противодействие местного населения и привели в середине XVI века к обращению народов региона к России с просьбами о покровительстве и защите. Уже сразу после разгрома Казани, в ноябре 1552 г., согласно летописным данным, в Москву прибыло первое «черкесское» (черкесами в русских источниках исследуемого периода именовали, обычно, всех адыгов) посольство во главе с князьями Тутарыком Езбузлуевым, Машуком Кануковым, Танашуком и другими, являвшееся, по мнению Е. Н. Кушевой, западно-адыгейским ([Кушева, 1963: 202-235](#)), которое просило, что бы государь «вступился за них, а их с землями взял к себе в холопы, а от крымского царя оборонил» ([КРО, 1957:3; ПСРЛ, 165: 228](#)). В 1555 г. в Москву прибыло новое «черкесское» посольство в составе кабардинских, западно-адыгских, абазинских, жанеевских и других адыгских князей, сопровождаемых приближенными и охраной, которое дало клятву «всею землей» служить во веки, как им государь велит ([ПСРЛ, 1965: 259](#)). Иван Грозный объявил послам «великое свое жалованье», обещал беречь их земли от крымского хана и принял в «вечное

подданство» со всей их пятигорской землей (КРО, 1957: 4). Стремление адыгов найти покровительство и защиту у Московского государства от крымских ханов находило широкую поддержку не только у правящей верхушки и местного феодального сословия, но и у широких народных масс, наиболее остро страдавших от крымских набегов (Ногмов, 1968: 143-144).

Иван Грозный предпринимал самые широкие дипломатические и военно-политические усилия для привлечения на свою сторону горских правителей и населения Северного Кавказа, используя для этого широкую военную и экономическую поддержку своих сторонников и даже династический брак в 1561 году с дочерью старшего кабардинского князя Темрюка Идарова, который совместно с влиятельным князем Тазрутом в 1557 г. так же посылал посольство в Москву «бить челом, чтоб государь велел им себе служить и велел бы астраханским воеводам дать им помощь от шамхала Тарковского» (Соловьев, 2005: 269).

В 1558 г. Темрюк, стремясь укрепить свои связи с Москвой, направил к Ивану Грозному своего сына Салнука, который окрестился в Москве и под именем Михаила остался на службе в окружении царя. Стремясь объединить своих северокавказских союзников в борьбе против крымско-турецкой агрессии, царь в 1558 году дал поручение правителю Большой Ногайской Орды Исмаилу, признавшему власть Москвы, и считавшему себя «казаком» и «человеком двора» Ивана IV, «быть заодно» с Темрюком против крымского хана.

В 1559 г. кабардинские князья обратились к царю через «особое посольство» с просьбой о защите от притеснений шамхала, «а также прислать к ним священников, чтобы крестить народ». Для укрепления своего влияния на Северном Кавказе и стремясь защитить земли кабардинцев и гребенских казаков от систематических набегов крымского хана и тарковского шамхала, Иван Грозный в начале 1560 года приказал воеводе Черемисинову с стрелецким войском, усиленным отрядами кабардинцев, гребенских и терских казаков, «воевать Тюмень и Шавкала», т.е. тарковского шамхала (Исторический обзор, 1851: 308; Потто, 1912: 21). С ним же «отпустил и попы христианские крестить кабардинских Черкас» (Исторический обзор, 1851: 308). Тюмень, куда бежал после разгрома Астраханского ханства русскими войсками в 1556 году последний астраханский правитель – хан Емурчей, представлял собой весьма неординарный город в низовьях Терека, который образно был охарактеризован В.А. Потто как «полуторговое, полуразбойничье местечко, приютившееся в низовьях Терека» (Потто, 1912: 17). Поход русского войска, поддержанного казаками и кабардинцами, оказался удачным и Тюмень, занимавший важное военно-стратегическое положение на пути из Дербента в Астрахань, перешел под контроль Московского царства. Завоевание Тюмени положительно отразилось на дальнейшем развитии терского и гребенского казачества в низовьях Терека и Сунжи и значительно укрепило русское влияние на Северном Кавказе.

Русские успехи на Северном Кавказе возвысили авторитет Московского государства не только в глазах горских и ногайских правителей, которые стремились заручиться поддержкой Ивана IV в их противостоянии с крымскими ханами, но и правители Закавказья и Ирана проявляли большой интерес к новой военно-политической силе и торговому партнеру, появившемуся в этом важном регионе (Магарамов, 2009: 150-152). Не только Кахетия, царь которой Ливан II искал в православной России защиту от своих могущественных мусульманских соседей, регулярно разорявших Грузию (Соловьев, 2005: 266-267; Потто, 1994: 14), но и Сефевидский Иран проявлял большой интерес к Московскому государству (Базиленко, 2002: 400-401; Соловьев, 2005: 267). Пытаясь найти в Москве не только крупный рынок и транзит для своих товаров на Запад, но и стратегического союзника в борьбе со своим главным врагом – Оттоманской империей (Веселовский, 1890: 6), Сефевидский Иран искал союза с русским царем. Так, торговый представитель английской Московской торговой компании Антоний Дженкинсон сообщил, что в столице Ирана Казвини, куда он прибыл в ноябре 1561 года, на приеме у персидского шаха Тахмаспа, последний расспрашивал его о торговле в Московии, «затем разговор перешел на Россию. Шах спрашивал, какие города завоевал русский царь» (Английские путешественники, 1937: 227). Большой интерес к Московскому царству проявил в Шемахе и правитель Ширвана, который подробно расспрашивал Антония Дженкинсона об Иване Грозном и предал для русского царя через англичанина специальное тайное послание (Английские путешественники, 1937: 211).

Военно-политические и дипломатические успехи Московского государства вызвали недовольство крымских ханов, стремившихся подорвать влияние на кабардинцев и ногайцев русского царя и его кавказских союзников. Для защиты своих сторонников и поддержки Темрюка, Иван Грозный весной 1563 года направил из Астрахани в Кабарду воеводу Плещеева с отрядом в пятисот стрельцов и пятисот «городовых астраханских казаков», с помощью которых «Темрюку город поставил». Об этом строительстве русских сразу же донес крымскому хану Девлет-Гирею один из противников Темрюка и Москвы Кулчук-Мирза, сообщавший в Крым: «И воевода, пришед Темрюку князю город поставил, и Темрюк в городе сел, а хочет-де он с Московскими людьми идти на Сибока и Канука князи» (Потто, 1912: 22). Это первое русское укрепление, возведенное на Кавказе, находилось, согласно сохранившимся преданиям недалеко от аула Эльхотово, около известных развалин Тартуба, подробно описанных турецким путешественником сер. XVII в. Эвлия Челеби (История народов, 1988: 201), на территории Малой Кабарды, которая ориентировалась на Москву (Бларамберг, 1999: 197). Еще один русский городок, по просьбе сына Темрюка князя Мамструка, царь

приказал построить «на Тереке усть Сунчи (Сунжи – А.К.)». Русская крепость на Тереке возводилась четырьмя годами позднее, чем у Эльхотово, и для ее строительства Иван Грозный направил в феврале 1567 года на Северный Кавказ «князя Андрея Бабичева и Петра Протасьева» с сильным русским войском, имевшим «и пушки и пищали». В этой связи В.А. Потто писал: «это была первая попытка Московского государства стать твердой ногой у далеких предгорий Кавказского хребта» (Потто, 1912: 23).

В это же время, согласно данным Терского областного статистического комитета, возникли две первые гребенские станицы: Червленая (1567 г.) и Щедринская (1569 г.), появление которых знаменовало важный этап в формировании Гребенского войска. Одним из важных препятствий, мешавших осуществлению крымско-турецких планов на Северном Кавказе и в Прикаспии, выступало гребенское и терское казачество (Кудрявцев, 2015: 124-129; Потто, 1912: 23, 35-36), а также значительная часть влиятельных ногайских и кабардинских феодалов, ориентированных на Московское государство (История народов, 1988: 296-298; 330-333). Турция и Крымское ханство использовали все доступные им меры военного и политического давления на Ивана Грозного, требуя убрать казаков с Терека и Сунжи и уничтожить казачьи «городки» и русские крепости в регионе (Лавров, 2010: 49; Потто, 1912: 35-36). В 1567 г. крымский хан ультимативно потребовал от Ивана Грозного, «если он хочет сохранить мир и дружбу с Крымом, снести Терский город» (КРО, 1957: 14-15).

Взросшее влияние Московского государства на Кавказе и активная поддержка Иваном IV своих сторонников в Кабарде и на Тереке, способствовали дальнейшему обострению его отношений с Крымским ханством и Турцией.

Когда крымский хан Девлет – Гирей узнал от своих сторонников среди «Пятигорских черкасов», находившихся в оппозиции к Темрюку, что московский царь ставит на Тереке город, по возведению которого «и Тюмень и Шевкал будут за Москвой», он немедленно потребовал объяснений от русских послов, находившихся в это время в Крыму. Не удовлетворившись ответом послов, хан написал гневное письмо Ивану Грозному, хорошо рисуящее острые противоречия, сложившиеся между Россией и Крымом в их противостоянии на Северном Кавказе.

В письме Девлет-Гирей упрекает Ивана Грозного в том, что тот «на шамхальской и черкасской стороне» город ставит, чтобы «шамхальскую землю и черкасскую изневолить» и ультимативно советует царю, «туто города не ставить, и предки твои чего не дельвали, и тебе бы того не делати» (Потто, 1912: 35).

Занятый войной на западных границах и не желая обострения отношений с Крымом, царь приказал дать хану довольно лояльный ответ, где подчеркивалось, что укрепления он возводит не против крымского хана и султана, а для защиты своего родственника и крепость построена русскими на земле царского тестя, князя Темрюка, «для бережения его от недругов». Девлет-Гирей, который и был главным недругом всех сторонников Московского государства, «не удовлетворился ответом» Ивана Грозного и решил наказать прорусски настроенных кабардинцев, послав против них в 1567 г. сильное татарское войско под командованием одного из своих сыновей. Татары устроили «страшный погром» в Кабарде, разгромили и сожгли много аулов, угнали большое количество скота и захватили около двадцати тысяч пленных (Белокуров, 1889: 21). Похваляясь своей карательной акцией против лояльных Москве кабардинцев, крымский хан писал русскому царю, что если последний строительством «городка» хотел «отлучить черкас от нас», то мы «от тебя черкас отлучая», их земли разгромили и сожгли.

Иван Грозный, занятый боевыми действиями на Западе (Костомаров, 2004: 247), не имел достаточных сил нанести ответный удар по Крымскому ханству и попытался временно решать вопросы дипломатическим путем. Однако, почувствовав трудности Московского государства, хан не спешил начать переговоры, а активно противодействовавший решению вопроса турецкий султан пытался добиться не только уничтожения Терского городка, но и возвращения под власть Оттоманской империи Астрахани и Казани. Турция, которая после смерти Сулеймана Кануни (1520–1566 гг.), «замедляет свои наступательные операции» (Иванов, 2002: 329), теперь пытались восстановить свои позиции на Северном Кавказе. В установлении турецкого контроля над устьем Волги и Северным Прикаспием были заинтересованы и среднеазиатские купцы, особенно бухарцы и хивинцы (Лавров, 2010: 48), которым возвращение Астрахани в круг мусульманских торговых центров сулило значительные налоговые льготы. Они распространяли среди приближенных султана, которым обычно привозили богатые дары, слухи о якобы имеющихся притеснениях мусульман в Астрахани и преследованиях их за веру, а также об огромных доходах в казну русского царя от астраханской торговли, достигающих «ежедневно около тысячи золотых монет» (Карамзин, 2002: 703).

Против похода на Астрахань выступал только Девлет-Гирей, понимавший трудности осады хорошо укрепленного города и не видевший в ней своей большой выгоды. Однако султан не внял просьбам вассала и «не слушая возражения хана, Селим (весной 1569 года) прислал в Кафу (Каффа – турецкая крепость в Крыму, захваченная в 1475 г. турками у генуэзцов, с 1783 г. переименована в Феодосию – А.К.) 15 000 спагов, 2 000 янычар и велел ее паше Касиму, идти к Переволоке, соединить (каналом – А.К.) Дон с Волгою, море Каспийское с Азовским, взять Астрахань или, по крайней мере,

поставить там крепость в ознаменование султанской державы» (Карамзин, 2002: 703-704). Турецкий паша 31 мая 1569 года выступил в поход, а вскоре к нему присоединился крымский хан с 50 тыс. всадников.

Несмотря на внушительную численность войска и геополитический размах турецкого плана, родившегося в далеком от северокавказских реалий окружении султана Селима, который на 400 лет пытался предвосхитить строительство Волго-Донского канала, осуществленного лишь в XX веке в СССР, этот грандиозный замысел с инженерно-технической и военно-экономической точки зрения был полнейшей утопией. Крымско-турецкое войско, увидев колоссальный объем земляных работ, взбунтовалось и отказалось копать канал, заявив, что паша сошел с ума и для подобного дела «мало ста лет».

В войсках назревал бунт, который предотвратило прибытие татарских послов из Астрахани, просивших турок быстрее освободить местное татарское население города от власти русских и обещавших дать туркам «сколько хотите» судов. Паша усмирил недовольных и двинулся 2 сентября к Астрахани.

Иван Грозный, получивший сообщение «из Тавриды о замысле султановом» от своего посла в Крыму Афанасия Нагого, прекрасно был осведомлен о трудностях паши и о нежелании крымского хана продолжать поход на Астрахань – «худом усердии Девлет-Гирея к сему походу». Понимая все трудности и опасности для Московского государства в случае войны с Турцией – «одного из наиболее мощных государств тогдашнего мира» (Иванов, 2002: 324), царь стремился избежать широкого конфликта с ней. Приказав готовиться к военным действиям в Прикаспии, Иван Грозный отправил на помощь гарнизону Астрахани передовой отряд во главе с опытным военачальником князем Петром Серебряным. Одновременно он отправил послов с грамотой и богатыми дарами к Касиму, «чтобы склонить его к миролюбию». Дипломатические усилия царя увенчались успехом, и Иван Грозный, убедившись, что паша принял подарки, а крымский хан в «худом усердии» к осаде Астрахани, посчитал, что угроза войны с Турцией миновала, «и не обманулся».

В середине сентября войска турецкого паши и крымского хана подошли к Астрахани, но паша медлил со штурмом, а 26 сентября крымские и турецкие войска срочно отошли от города, так как туда вошел отряд князя Серебряного. Поспешное отступление турецко-крымского войска от Астрахани, способствовало активизации действий союзных Ивану Грозному кабардинцев и терских казаков. Отступавшие от Астрахани войска турецкого паши и крымского хана подвергались их внезапному нападению в районе Белого озера (Грабовский, 2008: 65). В результате горцам и казакам досталась богатая добыча, турецкие обозы и много пленных. Но этот значительный успех, связанный с неудачей крымского хана и турок под Астраханью, был омрачен тяжелым для северокавказцев событиями: кончиной кабардинской жены Ивана Грозного – Марии и новым походом войск Крыма на Кабарду.

В 1570 году, т.е. вскоре после удачного нападения кабардинцев на отступавших от Астрахани крымских татар и турок, войска крымского хана, под руководством одного из его сыновей, вторглись в Кабарду. На стороне Девлет-Гирея оказались и многие кабардинские князья, выступившие против Темрюка, который потерпел жестокое поражение, был тяжело ранен, а два его сына попали к татарам в плен.

Достигнутый на Северном Кавказе успех и захваченная добыча вдохновили Девлет-Гирея на новое нападение. Воспользовавшись тяжелой Ливонской войной Ивана Грозного на западных границах государства, крымский хан в 1571 году во главе огромного конного войска, численностью более 120 тысяч вторгся в пределы Московского государства. Русские войска не успели вернуться и перехватить стремительно продвигавшуюся татарскую конницу. Девлет-Гирей опустошил и разграбил южные княжества и дошел до Москвы, где татары подожгли московский пригород, из которого пожар перекинулся на всю Москву. Разграбив и опустошив все вокруг, татары ушли в Крым.

В послании к Ивану Грозному Девлет-Гирей в ультимативной форме потребовал вернуть Астрахань и Казань, отказаться от Северного Кавказа, после чего он был готов заключить мир. Царь вынужден был идти на уступки крымскому хану и обещал отказаться от Астрахани в обмен на мирный договор с Крымом. В качестве первого миролюбивого жеста Иван Грозный приказал снести Терский городок, который так беспокоил турецкого султана и крымского хана, и вывести царские войска, находившиеся там в Астрахани. Однако легкая победа и богатая добыча вскружили голову Девлет-Гирею, который, несмотря на все уступки и мирные инициативы Ивана Грозного, решил летом 1572 года повторить свой набег на Москву.

Хотя и на этот раз русские воеводы не смогли собрать против крымского хана превосходящие его 120-тысячное войско силы и остановить татар на Оке, но князь Воротынский, которому царь поручил возглавить русские войска, сумел нагнать крымское войско, примерно в ста километрах от Москвы на реке Молодь под Серпуховом и наголову разгромил его. Девлет-Гирей потерпел сокрушительное поражение и, потеряв в этой битве около 100 тыс. человек, бежал в Крым с остатками своего, еще совсем недавно могущественного войска. В связи с этой знаменательной победой Московского государства Н.М. Карамзин писал: «Сей день принадлежит числу великих дней воинской славы: россияне спасли Москву и честь; утвердили в нашем подданстве Астрахань и Казань; и надолго уняли крымцев» (Карамзин, 2002: 722).

Эта победа значительно повысила авторитет Москвы на Кавказе и самым положительным образом отразилась на положении дружественных ей кабардинцев, гребенских и терских казаков, ногайцев и других обитателей региона. В связи с изменившейся обстановкой на Северном Кавказе, встал вопрос о восстановлении русского городка на Тереке, снесенного под давлением крымского хана в 1571 году. С просьбой о строительстве нового русского городка «для бережения от крымцев и Шамхала Тарковского», к царю обратился прибывший в Москву родной брат Темрюка, к тому времени уже покойного, князь Канбулат.

Иван Грозный охотно согласился на исполнение просьбы Канбулата и в 1577 году он направил на Терек воеводу Лукьяна Новосильцева, который у переправы в устье Сунжи «город поставил», названный, как и первый, Терками. Это было наиболее важное и удобное место для возведения крепости, которая контролировала здесь главную переправу на стратегической северокавказской трассе из Дербента в Астрахань, Азов и в Крым, т.е. от побережья Каспийского моря к побережью Черного, и стала оплотом русского влияния на Северном Кавказе.

Вскоре здесь были разгромлены отступавшие от Дербента крымские войска, попытались переправиться через Сунжу, «далее от Терского городка», не спросив разрешение у царского воеводы. По приказу последнего крымский отряд был разгромлен «государевыми людьми и гребенскими казаками», которые «тех людей побили на голову и лошадей их отогнали». Считается, что с этой победы над крымским войском началась служба гребенских казаков Московскому государству и «с 1577 года Высочайше повелено считать старшинство нынешнего Терского казачьего войска» (Потто, 1912: 39).

Вскоре авторитету Турции на Северном Кавказе был нанесен еще один удар гребенскими казаками, неожиданно напавших уже на турецкое войско, которое в 1583 году, во главе с турецким правителем Ширвана Осман-пашей, шло из Дербента в Крым, для смещения с престола крымского хана Мехмет-Гирея, провинившегося перед султаном (Бутков, 1869: 147). Гребенские казаки, узнавшие о продвижении турецких войск, напали на них в лесу на левом берегу Сунжи, и, нанеся им значительные потери, преследовали турок «до горы Бештау», захватывая их обозы и пленных, а потом подожгли степь, что привело войска Осман-паши «в полное расстройство».

5. Заключение

Исследование контактов и взаимодействия Московского государства с народами Северного Кавказа на ранних этапах их военно-политического и экономического становления, красноречиво свидетельствует, что вторая половина XVI века, ознаменовавшаяся в истории России огромными успехами, связанными с разгромом Казанского и Астраханского ханств, укреплением южнорусского порубежья, началом освоения Сибири, была отмечена и еще одним важнейшим событием – выходом Московского государства к Каспийскому морю и на Северный Кавказ, где его дальнейшее развитие тесно переплелось с историческими судьбами северокавказских народов. Одновременно оно столкнулось с геополитическими устремлениями Османской империи и вассально зависимого от нее Крымского ханства, противостояние с которыми на Северном Кавказе продолжалось несколько столетий.

Стремясь «отлучить» народы Северного Кавказа от российского влияния, крымские ханы нередко совершали жестокие карательные акции против сторонников сближения с Россией, одновременно нападая и грабя южные территории самого Московского государства. Однако ни жесткие дипломатические санкции и военные меры турецких султанов, ни разорительные набеги крымских ханов, не смогли остановить процесс сближения русского и северокавказских народов. Активное взаимодействие и взаимовлияние народов России и Северного Кавказа, начавшееся во второй половине XVI века, получили дальнейшее развитие и ускорение в последующие периоды их становления.

Литература

- Азикова, 2016 - Азикова Ю.М. Кабарда во взаимоотношениях с региональными державами в XVI-XVIII вв. // Вопросы истории. 2016. №5. С. 60-73.
- Английские путешественники, 1937 - Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. / пер. с англ. Ю.В. Готье. - Л.: ОГИЗ, 1937. 308 с.
- Базиленко, 2002 - Базиленко И.В. Россия и Иран // История России: Россия и Восток / Сост. Ю.А. Сандулов. СПб.: Изд-во «Лексикон», 2002. 736 с.
- Белокуров, 1889 - Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом. М.: Университетская типография, 1889. Вып. 1. (1578-1616 гг.). 715 с.
- Бларамберг, 1999 - Бларамберг Иоганн. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. Перев. с франц. и коммент. И.М. Назаровой. Нальчик: Издат. центр «Эль-Фа», 1999. 405 с.
- Бутков, 1869 - Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа. СПб., 1869. Ч. I. 1278 с.
- Веселовский, 1890 - Памятник дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией / Под ред. Н.И. Веселовского. СПб., 1890. Т. 1. 916 с.

- Грабовский, 2008** - *Грабовский Н.Ф.* Присоединение Кабарды к России и ее борьба за независимость. Нальчик, 2008. 465 с.
- Дегоев, 2003** - *Дегоев В.В.* Большая игра на Кавказе: история и современность: статьи, очерки, эссе. М.: «Русская панорама», 2003. 512 с.
- Иванов, 2002** - *Иванов С.М.* Россия и Турция (общее и особенное в историческом развитии в эпоху средневековья и новое время) // История России: Россия и Восток / Сост. Ю.А. Сандулов. СПб.: Изд-во «Лексикон», 2002. 736 с.
- Исторический обзор, 1851** - Исторический обзор Терека, Ставрополя и Кубани. Печатается по изданиям: Военно-статистическое обозрение Российской империи, том XVI, часть 1. Ставропольская губерния. Департамент Генерального Штаба. Санкт-Петербург, 1851 г. 295 с.
- ВСО, 2008** - Военно-статистическое обозрение Российской империи, Т. XVI, Ч. 10. Восточный берег Черного моря. Департамент Генерального Штаба. Санкт-Петербург, 1855 г. М.: Изд. Надыршин, 2008. 840 с.
- История народов, 1988** - История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М.: Наука, 1988. 544 с.
- КРО, 1957** – Кабардино-русские отношения. М.: «Эль-Фо», 1957. Т. 1. 476 с.
- Карамзин, 2002** - *Карамзин Н. М.* История государства Российского. М.: Изд-во Эксмо, 2002. 1024 с.
- Костомаров, 2004** - *Костомаров Н. И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М.: Изд-во Эксмо, 2004. 1024 с.
- Кривошеев, 2002** - *Кривошеев Ю. В.* Русь и Орда. // История России: Россия и Восток / Сост. Ю.А. Сандулов. СПб.: Изд-во «Лексикон», 2002. 736 с.
- Кудрявцев, 2015** - *Кудрявцев А. А.* Исторические предпосылки и специфика формирования Терского и Гребенского казачества // Исторические науки и образование в начале XXI века: проблемы и перспективы развития (к 70-летию факультета истории, философии и искусств). Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2015. 217 с.
- Кудрявцев, Кудрявцев, 2015** - *Кудрявцев А.А., Кудрявцев Е.А.* Английская Московская торговая компания и развитие восточной транзитной торговли в России XVI в. // Британцы и народы Юга России: проблемы взаимовлияния. Краснодар: ООО «Экоинвест», 2015. 350 с.
- Кудрявцев, 2016** - *Кудрявцев Е. А.* Волжско-Каспийская трасса Великого шелкового пути и ее значение в развитии торговых и культурных связей Русского государства с народами Северного Кавказа. // Историко-культурное наследие Великого шелкового пути и продвижение туристических дестинаций на Северном Кавказе: материалы Международной научно-практической конференции (Ставрополь 28-29 сентября 2015 г.). Ставрополь: Изд-во Северо-Кавказского федерального университета, 2016. 177 с.
- Кудрявцев, 2016** - *Кудрявцев А. А.* Гребенское и терское казачество в геополитических планах Ивана Грозного на Кавказе // Российское казачество: проблемы истории, возрождения и перспективы развития. К 320-й годовщине служения Отечеству казачества Кубани. Краснодар: Традиция, 2016. 296 с.
- Кушева, 1963** - *Кушева Е. Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 370 с.
- Лавров, 2010** - *Лавров А. И.* Предания седой и не седой старины // Покоренный Кавказ. Очерки исторического прошлого и современного положения Кавказа. Издание А. А. Каспари. СПб., 1904. Москва: Изд. Надыршин, 2010. 544 с.
- Магарамов, 2009** - *Магарамов Ш. А.* Восточный Кавказ в политике России, Турции и Ирана в конце XVI в. // Вопросы истории. 2009. №4. С. 149-152.
- Ногмов, 1968** - *Ногмов Ш. Б.* История адыгского народа. Нальчик: «Изд-во 1905 г.», 1968. 232 с.
- Потто, 1912** - *Потто В.А.* Два века Терского Казачества (1577-1801). Владикавказ: Электронпечатная Типография Терского Областного Правления, 1912. 383 с.
- Потто, 1994** - *Потто В.А.* Кавказская война: В 5 т. Т.1. От древнейших времен до Ермолова. Ставрополь: «Кавказский край», 1994. 672 с.
- ПСРЛ, 1957** - Полное собрание русских летописей. М.: Изд-во «Наука», 1965. Т. 13. 240 с.
- Соловьев, 2005** - *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М.: Изд-во Эксмо, 2005. - 1024 с.
- Толстой, 1875** - *Толстой Ю.* Первые сорок лет сношений между Россией и Англией. 1553-1593. Грамоты собранные, переписанные и изученные Юрием Толстым. СПб.: Типография и хромолитография А. Траншеля, 1875.

References

- Azikova, 2016** - *Azikova Ju.M.* Kabarda vo vzaimootnoshenijah s regional'nymi derzhavami v XVI–XVIII vv. [Kabarda in the relationship with regional powers in XVI–XVIII centuries.] // Questions of history. 2016. № 5, pp. 60-73. [in Russian]

- Anglijskie puteshestvenniki, 1937** - Anglijskie puteshestvenniki v Moskovskom gosudarstve v XVI v. [English travelers in the Moscow State in the XVI century] / the trans. from English. Y.V. Gautier. Leningrad: ogiz, 1937. 308 p. [in Russian]
- Bazilenko, 2002** - *Bazilenko I. V.* Rossiya i Iran [Russia and Iran] // History of Russia: Russia and East / Comp. Y. A. Sandul. St. Petersburg: Izd-vo «Lexicon», 2002. 736 p. [in Russian]
- Belokurov, 1889** - *Belokurov S.A.* Snoshenija Rossii s Kavkazom [Russia's relations with the Caucasus], Moscow: University printing office, 1889. Vol. 1. (1578-1616.). 715 p. [in Russian]
- Blaramberg, 1999** - *Blaramberg Iogann.* Istoricheskoe, topograficheskoe, statisticheskoe, jetnograficheskoe i voennoe opisanie Kavkaza. [Historical, topographical, statistical, ethnographical and military description of the Caucasus], the trans. from the French. and comments. I.M. Nazarova. Nalchik: Publishing.center «El-FA», 1999. 405 p. [in Russian]
- Butkov, 1869** - Butkov P. G. Materialy dlja novej istorii Kavkaza [Materials for the new history of the Caucasus], St. Petersburg, 1869. Part I. 1278 p. [in Russian]
- Veselovskij, 1890** - Pamjatnik diplomaticheskij i torgovyh snoshenij Moskovskoj Rusi s Persiej [Monument of diplomatic and trade relations with Persia Moscow Russia] // Edited by N.I. Veselovskij. St. Petersburg, 1890. Vol. 1. 916 p. [in Russian]
- Grabovskij, 2008** - *Grabovskij N.F.* Prisoedinenie Kabardy k Rossii i ee bor'ba za nezavisimost'. [Joining Kabarda with Russia and its struggle for independence]. Nalchik: GPKP «Republican printing plant them. The revolution of 1905», 2008. 465 p. [in Russian]
- Degoev, 2003** - *Degoev V.V.* Bol'shaja igra na Kavkaze: istorija i sovremennost': stat'i, ocherki, jesse. [Great Game in the Caucasus: History and Modernity: articles, essays, essay]. Moscow: «Russian panorama», 2003. 512 p. [in Russian]
- Ivanov, 2002** - *Ivanov S.M.* Rossiya i Turcija (obshhee i osobennoe v istoricheskom razvitii v jepohu srednevekov'ja i novoe vremja) [Russia and Turkey (general and specific features in the historical development in the Middle Ages and modern times)] // History of Russia: Russia and East / Comp. Y.A. Sandul. St. Petersburg: Publishing House «Lexicon», 2002. 736 p. [in Russian]
- Istoricheskij obzor, 1851** - Istoricheskij obzor Tereka, Stavropol'ja i Kubani. Pechataetsja po izdanijam: Voенno-statisticheskogo obozrenie Rossijskoj imperii, tom XVI, chast' 1. Stavropol'skaja gubernija. Departament General'nogo Shtaba. [Historical overview of the Terek, Kuban and Stavropol. Printed publications: Military Statistical Review of the Russian Empire, Volume XVI, Part 1. Stavropol province. Department of the General Staff.], St. Petersburg, 1851. 295 p. [in Russian]
- VSO, 2008** - Voенno-statisticheskoe obozrenie Rossijskoj imperii, T. XVI, Ch. 10. Vostochnyj bereg Chernogo morja. Departament General'nogo Shtaba. [Military Statistical Review of the Russian Empire], Saint-Petersburg, 1855. Moscow: Publishing House Nadyrshin, 2008. 840 p. [in Russian]
- Istorija narodov, 1988** - Istorija narodov Severnogo Kavkaza s drevnejshih vremen do konca XVIII v. [The history of the peoples of the North Caucasus since ancient times to the end of the XVIII century]. Moscow: «Nauka», 1988. 544 p. [in Russian]
- KRO, 1957.** – Kabardino-russkie otnoshenija. [Kabardino-Russian relations]. Moscow: «El-Fo», 1957. Vol. 1. – 476 p. [in Russian]
- Karamzin, 2002** - *Karamzin N.M.* Istorija gosudarstva Rossijskogo. [History of Russian Government]. Moscow: Publishing house of «Eksmo», 2002. 1024 p. [in Russian]
- Kostomarov, 2004** - *Kostomarov N.I.* Russkaja istorija v zhizneopisanijah kk glavnejshih dejatelej. [Russian history in the lives kk principal figures]. Moscow: Publishing house of «Eksmo», 2002. 1024 p. [in Russian]
- Krivoshchev, 2002** - *Krivoshchev Ju.V.* Rus' i Orda. [Rus and the Horde] // History of Russia: Russia and East / Comp. Y.A. Sandul. St. Petersburg: Publishing House «Lexicon», 2002. 736 p. [in Russian]
- Kudrjavcev, 2015** - *Kudrjavcev A.A.* Istoricheskie predposylki i specifika formirovanija Terskogo i Grebenskogo kazachestva [Historical background and specificity of formation of Russian and Greben Cossacks] // Historical science and education in the beginning of the XXI century: problems and prospects (dedicated to the 70th anniversary of the faculty of history, philosophy and the arts). Stavropol: publishing house of NCFU, 2015. 217 p. [in Russian]
- Kudrjavcev, Kudrjavcev, 2015** - *Kudrjavcev A.A., Kudrjavcev E.A.* Anglijskaja Moskovskaja torgovaja kompanija i razvitie vostochnoj tranzitnoj torgovli v Rossii XVI v. [English Moscow trading company and the development of eastern Russian transit trade in the XVI century.] // The British and the peoples of the South of Russia: problems of interaction. - Krasnodar: LLC «Ekoinvest», 2015. 350 p. [in Russian]
- Kudrjavcev, 2016** - *Kudrjavcev E.A.* Volzhsko-Kaspijskaja trassa Velikogo shelkovogo puti i ee znachenie v razvitii torgovyh i kul'turnyh svjazej Russkogo gosudarstva s narodami Severnogo Kavkaza. [Volga-Caspian route of the Silk Road and its importance in the development of trade and cultural relations of the Russian state with the peoples of the North Caucasus.] // Historical and cultural heritage of the Great silk road and promotion of tourist destinations in the North Caucasus: materials of the International scientific-practical conference (Rostov-on 28-29 September 2015). Stavropol: publishing house of North-Caucasus Federal University, 2016. 177 p. [in Russian]
- Kudrjavcev, 2016** - *Kudrjavcev A.A.* Grebenskoe i terskoe kazachestvo v geopoliticheskij plana Ivana Groznogo na Kavkaze [Geben and Terek Cossacks in the geopolitical plan of Ivan the Terrible in the

Caucasus] // Russian Cossacks: problems of history, the revival and development prospects. To 320-th anniversary of service to the Fatherland Cossacks of the Kuban. - Krasnodar: «Tradition», 2016. 296 p. [in Russian]

Kusheva, 1963 - *Kusheva E.N.* Narody Severnogo Kavkaza i ih svyazi s Rossiej. [The peoples of the North Caucasus and their relationship with Russia], Moscow: USSR Academy of Sciences Publishers, 1963. 370 p. [in Russian]

Lavrov, 2010 - *Lavrov A.I.* Predaniya sedoj i ne sedoj stariny [Tradition gray and hoary antiquity] // Conquered the Caucasus. Sketches of the past and current situation of the Caucasus. A. A. Kaspari. SPb., 1904. Moscow: Publishing House Nadyrshin, 2010. 544 p. [in Russian]

Magaramov, 2009 - *Magaramov Sh.A.* Vostochnyj Kavkaz v politike Rossii, Turcii i Irana v konce XVI v. [Eastern Caucasus in Russia, Turkey and Iran in the late 16th century.] // Questions of history. 2009. № 4, pp. 149-152. [in Russian]

Nogmov, 1968 - *Nogmov Sh.B.* Istorija adygskogo naroda. [History Adygeyan people], Nalchik: GPKP «Republican printing plant them. The revolution of 1905», 1968. 232 p. [in Russian]

Potto, 1912 - *Potto V.A.* Dva veka Terskogo Kazachestva (1577-1801) [Two centuries of the Terek Cossacks (1577-1801)], Vladikavkaz: Power ectna Printing Terek Regional Board, 1912. 383 p. [in Russian]

Potto, 1994 - *Potto V.A.* Kavkazskaja vojna: V 5 t. T.1. Ot drevnejshih vremen do Ermolova. [Caucasian War: The 5 tons Vol. 1. From ancient times to Yermolov]. Stavropol: «Caucasus region», 1994. 672 p. [in Russian]

PSRL, 1957 – Polnoe sobranie russkikh letopisej. [Complete Collection of Russian Chronicles]. Moscow: «Nauka», 1965. Vol. 13. 240 p. [in Russian]

Solov'ev, 2005 - *Solov'ev S. M.* Istorija Rossii s drevnejshih vremen. [History of Russia from ancient times], Moscow: Publishing house of «Eksmo», 2005. 1024 p. [in Russian]

Tolstoj, 1875 - *Tolstoj Ju.* Pervye sorok let snoshenij mezhdru Rossiej i Anglij. 1553-1593. Gramoty sobrannye, perepisannye i izuchennye Juriem Tolstym. [The first forty years of relations between Russia and Britain. 1553-1593. Instruments collected, copied and studied Yuri Tolstoy]. St. Petersburg.: Printing and chromolithograph Transhel A., 1875. [in Russian]

УДК 93/94

Московское государство и Крым в исторических судьбах народов Северного Кавказа во второй половине XVI века.

Александр Абакарович Кудрявцев^{a,*}

^a Северо-Кавказский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. Во второй половине XVI в. Московское государство, разгромив Казанское (1552) и Астраханское (1556) ханства, вышло к Каспийскому морю и на Северный Кавказ, где столкнулось с противодействием двух очень сильных противников: Турции и Крымского ханства.

Оттоманская империя, включавшая Северный Прикаспий и Кавказ в число своих геополитических интересов, стремилась силовыми и дипломатическими методами подчинить горское и кочевое население своей власти и активно противодействовала их сближению с Россией. Одним из главных исполнителей и проводников турецкой политики в регионе выступало вассально зависимые от Турции Крымское ханство. Народы Северного Кавказа, прежде всего ногайцы, кабардинцы и представители ряда других адыгейских племен, видели в Московском государстве защиту от экспансивных устремлений Крыма и Турции и активно поддерживали русское фортификационное строительство и антикрымские военные операции русских на Северном Кавказе. Военные и дипломатические успехи Московского государства на Северном Кавказе и в Прикаспии во второй половине XVI века способствовали развитию международной восточной торговли по Волжско-Каспийскому пути и укреплению авторитета Москвы в регионе и на международной арене.

Ключевые слова: Московское государство; Крымское ханство; геополитические интересы; «черкесы»; казаки; татары; набеги; русские «городки»; адыгские посольства.

* Корреспондирующий автор

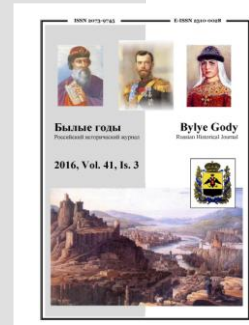
Адреса электронной почты: kaao210@yandex.ru (А.А. Кудрявцев)

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
ISSN: 2073-9745
E-ISSN: 2310-0028
Vol. 41, Is. 3, pp. 575-584, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 904

State Institutes of the Siberian Khanate and their Reflection in Archaeological Materials

Sergey F. Tataurov^{a,*}^a Omsk State University n.a. F.M. Dostoevskiy, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the analysis of the state institutes of the Siberian khanate and their reflection in the archaeological materials received during archaeological studying of sites of this period. There are considered processes of a class formation and formation of the stratified society. It is based on the criteria expressed in the works by known Siberian archaeologist N.P. Matveeva. In article the assessment is given to a level of development of productive forces of the population of the state, it is pointed out value of resettlement processes and development of trade relations both in the khanate, and with the adjacent states. The special attention is paid to emergence of the cities of the khanate, their role in centralization of the power, in development of interstate and interstate means of communication, trade. There is given appreciation of fortification systems of the cities and boundary towns of the khanate and is drawn the conclusion about participation in construction of the experts invited from Central Asia. There are analyzes questions of property and social stratification and reflection of this process in a funeral ceremony. The assumption become that as additional criteria of level of statehood of the Siberian khanate can act personal markers of the power – the press, headdresses, the weapon, etc. Criterion of level of centralization of the power for the Siberian khanate is the professional army which consisted from the tatars, hired groups and a militia. Fortification systems of protection of borders of the khanate in the south of Baraby and in Tarsky Priirtyshje also point to the high level of the khan's power. In the conclusion it is said that archaeological materials fill missing information of written sources and their attraction in historical reconstruction of the tyurko-tatar statehood is one of indispensable conditions of similar researches.

Keywords: Western Siberia, Tatars, archeology, history, state, class, system, creation.

1. Введение

Вопрос об уровне развития государственных институтов, как и в целом всей структуры Сибирского ханства во многом остается открытым. Эта проблема отчетливо проявилась в конце XX – начале XXI вв., когда стал вопрос обо всей тюрко-татарской государственности в Северной Евразии (Исхаков, 2006; Исхаков, Измайлов, 2007; Исхаков, 2009). Признавая, что Сибирское ханство возникло и развивалось по тем же правилам, что и другие постзолотоордынские государства, ученые были вынуждены писать о специфичности практически всех аспектов государственного устройства этого образования, их отличии от общепринятых норм тюрко-татарского мира. Это касается административного деления ханства, его аппарата управления, армии, религии и т.д. К сожалению, во многом эти отличия объясняются не столько особым устройством данного ханства, сколько крайне ограниченностью источников, необходимых для воссоздания всеобъемлющей характеристики этого государственного образования.

Блок письменных источников, касающихся структуры Сибирского ханства несравненно меньше по отношению к другим ханствам, например, Астраханскому или Казанскому. Это касается как политических документов по межгосударственным отношениям, так и внутренних по административному делению, торговле, военному делу и т.д.

* Corresponding author

E-mail addresses: TatSF2008@rambler.ru (S.F. Tataurov)

Такая же ситуация сложилась и с картографическими материалами, которые позволяют нам говорить об устоявшихся границах европейских тюрко-татарских государств, о том как они вписаны в европейскую картографию. В противоположность этого мы имеем бесконечное количество мнений о размерах Сибирского ханства, где самые смелые ученые включают в него всю Западную Сибирь вместе со всем Заполярьем. Для значительной части научного сообщества нахождение сибирского государства сравнимо с легендарной Тартарикой, карты которой с удовольствием рисовали средневековые естествоиспытатели на землях к востоку от Уральских гор.

Идентичная картина и с археологическими источниками. Для Казани, благодаря многолетним археологическим изысканиям, имеется возможность реконструкции ханского кремля и основных зданий государственного назначения, что дает нам представление об облике государства, его символике, значимости тех или иных институтов (например, религии) и т.д. Для Искера у нас есть только эфемерные картинки этой столицы, базирующиеся больше на фантазиях ученых, нежели на материалах раскопок.

Мы можем, опираясь на археологические материалы Поволжья проследить динамику социокультурных процессов, развитие технологий, формирование определенного мировоззрения у местного населения. Для лесостепного пояса Западной Сибири для XIV–XVI вв. у нас нет ни этнокультурной картины, ни точной хронологической шкалы для археологических комплексов, поэтому исследователь может представить только общее заключение по тому или иному вопросу, касающемуся истории проживавшего в данном регионе тюркоязычного населения.

Однако, ситуация с расширением источниковой базы для углубления представлений о Сибирском ханстве между тем не настолько плоха, по крайней мере в археологическом направлении. За период с конца XIX по начало XXI вв. накоплен значительный объем материалов раскопок и очевидна необходимость серьезной ревизии, имеющихся в музеях археологических коллекций и полевых отчетов, относящихся к исследованным памятникам интересующего нас периода. В последние годы началась публикация этих материалов, но в совершенно недостаточном количестве (Яковлев, 2009; Искер – столица Сибирского ханства, 2010).

В данной работе будет сделана попытка проиллюстрировать государственные институты сибирских тюрко-татарских образований, прежде всего Сибирского ханства археологическими материалами и показать перспективность их использования в исторических реконструкциях.

2. Материалы и методы

2.1. Источниками для подготовки статьи стали археологические материалы, полученные за период с конца XIX по начало XXI вв., а также сведения о городах и поселениях Сибирского ханства, известных по письменным документам государственных архивов, опубликованные в отечественной научной литературе.

2.2. При решении исследовательских задач был использован сравнительно-исторический метод, который предполагает изучение исторических фактов в контексте изучаемой эпохи в совокупности с «соседствующими» событиями и фактами, а также общенаучные методы анализа и синтеза.

3. Обсуждение

Н.П. Матвеева, ссылаясь на труды Г. Чайлда, К. Ренфрю, В.М. Массона, В.И. Гуляева, А.М. Хазанова, В.П. Илюшечкина, Л.Е. Куббеля, Ю.В. Павленко и др., выделяет 8 важнейших археологических критериев классообразования, которые применимы для Сибири (Матвеева, 2007: 72). Соглашаясь в целом с выбранными определениями этого процесса и принимая определенную тождественность этих факторов при образовании государственности, попробуем их приложить к материалам для Сибирского ханства. Для изучения сибирской тюрко-татарской государственности особенно актуально привлечение археологических материалов, которые при дефиците письменных источников позволяют, на наш взгляд, существенно дополнить характеристику государственных образований второй половины II тыс. н.э.

Приведенные в данной статье археологические аргументы в пользу достаточно высокого уровня развития сибирских тюрко-татарских государств, естественно, требуют обсуждения и наполнения материалами, но и в рамках статьи, очевидно, что это один из перспективнейших путей изучения этих образований.

3.1. Критерий 1. Экономика раннеклассового общества характеризуется резким ростом производительности труда в земледелии и скотоводстве, усилением обмена

Для населения Сибирского ханства во второй половине XVI в. характерно комплексное, имеющее своей основой скотоводство, хозяйство. В зависимости от природно-географических условий конкретных районов в его структуре варьировалась значимость присваивающих или производящих отраслей. Для таежных и южнотаежных территорий больше была доля охоты, рыболовства и собирательства, а для долин крупных рек и лесостепных пространств превалировало скотоводство с элементами земледелия.

В целом для всего XVI в. можно отметить определенный прогресс в хозяйстве населения лесостепной полосы Западной Сибири. Это связано в первую очередь с развитием торговых отношений, как между отдельными районами Сибирского ханства, так и ростом межгосударственной торговли со Средней Азией и Китаем. Растущий спрос на пушнину, «рыбью кость», рабов и т.д. привел к расширению торговых отношений с более северными хантыйскими и мансийскими княжествами. Среди завозимых в Сибирь товаров поступал и производственный инвентарь – практически для всех направлений хозяйственной деятельности – мотыги и наконечники пахотных орудий, топоры, инструменты для металлообработки и других ремесленных занятий и т.д., что мы и фиксируем при раскопках памятников этого времени.

Разгром Казанского ханства вызвал волну беженцев, которые не захотели жить под властью Москвы. Среди них были земледельцы, ремесленники, торговцы и т.д. Свои знания и умения они применяли в Сибири. На мой взгляд, распространение земледелия в XVI в. среди тюркоязычного населения Западной Сибири можно связывать в том числе и с этими переселенцами.

3.2. Критерий 2. Начинается отделение ремесла от сельского хозяйства

Города Сибирского ханства – Искер, Чимги-Туру, Тон-Туру и др. нельзя назвать центрами ремесленного производства. Анализируя археологические материалы с этих комплексов можно констатировать, что ремесленный инвентарь занимает в них совершенно незначительное место. Но здесь, следует иметь в виду, то обстоятельство, что вышеуказанные города являлись для хана в первую очередь временными ставками, на которых он бывал один-два раза в год. Поэтому это были небольшие по размерам населенные пункты, которые резко увеличивались в численности населения в период пребывания в них хана и проводимых им мероприятий – сбора налогов, торгов, проведения общих собраний и т.д. и пустели после его отъезда.

С другой стороны расширение Сибирского ханства и укрепление государственных институтов резко повысило спрос на ремесленную продукцию - торговля не могла полностью его удовлетворить. В первую очередь необходимо было решать проблему содержания армии. Несмотря на ее относительно небольшую численность – от 3 до 5 тысяч - для ее оснащения постоянно требовалось оружие, военное снаряжение, лошади и т.д. Значительная часть оружия и доспехов, лошадей поступала из Средней Азии. Но для решения оперативных проблем – ремонта, изготовления наконечников стрел, починки конной амуниции требовались мастера непосредственно в Сибири. При раскопках Искера и Тунуского городка были найдены инструменты кузнецов, шорников, портных и проч. Наиболее вероятно, что хан Кучум привез в Сибирь вместе со своей армией и двором и некоторое количество специалистов.

Еще одно направление развития ремесла – это строительство. Для защиты своей столицы и некоторых других центров ханства, а так же пограничных городков были построены достаточно сложные деревянно-земляные, а местами и с использованием кирпича, системы фортификации. Направлением строительной индустрии стало возведение в столице ханства религиозных и правительственных зданий. Не смотря на то, что письменные документы не дают нам правдоподобных описаний этих объектов, археологические материалы свидетельствуют об их наличии (Пигнатти, 2010: 186-226).

3.3. Критерий 3. Правящая верхушка общества накапливает материальные ценности и переводит их в сокровища

Данный тезис очень сложно применить к Сибирскому ханству, так как особых ценностей в ходе археологических раскопок пока не найдено. Р.Г. Скрынников, ссылаясь на письменные источники, пишет, что при взятии Искера отряд Ермака захватил много трофеев «богатую добычу» (Скрынников, 2008: 112). Но ни в одной летописи мы не находим описания этих богатств. Вероятнее всего речь может идти только о меховом ясаке, который был собран к приезду хана Кучума в свою столицу.

Многочисленные раскопки Искера дали нам достаточно представительные по численности коллекции ювелирных изделий, но в целом это рядовые изделия из серебра и полудрагоценных камней. Исследования других комплексов Сибирского ханства, например, Тон-Туры (Воскресенского городища) или Тунуского городка дают нам идентичные наборы украшений. То есть особых предметов роскоши или особо ценных украшений в столице и других населенных пунктах мы не фиксируем. Единственное исключение – это оружие. В ходе раскопок могильников этого времени в Прииртышье выделяются захоронения воинов в высококачественных среднеазиатских доспехах и с набором оружия (сабли и палаши, топоры, кинжалы) импортного происхождения (Матюшенко, 2003: 36-37).

Еще одним местом вложения материальных ценностей были лошади, которые так же поступали из Средней Азии и ловчие птицы. Высокую ценность этих товаров можно определить по тому, тобольские и тюменские татары стали сами разводить лошадей хороших пород и ловчих птиц для хана и его окружения в качестве замены ясака.

Процессу сосредоточения материальных ценностей у знати тюркоязычного населения Западной Сибири мешал тот факт, что самая ее верхушка – сам хан и его окружения были пришлыми и имели свои родовые земли далеко на юге – куда и могли вывозиться собранные богатства.

3.4. Критерий 4. Резкая, не менее трех страт, социальная дифференциация общества. Она реализуется в погребальном обряде не только через трудовые затраты, но и через имущественную дифференциацию. Как следствие, возникает субкультура знати. Интенсивный обмен можно считать индикатором частнособственнического присвоения материальных благ. Наиболее ярким проявлением этого процесса становится появление престижного потребления, что находит выражение в развитии ювелирного дела и активной торговле с целью ввоза предметов роскоши

Вхождение тюркоязычного населения лесостепной полосы Западной Сибири в состав монгольской империи, а затем тюрко-татарских государств, привел к ускорению процесса дифференциации общества. Родовая и племенная сибирская знать была приближена по своему положению и статусу к верхушке монголо-татарского общества. Понятие единого государственного пространства давало возможность местным аристократам почувствовать свою близость к правящему роду чингизидов. Это была идея объединения тюрко-татарского мира через определенные родственные отношения элиты, которая проникла в самые отдаленные поселения тюркоязычного населения Западной Сибири и, в конечном итоге, привела к созданию единого Сибирского ханства.

В государстве хана Кучума накануне событий, связанных с походом Ермака, общество делилось на четыре иерархических горизонта. Самое высокое положение занимал хан и его ближайшее окружение, пришедшее с ним к власти. Эта группа занимала все главные посты в государстве – контроль над армией, налогами, вела межгосударственную и религиозную деятельность и т.д.

Ниже ее располагалась местная сибирская знать, как татарская, так и верхушка хантыйских и мансийских княжеств, которые вошли в состав ханства или заключили с ним союзные соглашения. В эту группу входило руководство служилых татар, которые были расселены по присоединенным землям и по границе ханства. Например, улусами в Прииртышье управляли два есаула Сеткулай и Мамык (Миллер, 2010: 288).

Следующую в стратификации группу ханства составляли служилые и захребетные татары – основа вооруженных сил ханства и хребет его хозяйства (Тычинских, 2012: 144-148).

Самое низшее положение занимали ясачные татары и приравненное к ним местное население улусов, которое проживало на данных землях до вхождения в состав ханства и представляло собой смесь тюрко-угорского, в Приобье тюрко-самодийского, населения.

В силу того, что общество в этот период в Западной Сибири базировалось на родовых отношениях, мы фиксируем определенное единство в его погребальном обряде. Но имущественная и социальная дифференциация населения в погребальном обряде находит свое отражение в наборах инвентаря, в частности, в наличии металлических котлов, оружия, доспехов и т.д. (Молодин, Соболев, Соловьев, 1990: 203-211).

3.5. Критерий 5. Появление публичной власти отображается в новых специально создаваемых ритуалах для погребения представителей правящей верхушки

До настоящего времени поиском и исследованиями погребений знати Сибирского ханства никто не занимался. Со смертью хана Кучума до сих пор ничего определенного сказать невозможно, не известно и место его погребения. Значительная часть его родственников были вывезены в Москву. Многие еще при жизни хана оставили его, ушли на юг в Бухару и на свои родовые земли. По этой причине захоронения высшей аристократии Сибирского ханства в нашем регионе мы не найдем. Тем не менее, социальную стратификацию в погребальном обряде нам зафиксировать удалось. В ходе раскопок татарских могильников этого времени мы фиксируем наличие погребений, которые выделяются своим расположением на погребальном комплексе, определенными чертами обряда (надмогильных сооружений) и наборами инвентаря. Например, на Бергамакском могильнике в могиле №36 умерший был положен на белую кошму, его сопровождал полный воинский набор – палаши, пика, кинжал, набор стрел, в ногах находился перевернутый котел, под которым лежала узда с кольчатыми псалями, украшенными бронзовыми бляшками с позолотой. Фактически на каждом могильнике этого времени мы фиксируем одно-два подобных захоронения. В данном случае эти захоронения соотносятся, на мой взгляд, с руководством служилой знати татар, с «есаулами» хана Кучума (Татауров, 1995: 80-83). Подобные погребения выделяются на могильниках этого времени размерами надмогильной насыпи, деревянными конструкциями – киртма и надмогильными столбами – орма.

3.6. Критерий 6. Появляются политические, экономические, военные, культурные и идеологические центры - города. Город может возникнуть разными путями: из ставки военачальника, менового пункта, племенного центра, центра ремесла, специально основанного поселения для контроля за определенной территорией

Города Сибирского ханства в большей степени выполняли роль ставок хана Кучума и его наместников, нежели ремесленные, религиозные или торговые центры. Они являлись символами власти хана, становились, на время его пребывания в них, административными центрами, где он осуществлял свои государственные функции – заключал союзные договоры, контролировал сбор налогов, решал конфликтные ситуации. В связи с этим города представляли собой компактные, хорошо защищенные комплексы с небольшим постоянным населением – по этой причине проводимые на них археологические изыскания не дают нам реальной картины экономики ханства, а только иллюстрируют определенную централизацию власти этого государства.

Археологические исследования Искера, Тон-Туры (Воскресенского городища), Тунуского городка позволяют говорить об особенностях планировки этих комплексов, специфике конструкций жилых и хозяйственных объектов, более сложной фортификации по сравнению с сельскими поселениями. Имеются, как уже выше отмечалось, различия и в наборах найденного в ходе раскопок инвентаря. Например, для Искера можно выделить наличие большого количества ключей и металлических деталей сундуков.

3.7. Критерий 7. Возникает и развивается монументальная архитектура, прежде всего сакральная: храмы, погребальные комплексы (усыпальницы); оборонительные сооружения, дворцы правителей.

В ходе укрепления своей власти и расширения границ своего государства хан Кучум не мог не заняться сакрализацией своей власти. Начатый им на государственном уровне процесс обращения в мусульманство своих подданных он сопровождал основанием практически во всех ключевых пунктах своего ханства «святых мест» – памятников мусульманских святых и воинов ислама «погибших за веру» – астана. О мавзолеях в Искере, опираясь на раскопки В.Н. Пигнатти, писал А.Г. Нестеров в своей диссертации (Нестеров, 1988: 10).

В данном случае для нас важен сам факт совершения погребения по нетрадиционной манере для местного населения и дистанцирование его от общего погребального комплекса. Это было принесение чуждого ритуала, демонстрация для всего населения и превращение этого комплекса в особое священное место. Для местной знати это давало право легитимности на особый порядок выполнения погребального обряда. Оставался один шаг для установления подобной дистанции между могилами правящей группы и могилами простых сородичей. И постепенно это стало выражаться в усложнении надмогильных сооружений, появлению сначала символов мавзолеев – надмогильные резные столбы (орма), затем каменные стелы или надмогильные камни и наконец самих построек-усыпальниц.

Пока археологи не исследовали городских объектов, которые можно соотнести с дворцовыми сооружениями, но уже сам факт строительства сложных фортификационных систем можно рассматривать в одном ряду вместе с астана – как навязывание обществу нового мировоззрения и демонстрацию своей власти.

3.8. Критерий 8. Усиливается плотность информационных связей, появляется письменность.

Для Сибирского ханства можно говорить о выходе связей между провинциями и центром на более высокий уровень по сравнению с предыдущими государственными образованиями. Хан Кучум мог в случае необходимости отправить своих курьеров в любую часть своего ханства с определенными требованиями. Например, у Г.Ф. Миллера описывается оповещение о войне рассылкой особых стрел: «Царь же Кучюм... посла по всему Сибирскому царству ко всякого чина людем своим, дабы вскоре к нему без всякого слушания собрались, и посла вместо царских своих грамот стрелы свои золоченые...» (Миллер, 2000: 662-663).

Развитие налоговой системы, административных реформ привели к строгому учету населения и формированию управленческого аппарата, что в свою очередь существенно усилило централизацию власти. Естественно, что эти факторы повлекли за собой развитие внутри государственной документации и расширению грамотности населения.

В археологическом плане это отразилось в появлении письменных погребальных памятников, фиксации знаков тамг и перстней-печатей. К сожалению, для Западной Сибири этот вопрос раньше практически не рассматривался и еще ожидает своего решения.

Перечислив критерии классообразования и государственности, выделенные Н.П. Матвеевой, можно констатировать, что в отличие от государственных образований более ранних периодов, для которых как пишет автор: «...в Западной Сибири кроме ключевых укрепленных комплексов, которые контролировали определенные районы или торговые пути в поддержку этих критериев ничего привести нельзя» (Матвеева, 2007: 72) – для Сибирского ханства для всех без исключения критериев имеются археологические основания-подтверждения.

Для Сибирского ханства в археологических материалах есть критерии, о которых не пишет Н.П. Матвеева, а именно конкретные маркеры государственности. Эти маркеры можно разделить на два блока – личные атрибуты власти и факторы государственного устройства.

К атрибутам верховной власти мы относим несколько категорий материалов. К ним необходимо отнести головные уборы правителей и их ближайших приближенных. В коллекциях российских

музеев есть несколько шлемов, которые историки связывают с сибирскими ханами. Прежде всего, это шлем хана Кучума. В коллекции Оружейной палаты хранится шлем иранского производства XVI в. который именуется в описях государственной казны «шапкой ерихонской кучюмовской». Шлем украшен восточным растительным орнаментом, имеет золотое эмалевое навершие (позади навершия расположена трубка для перьев) и украшен жемчугом и драгоценными камнями красного и синего цветов. Шлем воспринимался как военный головной убор Кучума и егоотдали 27 января 1664 г. потомку Кучума сибирскому царевичу Алексею Алексеевичу (Пчелов, 2009: 13-21). В фондах Екатеринбургского областного краеведческого музея хранится «шлем Илегея». По преданию, он принадлежал татарскому князьку Илегею, владевшему землями по берегам р. Исети (Плотников, 1906).

О существовании сибирской короны пишет казанский историк Файзрахманов (Файзрахманов, 2002: 145). Д.М. Исхаков, основываясь на материалах других позднезолотоордынских татарских государств, говорит об определенной государственной символике в Сибирском ханстве, идентичной той, что была принята в Крыму. Хан восседал «на троне, на синих подушках, лежат: на правой стороне — закон... а по левой... — тарак (тамга Гиреев), принятый в символическую тамгу или герб» (Исхаков, 2007: 43).

К маркерам Сибирского ханства необходимо отнести существование тамг. Тамги, если они принадлежат правящему роду, имеют государственную нагрузку. Подобный пример приводит В.В. Трепавлов, когда кучюмовичи Аблай и Тауке в доказательство того, что они живы, передали послам Девлет-Гирея «изображение родовой тамги нарисованный им на бумаге, а Тауке — прядь своих волос и тоже нарисовал тамгу» (Трепавлов, 2012: 101). В отличие от городов Поволжья с каменной архитектурой, где на кирпичах известны изображения тамг — в Западной Сибири можно зафиксировать только в исключительных случаях.

Еще одной категорией предметов, которые можно отнести к маркеру государственности Сибирского ханства являются перстни-печати. В общем массиве украшений они выделяются своими размерами и символикой. Они значительно больше и массивнее и на щитке имеют либо стилизованное изображение тамги, личину, воина - поражающего дракона и т.д. Подобные перстни были достаточно широко распространены в эпоху средневековья среди тюркских правителей. Из письменных источников нам известно, что печати были элементом культуры государственного существования практически всех позднезолотоордынских государств. В грамоте хана Кучума (1571 г.) приводится запись: «...а на утверждение... яз Кучюм ц'р печать свою приложил...». Печати, по своему содержанию (титулатура, имя владельца, герб), являлись символом государственной власти (Исхаков, 2009: 21).

На настоящий момент в Прииртышье есть несколько находок подобных перстней, которые мы можем атрибутировать как печати, причем некоторые из них связаны с конкретными родами и с историческими личностями комплексами. Несколько поколений назад этими перстнями заверялись бумаги местного делопроизводства — справки об имуществе, залоговые бумаги, договора аренды и т.д.

К стержневым институтам Сибирского ханства следует отнести армию. При ее немногочисленности, примерно в 3–5 тысяч, это были профессиональные хорошо вооруженные мобильные отряды, способные совершать многотысячные походы, вести бой с превосходящими силами, штурмовать крепостные стены городов и т.д. В периоды больших военных компаний армия существенно увеличивалась за счет отрядов посаженных на пограничные территории служилых татар, местной знати и союзных хантыйских и мансийских князей.

Помимо военных походов в функции армии была обязанность защиты пограничных рубежей государства. К сожалению, границы сибирских государственных образований, в качестве одного из основных фактов существования государственных образований до настоящего времени не стали объектом исследования ученого сообщества. Пожалуй, только В.И. Соболев в своей диссертации поставил вопрос об обустройстве ханом Кучумом границ Сибирского ханства (Соболев, 2008: 226-227). На настоящий момент зафиксированы две приграничные линии городков — в Барабе и южнотаежном Прииртышье. Эти городки по своему расположению подчиняются общей линии границы и имеют очень близкую схему фортификации, что указывает на плановость их строительства. Археологические раскопки городков Надеждинка VII, Кошкуль IV, Ананьино V показали примерно одинаковое время их строительства, идентичность жилых и хозяйственных сооружений и даже одинаковый рацион питания (за счет пригнанных с собой лошадей) (Матвеев, Татауров, 2012).

Археологические материалы могильников этого времени позволяют нам сделать предположение об определенной стандартизации вооружения воинов Сибирского ханства. Практически на всех могильниках XVI–XVII вв. в Прииртышье мы фиксируем погребения, которые выделяются из общего ряда комплектом оружия и дополнительным инвентарем — конской сбруей, котлами и т.д. Причем погребенные достаточно четко разделяются по своей воинской специфике от простого легковооруженного (лук и кинжал) до доспешного с полным комплектом оружия и снаряжения (копье, сабля или палаш, кинжал, лук, конная сбруя) воина. Наиболее выразительное в этом плане захоронение №267 было исследовано В.И. Матюченко при раскопках позднесредневекового могильника на Татарском увале у д. Окунево (Матюченко, 2003).

Это погребение представителя знати, облаченного в железный пластинчатый доспехи с богатым набором оружия. Рядом с ним располагаются погребения простых воинов с оружием и конской упряжью (мог. № 248, 260). Подобные захоронения мы зафиксировали на могильнике Бергамак II в захоронениях 33, 34 и 41 (Корусенко, 2003). Такие же захоронения мы наблюдаем и в Барабе, где на могильнике Абрамово-4 выделяются захоронения с наборами оружия (Молодин и др., 1990: 116-177). Наличие таких захоронений и их определенная «стандартизация» позволяет говорить о наличии вооруженных формирований, созданных по одному образцу и входящих в систему вооруженных сил Сибирского ханства.

Многие археологические материалы, которые вполне возможно в скором будущем станут маркерами Сибирского ханства, еще ждут своего исследователя. Например, такой важнейший критерий государственности, как финансовая система. Государство это власть и ему на содержание управленческого аппарата, армии, государя и его свиты, необходимы значительные средства и под какими формами они бы не организовывались «кочевыми», «полисными», «племенными» или другими, основные средства на содержание их государственных институтов – это налоги самых разных видов – дань, ясак и т.д. Чем более развито государство, тем больше необходимо средств на его содержание. Например, все противостояние кучумовичей в XVII в. с российским государством сводилась к борьбе за податное население, и только ясак с сибирских татар позволял потомкам хана Кучума продолжать свою политику по отношению к Москве (Трепавлов, 2012). Но были ли у сибирских ханов собственные деньги, или их эквиваленты, до настоящего времени неясно. Поэтому эту категорию находок, которую хорошо используют в качестве маркера государств и правителей в других частях света, в Западной Сибири применять пока нет возможности.

4. Заключение

Разгром русскими отрядами последнего в Западной Сибири тюрко-татарского государства – Сибирского ханства произошел достаточно быстро и со сравнительно небольшими потерями. Большинство ученых объясняют это слабостью самого ханства, которое на этот момент представляло собой аморфное в территориальном плане слабо развитое государственное образование, основу которого составляло полукочевое население. По этой причине владыка ханства хан Кучум фактически ничего не смог противопоставить экспансии русского государства (Новосельский, 1948; Скрынников, 1982).

В действительности поражение правителя ханства под своей столицей Искером было обусловлено не только слабостью его государства и войска, сколько целым рядом причин, прежде всего политических, заключающихся в противостоянии хану Кучуму значительной части татарской знати. Следует принять тот факт, что, несмотря на сокрушительное военное положение, борьба хана Кучума и его потомков затянулась практически до середины XVII в.

Имеющиеся археологические источники, которые можно соотносить с историей Сибирского ханства, показывают достаточно высокий уровень развития его государственных институтов. Вкупе с письменными свидетельствами можно утверждать, что хан Кучум воссоздал ханство по тюрко-татарским канонам, сложившимся в период Золотой орды и ее государств-преемников. За период своего правления он развивал необходимые для него институты управления – армию, религию, налоговую и административную системы. К истории этого государства относятся более двухсот археологических памятников – городов, городков, поселений и могильников. В исторической памяти сибирских татар сохранились былины, легенды и сказания о хане Кучуме и его государстве.

Оценивая в целом информативность археологических материалов можно констатировать, что привлечение данного источника является одним из наиболее перспективных направлений в воссоздании истории Сибирского ханства, последнего тюрко-татарского государства в Западной Сибири.

5. Благодарности

Работа подготовлена в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 33.1684.2014/К.

Литература

Искер – столица Сибирского ханства, 2010 - Искер – столица Сибирского ханства. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2010. 228 с.

Исхаков, 2006 - Исхаков Д.М. Введение в историю Сибирского ханства. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2006. 196 с.

Исхаков, Измайлов, 2007 - Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. Этнополитическая история татар (III – середина XVI вв.). Казань: РИЦ «Школа», 2007. 356 с.

Исхаков, 2009 - Исхаков Д.М. Тюрко-татарские государства XV–XVI вв. Казань: Татарское книжное изд-во, 2009. 142 с.

Корусенко, 2009 - Корусенко М.А. Погребальный обряд тюркского населения низовьев р. Тара в XVII–XX вв.: Опыт анализа структуры и содержания. Новосибирск: Наука, 2003. 192 с.

- Матвеев, Татауров, 2012** - *Матвеев А.В., Татауров С.Ф.* Сибирское ханство: военно-политические аспекты истории. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2012. 260 с.
- Матвеева, 2003** - *Матвеева Н.П.* Реконструкция социальной структуры древних обществ по археологическим материалам: учебное пособие. Тюмень: Изд-во Тюменского гос-го ун-та, 2007. 208 с.
- Матющенко, 2003** - *Матющенко В.И.* Могильник на Татарском увале у д. Окунево (ОМ VII). Раскопки 1998, 1999 годов. Омск: Омск. гос. ун-т, 2003. (Новое в археологии Прииртышья. Вып. 3). 64 с.
- Миллер, 2000** - *Миллер Г.Ф.* История Сибири. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. Т. II. 796 с.
- Молодин и др., 1990** - *Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И.* Бараба в эпоху позднего средневековья. Новосибирск: Наука, 1990. 260 с.
- Нестеров, 1988** - *Нестеров А.Г.* Государство Шейбанидов и Тайбугидов в Западной Сибири в XIV-XVII вв. Автореф. Дисс... канд. ист. наук. М., 1988. 20 с.
- Новосельский, 1948** - *Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 447 с.
- Пигнатти, 2010** - *Пигнатти В.Н.* Искер (Кучумово городище) // Искер – столица Сибирского ханства. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2010. С. 186- 226.
- Плотников, 1906** - *Плотников Г.С.* Описание мужского Далматовского Успенского монастыря. Екатеринбург: (б.и.), 1906. 21 с.
- Пчелов, 2009** - *Пчелов Е.В.* Символы сибирского царства // Известия Уральского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». 2009. № 4 (66). С. 13–21.
- Скрынников, 1982** - *Скрынников Р.Г.* Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск: Наука, 1982. 253 с.
- Скрынников, 2008** - *Скрынников Р.Г.* Ермак. М.: Молодая гвардия, 2008. 255 с.
- Соболев, 2008** - *Соболев В.И.* История сибирских ханств (по археологическим материалам). Новосибирск: Наука, 2008. 356 с.
- Татауров, 1995** - *Татауров С.Ф.* Погребение № 36 могильника Бергамак II // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск: Изд-во ОмГПУ, 1995. Ч.1. С. 80-83.
- Трепавлов, 2012** - *Трепавлов В.В.* Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М.: Вост. лит., 2012. 231 с.
- Тычинских, 2012** - *Тычинских З.А.* Социальная структура сибирско-татарского населения в конце XVI – начале XVII вв. // Средневековые тюрко-татарские государства. Сборник статей. Выпуск 4. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2012. С. 144-148.
- Файзрахманов, 2002** - *Файзрахманов Г. Л.* История сибирских татар (с древнейших времен до начала XX века). Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2002. 488 с.
- Яковлев, 2009** - *Яковлев Я.А.* Могильник Тоянов городок: Каталог коллекции Ф.Р. Мартина 1891 г. из фондов Государственного Исторического музея (г. Стокгольм). Томск-Сургут: Изд-во Том. ун-та, 2009. 348 с.

References

- Isker – stolica Sibirskogo hanstva, 2010** - Isker – stolica Sibirskogo hanstva [Isker – the capital of the Siberian khanate]. Kazan': Institut istorii im. SH. Mardzhani AN RT, 2010. 228 s.
- Iskhakov, 2006** - *Iskhakov D.M.* Vvedenie v istoriyu Sibirskogo hanstv [Introduction to the history of the Siberian khanate]. Kazan': Institut istorii im. SH. Mardzhani AN RT, 2006. 196 s.
- Iskhakov, Izmajlov, 2007** - *Iskhakov D.M., Izmajlov I.L.* Ehtnopoliticheskaya istoriya tatar (III – seredina XVI vv.) [Ethno-political history of tatars (III - the middle of the XVI century.)]. Kazan': RIC «SHkola», 2007. 356 s.
- Iskhakov, 2009** - *Iskhakov D.M.* Tyurko-tatarskie gosudarstva XV-XVI vv. [Turkic-Tatar states of XV-XVI centuries]. Kazan': Tatarskoe knizhnoe izd-vo, 2009. 142 s.
- Korusenko, 2003** - *Korusenko M.A.* Pogrebal'nyj obryad tyurkского naseleniya nizov'ev r. Tara v XVII-XX vv.: Opyt analiza struktury i sodержaniya [Funeral rite of the turkic population of the lower reaches of the river Tara in the XVII-XX centuries: experience of analysis of structure and content]. Novosibirsk: Nauka, 2003. 192 s.
- Matveev, Tataurov, 2012** - *Matveev A.V., Tataurov S.F.* Sibirskoe hanstvo: voenno-politicheskie aspekty istorii [Siberian Khanate: the military-political aspects of history]. Kazan': Izd-vo «Fehn» AN RT, 2012. 260 s.
- Matveeva, 2007** - *Matveeva N.P.* Rekonstrukciya social'noj struktury drevnih obshchestv po arheologicheskim materialam [The reconstruction of the social structure of ancient societies based on archaeological materials]: uchebnoe posobie. Tyumen': Izd-vo Tyumenskogo gos-go un-ta, 2007. 208 s.
- Matyushchenko, 2003** - *Matyushchenko V.I.* Mogil'nik na Tatarskom uvale u d. Okunevo (OM VII). Raskopki 1998, 1999 godov [Burial in the Tatar Uval at the village of Okunevo (DG VII). Excavations 1998, 1999]. Омск: Gos. un-t, 2003. (Novoe v arheologii Priirtysh'ya. Vyp. 3) 64 s.
- Miller, 2000** - *Miller G.F.* Istoriya Sibiri [The History of Siberia]. М.: Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura» RAN, 2000. Т. II. 796 с.

- Molodin i dr., 1990** - *Molodin V.I., Sobolev V.I., Solov'ev A.I.* Baraba v ehphohu pozdnego srednevekov'ya [Baraba in the late middle ages]. Novosibirsk: Nauka, 1990. 260 s.
- Nesterov, 1988** - *Nesterov A.G.* Gosudarstvo Shejbanidov i Tajbugidov v Zapadnoj Sibiri v XIV-XVII vv. [The state of Sheibanids and Taybulatov in Western Siberia in XIV-XVII centuries.]. Avtoref. Diss... kand. ist. nauk. M. 1988. 20 s.
- Novosel'skij, 1948** - *Novosel'skij A.A.* Bor'ba Moskovskogo gosudarstva s tatarami v pervoj polovine XVII v. [The struggle of the Moscow State with the Tatars in the first half of the XVII century]. M.-L.: Izd-vo AN SSSR, 1948. 447 s.
- Pignatti, 2010** - *Pignatti V.N.* Isker (Kuchumovo gorodishche) // Isker – stolica Sibirskogo hanstva Isker – the capital of the Siberian khanate]. Kazan': Institut istorii im. SH. Mardzhani AN RT, 2010. S. 186-226.
- Plotnikov, 1906** - *Plotnikov G.S.* Opisanie muzhskogo Dalmatovskago Uspenskogo monastyrya [Description of the male Dalmatovo Dormition Monastery]. Ekaterinburg: (b.i.), 1906. 21 s.
- Pchelov, 2009** - *Pchelov E. V.* Simvol'y sibirskogo carstva [Symbols of the Siberian kingdom] // Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Gumanitarnye nauki». 2009. № 4 (66). S. 13–21.
- Skrynnikov, 1982** - *Skrynnikov R.G.* Sibirskaya ehkspediciya Ermaka [Siberian expedition of Ermak]. Novosibirsk: Nauka, 1982. 253 s.
- Skrynnikov, 2008** - *Skrynnikov R.G.* Ermak [Ermak]. M.: Molodaya gvardiya, 2008. 255 s.
- Sobolev, 2008** - *Sobolev V.I.* Istoriya sibirskih hanstv (po arheologicheskim materialam) [The history of Siberian khanates (on archaeological materials)]. Novosibirsk: Nauka, 2008. 356 s.
- Tataurov, 1995** - *Tataurov S.F.* Pogrebenie № 36 mogil'nika Bergamak II [Burial No. 36 of Bergamak II] // Integraciya arheologicheskikh i ehtnograficheskikh issledovanij. Omsk: Izd-vo OmGPU, 1995. Ch. 1. S. 80-83.
- Trepavlov, 2012** - *Trepavlov V.V.* Sibirskij yurt posle Ermaka: Kuchum i Kuchumovich i v bor'be za revansh [Siberian yurt after Yermak: Kuchum and Kucukovic in the fight for a rematch]. M.: Vost. lit., 2012. 231 s.
- Tychinskih, 2012** - *Tychinskih Z.A.* Social'naya struktura sibirsko-tatarskogo naseleniya v konce XVI – nachale XVII vv. [The social structure of the siberian tatar population at the end of XVI – early XVII centuries.] // Srednevekovye tyurko-tatarskie gosudarstva. Sbornik statej. Vypusk 4. Kazan': Institut istorii im. SH. Mardzhani AN RT, 2012. S. 144-148.
- Fajzrahmanov, 2002** - *Fajzrahmanov G. L.* Istoriya sibirskih tatar (s drevnejshih vremen do nachala XX veka) [The history of the Siberian Tatars (from ancient times to the early XX century)]. Kazan': Izd-vo «Fehn» AN RT, 2002. 488 s.
- Yakovlev, 2009** - *Yakovlev Ya.A.* Mogil'nik Toyanov gorodok: Katalog kollekcii F.R. Martina 1891 g. iz fondov Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeya (g. Stokgol'm) [The burial Toynew town: catalogue of the collection F.R. Martin, 1891 from the collections of the State Historical Museum (Stockholm city)]. Tomsk-Surgut: Izd-vo Tom. un-ta, 2009. 348 s.

УДК 904

Государственные институты Сибирского ханства и их отражение в археологических материалах

Сергей Филиппович Татауров^{а, *}^а Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена анализу государственных институтов Сибирского ханства и их отражению в археологических материалах, полученных в ходе археологического изучения памятников данного периода. Рассматриваются процессы классообразования и формирование стратифицированного общества. За основу взяты критерии, высказанные в своих работах известным сибирским археологом Н.П. Матвеевой. В статье дается оценка уровню развития производительных сил населения государства, указывается на значение переселенческих процессов и развитие торговых отношений как внутри ханства, так и с сопредельными государствами. Особое внимание уделено возникновению городов ханства, их роли в централизации власти, в развитии внутригосударственных и межгосударственных путей сообщения, торговли. Дается высокая оценка фортификационных систем городов и пограничных городков ханства и делается вывод об участии в строительстве приглашенных из Средней Азии специалистов. Анализируются вопросы имущественного и социального расслоения и отражения этого процесса в погребальном обряде. Делается

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: TatSF2008@rambler.ru (С.Ф. Татауров)

предположение о том, что дополнительными критериями уровня государственности Сибирского ханства могут выступать личностные маркеры власти – печати, головные уборы, оружие и т.д. Критерием уровня централизации власти для Сибирского ханства является профессиональная армия, которая состояла из служилых татар, наемных отрядов и ополчения. Фортификационные системы защиты границ ханства на юге Барабы и в Тарском Прииртышье также указывают на высокий уровень ханской власти. В заключении делается вывод о том, что археологические материалы восполняют недостающую информацию письменных источников и их привлечение в исторические реконструкции тюрко-татарской государственности является одним из обязательных условий подобных исследований.

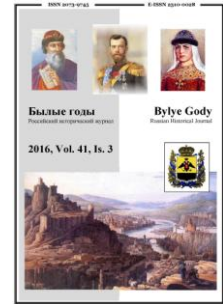
Ключевые слова: Западная Сибирь, татары, археология, история, государство, класс, система, создание.

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 41, Is. 3, pp. 585-593, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94(470) "16/18"

The Social Composition of the Service Class and Urban Population of the South of Russia in 1640–1650-ies

Denis A. Lyapin ^{a,*}^a Bunin Yelets State University, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to analysis of the social composition of the public service as the urban population of the South of Russia in the middle of XVII century on the basis of archival documents. The main source of work was the List of the Russian army in 1651. In 1640-1650 in Russia there is an important socio-political changes which influenced the social structure of society. Especially these processes are reflected region on the southern border of the state. Here appeared and spread rapidly regiment of the new system, first of all, dragoons. In the cities the growing number of urban population, which accounted for some of these, about 40% of the population, and if to this number be added 10% of privately owned households, that is obtained for the first time since early settlement in the region, serving the population in large cities has caught up with citizens («posadskie»). After 1650 was scrapping the social structure of local society: urban population began to grow steadily, and servitors to fall. The article shows that these processes have been associated not only with the military reform and the specifics of colonization, which we discussed at the beginning of our article. In our opinion, the first reason of the changes (especially in cities) became the policy of the B. I. Morozov's government 1645-1648, conducted so-called «urban structure». After 1649, the privileges in trade got trades people and servicemen for instrument proposed to move in this social category and become taxpaying members of the town community. The occupation of trade and craft activity was declared a monopoly of the townspeople.

Keywords: «posadskie», service people, the South of Russia, social reforms, military reforms.

1. Введение

Изучение социальной структуры российского общества раннего Нового времени в условиях военной модернизации служилого сообщества – важная задача современной исторической науки. Различные социально-политические процессы, происходящие в России этого периода, нашли свое прямое отражение в изменениях социального состава русского города. В нашей статье речь пойдет о городах Юга России во второй половине XVII в.

«Юг России» – это географическое название, принятое в современной исторической науке, которое является в определенной степени условным, и в XVII в. оно не употреблялось как конкретная административная или территориальная категория. Однако если мы посмотрим на карту Европейской части России того времени, то увидим условные границы Юга страны: территорию, находящуюся южнее Оки. Основную часть Юга России занимало огромное «Поле», и иногда Юг условно делили на этом основании на «польские» города и города на границе с Полем. Понятие Юг России соотносится с современной административной картой следующим образом: это территории Курской, Воронежской, Липецкой областей, а также восточные районы Белгородской области, юго-восток Орловской области и юго-запад Тамбовской области. Географические рамки территории можно также установить в пределах верховьев рек Ока, Сейм и Псел на западе, Зуша и Красивая Меча – на севере, верховьев рек Цны и Воронежа – на востоке, а южные границы региона в середине XVII в. проходили по реке Дон, включая устье Северского Донца (Жиров, 2015).

* Corresponding author

E-mail addresses: denis-1@mail.ru (D.A. Lyapin)

2. Материалы и методы

2.1. В качестве основных источников нашей работы используются материалы Разрядного приказа, хранящиеся в российском государственном архиве древних актов, прежде всего, это смета русского войска 1651 г. (РГАДА: Ф. 210. Оп. 1. Д. 327. Л. 35-50). В качестве дополнительных источников мы применили данные десятен, писцовых и переписных книг середины XVII в.

2.2. Методология работы связана с применением вероятностно-статистического, типологического и сравнительного методов. Методика подсчетов численности населения была апробирована нами в отдельных статьях (Ляпин, Жиров, 2013; Ляпин, Жиров, 2014).

В современном научном знании весьма распространенным является вероятностно-статистический метод, пришедший на смену статистической методологии. В нашей работе этот метод сыграл заметную роль, поскольку нам приходилось анализировать социальные процессы, отражающие динамику развития отдельных групп населения. В этой связи приходилось учитывать возможные действия случайных факторов. Анализируя массовые статистические источники, мы также учитывали их неполноту для получения статистических данных, однако вероятностно-статистический метод позволил нам выявить устойчивую частоту случайных факторов и использовать, в некоторой мере, данные массовых источников в работе.

Применение типологического метода позволило выявить общее и особенное в рассматриваемых явлениях. С его помощью мы проанализировали социальный состав населения в различных городах изучаемого нами региона. В основе используемой типологизации лежат общие признаки, связанные с количественными показателями социального состава населения. Таким образом, данный метод позволил показать совокупность явлений, связанных с социальной динамикой служилого и посадского общества в 1640-50-е годы, как некоторую целостность, благодаря выявлению определенного числа признаков исследуемых в статье явлений.

В работе также использовался сравнительный метод, с его помощью удалось выявить общие и отличительные признаки изучаемых явлений, отражающих социально-политическую характеристику населения в разных городах Юга России. Работая с архивными документами, был собран и проанализирован большой по объему материал. Для построения теоретических выводов, связанных с обработкой результатов, мы применили совокупность частных аналитических методов изучения, включая анализ и синтез результатов, абстрагирование, методику допущения. В результате употребления аналитических методик удалось систематизировать полученную информацию и более эффективно использовать ее для теоретических построений.

В работе также использовался системный подход, объединяющий в себе совокупность методологических принципов, характерных для любого гуманитарного знания, в основе которых лежит рассмотрение группы объектов как систем. Этот метод был необходим для выработки теоретических построений, приведенных в конце нашего исследования. В результате нам удалось с помощью этого метода раскрыть целостность исследуемых событий и понять движущие механизмы преобразований (военные реформы, изменение в законодательстве, экономическое развитие региона). Этот метод применялся также в описании поведения участников волнений, особенно при рассмотрении особенностей их организации, целей и методов борьбы.

При анализе данных по различным городам Юга России в 1640–1650-е годы мы также использовали структурно-функциональный метод, характеризующийся выделением в отдельных системах их структуры – совокупности устойчивых связей между ее элементами. В нашем случае структурно-функциональный метод, использовался как разновидность системного подхода.

3. Обсуждение

Подчеркивая актуальность работы, отметим, что проблемы военных реформ в регионе были рассмотрены в обстоятельной статье Н.Н. Петрухинцева, который предложил свою схему развития региона в условиях военных преобразований, а также определил иерархию служилых «городов» Юга России (Петрухинцев, 2015). Наше исследование показывает изменение социальной структуры служилого и посадского населения региона, т.е. те обстоятельства, которые не учитывались в работе Н.Н. Петрухинцева, сконцентрировавшего свое внимание только на военных преобразованиях, касающихся, главным образом, местного дворянства.

Вопросы колонизации края рассмотрены также в работах тамбовских историков Д.С. Жукова, С.К. Лямина, В.В. Канищева, Ю.А. Мизиса (Жуков и др., 2013; Жуков и др., 2014; Мизис, Кашенко, 2011). Однако попытка исследования процесса заселения Юга России в теоретических аспектах понятия «фронт» остается достаточно дискуссионной. Кроме того, следует учитывать, что фронт – это «движущаяся» территория, меняющаяся по мере продвижения условной государственной границы, следовательно территория, вошедшая в состав государства, остается за пределами исследований, даже если является слабо освоенной.

В 1995 г. вышла в свет книга американской исследовательницы К. Стивенс Белкин «Солдаты в Степи», посвященная военным реформам и колонизации Юга России в XVII в. (Stevens Belkin, 1995). В книге показаны общие направления колонизации Юга России, которая была возможна, по мнению автора, благодаря постепенной «военной революции», изменившей русскую армию. Однако

исследовательница основную часть своей работы посвятила не городскому, а уездному обществу: помещикам и крестьянам. Это обстоятельство заставляет нас обратиться к изучению всего комплекса служилого и посадского населения региона, как единого целого.

Следует также отметить интересную работу Б. Дэвиса «Государственная власть и общество в России раннего Нового времени. Ситуация в Козлове в 1635–1649 гг.» (Devies, 2004). Автор попытался показать особенности взаимодействия власти и общества в допетровской России на примере изучения процессов колонизации Юга России, основываясь на документах, отражающих историю Козловского уезда. Автор справедливо отметил, что местное общество было военизированным и полностью подчинялось особым условиям, которые он называет «гарнизонным режимом». Однако методика работы автора, основанная на изучении всего лишь одного города, на наш взгляд, не позволяет полностью переносить сделанные им выводы на процессы, происходящие в соседних регионах и городах, хотя автор претендует именно на это.

Таким образом, наша статья дополняет существующие представления о социально-политических изменениях на Юге России, происходящих в 1650-е годы, и продолжает исследования в этом направлении. Следует отметить также, что в данной работе мы не рассматриваем крестьянство как особую социальную категорию, поскольку оно имело свои особенности, которые мы отмечали в отдельной статье (Lyurin, 2014).

4. Результаты

Основную массу населения Юга России составляли служилые люди. Это обстоятельство, существенно отличающее местные уезды от других регионов страны, обусловлено историей края: большинство местных городов возникли как крепости в конце XVI в. для борьбы с ногайскими и крымскими татарами, остальные появились с той же целью, но позже – в 1630–1640-е годы. Преобладание служилого населения указывает на то, что процесс урбанизации в данном регионе в середине XVII в. еще не завершился, местные крепости не успели стать полноценными городами с преобладанием торгово-ремесленного населения, характерного для этого типа поселений.

Юг России был достаточно большим регионом, в 1645–1655 гг. здесь существовали 36 городов и острогов: Белгород, Курск, Оскол, Валуйки, Воронеж, Ливны, Елец, Лебедянь, Талицкий острог, Ефремов, Чернавск, Болхов, Карпов, Хотомышск, Вольный, Олешня, Бобров, Недрыгайлов, Валки, Коротояк, Урыв, Ольшанский, Усерд, Верхнесосенский, Царев-Алексеев, Яблонов, Короча, Усмань, Орлов, Костенск, Козлов, Бельский, Чалнавский острог, Тамбов, Добрый, Сокольск. Из них только 11 существовали до 1640 г.: Белгород, Курск, Оскол, Валуйки, Воронеж, Елец, Ефремов, Лебедянь, Чернавск, Талицкий острог и Ливны. До 1600 г. здесь находились 7 городов: Белгород, Курск, Оскол, Валуйки, Воронеж, Елец, Ливны.

Рассмотрим теперь изучаемый регион, исходя из анализа материалов сметы Российского государства 1651 г. и близких к ней по времени документов (РГАДА, Ф. 210. Оп. 1. Д. 327. Л. 35–50). Большую роль в данном регионе играло служилое население, особенно дети боярские, однако уездные корпорации не везде были достаточно развиты. Основным показателем этого развития – разделение местных помещиков на выборных, дворовых и городских по имущественному принципу и по родовитости. На Юге России выборные дети боярские также были большой редкостью. Самое большое их число находилось севернее рассматриваемого региона, на Оке: в Мценске – 29, в Орле – 4 человека (РГАДА, Ф. 210. Оп. 1. Д. 327. Л. 6–8). Дворовых детей боярских на Юге было также незначительное количество. Именно дворовые дети боярские занимали важные посты и должности. Они появились в некоторых городах в 20-е годы, но их состав часто менялся. Например, по данным елецкой десятины 1622 г., в этом городе отмечено четверо дворовых (РГАДА, Ф. 210. Оп. 1. Д. 87. Л. 4–6).

Итак, крупные корпорации детей боярских располагались в Козлове – 2047 человек, Курске – 1368 человека, Ельце – 1297 человек, Ливнах – 1180 человек. Всего в регионе детей боярских, по нашему подсчетам, было 11 117 человек, из них более 50 % (6 105 человек) проживали в четырех уездах: Козловском, Курском, Елецком и Ливенском.

Дети боярские – это основа провинциального среднего и мелкого служилого землевладения, но в их ряды попадали и поместные казаки, а также запорожские казаки («черкасы»), владевшие крупными земельными участками. Тут же были «испомещены» можайские и ярославские беломестные казаки, которые несли конную службу. Черкасы и донских казаков, а также «новокрещенов татар» в городах и острогах находилось 3612 человек, драгун – 2949. Отдельную группу составляли иноземцы – 80 человек. Среди иноземцев присутствовали 4 майора, 4 капитана, 13 поручиков, 21 прапорщик, 21 сержант, 1 капрал, 2 «ружных дозорщика», 4 барабанщика и 2 обозника, всего – 62 человека.

Для черкасы и донских казаков были характерны прочные традиции самоуправления, идущие от обычаев вольного казачества XVI – начала XVII вв. Эти традиции сложно взаимодействовали с системой воеводской власти в городах. Казачий «круг» еще продолжал играть свою роль, особенно там, где казаки составляли значительную часть населения. Мнение казачьей общины немало значило и в профессиональных вопросах. Похожая ситуация сложилась в это же время в городах Сибири, на что обратил внимание Н.Н. Покровский (Покровский, 2005: 12).

Дети боярские, донские казаки, черкасы и драгуны имели дворы в городах и острогах, но проживали, как правило, в уезде. Общая их численность составила 17758 человек, из них 63 % – дети боярские, 20 % – черкасы и донские казаки, 16 % - драгуны. При этом драгуны размещались по исследуемой территории крайне неравномерно: существовало два уезда, где драгунское население составляло 100 % – Добровский и Сокольский. Здесь проживали 1753 драгуна из их общего числа в регионе – 2949 человек, т.е. 60 % от общей массы. Остальные драгуны проживали в острогах Воронежского уезда.

Итак, подавляющее большинство служилого населения уездов Юга России составляли дети боярские. Однако было бы неверно видеть в них единую массу помещиков-землевладельцев. Как показывают данные десятины 1648 г. по нашему региону, большинство из них не имели крестьянских дворов. Поэтому типичным явлением местной жизни были т.н. «помещики-однодворцы». Численность их была значительной, и это было показателем бедности и неразвитости местных служилых корпораций.

Посмотрим, как появились помещики-однодворцы на Юге и почему они стали преобладающей группой населения. Возьмем для примера Елецкий уезд, где находилась одна из самых крупных корпораций детей боярских на Юге страны. По данным елецкой десятины 1622 г., количество крестьян составило 1256 человек, а детей боярских – 820 (РГАДА, Ф. 210. Оп. 4. Д. 87). Таким образом, первоначально количество крестьян превосходило количество детей боярских, а численность однодворцев в уезде составила 193 человека или 23 %.

Большой проблемой в регионе было бегство крестьян. Крестьяне бежали целыми семьями на земли крупных землевладельцев. В 1637 г. были приняты первые меры по закрытию южных уездов от проникновения крупного землевладения. В список закрытых городов вошли: Болхов, Воронеж, Елец, Карачев, Курск, Лебедянь, Ливны, Мценск, Новосиль, Орел, Рыльск и Старый Оскол. Города, которые располагались южнее, также находились под запретом (ПСЗРИ, Т. 1: 14). Однако из переписных книг 1646 г. видно, что на деле ситуация изменилась слабо. Проникновение крупного, по преимуществу московского, землевладения особенно заметно в Воронежском, Острогожском и Елецком уездах.

Социальная дифференциация в среде южнорусских помещиков резко увеличилась к середине столетия. Только 307 помещиков Елецкого уезда в 1648 г. действительно владели хотя бы одним крестьянином, а 1498 человек вообще не имели крестьян. В процентном соотношении это выглядит так: только 17 % всех помещиков уезда владели крестьянами и, соответственно, 83 % помещиков крестьян не имело, т.е. являлось однодворцами (РГАДА, Ф. 210. Оп. 4. Д. 88). Привязанность однодворца к своему поместью, от которого зависело его существование, негативно сказывалась на несении службы. Для однодворца привлечение на службу – это тяжелая государственная повинность, которую он выполнял с неохотой, относясь к этому как к неизбежному злу. Конечно, за службу платили жалование, но эти выплаты были незначительны и нерегулярны. За отличную службу можно добиться повышения оклада и увеличения поместья. Но в случае ранения заниматься хозяйственными делами было бы невозможно, и помещика-однодворца ждала тогда тяжелая участь.

Таким образом, постоянная военная служба, подати и повинности негативно сказывались на экономическом положении детей боярских. Некоторые помещики Юга России на смотре 1648 г. просили правительство о выдаче жалования в связи с бедностью, указывая на отсутствие у них даже лошадей (РГАДА, Ф. 210. Оп. 78. Д. 3424. Л. 8-10).

Таким был социальный состав уездного служилого населения Юга России, в котором преобладали помещики-однодворцы, по данным документов от 1651 года. В городах, крепостях и острогах проживали служилые люди по прибору (стрельцы, служилые казаки, пушкари) и посадское население, часть которого являлась частновладельческой.

Среди городов западной части России следует выделить Курск, где размещались 156 стрельцов и 191 служилый казак, в Белгороде находилось 152 стрельца и 162 казака. Мы видим, что численность служилых людей по прибору была велика. Но стрельцы и казаки представляли в данном случае гарнизонную пехоту и были плохо пригодны для службы в полках.

В гарнизонах Юга России находились пешие и конные стрельцы. Например, в Елифани служили 42 стрельца конных и 64 пеших, в Яблонове – 179 конных и не было пеших (РГАДА, Ф. 210. Оп. 1. Д. 327. Л. 68, 156). Но в большинстве своем стрельцы по-прежнему оставались пешим войском. Количество стрельцов в регионе нигде не превышало 200 человек. Выделялся из этого показателя Воронеж, где находились 305 стрельцов. Стрелецкому приказу подчинялась большая часть городских казаков. Это можно объяснить отсутствием четкой разницы в службе городских казаков и стрельцов. И те, и другие были вооружены пищалями и коней для службы не имели.

Часть казаков подчинялась Казачьему приказу. Таких казаков с атаманами и есаулами было очень немного и по стране в целом. На Юге государства они были только в Ельце (80 человек) и в Ливнах (30 человек). Специфической группой населения являлись стрелецкие и казацкие дети, племянники и бобыли. Эта группа образовалась постепенно, когда все места в положенном числе городских казаков или стрельцов были уже заняты, но происхождение обязывало этих людей служить в «приборных» людях. Государство не считало их полноценным войском, но в сметные списки по городам они записывались. Стрелецкие и казацкие дети, племянники и бобыли имели на

вооружении рогатины и составляли местную пехоту (РГАДА, Ф. 210. Оп. 1. Д. 122. Л. 119-135). Их численность не превышала примерно 5 – 7 % от всего служилого населения.

Существовали и более мелкие служилые единицы: пушкарки, затынчики, воротники, казенные кузнецы, плотники, мостники, сторожа и ямские охотники. Каждая из этих категорий имела свои функции, но в целом они считались ниже стрельцов или казаков. Мостники и сторожа существовали не во всех городах региона.

Служилые люди по прибору редко привлекались к полковой службе. Они занимались огородничеством, ремеслом, торговлей, промыслами. Все служилые люди по прибору платили в городскую казну хлебные подати на случай осадного времени. Так, с оскольских служилых людей в 1651 г. было взято 57 четвертей ржи и овса. В Воронеже собирали хлеб не только со служилых, но и с посадских людей. В том же году здесь собрали в житницы на осадное время 195 четвертей ржи и овса. В Усмани, наоборот, упоминаний о сборе овса и ржи не находим, поскольку местное население само нуждалось в помощи государства.

Крупным городом на Юге России был Воронеж (РГАДА, Ф. 210. Оп. 1. Д. 122. Л. 35, 44, 45, 121). По данным сметы от 1651 г., в Воронеже находились два стрелецких и казачьих головы, 10 сотников, 305 стрельцов, 605 городских казаков. Численность мелких служилых людей была большей, чем в соседних городах, даже наиболее крупных – Ельце, Курске или Белгороде. Кроме того, в Воронеже служили 2 мостника, 55 пушкарей, затынчиков, воротников и казачьих сторожей. Численность служилого населения Воронежа в середине XVII в. превосходила 1500 человек. Основную массу составляли мелкие служилые люди, а также поместные казаки. Воронеж надежно защищал собой обширные пространства среднего Дона, имея внушительный гарнизон и занимая важное стратегическое положение.

Итак, всего служилых людей по прибору в городах Юга России, по данным на 1651 г., было, по нашим подсчетам, около 14 137 человек.

Количество посадского населения данного региона может быть выявлено на основе анализа платежных книг 1646 г. Не во всех городах торгово-ремесленное население было развито одинаково. В Юго-западных уездах, которые располагались ближе к границе с Литвой, посадское население было немногочисленно. Показательно, что ремесленники и торговцы привлекались здесь к военной службе: в Белгороде служили 45 посадских людей с пищальями и 39 – с рогатинами (РГАДА, Ф. 210. Оп. 1. Д. 122. Л. 162). Похожая ситуация наблюдалась и в Курске (РГАДА, Ф. 210. Оп. 1. Д. 122. Л. 193). Справедливости ради, следует отметить, что в некоторых уездах оружие имели даже крестьяне, хотя это было редкостью в других регионах. Мы имеем сведения только о том, что в 1651 г. елецким помещикам предписывалось вооружать своих крестьян в случае нападения татар на уезд, «чтоб в татарский приход никаких человек без оружия не был» (ПСЗРИ. Т. 3: 280). Близость границы и постоянные набеги со стороны черкасов и татар диктовали свои условия ведения службы и мешали нормальному социальному и хозяйственному развитию западных уездов России. Поэтому и посадское население здесь было слаборазвитым: постоянные военные действия препятствовали полноценному развитию торговли и ремесел.

По данным писцовых книг городов данного региона, посадское население здесь насчитывало около 6 000 человек, что составило 29 % от общего количества. Посадское население активно перемещалось в это время: из документов мы видим, что в некоторых городах встречаются пустые, брошенные дворы в слободах (РГАДА, Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8982, 15818, 13902).

Что касается частновладельческих дворов в городах, то можно отметить их неравномерность. В пограничных крепостях и острогах таких дворов не было. Частные лица владели дворами в хорошо укрепленных городах, имевших большое торговое и хозяйственное значение. Среди городов региона здесь можно выделить Елец. По итогам переписи 1646 г., в Ельце было зафиксировано 178 дворов с 375 жителями мужского пола (РГАДА, Ф. 1209. Оп. 1. Д. 135. Л. 59 об.). Доля тягловых дворов составляла здесь 47 % от общей массы.

А в Лебедяни, по подворной переписи населения 1646 г., вместе с монастырскими владениями и вотчиной боярина Н.И. Романова было зарегистрировано 103 двора с 142 жителями мужского пола. Из них дворов церковнослужителей, в том числе монастырских, было 46 с 46 жителями мужского пола. Стрельцов, казаков, пушкарей, захребетников насчитывалось 33 двора (32 человека). Частновладельческих холопов в городе было 63 человека, за которыми числились 30 дворов (РГАДА, Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8982. Л. 321 об.).

В слободе у боярина Н.И. Романова для охраны его вотчины от набегов крымских татар были поселены служилые казаки. За ними числилось 60 дворов, в которых проживало 130 человек. Кроме служилого населения в вотчине располагались: церковь с двором священнослужителя, 23 бобыльских двора с 30 людьми (которые выполняли функции кузнецов, различных ремесленников и рабочих). Всего в вотчине боярина было зафиксировано 954 двора крестьян (где проживало более 1000 человек), 86 казачьих дворов (198 человек), 74 бобыльских (98 человек) (РГАДА, Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 2. Д. 13902. Л. 172). Другим крупным вотчинником в регионе являлся И.А. Воротынский, у которого во владении находились 543 крестьянских двора (1090 душ мужского пола) и 234 бобыльских двора (430 человек).

У других крупных вотчинников, одним из которых являлся Чудов монастырь (более 300 крестьянских и 80 бобыльских дворов с общим населением 810 человек), количество тяглого населения было значительно меньше. За князем А.Н. Трубецким числилось 95 крестьянских дворов с населением в 293 человека, 30 бобыльских дворов (66 человек). Всего у князя во владении находились 280 крестьянских и 124 бобыльских двора с населением 728 крестьян и 225 бобылей (РГАДА, Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 2. Д. 13902. Л. 186). Итак, Лебедянь представляла собой город, где подавляющую часть жителей составляло частновладельческое тяглое население (около 80 %), а доля служилого – немного превышала 10 %.

В целом же, в других городах частные дворы составляли не более 10 % от общей массы населения. Как правило, это были владения знатной московской аристократии. Крупнейшими владельцами считались бояре Романовы, пока в 1654 г. не скончался последний представитель неправящей ветви этого рода – Никита Иванович, после чего все дворы были отписаны на имя царя Алексея Михайловича.

Таким образом, имеющиеся у нас данные о количестве служилого и посадского населения на Юге России в 1640–1650-е годы можно представить в следующем виде (Диаграмма 1).

Диаграмма 1. Социальный состав служилого и посадского населения Юга России в 1640–1650-е гг.

5. Заключение

Таким образом, мы проанализировали социальную структуру служилого населения Юга России. Основную группу населения уездов составляли мелкие помещики-однодворцы, а в городах – служилые люди «по прибору» (стрельцы и казаки).

В эти годы происходили важные перемены, которые коренным образом ломали традиционную социальную структуру местного общества. Как мы видели, в уезде появлялись и быстро распространялись полки нового строя, состоящие, в основном, из драгун. В городах росла численность посадского населения, которое составляло в некоторых случаях около 40 % населения. Но если прибавить сюда 10 % частновладельческих дворов, то выйдет, что впервые со времени начала заселения края служилое население в крупных городах сравнялось по количеству с посадским.

Эти процессы были связаны не только с военными реформами и спецификой колонизации, о которых мы говорили в начале нашей статьи. На наш взгляд, первой причиной происходящих изменений (особенно в городах) стала политика правительства Б.И. Морозова в 1645–1648 гг., проводившего т.н. «посадское строение». Эта важная реформа осуществлялась с большим трудом, однако смогла существенно повлиять на изменение социальной структуры общества.

В XIX главе Соборного уложения 1649 г. были окончательно представлены итоги посадского строения: частные владения в городах существенно сокращались (как правило, просто изымались), а жители конфискованных частновладельческих слобод становились членами тяглой посадской общины. Заниматься торговлей могли теперь только посадские люди, а служилым по прибору предлагалась переходить в эту социальную категорию и становиться тяглыми членами посадской общины. Занятие торгово-ремесленной деятельностью было провозглашено монополией посадских людей, а выход из общины и переход из посада в посад были запрещены. Однако на Юге России это постановление первое время практически не действовало: стрельцам и казакам разрешалось

торговать, но со временем они должны были все равно стать частью посадской общины (Смирнов, 1947; Бахрушин, 1947: 486).

Дальнейшее изучение отмеченных нами процессов сможет показать, на каком этапе служилое население в городах Юга России окончательно уступило главное место посадским людям, а дети боярские в уезде ушли на второй план, уступив численное превосходство драгунам, рейтарам и копейщикам.

6. Благодарности

Статья выполнена по гранту РГНФ и администрации Липецкой области, проект № 16-11-48001 о/Ц.

Литература

Бахрушин, 1947 - Бахрушин С.В. Послесловие к книге П.П. Смирнова «Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в.» // Смирнов П.П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в. М.-Л., 1947. Т. II. 432 с.

Жиров, 2015 - Жиров Н.А., Канищев В.В. Моделирование историко-географического районирования (на материалах юга центральной России XIX в.) // История: Факты и символы. № 1. 2015. С. 63-83.

Жуков и др., 2014 - Жуков Д.С., Лямин С.К., Канищев В.В. Эвристический потенциал фрактального моделирования процессов включения южнорусского фронта в состав России в XVII – середине XIX вв. // Границы и пограничье в южнороссийской истории. Материалы Всероссийской научной конференции. Тамбов, 2014. С. 233-248

Жуков и др., 2013 - Жуков Д.С., Лямин С.К., Канищев В.В. Фронт и фрактал: результаты компьютерного моделирования динамики южно-российского фронта в середине XVII–XVIII вв. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 10 (126). С. 6-16.

Ляпин, Жиров, 2013 - Ляпин Д.А., Жиров Н.А. Численность и размещение населения Ливенского и Елецкого уездов в конце XVI – начале XVII веков // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Чтения памяти академика РАН Л.В. Милова: материалы международной научной конференции (Москва, 21-23 ноября 2013). Вып. 3. М., 2013. С. 283-288.

Ляпин, Жиров, 2015 - Ляпин Д.А., Жиров Н.А. Тяглое население городов Юга России (по материалам переписи 1646 г.) // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 4. Чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. Материалы международной научной конференции. Москва, 26 октября – 1 ноября 2015 г. М., 2014. С. 283-288.

Мизис, Кащенко, 2011 - Мизис Ю.А., Кащенко С.Г. Проблема формирования русского фронта на юге России в XVI - первой половине XVIII в. в отечественной историографии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. 2011. № 1. С. 9-16.

Петрухинцев, 2015 - Петрухинцев Н.Н. Структура, динамика и иерархия служилых «городов» в XVII веке // Cahiers du Monde russe. 2015. № 56. P. 137-174.

Покровский, 2005 - Покровский Н.Н. Российская власть и общество в XVII-XVIII вв. Избранные труды. Новосибирск, 2005.

Правящая элита, 2006 - Правящая элита Русского государства второй половины XVI-первой половины XVII вв. // Правящая элита Русского государства IX – начала XVIII вв. (Очерки истории). Под редакцией А.П. Павлова. СПб., 2006.

ПСЗРИ - Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Т.1. СПб., 1830.

ПСЗРИ - Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Т.3. СПб., 1830.

РГАДА – Российский государственный архив древних актов.

Смирнов, 1947 - Смирнов П.П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в. М.-Л., 1947. Т. II. 432 с.

Devies, 2004 - Devies L.B. State power and community in Early Modern Russia. The Case of Kozlov, 1635-1649. N.Y. Palgrave Macmillan, 2004.

Lyapin, 2014 - Lyapin D.A. Народные волнения XVII века и русское крестьянство // Canadian-American Slavic Studies. Vol. 48 (2014) Special Issue: The Time of Troubles. P. 157-167.

Stevens Belkin, 1995 - Stevens Belkin C. Soldiers on the Steppe. Army reform and Social change in Early modern Russia. Northern Illinois University Press, 1995.

References

Bahrushin, 1947 - Bahrushin S.V. Posleslovie k knige P.P. Smirnova «Posadskie ljudi i ih klassovaja bor'ba do serediny XVII v.» [The afterword to the book by P. Smirnov «Townspeople and their class struggle up to the mid XVII century» / Smirnov P.P. Posadskie ljudi i ih klassovaja bor'ba do serediny XVII v. [The townspeople and their class struggle up to the mid XVII century.] Moscow-Leningrad, 1947. T. II. 432 s. [in Russian]

Zhirov, 2015 - Zhirov N.A., Kanishhev V.V. Modelirovanie istoriko-geograficheskogo rajonirovanija (na materialah juga central'noj Rossii XIX v.) [Modeling of historical-geographical zoning (based on

materials of the South of Central Russia of the XIX century)] // *Istorija: Fakty i simvoly*. № 1. 2015. S. 63-83. [in Russian]

Zhukov I dr., 2014 - *Zhukov D.S., Ljamin S.K., Kanishhev V.V.* Jevristicheskiy potencial fraktal'nogo modelirovanija processov vkljuchenija juzhnorusskogo frontira v sostav Rossii v XVII – seredine XIX vv. [The heuristic potential of the fractal simulation of the inclusion of the southern Russian frontier into Russia in XVII – mid-XIX centuries.] // *Granicy i pogranich'e v juzhnorossijskoj istorii Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii*. Tambov, 2014. S. 233-248. [in Russian]

Zhukov I dr., 2013 - *Zhukov D.S., Ljamin S.K., Kanishhev V.V.* Frontir i fraktal: rezultaty komp'juternogo modelirovanija dinamiki juzhno-rossijskogo frontira v seredine XVII – XVIII vv. [Frontier and the fractal: the results of computer simulation of the dynamics of the South-Russian frontier in the middle of the XVII – XVIII centuries.] // *Vestnik Tambovskogo universiteta. Serija: Gumanitarnye nauki*. 2013. № 10 (126). S. 6-16. [in Russian]

Ljapin, Zhirov, 2013 - *Ljapin D.A., Zhirov N.A.* Chislennost' i razmeshhenie naselenija Livenskogo i Eleckogo uezdov v konce XVI - nachale XVII vekov [The number and distribution of the population of Yelets and Livny districts in the late XVI - early XVII centuries] // *Rus', Rossija: Srednevekov'e i Novoe vremja. Chtenija pamjati akademika RAN L.V. Milova: materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Moskva, 21-23 nojabrja 2013)*. Vyp. 3. M., 2013. S. 283-288. [in Russian]

Ljapin, Zhirov, 2015 - *Ljapin D.A., Zhirov N.A.* Tjagloe naselenie gorodov Juga Rossii (po materialam perepisi 1646 g.) [The taxpaying population of the cities of the South of Russia (on materials of census of 1646)] // *Rus', Rossija: Srednevekov'e i Novoe vremja. Vyp. 4. Chtenija pamjati akademika RAN L.V. Milova. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Moskva, 26 oktjabrja - 1 nojabrja 2015 g.* M., 2014. S. 283-288. [in Russian]

Mizis, 2011 - *Mizis Ju.A., Kashhenko S.G.* Problema formirovanija russkogo frontira na juge Rossii v XVI - pervoj polovine XVIII v. v otechestvennoj istoriografii [The problem of formation of the Russian frontier in the South of Russia in the XVI - first half of XVIII century in the national historiography] // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Serija 2. Istorija*. 2011. № 1. S. 9-16. [in Russian]

Petruhincev, 2015 - *Petruhincev N.N.* Struktura, dinamika i ierarhija sluzhilyh «gorodov» v XVII veke [Structure, dynamics and hierarchy serving "cities" in the XVII century] // *Cahiers du Monde russe*. 2015. № 56. P. 137-174. [in Russian]

Pokrovskij, 2005 - *Pokrovskij N.N.* Rossijskaja vlast' i obshhestvo v XVII-XVIII vv. *Izbrannye Trudy* [The Russian government and society in XVII-XVIII centuries Selected works]. Novosibirsk, 2005. [in Russian]

Pravjashhaja jelita, 2006 - *Pravjashhaja jelita Russkogo gosudarstva vtoroj poloviny XVI-pervoj poloviny XVII vv.* [The ruling elite of the Russian state in the second half of XVI-first half XVII centuries.] // *Pravjashhaja jelita Russkogo gosudarstva IX – nachala XVIII vv. (Ocherki istorii)* [The ruling elite of the Russian state IX – beginning of the XVIII centuries (studies in the history)]. Pod redakciej A.P. Pavlova. Saint Petersburg, 2006. [in Russian]

PSZRI, 1 - *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii* [Complete Edition of the Laws of Russian Empire]. T.1. Saint Petersburg, 1830.

PSZRI, 3 - *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii* [Complete Edition of the Laws of Russian Empire]. T.3. Saint Petersburg, 1830.

RGADA – Rossijskij gosudarstvennyj arhiv Drevnih aktov [Russian State Archive of the Old Acts].

Smirnov, 1947 - *Smirnov P.P.* Posadskie ljudi i ih klassovaja bor'ba do serediny XVII v. [The townspeople and their class struggle up to the mid XVII century] Moscow-Leningrad, 1947. T. II. 432 s. [in Russian]

Devies, 2004 - *Devies L.B.* State power and community in Early Modern Russia. The Case of Kozlov, 1635-1649. N.Y., 2004. 308 p.

Lyapin, 2014 - *Lyapin D.A.* People's excitement of the XVII century and the Russian peasantry // *Canadian-American Slavic Studies*. Vol. 48 (2014) Special Issue: The Time of Troubles. P. 157-167. (In English)

Stevens Belkin, 1995 - *Stevens Belkin C.* Soldiers on the Steppe. Army reform and Social change in Early modern Russia. Northern Illinois University Press, 1995. 265 p.

УДК 94(470)

Социальный состав служилого и посадского населения Юга России в 1640–1650-е годыДенис Александрович Ляпин^{а, *}^а Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена анализу социального состава служилого и посадского населения Юга России в середине XVII в. на основе архивных документов того времени. Главным источником работы стала смета русского войска 1651 г. В 1640–1650-е годы в России происходили важные социально-политические изменения, которые влияли на социальную структуру общества. Особенно ярко эти процессы нашли свое отражение в регионе на южной границе государства. Здесь появлялись и быстро распространялись полки нового строя, прежде всего, драгуны. В городах росла численность посадского населения, которое составляло в некоторых из них около 40 % населения, а если к этому количеству прибавить еще 10 % частновладельческих дворов, то получится, что впервые со времени начала заселения края служилое население в крупных городах сравнялось по количеству с посадскими людьми. В 1650-е годы произошел слом социальной структуры местного общества: численность посадского населения стала неуклонно расти, а служилого – падать. В статье показано, что эти процессы были связаны не только с военными реформами и спецификой колонизации. На наш взгляд, первой причиной происходящих изменений (особенно в городах) стала политика правительства Б.И. Морозова в 1645–1648 гг., проводившего т.н. «посадское строение». После 1649 г. привилегии в торговле получили посадские люди, а служилым по прибору предлагалась перейти в эту социальную категорию и стать тяглыми членами посадской общины. Занятие торгово-ремесленной деятельностью было провозглашено монополией посадских людей.

Ключевые слова: посадские люди, служилые люди, Юг России, социальные реформы, военные реформы.

---

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: denis-l@mail.ru (Д.А. Ляпин)

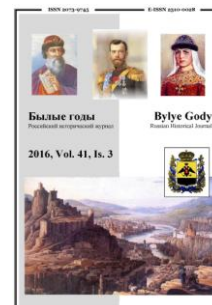

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 41, Is. 3, pp. 594-599, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94: 7.033 (571.1)

Multiculturalism of Tatar-Christians in Western Siberia as a result of confessional policy in the Russian Empire

Olga N. Naumenko ^{a, *}, Evgeny A. Naumenko ^a, Yulia A. Bortnikova ^a

^aTyumen State University, Russian Federation

Abstract

One of the main tasks of the Russian state and the European countries is a formation of the uniform multinational people which are capable to resist to internal and external threats. Multiculturalism solves this problem, but migratory crisis in Europe has forced politicians to recognize impossibility of his realization in conditions when Christian and Arab-Muslim cultures are forced to coexist nearby. The article considers opposite experience – combination of orthodox and Islamic components in culture of the Siberian Christian Tatars in XVIII – the beginning of the 20th centuries is considered. Interpenetration of cultures has happened without loss of national identity of the Siberian Tatars; their culture has gained new unique lines. Authors consider that this combination has created a certain ethnic and national psychology of the Siberian baptized Tatars which allows them to coexist harmoniously with other people – Christian and Muslim.

In article is considered multiculturalism of the Siberian Tatars in life, legal customs and religious art. Authors analyze the reasons of this phenomenon and emphasize that his major prerequisite – readiness of the Siberian people for interaction. It was based on uniform system of moral values, was formed throughout long evolution of ethnic and confessional development under the influence of a state policy. Authors come to the conclusion that the idea of multiculturalism is real and feasible in a combination "Christianity/Islam", but other conditions, than those developed in Western Europe now.

Keywords: multiculturalism, Islam, Orthodoxy, culture, art, Siberian Tatars, Western Siberia, extremism.

1. Введение

Идея мультикультурализма, сформированная в 1960-е гг., была поставлена под сомнение спустя несколько десятилетий и потерпела крах в условиях миграционного кризиса в Европе в 2015–2016 гг. Между тем, данная идеология имеет глубокие исторические корни и основывается на фактах, когда взаимодействие культур порождало новое явление, способное к дальнейшему поступательному качественному развитию. Одним из таких примеров является история православных сибирских татар (татар-крящен), как социальная группа сформировавшихся в XVIII в. в результате конфессиональной политики российских императоров.

2. Материалы и методы

2.1. Источники исследования включают две группы. Первая объединяет материалы Государственных архивов Омской, Тюменской областей и Республики Башкортостан и включает два вида: 1) делопроизводственные материалы: переписку и отчеты, характеризующие условия, в которых появилось рассматриваемое мультикультурное явление; 2) нормативную базу, отразившую сочетание в правовых обычаях *крящен* шариата и русского канонического права. Вторая группа – материальные источники, иллюстрирующие наличие мультикультурных явлений в художественной культуре

* Corresponding author

E-mail addresses: oolgann@mail.ru (O.N. Naumenko), hea2004@mail.ru (E.A. Naumenko), soroka-jul@rambler.ru (Yu.A. Bortnikova)

крящен. Это христианские *шамали* (настенные панно с библейскими надписями) и православные книги в арабской графике.

2.2. Исследование проведено на основе цивилизационного методологического подхода, который дал возможность исследовать феномен *крящен* как результат воздействия «вызовов внешней среды», т. е. государственной политики по христианизации сибирских татар, а также влияния русской православной и мусульманской культур. *Сравнительно-исторический* метод дал возможность выявить общее и особенное в культуре крящен; *ретроспективный* метод позволил рассмотреть причины и исторические предпосылки появления рассматриваемого феномена. Использование метода *актуализации* помогло оценить значимость мультикультурных явлений для гармоничного сосуществования различных по этноконфессиональному составу народов.

3. Обсуждение

Рассматриваемая тема в историографии не обсуждалась. В настоящее время имеется единственная, незаконченная статья доктора исторических наук М. С. Глухова, опубликованная через 8 лет после смерти автора (Глухов, 2011), где он в качестве набросков описал традиции татар-крящен как часть межкультурной цивилизационной системы. Заметки готовились для последующего, более детального исследования, которое ученый провести не успел; культуру сибирских крящен он отдельно не рассматривал. В предыдущей работе авторов (Науменко и др., 2016а; Науменко и др., 2016б) дан анализ отдельным предметам декоративного искусства крящен с точки зрения их религиозной психологии, но в целом явление пока остается без внимания. Цель статьи – рассмотреть основные характеристики мультикультурализма православных сибирских татар с анализом его причин и проявлений.

4. Результаты

Рассматриваемый феномен стал результатом комплекса факторов, связанных как с государственной политикой по христианизации сибирских татар, так и с объективными причинами, вызванными географическими, экономическими и культурно-историческими особенностями Западной Сибири. Общая тенденция появления мультикультурализма крящен такова: ислам, принятый сибирскими татарами в конце XIV в., не смог глубоко проникнуть в культуру сибирских татар и сочетался с шаманизмом (Ислам, 2007: 46). Этот синкретичный вариант религии с начала XVIII в. стал подвергаться еще и христианизации (Софронов, 2007: 25), однако новая вера не смогла вытеснить прежнюю и лишь наложила на нее, породив уникальное в культурном плане явление. Среди причин его формирования можно выделить следующие:

Во-первых, огромная площадь сибирских земель, слабая плотность населения и разбросанность деревень не позволяли духовным лицам проводить полноценную миссионерскую работу: один священник мог приходиться на несколько приходов, значительно удаленных друг от друга, и дорога между ними занимала несколько дней. Пространства Сибири настолько велики, что даже в середине XIX в. местные власти не знали точное количество населенных пунктов. Показателен пример, когда в 1866 г. один из земских начальников Тобольской губернии на управляемой им территории случайно обнаружил поселок, который «ни в каких документах не значился» (Максимов, 1891: 282). В 1890-х гг. перед Всероссийской переписью населения власти так и не смогли отыскать около 100 тысяч ссыльных (без учета «исчезнувших» местных жителей); со слов губернатора Тобольской губернии, все они где-то в Сибири, но «находятся в безвестной отлучке, и их точное местонахождение неизвестно» (ГАТО в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 35. Д. 126. Л. 17).

Во-вторых, православный характер государства обусловил плановые цифры новообращенных, и задачу нужно было выполнять даже в ущерб качеству. Миссионерская задача по распространению веры легла на плечи выпускников Тобольской Духовной семинарии, которые кроме религиозных канонов должны были изучать татарский язык. В грамматическом, лингвистическом и фонетическом плане он очень сложен для русского человека, и на его изучение отводилась значительная часть учебного времени, иногда за счет дисциплин духовного содержания (Еремеева, 2004: 81). Обучение нередко обрывалось на втором курсе, когда священники начинали понимать и говорить по-татарски; таким образом, студентов-семинаристов, не успевших полностью освоить каноны православия, отправляли на миссионерскую работу среди иноверцев. В результате Сибирь получила штат полуобразованных священников, еще и не отличавшихся высокими нравственными качествами. По данным на 1870-е гг., согласно документам Томского губернского управления, «...наше сельское духовенство ни прежде, ни теперь далеко не удовлетворяет требованиям: безмерное пьянство, обоюдный драки, притязательные действия со своими прихожанами, противозаконные и насильственные связи с их женами и детьми, наконец, даже разбой – явления, далеко не редкие в среде нашего сельского духовенства» (ГАОО. Ф. 3. Оп. 7. Д. 11285. Л. 32). Этой группе священников было не важно, насколько глубоко православие пришло в культуру новообращенных; они ориентировались на выполнение показателей: число церквей, прихожан и крестившихся татар.

Священнослужители, добросовестно выполнявшие свой нравственный долг, также оказывались в сложной ситуации, не позволявшей в полном объеме проводить миссионерскую работу. Согласно данным Томского губернского управления, «...положение нашего сельского духовенства достойно

сожаления... Содержание он получает от прихожан и должен иногда кланяться обществу, угождать ему, смотреть сквозь пальцы на его духовные проступки. Чтобы получить вознаграждение на исполнение духовных треб, священнику приходится иногда торговаться, как какому-нибудь мелкому промышленнику» (ГАОО, Ф. 3. Оп. 7. Д. 11285. Л. 32). В этих условиях духовные лица вынуждены были идти на уступки иноверцам: крестить их вместе с родовыми тотемами-идолами, ставить этих идолов в церквях на место иконостаса и т. д. Атмосфера такого миссионерства отражена в следующем свидетельстве: «Что оставалось делать православному батюшке, которого нелегкий миссионерский долг занес в эти дикие места? Чтобы удержать капризную и своеобразную паству из вчерашних новообращенных, да и сохранить собственную жизнь, приходилось идти на компромиссы. А в ответ на запросы и распоряжения от церковного начальства отмалчиваться, да прятать от епархиальных комиссий запретное искусство в тайных нишах, на колокольнях да боковых приделах» (Бугаенко, 2015: 59).

В-третьих, с 1773 г. проводилась целенаправленная государственная политика по формированию в Российской империи определенного варианта ислама с его ориентацией на православные каноны и образцы (Bortnikova et al., 2016: 136), которые в мусульманском варианте постепенно закрепились в жизни сибирских татар в качестве «своих», исторически традиционных. Таким образом, у новообращенных уже существовал и опыт, и готовность включать в «свою» культуру «чужеродные» элементы других культур, приспособлявая их под собственную мировоззренческую систему. Опасности разрушения «своей» культуры не было: в условиях насильственной исламизации, христианизации, русификации и прочих многовековых государственных акций аборигенное население Сибирского Севера (как и представители Арабского мира, где бы они не находились) не подвергалось ассимиляции, а лишь входило в новую для себя культуру с традиционным набором прежних верований и мировоззренческих установок. В частности, после принятия Закона о свободе вероисповеданий 17 апреля 1905 г. крящены, подвергнутые ранее принудительной христианизации, начали массово возвращаться в магометанство (ЦИА РБ. Ф. И-295. Оп. 11. Д. 82. Лл. 2–10 и др.), одновременно не забыв родовых шаманских идолов, которые и исламом, и православием строжайше запрещены.

В результате воздействия рассмотренных факторов мультикультурные явления сформировались во всех сферах жизнедеятельности сибирских крящен, в их художественной культуре, языке и фольклоре.

В семейных и гражданско-правовых отношениях произошло совмещение православия и шариата, и, в отличие от норм Домостроя, сохранилась относительная свобода женщины, характерная для сибирского ислама вообще (Бакиева, 2011: 75). Как у русских крестьян, у крящен запрещались браки между близкими родственниками, но, в отличие от первых, разрешались между родственниками духовными («крестный» отец и «крестница») (Исхаков, 2015: 233) и т. д.

Правовая культура в поселениях крящен отличалась от русской. В православных деревнях Западной Сибири до конца XIX в. не применялось общегосударственное право; там господствовал местный правовой обычай, признанный и узаконенный государством (Альмухаметова, 2010: 14). Учитывая, что состав крестьянских деревень отчасти формировался из ссыльно-уголовного элемента (их направляли туда из Европейской России на перевоспитание), уровень правовой культуры в них можно отразить словами современника: «Полная темнота, граничащая с дикостью» (Очевидец, 1912: 610). Однако государственная власть не направляла ссыльных преступников в места проживания крящен, и у них сохранилась ориентация на правовой обычай сибирских татар, в основе которого лежал местный вариант шариата, отличавшийся справедливостью и разработанностью правовых норм.

Крящены соблюдали православные праздники и в то же время – *ураза* (мусульманский пост), не отказывались от Сабантуя; на Сабантуй и на Пасху красили яйца. Все крящены носили православные имена, однако произносили их по-своему: Татый (Татьяна), Аный (Анна), Полый (Полина), или как в случаях с именами Мишка, Ольга, Валерка и других ставили ударение на последнем слого (Бакиева, 2015: 220). В языке сохранились арабизмы, но их число уменьшилось (Говоры, 2016).

В сфере искусства крящены создали эксклюзивные образцы, отражающие мультикультурный характер их восприятия мира. Прежде всего, это православные *шамайли*. Классический шамайль – это настенное панно с выдержками из Корана, именами Пророков и видами священных для мусульман мест, в основном Мекки и Медины. В православных *шамайлях* кораническая молитва заменялась на православную с сохранением стиля написания (татарский на кириллице или в арабской графике), а вместо мечетей изображались православные храмы (Науменко и др., 2016а: 173). Интересен факт, что на сохранившихся православных шамайлях практически не встречаются образы живых существ. Запрет на реалистические изображения существует в исламе, а не в христианстве, где, наоборот, подобные образы поощряются, так как через них происходит общение с Богом и святыми. Поэтому содержание православных *шамайлей* явно отражает некое совмещение в культуре крящен канонических представлений христианства и ислама.

На эту мысль наводит еще один интересный артефакт – сохранившееся рукописное Евангелие татар-крящен, ориентировочно датированное XVIII–XIX в. Евангелие написано на старотатарском

языке (в соответствии со старославянским в церковных книгах), но в арабской графике (Науменко и др., 2016b: 175). Страницы Евангелия пронумерованы арабскими цифрами, текст написан справа налево, как принято в Коране, чтение Евангелия начинается не с первой, а с последней страницы; согласно правилам арабского языка, использован шрифт *насх*, наиболее распространенный среди мусульман Западной Сибири при переписывании Коранов и иных источников духовного содержания. Оформление Евангелия полностью соответствует Корану, но переплет зеленого цвета (основной цвет ислама) имеет современный вид, что указывает на использование Евангелия и в настоящее время. В целом по оформлению сходство Евангелия с Кораном настолько очевидно, что не специалист не сможет определить в нем православную книгу. Сохранение исламской традиции в оформлении Евангелия, а также главный религиозный принцип крящен – «Бог един, независимо от конфессий», указывает на возможное слияние некоторых христианских и мусульманских догматов, но пока эта сфера не исследована и требует отдельного, более глубокого изучения.

В Тобольско-Тюменской епархии православные книги начали переводиться на татарский язык в XVIII в. в миссионерских целях. Кроме этого, дети крещеных татар учились на татарском языке в иногородских школах при Абалакском, Иоанно-Веденском и Знаменском православных монастырях (Прибыльский, 2001: 57), и для учеников была необходима соответствующая литература. Более того, традиция продолжается и в настоящее время: в мае 2016 г. в Государственном Большом концертном зале имени Сайдашева в Казани прошла презентация перевода Библии на татарский язык. «Бог» там заменен на «Аллах», «Моисей» на «Мусу», некоторые сюжеты получили интерпретацию, принятую в Коране (Многие татары, 2016).

В целом данный вариант культуры, по свидетельству ее представителя и исследователя М.С. Глухова (Глухов, 2011: 271), создал базу для высочайшего уровня духовно-нравственного состояния этой конфессиональной общности. В истории Западной Сибири крящены ни разу не были замечены в каких-либо религиозных столкновениях или политическом противостоянии. Они живут в гармонии с окружающим миром, не создавая проблем ни власти, ни окружающим их народам. Полагаем, именно по этой причине их религиозная культура все еще не стала объектом научного исследования, так как актуальность обычно определяется уже возникшей проблемой.

5. Заключение

Таким образом, мультикультурализм в желаемом для власти и общества варианте существует. Он возник в условиях Западной Сибири и представляет собой не просто синкретизм культур, а абсолютно новое, комплексное явление, охватившее все сферы жизни его носителей. Формирование феномена обусловлено эволюционным процессом развития автохтонной региональной культуры в условиях, когда после окончания войны за присоединение Западной Сибири в XVI в. ни одному из народов больше не приходилось самоутверждаться и занимать «чужое» жизненное пространство. Всем народам Сибири было достаточно территорий и природных богатств, и важнейшей предпосылкой мультикультурализма стала готовность этнических и религиозных групп к межкультурному взаимодействию, несмотря на неспособность некоторых из них к ассимиляции. Объединяющим стержнем стала общая система нравственных ценностей и схожесть образа жизни, поэтому мировоззрение одного народа не вызывало отторжение у других, что в конечном итоге стало базой для появления феномена. Именно этим сибирский мультикультурализм отличается от европейского варианта, во многом искусственного и эклектичного, когда мигранты и европейцы вынуждены сосуществовать в одном культурном пространстве на основе полярных систем нравственных ценностей и мировоззренческих установок.

Литература

Альмухаметова, 2010 – Альмухаметова М.Ш. Правовые представления сибирских крестьян о преступлении в дореволюционный период / Пермский конгресс ученых-юристов. Пермь: Издательство Пермского государственного национального исследовательского университета, 2010. С. 13–16.

Бакиева, 2011 – Бакиева Т.Г. Обычай и закон. Очерки правовой культуры сибирских татар в XVIII – начале XX вв. Новосибирск: Акад. изд-во «Гео», 2011. 214 с.

Бакиева, 2015 – Бакиева Г.Т. Крящены в Тюменской области // Человек и Север: Антропология, археология, экология. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2015. Вып. 3. С. 217–221.

Бугаенко, 2015 – Бугаенко Т.Ф. Резная православная икона Сибири // Визуальная культура: дизайн, реклама, информационные технологии. Омск: Омский государственный технический университет, 2015. С. 58–60.

ГАОО – Государственный архив Омской области.

ГА в г. Тобольске – Государственный архив в г. Тобольске.

Глухов, 2011 – Глухов М.С. Есть такой народ – крящены: Проблемы этноконфессиональной идентификации кряшен. Казань: Изд-во Кряшенского прихода г. Казани, 2011. С. 259–271.

Говоры, 2016 – Говоры сибирских татар. Интернет-газета Newslab.ru // [Электронный ресурс] / URL: <http://newslab.ru/forum/theme/89174> (дата обращения: 30.05.2016).

- Еремеева, 2004** – *Еремеева О.И.* Свет и тени: очерки истории духовной культуры народов Северо-Западной Сибири в начале XX века. Тюмень: Вектор Бук, 2004. 271 с.
- Ислам, 2007** – Ислам на краю света. История ислама в Западной Сибири Т.1.: источники и историография / под ред. А.П. Яркова. Тюмень: РИФ «Колесо», 2007. 418 с.
- Исхаков, 2015** – *Исхаков Р.Р.* Семейные отношения и семейное право кряшен (крещеных татар) Волго-Уральского региона в XIX – начале XX вв. // Ученые записки Казанского университета. 2015. Т.157. Кн. 3. С. 230–239.
- Максимов, 1891** – *Максимов С.В.* Сибирь и каторга. СПб.: Типо-литография Н. Стефанова, 1891. 377 с.
- Многие татары, 2016** – Многие татары хотят читать Библию на своём родном языке // [Электронный ресурс] / URL: https://life.ru/t/%D1%80%D0%B5%D0%BB%D0%B8%D0%B3%D0%B8%D1%8F/412834/mnoghiie_tatary_khotiat_chitat_bibliuu_na_svoiom_rodnom_jazykie (дата обращения: 30.05.2016.)
- Науменко и др., 2016a** – *Науменко Е.А., Науменко О.Н., Бортникова Ю.А.* Отражение мультикультурализма в религиозной психологии: феномен православного шамаиля // Синтез науки и общества в решении глобальных проблем современности. Уфа: Омега-сайнс, 2016. С.173–174.
- Науменко и др., 2016b** – *Науменко О.Н., Науменко Е.А., Бортникова Ю.А.* Феномен религиозной психологии и культуры: православные книги в арабской графике // Синтез науки и общества в решении глобальных проблем современности. Уфа: Омега-сайнс, 2016. С. 175– 177.
- Очевидец, 1912** – *Очевидец.* О каторге // Право. 1912. № 11. С. 610–611.
- Прибыльский, 2001** – *Прибыльский Ю.П.* Колыбель просвещения. К 300-летию первой сибирской школы. Тобольск, Верона: Изд-во «Возрождение Тобольска», 2001. 98 с.
- Софронов, 2007** – *Софронов В. Ю.* Христианизация Тобольского Севера. Тобольск: Тобольский государственный педагогический институт, 2007. 103 с.
- ЦИА РБ** – Центральный исторический архив Республики Башкортостан.
- Bortnikova et al., 2016** – *Bortnikova Yu.A., Naumenko O.N., Naumenko E.A.* Regulation of Islamic art in confessional policy of Catherine II (on materials of the Tyumen region) // *Bylye Gogy*, 2016, Vol. 40. Is. 2. P. 356–362.

References

- Al'mukhametova, 2010** - *Al'mukhametova M.Sh.* Pravovye predstavleniya sibirskikh krest'yan o prestuplenii v dorevolutsionnyi period [Legal ideas of the Siberian peasants of a crime during the pre-revolutionary period] / The Perm congress of scientists-lawyers. Perm: Perm State National Research University, 2010. P. 13–16. [in Russian]
- Bakiyeva, 2011** – *Bakiyeva T.G.* Obychai i zakon. Ocherki pravovoi kul'tury sibirskikh tatar v XVIII – nachale XX vv. [Custom and law. Sketches of legal culture of the Siberian Tatars in XVIII – the beginning of the XX centuries]. Novosibirsk: Publishing house "Geo", 2011. 214 p. [in Russian]
- Bakieva, 2015** – *Bakieva G.T.* Kryasheny v Tyumenskoj oblasti [Christian Tatars in the Tyumen region] // The Person and the North: Anthropology, archeology, ecology. Tyumen: IPOS publishing house of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, 2015. Issue 3. P. 217–221.[in Russian]
- Bugaenko, 2015** – *Bugaenko T.F.* Reznaya pravoslavnaya ikona Sibiri [Carved orthodox icon of Siberia] // Visual culture: design, advertizing, information technologies. Omsk: Omsk State Technical University, 2015. P. 58–60. [in Russian]
- GAOO** – Gosudarstvennyi arkhiv Omskoj oblasti [Public Archive of the Omsk region].
- GA v g. Tobol'ske** – Gosudarstvennyi arkhiv v g. Tobol'ske [Budgetary public institution of the Tyumen region the Public Archive in Tobolsk].
- Glukhov, 2011** – *Glukhov M.S.* Est' takoi narod – kryasheny [There are such people – Baptized Tatars] / Problems of ethnoconfessional identification Baptized Tatars. Kazan: Publishing house of the Kryashen arrival of Kazan, 2011. P. 259–271. [in Russian]
- Govory, 2016** – *Govory sibirskikh tatar* [Dialects of the Siberian Tatars]. Online newspaper Newslab.ru // [Electronic resource] / URL: <http://newslab.ru/forum/theme/89174> (date of the address: 5/30/2016) [in Russian]
- Eremeeva, 2004** – *Eremeeva O.I.* Svet i teni: ocherki istorii dukhovnoi kul'tury narodov Severo-Zapadnoi Sibiri v nachale XX veka [Light and shadows: sketches of history of spiritual culture of the people of Northwest Siberia at the beginning of the XX century]. Tyumen: Vector Book, 2004. 271 p. [in Russian]
- Islam, 2007** – *Islam na krayu sveta. Istoriya islama v Zapadnoi Sibiri* [Islam at the World's edge. Islam history in Western Siberia]. Т.1.: sources and a historiography / under the editorship of A. P. Yarkov. Tyumen: REEF "Wheel", 2007. 418 p. [in Russian]
- Iskhakov, 2015** – *Iskhakov R.R.* Semeinye otnosheniya i semeinoe pravo kryashchen (kreshchenykh tatar) Volgo-Ural'skogo regiona v XIX – nachale XX vv. [The family relations and a family law the Kryashen (baptized Tatars) of the Volga-Ural region in XIX – the beginning of the 20th centuries] //Scientific notes of the Kazan university. 2015. Т.157. Book 3. P. 230–239. [in Russian]
- Maksimov, 1891** – *Maksimov S. V.* Sibir' i katorga [Siber and penal servitude]. SPb.: Tipo-litografiya N. Stefanova, 1891. 377 p. [in Russian]

Mnogie tatory, 2016 – Mnogie tatory khotyat chitat' Bibliyu na svoem rodnom yazyke [Many Tatars want to read the Bible in the native language] // [An electronic resource] / URL: https://life.ru/t/%D1%80%D0%B5%D0%BB%D0%B8%D0%B3%D0%B8%D1%8F/412834/mnoghiie_tatory_khotiat_chitat_bibliu_na_svoiom_rodnom_jazykie (date of the address: 5/30/2016)/ [in Russian]

Naumenko i dr., 2016a – Naumenko E.A., Naumenko O.N., Bortnikova Yu.A. Otrazhenie multikul'turalizma v religioznoi psikhologii: fenomen pravoslavnogo shamailya [Reflection of multiculturalism in religious psychology: the Orthodox Christian's phenomenon шамайля] // Synthesis of science and society in the solution of global problems of the present. Ufa: Omega-sayns, 2016. P. 173–174. [in Russian]

Naumenko i dr., 2016b – Naumenko O.N., Naumenko E.A., Bortnikova Yu.A. Fenomen religioznoi psikhologii i kul'tury: pravoslavnye knigi v arabskoi grafike [Fenomen of religious psychology and culture: orthodox books in the Arab graphics] // Synthesis of science and society in the solution of global problems of the present. Ufa: Omega-sayns, 2016. P. 175–177. // [in Russian]

Ochevidets, 1912 – Ochevidets. O katorge [About penal servitude] // *The Right*. 1912. No. 11. P. 610–611. [in Russian]

Pribyl'skii, 2001 – Pribyl'skii Yu.P. Kolybel' prosveshcheniya. K 300-letiyu pervoi sibirskoi shkoly [Education sources. To the 300 anniversary of the first Siberian school]. Tobolsk, Verona: Renaissance of Tobolsk publishing house, 2001. 98 p. [in Russian]

Sofronov, 2007 – Sofronov V.Yu. Khristianizatsiya Tobol'skogo Severa [Hristianization of the Tobolsk North]. Tobolsk: Tobolsk state teacher training college, 2007. 103 p. [in Russian]

TsIA RB – Tsentral'nyi istoricheskii arkhiv Respubliki Bashkortostan [Central historical archive of the Republic of Bashkortostan] [in Russian]

Bortnikova et al., 2016 – Bortnikova Yu.A., Naumenko O.N., Naumenko E.A. Regulation of Islamic art in confessional policy of Catherine II (on materials of the Tyumen region). *Bylye Gogy*, 2016, Vol. 40. Is. 2. P. 356–362. [in English]

УДК 94: 7.033 (571.1)

Мультикультурализм сибирских татар-крещен как результат конфессиональной политики в Российской империи

Ольга Николаевна Науменко ^{a, *}, Евгений Александр Науменко ^a, Юлия Александровна Бортникова ^a

^a Тюменский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Задача формирования единого многонационального народа, способного противостоять внутренним и внешним угрозам, выходит на первый план не только в российской политической действительности, но и в ряде европейских стран. Мультикультурализм решает эту проблему, но миграционный кризис в Европе вынудил политиков признать невозможность его реализации при соприкосновении христианской и мусульманской культур. В статье рассматривается противоположный опыт – совмещение православных и исламских компонентов в культуре сибирских татар-христиан в XVIII – начале XX вв., что произошло не только без потери их национальной идентичности, но и обусловило приобретением новых черт, придавших религиозной культуре уникальность. Авторы считают, что именно это сочетание сформировало определенную этноконфессиональную психологию сибирских крещеных татар, которая выразилась в их гармоничном сосуществовании с другими народами – как христианскими, так и мусульманскими.

В статье рассматриваются проявления мультикультурализма в быту, правовых обычаях и религиозном искусстве крещеных татар, анализируются причины формирования данного феномена. Авторы подчеркивают, что важнейшей предпосылкой этого явления нужно считать готовность сибирских народов к взаимодействию и заимствованию элементов других культур, что основывалось на единой системе нравственных ценностей и формировалось на протяжении длительной эволюции этно-конфессионального развития региона, направляемого государственной властью. Авторы приходят к выводу, что идея мультикультурализма в сочетании «христианство/ислам» вполне реальна, но для ее успешной реализации необходимы иные условия, чем сложившиеся в настоящее время в Западной Европе.

Ключевые слова: мультикультурализм, ислам, православие, христианство, культура, искусство, сибирские татары, Западная Сибирь, экстремизм.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: oolgann@mail.ru (О.Н. Науменко),

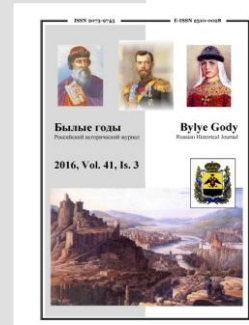
hea2004@mail.ru (Е.А. Науменко), soroka-jul@rambler.ru (Ю.А. Бортникова)

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 41, Is. 3, pp. 600-610, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94

The Absolutist Reformism: Projects of Political Reforms in Russia (2nd half of 18th century – 1st quarter of 19th century)

Konstantin D. Bugrov^{a,*}

^a Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Russian Federation

Abstract

The article deals with the phenomenon of absolutist reformism – a form of political culture that chronologically spans from the mid-18th century to 19th century, and is determined by both communicative context (genre), pragmatic purpose, and the social and political status of its participants, the members of court-administrative elite. The author argues that the principal reformers, who belonged to the court and administrative elite of Russian Empire, were competing with each other, and the reform proposals allowed the competitors to simultaneously improve their own positions within the structure of state governance and enact the absolute power of the monarch to bring the reform forth. However, that meant that the monarch was appearing in the reform proposals as an omnipotent arbiter capable of creating the social and political institutions by his will. Consequently, these reform proposals – starting from the early projects of the 1750es – 1760es, and finishing with the intense production of reform plans under Alexander I – were aimed at increasing the power of monarch, assuring its benevolent character, and protecting it from the potential usurpation from the inside of the bureaucratic apparatus. This logic of argumentation, which places the monarch against the bureaucracy, was to flourish later on in Russian 19th century.

Keywords: absolutism, reforms, monarchy, bureaucracy, Russian Empire, state governance, constitutionalism.

1. Введение

В своей классической работе М. Раев характеризовал политическую историю России XVIII–XIX вв. как двойной парадокс: стремление российской элиты к упорядоченной административной системе *Rechtsstaat* сталкивалось с неизбежным персонализмом самодержавия и, таким образом, власть, стремясь к модернизации России, сама оказывалась главным препятствием на этом пути, не давая хода инициативе «снизу» (Raeff, 1970: 1289-1310). Таким образом, в центре политической истории – борьба между «государством» и «обществом», между архаикой и модернизацией; подобное противоборство в той или мере задает шкалу, на которой можно располагать политических мыслителей. Исследовательская традиция по-разному оценивает эффективность попыток реформ – иногда скептически, в духе Раева, иногда, напротив, оптимистично. Антитеза «самодержавие» – «реформа», впрочем, остается одной из центральных для исторической мысли.

2. Методы и материалы

Отправной точкой для настоящей статьи послужили размышления С. Уиттакер, которая рассматривает массив российской политической литературы XVIII в. как единство «супражанра» литературы советников (*advice literature*) вместо того, чтобы заниматься поиском конфликтов между «либеральными» и «консервативными» течениями (Wittacker, 2003). Эта мысль представляется актуальной не только для публицистики и одической поэзии (анализу этих литературных жанров и посвящено исследование Уиттакер), но и для документов, которые создавались в относительно узком кругу властной элиты, которую мы можем назвать «придворно-административной элитой». Такое

* Corresponding author

E-mail addresses: k.d.bugrov@gmail.com (K.D. Bugrov)

определение достаточно полно отражает специфику этой социальной группы, обладавшей доступом к особе императора и одновременно удерживавшей ключевые должности центрального административного аппарата. Именно эта группа оказывала определяющее влияние на государственную политику – хотя бы потому, что в ее среде вырабатывались документы, ложившиеся в основу будущих законодательных актов.

В силу социальной и политической специфики в России не существовало выборных властных органов, к которым публицисты обращались бы с целью убеждения. Таким образом, в России XVIII – начала XIX в. отсутствовала и культура трактатов и памфлетов, нацеленных на убеждение относительно широкого круга читателей; именно этот круг текстов, как правило, и является предметом анализа в трудах по истории политической мысли (Skinner, 1979). Вместо этого риторические стратегии российских участников политического процесса – по крайней мере, в XVIII – начале XIX столетий – неизменно ориентировались на императорский двор с его специфическими центрами принятия решений, задействовавшими один и тот же властный ресурс – волю государя (Christian, 1979). Проекты реформ, выдвигавшиеся членами придворно-административной элиты, можно считать «супражанром» (по терминологии С. Уиттакера), объединенный спецификой дискуссии и единством адресанта.

В настоящей статье мы рассматриваем лишь ограниченное количество реформаторских проектов, созданных в период с начала 60-х гг. XVIII в. (Бугров, Киселев, 2010), когда кризис системы управления на фоне Семилетней войны впервые породил масштабную «волну» проектов реформ? до середины 20-х гг. XIX в. Речь идет не об опубликованных трактатах, число которых поддается учету, а о докладных записках, часть которых была опубликована, часть – не опубликована и известна лишь узкому кругу специалистов, а часть, безусловно, еще не введена в научный оборот. Ниже мы постараемся рассмотреть важнейшие связующие элементы «супражанра» реформаторских проектов и продемонстрировать концептуальное единство всего комплекса в противовес представлениям о борьбе реформаторов / конституционалистов и консерваторов / монархистов.

3. Обсуждение

Говоря о различных моделях легитимации российской монархии XVIII в., С. Уиттакер выделяет созданную Петром легитимацию «царь-преобразователь» (reforming tsar) как базовую, к которой, подобно палимпсесту, добавлялись другие варианты (Whittaker, 2002: 52, 186). Этот реформаторский импульс монархической идеологии XVIII в. разделяли практически все авторы реформаторских проектов. Канцлер А.А. Безбородко писал в 1799 г. о «благое общественном» (РА, 1877: 297), П.В. Завадовский в 1802 г. – о «благодеянии народа» (ЧОИДР, 1864: 100), Д.А. Гурьев в 1816 г. – о «благодеянии всех и каждого» (СИРИО, 1894: 40). Эти и подобные риторические фигуры можно объединить под характерным наименованием «общего блага». Речь о преобразованиях практически всегда строилась вокруг вопроса об «общем благо», во имя которого мобилизовались воля императора и усилия властных органов.

Анализ содержания, которое конкретные авторы вкладывали в понятие «общее благо», не является предметом настоящей статьи; достаточно констатировать, что представления об «общем благо» оставались размытыми (именно такая размытость и позволяла сосуществовать различным риторическим стратегиям, которые могли по-разному описывать «общее благо»), и одновременно – создавали для разных группировок придворной элиты возможность взаимопонимания. Невозможно и полностью отождествить «общее благо», реформы и прогресс – взгляды представителей придворно-административной элиты на прогресс могли разниться (Киселев, 2014: 23-29).

Как бы то ни было, понимание «общего блага» зависело от сложной системы координат, куда входили – кроме прочего! – экономическое процветание (измерявшееся развитием торговли, искусства, наук и общего «благоустройства»), военное могущество, общее «спокойствие» и соблюдение правосудия, а также моральное совершенствование подданных. К. Шарф, ссылаясь на классические работы Н.И. Павленко о Петре I, дифференцирует понятие «общее благо» на сходные категории: «Внутренний мир и безопасность каждого в отдельности, правовой порядок и «хорошую полицию», материальное благополучие подданных и просвещение» (Шарф, 2008: 34). Но, вне зависимости от конкретных интерпретаций, авторы проектов рассматриваемого периода признавали «общее благо» достижимым на секулярных основаниях, с помощью рациональных мер (реформ), а также поддающимся сравнению в международном контексте (могут быть более и менее «благоустроенные» страны). При всех оговорках можно констатировать: мотивация реформизма была связана с модернизаторским импульсом петровских преобразований. Обращения к этой теме присутствовали практически во всех проектах на большой временной протяженности и являлись тем общим полем смыслов, которое обеспечивало дискуссии концептуальное единство.

4. Результаты

Начнем с обращения к одному из наиболее критических текстов рассматриваемого комплекса – «Рассуждению о непрременных государственных законах» Н.И. Панина, созданному не позднее 1783 г. Казалось бы, присутствие в «Рассуждении» цитат из «Общественного договора» Руссо о том, что «власть, производящая обиды, насилия, тиранства, есть власть не от Бога» и вытекающем отсюда

праве нации «возвратить свою свободу» (Фонвизин, 1959: 259) вплотную подводит к концепциям народного суверенитета и общественного договора (Лотман, 2000: 5-26). Однако отсылки к Руссо необходимо рассматривать в контексте других (более обширных!) фрагментов «Рассуждения» – именно, открывающих текст похвал по адресу власти просвещенного самодержца, напоминающих аргументы из «Анти-Макиавелли» Фридриха II (L'Anti-Machiavel, 1747: 1-6). Власть государя подобна власти Бога, «беспредельна» и «неограниченна», но «Бог потому и всемогущ, что не может делать ничего другого, кроме блага; а дабы сия невозможность была бесконечным знамением его совершенства, то постановил он правила вечныя истины для самого себя непреложные, по коим управляет он вселенною и коих, не престав быть богом, сам преступить не может» (Фонвизин, 1959: 253).

Эти аргументы противоречат цитате из Руссо, намекающей на общественный договор, и одновременно указывают на соответствие «Рассуждения» общему контексту других придворных реформаторских проектов. Так, сходный аргумент уже в царствование Павла I приводил А.А. Безбородко в записке 1799 г.: «Государь самодержавный, если он одарен качествами сана его достойными, чувствовать должен, что власть дана ему беспредельная не для того, чтобы управлять делами по прихотям, но чтоб держать в почтении и исполнении законы предков своих и самим им установленные; словом, изрекши закон свой, он, так сказать, сам первый его чтит и ему повинуется, дабы другие и помыслить не смели, что они от того уклониться или избежать могут» (РА, 1877: 297).

Концепция общественного договора преломлялась в творчестве придворных реформаторов специфическим образом. Придворные реформаторы признавали возможность восстания народа против тирана и даже считали такое восстание правомочным; эта тема получила развитие и в литературе XVIII в. (Whittaker, 2002: 166-185) и в драматургии (Wirtschaft, 2003: 166). Однако ни один из реформаторских проектов не раскрывал вопроса о том, какая инстанция может считаться представителем народа и стороной общественного договора, идентифицирующей правителя как тирана.

Определение такой инстанции было условным; так, вскоре после переворота 1762 г. первоприсутствующий член Комиссии о вольности дворянской А.П. Бестужев-Рюмин предложил коллегам по Комиссии вместе с Сенатом выступить «корпусом», поднося Екатерине II от имени «всего российской дворянства и всего подвластного ей народа» титула «Матери Отечества» (Омельченко, 2001: 95). Общая численность этого «корпуса» составляла около 30 человек, при этом и члены Сената, и члены Комиссии были назначенными сановниками, а не избранными представителями каких бы то ни было групп. Концепция общественного договора функционировала на российской почве своеобразно. Факт нарушения договора и существования тирании обычно признавался уже после переворота; тот, кого свергли – тот и тиран. Механика свержения тирана и возведения на трон законного государя была провиденциалистской; речь шла о чуде, а не о законе. Исключая ситуацию чуда, переворот оставался событием, достойным сожаления. К примеру, Н.И. Панин, который сам был один из руководителей свержения Петра III в 1762 г., не отзывался о перевороте с одобрением, постоянно подчеркивая вынужденный характер свержения (Шумигорский, 1907: 20). В 1811 г. Н.М. Карамзин с ужасом отзывался об убийцах Павла I (не оспаривая при этом ни деспотического характера его царствования, ни справедливости его падения) и насмешливо сравнивал их с римскими тираноборцами Брутом и Кассием – разумеется, не в пользу первых (Карамзин, 1991: 40).

На деле же упоминание в реформаторских проектах права нации на свержение тирана было не защитой прав представительного властного органа, но напоминанием монарху о необходимости мудрого правления, направленного к «общему благу». Даже М.М. Сперанский – наиболее радикальный из придворных реформаторов – расценивал баланс между народом и правительством, прежде всего, как систему, в которой эффективный механизм обратной связи сообщит правительству о том пределе, за которым вначале поднимется «вопль», а затем начнется бунт. Это, в конечном счете, означало, что ситуацию расторжения обязательств можно зафиксировать только задним числом.

Придворные реформаторы 2-й половины XVIII – начала XIX вв. сходились в том, что власть императора должна быть абсолютной и нацеленной на достижение «общего блага». Закон рассматривался как «инструмент воспитания и управления» (Тимофеев, 2011b: 120). Абсолютистской эту аргументацию можно считать потому, что ни один из реформаторов не предполагал, что император может быть хотя бы в теории равен какому-либо властному органу или подотчетен какой-либо иной земной инстанции. Здесь следует согласиться с мнением американского исследователя Д. Кристиана, высказанным по поводу членов «сенатской партии» первых лет царствования Александра I, но верным и в отношении других придворных реформаторов: «Самодержец не мог легальным образом подвергнуться процедуре <...> по простой причине: не существовало суда, который бы мог легально или на практике ввести ее в силу, если бы монарх предпочел ее проигнорировать» (Christian, 1979: 301).

Несмотря на то, что авторы реформаторских проектов признавали абсолютный характер власти императора, это вовсе не означало одобрения произвола. Авторы проектов рассматривали абсолютного монарха не как главу правительства, но как главу государства в целом, обязанного заботиться об «общем благе», которое противопоставлялось «партикулярным» выгодам отдельных

«сильных персон». Именно поэтому ключевой темой при обсуждении ограниченной и неограниченной власти императора была не конкуренция между императором и другими органами власти (как я постарался показать выше, возможность конфликта между императором и властными органами исключалась авторами проектов), а вопрос об организации административного аппарата.

Фаворитизм, который считался настоящим бичом политической жизни России XVIII в., вовсе не казался представителям придворно-бюрократической элиты явлением, по своей сути чуждым административно-бюрократической системе. Такие исследователи политических реформ XVIII–XIX вв. как М. Раев (Raeff, 1975: 1221-1243) и Д. Рансел (Ransel, 1975: 278) усматривали парадокс в одновременной ориентации государства на создание рациональной бюрократии и личностным характером властной иерархии российского самодержавия. Но ни один из авторов реформаторских проектов не выступал за создание автономной бюрократической машины! Напротив, режим персональных связей был ее alter ego; фавориты и «ласкатели», населяющие реформаторские проекты XVIII–XIX вв. – это порождения именно бюрократического аппарата, его бесчисленных канцелярий и «камор». Для автора проекта любой другой представитель придворно-административной элиты выступал в качестве потенциального фаворита, способного монополизировать влияние на императора; так, Н.И. Панин яростно критиковал Д.В. Волкова (Бутров, 2015: 223), а А.П. Бестужев-Рюмин – Н.И. Панина; «молодые друзья» Александра I критиковали П.А. Зубова, а позднее Н.М. Карамзин и ряд других авторов – М.М. Сперанского. На практике фаворитизм оставался важным элементом властной системы, хотя ближе к концу XVIII в. его роль начала падать (Курукин, 2015: 219). Поэтому бюрократическая рутина – ограничение императорской власти на практике – считалась важнейшей угрозой «общему благу» и борьба с ней оставалась лейтмотивом целого ряда реформаторских проектов. В частности, важное место занимала персональная ответственность государственных сановников, о чем писали анонимный автор «Essai sur un regiment organique de toutes les branches du gouvernement de Russie», очевидно, близкий к кружку реформаторов первых лет царствования Александра (Граф Павел Александрович Строганов, 1904: 260), участник alexандровского Негласного комитета В.П. Кочубей (СИРИО, 1894: 208), министр внутренних дел О.П. Козодавлев (Сборник исторических материалов, 1906: 206), министр финансов Д.А. Гурьев (СИРИО, 1894: 70-71) и, наконец, статс-секретарь Д.А. Балугьянский (СИРИО, 1894: 34). Другим важным элементом считалась недопустимость обращений к императору «через голову» властных инстанций. Об этом писал, например, Н.И. Панин в 1762 г. (Бутров, 2015: 232-233); это же явление критиковал и министр юстиции Д.П. Троицкий (ЧОИДР, 1859: 51-51).

О том, что министры легко способны превратиться в тиранов, злоупотребляющих доверенной им властью, говорилось в целом ряде проектов. Так, сенатор П.В. Завадовский в 1801 г. завершил цитатой из «Жизнеописания Агриколы» Тацита свой исторический обзор положения Сената в XVIII в.: «Се образ порабощенного Сената, в котором молчать было тяжело, говорить было бедственно!» (ЧОИДР, 1864: 103). В хорошо известном российскому читателю тексте Тацита речь шла о бесчинствах тирана Домициана; у Завадовского в роли тирана выступал уже не император, а генерал-прокурор. «В нашем веке где деспотизм? в Царях?» – задавался в 1826 г. вопросом статс-секретарь М.А. Балугьянский, и сам же отвечал: «Он [деспотизм] есть в управляющих местах и лицах действующих с совершенно неопределенною властью в замешательстве порядка в производстве дел» (СИРИО, 1894: 33). И именно опасность потери контроля над административным аппаратом имел в виду Карамзин, с сарказмом отмечая в «Записке о древней и новой России» 1811 г.: «Сирены могут петь в круге трона: “Александр, воцари закон в России... и проч.” ... Я возьмусь быть толкователем сего хора: “Александр! Дай нам, именем закона, господствовать над Россией, а сам покойся на троне, изливай единственно милости, давай нам чины, ленты, деньги!”» (Карамзин, 1991: 102).

Для обоснования административных реформ часто использовалась метафора зрения, способности государя видеть истинное положение дел в своей империи. Угроза ограничения благодетельной неограниченной власти монарха исходит прежде всего от фаворитов и «ласкателей», а также от разрастающегося и коррумпированного бюрократического аппарата, обманывающего государя и скрывающего от него истинное положение дел. Незрячий, слабо информированный государь не способен быть полновластным и, соответственно, всегда подвержен угрозе восстания и потери власти. Сенатор П.В. Завадовский подчеркивал в своем «Мнении о правах и преимуществах Сената» 1801 г.: «Все добрые Государя не оскорбляются представлением им истины, покровительствуют законам и народное благо вменяют в свое собственное» (ЧОИДР, 1864: 107).

Это различие между зрячим и слепым было принципиально важным, например, для политической философии Монтескье, которые оказал сильное влияние на то, как российский элиты воспринимали монархию. В трактате «О духе законов» Монтескье описывал различия между монархией и деспотией так: «Хотя в этих двух видах правления характер повиновения неодинаков, тем не менее у них одна и та же верховная власть. Куда бы ни обратил свой взор государь, он всюду заставляя чашу весов склониться на свою сторону и ему повинуются. Все же различие тут в том, что в монархиях государя – люди более просвещенные, и министры их несравненно искуснее и опытнее в делах правления, чем в деспотическом Государстве» (Монтескье, 1955: 186). Сходные замечания об отношениях между монархом и его административным аппаратом делали и другие политические мыслители XVII–XVIII вв., например, С. Пуфендорф (Pufendorf, 2003: 54-55) и Э. Ваттель (Vattel,

1758: 140-141). Именно способность принимать оптимальные решения, а не абстрактное ограничение властных прерогатив монарха конкурирующими властными органами, виделась Монтеスキе отличительной чертой «просвещенной» монархии: «Законы – это глаза государя; благодаря им он видит то, чего без них не мог бы увидеть. Присваивая себе обязанности судьи, он действует не в свою пользу, а в пользу своих обольстителей, во вред самому себе» (Монтеские, 1955: 302-303). Монархии гибнут «по той причине, что государи, вместо того чтобы ограничиться единственным достойным содержанием делом – общим надзором за управлением, захотели всем управлять непосредственно сами».

Таким образом, обсуждение административных реформ, как правило, велось именно в терминах разделения властей. Среди авторов, использовавших такую терминологию, следует назвать сенатора Г.Р. Державина (ЧОИДР, 1858: 123), П.В. Кочубея (СИРИО, 1894: 7), адмирала Н.С. Мордвинова (Архив графов Мордвиновых, 1902: 222), Д.А. Гурьева (СИРИО, 1894: 67) и, наконец, М.А. Балугьянского (СИРИО, 1894: 28). При этом большинство реформаторов указывали на неделимость суверенитета. Общий для всех реформаторских проектов тезис об угрозе власти государя, исходящей из недр бюрократического аппарата, позволял предлагать конкретные меры по исправлению ситуации. Линия же раздела между разными авторами проходила не по вопросу о том, должна ли императорская власть быть ограничена (как мы постарались показать, мнение по этому поводу было практически единодушным), а по вопросу о том, какой должна быть эффективная конфигурация системы управления. Показательно, что Д.А. Гурьев в проекте 1816 г. вовсе не усматривал разницы между избираемыми («призываемыми») законодательными органами и назначенным законодательным советом. Технология управления, на взгляд Гурьева, остается одной и той же – исполнительная власть помогает направлять мнения законодательного органа вне зависимости от того, кто в нем заседает; «первая управляет, действует, вторая соглашается, одобряет и рассматривает действия правления» (СИРИО, 1894: 71).

Часть авторов считала, что центральную роль в управлении должен играть Сенат – еще в 1762 г. Сенат во главе с генерал-прокурором Я.П. Шаховским представил Екатерине II доклад, предлагавший передоверить принятие текущих административных решений Сенату «по представлениям генерал-губернаторов и прочих присутственных мест, не утруждая Ваше Императорское Величество наставлениями и резолюциями давать» (РГАДА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 21. Л. 5-6). Идея оказалась устойчивой: в последующие годы так считали А.А. Безбородко (РА, 1877: 297-300), П.В. Завадовский (ЧОИДР, 1864: 101-107), а также канцлер А.Р. Воронцов в своем «Примечании о правах и преимуществах Сената» (ЧОИДР, 1864: 409-410) и ряд других сановников (Граф Павел Александрович Строганов, 1903: 307-313). Часть реформаторов, напротив, отводила Сенату лишь судебную и контрольную функцию, а управление предлагала сосредоточить в руках министров, имеющих отраслевую специализацию. Проекты такого рода появились уже при Петре III (Бугров, Киселев, 2010: 124-127); одним из первых такое мнение высказывал Н.И. Панин в 1762 г. (Бугров, 2015: 226-247), а впоследствии – участник Александровского Негласного комитета П.А. Строганов (Граф Павел Александрович Строганов, 1903: 292) и анонимный автор «Essai sur un regiment organique de toutes les branches du gouvernement de Russie» (Граф Павел Александрович Строганов, 1903: 261). Иногда Сенат предлагалось разделить на две части; министры то подчинялись Сенату, то выводились в подчинение особому совету либо комитету. Например, Д.А. Гурьев в 1816 г. считал нужным создать Правительствующий Сенат в системе исполнительной власти (то есть над министерствами) и Судный Сенат – в системе власти судебной (СИРИО, 1894: 84). Например, «Таблица властей империи» – впечатляющая визуализация практического подхода к разделению властей, составленная участником Негласного комитета А. Чарторыйским для Александра I – предполагала деление на исполнительную (министерства), судебную и «охранительную» («правительствующий» и «судебный» отделы Сената) части, над которыми стоит император со своим Советом (Богданович, 1869: 98-99). Сходную таблицу в 1816 г. создал Д.А. Гурьев, однако здесь министерства оказались включены в сферу управления Правительствующего сената как его «присутствия» (СИРИО, 1894: 84). Имелись разногласия по вопросам о том, как именно должен выглядеть Совет (в одних случаях он включал руководителей «отраслевых» министерств, в других – нет).

Как бы то ни было, используя уже упомянутый образ фабрики, принадлежащий Н.И. Панину (Бугров, 2015: 234), можно сказать: ни точное распределение заданий среди работников, ни четкая регламентация не умаляют власти хозяина, но, напротив, делают ее более эффективной. Реформаторские проекты не предполагали баланса сил в современном смысле; «разделение властей» в понимании реформаторов было ориентировано на обеспечение оптимального контроля со стороны государя и достижение «общего блага», а не баланса интересов. Именно по этой причине принципом организации «разделения властей» выступала, как правило, не способность властных органов блокировать решения, а ступенчатая экспертиза и апелляция к верховной власти. Авторы реформаторских проектов – от Н.И. Панина до Д.А. Гурьева, от А.Р. Воронцова до М.М. Сперанского – считали наиболее реальной опасностью для императорской власти фактическую узурпацию этой власти административным аппаратом. Центральной темой дискуссии о политических реформах было, таким образом, не создание «свободных» органов власти, а организация административного аппарата. Рассуждения о «законной монархии», в которой государь сам у себя «отъемлет»

возможность творить зло, даже в теории не предполагали возможности конфликта между государем и властным органом, способным ему в этом воспрепятствовать.

Аргументы в пользу совершенствования системы принятия решений, связанные с метафорой зрения, открывали возможности для предложений по созданию представительных органов внутри властной иерархии. Популярной среди реформаторов была идея представительного Сената, связанная, по-видимому, с тем, что под влиянием европейской интеллектуальной традиции (прежде всего – философии Монтескье) Сенат начал осмысляться как «хранитель законов», наделенный «правом представления». Эта идея – общее место для всех проектов, которое было зафиксировано в екатерининском «Наказе» и о котором писали Н.И. Панин, А.Р. Воронцов и многие другие – была почерпнута, очевидно, из политической философии Монтескье, но обосновывалась и с помощью ссылок на российскую практику. Например, Н.И. Панин в проекте 1762 г. обосновывал сенатское право представления с помощью Генерального регламента (Бугров, 2015: 245); аналогичные аргументы в пользу права представления спустя сорок лет, в 1801 г., приводил П.В. Завадовский, придерживавшийся по поводу административной роли Сената прямо противоположной позиции (ЧОИДР, 1864: 100-107).

Как бы то ни было, ряд авторов предлагал полную или частичную выборность Сената. Так считали Н.И. Панин, чье мнение по данному поводу сохранил конспект беседы, сделанный цесаревичем Павлом Петровичем в 1783 г. (Бугров, 2015: 269), а также Г.Р. Державин (ЧОИДР, 1858: 123), Н.С. Мордвинов (Архив графов Мордвиновых, 1902: 224) и целый ряд других. При этом некоторые реформаторы предлагали избирать лиц, уже служащих в центральных административных органах. Об этом писали, например, Г.Р. Державин и П.А. Зубов в 1801 г. (Сафонов, 1978: 237-243) и Н.С. Мордвинов в 1802 г. (Архив графов Мордвиновых, 1902: 225). Мордвинов прямо связывал систему губернских собраний с предполагаемыми выборами сенаторов, которые должны проводиться на тех же основаниях, что и выборы губернских предводителей. Альтернативной моделью было создание нового представительного органа взамен модификации Сената либо в дополнение к такой модификации; об этом писал, например, А.А. Безбородко. Иногда это могла быть судебная палата, в которой часть судей предлагалось назначать, а часть – избирать. А.А. Безбородко в записке 1799 г. допускал выбор депутатов от разных сословий, а также предполагал участие собрания депутатов в обсуждении и подготовке законов (РА, 1877: 300); анонимный автор «Essai» в 1801 г. считал возможным участие только дворянских депутатов (Граф Павел Александрович Строганов, 1903: 260). В проектах Сперанского такая роль отводилась Государственной думе, а в Государственной уставной грамоте – Государственному сейму.

Опыт создания выборных органов совещательного типа в России имелся. Речь идет, прежде всего, об Уложенных комиссиях. Так, сенатский указ от 29 сентября 1761 г. предписывал избрать представителей дворянства и купечества для «слушания» вновь составляемого Уложения, с характерной мотивационной частью: «А как сочинение Уложения для управления всего государства весьма нужно, следственно всего общества и труд в советах быть к тому потребен, и потому всякого сына отечества долг есть советом и делом в том помогать». Указ требовал избрать по два делегата от дворянства каждой провинции (при этом избрать можно было и кого-либо из находившихся в Санкт-Петербурге «у статских дел») и по одному – от купечества каждой провинции. При этом местным властям, с одной стороны, было предписано «понуждать неослабно» выборщиков в случае промедления, а с другой – «под взысканием штрафа» к выборам «не приступать и ни чем не мешать» (ПСЗ, 11 335: 792-794).

С другой стороны, образцом для реформаторских предложений по организации выборных органов власти могла служить система дворянских выборов, введенная Жалованной грамотой дворянству 1785 г. Так, А.А. Безбородко полагал, что теперь достаточно реализовать принципы, заложенные Жалованной грамотой, на уровне империи в целом (РА, 1877: 299); аналогичным образом и при составлении Н.Н. Новосильцевым Уставной грамоты в структуру выборных органов были включены уже действовавшие дворянские собрания (Государственная уставная грамота, 1831).

Наконец, М.М. Сперанский предлагал цензовую систему выборов, наиболее тщательно разработав вопрос представительства. Сперанский указывал на то, что действующая российская политическая система лишь выглядит «законной» и настаивал на том, что подлинно «законная» система предполагает свободу и ограничение «державной власти» не только правом, но и «силами» других властей, прежде всего – законодательной. Избираемая на цензовом основании (дворяне плюс «среднее состояние», с учетом имущественного состояния) Государственная Дума – «законодательное сословие» по Сперанскому – равна Сенату и министерствам (План государственного преобразования, 1905: 63-64, 77-78). Сходную организацию выработывал Н.Н. Новосильцев для Государственной уставной грамоты (1820), с опорой на дворянские собрания и окружные городские общества (Государственная уставная грамота, 1831: 152-169).

Так, В.П. Кочубей в 1814 г. отмечал, что законодательство не может быть доверено «депутатам губернским или, как в разных государствах называют, провинциальным штатам», поскольку «степень просвещения» в России недостаточна, чтобы «подражать другим» (СИРИО, 1894: 8). В свою очередь, М.М. Сперанский расценивал Земские соборы и Боярскую думу XVII в., события 1730 г., а также Уложенную комиссию Екатерины II, как предвестников «генеральных штатов», однако полагал, что

тогда Россия еще не созрела для представительных органов. Теперь же, по его мнению, ситуация изменилась: Сперанский старательно приводил доводы, которые должны были убедить императора в том, что российское общество уже созрело для широкомасштабного представительства.

Итак, реформаторские проекты обосновывали различные модели представительства – сенатскую или сеймовую, с опорой на бюрократию, дворянство либо на имущественный ценз. Из комбинаций этих элементов формировалась целая таксономия реформаторских стратегий. Все эти вопросы увязывались с общей проблемой социальной «зрелости» страны (Тимофеев, 2011а: 364-365). Таким образом, избираемые органы рассматривались реформаторами как подчиненные власти императора; распределение властных полномочий между монархом и представительскими органами расценивалось как допуск к участию в процессе управления наиболее зрелых групп населения. В целом, практически все реформаторские проекты в той или иной степени поддерживали создание выборных органов, что позволяет утверждать: выборное представительство не представлялось реформатором более серьезной угрозой, чем, например, своеволие бюрократии или фаворитизм. Иными словами, отношения с представительными органами власти не были для самодержца антагонистической игрой.

Представительство мыслилось лишь как вспомогательный элемент в системе административного равновесия и не представляло собой угрозы императорской власти. Соответственно, различия между придворными реформаторами в отношении представительных органов власти заключались не в степени «ограничения» царской власти представительством, но в том, насколько радикальной была модель доступа к участию в представительстве. В этом смысле проекты Сперанского, где обосновывается цензовая система выборов, были наиболее радикальными.

Однако различные модели организации представительства – на какой бы принцип они ни опирались – должны были служить механизмами для обеспечения эффективной «обратной связи», позволяя достичь желанной для реформаторов оптимизации власти государя и не имея потенциала бросить ему вызов. В силу этого те выборные органы, которые предлагалось ввести в административную систему Империи, не предполагали общественного договора (как мы уже отмечали, политическая механика в придворном политическом дискурсе XVIII–XIX вв. опиралась не на договорные отношения между государем и подданными, но на вмешательство Провидения) и не были способны представлять политическую угрозу для императорской власти. Можно согласиться с К.С. Черновым, который характеризует выдвигавшиеся при Александре I предложения по созданию представительных органов в русле традиции уложенных комиссий XVIII в., как «институт сбора информации с мест» (Чернов, 2012: 176).

5. Заключение

В рамках той таксономии, которую мы постарались обрисовать выше, невозможно описать конкретный реформаторский проект как либеральный или консервативный, «правительственный» или «дворянский». Все эти проекты имели сходства, задававшие единством коммуникативного контекста – признанием абсолютной власти императора в монархии, что вытекало не столько из убеждений реформаторов, сколько из коммуникативной логики проекта – докладной записки. Различия между разными политическими стратегиями придворных реформаторов могут быть описаны и поняты именно на основании различий в позициях по конкретным вопросам, образующих сложную таксономию, которую мы постарались кратко охарактеризовать выше.

Характерным для этой элиты было, в частности, обсуждение критериев допуска к участию во власти низестоящих групп; подобное участие казалось многим реформаторам вполне желательным. Следовательно, вопрос о представительстве не был порождением конфликта между дворянской корпорацией и бюрократией. Можно сказать, что придворно-административная элита разыгрывала «партию одинокого шахматиста» за обе стороны, задаваясь вопросом: на каких основаниях социальные группы могут быть квалифицированы для участия в процессах управления? Ответы на этот вопрос варьировались, однако сам иерархический принцип оставался неизменным.

В этом отношении знаменитая цитата из Монтескье («нет монарха, нет и дворянства, нет дворянства, нет и монарха»), оказывалась для представителей придворно-административной элиты разменной монетой. Так, на нее ссылался Сперанский в записке 1802 г. «О коренных законах государства» (Сперанский, 1961: 42), приводя аргументы в пользу реформы дворянского сословия и наделения его особыми правами. Но на эти же слова Монтескье ссылался и Карамзин в «Записке о древней и новой России» 1811 г., критикуя Сперанского и – опять-таки! – говоря о ведущей роли дворянства в социальной иерархии. Характерно, что слова Монтескье Карамзин дополнил своеобразной интерпретацией: «Благоразумный господин уважает отборных слуг своих и красится их честью» (Карамзин, 1991: 105).

Ограничение власти государя, о котором часто говорилось в проектах административных реформ, следует считать самоограничением всемогущего императора ради «общего блага». Альтернативой такому ограничению было фактическое присвоение власти императором кликой влиятельных бюрократов, способных монополизировать доступ к государю, завалить его рутинными делами и систематически дезинформировать. «Ограничение власти», таким образом, следует понимать в административном, а не в юридическом смысле – речь шла не о том, чтобы с помощью

того или иного правового акта «ограничить» власть императора, а о том, чтобы убедить императора реализовать на практике ту или иную административную конфигурацию ради лучшего качества управления и «общего блага».

Эффективное убеждение и консультации, а не формально-процедурное ограничение, было *modus operandi* реформаторских проектов в отношении власти государя. Полемика логика заставляла авторов тех или иных проектов обвинять своих конкурентов в том, что их предложения являются вредными, поскольку ведут к умалению власти императора в пользу административного аппарата. Однако подобные стратегии борьбы были характерны для всех текстов комплекса, а не только для гипотетической «абсолютистской» партии, сопротивлявшейся «ограничительным» реформам. В этом смысле все риторические стратегии реформаторских проектов являлись абсолютистскими. Представители придворно-административной элиты не дебатировали доктринальные вопросы – напротив, в большинстве случаев они сходились в определениях и использовали одни и те же оценки, риторические фигуры и цитаты.

Если согласиться с тем, что для придворных реформаторов угрозой была не абсолютная власть императора, а злоупотребления фаворитов и бюрократов, то попытки найти в административно-управленческих комбинациях реформаторских проектов замаскированные попытки ограничения императорской власти теряют смысл. Традиция же изучения российской политической истории как череды «потаенных конституций» и политических неудач может быть пересмотрена. Нарратив вечно сильного государства, подавляющего вечно слабое общество, воспроизводит основную риторическую стратегию реформаторских проектов – противопоставление движения к «общему благу» и скверным положением дел в реальности. Но было ли положение дел настолько скверным, а реформы – настолько ограниченными?

Оценить практическое значение «ограничения власти» в реформаторских проектах XVIII – начала XIX вв. возможно лишь в контексте изоциренных риторических стратегий придворных авторов, говорящих о способности видеть и слепоте, напоминающих о необходимости самоконтроля, использующих аргументацию деистского толка. Во второй половине XIX в. сходный набор аргументов станет идейной основой для российского монархизма различных течений.

Однако абсолютистский реформизм кажется нам интересным вовсе не потому, что он послужил основанием для какой-либо интеллектуальной традиции – монархической ли, конституционной ли. Напротив – при анализе конкретного эпизода истории политической мысли важно восстановить уникальные, только этому эпизоду присущие риторические стратегии, избегая соблазна применить ограниченный набор штампованных аналогий.

6. Благодарности

Статья подготовлена в рамках реализации гранта Правительства РФ по привлечению ведущих учёных в российские образовательные учреждения высшего профессионального образования, и научные учреждения государственных академий наук, и государственные научные центры Российской Федерации. (Лаборатория эдиционной археографии, Уральский федеральный университет). Договор № 14.А12.31.0004 от 26.06.2013 г.

Литература

[Архив графов Мордвиновых, 1902](#) – Архив графов Мордвиновых. Т.3. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1902. 708 с.

[Богданович, 1869](#) – *Богданович М.И.* История царствования императора Александра I и России в его время. Т. 1. СПб., 1869. 539 с.

[Бугров, 2015](#) – *Бугров К.Д.* Монархия и реформы. Политические идеи Н.И. Панина. Екатеринбург, 2015.

[Бугров, Киселев, 2010](#) – *Бугров К.Д., Киселев М.А.* «Закон» и «Совет»: концептуальное поле проектов политических реформ российской бюрократической элиты (рубеж 50-60-х гг. XVIII в.) // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2010. № 33. С. 110-139.

[Государственная уставная грамота, 1831](#) – Государственная уставная грамота Российской империи. Варшава, 1831. 157 с.

[Граф Павел Александрович Строганов, 1903](#) – Граф Павел Александрович Строганов 1774 – 1817. Историческое исследование эпохи Александра I. Т.2. СПб., 1903. 488 с.

[Карамзин, 1991](#) – *Карамзин Н.М.* Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991. 127 с.

[Киселев, 2014](#) – *Киселев М.А.* К истории дискурса реформ в России раннего Нового времени // Российская история. 2014. № 4. С. 23-29.

[Курукин, 2015](#) – *Курукин И.В.* Платон Зубов – «министр всех частей правления»: фаворитизм на исходе XVIII столетия // *Quaestio Rossica*. 2015. № 3. С. 200-226.

[Лотман, 2000](#) – *Лотман Ю.М.* Руссо и русская культура XVIII – начала XIX века // Лотман Ю.М. Собрание сочинений. Т.1. Русская литература и культура Просвещения. М.: ОГИ, 2000. С. 5-26.

[Монтескье, 1955](#) – *Монтескье Ш.* Избранные произведения. М.: Госполитиздат, 1955. 799 с.

- ПСЗ, 1830** – Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. XV. СПб., 1830. № 11 335. 1050 с.
- Омельченко, 2001** – *Омельченко О.А.* Императорское Собрание 1763 года. (Комиссия о вольности дворянской): Исторический очерк. – Документы. М., 2001. 159 с.
- План государственного преобразования, 1905** – План государственного преобразования графа М.М. Сперанского (Введение к уложению государственных законов 1809 г.). М., 1905. 359 с.
- РГАДА** – Российский государственный архив древних актов.
- РА, 1877** – Русский архив. Вып. 1-4. М., 1877. 599 с.
- Сафонов, 1978** – *Сафонов М.М.* Конституционный проект П.А. Зубова – Г.Р. Державина // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 10. Л., 1978. С. 237-243.
- Сборник исторических материалов, 1906** – Сборник исторических материалов, извлеченных из Архива Собственной его императорского величества канцелярии. Вып. 13. СПб., 1906. 398 с.
- СИРИО, 1894** – Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 90. СПб., 1894. 620 с.
- Сперанский, 1961** – *Сперанский М.М.* Проекты и записки. М.; Л., 1961. 245 с.
- Тимофеев, 2011a** – *Тимофеев Д.В.* Европейские идеи в социально-политическом лексиконе образованного российского подданного первой четверти XIX века. Челябинск, 2011. 454 с.
- Тимофеев, 2011b** – *Тимофеев Д.В.* Стратегия и тактика совершенствования российского законодательства в первой четверти XIX в. // Уральский исторический вестник. 2011. № 3. С. 114-121.
- Фонвизин, 1959** – *Фонвизин Д.И.* Собрание сочинений в 2 т.; под ред. Г. П. Макогоненко. М.; Л., 1959. 742 с.
- Чернов, 2012** – *Чернов К.С.* Правительственный конституционализм первой четверти XIX в. (на примере «Государственной Уставной Грамоты Российской империи») // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. № 11. 2012. С. 172-180.
- ЧОИДР, 1858** – Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1858. Кн. 3. М., 1858. 567 с.
- ЧОИДР, 1859** – Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1859. Кн. 4. М., 1859. 729 с.
- ЧОИДР, 1864** – Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1864. Кн. 1. М., 1864. 694 с.
- Шарф, 2008** – *Шарф К.* Монархия, основанная на законе, вместо деспотии. Трансфер и адаптация европейских идей и эволюция воззрений на государство в России в эпоху Просвещения // «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе»: к проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи. М., 2008. С. 9-45.
- Шумигорский, 1907** – *Шумигорский Е.С.* Император Павел I. Жизнь и царствование. СПб., 1907. 214 с.
- Christian, 1979** – *Christian D.* The 'Senatorial Party' and the Theory of Collegial Government, 1801-1803 // *Russian Review*. Vol. 38. № 3. 1979. P. 298-322.
- L'Anti-Machiavel, 1747** – *L'Anti-Machiavel ou Examen du Prince de Machiavel, avec des Notes Historiques et Politiques.* Amsterdam, 1747. 480 p.
- Pufendorf, 2003** – *Pufendorf S.* The Whole Duty of Man According to the Law of Nature, with Two Discourses and a Commentary by Jean Barbeyrac. Indianapolis: Liberty Fund, 2003. 381 p.
- Raeff, 1970** – *Raeff M.* The Domestic Policies of Peter III and his Overthrow // *The American Historical Review*. Vol. 75. № 5. 1970. P. 1289-1310.
- Raeff, 1975** – *Raeff M.* The Well-Ordered Police State and the Development of Modernity in Seventeenth- and Eighteenth-Century Europe: An Attempt at a Comparative Approach // *The American Historical Review*. Vol. 80. № 5. 1975. P. 1221-1243.
- Ransel, 1975** – *Ransel D.* The Politics of Catherinian Russia: The Panin's Party. New Haven: Yale University Press, 1975. 327 p.
- Skinner, 1979** – *Skinner Q.* The Foundations of Modern Political Thought. Vol. 2. The Age of Reformation. Cambridge, 1979. 405 p.
- Vattel, 1835** – *Vattel E.* Le Droit des gens, ou Principes de la loi naturelle appliques a la conduite et aux affaires des nations et des souverains. Т. 1. Paris, 1835. 516 p.
- Whittaker, 2003** – *Whittaker C.* Russian Monarchy: Eighteenth-Century Rulers and Writers in Political Dialogue. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2003. 248 с.
- Wirtschafter, 2003** – *Wirtschafter E.* The Play of Ideas in Russian Enlightenment Theatre. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2003. 296 p.

References

- Архив графов Mordvinovykh, 1902** – Архив графов Mordvinovykh [Archive of the counts Mordvinov]. Т.3. СПб.: Тип. I. N. Skorokhodova, 1902. 708 с.
- Bogdanovich, 1869** – *Bogdanovich M.I.* Istoriya tsarstvovaniya imperatora Aleksandra I i Rossii v ego vremya [History of the reign of Emperor Alexander I and Russia in his time]. Т. 1. СПб., 1869. 539 с.

- Bugrov, 2015** – *Bugrov K.D.* Monarkhiya i reformy. Politicheskie idei N. I. Panina [The monarchy and reform. The political ideas of N.I. Panin]. Ekaterinburg, 2015.
- Bugrov, Kiselev, 2010** – *Bugrov K.D., Kiselev M.A.* «Zakon» i «Sovet»: kontseptual'noe pole proektov politicheskikh reform rossiiskoi byurokraticheskoi elity (rubezh 50-60-kh gg. XVIII v.) ["Law" and "Council": a conceptual field projects of political reforms of the Russian bureaucratic elite (turn of 50-60-ies of the XVIII century)] // *Dialog so vremenem. Al'manakh intellektual'noi istorii.* 2010. № 33. S. 110-139.
- Gosudarstvennaya ustavnaya gramota, 1831** – Gosudarstvennaya ustavnaya gramota Rossiiskoi imperii [The state charters of the Russian Empire]. Varshava, 1831. 157 s.
- Graf Pavel Aleksandrovich Stroganov, 1903** – Graf Pavel Aleksandrovich Stroganov 1774–1817. Istoricheskoe issledovanie epokhi Aleksandra I [Count Pavel Alexandrovich Stroganov 1774 – 1817. Historical study of the epoch of Alexander I]. T.2. SPb., 1903. 488 s.
- Karamzin, 1991** – *Karamzin N.M.* Zapiska o drevnei i novoi Rossii v ee politicheskom i grazhdanskom otnosheniyakh [A note about ancient and new Russia in its political and civil relations]. M., 1991. 127 s.
- Kiselev, 2014** – *Kiselev M.A.* K istorii diskursa reform v Rossii rannego Novogo vremeni [The history of the discourse of reform in Russia in early modern time] // *Rossiiskaya istoriya.* 2014. № 4. S. 23-29.
- Kurukin, 2015** – *Kurukin I.V.* Platon Zubov – «ministr vsekh chastei pravleniya»: favoritizm na iskhode XVIII stoletiya [Platon Zubov – the "Minister of all parts of the Board: favoritism at the end of the XVIII century"] // *Quaestio Rossica.* 2015. № 3. S. 200-226.
- Lotman, 2000** – *Lotman Yu.M.* Russo i russkaya kul'tura XVIII – nachala XIX veka [Rousseau and the Russian culture of XVIII – early XIX century] // Lotman Yu.M. *Sobranie sochinenii.* T.1. Russkaya literatura i kul'tura Prosveshcheniya. M.: OGI, 2000. S. 5-26.
- Montesk'e, 1955** – *Montesk'e Sh.* Izbrannyye proizvedeniya [Selected works]. M.: Gospolitizdat, 1955. 799 s.
- PSZ, 1830** – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii s 1649 goda [Complete collection of laws of the Russian Empire since 1649]. T. XV. SPb., 1830. № 11 335. 1050 s.
- Omel'chenko, 2001** – *Omel'chenko O.A.* Imperatorskoe Sobranie 1763 goda. (Komissiya o vol'nosti dvoryanskoi): Istoricheskii ocherk [The Imperial Collection of 1763. (Commission on freedom of the nobility): a historical sketch]. – Dokumenty. M., 2001. 159 s.
- Plan gosudarstvennogo preobrazovaniya, 1905** – Plan gosudarstvennogo preobrazovaniya grafa M.M. Speranskogo (Vvedenie k ulozheniyu gosudarstvennykh zakonov 1809 g.) [The plan of the state transformation of count M. M. Speransky (Introduction to the Code of State Laws 1809)]. M., 1905. 359 s.
- RGADA** – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov [Russian state archive of ancient acts].
- RA, 1877** – Russkii arkhiv [Russian archive]. 1877. Vyp. 1-4. M., 1877. 599 s.
- Safonov, 1978** – Safonov M.M. Konstitutsionnyi proekt P.A. Zubova – G.R. Derzhavina [The constitutional project of P.A. Zubov, G.R. Derzhavin] // *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny.* Vyp. 10. L., 1978. S. 237-243.
- Sbornik istoricheskikh materialov, 1906** – Sbornik istoricheskikh materialov, izvlechennykh iz Arkhiva Sobstvennoi ego imperatorskogo velichestva kantselyarii [A collection of historical materials extracted from the Archives of his Imperial Majesty's Chancellery]. Vyp. 13. SPb., 1906. 398 s.
- SIRIO, 1894** – Sbornik Imperatorskogo rossiiskogo istoricheskogo obshchestva [The collection of the Imperial Russian historical society]. T. 90. SPb., 1894. 620 s.
- Speranskii, 1961** – *Speranskii M.M.* Proekty i zapiski [Projects and notes]. M.; L., 1961. 245 s.
- Timofeev, 2011a** – *Timofeev D.V.* Evropeiskie idei v sotsial'no-politicheskom leksikone obrazovannogo rossiiskogo poddannogo pervoi chetverti XIX veka [The European ideas in the sociopolitical lexicon of an educated Russian citizen in the first quarter of the XIX century]. Chelyabinsk, 2011. 454 s.
- Timofeev, 2011b** – *Timofeev D.V.* Strategiya i taktika sovershenstvovaniya rossiiskogo zakonodatel'stva v pervoi chetverti XIX v. [Strategy and tactics for improvement of the Russian legislation in first half of XIX century] // *Ural'skii istoricheskii vestnik.* 2011. № 3. S. 114-121.
- Fonvizin, 1959** – *Fonvizin D.I.* Sobranie sochinenii [Collected works] v 2 t.; pod red. G.P. Makogonenko. M.; L., 1959. 742 s.
- Chernov, 2012** – *Chernov K.S.* Pravitel'stvennyi konstitutsionalizm pervoi chetverti XIX v. (na primere «Gosudarstvennoi Ustavnoi Gramoty Rossiiskoi imperii») [Government constitutionalism in the first quarter of the XIX century (on the example of "the State charters of the Russian Empire")] // *Trudy Istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo universiteta.* № 11. 2012. S. 172-180.
- ChOidr, 1858** – Chteniya v imperatorskom obshchestve istorii i drevnostei rossiiskikh pri Moskovskom universitete [Readings in the Imperial society of history and russian antiquities under the Moscow University]. 1858. Kn. 3. M., 1858. 567 s.
- ChOidr, 1859** – Chteniya v imperatorskom obshchestve istorii i drevnostei rossiiskikh pri Moskovskom universitete [Readings in the Imperial society of history and russian antiquities under the Moscow University]. 1859. Kn. 4. M., 1859. 729 s.
- ChOidr, 1864** – Chteniya v imperatorskom obshchestve istorii i drevnostei rossiiskikh pri Moskovskom universitete [Readings in the Imperial society of history and russian antiquities under the Moscow University]. 1864. Kn.1. M., 1864. 694 s.

Sharf, 2008 – *Sharf K.* Monarkhiya, osnovannaya na zakone, vmesto despotii. Transfer i adaptatsiya evropeiskikh idei i evolyutsiya vozzrenii na gosudarstvo v Rossii v epokhu Prosveshcheniya [Monarchy based on law instead of despotism. Transfer and adaptation of European ideas and the evolution of attitudes on the state in Russia in the age of Enlightenment] // «Vvodya nrayi i obychai Evropeiskie v Evropeiskom narode»: k probleme adaptatsii zapadnykh idei i praktik v Rossiiskoi imperii. M., 2008. S. 9-45.

Shumigorskii, 1907 – *Shumigorskii E.S.* Imperator Pavel I. Zhizn' i tsarstvovanie [Emperor Paul I. The life and reign]. SPb., 1907. 214 s.

Christian, 1979 – *Christian D.* The 'Senatorial Party' and the Theory of Collegial Government, 1801-1803 // *Russian Review*. Vol. 38. № 3. 1979. P. 298-322.

L'Anti-Machiavel, 1747 – *L'Anti-Machiavel ou Examen du Prince de Machiavel, avec des Notes Historiques et Politiques.* Amsterdam, 1747. 480 p.

Pufendorf, 2003 – *Pufendorf S.* The Whole Duty of Man According to the Law of Nature, with Two Discourses and a Commentary by Jean Barbeyrac. Indianapolis: Liberty Fund, 2003. 381 p.

Raeff, 1970 – *Raeff M.* The Domestic Policies of Peter III and his Overthrow // *The American Historical Review*. Vol. 75. № 5. 1970. P. 1289-1310.

Raeff, 1975 – *Raeff M.* The Well-Ordered Police State and the Development of Modernity in Seventeenth- and Eighteenth-Century Europe: An Attempt at a Comparative Approach // *The American Historical Review*. Vol. 80. № 5. 1975. P. 1221-1243.

Ransel, 1975 – *Ransel D.* The Politics of Catherinian Russia: The Panin's Party. New Haven: Yale University Press, 1975. 327 p.

Skinner, 1979 – *Skinner Q.* The Foundations of Modern Political Thought. Vol. 2. The Age of Reformation. Cambridge, 1979. 405 p.

Vattel, 1835 – *Vattel E.* Le Droit des gens, ou Principes de la loi naturelle appliques a la conduite et aux affaires des nations et des souverains. T. 1. Paris, 1835. 516 p.

Whittaker, 2003 – *Whittaker C.* Russian Monarchy: Eighteenth-Century Rulers and Writers in Political Dialogue. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2003. 248 s.

Wirtschaftfer, 2003 – *Wirtschaftfer E.* The Play of Ideas in Russian Enlightenment Theatre. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2003. 296 p.

УДК 94

Абсолютистский реформизм: проекты политических реформ в России (2-я половина XVIII – 1-я четверть XIX в.)

Константин Дмитриевич Бугров^{a, *}

^a Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена феномену абсолютистского реформизма – форме политической культуры, охватывающей в хронологическом отношении период с середины XVIII в. по XIX в. и определяемой коммуникативным контекстом (жанром), прагматическими целями и социально-политическим статусом участников. Автор полагает, что ведущие реформаторы, принадлежавшие к кругам придворно-административной элиты Российской империи, конкурировали друг с другом, а также – что проекты и предложения реформ позволяли конкурентам использовать абсолютную власть императора для одновременного проведения реформы в жизнь и усиления собственных позиций во властной структуре. Это значит, что монарх занимал по отношению к реформаторским проектам позицию всевышнего арбитра, способного создавать социальные и политические институты собственной волей. Следовательно, реформаторские проекты – от ранних проектов рубежа 50-х – 60-х гг. XVIII в. до интенсивного административного творчества эпохи Александра I – были нацелены на усиление власти монарха, при одновременном обеспечении ее благотворного характера и защите ее от потенциальной угрозы узурпации внутри бюрократического аппарата. Эта аргументация, противопоставлявшая монарха бюрократии, получит свое развитие в политической культуре российского XIX в.

Ключевые слова: абсолютизм, реформы, монархия, бюрократия, Российская империя, государственное управление, конституционализм.

* Корреспондирующий автор

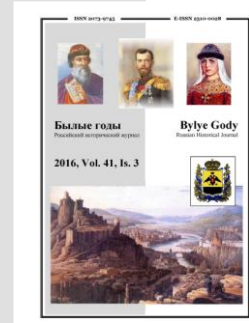
Адреса электронной почты: k.d.bugrov@gmail.com (К.Д. Бугров)

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 41, Is. 3, pp. 611-619, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 93

The Influence of Historical and Climate-Geographical Factors on the Development of Eastern Black Sea Region

Natalya A. Shevchenko ^{a, d, *}, Ivan A. Ermachkov ^b, Maria I. Sinyaeva ^c

^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, Russian Federation

^b Sochi state university, Russian Federation

^c South-West state University, Russian Federation

^d East European History Society, Russian Federation

Abstract

The article discusses the North-Eastern Black sea region in the context of historical and climate-geographical processes. The attention is paid to the socio-economic factors that influenced the development of the area.

The materials for the preparation of this article are the latest publications on history and geography (including climatology) in the North-Eastern Black sea region and adjacent territories.

The methodological basis of the study are the principles of objectivity and historicism, suggesting an unbiased approach to the analysis of the studied problems, a critical attitude to the sources, the judgments in the analysis of the totality of the facts and the screening phenomena in the development and the context of the historical situation.

The authors conclude that a geographic location had a great influence on the historical development of the region. The presence of the warm Black sea has identified the development of the district over a number of centuries, since it was crossed by important trade routes.

Keywords: the Russian Black sea coast, evolution, historical and climatic factors.

1. Введение

Исключительное географическое положение восточного Причерноморья на пути глобального передвижения народов вдоль равнинной прибрежной полосы Черного моря в значительной степени определило развитие этого региона на протяжении многих веков. Первая колонизация побережья древними греками с появлением городов-колоний, римское присутствие со строительством мощной системы фортификационных сооружений, затем период византийского протектората с небывалым цивилизационным подъемом региона, далее недолгий период генуэзского экономического влияния – все эти исторические вехи внесли неповторимое своеобразие в историко-культурное наследие восточного Причерноморья и заложили фундамент его развития и процветания.

В историографических работах по истории восточного Причерноморья особое место занимают труды В.Е. Щетнева, который заложил исследовательскую базу современного регионоведения и краеведения на территории российского Причерноморья (Щетнев, 2006). Ученым была дана оценка первых научно-исследовательских итогов региональных историков (Shetnev, 2011), которые заявили историю региона как составную часть истории страны. Исследовательские достижения в разработке региональной истории, на примере города Сочи, и истории российского Причерноморья отмечены в статье С.Д. Багдасарян о городе как объекте олимпийского строительства и научно-исторического изучения, поставлен вопрос о научно-монографическом издании, как итоге многолетних изысканий региональных историков (Bagdasaryan, 2015). В 2006 году вышла в свет коллективная монография

* Corresponding author

E-mail addresses: tusichka1@yandex.ru (N.A. Shevchenko), eiao7sochi@yandex.ru (I.A. Ermachkov), manysha__@mail.ru (M.I. Sinyaeva)

«Очерки истории Большого Сочи» под общей редакцией В.Е. Щетнева. В настоящее время сотрудниками международного сетевого центра фундаментальных и прикладных исследований ведутся научные исследования по истории и географии восточного Причерноморья.

2. Материалы и методы

2.1. Материалами для подготовки статьи послужили новейшие публикации по истории и географии (включая климатологию) северо-восточного Причерноморья и соседних территорий.

2.2. Методологическую основу исследования составили принципы объективности и историзма, предполагающие непредвзятый подход к анализу изучаемых проблем, критическое отношение к источникам, вынесение суждений в результате анализа совокупности фактов, а также показ явлений в развитии и контексте исторической обстановки. В ходе работы применялись общенаучные методы: логический, классификационный, метод факторного анализа и др., а также такие специальные методы исследования, как сравнительный, статистический и типологический.

3. Результаты и обсуждение

3.1. История

Генезис развития современной территории восточного Причерноморского региона нельзя рассматривать без соседствующих территорий, например, Абхазии и Грузии. Начиная с периода античности и заканчивая поздним средневековьем через изучаемую территорию проходили как морские, так и сухопутные торговые пути, например, в VI–VIII вв. на Северный Кавказ через территорию Абхазии проходило три ответвления Великого шелкового пути. Удобные морские бухты способствовали развитию морского торгового сообщения в регионе. Именно поэтому на побережье основывали свои колонии и торговые фактории древние греки, римляне, византийцы и генуэзцы. После падения Константинополя и прекращения влияния Византии, в причерноморской части Кавказа стали развиваться деструктивные процессы. Охота на людей, рабство, разбой и кровавая месть становятся повсеместными в жизни горцев. Аналогично дела обстояли и с религиозными верованиями населения. Период почти тысячелетнего присутствия христианства сменился исламизацией региона вследствие утверждения на этой территории Османской Империи. Действовавшая до XIII века Зихская епархия Константинопольской православной церкви постепенно перестала кормить свою паству, в результате чего произошел постепенный уход к языческой традиции, а с приходом турок в XVI в. начался процесс исламизации местного населения, который привел к полному забвению христианства почти на 250 лет. Лишь на территории Грузии христианские традиции оставались сильны. Этот период вплоть до конца XVIII века являлся смутным временем для населения Кавказа (Gelagutashvili, 2014). Конечно же, рабство было не только на данной территории, рабство существовало в Римской империи и на территории Киевской Руси (Mamadaliyev, 2016), однако нигде статус раба не был таким социально незащищенным как на Кавказе. Рабство стало основным источником существования для практически всех народов Кавказа, так как именно рабы и зависимые были основной производящей силой и именно они являлись основным предметом торговых отношений между причерноморскими народами с Турцией и Персией.

Конец XVIII века ознаменовался появлением на Черноморье нового стратегического игрока – Российской империи. Период от начала Кавказской войны и до современности стал предметом пристального изучения региональных историков. Социально-экономическое положение убыхов, шапсугов и джигетов, проживавших на данной территории, были рассмотрены в работах А.А. Черкасова и авторского коллектива (Cherkasov et al., 2014), в данных трудах особое внимание уделено причинам социального конфликта в горском обществе. Важную роль в развитии этих конфликтов играл религиозный фактор и желание Османской империи исламизировать народы Причерноморья. В результате в 1785 году на территории Причерноморья произошла гражданская война, в ходе которой местная знать потеряла власть, а в религиозной жизни право хождения получил запрещенный здесь ранее Коран. Российское Причерноморье – территория с богатой исторической культурой, здесь было значительное количество храмов Зихской епархии византийского периода, которые дошли до наших дней в руинированном состоянии. Причиной, повлекшим разрушение византийских памятников на территории Причерноморья, было уделено внимание группы исследователей в составе А. Черкасова, М. Шмигеля, Р. Метревели и В. Молчановой (Cherkasov et al., 2016).

Актуальное исследование в определении общей, сословной и гендерной численности прибрежного населения провел авторский коллектив под руководством А.А. Черкасова (Cherkasov et al., 2016a; Cherkasov et al., 2016b). Этно-демографические процессы северо-восточного Причерноморья, изучались А.А. Черкасовым, В.И. Меньковским, исследователи рассмотрели полиэтничный фактор развития региона (Cherkasov et al., 2015). Именно историки (С.Д. Багдасарян, А.А. Черкасов, Т.А. Самсоненко, О.В. Натолочная и др.) сочинской исторической школы внесли несомненный вклад в историографию региона и, в частности, в изучение исторического наследия города Сочи. Впервые в научный оборот были введены данные архивных документов, позволяющие проследить развитие города Сочи как исторически значимого компонента восточного Причерноморья.

Освоение региона Российским государством длилось не одно десятилетие. Отправной точкой в становлении Сочинского района стали 1860-е гг., ознаменовавшиеся завершением Кавказской войны и началом колонизации Россией юго-восточного Черноморья во второй половине XIX в.

Освоение этого региона Российским государством сопровождалось политикой переселения и обустройства Черноморского округа на протяжении всей второй половины XIX в. Эти правительственные меры способствовали освоению данных земель многочисленными народами, заселявшими империю, в их числе были: русские украинцы, белорусы, армяне, греки, грузины, молдаване, поляки, эстонцы. Примерно с конца XIX в. колонизация стала ограничиваться в основном жителями, населявшими Северный Кавказ (Karnauh, 2014).

Местные жители, ведя борьбу с малярией, обнаружили ценность лечебных источников Сочи-Мацестинского района, параллельно начиналось и дачное строительство. Аналогично развивалась и территория Старой Гагры (современная Абхазия). На рубеже XIX–XX столетий на Черноморском побережье начали свою работу научно-исследовательские комиссии, деятельности которых активно помогали правительство и предпринимательские круги, и которые значительно увеличили представления об экономических возможностях курортной специализации района. Например, в 1913 г. в Сочи находилось на излечении и отдыхе уже около 10 тыс. человек.

Важное значение для развития региона имели транспортные сети. Еще до революции было уделено внимание развитию морского сообщения, шоссе и железнодорожного. Результаты исследования этого вопроса представлены в работе Н.А. Шевченко (Shevchenko, 2015).

В условиях Первой мировой войны, несмотря на мобилизацию населения в Действующую армию, (Mitiukov, Korobeinikov, 2016) приток публики на курорты Причерноморья (Сочи, Гагра) продолжался.

В период гражданской войны на Черноморском побережье, при поддержке Грузинской демократической республики, было создано альтернативное и белому, и красному движению правительство. В условиях гражданского противостояния создается Комитет освобождения Черноморской губернии, который опирался на умеренных социалистов – эсеров (Cherkasov, Smigel, 2014).

Возрождение курортного и лечебного дела в советской России началось с Декрета СНК РСФСР «О лечебных местностях общегосударственного значения» от 4 апреля 1919, в нем законодательно закреплялось положение о курортной местности, и в приложении подчеркивался курортный статус Черноморского побережья от Анапы до Батуми, отдельными строками выделялась Мацеста и Красная Поляна. Таким образом, курорты были отнесены к Наркомату здравоохранения РСФСР. Рубежом изменений становятся 1920-е годы после окончания гражданской войны. Положение об управлении курортными хозяйствами от 4 февраля 1921 г. стало первым шагом властей по совершенствованию оснащения курортных районов молодого государства посредством их распределения в четыре района: Крымско-Одесский, Кавказский, Кубано-Черноморский, Кумыкский (Оренбургская и др. губернии).

С целью совершенствования управления сооружением курорта было принято решение на союзном уровне учредить местную должность Уполномоченного ЦИК СССР в Сочинском районе по вопросам курорта (Декреты и постановления, 1982: 36) (17.10.1933 Постановление ЦИК и СНК СССР). Уполномоченным назначен А.Д. Метелев (1883–1939 гг.), при нем управление стало координировать все проблемы строительства города и курорта, включая благоустройство санаториев и домов отдыха; землеотвод под предполагающееся лечебно-санаторное и курортное строительство; надзор за состоянием водопровода и канализации, порядком в освещении улиц курорта и путей его сообщения; постоянное наблюдение за ходом коммунального строительства по району, а также за точной эксплуатацией районного зеленого хозяйства; за развитием аграрного комплекса региона, обслуживающего нужды курорта; контроль по снабжению курорта продовольствием и окружной торговлей. В целом, он стал органом, заявившем о себе в качестве городской власти (Самсоненко, 2008).

На протяжении всей советской эпохи территория Большого Сочи играла важнейшую роль в развитии всего Восточного Причерноморья. Причинами этому стало развитие Сочи как Всесоюзного курорта. В связи с этим несколько слов скажем о развитии города. Исторический опыт города-курорта Сочи обнаруживает, что как раз социально-экономическая политика государства смогла преобразить неблагоустроенный небольшой провинциальный городок в город-курорт всесоюзного значения.

С уверенностью можно утверждать, что 1933 г. стал переломным в истории города, т.к. именно в это время начался этап реконструкции, превративший Сочинский курортный район в самую крупную, образцовую по уровню организации и благоустройству лечебного дела, всесоюзную здравницу. Параллельно была завершена разработка и начата реализация первого Генерального плана реконструкции, охватывающего период до 25 лет. Город был объявлен ударной стройкой страны.

Генеральный план развития курортного района был направлен на формирование, прежде всего, отраслей, обеспечивающих курортное дело. В этот период были возведены предприятия пищевой промышленности, построены корпуса хлебокомбината, молокозавода и мясокомбината. Развивалась и коммунальное хозяйство города, строились водопровод, канализация и электростанция. В качестве показателя успехов можно отметить нахождение здесь большого числа

отдыхающих, естественно по критериям того времени (с 1926 по 1930-е гг. – около 84 тыс. чел.). Однако оставались не решенными проблемы оползней, а также водоснабжения, канализации, электричества. Государство добилося решения сложных материально-технических задач курорта только в период второй пятилетки.

Освоенная за 7 лет с начала реконструкции более 40 % от всего выделенного на реализацию Генерального плана бюджета сумма, абсолютно изменила внешний облик города, что позволило в 1940 г. принять на отдых и лечение более 110 тыс. чел. (Зайцев, 2005: 97).

Великая Отечественная война перекроила планы, и кипучее развитие Сочи приостановилось. Город-курорт сыграл свою значимую роль в Великой Отечественной войне – Сочи стал городом-госпиталем. Традиционно деятельность г. Сочи как города-госпиталя условно делят на три основных периода: первый период – август 1941 г. – июль 1942 г.; второй – август 1942 г. – март 1943 г.; третий – апрель 1943 г. – май 1946 года (Ермачков, Натолочная, 2011: 4-7). В первые дни войны город покинули отдыхающие, началась работа по подготовке к приему раненых солдат. Эвакуационные госпитали располагались на базе местных санаториев, пансионатов. Благодаря правильно организованной работе по оборудованию госпиталей уже к 1 августа 1941 г. в Сочи закончилось формирование 24 госпиталей емкостью 12,6 тыс. коек. Первые раненые в Сочи прибыли 5 августа 1941 г. Затем эшелоны с ранеными начали приходить регулярно, в результате чего количество раненых, равно как и количество госпиталей, стало увеличиваться.

С августа 1942 г. начинается новый этап в деятельности сочинских госпиталей, который ознаменовался их эвакуацией с территории города. Эвакуация была вызвана изменением обстановки на фронте – над Сочи нависла опасность полного окружения.

В этой сложной обстановке командование принимает решение об эвакуации сочинских госпиталей преимущественно в Закавказье и в Среднюю Азию. Эвакуация происходила быстро, но с большими сложностями. Так, часть эвакуированных госпиталей находилась «на открытом воздухе. Все медицинское имущество и мягкий инвентарь от дождей испортилось» (АОАГС. Ф. Р-218. Оп. 1. Д. 4. Л. 16).

С февраля 1943 г. началось возвращение в Сочи госпиталей из эвакуации, поскольку опасность захвата города практически миновала. Как до эвакуации, так и после нее госпитали были переполнены, и это притом, что в сочинских госпиталях оставались лишь тяжелораненые, требовавшие особого квалифицированного лечения.

Около 500 тыс. больных и раненных военнослужащих прошло через госпитали города за годы войны, большинство из которых сумели полностью восстановить здоровье. К сожалению, 6834 раненых война медикам не удалось спасти – они умерли в госпиталях. Но все же подчеркнем, что сочинские госпитали, преодолев немало трудностей в период Великой Отечественной войны, справились с главной задачей – успешным лечением больных и раненых солдат. Самоотверженный подвиг во имя жизни совершили сочинские медики, которые, работая по 12–14 часов в сутки, без отпусков и выходных, смогли тысячи раненых солдат вернуть к жизни. За это они были награждены как правительственными орденами, так и медалями. Но главную свою награду сочинские медики, да и весь г. Сочи получил только в 1980 г.: «За большую и самоотверженную работу трудящихся города по лечению и восстановлению здоровья воинов Советской Армии и Военно-Морского флота в годы Великой Отечественной войны... наградить г. Сочи орденом Отечественной войны I степени». Таким образом, на самом высоком уровне был оценен огромный вклад города-курорта Сочи в дело Великой Победы.

Развитие Сочи как курортного города продолжилось после окончания ВОВ. Так, уже в 1945 г. СМ СССР в постановлении № 843 подчеркивает необходимость восстановить санаторно-курортную сферу, провести противооползневые мероприятия. Началась работа по переоборудованию госпиталей в санатории, гостиницы и дома отдыха – в курортные здравницы. Многие объекты требовали капитального ремонта и благоустройства.

Город постепенно возвращался к курортной жизни, уже в 1946 г. вышел по посещаемости отдыхающими, восстанавливающими здоровье ветеранами войны, на 70 % довоенных показателей (Зайцев, 2004: 98).

Продолжилась деятельность государственных и городских органов советской власти по восстановлению курортного хозяйства. Например, в первые послевоенные годы не только были восстановлены все ванны корпуса Старой и Новой Мацесты, но и построены новые здравницы – «Смена», «Кудепста». На развитие Сочи в послевоенный период правительством выделялись крупные средства. Так, объем капиталовложений, направленных на реконструкцию Сочи-Мацестинского курорта в 1948 г. по сравнению с 1940 г. составил 140 %, а в 1950 г. они были увеличены до 260 % (Natolochnaya, 2015).

До 1961 г. курортный регион включал в себя только Центральный и Хостинский районы. В Центральном районе были сосредоточены все крупные промышленные и пищевые предприятия (мясокомбинат, хлебокомбинат, молкомбинат, консервный комбинат, пищевой и виноводочный заводы), основная часть строительных и транспортных организаций. Здесь же находился и ряд санаториев.

В Хостинском районе была наиболее развита санаторно-курортная отрасль, к которой относилось 33 санатория, 5 домов отдыха и 1 туристская база.

Президиум ВС СССР в 1961 г., изучив исторические, природно-климатические условия формирования курортного района, решил пойти на организацию нового административного выделения – Большой Сочи, включив в его состав Лазаревский и Адлерский районы.

Важную проблему для курорта представляло расширение водоснабжения и канализационных сетей в плохо развитых, вновь присоединенных районах. Для решения данной проблемы предпринимались меры по централизации управления и финансирования отрасли, но темпы развития отрасли отставали от темпов развития санаторно-курортных объектов (Зайцев, 2009).

Важным для развития региона был второй Генеральный план, утвержденный в 1968 г. Он предусматривал увеличение коечной емкости курортной зоны, создание крупных курортных комплексов, развитие инфраструктуры Сочи, максимальное использование рекреационных факторов в деятельности курорта, как следствие – превращение Сочи в круглогодичный курорт мирового уровня. План был рассчитан до начала 1990-х гг., но уже к началу 1980-х гг. требовал серьезных корректив по ряду направлений.

К середине 1980-х гг. Сочи представлял собой крупнейший курорт Советского Союза и оказывал влияние на инфраструктуру всего российского Причерноморья. После крушения Советского союза динамичное развитие региона приостановилось. Это было связано с социально-экономическим положением в стране, многие здравницы имели ведомственное подчинение, а в условиях выживания ведомства не могли содержать свои санатории. Ситуация начинает меняться в конце 1990-х гг., когда регион полностью освоился с новой рыночной обстановкой.

Новый динамичный импульс регион получил в 2007 году, когда в Гватемале город был утвержден в качестве столицы XXII Зимних Олимпийских игр.

3.2. Климат и природа

Черноморское побережье Кавказа – единственный район Российской Федерации, характеризующийся влажным субтропическим климатом. Средний из абсолютных температурных минимумов воздуха равен $-5,4^{\circ}\text{C}$, абсолютный минимум $-13,4^{\circ}\text{C}$ отмечался зимой 1963–1964 года (Soltani, 2015).

Климат формируется под влиянием трех основных климатообразующих факторов: солнечная радиация (обеспечивает поступление на землю света, тепла и ультрафиолета); атмосферная циркуляция (с ней связан перенос воздушных масс в атмосферных вихрях (циклонах) и наличие зон раздела воздушных масс (атмосферных фронтов)); подстилающая поверхность (определяет перераспределение солнечной радиации и атмосферной циркуляции в зависимости от характера земной поверхности) (Bitukov, 2014).

Российское Причерноморье является главным курортным регионом России, во многом это обстоятельство обусловлено уникальными климатическими особенностями побережья. С уверенностью можно утверждать, что мягкий климат Черноморского побережья сыграл решающую роль в экономическом освоении территории. Но уникальность Большого Сочи заключается в том, что он располагается на территории нескольких климатических зон, здесь наблюдается так называемая высотная зональность. Итак, климатические зоны Большого Сочи:

- 1) влажный субтропический климат (до 300–400 м над уровнем моря);
- 2) умеренно-холодный климат (от 800 до 1800–2000 м над уровнем моря) представлен нежарким летом со средней температурой июля не выше 22°C и умеренной зимой со средней температурой от -2 до -10°C ;
- 3) холодный климат высокогорья (от 1800 до 2500 м над уровнем моря). Отличается недолгим прохладным летом и суровой, продолжительной зимой с мощным снежным покровом;
- 4) нивальный климат (до 3000 м над уровнем моря). Характеризуется крайне низкой среднегодовой температурой (Солодько, Грищенко, 2003: 17-19).

В исторической и географической литературе границы Сочинского района определяются по-разному. Для характеристики возьмем территорию около 3 тыс. кв. км, ограниченную Главным Кавказским хребтом с севера и побережьем Черного моря – с юга. С юго-востока регион прилегает к Абхазии (там границей является р. Псоу), на северо-западе район граничит по р. Шахе с Туапсинским районом.

Рельеф курортного района разнообразен. Его составляют три полосы: первая – 1 км от побережья и до 200–300 м над уровнем моря; далее идет вторая 15 километровая полоса от побережья и, тянущаяся по высоте от 300 до 500 м; третья, находящаяся на высотах от 500 до 1500–1800 м над уровнем моря.

Вдоль прибрежной полосы располагаются морские террасы. Они в наибольшей степени заселены и развиты в расширенных к морю долинах устьев рек. Наиболее низкие террасы, на высоте 2–4, 10–15, 25–35 м над уровнем моря, являются весьма благоприятными для организации земледелия.

Предгорья – это территория холмистых увалистых возвышенностей и низких гор, как правило, со сглаженными формами рельефа – горы Ахун, Мосья, Шейтех и др. По мере удаления от берега

моря, их высота приближается к 400–500 м. По преимуществу сложены предгорья песчано-глиняными породами, сильно раздроблены множеством речных долин и ручьев на параллельные гряды и спускаются широкими ступенями к морю.

Большая доля площади покрыта горами. Поверхность территории представлена крайне сложным сочетанием площадок разной высоты: Около 50 % занято участками высотой от 250 до 1000 м над уровнем моря, 34 % – выше 1000 м. Мало пологих склонов – 9 %, в два раза больше покатых, а вот на крутые и очень крутые участки приходится 73 % (Ильин, 1971: 305). Эти горы прорезают реки, протекающие в громадных ущельях.

Самые высокие горы, достигающие до 2500–3250 м над уровнем моря, находятся на северо-востоке. Их высота снижается в северо-западном направлении до 1000 м и менее: Большая Чура, Амуко, Бзыч, Зубцы и др. Горы сложены глинистыми сланцами, мергелями, песчаниками.

Высокие горные хребты оберегают прибрежные территории от холодных зимних северо-восточных ветров. Эти горы порождают возвышение масс влажного воздуха, приходящих с моря. Концентрация водяных паров способствует обильному выпадению атмосферных осадков. Их количество увеличивается по направлению вглубь гор от морского побережья.

Изменение климата идет в направлении от морского побережья: чем выше в горную местность, тем он становится холоднее, больше выпадает осадков, уменьшается вегетационный период. К примеру, на горе Ачишко, что в Краснополяском районе, высотой 2391 м, среднегодовой объем осадков доходит до 2617 мм, мощность же снегового покрова – 4 м (Очерки истории, 2006: 8-9). В настоящее время на Причерноморском побережье Кавказа наблюдается процесс потепления (Elizbarashvili et al., 2015). Это приводит и к исчезновению некоторых видов птиц (Mustafae et al., 2016).

Флора региона богата тисом, самшитом, ельником, а также дубами (Bityukov, 2015). Природа региона с древности позволяла выращивать виноград. В результате этого культура виноделия здесь достигла значительного успеха (Shevchenko, 2016).

4. Заключение

Большое влияние на историческое развитие региона оказало географическое положение. Наличие теплого Черного моря и проходимых горных перевалов определило развитие Причерноморья на протяжении целого ряда столетий, так как способствовало возникновению важных торговых путей. Смена цивилизаций влекла за собой и смену экономических ориентиров в разные эпохи исторического развития региона.

На современном этапе одним из важнейших факторов развития региона является климатогеографический. Вертикальное многообразие сменяющихся друг друга типов климата, почв, растительности делает регион привлекательным для туристов. Различие природно-климатических зон обусловило разнообразие флоры и фауны. Минеральные воды и термальные источники также являются весомым фактором в развитии региона. На примере истории города Сочи показано влияние исторических и климатогеографических факторов, способствующих развитию всего восточного Причерноморья.

Литература

- АОАГС – Архивный отдел администрации города Сочи.
 Декреты и постановления, 1982 - Декреты и постановления Советской власти о развитии санаторно-курортного дела в СССР. М., 1982.
 Ермачков, Натолочная, 2011 - Ермачков И.А., Натолочная О.В. Сочи – город-госпиталь // Русская старина. 2011. № 2(4). С. 4-7.
 Зайцев, 2005 - Зайцев А.М. К вопросу о некоторых проблемах становления и развития г. Сочи в 1930–1970 гг. // История и историки в контексте времени. 2005. № 3.
 Зайцев, 2009 - Зайцев А.М. Курортное строительство на территории Большого Сочи в 1960 – середине 1970-х гг. // Былые годы. Черноморский исторический журнал. 2009. № 2. С. 38–46.
 Ильин, 1971 - Ильин А.И. Леса района Сочи // Доклады Сочинского отдела Географического общества СССР. Вып. 2. Л., 1971.
 Очерки истории, 2006 - Очерки истории Большого Сочи: в 4 т. / Под общ. ред. проф. В.Е. Щетнева. Сочи, 2006. Т. 1.
 Самсоненко, 2008 - Самсоненко Т.А. Советская империя: Сочи – ударная стройка (1930 гг.) // Былые годы. Черноморский исторический журнал. 2008. № 4. С. 4–12.
 Солодько, Грищенко, 2003 - Солодько А.С., Грищенко Е.Н. Природа Сочинского Причерноморья / Сочи: страницы прошлого и настоящего. Сочи, 2003. С. 17-19.
 Щетнев, 2006 - Щетнев В.Е. Краеведение и историческая наука // Былые годы. Черноморский исторический журнал. 2006. № 1. С. 3–5.
 Bagdasaryan, 2015 - Bagdasaryan S.D. (2015) The History of the Olympic Capital Sochi 2014: the Scientific Research Aspect. // Journal of Advocacy, Research and Education, Vol. (2), Is. 1, pp. 13–24.
 Bityukov, 2015 - Bityukov N.A. (2015) Silvicultural and Botanical Features of the Rocky Oak (Quercus Petraea Liebe) on the Black Sea Coast. Central European Journal of Botany, Vol. (1), Is. 1, pp. 4-11.

- Bitjukov, 2014** - Bitjukov N.A. (2014) The Use of Bioclimatic Recourses of the Black Sea Caucuses. *Russian Journal of Biological Research*, Vol. (1), № 1, pp. 4-13.
- Gelagutashvili, 2014** - Gelagutashvili A. (2014) The Kingdom of Kakheti (the 15th-17th Centuries): Urban Trade and Trade Routes. *European Geographical Studies*, Vol.(2), № 2, pp. 75-80.
- Elizbarashvili et al., 2015** - Elizbarashvili E.Sh., Khorava S.G., Chichileishvili Kh.K. (2015) The Peculiarities of Climate Changes in a Coastal Zone of the Black Sea in Adjara. *European Geographical Studies*, Vol.(6), Is. 2, pp. 75-82.
- Mamadaliyev, 2016** - Mamadaliyev A.M. (2016) The Institution of Slavery of Kievan Rus Epoch of Yaroslav the Wise and Classical Slavery of Antiquity: a Comparative Analysis. *Slavery: Theory and Practice*, Vol.(1), Is. 1, pp. 14-23.
- Mitiukov, Korobeinikov, 2016** - Mitiukov N.W., Korobeinikov A.V. (2016) The Principle of Similarity Numbers of Recruiting Cohorts. *Population Processes*, Vol.(1), Is. 1, pp. 15-24.
- Natolochnaya, 2015** - Natolochnaya O.V. (2015) The Food Industry as Part of the Resort Infrastructure of Sochi in 1945-1953 years. *Food Engineering. Theory and Practice*, Vol.(1), Is. 1, pp. 4-13.
- Shetnev, 2011** - Shetnev V.E. (2011) Modern historiography review of the greater Sochi history: past decade results // *European researcher*. № 1(3). pp. 44-56.
- Shevchenko, 2015** - Shevchenko N.A. (2015) The Development of the Railway Network on the Black Sea (1914-1953 years). *The History of Land Transport*, Vol. (1), № 1, pp.18-25.
- Shevchenko, 2016** - Shevchenko N.A. (2016) Grigorii V. Rozen and Industrial Wine-Making in Georgia: to the Issue of the Origins of the Industry Development in the first half of the XIX century. *Winemaking: Theory and Practice*, Vol. (1), Is. 1, pp. 12-18.
- Cherkasov et al., 2014** - Cherkasov A.A., Menkovsky V.I., Ivantsov V.G., Ryabtsev A.A., Molchanova V.S., Natolochnaya O.V. (2014) The "Nobility" and "Commoners" in Ubykh Society: The Reasons behind the Social Conflict. *Bull. Georg. Natl. Acad. Sci.*, 8, 3: 64-72.
- Karnauh, 2014** - Karnauh O.D. (2014) State-Legal Politics of the Russian Empire in Regard to Colonization of the Black Coast in the Northwest Caucuses and its Outcomes by XX Century. *Russian Journal of Legal Studies*, Vol. (1), № 1, p. 22-28.
- Cherkasov et al., 2016** - Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Metreveli R.V., Molchanova V.S. (2016) The Destruction of the Christian Historical-Cultural Heritage of the Black Sea Area: Trends and Characteristics (the Late 18th and First Half of the 19th centuries). *Annales, Series Historia Naturalis*. 26 (1): 1-12.
- Cherkasov, Smigel, 2014** - Cherkasov A.A., Smigel M. (2014) The Civil War in Russia (1917-1922 years): Propaganda of the Opposing Forces (on the Materials of the Kuban and Black Sea Coast). *Propaganda in the World and Local Conflicts*, Vol. (1), Is. 1, pp. 4-58.
- Cherkasov et al., 2015** - Cherkasov A.A., Menkovsky V.I., Smigel M., Molchanova V.S. (2015) Ethno-demographic processes in the north-east black sea area in the 19TH - early 21TH centuries (through the example of greater Sochi). *Bylye Gody*. № 36 (2). pp. 276-281.
- Soltani, 2015** - Soltani G.A. (2015) The Acclimatization of Yinquania Muchuanensis Z. Y. Zhu. on the Black Sea Coast of the Caucasus. *Central European Journal of Botany*, Vol. (1), Is. 1, pp. 21-28.
- Mustafaev et al., 2016** - Mustafaev G.T., Jafarova Sh.M., Mamedov A.T. (2016) Multiparametrnaya Evaluation of Monitoring Reproductive Birds on Southeastern Caucasus. *Central European Journal of Zoology*, Vol. (2), Is. 1, pp. 4-10.

References

- AOAGS** – Arkhivnyi otdel administratsii goroda Sochi [Archival department of administration of Sochi city].
- Dekrety i postanovleniya, 1982** - Dekrety i postanovleniya Sovetskoi vlasti o razvitii sanatorno-kurortnogo dela v SSSR [The decrees and enactments of the Soviet government on the development of health resort business in the Soviet Union]. M., 1982.
- Ermachkov, Natolochnaya, 2011** - Ermachkov I.A., Natolochnaya O.V. Sochi – gorod-gospital' [Sochi – the city hospital] // *Russkaya starina*. 2011. № 2(4). S. 4-7.
- Zaitsev, 2005** - Zaitsev A.M. K voprosu o nekotorykh problemakh stanovleniya i razvitiya g. Sochi v 1930–1970 gg. [On some problems of formation and development of Sochi in the 1930-1970's.] // *Istoriya i istoriki v kontekste vremeni*. 2005. № 3.
- Zaitsev, 2009** - Zaitsev A.M. Kurortnoe stroitel'stvo na territorii Bol'shogo Sochi v 1960 – seredine 1970-kh gg. [The resort building of Big Sochi in 1960 - the middle of 1970s.] // *Bylye Gody*. 2009. № 2. S. 38-46.
- Il'in, 1971** - Il'in A.I. Lesa raiona Sochi [The forests of Sochi district] // *Doklady Sochinskogo otdela Geograficheskogo obshchestva SSSR*. Vyp. 2. L., 1971.
- Ocherki istorii, 2006** - Ocherki istorii Bol'shogo Sochi [Essays on the history of Big Sochi]: v 4 t. / Pod obshch. red. prof. V.E. Shchetneva. Sochi, 2006. T. 1.
- Samsonenko, 2008** - Samsonenko T.A. Sovetskaya imperiya: Sochi – udarnaya stroika (1930 gg.) [The Soviet Empire: Sochi – shock construction (1930s)] // *Bylye Gody*. 2008. № 4. S. 4-12.
- Solod'ko, Grishchenko, 2003** - Solod'ko A.S., Grishchenko E.N. Priroda Sochinskogo Prichernomor'ya [The Nature of the Sochi Black Sea coast] / Sochi: stranitsy proshlogo i nastoyashchego. Sochi, 2003. S. 17-19.

- Shchetnev, 2006** - Shchetnev V.E. Kraevedenie i istoricheskaya nauka [Local history and historical science] // *Bylye Gody*. 2006. № 1. S. 3–5.
- Bagdasaryan, 2015** - Bagdasaryan S.D. (2015) The History of the Olympic Capital Sochi 2014: the Scientific Research Aspect. *Journal of Advocacy, Research and Education*, Vol. (2), Is. 1, pp. 13–24.
- Bityukov, 2015** - Bityukov N.A. (2015) Silvicultural and Botanical Features of the Rocky Oak (*Quercus Petraea* Liebe) on the Black Sea Coast. *Central European Journal of Botany*, Vol. (1), Is. 1, pp. 4–11.
- Bityukov, 2014** - Bityukov N.A. (2014) The Use of Bioclimatic Recourses of the Black Sea Caucasus. *Russian Journal of Biological Research*, Vol. (1), № 1, pp. 4–13.
- Gelagutashvili, 2014** - Gelagutashvili A. (2014) The Kingdom of Kakheti (the 15th–17th Centuries): Urban Trade and Trade Routes. *European Geographical Studies*, Vol.(2), № 2, pp. 75–80.
- Elizbarashvili et al., 2015** - Elizbarashvili E.Sh., Khorava S.G., Chichileishvili Kh.K. (2015) The Peculiarities of Climate Changes in a Coastal Zone of the Black Sea in Adjara. *European Geographical Studies*, Vol.(6), Is. 2, pp. 75–82.
- Mamadaliyev, 2016** - Mamadaliyev A.M. (2016) The Institution of Slavery of Kievan Rus Epoch of Yaroslav the Wise and Classical Slavery of Antiquity: a Comparative Analysis. *Slavery: Theory and Practice*, Vol.(1), Is. 1, pp. 14–23.
- Mitiukov, Korobeinikov, 2016** - Mitiukov N.W., Korobeinikov A.V. (2016) The Principle of Similarity Numbers of Recruiting Cohorts. *Population Processes*, Vol.(1), Is. 1, pp. 15–24.
- Natolochnaya, 2015** - Natolochnaya O.V. (2015) The Food Industry as Part of the Resort Infrastructure of Sochi in 1945–1953 years. *Food Engineering. Theory and Practice*, Vol.(1), Is. 1, pp. 4–13.
- Shetnev, 2011** - Shetnev V.E. (2011) Modern historiography review of the greater Sochi history: past decade results // *European researcher*. № 1(3). pp. 44–56.
- Shevchenko, 2015** - Shevchenko N.A. (2015) The Development of the Railway Network on the Black Sea (1914–1953 years). *The History of Land Transport*, Vol. (1), № 1, pp. 18–25.
- Shevchenko, 2016** - Shevchenko N.A. (2016) Grigorii V. Rozen and Industrial Wine-Making in Georgia: to the Issue of the Origins of the Industry Development in the first half of the XIX century. *Winemaking: Theory and Practice*, Vol. (1), Is. 1, pp. 12–18.
- Cherkasov et al., 2014** - Cherkasov A.A., Menkovsky V.I., Ivantsov V.G., Ryabtsev A.A., Molchanova V.S., Natolochnaya O.V. (2014) The “Nobility” and “Commoners” in Ubykh Society: The Reasons behind the Social Conflict. *Bull. Georg. Natl. Acad. Sci.*, 8, 3: 64–72.
- Karnauh, 2014** - Karnauh O.D. (2014) State-Legal Politics of the Russian Empire in Regard to Colonization of the Black Coast in the Northwest Caucasus and its Outcomes by XX Century. *Russian Journal of Legal Studies*, Vol. (1), № 1, p. 22–28.
- Cherkasov et al., 2016** - Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Metreveli R.V., Molchanova V.S. (2016) The Destruction of the Christian Historical-Cultural Heritage of the Black Sea Area: Trends and Characteristics (the Late 18th and First Half of the 19th centuries). *Annales, Series Historia Naturalis*. 26 (1): 1–12.
- Cherkasov, Smigel, 2014** - Cherkasov A.A., Smigel M. (2014) The Civil War in Russia (1917–1922 years): Propaganda of the Opposing Forces (on the Materials of the Kuban and Black Sea Coast). *Propaganda in the World and Local Conflicts*, Vol. (1), Is. 1, pp. 4–58.
- Cherkasov et al., 2015** - Cherkasov A.A., Menkovsky V.I., Smigel M., Molchanova V.S. (2015) Ethno-demographic processes in the north-east black sea area in the 19 TH – early 21 TH centuries (through the example of greater Sochi). *Bylye Gody*. № 36 (2). pp. 276–281.
- Soltani, 2015** - Soltani G.A. (2015) The Acclimatization of Yinquania Muchuanensis Z. Y. Zhu. on the Black Sea Coast of the Caucasus. *Central European Journal of Botany*, Vol. (1), Is. 1, pp. 21–28.
- Mustafaev et al., 2016** - Mustafaev G.T., Jafarova Sh.M., Mamedov A.T. (2016) Multiparametrnaya Evaluation of Monitoring Reproductive Birds on Southeastern Caucasus. *Central European Journal of Zoology*, Vol. (2), Is. 1, pp. 4–10.

УДК 93

Влияние исторических и климатогеографических факторов на развитие восточного Причерноморья

Наталья Александровна Шевченко ^{a, d, *}, Иван Анатольевич Ермачков ^b, Мария Ивановна Синяева ^c

^a Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Российская Федерация

^b Сочинский государственный университет, Российская Федерация

^c Юго-Западный государственный университет, Российская Федерация

*Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: tusichka1@yandex.ru (Н.А. Шевченко), eiao7sochi@yandex.ru (И.А. Ермачков), manysa__@mail.ru (М.И. Синяева)

^d Восточно-европейское историческое общество, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается северо-восточное Причерноморье в контексте исторических и климатогеографических процессов. Уделено внимание социально-экономическим факторам, которые влияли на развитие данной территории.

Материалами для подготовки статьи послужили новейшие публикации по истории и географии (включая климатологию) северо-восточного Причерноморья и соседних территорий.

Методологическую основу исследования составили принципы объективности и историзма, предполагающие непредвзятый подход к анализу изучаемых проблем, критическое отношение к источникам, вынесение суждений в результате анализа совокупности фактов, а также показ явлений в развитии и контексте исторической обстановки.

В заключении отмечается, что большое влияние на историческое развитие региона оказало географическое положение. Наличие теплого Черного моря определило развитие района на протяжении целого ряда столетий, поскольку по нему проходили важные торговые пути.

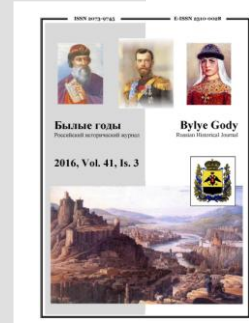
Ключевые слова: российское Причерноморье, эволюция, исторические и климатогеографические факторы.

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 41, Is. 3, pp. 620-628, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94:39 (571.6)

Cultural Transformation of the Aboriginal Population of the North and the Far Eastern Policy of the Russian Autocracy in XIX – Early XX Centuries

Anna V. Akhmetova ^{a, *}

^a Komsomolsk-on-Amur State Technical University, Russian Federation

Abstract

This article deals with the history of cultural transformation of the small-numbered peoples of the Far Eastern region in pre-revolutionary period based on the set of published and unpublished materials. The increased focus is put on the problems of advancement of Christianity among the indigenous population of the national areas of the Far East where orthodox missionaries played a key role. The origins and initial processes of interaction between indigenous and alien population in the Far East during the period of accession of the region to the Russian Empire are investigated. A brief description of social and cultural life foundations of aborigines before the arrival of the Russians is given. The influence of Russian policy has extended to all spheres of life of the aboriginal population – household activities, religious views and national crafts. Social and economic contacts with the Russians have predetermined the life of the indigenous population of the Far East in all aspects. The religion turned out to be the most affected by the Russian government. The work includes the comparative study of the influence of Christian missionaries on different small-numbered peoples: the Chukchi, the Chuvans, the Evens, the Orochis, the Yukagirs etc. In general, Christianity was not predominant among the aborigines. On frequent occasions Christianity was adopted in view of benefits from interaction with the Russians. Christianization of traditional ethnic groups was superficial. Heathen beliefs had retained their influence. Multiformal contacts with outnumbering alien population resulted in penetration of Russian culture into all spheres of life of the small-numbered ethnic groups - from economic to cultural and general. Economic, social and cultural development of the indigenous population resulted in unusual combination of traditional and innovative forms of living.

Keywords: transformation, culture, native small-numbered ethnic groups, the Far East, state policy, the Russian Empire, Orthodoxy, *Jasak* (tribute paid off in furs), colonization

1. Введение

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью всестороннего обоснования концепции развития этнической культуры коренных малочисленных этносов дальневосточного региона в современных условиях. По мнению западных исследователей, коренные народы имеют историческая преемственность с доколониальных времен, считают себя отличными от других этносоциальных групп обществ и в настоящее время преобладают на конкретных территориях. Они полны решимости сохранять, развивать и передавать будущим поколениям их исконные территории и этническую идентичность, в качестве основы для продолжения своего существования как народов, в соответствии со своими специфическими культурными особенностями, социальными институтами и правовыми системами (Ivan, Nut, 2015: 29). В связи с этим является важным провести комплексный анализ проблемы малочисленных этносов, начиная с истоков взаимодействия коренного населения Дальнего Востока России и государственной власти.

2. Материалы и методы

* Corresponding author

E-mail addresses: wyrds@rambler.ru (A.V. Akhmetova)

К опубликованным источникам мы отнесли внутригосударственные правовые акты, дневники и путевые заметки исследователей Дальнего Востока. Также к работе привлечены неопубликованные источники, представленные документами ГАХК и РГИА ДВ. Были использованы документы из тематической коллекции, посвященные приамурскому генерал-губернатору С.М. Духовскому. Ценными источниками стали ежегодные отчеты генерал-губернаторов, переписка местных чиновников, справки и доклады местных органов власти.

Для решения задач, поставленных в статье, был использован различный методологический инструментарий, в основу которого положен системный подход с его важнейшими элементами: системным анализом, структурно-функциональным методом. Благодаря историко-системному анализу было произведено обобщение конкретно-исторических фактов и рассмотрено межэтническое и межкультурное взаимодействие в дальневосточном регионе как целостная система, существенным компонентом которой являются этнокультурные процессы в национальных территориях Дальнего Востока России. Структурно-функциональный метод был применен для выявления структурных элементов трансформации этнокультурного развития в дореволюционный период и их взаимосвязи.

3. Обсуждение

В дореволюционный период изучением коренных народов Дальнего Востока, их быта, рассмотрением эволюции их жизненного уклада занимались отечественные ученые В.В. Иохельсон, С.П. Крашенинников, А.В. Олсуфьев, В.В. Солярский. В советское время проблемами дореволюционных отношений коренного населения с пришлым населением Российской империи изучали многие ученые-историки, но в основном в сравнительно контексте с достижениями советской эпохи. Наиболее значимым трудом в рамках марксистско-ленинской концепции считается монография М.А. Сергеева «Некапиталистический путь развития малых народов Севера». На современном этапе исследованием трансформации культуры малочисленных этносов в эпоху российского самодержавия занимаются Ф.С. Донской, Я.С. Иващенко, Ю.В. Корчагин, Ю. Слёзкин, Л.Н. Хаховская.

4. Результаты

Политика российского самодержавия по освоению дальневосточного региона, претерпела коренные изменения с момента присоединения новых земель к Российской империи до начала XX в.

Освоение новых территорий на Дальнем Востоке имело специфику, благодаря взаимосвязи с тремя аспектами государственной политики: взаимодействие с коренным населением осваиваемых территорий, промышленное освоение и переселенческое движение русского населения в дальневосточном регионе (Corrado, 2014: 70).

Это не означает, что пришлое население считало военную силу главным способом достижения поставленных задач. «Если вспомнить о колоссальных размерах осваиваемых территорий, небольшой численности казачьих отрядов, которые наряду с ещё менее значительным контингентом государственных служащих и православных миссионеров долгое время были единственными представителями русского населения Дальнего Востока, а также жёстком климате и оторванности от баз в течение многих лет, то станет ясно, что коренное население выступало скорее как помощник и учитель в противостоянии с более серьёзным врагом – сибирской и дальневосточной природой» (Ахметова, Наследов, 2013: 37).

Глубокое влияние на исторические судьбы проживавшего на Дальнем Востоке коренного населения оказал процесс открытия и освоения Россией земель Азиатско-Тихоокеанского региона. Со второй половины XVII в. в состав Российского государства вошли этнические группы, сложившиеся в глубокой древности на Северо-востоке Азии, в Приамурье, Приморье и на Сахалине – чукчи, коряки, эвены, эскимосы, алеуты, ительмены, эвенки, нивхи, орочи, удэгейцы и др. Многовековой процесс формирования и этнического развития этих народов способствовал выработке ярких и самобытных национальных культур. Формирование их проходило в процессе этнического взаимодействия и культурного взаимовлияния (Корчагин, 1994: 218).

В то время, когда русские землепроходцы и мореходцы впервые встретились с коренными малочисленными народами, социальной основой их организации являлась родовая община – первичная хозяйственно-демографическая общность. Хозяйство разрозненных этнических групп было обусловлено в первую очередь природно-климатическими условиями. Постепенно сформировались хозяйственные комплексы, ставшие материальной основой их существования, – морской зверобойный промысел, домашнее оленеводство, охотничий и рыболовный промыслы, сбор дикоросов.

Добывая возобновимые природные ресурсы, аборигены бережно относились к окружающей среде, оберегали и боготворили ее, из поколения в поколение вырабатывая и сохраняя поведенческие традиции. Многие исследователи характер взаимодействия народов Севера и окружающей природы определили как систему социальной солидарности общества и окружающей среды.

В этнических традициях и обычаях малочисленных народов определяющее значение имела система религиозных верований – ранние формы вероисповедания (анимизм, магия, тотемизм, шаманизм, фетишизм), а также синтез языческих и христианских элементов догматики и культа.

Сущностной основой дохристианского комплекса религиозных верований являлась, с одной стороны, иерархия духов, с другой, служители культа – шаманы, которые управляли не только религиозной, но и производственной и бытовой деятельностью малочисленных этносов Севера.

Присоединение Дальнего Востока к России имело громадное историческое значение, так как все коренные народы были вовлечены в общероссийский культурно-исторический процесс, в мировую цивилизацию. Незаменимыми участниками походов государевых служилых людей стали местные жители в качестве проводников и каюров. Благодаря землепроходцам и мореходцам, Российское государство стало тихоокеанской державой, приобрело громадные территории с богатейшими природными ресурсами, превратившись в «государеву вотчину».

Следствием проникновения русских в глухие районы Дальнего Востока стало широкое распространение железных изделий среди народов региона, что облегчало сооружение жилищ и транспортных средств, изготовление промыслового инвентаря и т. п.; распространялись новые орудия труда, рыбного промысла и добычи зверя. Коренные, жители получили от русских огнестрельное оружие, новые материалы для изготовления снастей, освоили неизвестные прежде, способы обработки рыбы (Сергеев, 1957: 23). Все это положительно сказывалось на традиционных промыслах – зверобойном, охоте и рыболовстве – и на материальной культуре аборигенов.

Освоение северо-восточных окраин Азии к России и включение их традиционных хозяйств в систему общероссийского рынка способствовали разрушению патриархального уклада в этнических общностях, а также росту производительных сил. Развитие малочисленных народов проходило с этого времени под влиянием прогрессивного общественного строя России, «а отсюда вытекает факт большой исторической важности – проникновение к ним тех или иных элементов русской народной культуры» (Сергеев, 1955: 4).

Открываемые земли, по сути, считались ничейными (подобное происходило и при колонизации Австралии). Сам факт присутствия русского человека на данной территории означал, что она становится частью Российского государства, царь – собственником этой земли, а проживающие здесь люди обретали российское подданство и по сложившимся обычаям пользовались землей своих предков, уплачивая за такое право пользование ясак.

Присоединение в целом не привело ни к истреблению коренного населения, ни к значительному сокращению его численности. Как центральное правительство, так и местные власти, и частные торговцы, были заинтересованы не в уничтожении коренного населения, а в превращении их в организованных поставщиков пушнины. Поэтому процесс проникновения русских в новые земли шел не столько военным путем, сколько экономическим.

Хозяйственные связи с русскими оказали влияние на все стороны жизни коренного населения Дальнего Востока. Произошло постепенное изменение характера хозяйственно-экономической жизни коренного населения, многие из которого перешли от оленеводства, охоты и рыболовства к охоте на пушного зверя и торговле пушниной в обмен на промышленные товары и продукты, изменился характер оленеводства от мелкотабунного к крупнотабунному, ранее не практиковавшемуся.

В процессе присоединения к России рушилась традиционная племенная организация коренных народов, ускорился распад больших первоначальных родов, изменились многие социальные институты. В XVII–XVIII вв. усилились миграционные процессы населения как внутри одной этнической группы, так и между отдельными народами, размывание и смешение больших северных обществ. В целом уменьшилась территория групп, занимающихся преимущественно присваивающими отраслями хозяйства – охотой, рыболовством, напротив, оленеводы существенно расширили свои территории (Вахтин, 1993: 16).

Пребывание в течение трех веков в составе Российского государства сказалось на общественных отношениях у народов Севера – ускорился процесс разложения первобытнообщинного строя, усилилась имущественная дифференциация внутри соседских общин. Однако частная собственность на охотничьи и рыболовецкие угодья, так же, как и олени пастбища не сложилась. В XIX – начале XX века у народов Севера преобладали не родовые, а территориальные общинные связи. Архаическим общественным отношениям соответствовали быт и традиционная культура. Большая часть аборигенного населения вела кочевой образ жизни. Все интересы северян сосредотачивались внутри обособленных мелких стойбищ (Гурвич, 1987: 12).

Исследователь С.П. Крашенинников описывал быт чукотских аборигенов, как «гнусный и беспокойный». Чукчи подвергались давлению со стороны других народов, стремившихся больше взять, чем дать, обороняясь примитивным оружием. Чукчи с трудом воспринимали нововведения пришлого населения, видя в них своих врагов, пытались уйти от них в тундру. Поэтому среди них «не были изжиты невежество и дикость». Мирная торговля XIX в. начала перестраивать жизнь чукотского народа, и именно тогда возникло значительное различие между береговыми чукчами и чукчами-олениводами, живущими в глубокой тундре (Крашенинников, 1994: 123).

Брачно-семейные отношения среди чукчей не были особо крепкими. У многих аборигенов сохранялось пренебрежительное отношение к женщинам, несмотря на то, что они выполняли не менее (а то и более) тяжелые работы, чем мужчины («Раз ты – женщина – гложи кости»). «Наиболее отсталыми в культурном отношении остались чукчи-олениводы. У большинства чукчей сохранилась

меховая оленья одежда, которую одевали на голое тело. Новорожденного ребенка чукчи сразу одевали в меховой мешок. Мытье тела не было свойственно для чукчей, вследствие чего для них была характерна значительная завшивленность, борьбы с которой не велось. Чукчи не употребляли в пищу соли. Основной их пищей было оленье мясо, которое они употребляли в огромном количестве» (Ахметова, 2011: 17).

Российское государство свое присутствие в Сибири закрепляло наличием «ратных людей», возведением поселений и фактическим обживанием новых земель, а также обложением ясаком местных жителей, приведением их вождей к присяге, изданием особых актов о данных территориях и ясачных отношениях, установлением внешних границ. При этом коренные народы вплоть до начала XIX в. были специфически встроены в российскую государственность на основе их военно-политической, ясачной зависимости от государства-метрополии, когда две социальные системы (государство и традиционное общество) достаточно мирно сосуществовали в рамках единых политических границ, но практически не вступали в процесс активного взаимодействия. Только после появления Устава об управлении инородцев 1822 г. (Об управлении инородцев, 1830: 394-417) стали формироваться условия административно-правовой зависимости аборигенов, при которых начала происходить интеграция традиционных форм общественного устройства с государственными и постепенная замена первых последними.

Конфессиональная политика Российской империи в отношении «инородцев» была составной частью национальной политики. В основе всех государственных мероприятий в религиозной сфере Азиатской России лежало признание большой общественно-политической и социокультурной важности распространения православия среди аборигенов. Принятие православия коренным населением считалось необходимым элементом политики русификации. В то же время это был и важнейший социокультурный процесс. В результате «в российской колонизационной модели восточных окраин империи политические и социокультурные цели взаимно дополняли друг друга. Это было еще одним отличием колонизационной политики России от колониальных империй Запада» (Дамешек, Ремнев, 2007: 218).

Стихийное крещение коренного населения Дальнего Востока началось сразу после прихода в регион русских. «Практическая необходимость их христианизации вытекала из того обстоятельства, что многие русские служилые и промышленные люди прибывали без семей и вступали в брак с местными женщинами» (Хаховская, 2004: 5-25). Однако в XVII в. крещение аборигенов было крайне затруднительным, так как власти опасались сокращения ясачного сбора. Такая политика была изменена в XVIII в., когда поступление ясачной пушнины практически перестало играть значимую роль в доходах страны. Поэтому теперь государство начало поощрять переход аборигенов в православие, так как церковь существенно умножила влияние имперской власти на коренное население.

В 1840 г. была учреждена Камчатская, Курильская, Алеутская епархия, первым епископом которой стал Иннокентий Вениаминов, миссионерская деятельность которого охватывала все Охотское побережье. Именно с данного периода государственная политика по организации базы православия на Северо-Востоке страны стала более централизованной, а работа священников – активнее и организованней.

Но алеутский миссионер И. Вениаминов может быть назван исключением, так как большая часть священников и монахов, посылаемых на Дальний Восток, были людьми малообразованными. Они не знали национальные языки (и не хотели их знать), были грубы и совершенно лишены моральных и педагогических качеств для распространения христианства.

В гижигинском архиве есть несколько дел о злоупотреблениях духовенства. Например, было возбуждено дело против трех священников, которые поступили на службу к торговцам как развозчики товаров, пользуясь в тоже время как духовные лица льготами по перевозкам и эксплуатируя в этом отношении и русских жителей, и аборигенов (Иохельсон, 1997: 222).

Значительно меньше по сравнению с другими народами Севера миссионерская деятельность затронула чукчей (луораветланов). Так, в первой половине XIX века было крещено всего около 55 чукчей. Но и в отношении этих 55 неофитов в 1817 г. иркутский губернатор Николай Иванович Трескин заявлял, что «чукотский народ по дикому образу жизни не имеет никакого понятия, ни о вере христианской, ни о подданстве; ежели случалось когда, что некоторые из чукоч принимало святое крещение, то единственно в надежде получить награду или подарки» (Окунь, 1936: 97).

Христианская религия не оставила заметного следа среди аборигенов, хотя формально несколько десятков чукчей числились христианами. А.В. Олсуфьев, в 1895 г. исследовавший Анадырскую округу, описывал: «Обращение чукоч в православие началось еще в начале нынешнего столетия, но пока не дало никаких ощутительных результатов... Сами обращенные остались верными прежним языческим обычаям» (Олсуфьев, 1896: 95). В 1905 г. следующий уездный начальник писал: «Распространение христианства среди прианадырских чукчей идет весьма медленно и не имеет никаких устоев, кроме обрядовой стороны крещения» (РГИА ДВ, Ф. 702. Оп. 1. Д. 479. Л. 82).

В результате попытка христианизации чукчей никаких изменений в их сознание не внесла, а эскимосов христианизация не коснулась совсем.

Известный исследователь Дальнего Востока В.П. Маргаритов в отношении орочей провел следующие наблюдения: «Все орочи окрестностей Императорской гавани считаются православными христианами, но христианство признается ими только для виду и выражается только тем, что некоторые из них имеют крест, в большинстве случаев где-нибудь спрятанный. Креститься умеют пять-шесть человек, понятий о вере христианской никаких и ни у кого. Под прикрытием христианства каждый из них продолжает чтить религию своих предков» (Анисимов, 1971: 45).

Проживавшие по соседству с русскими в поселках Марково, Солдатово и др., чуванцы и юкагиры также приняли православную веру. В то же время, отдельные элементы языческих верований коренных народов были восприняты русскими старожилами (Диков, 1989: 121-122).

По мнению Ю. Слезкина, северные народы не отличались склонностью к прозелитизму и потому не считались угрозой православию, странствующие миссии оказались слишком дорогостоящими, школам для инородцев трудно было привлечь учеников, и лишь немногие миссионеры проявляли желание ехать в Арктику. Большинство епархиальных отчетов представляло собой тщетные призывы к добровольцам и нескончаемые жалобы на то, что «некому совершать богослужения для инородцев, а большинство миссионерских дневников заполнялось леденящими душу описаниями непроходимых болот, жестоких буранов, омерзительной местной пищи и враждебности со стороны торговцев и местных чиновников» (Слезкин, 2008: 141-142).

Вымирание окраинных народов «теоретически» оправдывалось дореволюционными идеологами и духовенством. Так, журнал Священного синода Русской Православной Церкви утверждал: «Непреложный исторический закон состоит в том, что на развалинах одних царств создаются другие царства, на месте одних, отживших свой век народов и наций, появляются другие народы и нации... Ныне на поверхности земного шара находится еще немало таких племен и наций, дни которых уже сочтены, которые находятся... уже в последней стадии своего вымирания, или иначе сказать, накануне своего полного и окончательного исчезновения» (Донской, 2006: 179).

В целом позиция церкви по отношению к коренным народам Дальнего Востока была двоякой.

С одной стороны, священники вызывали враждебное отношение к себе среди туземцев за свои действия, связанные с насильственным обращением в христианство. Они плохо обращались с коренным населением, занимались мошенничеством, пьянствовали. Христианство служило в качестве средства примирения коренных народов с их тяжелой участью при царском режиме.

С другой стороны, церковь содействовала просвещению и культурному развитию аборигенного населения Дальнего Востока. Благодаря церкви, начальное образование оказалось доступным местному населению. Действовала сеть церковных школ. Издавались церковные книги на национальных языках. Все это способствовало росту грамотности среди коренного населения. Две трети алеутов были грамотными, именно благодаря деятельности христианских миссий.

В 1916 г. В.В. Солярский докладывал генерал-губернатору о народах Приамурья: «Христианство усвоено инородцами в его внешней обрядовой стороне, а внутренний смысл и сущность христианской религии остаются для них чуждыми, и инородцы-христиане поныне сохраняют языческие религиозные воззрения, и преобладающая часть из них придерживается шаманства» (Солярский, 1916: 151). Новообращенные, усвоив лишь внешнюю обрядовую сторону новой веры, оставались по существу теми же язычниками; православные обряды имели для них то же магическое значение, что и обряды древнего шаманского культа.

У священников было больше возможностей проводить свою просветительскую миссию, если бы для этого отбирались образованные люди, а финансирование от правительства и частных миссионерских организаций были достаточно велики, чтобы миссионеры не становились тяжким бременем для аборигенного населения.

«Устав об управлении инородцев» лег в основу «Положения об инородцах» 1892 г. (Положение об инородцах, 1903: 1-44). «Положение включало в себя механизмы, защищающие инородческое население в случае возникновения стихийных бедствий, эпидемий, неурожаев и др. В нем закреплялась ответственность губернатора за состояние инородческого населения на подведомственной территории» (Ахметова, 2012: 5).

В отчете за 1893–1895 гг. генерал-губернатор Сергей Михайлович Духовской отметил, что «упадок жизни инородцев происходит под влиянием распространения цивилизации, из-за чего инородцы потревожены на своих заповедных местах. Также сказывается влияние приграничного Китая, пытающегося установить свою юрисдикцию над инородцами. С целью предотвращения такого влияния полиции было вменено в обязанность попечение за инородцами» (ГАХК. НСБ. Инв. № 2708. Л. 8-12).

Из года в год увеличивалось вымирание малочисленных народов Дальнего Востока. В 1911 г. известный исследователь Севера С. Патканов определил, что у отдельных северных народов ежегодная убыль населения доходила до 10 % (Базанов, Казанский, 1939: 16).

Трансформация культуры аборигенов имела взаимообратный характер. В результате влияния традиционной культуры аборигенов преобразились русские старожилы, постоянно проживавшие на территории арктического побережья, на которой доминировало коренное население. В условиях дефицита женщин пришлое население женилось на аборигенках. Популярной среди русских была звенкийская обувь «унтал», приспособленная к длительным переходам по тайге. «Пограничное

социально-этническое положение русских старожилов отразилось на роде их занятий: они, будучи торговцами, выступали посредниками между русскими городами и деревнями, с одной стороны, и кочевым миром тайги и тундры, - с другой» (Иващенко, 2011: 253).

5. Заключение

Многообразные контакты с пришлым населением, многократно превосходящим аборигенов по численности, приводили к проникновению русской культуры во все сферы жизни малочисленных этносов – от хозяйственной до культурно-бытовой. Хозяйственное и социокультурное развитие коренного населения привело к причудливому сочетанию традиционных и инновационных форм жизнедеятельности.

Тезис многих дореволюционных теоретиков о неполноценности аборигенных народов Севера и неизбежности их вымирания был полностью опровергнут исторической практикой XX в., когда началась реализация марксистско-ленинской концепции, согласно которой каждый народ, независимо от величины, имел право на существование и развитие.

6. Благодарности

Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки РФ, договор № 14.Z56.16.5304-МК (Грант Президента РФ).

Литература

- Анисимов, 1971 – Анисимов А.Ф. Исторические особенности первобытного мышления. Л.: Наука, 1971. 204 с.
- Ахметова, 2011 – Ахметова А.В. Медицинское обслуживание и устройство быта коренного населения Чукотки в дореволюционный период // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 2-3. С. 16-18.
- Ахметова, 2012 – Ахметова А.В. Социально-экономическая политика и законодательное оформление царской властью жизни аборигенного населения дальнего востока в XIX – начале XX вв. // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2012. № 11 (19). С. 5.
- Ахметова, Наследов, 2013 – Ахметова А.В., Наследов В.Г. Эволюция взаимоотношений российского государства с коренным населением Сибири, Дальнего Востока и Русской Америки в XVII – XIX вв. // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2013. №9(29). С. 37.
- Базанов, 1939 – Базанов А. Г., Казанский Н. Г. Школа на Крайнем Севере. Л. : Учпедгиз, 1939. 205 с.
- Вахтин, 1993 – Вахтин Н. Б. Коренное население Крайнего Севера Российской Федерации. СПб.: Изд-во Европейского Дома, 1993. 99 с.
- ГАХК – Государственный архив Хабаровского края. Научно-справочная библиотека. Отчет Приамурского генерал-губернатора за 1893–1895 гг. Инв. № 2708. С. 8–12.
- Гурвич, 1987 – Этническое развитие народностей Севера в советский период / под ред. И.С. Гурвича. М.: Наука, 1987. 225 с.
- Дамешек, Ремнев, 2007 – Сибирь в составе Российской империи / под ред. Л. М Дамешека, А.В. Ремнева. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 368 с.
- Донской, 2006 – Донской Ф. С. Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока во второй половине XX века. В 3 т. Т. 3. Новосибирск: Наука, 2006. 427 с.
- Иващенко, 2011 – Иващенко Я.С. Культура жизнеобеспечения тунгусо-манчжуров: Системно-синергетический анализ. СПб.: Астерия, 2011. 462 с.
- Иохельсон, 1997 – Иохельсон В.В. Коряки: материальная культура и социальная организация. СПб.: Наука, 1997. 238 с.
- История Чукотки, 1989 - История Чукотки с древнейших времен до наших дней / под ред. Н.Н. Дикова. М.: «Мысль», 1989. 492 с.
- Корчагин, 1994 – Корчагин Ю.В. Народы Севера России в двадцатом столетии: процесс преобразований в западноевропейской и североамериканской историографии. Санкт-Петербург; Петропавловск-Камчатский: изд-во камч. гос. пед. ин-та, 1994. 285 с.
- Крашенинников, 1994 – Крашенинников С.П. Описание земли Камчатки: в 2-х т. СПб. : Наука, 1994. Т. 1. 439 с.
- Об управлении инородцев, 1830 – Об управлении инородцев: Высочайше утвержденный Устав июля 22 (1822 г.) № 29126 // Полное собрание законов Российской Империи. СПб., 1830. Т. 38. С. 394-417.
- Окунь, 1936 – Окунь С.Б. Очерки по истории колониальной политики царизма в Камчатском крае. Л. : Огизсоцэргиз, 1936. 152 с.
- Олсуфьев, 1896 – Олсуфьев А.В. Общий очерк Анадырской округи, ее экономического состояния и быта населения. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1896. 246 с.

- Положение об инородцах, 1903** – Положение об инородцах 1892 г. // Свод законов Российской империи. СПб. 1903. Т. 2. Ч. 1. С. 1-44.
- РГИА ДВ** – Российский государственный исторический архив Дальнего Востока.
- Сергеев, 1957** – *Сергеев М.А.* Малые народы советского Севера. Магадан: Кн. изд-во, 1957. 156 с.
- Сергеев, 1955** – *Сергеев М.А.* Некапиталистический путь развития малых народов Севера. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. 570 с.
- Слѣзкин, 2008** – *Слѣзкин Ю.* Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 512 с.
- Солярский, 1916** – *Солярский В.В.* Современное правовое и культурно-экономическое положение инородцев Приамурского края. Хабаровск: Тип. канцелярии Приамурского генерал-губернатора, 1916. 173 с.
- Хаховская, 2004** – *Хаховская Л.Н.* Охотские церкви в XIX – начале XX вв. (Гижигинская, Тауйская, Ямская и Ольская) // Материалы по истории Севера Дальнего Востока. Магадан: СКВНИИ ДВО РАН, 2004. С. 5-25.
- Corrado, 2014** – *Corrado S.* A land divided: Sakhalin and the Amur Expedition of G.I. Nevel'skoi, 1848–1855 // *Journal of Historical Geography*. 2014. Vol. 4. Pp. 70-81.
- Ivan, Nut, 2015** – *Ivan A.L., Nut R.E.* Sami People and the Right to Self-Determination // *Society and Politics*. 2015. Vol. 9, № 2(18). Pp. 28-34.

References

- Akhmetova, 2011** – *Akhmetova A.V.* Medicinskoe obsluzhivanie i ustrojstvo byta ko-rennogo naselenija Chukotki v dorevoljucionnyj period [Health maintenance and everyday life organization of indigenous population of Chukotka in pre-revolutionary period], *Historical, philosophic, political and legal sciences, the studies of culture and art. Theoretical and practical issues*. 2011. No. 2-3. P. 16-18. [In Russian]
- Akhmetova, 2012** – *Akhmetova A.V.* Social'no-jekonomicheskaja politika i zakonoda-tel'noe oformlenie carskoj vlast'ju zhizni aborigennogo naselenija dal'ne-go vostoka v XIX - nachale XX vv. [Social and economic and legal policy of the Russian Empire with respect to aboriginal population of the Far East in XIX - early XX centuries], *Contemporary studies of social problems (electronic scientific periodical)*. – 2012. No. 11 (19). P. 5. [In Russian]
- Akhmetova, 2013** – *Akhmetova A.V.* Jevoljucija vzaimootnoshenij rossijskogo gosudar-stva s korennyim naseleniem Sibiri, Dal'nego Vostoka i Russkoj Ameriki v XVII–XIX vv. [The evolution of interactions be the Russian state and the indigenous population of Siberia, the Far East and Russian America in XVII–XIX centuries], *Contemporary studies of social problems (electronic scientific periodical)*. № 9 (29), 2013. P. 37. [In Russian]
- Anisimov, 1971** – *Anisimov A.F.* Istoricheskie osobennosti pervobytnogo myshle-nija [Historical aspects of aboriginal mentality]. L.: Nauka, 1971. 204 p. [In Russian]
- Bazanov, 1939** – *Bazanov A.G.* Shkola na Krajnem Severe [School in the Far North], Leningrad: Uchpedgiz, 1939. 205 p. [In Russian]
- Corrado, 2014** – *Corrado S.* A land divided: Sakhalin and the Amur Expedition of G.I. Nevel'skoi, 1848–1855 // *Journal of Historical Geography*. 2014. Vol. 4. Pp. 70 – 81.
- Dameshek, Remnev, 2007** – *Sibir' v sostave Rossijskoj imperii* [Siberia as the part of the Russian Empire/ under the editorship of L.M. Dameshek, A.V. Remnev], Moscow: New literary review, 2007. 368 p. [In Russian]
- Dikov, 1989** – *Istorija Chukotki s drevnejshih vremen do nashih dnei* [The history of Chukotka from the earliest times down to our days / under the editorship of N.N. Dikov]. Moscow: “Mysl”, 1989. – 492 p. [In Russian]
- Donskoy, 2006** – *Donskoy F.S.* Korennye malochislennye narody Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka vo vtoroj polovine XX veka. [Native small-numbered peoples of the North, Siberia and the Far East in the second half of XX century. In 3 volumes. Vol. 3], Novosibirsk : Nauka, 2006. 427 p. [In Russian]
- ГАНК** – Gosudarstvennyj arhiv Habarovskogo kraja [Khabarovsk territory State archive. Scientific reference library. The report of the Governor-General of Priamurye (the Amur River region) for 1893 –1895] Inventory No. 2708. P. 8-12. [In Russian]
- Gurvich, 1987** – *Jetnicheskoe razvitie narodnostej Severa v sovetskij period* [Ethnic development of the peoples of the North during the Soviet period / under the editorship of I.S. Gurvich]. Moscow: Nauka, 1987. 225 p. [In Russian]
- Iokhelson, 1997** – *Iokhelson V.V.* Korjaki : material'naja kul'tura i social'naja orga-nizacija [The Koryaks : material culture and social organization], – Saint Petersburg: Nauka, 1997. 238 p. [In Russian]
- Ivan, Nut, 2015** – *Ivan A.L., Nut R.E.* Sami People and the Right to Self-Determination // *Society and Politics*. 2015. Vol. 9, № 2(18). P. 28-34.
- Ivashchenko, 2011** – *Ivashchenko Y.S.* Kul'tura zhizneobespechenija tunguso-manchzhurov: Sistemno-sinergeticheskij analiz [Life sustaining culture of the Tungus and Manchus: systematic and synergetic analysis], Saint Petersburg: Asteria, 2011. 462 p. [In Russian]
- Khakhovskaya, 2004** – *Khakhovskaya L.N.* Ohotskie cerkvi v XIX – nachale XX vv. (Gizhiginskaja, Taujskaja, Jamskaja i Ol'skaja) [The churches of Okhotsk in XIX – early XX centuries. (Gizhiginskaya,

Tauyskaya, Yamskaya and Olskaya)], The materials on the history of the North of the Far East. – Magadan: SKVNII DVO RAN, 2004. P. 5-25. [In Russian]

Korchagin, 1994 – *Korchagin Y.V.* Narody Severa Rossii v dvadcatom stoletii: process preobrazovanij v zapadnoevropejskoj i severoamerikanskoj istoriografii [Peoples of the Russian North in 20th century: the transformation process in West European and North American historiography]. Saint Petersburg; Petropavlovsk-Kamchatsky: the publishing house of State Pedagogical Institute of Kamchatka, 1994. 285 p. [In Russian]

Krashenninnikov, 1994 – *Krashenninnikov S.P.* Opisanie zemli Kamchatki : v 2-h t [The description of Kamchatka: in 2 volumes]. Saint Petersburg : Nauka, 1994. Vol. 1. 439 p. [In Russian]

Ob upravlenii inorodcev, 1830 – Ob upravlenii inorodcev : Vysochajshe utverzhdenyj Ustav ijulja 22 (1822 g.) № 29126 [On administration of non-Russians : His Imperial Majesty's Edict dated July 22 (1822) No. 29126], The complete collection of laws of the Russian empire. Saint Petersburg, 1830. Vol. 38. P. 394-417. [In Russian]

Okun, 1936 – *Okun S.B.* Oчерki po istorii kolonial'noj politiki carizma v Kamchatskom krae [An outline of colonial policy of czarist regime in Kamchatka Territory]. Leningrad. : Ogizotsekgiz, 1936. 152 p. [In Russian]

Olsufjev, 1896 – *Olsufjev A.V.* Obshhij oчерk Anadyrskoj okrug, ee jekonomicheskogo sostojanija i byta naselenija [A general outline of Anadyr region, its economic status and the everyday life of its population]. Saint Petersburg: The printing house of Imperial Academy of Sciences, 1896. 246 p. [In Russian]

Polozhenie ob inorodcah, 1903 – Polozhenie ob inorodcah 1892 g. [Regulation on non-Russians 1892], The official digest of statutes of the Russian Empire. Saint Petersburg. 1903. Vol. 2. Pt. 1. P. 1-44. [In Russian]

RGIA DV – Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv Dal'nego Vostoka. [Russian state historical archive of the Far East].

Sergeev, 1957 – *Sergeev M.A.* Malye narody sovetского Severa [The small-numbered peoples of the Soviet North], Magadan: Book house, 1957. 156 p. [In Russian]

Sergeev, 1957 – *Sergeev M.A.* Nekapitalisticheskij put' razvitija malyh narodov Severa [Non-capitalist path of development of the small-numbered peoples of the Soviet North], Leningrad: ASUSSR publishing house, 1955. 570 p. [In Russian]

Slezkin, 2008 – *Slezkin Y.* Arkticheskie zerkala: Rossiya i malye narody Severa [Arctic mirrors: Russia and the small-numbered people of the North]. M.: New literary review, 2008. 512 p. [In Russian]

Solyarsky, 1916 – *Solyarsky V.V.* Sovremennoe pravovoe i kul'turno-jekonomicheskoe polozhenie inorodcev Priamurskogo kraja [Contemporary legal, cultural and economic status of the non-Russians of Priamursky territory], Khabarovsk: The printing office of the Governor-General of Priamurye (the Amur River region), 1916. 173 p. [In Russian]

Vakhtin, 1993 – *Vakhtin N.B.* Korennoe naselenie Krajnego Severa Rossijskoj Federacii [The indigenous population of the Northern territories of the Russian Federation]. Saint Petersburg: European publishing house, 1993. 99 p. [In Russian]

УДК 94:39 (571.6)

Трансформация культуры аборигенов Севера и политика российского самодержавия на Дальнем Востоке в XIX – начале XX веков

Анна Валинуровна Ахметова ^{a, *}

^a Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье на основе группы опубликованных и неопубликованных источников рассматривается история трансформации культуры малочисленных этносов дальневосточного региона в дореволюционный период. Особое внимание уделяется проблеме распространения христианства среди коренного населения национальных районов Дальнего Востока, где важнейшую роль сыграли православные священники-миссионеры. Исследованы истоки и начальные процессы взаимодействия коренного и пришлого населения на Дальнем Востоке в период присоединения региона к Российской империи. Дается краткая характеристика социальной и культурной основ жизни аборигенов до прихода русских. Влияние российской политики распространилось на все сферы жизни аборигенного населения – быт, религиозные воззрения и национальные промыслы. Социально-экономические связи с русскими повлияли на все стороны жизни коренного населения Дальнего Востока. Наибольшему воздействию со стороны российского правительства подверглась

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: wyrds@rambler.ru (А.В. Ахметова)

именно религиозная сфера. В работе проведен сравнительный анализ степени воздействия христианских миссионеров на различные малочисленные народы: чукчей, чуванцев, эвенков, орочей, юкагиров и др. В целом христианство не пользовалось преобладающим влиянием среди аборигенов. Зачастую они крестились только потому, что это могло привести к практическим выгодам при взаимодействии с русскими. Христианизация традиционных этносов имела внешний характер. Языческие верования продолжали пользоваться большим влиянием. Многообразные контакты с пришлым населением, многократно превосходящим аборигенов по численности, приводили к проникновению русской культуры во все сферы жизни малочисленных этносов – от хозяйственной до культурно-бытовой. Хозяйственное и социокультурное развитие коренного населения привело к причудливому сочетанию традиционных и инновационных форм жизнедеятельности.

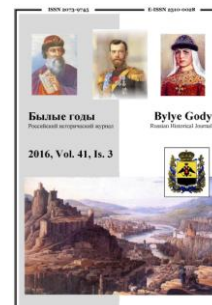
Ключевые слова: трансформация, культура, коренные малочисленные этносы, Дальний Восток, государственная политика, Российская империя, православие, ясаки, колонизация

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 41, Is. 3, pp. 629-641, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94(470+481)(045)

Finnish Factor in the History of the Northern Frontier of the Russian Empire 1809–1855

Konstantin S. Zaikov^{a,*}, Aleksandr M. Tamitskiy^a

^aNorthern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the little-known pages of the "Northern Frontier" history – the Russian-Norwegian border zone, namely the role of the Grand Duchy of Finland in the border policy of the Russian Empire and the Swedish-Norwegian in the border area in 1809–1855. The authors demonstrate that in 1809 the entry of Finland into the Russian Empire strengthened its ability to defend national interests in the far north of Europe. At the same time, the growing influence of the Grand Duchy on the Russian home and foreign policy contributed to the total indoctrination of the Russian-Swedish/Norwegian border and the image of the "Russian threat", which was distributed among the political elite of the Swedish-Norwegian state in the 1820–1850s.

Distribution of russophobic sentiments in the United Kingdom of Sweden and Norway accelerated the urgency of the Northern Frontier formal delimitation for the Russian-Swedish diplomatic relations in the first half of the 1820s. The "Russian threat" also served the ideological basis for gradual securitization and politicization of the Russian-Norwegian border area.

Thus, the United Kingdom of Sweden and Norway viewed the whole range of cross-border relations between the population of Finnmark (Sweden-Norway), Uleåborg province (Grand Duchy of Finland) and the Arkhangelsk province (Russian Empire) as one of the potential threats to national security in the second half of the 19th century. The closure of the Finnish-Norwegian section of the Russian-Swedish/Norwegian border in 1852 and joining the anti-Russian coalition with Britain and France, formally enshrined in the so-called the November Treaty of 1855, become the culmination of this process.

Keywords: Grand Duchy of Finland, Russian threat, the Russian-Norwegian frontier, Saami, Saami crafts.

1. Введение

Одной из наиболее сложных и важнейших задач многонационального государства в современном мире заключается достижение стабильности и гармонии в отношениях между населяющими его народами при сохранении целостности и суверенитета. В этом контексте реализация территориальной политики государственной власти должна быть направлена на достижение баланса между интересами административных образований со смешанным этническим ландшафтом, который не должен противоречить национальным интересам государства, как в сфере внешней, так и внутренней политики (Зайков, 2016: 46-51). Особенно это важно для пограничных, или фронтальных в экономическом и демографическом смысле территорий.

Для Европейского Севера поучителен пример Печенгского района Мурманской области пограничного с Норвегией и Финляндией. В сознании россиян сложился образ финской этнокультурной принадлежности данной территории, присоединенной к Советскому Союзу по итогам Второй мировой войны. Наглядно это выражено не только в бытовом восприятии приграничья, но и в присутствии на современной карте Печенгского района Мурманской области финской топонимики.

Пазрецкий и Печенгский погосты, которые в 1922–1944 годах были частью финской губернии Петсамо Советская Россия уступила в пользу Финляндии только в 1920 г. согласно Тартускому

* Corresponding author

E-mail addresses: k.zaikov@narfu.ru (K.S. Zaikov), a.tamitskiy@gmail.com (A.M. Tamitskiy)

мирному договору от 14 октября, однако это не снимает с повестки дня вопроса об историчности финских территориальных притязаний на данную территорию.

Идея справедливости притязаний отчасти основана на достаточно дискуссионном факте о якобы сложившейся многовековой традиции хозяйственных промыслов финских саами Улеборгской губернии (совр. – Лапландия) на территории Нявдемского, Пазрецкого и Печенгского погостов – Кольского уезда Архангельской губернии. В XIX в. это послужило основанием для распространения финских территориальных притязаний на северо-западную окраину Архангельской губернии, когда Финляндия была в статусе Великого княжества Российской Империи.

2. Материалы и методы

2.1. Статья подготовлена на основе массива исторических документов, имеющих в Государственном архиве Архангельской области, Российском государственном историческом архиве, Архиве внешней политики Российской империи, Государственном архиве г. Осло (Норвегия), в том числе впервые вводимых в научный оборот.

2.2. Методологическую основу анализируемого исторического материала составили мир-системный и функциональный подходы лимологии, признающие мультисубъектность и мультипространственность процесса территориализации физического пространства в исторической перспективе.

Оценка роли финского присутствия на территории Северного Фронтра включала изучение и контекстуальный анализ комплекса локальных и региональных источников о хозяйственных спорах в пограничье между российскими и шведско-норвежскими подданными, рапортов и отчетов о трансграничных отношениях окружных/губернских чиновников Финмарской, Улеборгской и Архангельской губерний. В изучение роли «финского фактора» в процессе выстраивания внутренней и внешней приграничной политики Российской империи и Швеции-Норвегии входил анализ и сопоставление документов переписки центральных властей Швеции/Норвегии с губернаторским корпусом Финмарской губернии и центральных властей Российской империи с Великим княжеством Финляндским и Архангельской губернией.

3. Обсуждение

Концептуально финские территориальные притязания на Крайнем Севере были проработаны национальными этнографами-историками в начале XX в., и это нашло широкое распространение среди норвежских и шведских историков, которые занимались изучением Северного Фронтра, так называемой территории «общих округов» – кондоминиума/фронтра России и Швеции-Норвегии, разграниченному в 1826 году (Lähteenmäki, 2006; Ryymin, 2004: 133-152). Поддерживая идею финского присутствия, скандинавские историки ставят в укор Российской империи несправедливое игнорирование интересов Великого Княжества Финляндского в процессе переговоров по делимитации российско-норвежской границы в 1825–1826 гг., проходившей на территории означенных выше трех погостов Кольского уезда (Pedersen, 2006; Wikan, 1995).

Данные выводы, на наш взгляд, обусловлены не только стремлением историков обосновать территориальные претензии своих стран в ущерб принципу исторической объективности и беспристрастности, но и ошибками методологического характера в описании истории российско-норвежских приграничных отношений.

Методологически дипломатическая и социокультурная история российско-норвежского пограничья традиционно рассматривается скандинавскими и отечественными историками в контексте межгосударственных отношений России и Швеции-Норвегии, где региональным властям Финмарка и Архангельской губерний отводится первостепенная роль в постановке и развитии вопроса о разграничении Северного Фронтра (Andresen, 1989; Niemi, 2009: 431-455). За пределом исследовательского фокуса остается вопрос о роли финского фактора в выстраивании и межгосударственных отношений, и в формировании территориальной политики российских и норвежских властей на общем пограничье. Это во многом не позволяет комплексно оценить действия российских властей в процессе решения пограничных споров периода разграничения Северного Фронтра 1822–1826 гг. и обсуждения трансграничных лопарских промыслов русских/финских саами на территории Норвегии периода 1830–1850-х гг.

Остаются не вполне ясными региональные приоритеты Санкт-Петербурга в выстраивании приграничной внутренней и внешней территориальной политики, в т.ч. дипломатической линии поведения в ходе решения экстерриториальных пограничных споров. Отсутствие исследований в этом направлении приводит историков к ошибочной интерпретации мотивов поведения центральной власти в процессе урегулирования территориальных претензий.

Ярким примером этого является предложение Министерства иностранных дел Российской империи в 1840-е гг. Швеции-Норвегии обмена так называемого «Финского выступа» (Finskekilen) Великого княжества Финляндского на норвежские земли в Южном Варангере, ранее отданные Объединенным королевствам по итогам разграничения Северного Фронтра в 1825–1826 гг.

Рис. 1. Карта Северной Скандинавии с обозначением территории так называемого «Финского выступа»

Игнорируя в этом вопросе «финский фактор», отечественные исследователи М.М. Бородкин и В.В. Похлебкин интерпретировали дипломатическое предложение реваншистскими настроениями императора Николая I, осознавшего несправедливость пограничной конвенции 1826 г. в отношении русских лопарей – жителей Архангельской губернии, хотя сопоставление источников говорит нам об обратном (Бородкин, 1915: 313-314; Похлебкин, 1997: 48-61).

Таким образом, предполагая безусловную важность финского влияния на развитие российско-норвежских приграничных отношений и не изученность данного вопроса в историографии, авторы данной статьи ставят целью анализ роли и места Великого княжества Финляндского в формировании пограничной политики Российской империи и Швеции-Норвегии на общем приграничном пространстве Северного Фронта 1809–1855 гг.

4. Результаты

Исследуемое в статье историко-географическое пространство охватывает современную физическую территорию норвежско-финского, российско-финского и российско-норвежского пограничья, на котором в XVIII – начале XX вв. располагались земли (сиййт / погостов) коренного населения саами, в том числе земли восточной группы саами (скольтов) вдоль р. Нявдема (по-норвежски – Нейден), р. Паз/Паесь (по-норвежски – Пасвиг) и р. Печенга (по-норвежски – Пейсен) входивших в состав Кольского уезда Архангельской губернии.

Отсутствие единой исторической терминологии в обозначении данного географического пространства в Финляндии, Норвегии и России обусловило поиск более универсального понятия для его обобщенного наименования. С точки зрения расположения общей периферии к национальным центрам можно выделить ее безусловную северность, в тоже время в историко-правовом и историко-географическом аспектах и очевидную фронтирность, поэтому понятие «Северный Фронт» мы считаем наиболее справедливыми и приемлемым понятием для номинации общего пограничья России/Финляндии – Швеции/Норвегии в хронологических рамках 1809–1855 гг.

Ключевую роль в возникновении финского фактора в истории российско-норвежского пограничья сыграли Наполеоновские войны, перекроившие геополитическую карту Европы начала XIX в.

Рис. 2. Карта сийт скольтов. 1 – Нявдемский сийт (Нейден нор.), 2 – Пазрецкий сийт (Пасвиг нор.), 3 – Печенгский сийт (Пейсен нор.) (Голдин, 2015: 522-523)

Первым судьбоносным событием стала русско-шведская война 1808–1809 гг. Летом 1807 г. в Тильзите русский император Александр I заключил союз с Наполеоном. Одним из пунктов договора стало участие России в континентальной блокаде и, если потребуется, силовое принуждение Швеции к участию в наполеоновском блоке. Итогом договоренностей явилась война и Фридрихсгамский мир, по результатам которого Швеция утратила Финляндию. Суоми стокгольмский двор уступал России и попадал в континентальную блокаду (Бородкин, 1909: 24, 31-33; Мейнандер, 2008: 76-77). Присоединение Финляндии к России сильно ослабило позиции Швеции как в региональной, так и в общеевропейской перспективе. Фактически она выбывала из группы великих держав.

По итогам русско-шведской войны архитектура российско-норвежского пограничья претерпела значительные изменения.

Во-первых, в масштабе территории общее пограничное пространство существенно удлинилось и расширилось от «Финского выступа» на северо-западе до полуострова Рыбачий на северо-востоке, увеличившись почти в 3 раза.

Во-вторых, часть пограничья приобрела очертания четкой линии границы. Согласно пограничной конвенции в Торнео в 1810 г., границей Великого княжества Финляндского и Швеции признавалась р. Торнео по срединной линии на север до стыка трех границ (Норвегии, Швеции и Финляндии) у о. Кольме Яуре. От Кольме Яуре до г. Колмисойве Мадакиеца официальной установленной линии границы не было, но на этом участке условную силу имел Шведско-Датский акт о границе 1751 г. От Колмисойве демаркационная линия заканчивалась, после которой начинались совместные владения (Похлебкин, 1995: 307).

С присоединением Финляндии российско-норвежское пограничие приобрело асимметричный характер по своей внутренней и внешней структуре. Оно уже перестало иметь очертания одного лишь фронта, так как западный и северо-западный участки приобрели четкие демаркационные линии, но северо-восточная часть все еще сохраняла фронтальный статус.

В-третьих, географически Россия стала еще ближе к Норвегии. Теперь Финляндия и финские иммигранты на территории Норвегии олицетворяли русское присутствие, поэтому образ границы среди шведской и норвежской элиты стал приобретать все большее военно-стратегическое значение (Eriksen, 1981: 28). Это было связано с формируемым образом «русской угрозы», получившим широкое распространение среди столичной элиты Норвегии и Швеции после наполеоновских войн.

Рис. 3. Карта российско-шведско/норвежской границы начала XIX в.

Изначально фигура «русской угрозы» сложилась в Швеции, которая имела большой исторический, но достаточно неудачный для Королевства в XVIII в. опыт борьбы с Россией за доминирование в Балтийском регионе. Периодические длительные войны в течение одного столетия лишь упрочивали миф о желании России захватить Швецию или отторгнуть часть ее территорий. В XVIII в. Швеция воевала с Россией три раза общей длительностью двадцать лет. Последний конфликт 1808–1809 гг., по результатам которого Швеция утратила около 45 % своих владений, создал прочный фундамент для веры в постоянство русской опасности. Внешне формируется представление о Швеции как о жертве экспансионистской политики России (Åselius, 1994; Мезин, 2003). Данные о причинах конфликтов опровергают этот факт. Известно, что шведско-русские конфликты после Северной войны 1700–1721 гг. были вызваны нежеланием России поглотить шведские территории, а в первую очередь реваншистскими настроениями шведских элит. Несмотря на видимую иррациональность оснований, миф был достаточно выгоден элитам для легитимации реваншистской политики и формирования системы государственной безопасности.

После присоединения Финляндии предубеждение о российской опасности укрепилось, что делало короля Швеции-Норвегии Карла Йохана и стокгольмский двор очень предусмотрительными к наличию открытых зон на северной окраине Объединенных королевств. В этой связи, когда в 1816 году норвежское правительство предложило Карлу Йохану инициировать переговоры по делимитации границы в «общих округах» – норвежское наименование Северного Фронттира, он без особого промедления одобрил решение Госсювета. Король понимал, что Александр I очевидно не пошлет русские войска, чтобы отторгнуть Финнмарк от Королевства, но в более длительной исторической перспективе никто не мог гарантировать, что спорные территории не станут предлогом для расширения России на северо-восток, как в случае с Финляндией (D-RA/S-1076/F/Fb/L0001; RA/UD, Prebensen samling, G05/10/boks 5213). Она была выгодна также для внутренней консолидации общества в самой Швеции и для удержания Норвегии в составе унии (Berg, 2001b: 56-65).

В Норвегии фактор «русской угрозы» имел идеологическую и политическую природу. Последняя связана с самоутверждением Норвегии, желанием элит получить большую независимость от Швеции и обозначить свое равноправие в союзном государстве. Для этого образ внешнего врага был очень полезен, особенно в 1818–1821 гг., когда разразился конфликт по поводу союзной армии и военного бюджета. Королевский двор желал сократить норвежскую армию и количество национальных бригад, дислоцирующихся в Норвегии, что вызвало протест стортинга и норвежского офицерского корпуса (Berg, 2001a). В это же время среди норвежских офицеров стало распространяться беспокойство, что в случае войны наиболее вероятный удар основных сил России по союзному государству придется на Норвегию через Финляндию в районе так называемого «Финского выступа». Ее незамерзающая береговая полоса позволяла получить стратегическое преимущество в Северном море, а норвежские порты могли стать удобным плацдармом для дальнейшей экспансии на юг и запад. Это представление нашло отражение в публикации норвежского полковника Тидемана в 1821 г. (Berg, 2001b: 60-61)

Помимо службы прагматическим военно-стратегическим интересам Норвегии концепция Тидемана также существенно усиливала русофобские настроения в Швеции-Норвегии. Она обосновывала необходимость территориального обмена с Россией – присоединения «Финского

выступа» к Норвегии в обмен на уступку любой другой территории в пользу Российской империи. Однако в начале 1820-х гг. выгодного для Санкт-Петербурга предложения у Стокгольма не нашлось.

В России же Александр I, получив в 1809 году Финляндию и одобрив в обмен присоединение Норвегии к Швеции в 1814 году, ключевой задачей внешней политики империи на Крайнем Севере Европы считал переформатирование российско-шведских отношений и формирование политики «добрососедства», которая в дальнейшем заложила основы успешного решения вопроса о разграничении Северного Фронта в 1825–1826 гг.

Учитывая внешнеполитическую обстановку, Санкт-Петербург во внутренней политике северо-западной окраины приоритетом для себя выбрал финское направление. России необходимо было усилить лояльность населения новой провинции, что предполагалось сделать посредством расширения ее самоуправления и снижения шведского присутствия в культуре и среде финского чиновничества.

Войдя в состав Российской Империи в статусе Великого княжества, Финляндия, в отличие от Архангельской губернии, обладала широкой внутренней автономией, выражающейся в наличии собственных органов законодательной и исполнительной власти. Стратегическое положение Финляндии и ее более автономный административный статус по отношению к Архангельской губернии предопределили ассиметричность будущей внутренней приграничной политики Санкт-Петербурга по отношению к двум своим провинциям северо-западной окраины.

Для Архангельской губернии соседство с Великим княжеством ознаменовалось изменением пограничного режима. Бывшая государственная граница стала административной границей, что существенно изменило направление миграционных потоков в приграничных погостах Кольского уезда Архангельской губернии (Нявдемский, Пазрецкий, Печенгский, Мотовской). В 1821 г. Александр I подписал указ, регулирующий переход административных границ между Великим княжеством и Архангельской губернией. Документ значительно упрощал пересечение границы, особенно для подданных Великого княжества из Энарского дистрикта Улеаборгской губернии, граничащего с Нявдемским, Пазрецким и Печенгским погостами (ГААО, Ф. 4. Оп. 3. Д. 506; ГААО, Ф. 4. Оп. 3. Д. 685).

С изданием указа уже через год в 1822 году Кольские уездные исправники зафиксировали первых финских саами Энарского прихода на территории Печенгского и Мотовского погостов (ГААО, Ф. 4. Оп. 3. Д. 642. Л. 2). Согласно современнику этого периода провсту Энарского прихода Феллману вышеперечисленные погосты русских саами в отличие от Энарского прихода были богаты промысловыми рыбными угодья, а также пастбищами для оленей. Кроме этого на морском побережье погостов – Варангерском заливе располагались важнейшие торговые становища (Песчаное, Шапкино, Шалим), куда для меновой торговли прибывали норвежские купцы и русские поморы (Fellman, 1906). Не удивительно, что сразу после смягчения режима пересечения границы между Архангельской и Улеаборгской губерниями, финские саами, поощряемые Феллманом, стали поселяться в благоприятных погостах Кольского уезда Архангельской губернии (АВПРИ Ф, II Деп. I-3. Оп. 446. Д. 104. Л. 4; ГААО, Ф. 1367. Оп. 1. Д. 87 (ч.2). Л. 308, 309-311). Уже в 1823 г. в Мотовском и Печенгском погостах были зарегистрированы первые постоянные финские поселенцы – две семьи саами из Энаре прихода, а в 1832 г. в этих погостах проживало уже 7 финляндских семей саами (ГААО, Ф. 4. Оп. 3. Д. 642. Л. 2; ГААО, Ф. 2. Оп. 4. Д. 399. Л. 55-56 об). Отметим, что это были первые свидетельства регистрации подданных Великого княжества на территории русско-норвежского приграничья, зафиксированные в документах Архангельской губернии. Со второй половины XIX в. к финскому потоку колонистов с разрешения Архангельских губернских властей добавилась поселенческая колонизация поморов и норвежцев, однако финский элемент был преобладающим в приграничных с Норвегией погостах Кольского уезда Архангельской губернии (Попов, 1999: 29-31; Федоров, 2009: 123-125; Шрадер, 2006: 116).

Таким образом, с исчезновением административных барьеров между северо-западными окраинными губерниями Российской империи этнокультурный ландшафт Северного Фронта стал стремительно меняться. На территории, где некогда сосуществовали православные русские саами – скольты и протестантские норвежские саами появился новый этнический элемент – финские поселенцы. С ростом мультиэтничности региона стала усиливаться межэтническая напряженность, особенно в экономической сфере, когда велась борьба русских саами с норвежскими и финскими сородичами за промысловые угодья. Сведения о данных промысловых конфликтах составляли большую часть переписки Кольских уездных исправников с Архангельским губернским правлением 1820–1850-х гг. (ГААО, Ф.4. Оп. 2. Д. 460; ГААО, Ф. 4. Оп. 11. Д. 265; ГААО, Ф.1. Оп. 4. Т.1. Д. 973).

Финские приграничные чиновники Улеаборгской губернии озабоченные скудностью природных ресурсов собственных территорий и перспективностью открытых границ с Архангельской губернией не только поощряли промысловую и поселенческую колонизацию, выдавая местным саами разрешения, но и пытались предлагать центральным властям Великого княжества идеи по расширению торгово-промысловых прав финнов на территории Северного Фронта, а также перспективы присоединения Пазрецкого и Печенгского погостов, входящих в Кольский уезд, в состав Великого княжества.

Творцом и поборником этих идей был вышеупомянутый глава Энарского прихода провст Феллман. Все 1820-е гг. священник регулярно и настойчиво направлял в адрес статс-секретаря Великого княжества аналитические записки с различными предложениями об улучшении быта пограничных с Россией и Норвегией финляндских лопарей (Pedersen, 2006: 140-142).

В России же, где в отличие от Швеции-Норвегии и Великого княжества, эпоха национализма еще не зародилась, и этнический фактор не воспринимался всерьез. Чиновники из Санкт-Петербурга и Архангельска не ограничивали финскую миграцию и не пытались ввести особые правила для их пребывания на Северном Фронтире, а даже напротив, в 1860-е гг. архангельская губернская администрация озаботившись вопросом развития Западного Мурмана стала питать большие надежды на финских и норвежских мигрантов в процессе колонизации и обустройства русской части российско-норвежского приграничья (Попов, 1999: 29-31; 37; Федоров, 2009: 123-125; Шрадер, 2005: 116).

1820-е гг. в истории Северного Фронтира ознаменовались разграничением его физико-политического пространства в 1826 году. Делимитации границы предшествовало несколько лет подготовительной работы (1822–1825 гг.). Проблема разграничения фронта формально возникла из-за трансграничных промысловых споров между жителями Финмаркской и Архангельской губерний. Коренные жители приграничных погостов Кольского уезда – скольты и губернская русская администрация хотели, чтобы все оспариваемые Швецией-Норвегией территории трех погостов скольтов вошли в состав Российской империи. Николай I желая сохранить политику «добрососедства» в отношении Швеции-Норвегии, решил вопрос в пользу Норвегии. Согласно одобренному императором проекту разграничения, Россия уступала в пользу Швеции-Норвегии Нявдемский и половину Пазрецкого погоста (Голдин, 2015: 529-530).

Несмотря на то, что финская сторона не принимала участия в переговорах о разграничении Северного Фронтира, конвенция 1826 года устанавливала и норвежско-финский участок российско-шведской границы, прошедшей от о. Кольме Яуре – точки, определенной Торнеоским договором 8–20 ноября 1810 г., до точки г. Колмисойве-Мадакиеца.

Линия границы соответствовала старому датско-шведскому пограничному договору, утвержденному в 1751 году, и была приемлема для норвежской стороны, однако финский Сенат был возмущен фактом утверждения норвежско-финского участка имперской границы без участия делегатов от финской стороны.

Рис. 4. Карта российско-шведско/норвежской границы к 1826 году.

Раздражение вызывали и правила конвенции (Pedersen, 2006: 144-146). Финляндские саами Энарского прихода, промышлявшие на территории Нявдемского погоста, не получили закрепления своих промысловых интересов в конвенции 1826 г. (Pedersen, 2006: 11-13, 171-173)¹. Согласно конвенции на территории, отошедшей к Норвегии, вводились ограничения на промыслы для российских подданных. Привилегии частично сохранялись только для коренных жителей приграничных погостов со стороны Архангельской губернии.

¹ Имеется в виду договор 1751 г., принятый между правительствами Королевств Дании и Швеции. В период нахождения в составе шведского Королевства Финляндия обладала собственной политической и административной автономией, поэтому пограничный вопрос середины XVIII в. решался без участия финских представителей

Еще большее место занимал вопрос: какими нормами можно регламентировать пастьбу оленей норвежско-финских горных лопарей? До 1809 г. пастьба оленей была регламентирована саамским кодексом, дополнительным протоколом к норвежско-шведскому пограничному договору 1751 г. Однако хозяйственные потребности лопарей в начале XIX в. изменились: финские саамы стали интересоваться морскими и речными промыслами, которые кодексом были значительно ограничены. В то же время увеличилась миграция норвежских оленей, что не устраивало финских приграничных жителей. Сенат надеялся, что кодекс можно отменить и проработать новые правила трансграничного промысла (АВПРИ, Ф. II. Деп. I-3. Оп. 446. Д. 104. Л. 3-4). Наверстывая просчеты, неучтенные во время переговоров 1825–1826 гг., в 1828 году были закреплены торговые права финских пограничных жителей на территории бывшего Северного Фронта. Вопрос о судьбе саамского кодекса решили оставить для совместной комиссии пограничных чиновников в 1832 г. Финско-норвежская комиссия в Пульмаке должна была рассмотреть вопрос о кодексе (Pedersen, 2006: 144-148).

Двухсторонние переговоры касательно применимости саамского кодекса проходили одновременно с заседанием русско-норвежской комиссии в Пульмаке. Финский представитель Ингстрем превысил полномочия и предложил пересмотреть договор 1751 г., от чего норвежский представитель Каппелен уклонился (РА/ЕА-4036/Н/Нс/Л0021)¹. Финский сенат стал готовиться к новым переговорам, вследствие чего статс-секретарь Великого княжества граф Р.И. Ребиндер провел встречу с министром внутренних дел Российской империи Д.Н. Блудовым.

По итогам встречи министр решил уточнить военного губернатора Р.Р. Галла о том, считает ли он «полезным и нужным удержать» для лопарей Архангельской губернии права, закрепленные в саамском кодексе 1751 г. для «лапландцев финляндских и норвежских» (ГААО, Ф. 1367. Оп. 1. Д. 87 (ч. 2). Л. 387-389)².

Архангельский губернатор не стал проявлять настойчивого желания по вопросу, решившись для начала ознакомиться с саамским кодексом 1751 г. Д.Н. Блудов, получивший ответ почти в то же время, что и отчет губернатора о встрече в Пульмаке, отправляет запрос на имя К.В. Нессельроде с вопросом о возможности употребить саамский кодекс за образец для определения новых промысловых правил для архангельских лопарей (ГААО, Ф. 2. Оп. 4. Д. 399. Л. 83-92; АВПРИ, Ф. II. Деп. I-3. Оп. 446. Д. 104. Л. 111-114).

К.В. Нессельроде пытаясь избежать обострения в российско-шведских отношениях из-за незначительной проблемы трансграничных промыслов, подчеркнул, что финляндская сторона неправомочна рассматривать вопрос о пересмотре пограничной линии 1751 г., утвержденной конвенцией 1826 г., а должна вернуться к проблеме возможного использования кодекса для принятия новых промысловых правил (АВПРИ, Ф. II. Деп. I-3. Оп. 446. Д. 104. Л. 169-170).

Швеция-Норвегия не считала, что за действиями России стоят какие-то скрытые мотивы, но постепенно с середины 30-х гг. оценка мотивов стала существенно изменяться. В это время под влиянием внутренних и внешних политических процессов в Скандинавии усилилась антироссийская пропаганда.

Кронпринц Оскар I, возглавивший королевство в 1844 г., тяготился геополитическими реалиями, навязанными Россией в 1809 г. В Швеции-Норвегии казалось очевидным, что главным мотивом внешней политики царской России в отношении Королевства было желание России расширить свои территориальные границы за счет Норвегии и Швеции. Образ «русской угрозы» стал ориентиром в выстраивании внешнеполитической линии Швеции-Норвегии в отношении России. Этому потворствовали неловкие и противоречивые действия имперского МИДа в вопросе о финских лопарях с целью отстаивать интересы Великого княжества и не учитывать интересы ни жителей Архангельской губернии, ни последствия от слепого следования линии в переговорах, навязанной финляндской стороной (Zaikov, 2010: 34-38; Lähteenmäki, 2006: 226).

Дело в том, что притязания финляндской стороны постоянно расширялись. Сенат настойчиво требовал изменить линию границы, утвержденную в 1826 г., или произвести обмен территориями (Pedersen, 2006: 167-168). В 40-е гг. финское население переживало сильнейший голод, и одним из спасений от голода стал рыбный промысел в Норвегии, которому препятствовали нормы саамского кодекса, налагавшие некоторые ограничения на прибрежную ловлю для финских лопарей. Российское правительство, опасаясь гибели имперских подданных, уступило Сенату и согласилось поддержать радикальную линию в переговорах с Объединенными королевствами (РА/РА-0409/V/L0003/boks – XIII).

В 1840 г. Швеция-Норвегия предложила России обменяться территориями. Объектом был так называемый «Финский выступ» норвежско-финского участка границы. В обмен Стокгольм предлагал России часть святых земель в Иерусалиме и собственность в Москве. Это предложение было положительно встречено в Санкт-Петербурге (Palmstierna, 1932: 270-274) отчасти потому, что оно

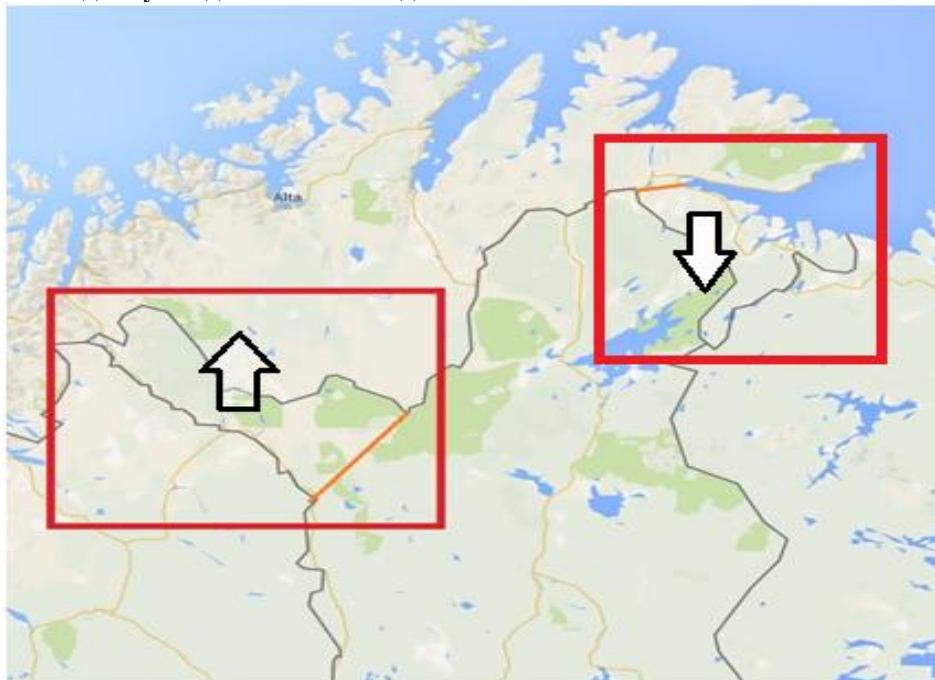
¹ Отношение фогда Каппелена в Фин. деп. от 03.10.1832

² В 1832 г. в Пульмаке комиссия была трехсторонней. Это было связано с разбирательствами по двум разным вопросам: Саамском кодексе 1751 г. между норвежским и финским представителем. VII статье конвенции 1826 между норвежским и архангельскими представителями.

частично совпадало с проектом об обмене территориями, представленным еще Александру I русским посланником в Стокгольме графом Сухтеленом в октябре 1826 накануне смерти императора (АВПРИ, Ф.1. Адм. дела II-6. Д. 75. Ч. I. Л. 288-289).

Проект был изложен в депеше на имя вице-канцлера Нессельроде. Сухтелен предлагал вступить в новые переговоры со шведским правительством по пересмотру границы. Речь шла об обмене территориями, и Граф предлагал обменять пространство Великого княжества, находящееся севернее от о. Кольто Яуре до Шекемь-Июки, на часть бывших общих округов в Норвегии, находящихся от р. Паз до середины Варангерского фиорда (современное местечко Варангер ботн) и от него до р. Тана.

Посланник писал об успешности таких переговоров со Швецией с такой уверенностью, будто он имел предварительные консультации по этой инициативе от королевского министерства. Граф упомянул, что «*проведение новой границы господин Статс-секретарь княжества Финляндского (граф Ребиндер) считает возможным, но считает необходимым снестись с финляндским сенатом*» (АВПРИ, Ф.1. Адм. дела II-6. Д. 75. Ч. I. Л. 288-289). Сомнительно, чтобы посланник мог сам выдвинуть идею обмена владений.

Рис. 5. Карта предполагаемого территориального обмена.

Была ли шведская сторона заинтересована в пересмотре границы? Для этого обратимся к шведской военной доктрине XIX в. Основываясь на опыте войны 1808–1809 гг., в Шведском Генштабе утвердилась доктрина континентальной обороны, включавшая ранние наработки Тидемана. Считалось, что в случае войны основной удар по Королевству русские нанесут с территории Финляндии. Тактический вопрос был лишь в том, в каком направлении оно будет совершено. В этом смысле, одним из слабых мест в архитектуре границы можно назвать наличие так называемого «Финского выступа» на участке норвежско-финской границы от Кольто Яуре до г. Шекем Июки.

Его близкое расположение к норвежскому побережью и столице провинции Тромс создавало благоприятные условия для наступления русских именно на этом участке границы, преследовавших цель отрезать север Норвегии от Королевства, и после перегруппировки использовать его порты для последующего наступления на Трондхейм (Berg, 2001a: 60-61).

Из соображений безопасности Карл Йохан вполне мог пожертвовать «бесполезным» пространством в Финнмарке для того, чтобы обезопасить Королевство на другом участке границы. Выступление с инициативой пересмотра границы было чревато для Короля политическими последствиями. Норвежский парламент мог выразить протест против таких действий. Самым удобным способом реализация этого проекта виделась через Россию, которая могла выступить как бы инициатором переговоров. После чего, прощупав почву, королевское правительство могло организовать новые пограничные переговоры. К счастью или нет, данные переговоры так и не начались. Финляндский сенат не стал соглашаться на обмен территориями тогда, а решил пойти на более радикальные меры и пересмотреть договор 1751 г. Тема обмена территорий затихла на десятилетие.

В 1840-е гг. Николай I решил взять проект Сухтелена за основу и в случае его одобрения Шведским двором включить приобретенный южный Варангер в состав Великого княжества. Предложение, естественно, было отклонено норвежским правительством (RA/PA-0409/V/L0003/boks

– XIV). Последующие за этим переговоры 1846–1848-х гг. также не дали результатов – представители Норвегии уклонялись от предоставления финским лопарям каких-либо промысловых привилегий. Чувствуя некоторую тщетность попыток урегулировать вопрос на базе кодекса, который был выгоден только норвежским лопарям, имперский МИД решает признать действие саамского кодекса необязательным и вести переговоры более агрессивно ([RA/PA-0409/V/L0003/boks – XIII](#)).

В канун очередного раунда переговоров в 1851 г. на подготовительных межведомственных консультациях приняли решение предъявить Норвегии ультиматум: Норвегия должна признать юридическую необязательность кодекса 1751 г. и принять предложение расширить промысловые права финских лопарей; в противном случае, Россия объявляет кодекс необязательным для исполнения и закрывает норвежско-финский участок границы для обоюдных подданных.

По мнению кураторов переговоров графа А.С. Меншикова и сенатора К.Ф.-Ф. Лангеншельда ультиматум должен был склонить Норвегию принять российский проект. Они верили, что норвежская сторона пойдет на уступку, так как норвежские горные лопари нуждались в пастбищах на севере Финляндии не меньше финских лопарей в норвежских северных берегах. Никто не предполагал, что Норвегия будет пренебрегать интересами горных лопарей. В то же время новая позиция не являлась чисто фигуральной дипломатической уловкой. Российский МИД действительно полагал, что сохранять какие-либо права для норвежских горных лопарей нет смысла, если преимущества от него получает лишь одна сторона ([RA/PA-0409/V/L0003/boks – XVI](#)).

Резкое изменение позиции имперского МИД в Королевстве получило иное логическое объяснение. Стокгольм интерпретировал российские претензии как потенциальное стремление России расширить в будущем свой суверенитет ([Palmstierna 1932: 294-295; 61. Eriksen, 1981: 28](#)). На это указывало не только смена тональности дипломатических переговоров, но и усилившаяся идеологическая поляризация Европы.

Великие державы стремились расширить свою мощь за счет привлечения в противоборство альянсов большее число малых держав. Великобритания посредством дипломатических каналов пыталась использовать идеологизированные доктрины, чтобы усилить антирусские настроения в Швеции-Норвегии ([Nielsen, 2008; Zaikov, 2010](#)). В итоге взаимодействие субъектов на локальном и региональном уровнях наделялось инструментальными характеристиками воображаемой внешнеполитической стратегии России. Весь комплекс российско-норвежских взаимодействий подвергся чрезмерной секьюритизации, и финские лопарские промыслы являлись ее составной частью. Стокгольм предпочел закрыть границу, что и было сделано в 1852 г. ([Eriksen, 1981: 28](#)).

В 1850-е гг. в Норвегии сложилось впечатление, что одних российских гарантий неприкосновенности границ недостаточно. Недоверие к мотивам внешнеполитического курса России и желание получить дополнительные гарантии незыблемости границы 1826 г. подтолкнули Швецию-Норвегию к новому политическому соглашению с Англией и Францией – главными соперниками России.

В канун завершения Крымской войны стало ясно, что Россия теряет статус европейского гегемона, и в ноябре 1855 г. между тремя игроками был подписан так называемый «ноябрьский трактат». Швеция-Норвегия обязалась не вступать в союз с Россией, а Великобритания и Франция взамен гарантировали неприкосновенность границ унии.

На всем протяжении российско-норвежских рубежей от о. Кольто Яуре до устья р. Ворьма граница получила четкие политико-идеологические ориентиры ([Nielsen, 2008: 116](#)). Это предопределило постепенную политизацию пограничных промыслов русских лопарей. Неслучайно, что в это же время на границе в Норвегии появилась собственная администрация для надзора над лопарскими промыслами.

5. Заключение

Вхождение Финляндии в 1809 г. в состав Российской империи в качестве Великого княжества Финляндского привело к изменению границ на Крайнем Севере и формированию финско-норвежского участка общей российско-шведско/норвежской границы. Присутствие России в Северной и Западной Европе усилилось, что постепенно привело к идеологизации общей границы, послужившей фактором формирования образа «русской угрозы», оформившегося в Швеции-Норвегии в 1830-е гг.

В истории финско-норвежского спора о трансграничных промыслах на российско-норвежской границе 1830–1850-х гг. идентичный, по сути, вопрос по защите прав российских подданных на норвежской территории, но не русских, а финских саами в переговорной фазе приобрел форму острой борьбы Санкт-Петербурга в альянсе с Великим княжеством Финляндским вопреки интересам Швеции-Норвегии. Это произошло, несмотря на заведомое противоречие интересов финской окраины внешнеполитическими интересами России и даже при предсказуемом отрицательном результате данных переговоров.

Таким образом, в 1830–1850-е гг. центральные российские власти демонстрировали приоритетность интересов жителей Великого княжества интересам жителей Архангельской губернии, что неудивительно в контексте общей политики умиротворения финской окраины после ее присоединения в 1809 г. к России. Олицетворением этого стало приобретение Финляндией широкой внутренней автономии в составе Российской империи, складыванием собственных демократических

институтов, позволивших ее приграничным округам интегрировать интересы своих приграничных жителей в национальный масштаб и успешно отстаивать их интересы на уровне метрополии, понимая свою приоритетность в контексте внутренней политики государства.

Умиротворительная политика Санкт-Петербурга в отношении Великого княжества Финляндского превратила его из объекта в ключевой субъект процесса формирования территориальной политики России на пространстве бывшего Северного Фронта. В этнокультурном пространстве русской части российско-норвежского пограничья это отразилось в появлении финского этнического компонента, который стал стремительно усиливаться к середине XIX в.

Усиление финского фактора в выстраивании внешнеполитической линии имперской пограничной политики в отношении Швеции-Норвегии спровоцировало секьюритизацию пограничья в Норвегии. Это включало интеграцию всего комплекса взаимодействий на общем российско-норвежском приграничном пространстве, в том числе трансграничных промыслов русских и финских лопарей в систему угроз безопасности Швеции-Норвегии, политизации бытовых приграничных конфликтов и, как следствие, особый комплекс мер по защите территориальной целостности границ унии, включавшем закрытие финско-норвежского участка общей границы, введение политики толерантности в отношении промыслов русских саами на русско-норвежском участке границы и выстраивание многостороннего формата гарантий неприкосновенности российского участка границы унии.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 15-18-00104 «Российская Арктика: от концептуализации к эффективной модели государственной этнонациональной политики в условиях стабильного развития регионов»).

Литература

- АВПРИ - Архив внешней политики Российской империи.
- Бородкин, 1909 - *Бородкин М.М.* История Финляндии. Время Императора Александра I. Санкт-Петербург, 1909. С. 24, 31-33.
- Бородкин, 1915 - *Бородкин М.М.* История Финляндии. Время Императора Николая I. Санкт-Петербург, 1915.
- ГААО – Государственных архив Архангельской области.
- Зайков, 2016 - *Зайков К.С., Тамицкий А.М.* Межнациональные отношения в Российской Арктике: состояние и перспективы // Аналитический вестник Совета Федерации Федерального Собрания РФ. 2016. № 5. С. 46-51.
- Мезин, 2003 - *Мезин С.А.* Взгляд из Европы: французские авторы XVIII века о Петре I. Саратов, 2003. URL: <http://annuaire-fr.narod.ru/bibliotheque/Mezin-book/Glava-5.html> (дата обращения: 12.11.2012)
- Мейнандер, 2008 - *Мейнандер Х.* История Финляндии. Москва, 2008. С.76-77.
- Попов, 1999 - *Попов Г.П., Давыдов Р.А.* Мурман. Очерк истории края XIX – начала XX в. Екатеринбург, 1999. С. 29-31.
- Похлебкин, 1995 - *Похлебкин В.В.* Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах. Книга 1. Москва, 1995. С.307.
- Похлебкин, 1997 - *Похлебкин В.* Россия первой признала норвежскую независимость // Международная жизнь. 1997. № 5. С. 48–61.
- Федоров, 2009 - *Федоров П.В.* Северный вектор в российской истории. Центр и Кольское заполярье в XVI – XX вв. Мурманск, 2009. С.123-125;
- Шрадер, 2006 - *Шрадер Т.А.*: Колонисты на Мурманском побережье // Вестник Баренц-центра МПГУ. 2006. № 5.
- Andresen, 1989 - *Andresen A.* Sii'daen som forsvant. Østsamene i Pasvik etter den norsk-russiske grensetrekningen i 1826. Kirkenes, 1989.
- Åselius, 1994 - *Åselius G.* The «Russian Menace» to Sweden. The Belief System of a Small Power Security Elite in the Age of Imperialism. Stockholm, 1994.
- Berg, 2001a - *Berg, R.* Norsk forsvarshistorie 1814–1905. Oslo, 2001.
- Berg, 2001b - *Berg, R.*: Russofobiens røtter 1820–1855, Det farefulle nord. Trusler og trusseloppfatninger knyttet til Nord–Norge gjennom tusen år // Speculum Boreale, Tromsø. 2001. №. 1. S. 53-65.
- Eriksen, 1981 - *Eriksen K.E., Niemi E.* Den finske fare: Sikkerhetsproblemer og minoritetspolitikk i nord 1860–1940. Oslo, 1981.
- Fellman, 1906 - *Fellman J.* Anteckningar under min vistelse i Lappmarken bd. III. Helsingfors, 1906.
- Goldin, 2015 - *Goldin V.I., Zaikov K.S., Tamitskiy A.M.* (2015) Sami in the History of the Norwegian-Russian Borderland: Factor of Tension or Regional Integration? // *Bylye Gody*. 37 (3): 522-523.
- Lähteenmäki, 2006 - *Lähteenmäki M.* The peoples of Lapland. Boundary demarcation and interaction in the North Callote from 1808 to 1889. Helsinki, 2006.

- Nielsen, 2008 - *Nielsen, J.P.* Norwegian Images of Russia and the Russians, Россия и Запад. Исторический опыт XIX–XX веков, под ред. Липкин М.А., М., 2008. С. 115-116.
- Niemi, 2009 - *Niemi E.* Grenseland og Periferi. Møtested for Stat, Nasjon og Etnisitet, Det Hjemlige og det globale. Festschrift til Randi Rønning Balsvik. Oslo, 2009. Pp. 431-455.
- Palmstierna, 1932 - *Palmstierna C.F.* Sverige, Ryssland och England 1833–1855. KrigNovembertraktatensFörutsättningar. Stockholm, 1932. P. 270-274.
- Pedersen, 2006 - *Pedersen S.* Lappekodisillen i nord 1751–1859. Fra grenseavtale og sikring av samenes rettigheter til grensesperring og samisk ulykke. Doktoravhandling. Tromsø, 2006.
- Ryymin, 2004 - *Ryymin T.* Historie, fortidsforestillinger og kvensk identitetsbygning // Fortidsforestillinger. Bruk og misbruk av nordnorsk historie. Rapport fra det 27. Nordnorske historieseminar, Hamarøy 27-29.9.2002. Tromsø, 2004. S. 133-152.
- Wikan, 1995 - *Wikan S.* Grensebygda Neiden. Møte mellom folkegrupper og kampen om ressursene. Svanvik, 1995.
- Zaikov, 2010 - *Zaikov, K.* The influence of the Russian factor in Norwegian-Finnish relations 1814–1860, Norsk-Finskerelasjoner. Rapport fradet 34.nordnorske historie seminar Skibotn 25–27 September 2009. Tromsø, 2010. S. 34-38.

References:

- AVPRI - Arhiv vneshnei politiki Rossiiskoi imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire]. [in Russian]
- Borodkin, 1909 - *Borodkin M.M.* Istoriia Finliandii. Vremia Imperatora Aleksandra I [History of Finland. Time of Emperor Alexander I]. Sankt-Peterburg, 1909. P. 24, 31-33. [in Russian]
- Borodkin, 1915 - *Borodkin M.M.* Istoriia Finliandii. Vremia Imperatora Nicolaia I [History of Finland. Time Emperor Nicholas I]. Sankt-Peterburg, 1915. [in Russian]
- GAAO – Gosudarstvennyi arhiv Arhangel'skoi oblasti [State archive of the Arkhangelsk region]
- Zaikov, 2016 - *Zaikov K.S., Tamitskii A.M.* Mezhnatsionalnye otnosheniia v Rossiiskoi Arktike: sostoianie i perspektivy [Interethnic relations in the Russian Arctic: state and prospects] // Analiticheskii vestneyk Soveta Federatsii Federalnogo Sobraniia RF. 2016. № 5. P. 46-51. [in Russian]
- Mezin, 2003 - *Mezin S.A.* Vzgliad iz Evropy: frantsuzskie avtory XVIII veka o Petre I [View from Europe: French authors of the XVIII century about Peter I]. Sarahtov, 2003. URL: <http://annuaire-fr.narod.ru/bibliotheque/Mezin-book/Glava-5.html> (data 12.11.2012) [in Russian]
- Meinander, 2008 - *Meinander H.* Istoria Finliandii [History of Finland]. Moscow, 2008. P. 76-77. [in Russian]
- Popov, 1999 - *Popov G.P., Davydov R.A.* Murman. Ocherk istorii kraia XIX – nachala XX v. [Murman. Outline of the history of the region of XIX - early XX century]. Ekaterinburg, 1999. P. 29-31. [in Russian]
- Pokhlebkina, 1995 - *Pokhlebkina V.* Vneshniaia politika Rusi, Rossii i SSSR za 1000 let v imenakh, datakh, faktakh. Kniga 1 [Foreign policy of Rus, Russia and USSR in 1000 years in names, dates and facts. Book 1]. Moscow, 1995. P. 307. [in Russian]
- Pokhlebkina, 1997 - *Pokhlebkina V.* Rossiia pervoi priznala norvezhskuiu nezavisimost [Russia first recognized Norwegian independence] // Mezhdunarodnaia zhizn. 1997. № 5. P. 48–61. [in Russian]
- Fedorov, 2009 - *Fedorov P.V.* Severnyi vektor v rossiiskoi istorii. Centr i Kolskoe zapoliare v XVI – XX vv. [North vector in Russia's history. The center and the Kola Polar region in the XVI - XX centuries]. Murmansk, 2009. P. 123-125. [in Russian]
- Shrader, 2006 - *Shrader T.A.* Kolonisty na Murmanskom poberezh'e [The colonists at the Murmansk coast] // Vestneyk Barents-centra MPGU. 2006. № 5. P. 115-123. [in Russian]
- Andresen, 1989 - *Andresen A.* Siida som forsvant. Østsamene i Pasvik etter den norsk-russiske grensetrekningen i 1826 [Siida disappeared. East Sami in the Pasvik by the Norwegian-Russian border contraction in 1826]. Kirkenes, 1989. [in Norwegian]
- Åselius, 1994 - *Åselius G.* The «Russian Menace» to Sweden. The Belief System of Small Power Security Elite in the Age of Imperialism. Stockholm, 1994.
- Berg, 2001a - *Berg, R.* Norsk forsvarshistorie 1814–1905. [Norwegian defense history 1814-1905]. Oslo, 2001. [in Norwegian]
- Berg, 2001b - *Berg, R.* Russofobiens røtter 1820–1855, Det farefulle nord. Trusler og trusseloppfatninger knyttet til Nord–Norge gjennom tusen år [Anti-Russian sentiment roots 1820-1855, the perilous north. Threats and threat perceptions related to Northern Norway through one thousand years] // Speculum Boreale, Tromsø. 2001. №. 1. P. 53-65. [in Norwegian]
- Eriksen, 1981 - *Eriksen K.E., Niemi E.* Den finske fare: Sikkerhetsproblemer og minoritetspolitikk i nord 1860–1940 [The Finnish menace: Security problems and minority politics in the North 1860-1940]. Oslo, 1981. [in Norwegian]
- Fellman, 1906 - *Fellman J.* Anteckningar under min vistelse i Lappmarken bd. III [Notes during my stay in Lapland bd. III]. Helsingfors, 1906. [in Swedish]
- Goldin, 2015 - *Goldin V.I., Zaikov K.S., Tamitskiy A.M.* (2015) Sami in the History of the Norwegian-Russian Borderland: Factor of Tension or Regional Integration? *Bylye Gody*. 37 (3): 522-523.

- Lähteenmäki, 2006** - *Lähteenmäki M.* The peoples of Lapland. Boundary demarcation and interaction in the North Callote from 1808 to 1889. Helsinki, 2006.
- Nielsen, 2008** - *Nielsen, J.P.* Norwegian Images of Russia and the Russians, *Rossia i Zapad. Istoricheskiy opyt XIX–XX vekov*, pod red. Lipkin M.A. Moscow, 2008. P. 115–116.
- Niemi, 2009** - *Niemi E.* Grenseland og Periferi. Møtested for Stat, Nasjon og Etnisitet, Det Hjemlige og det globale. Festschrift til Randi Rønning Balsvik [Border and Periphery. A meeting place for State, Nation and Ethnicity, The Domestic and Global. Devoted to Randi Rønning Balsvik]. Oslo, 2009. P. 431–455. [in Norwegian]
- Palmstierna, 1932** - *Palmstierna C.F.* Sverige, Ryssland och England 1833–1855. Krig Novembertraktatens Förutsättningar [Sweden, Russia and England, 1833–1855. War November handouts Prerequisites]. Stockholm, 1932. P. 270–274. [in Swedish]
- Pedersen, 2006** - *Pedersen S.* Lappekodisillen i nord 1751–1859. Fra grenseavtale og sikring av samenes rettigheter til grensesperring og samisk ulykke. Doktoravhandling [Lapp Codicil in the North 1751–1859. From border agreement and securing of Saami rights to limit barring and Sami accident. Doctoral Thesis]. Tromsø, 2006. [in Norwegian]
- Ryymin, 2004** - *Ryymin T.* Historie, fortidsforestillinger og kvensk identitetsbygging [History, past performances and Kven identity construction] // *Fortidsforestillinger. Bruk og misbruk av nordnorsk historie. Rapport fra det 27. Nordnorske historieseminar, Hamarøy 27–29.9.2002.* Tromsø, 2004. P. 133–152. [in Norwegian]
- Wikan, 1995** - *Wikan S.* Grensebygda Neiden. Møte mellom folkegrupper og kampen om ressursene [Border village Neiden. Meeting between ethnic groups and the struggle for resources]. Svanvik, 1995. [in Norwegian]
- Zaikov, 2010** - *Zaikov, K.* The influence of the Russian factor in Norwegian-Finnish relations 1814–1860, *Norsk-Finskerelasjoner. Rapport fradet 34. nordnorske historieseminar Skibotn 25–27 September 2009.* Tromsø, 2010. P. 34–38.

УДК 94(470+481)(045)

Финский фактор в истории Северного Фронтара Российской империи 1809–1855 гг.

Константин Сергеевич Зайков^{a,*}, Александр Михайлович Тамицкий^a

^a Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена малоизвестным страницам истории «Северного Фронтара» – российско-норвежского пограничья, а именно роли Великого княжества Финляндского в формировании пограничной политики Российской империи и Швеции-Норвегии на общем приграничном пространстве периода 1809–1855 гг. Авторы статьи демонстрируют, что вхождение Финляндии в 1809 г. в состав Российской империи усилило ее возможности по отстаиванию формирующей системы национальных интересов на Крайнем Севере Европы. В тоже время рост влияния Великого княжества на формирование внутренней и внешней политики России способствовали идеологизации общей российско-шведско/норвежской границы и формированию образа «русской угрозы», который был распространен среди политической элиты Шведско-норвежской унии в 1820–1850-е гг.

Распространение в Объединенных королевствах Швеции и Норвегии русофобских настроений ускорило постановку вопроса о формальном разграничении Северного Фронтара на повестку российско-шведских дипломатических отношений первой половины 1820-х гг. Фактор «русской угрозы» также послужил идейной основой постепенной секьюритизации и политизации российско-норвежского пограничья.

Таким образом, ко второй половине XIX в. в систему потенциальных угроз национальной безопасности Объединенных королевств был включен весь комплекс трансграничных отношений между населением Финмаркской (Швеция-Норвегия), Улеаборгской (Великое княжество Финляндское) и Архангельской губерниями. Кульминацией этих процессов было закрытие финско-норвежского участка российско-шведско/норвежской границы в 1852 году и вхождение унии в антироссийскую коалицию с Англией и Францией, что было формально закреплено в так называемом Ноябрьском трактате 1855 г.

Ключевые слова: Великое княжество Финляндское, «русская угроза», российско-норвежское пограничье, саамы, лопарские промыслы.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: k.zaikov@narfu.ru (К.С. Зайков), a.tamitskiy@gmail.com (А.М. Тамицкий)

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 41, Is. 3, pp. 642-649, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94(47) 073+081+083

European and Asian Countries through the Eyes of Foreigners (in 19th — beginning of 20th century)

Vladimir A. Ushakov^a, Mikail Yu. Evsevjev^a, Ariadna A. Petrova^a, Oxana B. Vakhromeeva^a,
 Tatiana E. Sokhor^{a,*}

^a Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation

Abstract

The article is based on the study of a various publications and archive materials that were left in the 19th — beginning of 20th century by representatives of several generations of Russians going out of Russia for a long periods of time to Europe and Asian countries, or by Europeans who had been visiting and exploring the Russian Empire. Such materials come in sight of the article's authors in the process of random selection. These materials varied in form, size and content; they were created in different conditions and for different purposes. They were written by people of different professional, social background, interests, character and life experience. Despite these factors the authors managed to study features of formation and development of the Russia's image in social thinking of Western Europe on the basis of publications of authors from France and Netherland. Examples of Italian lands descriptions were used for consideration of Russian observers' approaches to interpretation of the life of Europeans. And the perception of the Asian countries' life (China and Japan) and of their inhabitants that had formed by the beginning of the 19th century was described in the notes and memories of Russians — the participants of the Russian — Japan war. Such different sources served as well as some common and very important functions, and the authors of this article identified them. First of all, it was an informational-educational mission. Such functions as goal setting and recording were also important, when authors of the materials identified the most important events, processes and recorded them. The critical approach and function of criticism were also incidental to the authors of many sources. Again, the materials presented in the article showed other provisions of the problem "us vs. them" ("us vs. others") that is currently being considered in the modern science, and which in general lead to generation of both the understanding of different-scale processes, events, facts and the general vision of countries and peoples development within significant time periods. And in general the article determines fundamental importance of the sources of such types for comprehensive and precise study and understanding of Russian history and history of other countries.

Keywords: S.F. Shchedrin, A. Dumas, A. de Custine, M.P. Bobrovski, V.V. Fomina (Zukova), Italy, Russia, Spain, China, Japan.

1. Введение

В современном мире глобализация привлекала внимание к условиям, при которых методы и механизмы политико-психологического воздействия подталкивали народы и страны либо к сближению и сотрудничеству, либо к отчуждению и конфронтации из-за соперничества в обеспечении жизненно важных целей и различий в цивилизационном развитии. В этом отношении показателен опыт успешных поколений людей. Их побуждения, действия отражали и наблюдатели, записи которых освещали ход событий как в отношениях между странами, так и внутри этих социумов. Такая информация выступала как весомый фактор в формировании политико-

* Corresponding author

E-mail addresses: v.ushakov@spbu.ru (V.A. Ushakov), m.evseviev@spbu.ru (M.Yu. Evsevjev), ariadnapetrova@yandex.ru (A.A. Petrova), voxana2006@yandex.ru (O.B. Vakhromeeva), sohor@mail.ru (T.E. Sokhor)

психологической атмосферы в обществе и установок на сотрудничество или соперничество стран и народов. Изучение этих материалов важно и для восстановления полной картины процессов и событий в истории и понимания происходивших перемен внутри социумов и на международной арене.

2. Материалы и методы

2.1. Исследование выполнялось на основе научной обработки и анализа писем и донесений, дневниковых записей и воспоминаний, журнальных статей и иных сочинений, подготовленных современниками описываемых событий. Часть материалов хранится в архивах, часть опубликована на русском языке или языке оригинала.

2.2. Методология исследования включает интенсивное использование общенаучных и общеисторических методов. Для выявления и обстоятельной характеристики общего и особенного в полученных путем случайной выборки материалах активно применялись историко-сравнительный и историко-типологический методы. А историко-генетический метод позволил установить побудительные мотивы и обстоятельства, под действием которых авторы исследуемых материалов исходили при их подготовке и последующем обнародовании. Принципы историзма и целостности, ориентировали авторов статьи на поиск причин и условий, определивших содержание, достоверность, тональность и другие свойства документов.

3. Обсуждение

Рассматриваемая тема в историографии подробно не освещалась. В СССР — России преимущественно изучали сочинения иностранцев о России и записи россиян о жизни за рубежом, подготовленные со времен существования Московской Руси и по первые десятилетия XIX в. (Мезин 2000; Карп, Мезин 2004; Партаненко, Ушаков 2006). Материалы за более позднее время оставались менее изученными и в сравнении с ранними периодами, номенклатура и объемы таких неизвестных материалов в XIX–XX вв. быстро росли.

Цель статьи — извлечь из массива источников путем случайного отбора архивные и опубликованные материалы и изучить их на предмет: формирования и проявления общей картины исторического развития стран и народов на значительных отрезках их существования; получить дополнительные сведения о тех процессах, событиях и явлениях, которые описывали и характеризовали российские и зарубежные авторы — будь то их непосредственные участники, или очевидцы и современники; определить специфику отражения действительности в избранных в качестве примеров документах и ту роль, то влияние, которые эти материалы оказывали на формирование морально-политического климата в обществе, выделить те положения и установки этих документов, воздействовавшие на взаимоотношения людей, народов, государственных структур и т.д.; с учетом этих обстоятельств определить для познания истории значение материалов, положенных в основу настоящей статьи; выделить те функции и обстоятельства, учет которых позволяет выявить ценность столь разнородных, подготовленных в разных условиях и столь непохожими авторами свидетельств ушедшей эпохи.

4. Результаты

В XIX в. контакты между странами множились, и путешественники часто фиксировали свои наблюдения. Эти материалы были разными по объему, характеру, направленности и тональности. Масса такой информации нарастала и становилась доступной все большему числу людей.

Путешествия бывали краткими или затянутыми на годы. Так, Италия в 1818–1830 гг. стала «землей обетованной» для русского художника С.Ф. Щедрина. Его многочисленные письма и донесения в полном объеме были собраны, выверены и опубликованы с комментариями в 2014 г. (Евсевьев, 2014). Они несли разнообразные, яркие сведения и суждения о жизни этой страны и ее обитателей.

Художника из России манила прекрасная природа и чудеса Италии — ее дворцы, церкви и картины великих мастеров (Евсевьев, 2014: 45, 50–51, 69–71, 77, 83, 88, 430–431, др.). Щедрин точно и ярко фиксировал свет и тень итальянского общества, его культуру, быт, привычки, поведение, фольклор. Как превосходный писатель он во всей полноте и свежести донес до нас подробности жизни в ту эпоху. Почти сразу Щедрин отметить потрясающую нищету, давно ставшую социальной привычкой, промыслом и жизненным укладом многих итальянцев (Евсевьев, 2014: 420).

Наблюдения художника складывались в портретное изображения национального характера итальянцев. «Чудной народ, — признавался Щедрин, — которых я на одном дне 10 раз ругаю и десять раз хвалю. Спросите у него что-либо, он тотчас скажет с учтивством, попросите, чтоб показал дорогу, пробежит мило, не требуя благодарности, но зато попросите у него хоть воды <...> не даст даром, и нагрубиянит. Все, где только коснется до денег, они нестерпимы, а пуще с иностранцами, запрашивают страшную цену <...> которую никто не даст, да ему и дела нет, он, приставив корзинку к стене, дрыхнет в ней на солнце, или <...> смотрит на всех с презрением. На пищу им очень мало надобно <...> апельсин да кусок хлеба, и все тут» (Евсевьев, 2014: 103).

В XIX в. и в Италии секуляризация брала свое. Щедрин замечал как священники «жалуются, что в Риме вера в упадке». Письма сообщали и о попрании ими библейских заповедей: неудивительно, что Щедрин писал о спящих на службе в храмах прихожанам (Евсевьев, 2014: 76, 79, 117–118, 446), и о той повседневной жизни, переставшей быть чем-то второстепенным по отношению к искусству.

Письма Щедрина оказались неисчерпаемым источником информации об Италии, а самым ярким и существенным в них был интерес к итальянцам, к плебсу. О них художник писал с симпатией, даже с любовью. «Вы, — утверждал Щедрин, — не знаете какой мерской народ итальянцы, это они сами о себе говорят, а пуще женщины <...> всякой за 20 копеек готов делать глупости и всякого рода подлости <...>; жена мужа кличит к себе свистом. Муж тем же отвечает; все жалуются на свою бедность, но в праздники <...> ужасно щеголяют, зато другие в таких рубищах, что невозможно представить <...>, но молодцы, не унывают и всегда веселы <...>» (Евсевьев, 2014: 82).

В Италии менялся и сам Щедрин. В 1819 г. он посчитал, что: «Простой народ здесь груб, отвратителен и гадок в своей неопрятности <...> их жадность к деньгам выводит всякого из терпения», а к концу пребывания в стране появился синтетический портрет плебса. «Простой народ, — записал художник в 1830 г., — большие охотники слушать сказки и разные повести. Общий любимец их есть Орlando, которой им каждой вечер читают и оне всегда слушают с охотой. Тут же рядом какой либо слепой импровизатор, Пулчинелло, ученый пудель, фокусник, нередко и капуцин с крестом проповедует. Все имеют своих слушателей, капуцин и Пулчинелло не препятствуют врать один другому. Дальше вы найдете брадобреев, секретарей, которым нередко диктуют письмо во всю мочь <...> кабалистов, которые со змеями в руках раздают номера для лотарей и уверяют в выигрыше непременно, <...> словом, чего хочешь, того просишь» (Евсевьев, 2014: 117, 449).

В 1820 г. С. Ф. Щедрин стал очевидцем революции в Неаполе, в 1825 г. до него дошли вести о кончине Александра I, восстании «декабристов» и воцарении Николая I (Евсевьев, 1999: 15–16). Щедрин с позиций стороннего наблюдателя реагировал на эти события (Евсевьев, 2014: 167–170, 175, 203, 207, 277–282, 292, 305–306). Для европейцев же восторги, связанные с победами России над Наполеоном утихли, и в их поле зрения попали проблемы «николаевской» России.

Полковник Ф.Б. Гагерн из свиты А. Оранского (родственника российской императорской семьи) лишь с долей критики описывал российскую действительность, а француз — маркиз А. де Кюстин обрушивал на читателя залпы из обличений. На Западе, развиваемая Ф. де ля Невиллем, Н. Витсенем, Л.Ф. де Сегюром и др. авторами тема варварства, деспотизма, неволи славян, получила в книге А. де Кюстина гнетущее отражение и укрепилась в мировосприятии европейцев (Ушаков, 2010: 31, 37, 97, 99–104, 106–115; Ушаков, 2011: 84, 87–88, 98, 132, 146, 153, 161, 164). Поколебать их убежденность не смогли ни крах николаевского режима, ни реформы в России. Тогда ситуацию в империи пытался осмыслить другой знаменитый француз — А. Дюма, в 1858–1859 гг. совершивший «грандиозное путешествие» по стране. Его наблюдения легли в основу книги «В России» (в 2-х частях) (Дюма, 2010a; Дюма, 2010b) и «Кавказ» (в 2-х частях) (Дюма, 2010c; Дюма, 2010d). А неизученной осталась работа писателя, опубликованная в Европе под названием «Письма о крепостном праве в России». Ее перевод с заголовком «Письма из Санкт-Петербурга» (Дюма, 2012e) издали лишь в 2012 г.

Отношение Дюма к николаевскому режиму выражена в фразе: «в течение двадцати лет царь Николай играл в глазах современников ту же роль, которую исполнял у древних колосс Родосский <...>. Севастопольское землетрясение [Крымская война. — Авт.] его повергло» (Дюма, 2010a: 104). Писатель рисовал жуткие картины рабства крестьян. Теперь же открывались возможности для отмены крепостного права и Александр II был готов вернуть «народу его звание народа, а человеку его человеческое достоинство» (Дюма, 2012e: 355, 366).

В оценках роли монархов в России А. Дюма расходился с А. де Кюстином. Все же в прогнозах Дюма был осторожен. Он отмечал в обществе борьбу сторонников и противников реформ. А самые важные выводы Дюма сделал в ходе экскурсов в историю Франции и России (от Рюрика до Николая I). Сравнивая формирование и развитие общества и государственности в двух странах, он находил различия в этих процессах, и, согласно логике француза, это определяло и «различия, проявляющиеся между характером русского народа и <...> французского». Дюма записал: «Характер французского народа, благодаря различным началам <...> состоит из галльской гордости и храбрости, римской воли и стойкости, французской независимости и беспощадности. Все недостатки <...>, все добродетели этого характера проявились в различных политических потрясениях <...> вплоть до революций XIX века». «Славяне же, — продолжал писатель, — представляют собой народ однородный, <...> терпеливый, а главное пассивный, <...> галл борется против своих завоевателей <...> изгоняет их, словенин с признательностью принимает иноземных правителей» [варягов. — Авт.], «изъявляет готовность выполнять все их требования, <...> и всегда быть довольным своей участью <...> Можно сказать, — безапелляционно заключил Дюма, — что у француза характер независимый, а у русского — рабский» (Дюма, 2012e: 346–347).

Жесткий приговор А. Дюма перекликался с еще более суровыми и многообразными характеристиками стада — «нации рабов» под властью деспотов в книге А. де Кюстина. Но наблюдались и различия в методах выработки подобных оценок, в понимании возможностей

исправления бед России. Дюма возлагал надежды на монарха, способного уничтожить рабство. Кюстин такие мысли не высказывал, а убеждал читателя в исходившей от России и русских угрозе цивилизации на Западе (Кюстин, 1996а: 19, 21–23, 63, 103, 108–109, 132, 140, 147–148, 239, 284, 337–338; Кюстин, 1996b: 294–296, 321–322, 339–341). А общим же для французских авторов стало то, что оба негативно воспринимали российское государство (Дюма — вплоть до смерти Николая I) и характер его народов.

Сходные подходы тогда демонстрировали многие европейцы, хотя о России высказывали и другие мнения. Во время Крымской войны испанцы задумывались о причинах, последствиях и уроках этой войны. И, если генерал Х. Прима обвинял Россию в захватнических планах, то Ф. Видаль в 1854 г. одним из первых начал переосмысливать позицию России в восточном вопросе (Vidal, 1854). А более показательной была появившаяся в 1856 г. публицистическая работа об итогах и уроках Крымской войны испанского офицера Х. де Кирога (Quiroga, 1856). Этот автор отказался от тезиса «узурпации» царями турецких земель, и признал миссию России по цивилизации земель Причерноморья. Оценивая политику Николая I, Кирога полагал, что великие планы в истории не всегда находили воплощение, а царь встретил хитрого и коварного противника, скрывавшего истинные цели за красивыми лозунгами. Крестовый поход против России был вызван намерением Франции и Англии подорвать влияние России в регионе и мире. При этом англичане не гнушались во время войны на контрабанду оружия в Россию, поскольку Англия была страной, «где нет иного бога, кроме денег». Автор хотел, чтобы эти обстоятельства испанцы учитывали при выборе вероятных союзников (Quiroga, 1856).

Х. де Кирога назвал и причины поражения России в войне: слабая экономика, отсталость страны, необходимость защиты огромных территорий, явный перевес сил антироссийской коалиции, др. Но, «в любом случае», писал испанец, «народ, который упорно отстаивает свои интересы, с гордо поднятой головой встречает неудачи». Возможно и поэтому, Запад не добился своих целей: Крым не отобрали, Россия не распалась, а скорее наоборот, она в войне «явила пример стойкости» населявших ее народов. И казак, — финн, — «сейчас братья», и, восклицал автор, «а как встречали русских христиане Турции!» Он же полагал: «Россия — нация, самая подходящая для налаживания контактов между людьми разных национальностей. И в этом качестве она много может сделать для Европы и мира» (Quiroga, 1856: 6–7, 31–33, 45–46, 92).

Значительную часть работы Кирога посвятил российской армии и флоту. Поражения не лишили их славы одних из сильнейших в мире, и Россия оставалась в ряду великих держав. А при определении внешнеполитической линии в послевоенный период автор в числе союзников Испании называл в первую очередь, Россию. Кирога полагал, что такой альянс уменьшит влияние Англии и Франции и будет сдерживать поползновение США (Quiroga, 1856: 47, 57, 62, 97).

В 1856 г. трудно было выделить рациональное в советах Кирога. Однако его книгу отличали — не частое для той поры — сбалансировано-благожелательное отношение к России и русским, надежды на благоприятное для Испании и России развитие событий. Напомним, что разгром и унижение Испании в войне с США и России в войне с Японией описало другое поколение авторов. О последней свои записи оставили: выпускник Пажеского корпуса, — офицер из свиты вел. кн. Ольги Александровны, М.П. Бобровский (Лукницкий, Сохор, 2014: 466), и вольнослушательница Женского медицинского института — юная сестра милосердия В.В. Фомина.

Уже на второй день войны Бобровский стремился «попасть поскорее в дело». Он, как и многие офицеры, был убежден «в благоприятном исходе войны». В армии офицер вел дневник и опубликовал его под названием «Письма с войны» (Бобровский, 1912). В работе наиболее интересен материал о жителях Манчжурии и о противнике — японской армии. Бобровский, быстро поняв разницу между разговорами о победе в Петербурге и событиями на фронте, записал: «Да, в России едва ли имеют представление, до чего трудна будет эта война <...>» В заметке от 6 июля 1904 г. он признавал: «Японцы весьма серьезный противник, — храбрый, энергичный, прекрасно обученный и настойчивый». И ряд его суждений содержал вывод не в пользу царских властей. В дневнике автор несколько раз возвращался к этой теме и сетовал на то, что храбрые, героические и умеющие безропотно умирать, но не блещущие дисциплиной, русские солдаты лишены важных качеств и не могут тягаться с ловкими «как обезьяны» восемнадцатилетними японскими солдатами. Указывая на просчеты командования, Бобровский писал: «По-видимому, у нас этого не понимают и комплектуют армию почти стариками» (Бобровский, 1912: 117–118, 144–147).

Дневник включал характеристики и любопытные описания поведения китайцев, оказавшихся в зоне боев. Бобровский писал, что «расовый инстинкт» заставлял китайцев «симпатизировать японцам больше, чем нам <...> за деньги, — писал офицер, — они служат и нашим, и вашим». Поэтому и русские, и японцы «их секут, расстреливают, вешают, иногда только по одному подозрению». А поскольку в Манчжурии китайцев было много, то автор полагал: «сколько бы их не перебили, их еще много останется». Дневник содержал описание сцен варварских казней, работы палача и реакции китайцев, весьма отличной от охватившего Бобровского тяжелого чувства отвращения. Офицер рассказал о дерзких хунхузах, он считал их присутствие «на нашем фланге и в тылу вовсе не приятно» (Бобровский, 1912: 170–171).

Окончание войны побудило М.П. Бобровского завершить свои записи. Вероятно, он трактовал Портсмутский мирный договор как передышку в столь неудачном для России конфликте. О признаках, указывающих на его возобновление в будущем, свидетельствовали такие строки дневника: «В Японии идет волнение народа, недовольным условиями мира. У нас тоже волнения». И далее молодой офицер записал строки, свойственные его темпераменту и возрасту: «Да, за эти почти 2 года мы много увидели, много узнали <...> Дай Бог, что бы это послужило нам на пользу! <...> нам нельзя надеяться в будущем на успех, если мы не будем работать не покладая рук, энергично, неустанно, по совести...» (Бобровский, 1912: 181–182).

Впечатления и уроки, которые современники извлекали по ходу войны, касались не только политических и военно-стратегических сюжетов. Дневник Бобровского включал сведения и зарисовки, позволяющие судить о жизненном укладе, психологическом настрое, обычаях и устремлениях азиатов. Жители Манчжурии представляли как народ с особой культурой, но «растерзанный» войной и оказавшийся между двух огней. В тяжелых условиях китайцы стремились выжить, а хунхузы по бандитски боролись против иноземцев и против соотечественников. Японцы же выделялись дисциплиной и самоорганизацией, целеустремленностью и упорством не только в достижении важных целей, но и при решении обычных дел. Иными словами, российский офицер подмечал многое из того, что в то время формировало характер и лицо двух наций, далеких и не всегда понятных для европейца.

Интересные сведения вошли и в «семейную хронику Фоминых-Зыковых», которую до 2012 г. вел А.Б. Козлов, а затем — А.А.Зыков. Согласно хронике, семнадцатилетняя дочь генерала Фомина — Валя (В.В. Фомина [Зыкова]), без родительского благословения, исключительно по зову сердца и из патриотических убеждений в 1904 г. добровольно отправилась на русско-японскую войну (Архив Музея: 1; Вахромеева, 2009: 129). В действующей армии она влилась в трехтысячную «семью крестовых сестер» и работала в полевом госпитале. Позже юная девушка в составе полевого госпиталя следовала за армией генерала А.Н. Куропаткина, и переносила голод, холод, бездорожье. Вероятно, это закалило девушку, выработало у нее сдержанность в проявлении чувств и безграничную «готовность пожертвовать собой», стремление «по внутреннему зову» оказаться «в нужном месте в нужное время, чтобы предотвратить что-то плохое, надвигающееся» на близких людей (Зыков, 2012: 2, 8–9).

Эти качества помогли Вале на протяжении ее жизни, и в годы политических репрессий при советской власти, и, вероятно, ранее, когда она вместе с пленными под Мудкеном военными оказалась в Японии. На острове Сикоку в городе Мацуяма о пленных заботился японский Красный Крест, их продолжали лечить и российские врачи, фельдшеры и сестры милосердия. И в плену Валя творила добро, не потерялась и не ожесточилась, а сохранила способность правильно воспринимать обстановку, здраво судить о новой для нее стране, о японцах. Это состояние Вали зафиксировала ее дочь (А.А. Леонтьук), которая писала: «Вспоминая время пребывания в плену, мама всегда отмечала благожелательное отношение к пленным со стороны японского командования и полное отсутствие проявления силы, грубости или других видов дискриминации...» В.В. Фомина указывала на «высокую интеллигентность японской нации» и, вспоминая плен, как «передышку», говорила, что в японских храмах она обрела дар предвидения (Зыков, 2012: 8–9).

В свою очередь японцы отмечали, что у русских очень хорошо развито коллективное начало. С огромным уважением они относились и к религиозным чувствам русских пленных: погибших воинов хоронили в японской земле. В местной печати жителям разъяснялось отношение к пленным не как к преступникам, а как к лицам, нуждавшимся в сострадании. Поэтому не удивительно то, что до сих пор за могилами погибших русских солдат в городе Мацуяма продолжают ухаживать местные школьники.

5. Заключение

Представленные в статье европейцы жили в «разные времена», что накладывало отпечаток на их взгляды, деятельность и суждения. Способные улавливать эти различия читатели вправе задать вопрос, а какие характеристики, черты объединяли сочинения столь разнящихся авторов. И эти характеристики очевидны. Так, при прочтении весьма разнородных материалов часто обнажалась их информационно-просветительская миссия, то есть они несли адресатам, а при опубликовании и более широкой аудитории, новое знание по истории или текущему положению в той или иной стране, сведения о населении, условиях его жизни, о тех проблемах, процессах и событиях, которые наиболее интересовали или попадали в поле зрения составителя документа. Нередко такие материалы подтверждали, дополняли или корректировали уже известную информацию, и она становилась более емкой, многогранной и значимой. Но вброс недостоверных данных, порой снижал ценность и цельность знаний об описываемом предмете, вносил путаницу и негативно действовал на сознание людей и те могли ставить под сомнение значение этих материалов.

Помимо информационно-просветительской миссии, записи участников или современников событий расставляли акценты в иерархии происходившего, выделяли, пусть в восприятии и преломлении автора документа, главное и менее существенное, не столь значимое и яркое. Соответственно, так концентрировали внимание адресата, либо читательской аудитории, на

определенных темах, сюжетах, сведениях. Функцию целеуказания дополняла и функция фиксации и сохранения многих тем, черт и штрихов, которые до того не привлекали соответствующего внимания, но после упоминания в документе эти сведения окончательно уже не терялись, а могли «всплыть» и в последующие времена.

Авторы записей, осуществляя целеуказания и фиксацию материалов, отражали увиденное и услышанное. Иными словами, они «рисовали» картины событий, очевидцами или участниками которых выступали. Не во всех случаях, но целеуказание и фиксация материалов побуждало авторов явно или опосредованно сравнивать и противопоставлять новое с уже известным, новое и необычное с уже привычным. Функция или возможность сопоставления были заложены в приведенных в этой статье материалах, и, чаще всего, сравнивалась история и действительность иностранная и российская.

Сопоставление по линии «свой — чужой» предусматривало и развитие критических начал в подготовленных материалах. Ведь какие-то малопонятные особенности, черты и эпизоды в жизни стран и народов, могли порождать и непонимание, и критический настрой у авторов документов. Такая критика часто возникала и в соответствии с расхожим утверждением «нет дыма без огня». Эта критика вскрывала неприглядную истину и бичевала недостатки. Либо автор осознанно и изначально выступал как беспощадный критик, а иногда заранее планировал разрушительно-уничтожительные оценки и выводы, отметал почти все не укладывавшееся в русло разоблачительного подхода. Критические выступления различались по их целям и характеру, они имели и свою направленность: авторы часто критиковали те или иные недостатки и особенности в жизни других народов и стран, а могли указывать на ошибки и прегрешения и соотечественников, и собственных властей и сопоставлять ход дел на родине с реалиями за рубежом. И масштабы, и диапазоны критических выступления были широкими: от мнений по частным вопросам и до глобальных суждений; об особенностях жизни отдельных лиц, групп и категорий населения и до оценки характеристики наций и государств, правителей и политических режимов в целом.

Представленные в статье материалы раскрыли и иллюстрировали и другие положения исследуемой современной наукой проблемы «свой — чужой», «мы — чужие», «мы — другие». И хотя в одной краткой работе все эти аспекты полномерно осветить не реально, для читателя очевидно и то, что без поиска и научного осмысления многообразных материалов, оставленных российскими и зарубежными авторами — участниками и наблюдателями событий, невозможно добиться всеобъемного и выверенного изучения и осознания истории, будь то история России или других стран.

Литература

Архив Музея — Архив Музея истории СПбГУ. Ф. Высшие женские курсы. Личное дело В.В. Фоминой (Зыковой) (1887–1966).

Бобровский, 1912 — *Бобровский М.П.* Письма с войны // Бобровский М.П. Стихотворения. Этюды в прозе. Письма с войны. Страсти Господни. Т.1. Санкт-Петербург: Типография А.С. Суворина, 1912. 218 с. С. 107–182.

Вахромеева, 2009 — Бестужевка в цифрах: к 130-летию юбилея Санкт-петербургских высших женских курсов (1878–1918 гг.) / Сост. О.Б. Вахромеева; Вступ. ст. О.Б. Вахромеева, Т.Н. Жуковская, А.Г. Румянцева. Санкт-Петербург, 2009. 412 с.

Дюма, 2010a — *Дюма А.* В России. Часть первая // Дюма А. Собрание сочинений. Москва: Арт-Бизнес Центр, 2010. Т. 73. 639 с.

Дюма, 2010b — *Дюма А.* В России. Часть вторая // Дюма А. Собрание сочинений. Москва: Арт-Бизнес Центр, 2010. Т. 74. 591 с.

Дюма, 2010c — *Дюма А.* Кавказ. Часть первая // Дюма А. Собрание сочинений. Москва: Арт-Бизнес Центр, 2010. Т. 75. 415 с.

Дюма, 2010d — *Дюма А.* Кавказ. Часть вторая // Дюма А. Собрание сочинений. Москва: Арт-Бизнес Центр, 2010. Т. 76. 429 с.

Дюма, 2010e — *Дюма А.* Письма из Санкт-Петербурга // Дюма А. Собрание сочинений. Москва: Арт-Бизнес Центр, 2012. Т. 78. 623 с. [245–372, 547–619].

Евсевьев, 1999 — Аполлон Щедрин: Письма в Италию к брату Сильвестру: 1825–1830 / Сост, авт. редакции текстов, вступ. статьи и коммент. М.Ю. Евсевьев. Санкт-Петербург: «Бельведер», 1999. 76 с.

Евсевьев, 2014 — Итальянские письма и донесения Сильвестра Феодосиевича Щедрина. 1818–1830 / Подг. М.Ю. Евсевьев. Москва; Санкт-Петербург: Альянс-Архео, 2014. 760 с.

Зыков, 2012 — Личный архив А.А. Зыкова. Рукопись «На склоне лет». Санкт-Петербург. 30 июля 2012 г.

Карп, Мезин, 2004 — Европейское Просвещение и цивилизация России / Отв. ред. С.Я. Карп, С.А. Мезин. М.: Наука, 2004. 356 с.

Кюстин, 1996a — *Кюстин А. де.* Россия в 1839 году: В 2 т. / Пер. с фр. В. Мильчиной, И. Стаф. Под общ. ред. В. Мильчиной. М.: Издательство им.Сабашниковых, 1996. Т.1. 526 с.

Кюстин, 1996b — *Кюстин А. де.* Россия в 1839 году: В 2 т. / Пер. с фр. В. Мильчиной, И. Стаф. Под общ. ред. В. Мильчиной. М.: Издательство им. Сабашниковых, 1996. Т.2. 477 с.

- Лукницкий, Сохор, 2014 — Перекрестки судеб. Воспоминания Лукницких / Сост. В.А.Лукницкий; Науч. ред. Т.Е. Сохор. Москва; Санкт-Петербург: Альянс-Архео, 2014. 496 с.
- Мезин, 2002 — Мезин С.А. Стереотипы России в европейской общественной мысли XVIII века // Вопросы истории. 2002. №10. С. 148-157.
- Партаненко, Ушаков, 2006 — Партаненко Т.В., Ушаков В.А. Взаимовосприятие России и Запада (XVII — первая половина XIX века). Санкт-Петербург: Нестор, 2006. 156 с.
- Ушаков, 2010 — Ушаков В.А. Россия в трактовке иностранца: формирование представлений и стереотипов. Книга первая. Государство и правители. Санкт-Петербург: Полторацк, 2010.
- Ушаков, 2011 — Ушаков В.А. Россия в трактовке иностранца: формирование представлений и стереотипов. Книга вторая. Страны, города, люди. Санкт-Петербург: Полторацк, 2011.
- Quiroga, 1856 — Quiroga J. Ojeada española a la cuestión de Oriente por don Juan de Quiroga, comandante graduado de infantería, capitán de ingenieros. Madrid. Imprenta del Memorial de Ingenieros. 1856. 103 p. Режим доступа: <http://books.google.ru/books?id=rMgrAAAAYAAJ&printsec=front> (дата обращения — 2.04.2016).
- Vidal, 1854 — Vidal, Francisco de Paula. Historia contemporanea del Imperio Otomano, o sea de la Guerra de Oriente desde la entrada del principe de Menschikoff en Constantinopla hasta el desenlace de la cuestion Turco-Rusa. Madrid-Barcelona... Т. 1. 1854. 688 p.; Т. 2. 1855. 618 p.

References

- Arkhiv Muzeya — Arkhiv Muzeya istorii SPbGU. F. Vysshie zhenskie kursy. Lichnoe delo V.V. Fominoi (Zykovoi) (1887-1966) [Museum of St. Petersburg State University History Archive. F. Higher Courses for Women. Personal file V.V. Fomina (Zykova) (1887-1966)] [in Russian].
- Bobrovskii, 1912 — Bobrovskii M.P. Pis'ma s voiny [Letters from the War], Bobrovskii M.P. Stikhotvoreniya. Etyudy v proze. Pis'ma s voiny. Strasti Gospodni. T.1. [Sketches in Prose. Letters from the War. The Passions. Vol. 1] Sankt-Peterburg: Tipografiya A.S.Suvorina, 1912. [218 s.] S. 107–182 [in Russian].
- Vakhromeeva, 2009 — Bestuzhevka v tsifrah: k 130-letiyu yubileyu Sankt-peterburgskikh vysshikh zhenskikh kursov (1878–1918 gg.) / Sost. O.B.Vakhromeeva; Vstup. st. O.B.Vakhromeeva, T.N.Zhukovskaya, A.G. Rumyantseva [Bestuzhevka in figures: the 130th anniversary of the anniversary of St. Petersburg Higher Women's Courses (1878-1918) / Compiler O.B. Vakhromeeva; introductory articles O.B. Vakhromeeva, T.N. Zhukovskaya, A.G. Rumyantsev. St. Petersburg, 2009. 412 p.]. Sankt-Peterburg, 2009. 412 s. [in Russian].
- Dumas, 2010a — Dyuma A. V Rossii. Chast' pervaya [Dumas A. On Russia. Part One] // Dyuma A. Sobranie sochinenii [Dumas A. Collected Works]. М.: Art-Biznes Tsentr, 2010. Т. 73. 639 s. [in Russian].
- Dumas, 2010b — Dyuma A. V Rossii. Chast' vtoraya [Dumas A. On Russia. Part Two] // Dyuma A. Sobranie sochinenii [Dumas A. Collected Works]. Moskva: Art-Biznes Tsentr, 2010. Т. 74. 591 s. [in Russian].
- Dumas, 2010c — Dyuma A. Kavkaz. Chast' pervaya [Dumas A. The Caucasus. Part One] // Dyuma A. Sobranie sochinenii [Dumas A. Collected Works]. Moskva: Art-Biznes Tsentr, 2010. Т. 75. 415 s. [in Russian].
- Dumas, 2010d — Dyuma A. Kavkaz. Chast' vtoraya [Dumas A. Caucasus. Part Two] // Dyuma A. Sobranie sochinenii [Dumas A. Collected Works]. Moskva: Art-Biznes Tsentr, 2010. Т. 76. 429 s. [in Russian].
- Dumas, 2010e — Dyuma A. Pis'ma iz Sankt-Peterburga [Dumas A. The Letters from Sains-Petersburg] // Dyuma A. Sobranie sochinenii [Dumas A. Collected Works]. Moskva: Art-Biznes Tsentr, 2010. Т. 78. 623 s. [in Russian].
- Evsev'ev, 1999 — Apollon Shchedrin: Pis'ma v Italiyu k bratu Sil'vestru: 1825–1830 / Sost, avt. redaktzii tekstov, vstup. stat'i i komment. M.Yu. Evsev'ev [Apollo Shchedrin: The Letters to Italy for Brether Sil'vesrt: 1825–1830 / Comp., editorship, introductory and commentary by M.Yu.Evsev'ev]. Sankt-Peterburg: «Bel'veder», 1999. 76 s. [in Russian].
- Evsev'ev, 2014 — Ital'yanskie pis'ma i doneseniya Sil'vestra Feodosievicha Shchedrina. 1818–1830 / Podg. M.Yu.Evsev'ev [Sil'vestr Feodosievich Shchedrin's. Italian Letters and Reports. 1818–1830 / Prepared by M.Yu.Evsev'ev]. Moskva; Sankt-Peterburg: Al'yans-Arkheo, 2014. 760 s. [in Russian].
- Zykov, 2012 — Lichnyi arkhiv A.A. Zyкова. Rukopis' «Na sklone let» [Personal Archives of A.A. Zukov. The Manuscript “And Declening Years”]. Sankt-Peterburg. 30 iyulya 2012 g. [in Russian].
- Karp, Mezin, 2004 — Evropeiskoe Prosveshchenie i tsivilizatsiya Rossii / Otv. red. S.Ya. Karp, S.A. Mezin [Eulightenment and Civilization in Russia / Chef ed S.Yu.Karp, S.A.Mezin]. Moskva: Nauka, 2004. 356 s. [in Russian].
- Kustine, 1996a — Kyustin A. de. Rossiya v 1839 godu: V 2 t. / Per. s fr. V. Mil'chinois, I. Staf. Pod obshch. red. V.Mil'chinois [Kustine A. de Russia in 1839: On 2 Vols. / Transb. fram Tr. by V.Mil'chinois]. Moskva: Izdatel'stvo im. Sabashnikovykh, 1996. T.1. 526 s. [in Russian].
- Kustin, 1996b — Kyustin A. de. Rossiya v 1839 godu: V 2 t. / Per. s fr. V. Mil'chinois, I. Staf. Pod obshch. red. V.Mil'chinois [Kustine A. de Russia in 1839: On 2 Vols. / Transb. fram Tr. by V.Mil'chinois]. Moskva: Izdatel'stvo im.Sabashnikovykh, 1996. T.2. 477 s. [in Russian].
- Luknitskii, Sokhor, 2014 — Perekrestki sudeb. Vospominaniya Luknitskikh / Sost. V.A.Luknitskii; Nauch. red. T.E.Sokhor [Cross-roads of Fortunes. Memoirs of Luknitskches / Comp by V.A.Luknitskii; Seientific ed T.E.Sokhor]. Moskva; Sankt-Peterburg: Al'yans-Arkheo, 2014. 496 s. [in Russian].

Mezin, 2002 — *Mezin S.A.* Stereotipy Rossii v evropeiskoi obshchestvennoi mysli XVIII veka [Stereotypes of Russia in European Social Thought in the XVIIIth Century] // Voprosy istorii [Problems of History]. 2002. №10. S. 148-157. [in Russian].

Partanenko, Ushakov, 2006 — *Partanenko T.V., Ushakov V.A.* Vzaimovospriyatie Rossii i Zapada (XVII — pervaya polovina XIX veka) [The Mutual Perception of Russia and the West (the XVIIth — first half of the XIXth century)]. Sankt-Peterburg: Nestor, 2006. 156 s. [in Russian].

Ushakov, 2010 — *Ushakov V.A.* Rossiya v traktovke inostrantsa: formirovanie predstavlenii i stereotipov. Kniga pervaya. Gosudarstvo i praviteli [Russia in the Interpretation of the Foreigner: The Development of ideas and Stereotypes. The First Book: The State and Rulers]. Sankt-Peterburg: Poltorak, 2010. 160 s. [in Russian].

Ushakov, 2011 — *Ushakov V.A.* Rossiya v traktovke inostrantsa: formirovanie predstavlenii i stereotipov. Kniga vtoraya. Strany, goroda, lyudi [Russia in the Interpretation of the Foreigner: The Development of Ideas and Stereotypes. The Second Book: The Country, Towns, People]. Sankt-Peterburg: Poltorak, 2011. 180 s. [in Russian].

Quiroga, 1856 — *Quiroga J.* Ojeada española a la cuestión de Oriente por don Juan de Quiroga, comandante graduado de infantería, capitán de ingenieros. Madrid. Imprenta del Memorial de Ingenieros. 1856. 103 p. Режим доступа: <http://books.google.ru/books?id=rMgrAAAAYAAJ&printsec=front> (дата обращения — 2.04.2016).

Vidal, 1854 — *Vidal, Francisco de Paula.* Historia contemporanea del Imperio Otomano, o sea de la Guerra de Oriente desde la entrada del principe de Menschikoff en Constantinopla hasta el desenlace de la cuestion Turco-Rusa. Madrid-Barcelona... T. 1. 1854. 688 p.; T. 2. 1855. 618 p.

УДК 94(47) 073+081+083

Европейские и азиатские страны глазами иностранцев (XIX — начало XX в.)

Владимир Александрович Ушаков ^a, Михаил Юрьевич Евсевьев ^a, Ариадна Александровна Петрова ^a, Оксана Борисовна Вахромеева ^a, Татьяна Евгеньевна Сохор ^{a,*}

^a Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Статья основана на изучении разнообразных опубликованных и архивных материалов, которые в XIX — начале XX в. оставили представители нескольких поколений россиян, выезжающих на длительные сроки в страны Европы и Азии, либо европейцев, посещавших и изучавших Российскую империю. Такие материалы в поле зрения авторов настоящей статьи попали в ходе случайного отбора. Эти материалы различались по форме, объему и содержанию; они были подготовлены в разных условиях и с разными целями. Их авторами выступали люди, не схожие по профессиональной и социальной принадлежности, с разными интересами, характером и жизненным опытом. И, тем не менее, перечисленные обстоятельства не помешали публикации авторов из Франции и Голландии изучить особенности формирования и эволюции образа России в общественной мысли Западной Европы. На примерах описания итальянских земель удалось рассмотреть подходы российских наблюдателей к осмыслению жизни европейцев. А сложившиеся к началу XX в. восприятие жизни азиатских государств (Китай и Япония) и населявших их народов раскрывали записи и воспоминания россиян-участников русско-японской войны. Столь разнящиеся источники выполняли и общие для них весьма серьезные функции, и авторы настоящей работы выделили их. Прежде всего — это была информационно-просветительская миссия. Не менее значимы были и функции целеуказания и фиксации, когда авторы материалов выделяли наиболее важные события, процессы и фиксировали их. Критический подход, функция критики также были присущи авторам многих источников. Представленные в статье материалы иллюстрировали и другие положения исследуемой современной наукой проблемы «свой — чужой» («мы — другие») и в целом вели к формированию как представлений о разномасштабных процессах, событиях, явлениях, так и общей картины развития стран и народов на значимых отрезках их истории. В целом статья определяет принципиальное значение такого рода источников для всеобъемлющего и выверенного изучения и осознания истории России и других стран.

Ключевые слова: С.Ф. Щедрин, А. Дюма, А. де Кюстин, М.П. Бобровский, В.В. Фомина [Зыкова], Италия, Россия, Испания, Китай, Япония.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: v.usakov@spbu.ru (В.А. Ушаков), m.evseviev@spbu.ru (М.Ю. Евсевьев), ariadnapetrova@yandex.ru (А.А. Петрова), voxana2006@yandex.ru (О.Б. Вахромеева), sohor@mail.ru (Т.Е. Сохор)

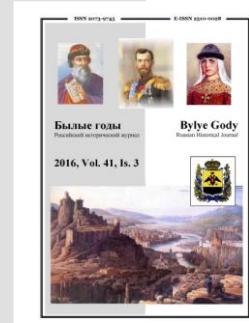

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
ISSN: 2073-9745
E-ISSN: 2310-0028
Vol. 41, Is. 3, pp. 650-657, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 355

The Personnel of the Russian Army in the Caucasus in 1830–1840-ies

Vladimir B. Karataev ^{a, *}, Anna A. Ostrovskaya ^b, Tatiana V. Kokuytseva ^b, Alexander S. Semenov ^b

^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, Russian Federation

^b Institute of Space Technologies, Peoples' Friendship of University of Russia, Russian Federation

Abstract

The article presents the personnel structure of the Russian army in the Caucasus in the period of 1830-1840-ies. The attention is paid to the problems of recruitment, and the study of everyday service of soldiers and officers.

There are used the materials of the regional and local archives, namely the State archive of the Krasnodar Krai and the Archival department of administration of Sochi city (Russian Federation), as well as sources of a personal origin (memoirs). The work is widely used the pre-revolutionary, soviet and modern russian literature.

The study methods are the principles of objectivity, historicism, systematic, integrated consideration of socio-subjective in the subject of study.

In conclusion, the authors note that despite of the difficulties of manning the army units in the Caucasus (the flight of the soldiers, crimes, etc.) the military situation and competent management of units, and equally significant terms of service allowed to melt antisocial composition of the number of recruits into combat-ready joint. Russian officers played a significant role in the training and re-recruiting of the masses.

Keywords: personnel structure, Russian army, the Caucasus, the Caucasian war.

1. Введение

Для понимания поведенческого аспекта комбатантов Кавказского корпуса при несении ими службы на территории Кавказа в период Кавказской войны большое значение имеет социальный облик кадрового состава. В данной статье мы постараемся разобраться, что представляли собой кадры Русской армии на Кавказе в период войны.

2. Материалы и методы

2.1. В качестве материалов использованы документы региональных и местных архивохранилищ (Государственный архив Краснодарского края и Архивный отдел администрации города Сочи), а также источники личного происхождения (мемуары). В работе широко использовалась дореволюционная, советская и современная российская литература.

2.2. Методами исследования явились принципы объективности, историзма, системности, комплексного учета социально-субъективного в предмете изучения. Отмечается нейтральность отношения исследователя к интерпретации и оценке фактического материала.

3. Обсуждение

Вопросы кадрового обеспечения русской армии неоднократно поднимались как в дореволюционной, так и в последующей историографии.

В дореволюционный период теме кадрового обеспечения русской армии внимание было уделено лишь эпизодично, в основном это произведения личного происхождения: мемуары, письма и

* Corresponding author

E-mail addresses: vladimir-karataevo@rambler.ru (V.B. Karataev), ostrovskaya_aa@pfur.ru (A.A. Ostrovskaya), kokuytseva_tv@pfur.ru (T.V. Kokuytseva), semenov_als@pfur.ru (A.S. Semenov)

дневники. В связи с этим можно назвать труды следующих авторов А.П. Гаденко (Гаденко, 1912), Н. Дубровина (Дубровин, 1871), А.М. Зайончковского (Зайончковский, 1908), С. Эсадзе (Эсадзе, 1914), Ф.Г. Уманца (Уманец, 1912), Ф.А. Щербина (Щербина, 1992) и др.

Из фундаментальных источниковедческих работ можно отметить труды АКАК (Акты, собранные Кавказской археографической комиссией), изданные в Тифлисе многочисленными томами. Тома издавались по мере накопления материала (например, т.3 – в 1879 г., т.9 – 1881 г., т. 10 – 1885 г.) и содержали документы и мемуарные произведения, относящиеся к Кавказской войне.

Немалое внимание Кавказской войне было уделено в многотомной работе «Кавказский сборник», издававшейся, как и труды АКАК, в Тифлисе. Том 5, изданный в 1880 г., был посвящен военным действиям в Кубанской области в 1861–1864 гг.; том 13, изданный в 1899 г., – событиям 1840–1842 гг. на Кавказе.

В советский период появился ряд работ, в которых в том числе рассматривался кадровый состав русской армии. Здесь необходимо назвать работу А. Керсновского (Керсновский, 1993), А. Фадеева «Убыли в освободительном движении на Западном Кавказе» (Фадеев, 1935), Н. Дубровина «Черкесы» (Дубровин, 1927) и некоторые другие.

В современный российский период эта тема затрагивалась в работах Б.Д. Герасименко (Герасименко, 2001), А.В. Шишова (Тайны Кавказских войн, 2005), А.Д. Панеш (Западная Черкесия, 2007), Я.А. Гордина (Кавказ, 2000), С.В. Волкова (Волков, 2002), А.А. Черкасова (Cherkasov et al., 2013). Следует отметить и «Очерки истории Кубани с древнейших времен по 1920 г.» (Очерки истории, 1996).

4. Результаты

4.1. Нижние чины

Комплектование Русской армии нижними чинами в период Кавказской войны производилось по рекрутскому уставу 1831 г. (Зайончковский, 1908: 413) В то время от рекрутской повинности были освобождены дворяне, купцы, почетные граждане, дети священников (которые пошли по духовной линии). Повинность была обязательна для солдатских детей, крестьян, мещан.

Повинность была не индивидуальная, а коллективная, то есть русское правительство предъявляло требование поставить рекрута к определенной группе лиц, а те уже сами выбирали, кого отправить в армию. В начале XIX в. от каждых 0,5 тыс. человек в армию в среднем брали по 2–3 человека.

Кроме того, в армию отправляли в качестве наказания по желанию помещика, по приговорам судов или сельских сходов. При этом по приговору суда в армию отправляли и государственных преступников, в том числе и из сословий, освобожденных от рекрутской повинности. Естественно, что зачастую общины старались избавиться путем отправки в армию от наиболее «буйных» элементов. Так, в «Уложении о наказаниях уголовных и исправительных» в редакции 1845 г. дается перечень проступков, за которые допускалась отдача в солдаты в наказание взамен ссылки в Сибирь (Зайончковский, 1908: 415).

Практиковалась и система найма наемников взамен себя. Количество таких заместителей доходило до 10 тыс. в год. Учитывая, что за 1835–1854 гг. в среднем призывалось 80 тыс. чел. в год эта цифра выглядит довольно значительной.

Таким образом, вся тягость военной службы ложилась на наименее обеспеченные слои общества. Всего же, около 20 % населения империи имело право на освобождение от рекрутской повинности. В среднем один служащий приходился на 26 душ мужского пола, подлежащих повинности.

Возраст принимаемых на службу составлял от 20 до 35 лет. Срок службы был установлен в 22–25 лет, а с 1834 г. – 20 лет (Керсновский, 1993: 14). Прослуживших 20 лет, а с 1851 г. 15 лет, увольняли на 5 лет в бессрочный отпуск, во время которого они ежегодно собирались на 1 месяц на военные сборы, по истечению этого срока службы они увольнялись из армии.

Высокие сроки службы пугали потенциальных рекрутов. Столь продолжительная служба практически полностью отрывала солдат от своей семьи. Учитывая, что люди подлежали призыву в возрасте от 20 до 35 лет, то на протяжении значительного периода жизни военнслужащие оказывались в «подвешенном» состоянии. Отсюда и значительное распространение членовредительства и побегов рекрутов. Беглые были явлением обычным в то время. В подтверждение этого служат наличие специальных поощрений для командиров подразделений (рот и эскадронов) «за неимение бежавших во вверенных им частях» в относительно короткий трехлетний срок. Правда следует отметить, что данные тенденции были характерны для всех армий мира, комплектуемых на основе рекрутской повинности.

Самых высоких, сильных и красивых рекрутов отправляли в гвардию. Раскольников и попавшиеся «в буйствах и дерзостях» назначались на Кавказ и Сибирь; отданные за дурное поведение – преимущественно в гарнизонные и военно-рабочие части; бродяги и преступники – во внутренние гарнизонные и линейные батальоны.

Таким образом, Кавказ был местом службы наиболее «буйных» элементов в рядах Русской армии. Это объяснялось несколькими причинами: во-первых, на Кавказе была ситуация

перманентной войны и в ее условиях давался шанс искупить свою вину; во-вторых, на Кавказе традиционно были более тяжелые условия службы в бытовом и санитарном отношении (непривычная горная местность, влажный климат, трудности со снабжением). Разжалованные и сосланные на Кавказ в армию имели шанс своими действиями получить прощения и вернуться к прежней жизни. При этом преступники и ссыльные неоднократно проявляли себя. Так, в рапорте по итогам высадки десанта в устье р. Субаши 3 мая 1839 г. генерал-лейтенант Н.Н. Раевский-младший отмечал, что великолепно себя проявили Тенгинского пехотного полка унтер-офицер Антонович и черноморского № 5 батальона рядовой Филипп Васильев (Антонович был за нарушение закона определен из студентов Московского университета в армию в 1832 г. и на протяжении 7 лет неоднократно проявлял себя как храбрый и отличный солдат. Васильев же разжалован из чиновников комиссариатского ведомства в 1836 г. за неподчинение и так же проявил себя с самой лучшей стороны) (АОАГС. Ф. Р-348, Оп. 1. Д. 5. Л. 10). При этом генерал Раевский особо отметил этих солдат из всей массы личного состава. Учитывая, что десантный отряд насчитывал около 5 тыс. чел., то видимо Васильев и Антонович действительно проявили чудеса храбрости.

Однако не следует считать, что условия службы на Кавказе были просто невыносимы. Отнюдь. Они были лишь незначительно хуже условий службы на других окраинах Российской империи. К тому же сам по себе Кавказ в отношении санитарных условий не был однороден. В Закавказье условия службы были наиболее приемлемы как в бытовом плане, так и по интенсивности боевых действий. Наиболее тяжелыми условия службы были на территории Черноморской береговой линии, благодаря заболоченной местности, которая способствовала различным заболеваниям.

Также следует делить воинские подразделения, принимавшие участие в боевых действиях на Кавказе, по привилегированности. Дело в том, что на Кавказ периодически направляли армейские части из Центральной России на определенный срок (чаще всего на несколько лет). Следовательно, в таких условиях на Кавказе могли оказаться и вполне благополучные с точки зрения подбора личного состава воинские подразделения. На Кавказе постоянно несли службу несколько казачьих войск – Черноморское, Кавказское Линейное, Терское, Азовское (Karataev et al., 2016). Набор личного в подразделения этих войск осуществлялся в порядке очередности несения службы казаками без градаций «буйных подальше, высоких и рослых – поближе», т.к. данные казацкие войска были поселены в пределах Кавказа и весь уклад жизни его служащих был подчинен непосредственному ведению боевых действий против горцев. В другие регионы данные казацкие войска свои подразделения отправляли лишь в случае крупномасштабной войны с сильным противником, в качестве примера можно упомянуть события войны 1812 года.

На территории Черноморской береговой линии в боевых действиях принимали участие самые разные воинские подразделения. Так, в десантных операциях в качестве ударной силы использовались наиболее элитные (по меркам Кавказа) части – пехотные и гренадерские полки, казачьи части, артиллерия, сводные стрелковые подразделения флота и т.д. При этом некоторые подразделения имели значительный опыт участия в десантах и становились неизменными участниками всех подобных операций. Наиболее прославились своими действиями в подобных мероприятиях Навагинский и Тенгинский пехотные полки.

В то же время, постоянную гарнизонную службу в крепостях и укреплениях Черноморской береговой линии несли черноморские линейные батальоны, личный состав которых был наименее качественным. Это не означает, что в таких подразделениях сплошь и рядом служили преступники или «буйные», но их процент в таких подразделениях был выше, по сравнению с другими частями. Служба на окраинах при непосредственном контакте с неприятелем должна была оградить общество от социально опасных элементов и в тоже время принести пользу государству. Бежать солдатам из таких подразделений было некуда, разве только к неприятелю. Необходимо отметить, что число беглых солдат среди горцев на Кавказе было довольно значительным. Польский эмиссар Теофил Лапинский полагал, что ежегодно из русской армии убегало до 4 тыс. человек, из которых три пятых находились в Шапсугии и Абадзехии, две пятых – в Убыхии (Лапинский, 1995: 146). То есть, по мнению Т. Лапинского значительное количество беглых солдат находилось на побережье Черного моря, в зоне деятельности Черноморской береговой линии.

Если рассмотреть психологический облик комбатанта перешедшего на стороны противника, то можно увидеть, что часто случалось, что беглые представляли из себя несчастных людей, уклонившихся от тяжелой, долгой службы, боявшихся жестокого наказания. Такие беглые были безобидны, они бродили вокруг селений, питались подаяниями и большей частью возвращались из побега добровольно. Но иногда беглецами делались действительно порочные личности, которые подбирали себе шайку и производили жестокие грабежи. Опасаясь быть выданными или, еще того хуже, проданными в рабство куда-нибудь в Турцию или Персию, они не переходили за Кубань, а скрывались в лесах. Это были разбойники гораздо более опасные, чем горцы. Они знали местность, язык, имели иногда друзей и сторонников по постам и потому могли с большим успехом разгуливать всюду, похищая то, что плохо лежит.

Один из таких случаев был описан в журнале «Русский архив»: «В конце сороковых и в первой половине 50-х гг. особенно плохо приходилось жителям Наура и окрестных станиц (район Терека – Авт.). Война не особенно пугала казаков и не слишком разоряла их. К ней привыкли, как к

неизбежной необходимости: но утомляла казаков невозможность спокойно работать. Горцы, как дикие кошки, переправлялись на нашу сторону небольшими шайками, грабили и разбойничали. Приходилось все полевые, а в особенности садовые работы, производить с ружьем за плечами. В особенности стало тяжело, когда в набегах горцев приняли участие наши беглые казаки: Филат Алешечкин, Зот Черин, Иван Фролов, Наум Вавилов, Михай Гуляев, а в особенности Яков Алтапов. Отрезав себе преступлениями путь к возврату на родину в станицы, беглецы эти совершенно сроднились и сблизились с чеченцами, и образовывали совместно с ними хищнические шайки» (Чернозубов, 1912: 70-71).

Беглые с оружием в руках принимали участие и в захвате русских крепостей. Так, например, дезертиры участвовали в штурме Михайловского укрепления (АКАК, 1884: 482).

Военные законы жестоко карали за бегство, особенно за рецидив, но, по мнению простого народа это не было тяжким преступлением. Вот как описывал поручик Ракович настроения солдата накануне побега: «Иной солдат вдруг становился задумчивым, начинал уединяться, смотреть на «ту» сторону, вздыхать часто, копить сухари, раздобывал, наконец, нож, и все знали, что человек задумал «податься в горы», т.е. бежать, но начальству не говорили. Наконец солдат исчезал; не было его день, не было два, тогда докладывали ротному командиру; тот производил дознание, подавал рапорт и солдат начинал «числиться в бегах». Если он в душе порядочный солдат, то уносил с собой как можно меньше казенного имущества; если же это была какая-нибудь дрянь, то обворовывал даже своих товарищей, и к таким солдаты бывали безжалостны. Фельдфебель, докладывая об исчезновении солдата, иногда говорил: «этот вернется, ваше благородие!». Ротный командир переживал некоторое время, и действительно солдат возвращался, но истерзанный, голодный, исхудалый. Вздуют его хорошенько и делу конец. Немедленно рапортовали о беглых тогда, когда уход сопровождался преступлением или кражей, при чем унесенное исчислялось до пуговицы и блях включительно, не говоря уже об оружии и боевых патронах. Тяжела была жизнь в бегах между двух огней; с одной стороны грозили плен, вечное рабство, с другой стороны – суд, шпицрутены, штрафы. Недолго беглецы выдерживали скитальческую, бесприютную, голодную жизнь и, истомившись, возвращались обратно; тут-то и нужен был такт со стороны ротного командира, чтобы разглядеть в возвратившемся случайного, вынужденного беглеца или закоренелого преступника» (Тенгинский полк, 1900: 107). Что не все «беглые» представляли из себя негодный элемент, лучшим доказательством служит один из знаменитых героев русской армии Архип Осипов, который за побег был оштрафован, проходил сквозь строй и все же в критическую минуту оказал почти беспримерный подвиг.

Дезертирство вообще было большим местом во всех армиях с рекрутской системой и долговременной службой; в кавказских же войсках, служивших издавна ссыльным местом, оно было еще чувствительнее. В Тенгинском полку в 1831 году числилось в бегах – 131 человек (Тенгинский полк, 1900: 107); на укомплектование же поступило из российских полков 99 оштрафованных солдат (Тенгинский полк, 1900: 107). Помимо этого в Тенгинский полк в качестве пополнения стали поступать различные сектанты: молокане, духоборцы, иконоборцы, иудействующие и др. на бессрочную службу, «если не изъявят желание снова обратиться в православие». Специально для этого контингента в ротных библиотеках имелись книги – «Краткий катехизис» и «Краткая Священная история» (Тенгинский полк, 1900: 111-112). В 1837 году в Тенгинском полку служили в качестве рядовых и декабристы: Нарышкин (бывший полковник), Лорер (бывший майор), кн. Одоевский (бывший корнет), барон Черкасов (бывший поручик) и Лихарев (бывший подпоручик) (Тенгинский полк, 1900: 168).

Чтобы хоть несколько снизить число побегов, командир Тенгинского полка полковник Лисаневич, предлагал ротным командирам «потреблять вместо строгости кротость и благонравие; доводить к познанию порядка военной службы постепенно, но не вдруг требовать от них всего. Каждого солдата нужно иметь у себя на замечании, особенно из определенных вновь бродяг, преступников и рекрут, коим первоначально даже не должно давать свободы к тайным разговорам с людьми, подвергшими себя неоднократным наказаниям; они подговаривают и других к сделанным ими порокам» (Тенгинский полк, 1900: 107). Обращает на себя внимание обращение полковника Лисаневича к самим нижним чинам: «многие из вас, сделав проступок по службе, отчаиваются получить прощение и пользоваться награждением начальства и увольнением в отставку, влекут за одним 2-й и 3-й проступок, не вникнув, что милость Государя Императора простирается даже на самых закоренелых злодеев, и вы хорошим поведением и усердием к службе не можете лишиться права на внимание высшего начальства» (Тенгинский полк, 1900: 107).

Подобные обращения к солдатам имели положительные последствия.

В бегах в Тенгинском полку числилось с 1 июня 1835 года по март 1837 года 286 человек. По этому поводу командир полка 28 марта доносил: «По точному рассмотрению причин к побегам, я более никакой не нахожу, как только значительное число в полку штрафovaných людей, бродяг и рекрутов». С 1 января 1836 по март 1837 годов поступило: рекрут, в числе которых и конскрипты – 835 человек, из них: бродяг – 4, поляков (пленных) – 83, штрафovaných – 38, зачисленных по поимке из бегов – 44. Сверх того состояло прежде в полку наказанных по службе за разные преступления – 208 человек, отданных на службу за преступления – 135 человек. Всего «ненадежных» в полку числилось 1248 человек (Тенгинский полк, 1900: 169).

Удивительно, но часто именно ранее оступившиеся люди творили чудеса. Так, 27 мая 1837 года во время прикрытия работ по строительству форта Головинского на боевое охранение горцы осуществили 13 рукопашных атак. В ходе этих дел отличился унтер-офицер Феликс Ордынский, выходец из государственных преступников ([Тенгинский полк, 1900: 186](#)).

В то же время, боевые действия на Кавказе отличались от общих канонов ведения войны и носили набегово-карательный характер. В таких условиях «буйные» могли активно проявлять себя, так как они часто записывались в охотники (добровольцы-разведчики) и осуществляли глубокие разведывательные поиски на территории противника. Иными словами, в таких условиях, когда их жизнь зависит только от них самих, а кругом был неприятель, они могли применить, в том числе и свои преступные навыки на пользу государству. В тоже время, практиковался перевод из элитных подразделений солдат на Кавказ, для повышения эффективности действий подразделений и сокращения потерь личного состава. Так, по указу императора Николая I в марте 1840 г. в Черноморские линейные батальоны вместо необученных рекрут отправили 1270 старослужащих из Крыма из состава 5-го пехотного корпуса ([АОАГС. Ф. Р-348, Оп. 1. Д. 6. Л. 22](#)).

Кавказ был местом ссылки и самых известных государственных преступников той эпохи – декабристов. Среди них были известные поэты и писатели (но в первую очередь офицеры русской армии): А.А. Бестужев-Марлинский (на Кавказе с 1829 г., с 1836 г. служил в Грузинском гренадерском полку. Погиб 7 июля 1837 г. при высадке десанта у Константиновского мыса (современный Адлер). Во время этой операции был среди охотников-добровольцев) ([Ворошилов, 2006: 177-182](#)); А.И. Одоевский (на Кавказе с 1837 г. рядовым в Тенгинском пехотном полку. Участвовал в десантах на территории Черноморской береговой линии. Умер от малярии в 1839 г. при строительстве форта Лазарева ([Ворошилов, 2006: 254-256](#)) (современный поселок Лазаревское). В армию на Кавказ ссылали участников Польского восстания 1830–1831 гг. Среди дезертиров по данным Т. Лапинского больше всего было именно поляков – более половины от всех дезертиров ([Лапинский, 1995: 146](#)).

Нужно отметить, что региональные особенности Кавказской войны на побережье никак не защищали беглых солдат от возвращения в строй. Так, например, военнотружущих из числа татар переходило на сторону черкесов в среднем по 600 человек в год, из которых три шестых оставались в стране как рабы, две шестых продавались в Турцию и одна шестая отводилась назад к русским ([Лапинский, 1995: 146-147](#)).

Летом 1851 года по требованию пристава Джигетского народа майора Павлова (командир форта Св. Духа и 8-го Черноморского линейного батальона) горцы начали возвращать бежавших к ним солдат ([ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1189. Л. 12](#)).

Однако все вышеприведенное не означает, что в русской армии того времени и в особенности на Кавказе служили исключительно асоциальные элементы. Дело обстояло значительно сложнее. Армия во все времена была делом крайне обременительным (как для государства, так и для комбатантов) и желающих служить было в разы меньше потребностей. Но те, кого все-таки отправляли служить, редко проявляли трусость или предательство. Большие сроки службы в русской армии позволяли подготовить высокопрофессиональных солдат. Особенно это относилось к унтер-офицерам – к младшему командному составу.

4.2. Офицерский состав

Получение офицерского чина в Русской императорской армии означало вхождение его обладателя в высшую социальную касту Российской империи. Офицерское общество русской армии не было однородно в плане своего происхождения, образовательного уровня, финансовых возможностей.

Является глубоким заблуждением мнение о том, что все офицеры в русской армии были из среды потомственных дворян. Данная путаница вызвана тем, что получение первого офицерского чина влекло за собой получение потомственного дворянства. То есть, унтер-офицер, получивший офицерский чин, автоматически становился частью самого привилегированного сословия Российской империи. Потому при определении принадлежности к тому или иному сословию подданных империи все офицеры русской армии относились к потомственным дворянам. В исследуемый период до четверти всех офицеров были недворянского происхождения.

Способов получения офицерского чина в русской армии было несколько. Окончание военно-учебного заведения долгое время не давало автоматического права на получение офицерского чина. Выпускников отправляли в части унтер-офицерами и потом производили в офицеры на вакансии. Правда, этот процесс занимал всего несколько месяцев. С 1830 г. всех выпускников сразу производили в офицеры и отправляли в войска.¹ Качество обучения в военно-учебных заведениях русской армии было высоким. Однако военно-учебные заведения давали лишь четверть требуемого числа офицеров, поэтому вплоть до военных реформ Александра II основным способом пополнения офицерского корпуса было производство из унтер-офицеров.

Большая часть дворян поступала на службу не имея специального военного образования. Чаще всего у них за плечами было домашнее обучение (часто очень высокого уровня), либо гражданские

¹ В исследуемый период в России было 21 военно-учебное заведение.

учебные заведения уровня школы или гимназии. Дворяне принимались на службу в исследуемый период сразу в унтер-офицерских чинах. Поступившие «на правах дворян» производились через 2 года службы в офицеры на вакансии в свои части и через 3 года – в другие части (Волков, 2002: 69).

Поступившие «на правах студентов» (любого происхождения, но имеющие за плечами высшее образование) сразу принимались с унтер-офицерским чином и производились в офицеры через 3 месяца для тех, кто имел степень кандидата наук и через 6 месяцев для тех, кто не имел кандидатской степени. При этом ни дворяне, ни «студенты» при производстве в офицеры не сдавали никаких экзаменов (Волков, 2002: 68).

Остальные вольноопределяющиеся производились в офицеры после 4–12 лет службы в унтер-офицерском чине (в зависимости от принадлежности к той или иной социальной группе). При производстве в офицеры данная категория сдавала экзамен на знание службы.

Так из троих офицеров, допрошенных следователем подполковником Лейб-гвардии драгунского полка Мейером по делу о хищении мин в форте Навагинском весной 1851 г., двое вступили в службу унтер-офицерами, т.е. не имели за плечами специального образования (это были: воинский начальник форта Навагинского Черноморского № 11 батальона майор Кириллов и командир 2-й линейной роты Черноморского № 8 батальона штабс-капитан фон Регенкампер) (АОАГС. Ф. Р-348, Оп. 1. Д. 6. Л. 89, 117), а один – рядовым, то есть поступил по рекрутской повинности (штабс-капитан Михайлов) (АОАГС. Ф. Р-348, Оп. 1. Д. 6. Л. 126).

Призванные по рекрутской повинности производились в офицеры после 10 лет службы в гвардии или 18 лет во внутренней страже в унтер-офицерских чинах (Волков, 2002: 70). При этом для получения унтер-офицерских чинов данной категории надо было прослужить определенное количество лет рядовыми.

При определении офицеров по подразделениям руководствовались некоторыми принципами. Лучших выпускников военно-учебных заведений назначали в гвардию, инженеры или артиллерию. Остальных (в том числе и вольноопределяющихся) распределяли в зависимости от образовательного уровня и происхождения в армейские части по следующей шкале (по убыванию престижности): гренадерские полки, пехотные и егерские полки и кавалерия, гарнизонные полки и батальоны, линейные батальоны, подразделения внутренней стражи.

Таким образом повторялась ситуация схожая с распределением нижних чинов. Применительно к Черноморской береговой линии это означало, что в черноморские линейные батальоны на службу отправлялись наименее качественный личный состав – как рядовой и унтер-офицерский, так и офицерский. Остальные же части, принимавшие участие в боевых действиях на территории Черноморской береговой линии, можно отнести к вполне благополучным подразделениям (относительно качества личного состава). Это относится к пехотным и егерским полкам, артиллерийским подразделениям и инженерам.

В то же время, штаб-офицеры и генералы, принимавшие участие в боевых действиях на Кавказе бесспорно относятся к военной элите русской армии николаевской эпохи. Ведь только наиболее грамотные и храбрые офицеры в русской армии могли дослужиться до штаб-офицерских чинов. Если очередной обер-офицерский чин можно было получить, просто выслужив определенные срок в предыдущем чине и при наличии вакансии полку, то производство в штаб-офицерские чины происходило только за отличие на вакансии по всей армии империи. Таким образом, если в среде обер-офицеров могли оказаться не вполне грамотные офицеры, то в среде штаб-офицеров данная ситуация практически исключалась.

Генералитет Кавказского корпуса вообще можно отнести к высшей элите имперской России. Большинство генералов, командовавшие подразделениями на Кавказе, имели лучшее образование. Многие были участниками Отечественной войны 1812 г. и Заграничного похода русской армии 1813–1814 гг. Большинство из них обладало помимо военных дарований еще и недюжинными способностями дипломатов и управленцев. Учитывая специфику службы, им приходилось вести переговоры с целыми народами и управлять не только войсками, но и регионами. Среди них можно выделить: А.А. Вельяминова, Г.В. Розена, Е.А. Головина, М.М. Ольшевского, Н.Н. Раевского-младшего, А.П. Ермолова (Зайцев, 2010) и многих других.

5. Заключение

Таким образом несмотря на сложности комплектования армейских частей на Кавказе (бегство солдат, преступления и т.д.) военная обстановка и грамотное управление подразделениями, а также не в меньшей степени значительные сроки службы позволили переплавить асоциальный состав из числа рекрутов в боеспособные соединения. Видную роль в деле обучения и перевоспитания рекрутской массы сыграло русское офицерство.

6. Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта «Малые народы в экстремальных условиях войны и мира (историко-сравнительное исследование)». Шифр: 100.01, а также при финансовой поддержке Минобрнауки России (Соглашение №20.а03.21.0008).

Литература

- АКАК, 1884 – Акты Кавказской археографической комиссии. В 12 т. Т. 9. Тифлис, 1884.
 АОАГС – Архивный отдел администрации города Сочи.
 Волков, 2002 - Волков С.В. Офицеры российской гвардии: Опыт мартиролога. М., 2002.
 Ворошилов, 2006 - Ворошилов В.И. История убыхов. Майкоп, 2006.
 ГАКК – Государственный архив Краснодарского края.
 Гаденко, 1912 - Гаденко А.П. Азовское казачье войско (1830–1865 гг.). Кашира, 1912.
 Герасименко, 2001 - Герасименко Б.Д. Очерки истории Новороссийска. Новороссийск, 2001.
 Дубровин, 1871 - Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871. Т.1.
 Дубровин, 1927 - Дубровин Н. Черкесы. Краснодар, 1927.
 Керсновский, 1993 - Керсновский А. История русской армии. В 4 т. Т. 2. М., 1993.
 Зайончковский, 1908 - Зайончковский А.М. Восточная война 1853–1856 гг. СПб., 1908.
 Зайцев, 2010 - Зайцев А.М. А.П. Ермолов: военный и политик // История и историки в контексте времени. 2010. № 7. С. 23–35.
 Западная Черкесия, 2007 - Западная Черкесия в системе взаимодействия России с Турцией, Англией и имамом Шамиля в XIX в. (до 1864 г.). Майкоп, 2007.
 Кавказ, 2000 - Кавказ: Земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX в. СПб., 2000.
 Лапинский, 1995 - Лапинский Т. Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Нальчик, 1995.
 Очерки истории, 1996 - Очерки истории Кубани с древнейших времен по 1920 г. / Под общ. ред. В.Н. Ратушняка. Краснодар, 1996.
 Тайны Кавказских войн, 2005 - Тайны Кавказских войн. М., 2005.
 Тенгинский полк, 1900 - Тенгинский полк на Кавказе. 1819–1846 гг. / Сост. поруч. Ракович. Тифлис. 1900.
 Уманец, 1912 - Уманец Ф.Г. Проконсул Кавказа. СПб., 1912.
 Фадеев, 1935 - Фадеев А. Убыхи в освободительном движении на Западном Кавказе // Исторический сборник. 1935. № 4.
 Чернозубов, 1912 - Чернозубов Ф. Очерки терской старины. Побег к непокорным горцам // Русский архив. 1912. № 1.
 Щербина, 1992 - Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. В 2 т. Краснодар, 1992.
 Эсадзе, 1914 - Эсадзе С. Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны. Тифлис, 1914.
 Cherkasov et al., 2013 - Cherkasov A.A., Ryabtsev A.A., Menkovsky V.I., Tarakanov V.V., Navrotsky A.V. (2013) By royal authority (Investigation data, concerning mines theft in fort navaginsky of the black sea coastal frontier. 1851). *Bylye Gody*. (27), 1: 5-15.
 Karataev et al., 2016 – Karataev V.B., Gordeev I.A., Zimovets L.G. (2016) Azov Cossack Host on the Territory of the Black Sea Coastline. *Bylye Gody*. (40), 2: 392-397.

References

- АКАК, 1884 – Akty Kavkazskoi arkheograficheskoi komissii [Acts of the Caucasus archaeological commission]. V 12 t. T. 9. Tiflis, 1884.
 АОАГС – Arkhivnyi otdel administratsii goroda Sochi [Archival department of administration of Sochi city].
 Volkov, 2002 - Volkov S.V. Ofitsery rossiiskoi gvardii: Opyt martirologa [Officers of the Russian guard: the experience of the martyrology]. M., 2002.
 Voroshilov, 2006 - Voroshilov V.I. Istoriya ubykhov [The history of the ubykh]. Maikop, 2006.
 ГАКК – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnodarskogo kraya [State archive of Krasnodar Krai].
 Gadenko, 1912 - Gadenko A.P. Azovskoe kazach'e voisko (1830–1865 gg.) [Azov Cossack army (1830-1865)]. Kashira, 1912.
 Gerasimenko, 2001 - Gerasimenko B.D. Ocherki istorii Novorossiiska [Essays on the history of Novorossiysk]. Novorossiysk, 2001.
 Dubrovin, 1871 - Dubrovin N. Istoriya voiny i vladychestva russkikh na Kavkaze [The history of war and Russian domination in the Caucasus]. SPb., 1871. T.1.
 Dubrovin, 1927 - Dubrovin N. Cherkesy [Circassians]. Krasnodar, 1927.
 Kersnovskii, 1993 - Kersnovskii A. Istoriya russkoi armii [The history of the Russian army]. V 4, t. T. 2. M., 1993.
 Zaionchkovskii, 1908 - Zaionchkovskii A.M. Vostochnaya voina 1853–1856 gg. [The Eastern war of 1853-1856]. SPb., 1908.
 Zaitsev, 2010 - Zaitsev A.M. A.P. Ermolov: voenniy i politik [A.P. Ermolov: soldier and politician] // *Istoriya i istoriki v kontekste vremeni*. 2010. № 7. S. 23–35.
 Zapadnaya Cherkesiya, 2007 - Zapadnaya Cherkesiya v sisteme vzaimodeistviya Rossii s Turtsiei, Anglii i imamatom Shamiya v XIX v. (do 1864 g.) [The Western Circassia in the system of interaction of

Russia with Turkey, England and the Imamate of Shamil in the nineteenth century (until 1864)]. Maikop, 2007.

[Kavkaz, 2000](#) - Kavkaz: Zemlya i krov'. Rossiya v Kavkazskoi voine XIX v. [The Caucasus: Land and blood. Russia in the Caucasian war of the XIX century]. SPb., 2000.

[Lapinskii, 1995](#) - *Lapinskii T.* Gortsy Kavkaza i ikh osvoboditel'naya bor'ba protiv russkikh [The highlanders of the Caucasus and their liberation struggle against russian]. Nal'chik, 1995.

[Ocherki istorii, 1996](#) - Ocherki istorii Kubani s drevneishikh vremen po 1920 g. [Essays on the history of Kuban from ancient times to 1920] / Pod obshch. red. V.N. Ratushnyaka. Krasnodar, 1996.

[Tainy Kavkazskikh voyn, 2005](#) - Tainy Kavkazskikh voyn [Mysteries of the Caucasian wars]. M., 2005.

[Tenginskii polk, 1900](#) - Tenginskii polk na Kavkaze. 1819–1846 gg. [Tenghinka regiment in the Caucasus. 1819-1846.] / Sost. poruch. Rakovich. Tiflis. 1900.

[Umanets, 1912](#) - *Umanets F.G.* Prokonsul Kavkaza [Proconsul of the Caucasus]. SPb., 1912.

[Fadeev, 1935](#) - *Fadeev A.* Ubykhi v osvoboditel'nom dvizhenii na Zapadnom Kavkaze [Ubykhs in the liberation movement in the Western Caucasus] // Istoricheskii sbornik. 1935. № 4.

[Chernozubov, 1912](#) - *Chernozubov F.* Ocherki terskoi stariny. Pobegi k nepokornym gortsam [Essays of Terek antiquity. Escapes to rebellious highlanders] // Russkii arkhiv. 1912. № 1.

[Shcherbina, 1992](#) - *Shcherbina F.A.* Istoriya Kubanskogo kazach'ego voiska [The history of the Kuban Cossack army]. V 2 t. Krasnodar, 1992.

[Esadze, 1914](#) - *Esadze S.* Pokorenie Zapadnogo Kavkaza i okonchanie Kavkazskoi voiny [The conquest of the Western Caucasus and the end of the Caucasian war]. Tiflis, 1914.

[Cherkasov et al., 2013](#) - *Cherkasov A.A., Ryabtsev A.A., Menkovsky V.I., Tarakanov V.V., Navrotsky A.V.* (2013) By royal authority (Investigation data, concerning mines theft in fort navaginsky of the black sea coastal frontier. 1851). *Bylye Gody*. (27), 1: 5-15.

[Karataev et al., 2016](#) – *Karataev V.B., Gordeev I.A., Zimovets L.G.* (2016) Azov Cossack Host on the Territory of the Black Sea Coastline. *Bylye Gody*. (40), 2: 392-397.

УДК 355

Кадровый состав Русской армии на Кавказе в 1830–1840-е гг.

Владимир Борисович Каратаев ^{a, *}, Анна Александровна Островская ^b, Татьяна Владимировна Кокуйцева ^b, Александр Сергеевич Семенов ^b

^a Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Российская Федерация

^b Институт космических технологий РУДН, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается кадровый состав Русской армии на Кавказе в период 1830–1840-е гг. Уделено внимание проблемам комплектования, а также изучению повседневной службы солдат и офицеров.

В качестве источников были использованы материалы региональных и местных архивохранилищ, а именно Государственного архива Краснодарского края и Архивного отдела администрации города Сочи (Российская Федерация), а также источники личного происхождения (мемуары). В работе широко использовалась дореволюционная, советская и современная российская литература.

Методами исследования явились принципы объективности, историзма, системности, комплексного учета социально-субъективного в предмете изучения.

В заключении авторы отмечают, что несмотря на сложности комплектования армейских частей на Кавказе (бегство солдат, преступления и т.д.) военная обстановка и грамотное управление подразделениями, а также не в меньшей степени значительные сроки службы позволили переплавить асоциальный состав из числа рекрутов в боеспособные соединения. Значительную роль в деле обучения и перевоспитания рекрутской массы сыграло русское офицерство.

Ключевые слова: кадровый состав, Русская армия, Кавказ, Кавказская война.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: vladimir-karataevo@rambler.ru (В.Б. Каратаев), ostrovskaya_aa@pfur.ru (А.А. Островская), kokuyteva_tv@pfur.ru (Т.В. Кокуйцева), semenov_als@pfur.ru (А.С. Семенов)

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 41, Is. 3, pp. 658-665, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94

Guardianship in Activity Local Governments in the Kalmyks of the XIX – early XX centuries

Irina V. Lidgieva^{a, *}

^a Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

In the first half of the 19th century. The Russian government has adopted a number of the acts entering the Kalmyk steppe into the all-Russian control system. The "Provision on management of the Kalmyk people" approved on April 23, 1847. As the royal decree of Nicholas II approved system of local governing bodies and for the first time in the Kalmyk steppe at the legislative level has issued the right for implementation of local government in shape the ulus and the imacy gatherings of descents. The purpose of this article is the analysis of social policy of local governments of the Kalmyk steppe in the 19th centuries, on the example of guardianship and guardianship. Ulus and imacy gatherings gatherings societies elected trustees, control of their activity was exercised, in this regard it should be noted that public management in turn, carried out legal protection of personal and property interests of this category of the population. Research is constructed on the basis of the principles of scientific character and objectivity. As methods of research are used: statistical, allowed to give the quantitative characteristic of the population of the Kalmyk steppe and reconstructive – to restore the separate facts and the mechanism of activity of local governments in the social sphere. Thus, guardianship and guardianship were one of the important directions in activity of local governments of the Kalmyk steppe, allowed to give effective help in the organization of the help to socially unprotected segments of the population.

Keywords: The Kalmyk steppe, local government, gathering, sentence, social policy, social care, custody and guardianship.

1. Введение

В XVII в. калмыцкий народ добровольно вошел в состав российского государства. Но еще до принятия российского подданства у калмыков сложилась своя система государственного управления и правовые нормы, которые были перенесены ими в пределы России. В первой половине XIX в. Российским правительством был принят ряд законодательных актов, введивших Калмыцкую степь в общероссийскую систему управления. «Положение об управлении калмыцким народом» утвержденное 23 апреля 1847 г. Высочайшим указом Николая II утверждало систему местных органов управления и впервые в Калмыцкой степи на законодательном уровне оформило право на осуществление местного самоуправления в форме улусных и аймачных сходов ([Полное, 1848: 349-372](#)).

2. Материалы и методы

2.1. Основным источником для написания статьи послужили архивные материалы Национального архива Республики Калмыкия. Кроме того были использованы опубликованные источники дореволюционных и современных авторов.

2.2. Исследование построено на основе принципов научности и объективности. В качестве методов исследования использованы: статистический, позволивший дать количественную характеристику населения Калмыцкой степи и реконструктивный – восстановить отдельные факты и механизм деятельности органов местного самоуправления в социальной сфере.

* Corresponding author

E-mail addresses: irina-lg@yandex.ru (I.V. Lidgieva)

3. Обсуждение

В российском законодательстве термин «местное самоуправление» практически не применялся до 1917 г., характерно было использование понятия «общественное управление». Изучение опыта деятельности местного самоуправления XIX – начала XX вв., как уникального социально-правового института, воплотившего в себя демократические начала и традиционные основы кочевого образа жизни, имеет большое значение для формирования современного опыта в Российской Федерации. Указанные институты вызывали большой интерес у ряда исследователей, в результате на протяжении XVIII–XIX вв. был собран богатейший эмпирический материал, который стал основой для дальнейшего изучения истории местного самоуправления (Фарфоровский, 1908; Бичурин, 1834; Бюллер, 1846; Бурдуков, 1898; Веселовский, 1918; Костенков, 1870; Костенков, 1869; Костенков, 1869; Леонтович, 1880). Например, чиновник Главного управления по делам местного хозяйства Министерства внутренних дел В.М. Грибовский в своей работе дал характеристику административного устройства, а также описание некоторых элементов института местного самоуправления калмыков. «Астраханские калмыки в своем родовом управлении делятся на семь улусов, но у калмыков «улус» означает соединение нескольких родов «аймаков» в свою очередь делящихся на более мелкие союзы. В улусах и аймаках существуют сходы – собрания. Аймачные сходы выбирают своих старшин и старост, а во главе улусов стоят назначаемые правительством попечители из чиновников» (Грибовский, 1912). Немаловажное значение при изучении темы исследования имеет работа Я.П. Дуброва «Быт калмыков Ставропольской губернии» (Дуброва, 1998), ставшая результатом его шестилетнего пребывания в Большедербетовском улусе Ставропольской губернии, где он, будучи помощником попечителя улуса, заведовал делами православного миссионерства. Наибольшую ценность представляет описание им хозяйственно-бытового и административного положения большедербетовских калмыков в конце XIX в., отмечая, что «Каждый род в отдельности, а не разделенные земельными участками, вместе составляли и составляют отдельную самостоятельную административную единицу, во главе которой до издания закона 15 марта 1892 года стоял родовой зайсанг; власть его переходила без выбора по наследству от отца к сыну и только в тех родах, где вовсе не было зайсангов (вследствие их вымирания), существовали выборные старшины. Там же где были зайсанги малолетним, родом управляли выборные опекуны». Работы другого автора – И.А. Житецкого (Житецкий, 1892; Житецкий, 1892; Житецкий, 1893) в научном отношении также являются не менее ценными. В этих трудах российский исследователь описал основные отрасли домашнего производства, некоторые черты хозяйства материальной культуры, жизни и быта калмыцкого народа в середине 80-х гг. XIX в., а также большое внимание уделил изучению социальных отношений в обществе. Также необходимо отметить работы чиновника особых поручений Министерства земледелия и государственных имуществ Н. Бурдукова. Его интересовали преимущественно аграрные вопросы Калмыкии второй половины XIX – начала XX вв. Между тем в его работе было уделено значительное внимание роли институтов местного самоуправления в деле распространения грамотности среди калмыков, где отмечалось, что «В 1891 г. на улусном сходе калмыками был составлен приговор о постройке школы внутри улуса... Не довольствуясь этой школой, имея страстное желание обучать своих детей грамоте, калмыки в память Священного Коронования Их Императорских Величеств, приговором всего улуса постановили в 1895 г. устроить четыре родовых школы и одно двухклассное училище, на что ассигновали средства из своих родовых сумм» (Бурдуков, 1898: 116).

4. Результаты

Социальная сфера – одна из основных в деятельности органов местного самоуправления, это – организация помощи старикам, сиротам, малоимущим слоям населения; работа школ, здравоохранения, органов призрения. В силу своей природы местное самоуправление позволяет при прямом участии населения наладить экономный и адресный процесс создания социальных благ. В связи с этим следует отметить, что исторический опыт развития человечества показывает, что местное самоуправление выгодно и населению (предоставленная самостоятельность позволяет раскрываться инициативе людей, за счет чего находятся дополнительные местные ресурсы для блага всех) и государству (эффективное решение многих вопросов на уровне местного самоуправления избавляет его от ряда проблем).

Социальная политика – это совокупность принципов, норм и методов, используемых государством для регулирования социально-экономических условий жизни общества и отношений между его социальными группами. К основным функциям, которой можно отнести: стабилизация, приведение к устойчивости социальных отношений и социального положения всех групп населения, а также поддержание и стимулирование экономической и социальной активности населения. В дореволюционной России в данном случае использовался термин – социальное призрение – форма социальной защиты и поддержки социально незащищенных слоев населения, которая регулировалась Уставом об общественном призрении. Согласно данному документу предметами общественного призрения являлись:

- дела по управлению благотворительными капиталами и имуществами или хозяйством, предусматривающие умножение капиталом принятием пожертвований;
- дела, собственно к призрению относящиеся: установление, содержание и управление богоугодных и общественных заведений, как-то сиротских и воспитательных домов, больниц и домов для призрения умалишенных, богаделен и работных домов для прокормления неимущих работой, заведывание общественными заведениями, учрежденными частными лицами и обществами (Устав, 1905: 2).

В Калмыцкой степи в силу кочевого образа жизни, отсутствовали стационарные социальные учреждения, между тем активная работа по оказанию помощи социально незащищенным слоям населения проводилась самими обществами. В ежегодных отчетах Главного Попечителя калмыцкого народа предоставляемых астраханскому губернатору имеется раздел «Устройство состояний» где указывалась численность социально незащищенных: «увечных, умалишенных, слабоумных, слепых, глухонемых, вообще неимущих и сирот». Анализ данного вида источника – отчетов Главного Попечителя калмыцкого народа с 1869 г. по 1889 г., отложившихся в фондах Национального архива Республики Калмыкия, позволяет реконструировать количественное состояние социально незащищенной категории населения калмыцкого общества в указанный период.

Таблица 1. Количество социально незащищенных в Калмыцкой степи Астраханской губернии (чел.)¹

№	Отчеты Главного Попечителя калмыцкого народа	Численность населения	Количество социально незащищенных
1.	За 1869 г.	118 329	80
2.	За 1872 г.	115 032	89
3.	За 1873 г.	-	67
4.	За 1874 г.	119 062	60
5.	За 1875 г.	119 046	75
6.	За 1877 г.	129 592	55
7.	За 1878 г.	128 603	47 (0,03 %)
8.	За 1885 г.	132 643	640
9.	За 1886 г.	134 951	675 (0,5 %)
10.	За 1887 г.	129 592	416
11.	За 1888 г.	136 732	433
12.	За 1889 г.	137 304	
13.	За 1890 г.	137 603	415 (0,3 %)
14.	За 1891 г.	138 394	397

Анализ данных отраженных в таблице показывает, что доля социально незащищенных составляет менее 1 % от всего населения, т.е. калмыков, проживавших в Калмыцкой степи Астраханской губернии. В 1860–1870-е гг. она не превышала 0,08 %, тогда как со второй половины 1880-х гг. была равна 0,5 %. Колебания количественных показателей категории социально незащищенные, по нашему мнению связаны с климатическими и эпидемиологическими факторами, от которых напрямую зависел уровень жизни населения Калмыцкой степи в XIX в.

Следует отметить, что ежегодно в своем отчете Главным Попечителем указывается, что «многие из этого числа живут у родственников, другие у зажиточных калмыков и наконец большая часть призревается самими обществами, чрез что, нищенства (попрашайства) в калмыцком народе не существует» (НА РК. Ф. И-9. Оп. 6. Д. 4. Л. 18). В отчете за 1877 г. приводится обоснование отсутствия нищих в Калмыцкой степи «не в характере и не в обычае народа прошение подающих: бедный ничего неимущий калмык придя в любую кибитку всегда в ней может с семьею хозяина напиться калмыцкого чаю, что и для него достаточно, но никогда не протягивает руку за подающим и не испрашивает милостыни жалостливым голосом ...» (НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 25. Л. 21 (об.)).

В сентябре 1910 г. из 15 рассмотренных вопросов на Александровско-Багацохуровском улусном сходе, шесть вопросов были посвящены оказанию материальной помощи сородичам по разным причинам, что было зафиксировано в приговоре. Так, были удовлетворены прошения калмыка Барунова рода Каршан Салиева о выдаче пособия на преобразование кибитки с домашней утварью, по случаю бывшего у него пожара, уничтожившего и кибитку, и домашнее имущество; калмыка Барунова рода Босхомджи Генденова и вдовы калмычки Зюнева рода Ользете Лиджиевой «о сложении с них по бедности недоимок и окладов за 1910 г. казенного и уравнительного сборов»; вдовы калмычки Ользете Шургучиевой о назначении ей постоянного пособия ввиду ее бедности и неспособности к труду, вследствие отсутствия рук, которых она лишилась, отморозив их в зиму; калмычки Барунова рода Киштан Лиджиевой, вдовы умершего рассыльного Багацохуровского улусного управления Лиджи Каштыкова, о выдаче ежемесячного пособия. По решению упомянутого

¹ Таблица подготовлена на основе материалов НАРК (Ф. И-9)

схода больнице Астраханского Приказа общественного призрения была уплачена недоимка в сумме 72 рублей 25 коп за лечение Икицохуровских калмыков оказавшихся не в состоянии уплатить за лечение ([НА РК Ф. И-9. Оп. 5. Д. 2032. Л. 81-83](#)).

Таблица 2. Решения улусных и аймачных обществ об оказании помощи нуждающимся однообщественникам

№	Наименование схода, дата проведения	Решение
1.	Яндыковский улусный сход, 8 июля 1890 г.	Оплатить из остатков мирских сумм 195 руб. за лечение в Приказе Общественного призрения калмыков Мочажного ведомства: калмычки Икицохуровского улуса, Хошеутова рода Тарлы Санцыковой – 40 руб., Эркетеновского улуса, Шебенерова рода Сангаджи Тюдонова – 20 руб., Харахусовского улуса Кишикте Ехавой – 135 руб. (НА РК Ф. И-9. Оп. 4. Д. 697. Л. 48)
2.	Аймачный сход общества Ибагатуктунова рода Большедербетовского улуса, 26 сентября 1895 г.	Выдать пособие лишенному зрения Бадме Деменгинову в размере 36 руб. (НА РК Ф. И-21. Оп. 1. Д. 143. Л. 1)
3.	Шабинеровский аймачный сход Александровского улуса, 10 октября 1896 г.	Постановили: что кто либо из лиц взявших ссуду не в состоянии будет платить, то таковую мы обязуемся исполнить по добровольному принуждению нашему согласию из собственных средств (НА РК Ф. И-9. Оп. 2. Д. 61. Л. 18)
4.	Александровский улусный сход, 8 сентября 1910 г.	Ассигновать 15 руб. для выдачи пособия, на восстановление разрушенной ураганом кибитки калмыка Бага-Хошут Шонхорова рода Табты Манханова (НА РК Ф. И-9. Оп. 5. Д. 2032. Л. 69-73)
5.	Долбанский аймачный сход Яндыковского улуса, 2 марта 1912 г.	Постановили: выделить из сумм хотонного капитала 80 руб. на призрение неимущего престарелого вдовца Бадмы Улюмджиева (НА РК Ф. И-9. Оп. 5. Д. 2199. Л. 23)

Социальное призрение осуществлялось и при буддийских храмах. В специально отведенных кибитках было организовано питание для нуждающихся, так как «хурулы более или менее всегда бывают обеспечены ими [продуктами – И.Л.] по добровольному приношению калмыков и с тем, чтобы призреваемые выполняли необременительные работы для хурула, соображаясь с силами их» ([НА РК Ф. И-9. Оп. 6. Д. 4. Л. 19](#)).

Одним из направлений социальной политики является осуществление опеки и попечительства. Согласно правовым нормам, опека — это особая форма защиты прав и законных интересов недееспособных и малолетних граждан. Опека устанавливается над детьми в возрасте до 14 лет, попечительство — над несовершеннолетними в возрасте от 14 до 18 лет, а также над гражданами, ограниченными в дееспособности ([Постатейный, 2010: 45](#)). Забота о социально незащищенных сородичах возлагалась на общество. Законодательные памятники, регулирующие отношения в калмыцком обществе, подтверждают, что данные институты имели широкое распространение, о чем свидетельствует их частое упоминание в документах, регулировались еще нормами обычного права. Багацохуровский зайсанг Арши в своем прошении на имя Главного пристава калмыцкого народа, коллежского асессора П.П. Крупинского от 27 мая 1804 г. отмечает: «по нашему калмыцкому узаконению, владельцы, зайсанги и простой черный народ многие имеют приемышев» ([НА РК Ф. И-1. Оп. 1. Д. 24. Л. 22](#)).

Как отмечает В.В. Батыров: «Институт усыновления у калмыков в XIX в. был достаточно распространен среди всех слоев общества. Широко распространенный в прошлом обычай усыновления детей родственников бездетными семьями (по линии отца), а также традиция воспитания сирот в семье братьев покойного отца сохранялась на протяжении всего XIX в. Если калмыцкие дети лишались родителей, то они воспитывались в близкородственных семьях» ([Батыров, 2014: 158](#)).

Процедура установления опекунов инициировалось обществом, которое уведомляло улусного попечителя, последний в свою очередь отправлял рапорт вышестоящему лицу, т. е. Главному попечителю калмыцкого народа в Астраханской губернии или Главному приставу кочующих народов Ставропольской губернии. Так, Главный пристав кочующих народов Ставропольской губернии 2 ноября 1881 г. на рапорты от 3 и 7 октября за № 2049 и 2071 предписывает попечителю Большедербетовского улуса собрать аймачный сход для избрания опекунов над малолетними зайсангами Бадмаевым и Буриновым и их имуществом ([НА РК Ф. И-21. Оп. 1. Д. 111. Л. 3](#)). Опекуны к сиротам и над имуществом умершего, избирались улусными и аймачными обществами,

преимущество отдавалось ближайшим родственникам. Например, в аймачном приговоре Багутова рода Яндыковского улуса от 11 сентября 1889 г. отмечается, что «опекуном к аймаку, состоявшему из 636 окладных и 38 неокладных кибиток, имуществу и малолетним наследникам, оставшимся после смерти нашего зайсанга Оконова, избрали родственника его, безаймачного зайсанга Менкеджен Шара Манджиева» (НА РК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 352. Л. 5-6).

Оповещение проводилось через опубликование вызова наследников к имуществу покойного в периодических изданиях: «Губернские ведомости», «Сенатские объявления» (НА РК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 352. Л. 140). Принятое сходом решение фиксировалось в постановляющей части приговора. Например, решением аймачного общества Барунова рода Яндыковского улуса от 29 июля 1858 г. «над оставшимся после смерти зайсанга нашего Бадмы Гильджинова, аймаком, малолетними детьми и имуществом выбрали опекуном из среды своих одноймачных калмыков Джидме Матукаева, который как нам известно поведения хорошего и может исполнять эту должность» (НА РК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 42. Л. 6). Более детальное описание кандидата в опекуны содержится в аймачном приговоре Харнутова рода Эркетеновского улуса от 4 августа 1860 г.: «... из среды себя избрали опекуном калмыка сего же рода Зунгру Басанова, который от роду имеет 44 года, имеет свое хозяйство и скотоводство, и к управлению аймаком способен, под судом и следствием никогда не был, и поведения хорошего» (НА РК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 51. Л. 7). Таким образом, согласно вышеприведенным приговорам, при выборе опекуна общество преимущественно рассматривало такие характеристики кандидатов как имущественное положение и уровень его правовой культуры.

Кандидатуры, выдвинутые обществами, утверждались Главным Попечителем с согласия губернатора. После принятия решения обществом, улусный попечитель оформлял представление на имя Астраханского губернатора с приложением подлинного приговора, отмечая, что «избранный имеет все качества, требуемые к лицам, избираемым в опекуны» (НА РК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 42. Л. 4). Так, канцелярия начальника Астраханской губернии, по вышеуказанному делу от 19 октября 1858 г. уведомила улусного попечителя о том, что препятствий к утверждению в должности избранного на сходе Джидме Матукаева не имеется (НА РК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 42. Л. 5).

Правовой статус опекуна детально расписан в «Наставлении опекунам» разработанным улусным Зарго 4 марта 1838 г., на примере Яндыковского-Икицохуровского улуса. Так, в первом параграфе определена основная обязанность опекуна: «Принимающий на себя звание опекуна Яндыковского-Икицохуровского улуса, вместе с тем обязывается в полном смысле этого слова озаботиться, во-первых, о его хранении и приращении личной собственности умершего владельца, и во-вторых охранении прав и достоянии каждого из вверенных калмыков – вообще о благосостоянии всего улуса бескорыстно и благородно ...» (НА РК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 1003. Л. 18). Кроме того, согласно «Наставлению» к обязанностям опекуна относятся: провести ревизия совместно с улусным попечителем имущества, подпадающего под опеку; сбор повинностей с подробной записью в книге, «объясняя в ней верно и ясно: когда, с кого именно и сколько поступило денег. Если в числе этого сбора будет поступать скот, то таким же образом записывать: с кого, сколько и кого рода и на какую сумму поступило» (НА РК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 1003. Л. 19); информировать суд Зарго о прибыли и убыли скота; вести учет расходов, заносая их в отдельную книгу; ежегодно, не позднее 1 февраля, отчитываться перед судом Зарго; выделять средства на содержание опекаемых. Параграф 10 содержит диспозицию правовой нормы: «опекун, принимая на себя столь высокое и трудное звание, вместе с сим облагается в не менее большую обязанность за нарушение как прав закона, так и частной собственности, ответственность перед правительством, а тем более перед народом вручающим их совести все дела, все достояние и судьбу свою». Далее в этом же параграфе предусмотрена как негативная санкция за нарушение данной нормы, так и позитивная санкция за добросовестное выполнение функциональных обязанностей: «И потому опекуны должны понимать, что вечное и малейшее преступление их долга будет взыскано строго, напротив усердие и рвание напользам народа – будет вознаграждено от правительства всегда признательного заслугам каждого» (НА РК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 1003. Л. 18-21 (об.)). Таким образом, правовой статус опекуна характеризуется определенным набором обязанностей по отношению к опекаемому и в отношении его имущества, которое подлежало строгому учету и оценке. К правам опекуна относилось использование материальных благ, принадлежащих опекаемому до достижения им совершеннолетия, но за это опекун нес лежащие на нем повинности.

Таблица 3. Число сирот и находящихся под опекой в Калмыцкой степи Астраханской губернии (чел.)¹

¹ Таблица подготовлена на основе материалов НАРК (Ф. И-9)

№	Отчеты Главного Попечителя калмыцкого народа	Численность населения	Количество опеки и опекаемых	Количество сирот
1.	За 1869 г.	118 329	-/116	-
2.	За 1872 г.	115 032	-/98	-
3.	За 1873 г.		-/99	224
4.	За 1874 г.	119 062	-/103	-
5.	За 1875 г.	119 046	61/108	108
6.	За 1877 г.	129 592	58/106	-
7.	За 1878 г.	128 603	54/65	-
8.	За 1885 г.	132 643	43/61	6
9.	За 1886 г.	134 951	38/56	5
10.	За 1887 г.	129 592	42/45	510
11.	За 1888 г.	136 732	40/66	746
12.	За 1889 г.	137 304	-	-
13.	За 1890 г.	137 603	35/39	710
14.	За 1891 г.	138 394	52/81	706

Количественные показатели, данные в таблице, показывают, что и как в случае с категорией социально незащищенных доля сирот увеличивается со второй половины 1880-х гг. Между тем максимальный показатель в процентном отношении от общей численности населения равен 0,5 %.

Общество не только избирало опекунов над сиротами, но и осуществляло контроль. Ежегодно опекуны представляли отчеты на рассмотрение общественных сходов. Система отчетности предусматривала предоставление информации по двум формам. Первая – включала сведения, носившие формальный характер: личные данные, находящихся под опекой, их возраст, место жительства, род занятий, кто является опекуном, получены ли им были приходно-расходные книги, проводятся ли в отношении опекаемых судебные расследования, имеются ли финансовые недоимки и взыскания, когда проводилась проверка и ее результаты.

Форма № 2 содержала сведения, носившие имущественный характер. Например, «в отчетной ведомости о состоянии движимого имущества после умершего зайсанга Яндыковского улуса Бадмы Гильджинова за 1861 г. предоставлены следующие сведения: название предметов и вещей движимого имущества; осталось к 1 января 1861 г.; в течение 1861 г. прибыло; в течение 1861 г. убыло; затем к 1862 г. состоит на лицо; объяснение улусного Зарго когда были произведены в натуре проверка имущества и что оказалось» (НА РК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 42. Л. 34).

Ревизия отчетности осуществлялась улусным Зарго и окончательно утверждались Главным Попечителем. Так, в годовом отчете Управления калмыцким народом за 1872 г. отмечается, что «При обревизовании отчетов никаких злоупотреблений не замечено. Кроме неисправностей по некоторым опекам не имеющим, впрочем, важных последствий к ущербу имущества опекаемых» (НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 16. Л. 11). Данная запись о состоянии опеки и попечительства характерна для большинства отчетов, отложившихся в фондах Национального архива Республики Калмыкия. Приведенный факт позволяет сделать вывод о том, что общества серьезно относились к выбору опекунов, которые в свою очередь со всей ответственностью исполняли возложенные на них обязанности. В случае смерти опекуна на очередном сходе состоялись выборы нового, последующая процедура утверждения проходила, как и в первом случае.

Система опеки и попечительства как институт гражданского права, связанный с недееспособностью в силу недостижения определенного возраста его субъекта, имеет определенные хронологические рамки. Так в определении суда Зарго от 28 февраля 1911 г. значится запись о том, что «опеку и попечительство над имуществом умершего в 1889 г. зайсанга Багутова рода Лиджи Гаря Оконова прекратить, за достижением всеми наследниками полного гражданского совершеннолетия» (НА РК. Ф. И-9. Оп.5. Д. 352. Л. 153).

5. Заключение

Таким образом, проблемы социальной сферы традиционно находились под особым вниманием местного самоуправления. Опека и попечительство являлись одним из важных направлений в деятельности органов местного самоуправления Калмыцкой степи. Улусными и аймачными обществами избирались опекуны, осуществлялся контроль за их деятельностью, в связи с этим следует отметить, что общественное управление в свою очередь, осуществляло правовую защиту личностных и имущественных интересов данной категории населения. Как отметил А. Васильчиков «...круг действий земских учреждений в России касается всех частей внутреннего управления... До какой степени их ведение независимо и самостоятельно при существующих административных порядках, действительно ли это участие, попечение, заведывание, предоставленное по закону местным жителям, достаточно ли обеспечены земские интересы этим либеральным, но несколько

голословным перечнем занятий – это другой вопрос» (НА РК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 352. Л. 153). Опыт проведения социальной политики органами местного самоуправления Калмыцкой степи в XIX – начале XX вв. не только значителен, но и определен собственными общественно-историческими традициями, обогащен национальной культурой и ценностями образа жизни.

Литература

- Батыров, 2014** – Батыров В.В. Очерки истории традиционной культуры калмыков последней трети XVIII-первой половины XIX вв. Элиста, 2014.
- Бичурин, 1834** – Бичурин Н.Я. (Иакинф) Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. СПб., 1834.
- Бурдуков, 1898** – Бурдуков Н.Ф. Доклад его Превосходительству господину министру земледелия и государственных имуществ чиновника особых поручений Н. Бурдукова, по командировке в Большедербетовский улус, осенью 1898 г. СПб., 1898.
- Бюллер, 1846** – Бюллер Ф.А. Кочующие и оседло живущие в Астраханской губернии инородцы. Их история и настоящий быт //Отечественные записки. СПб., 1846.
- Веселовский, 1870** – Веселовский Б.Б. Земство и земская реформа. Петроград, 1918.
- Высочайше утвержденное, 1848** – Высочайше утвержденное Положение об управлении Калмыцким народом от 23 апреля 1847 г. // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Второе. Том XXII. Отделение первое. 1847 г. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1848. С. 349-372.
- Грибовский, 1912** – Грибовский В.М. Государственное устройство и управление Российской империей (из лекций по русскому государственному и административному праву). Одесса, 1912.
- Дуброва, 1998** – Дуброва Я.П. Быт калмыков Ставропольской губернии. Элиста, 1998.
- Житецкий, 1892** – Житецкий И.А. Астраханские калмыки. Очерк первый. //Труды членов Петровского общества исследователей Астраханского края. Астрахань, 1892.
- Житецкий, 1892** – Житецкий И.А. Астраханские калмыки. Очерк второй //Труды членов Петровского общества исследователей Астраханского края. Астрахань, 1892.
- Житецкий, 1893** – Житецкий И.А. Очерки быта астраханских калмыков. Астрахань, 1893.
- Костенков, 1869** – Костенков К.И. Статистические сведения о калмыках, кочующих в Астраханской губернии //Труды Астраханского Губернского Комитета. Астрахань, 1869.
- Костенков, 1869** – Костенков К.И. Результаты переписи калмыцкого народа произведенной в декабре месяце 1869 г. //Труды Астраханского Статистического Комитета. Вып. 1. Астрахань, 1869.
- Костенков, 1870** – Костенков К.И. Исторические и статистические сведения о калмыках, кочующих в Астраханской губернии. СПб., 1870.
- Леонтович, 1889** – Леонтович Ф.И. К истории права русских инородцев. Калмыцкое право. Часть 1 в кн.: Записки Императорского Новороссийского университета. Т. 29. Под ред. А.А. Кочубинского. Одесса, 1880.
- НАРК** – Национальный архив Республики Калмыкия.
- Постатейный, 2010** – Постатейный комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации и Федеральному закону «Об опеке и попечительстве. Под ред. П. В. Крашенинникова. М., 2010. С. 45.
- Устав, 1905** – Устав об общественном призрении. Изд. 1892 г., с продолжением 1902 г. // Полное собрание законов Российской империи. Т. XIII. СПб., 1905.
- Фарфоровский, 1908** – Фарфоровский С.В. Калмыки Ставропольской губернии. Ставрополь, 1908.

References

- Batyrov, 2014** – Batyrov V.V. Ocherki istorii traditsionnoj kul'tury kalmykov poslednej treti XVIII-pervoj poloviny XIX vv. [Essays on the history of the traditional culture of the Kalmyks in the last third of XVIII-first half XIX centuries]. Elista, 2014.
- Bichurin, 1834** – Bichurin N.Ya. (Iakinf) Istoricheskoe obozrenie ojratov ili kalmykov s XV stoletiya do nastoyashhego vremeni. [Historical review of the Oirats or Kalmyks from the XV century up to the present time]. SPb., 1834.
- Burdukov, 1898** – Burdukov N.F. Doklad ego Prevoskhoditel'stvu gospodinu ministru zemledeliya i gosudarstvennykh imushhestv chinovnika osobykh poruchenij N. Burdukova, po komandirovke v Bol'shederbetovskij ulus, osen'yu 1898 g. [Report to his Excellency the Minister of agriculture and state property official for special assignments N. Burdukova, on a business trip to Bolshechernigovsky ulus, in the autumn of 1898.]. SPb., 1898.
- Byuller, 1846** – Byuller F.A. Kochuyushhie i osedlo zhivushhie v Astrakhanskoj gubernii inorodtsy. Ikh istoriya i nastoyashhij byt [Nomadic and settled living in the Astrakhan province foreigners. Their history and present life] //Otechestvennye zapiski. SPb., 1846.
- Veselovskij, 1918** – Veselovskij B.B. Zemstvo i zemskaya reforma. Petrograd, 1918
- Vysochajshe utverzhdennoe, 1848** – Vysochajshe utverzhdennoe Polozhenie ob upravlenii Kalmytskim narodom ot 23 aprelya 1847 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii. Sobranie Vtoroe. Tom XXII. Otdelenie pervoe. 1847 g. SPb., 1848. S. 349-372.

Gribovskij, 1912 – *Gribovskij V.M.* Gosudarstvennoe ustrojstvo i upravlenie Rossijskoj imperiej (iz leksij po russkomu gosudarstvennomu i administrativnomu pravu) [State structure and management of the Russian Empire (from lectures on Russian constitutional and administrative law)]. Odessa, 1912.

Dubrova, 1998 – *Dubrova Ya.P.* Byt kalmykov Stavropol'skoj gubernii [The life of the Kalmyks of the Stavropol province]. Elista, 1998.

Zhitetskij, 1892 – *Zhitetskij I.A.* Astrakhanskije kalmyki. Oчерk pervyj [Astrakhan Kalmyks. The first sketch] //Trudy chlenov Petrovskogo obshhestva issledovatelej Astrakhanskogo kraja. Astrakhan', 1892.

Zhitetskij, 1892 – *Zhitetskij I.A.* Astrakhanskije kalmyki. Oчерk vtoroj [Astrakhan Kalmyks. A second essay] //Trudy chlenov Petrovskogo obshhestva issledovatelej Astrakhanskogo kraja. Astrakhan', 1892.

Zhitetskij, 1893 – *Zhitetskij I.A.* Oчерki byta astrakhanskikh kalmykov [Essays on life Astrakhan Kalmyks]. Astrakhan', 1893.

Kostenkov, 1870 – *Kostenkov K.I.* Istoricheskie i statisticheskie svedeniya o kalmykakh, kochuyushhikh v Astrakhanskoj gubernii [Historical and statistical information about the Kalmyks, nomadic in Astrakhan province]. SPb., 1870.

Kostenkov, 1869 – *Kostenkov K.I.* Statisticheskie svedeniya o kalmykakh, kochuyushhikh v Astrakhanskoj gubernii [Statistical information about the Kalmyks, nomadic in Astrakhan province] //Trudy Astrakhanskogo Gubernskogo Komiteta. Astrakhan', 1869.

Kostenkov, 1869 – *Kostenkov K.I.* Rezul'taty perepisi kalmyt'skogo naroda proizvedennoj v dekabre mesyatsa 1869 g. [The results of the census of the Kalmyk people made in the month of December, 1869]. //Trudy Astrakhanskogo Statisticheskogo Komiteta. Vyp. 1. Astrakhan', 1869.

Leontovich, 1880 – *Leontovich F. I.* K istorii prava russkikh inorodtsev. Kalmytskoe pravo [The history of the rights of Russian foreigners. Kalmyk right]. Chast' 1 v kn.: Zapiski Imperatorskogo Novorossijskogo universiteta. T. 29. Pod red. A. A. Kochubinskogo. Odessa, 1880.

NA RK – Natsional'nyj arkhiv Respubliki Kalmykiya [The national archives of the Republic of Kalmykia].

Postatejnyj, 2010 – Postatejnyj kommentarij k Semejnomu kodeksu Rossijskoj Federatsii i Federal'nomu zakonu «Ob opeke i popechitel'stvu» [Commentaries to the Family code of the Russian Federation and the Federal law "On guardianship and trusteeship"]. Pod red. P. V. Krasheninnikova. M., 2010.

Farforovskij, 1908 – *Farforovskij S.V.* Kalmyki Stavropol'skoj gubernii [The Kalmyks of the Stavropol province]. Stavropol', 1908.

Ustav, 1905 – Ustav ob obshhestvennom prizrenii [Charter on public charity]. Izd. 1892 g., s prodolzheniem 1902 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. T. XIII. SPb., 1905.

УДК 94

Опека и попечительство в деятельности органов местного самоуправления калмыков в XIX – начале XX вв.

Ирина Владимировна Лиджиева ^{a,*}

^a Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН, Российская Федерация

Аннотация. «Положение об управлении калмыцким народом» утвержденное 23 апреля 1847 г. впервые в Калмыцкой степи на законодательном уровне оформило право на осуществление местного самоуправления в форме улусных и аймачных сходов. Цель статьи – анализ социальной политики органов местного самоуправления в указанный период. В качестве методов исследования использованы: статистический, позволивший дать количественную характеристику населения Калмыцкой степи и реконструктивный – восстановить отдельные факты и механизм деятельности органов местного самоуправления в социальной сфере. Завершая автор отмечает, что проблемы социальной сферы традиционно находились под особым вниманием местного самоуправления. Опека и попечительство являлись одним из важных направлений в деятельности органов местного самоуправления Калмыцкой степи. Улусными и аймачными обществами избирались опекуны, осуществлялся контроль за их деятельностью, в связи с этим следует отметить, что общественное управление в свою очередь, осуществляло правовую защиту личностных и имущественных интересов данной категории населения.

Ключевые слова: Калмыцкая степь, местное самоуправление, сход, приговор, социальная политика, социальное призрение, опека и попечительство.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: irina-lg@yandex.ru (И.В. Лиджиева)

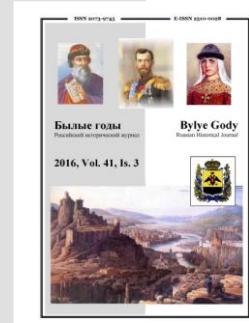

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 41, Is. 3, pp. 666-674, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 940

Ethnic Entrepreneurship in the Russian Empire in the Era of Economic Modernization in the Second Half of the 19th – Early 20th Century (as Illustrated in the Example of Siberia)

Vladimir N. Shaidurov ^{a, *}

^a Saint-Petersburg Mining University (Mining University), Russian Federation

Abstract

The second half of the 19th century brought about the modernization reforms in the Russian political system, which accelerated the development of the country's capitalist economy. The abolition of segregationist regulations contributed to the development of bourgeois relations in industry and agriculture. The pace of economic modernization was faster in European Russia, while the country's frontier regions in the Asiatic part of the Russian Empire seriously lagged behind the center. The role of agents for capitalist change in industry and agriculture was accepted by the members of non-Russian ethnic groups, such as Jews, Germans, Poles and others. They became new bourgeois who were former government officials who had required connections to establish factories, and traders, who accumulated significant capital. In the 2nd half of the 19th century, a major role was performed by individual entrepreneurship inside ethnic communities. Its scope comprised the sectors which generated no economic interest among Russians living in Siberia, and which required large capital investments (distilling, shipping companies). In the early 20th century the social composition of communities was blurry thanks to peasants who formed a key component in migratory flows to Siberia. This shifted emphasis to small and medium-sized enterprises in the agricultural sector. The purpose of the paper is to use specific examples to show how ethnic entrepreneurship depended on a community's social composition, and determine its place in the regional economy in the conditions of ongoing political modernization and initial steps to industrialization. The foundation for the study is built on the archival documents, statistical digests and current research. The work is based on comparativism.

Keywords: economic modernization, capitalism, Russia, ethnic entrepreneurship, migration, Jewish community, German community, Polish community, Siberia.

1. Introduction

The development of the Russian Empire in the 19th – early 20th century featured a number of peculiarities with the transition from a traditional society to an industrial one being one of them. This process was diachronical in different regions. It started in industrial regions of European Russia and gradually spread to the state's border areas.

Siberia was one of such areas in the Empire's outskirts. By the mid-19th century, it was predominantly inhabited by the Russian population which was engaged in farming activities. In the 19th – early 20th century, Jewish, German, and Polish communities were founded in Siberia, whose members migrated here from economically more advanced regions (such as the Kingdom of Poland, Middle Volga, and Novorossia) to become mediators for capitalist relations.

While adapting to new living conditions, migrants were incorporated into the economic life of Siberia and actively contributed to both traditional sectors (agriculture, distillation, metallurgy, animal-drawn and river transport, loans), and new sectors (brewing, butter production, flour milling, etc.).

* Corresponding author

E-mail addresses: s-w-n@mail.ru (V.N. Shaidurov)

The Jewish, Polish, and German bourgeois classes, which locally formed in Siberia, served as drivers for economic modernization in the region and became one of its characteristic features, especially in the second half of the 19th – early 20th century.

2. Material and Methods

In this paper, we will identify the main stages the ethnic entrepreneurship followed, and suggest their description in the second half of the 19th – early 20th century. We will also attempt to define conditions that constituted underlying factors behind this phenomenon, define the industries in which ethnic entrepreneurship played an important role, and use the comparative analysis to determine its place in the Siberian economy in the period under consideration.

The study uses the modernization theory as a methodology. Modernization refers to a transition from a traditional (agrarian) to a modern (industrial) society. A marker of the modernization displayed improving old sectors of industry and creating new ones, with both the Russian population and members of other ethnic groups participating in the process. The progress is most noticeable in specific regions, including Siberia. It is the regional approach (Kappeler, 1992) that will help characterize how ethnic types of entrepreneurship arose and developed in the period of economic modernization and industrialization in Russia in the second half of the 19th – early 20th century.

The work is based on documents from the St. Petersburg, Barnaul, and Tomsk archives as well as published sources. The integrated use of these resources will help accomplish the objectives set above.

3. Discussion

For more than 100 years the economic history of Asiatic Russia in the 2nd half of the 19th – early 20th century has commanded much attention among researchers. The works by Russian scholars (Morozov, 1908; Oganovsky, 1921) place major emphasis on the impact exerted by migrations on the economic development of Siberia. In 1975, publication of a monograph by G.H. Rabinovich "Big bourgeoisie and monopoly capital in the economy of Siberia in the late 19th – early 20th centuries" took place. It was a groundbreaking study for the time, which has preserved its scientific significance to date. The author delineated sources and sizes of the big bourgeoisie in Siberia at the end of the 19th century up to 1917, and its commercial activity in key economic sectors, and the role of monopolies, including businesses at the local level, from central Russia and foreign countries, in the regional economy. A particular focus is put on the sources of the bourgeoisie. In the 2000s, historians have energetically studied the phenomenon of the ethnic entrepreneurship in Siberia. Much has been done on the reconstruction of business activities of Jews, Poles, and Germans (Karikh, 2004; Skubnevsky, 2008, 2009, 2010; Krott, 2010; Shaidurov, 2003, 2013, 2016).

The European and American introduction of Siberia began through the memoir literature. For example, the Polish historiography of Siberia was founded based on the research conducted by Zygmunt Librowicz (1884). In addition to exiled Poles, Librowicz highlighted other issues in his work as well. He also paid attention to their economic activities.

The US perception of Siberia took shape in the late 19th century largely thanks to publications by journalist and explorer George Kennan, who was a member of the American Society of Friends of Russian Freedom. He made a journey across Siberia in 1885–1886. The result was his travel notes which were published under the title "Siberia and the exile system" in 1891. Separate sketches made by the author, gave American readers some idea of the region. For example, Kennan provided brief descriptions of major cities which he went through in his travel. In case of Tomsk, he cited data on the its population, mentioned that there was one Catholic church and two synagogues there in addition to Orthodox churches, thus creating a multiconfessionalist picture of the city (Kennan, 1906: 44).

Another illustration of the American notion of Siberia and its people was given in the account of the journey "Across Siberia alone" by an American female adventurer, John Clarence Lee (1914). Unlike Kennan, she created pictures of the daily life led by people who lived in Siberia before World War I. Individual chapters were devoted to the description of Irkutsk, Tomsk and their inhabitants. Almost every chapter contains the theme of resettlement in Siberia. The author gives diverse data received from her interlocutors. For example, in her conversation with a young Siberian woman, who studied medicine, she learned that a large number of migrants of various nationalities had rushed to Siberia, including Poles, Germans, Jews, Little Russians (Malorossy), Finns and others (Lee, 1914: 186).

At the end of the 20th century, the history of Russian entrepreneurship continued to be a relevant research area in the western Slavic Studies. This was reflected in the survey by Jo Ann Ruckman, a professor at the University of Idaho, "The Moscow business elite: A social and cultural portrait of two generations, 1840-1905." In his work, he not only considered the impact of Moscow famous dynasties (the Tretyakovs, Ryabushinskys, Guchkovs and others) on the cultural and political life of Russia and Moscow in particular, but also raised the question about the roots of Russian entrepreneurship. This study was highly appreciated among American Slavists (Bater, 1985).

4. Results

In the second half of the 18th – early 19th century, the population of the Russian Empire revealed a gradually reducing proportion of Russians in the population structure. This was linked both to the country's

integration of new areas (Finland, Poland), and interstate migratory processes (resettlement of Germans, etc.). The largest diasporas in Russia were founded by Poles, Jews and Germans, with the communities ranking among Russia's ten biggest ethnic groups. Political, social and economic processes fostered the growth of territorial communities in the first half of the 19th century. German, Polish, and Jewish communities demonstrated the fastest development in Siberia, the Urals and the Caucasus. As they arrived in the receiving country, Germans, Jews, and Poles had to find their economic niches to ensure decent living standards. In the end, they managed to accomplish this independently or by means of coercion, as Andreas Kappeler noted (Kappeler, 1992).

The Russian Empire stepped into a new stage in its economic development in the second half of the 19th – early 20th century, which was associated with the end of the industrial revolution and the start of industrialization. A number of characteristic features distinguish the Russian economy in the period. First, major industrial areas were established and boomed to become a base of support for key industrial sectors. These were the Central (Moscow), Northwest (St. Petersburg), Polish (Lodz), Southern (Donbass), Baku and Urals districts. Industrial enterprises were highly concentrated here. Economic reforms by Finance Minister Sergei Witte facilitated inflows of foreign capital into the Russian industry. Russia in the early 20th century offered an extremely attractive environment for French, British, German, and Belgian investors. Contemporaries liked to repeat that "Russian railways were built on the money of German cooks." The selective character of investment inflows led to skewed progress in certain sectors, when metallurgy and machine building rapidly grew, while chemical and electrical segments never took any distinct shape.

Meanwhile, Russia remained an agriculture-oriented country that generated most of the national wealth through farming. A characteristic feature of European Russia since the end of the 18th century was its rural overpopulation. The actual absence of the land sale and purchase market brought about constantly growing rent charges which soared by 300-400% only in the second half of the 19th century. The weak purchasing power of peasants denied them of any opportunities to enlarge their land plots by buying or renting land. For example, in central governorates, to lease 1 dessiatine of land (1.09 hectares) cost approx. 300 rubles a year, which compared with buying 10 cows. Such spending could only be afforded by very rich peasants (Yakimenko, 1983: 18). Most peasants had only one way to improve their economic situation that is to migrate to public lands in Asiatic Russia.

The vast expanses predetermined the uneven economic development of the country. Booming regions of European Russia were discordant with the economically backward outskirts of the Empire. The underdeveloped condition of Siberia and Far East was caused by their sparse population, as the density of population was less than 1 person per 1 sq. km here. Although densely populated, Central Asia, which became part of the Russian Empire in the second half of the 19th century, went through a crisis of crumbling feudalistic relation, and its isolation from major industrial centers was also a reason for its backward economy. Addressing this backwardness would require resettlement and massive redirection of capital to the region. It was the economic modernization in the second half of the 19th century which created all prerequisites for the steps. Hence, the Russian economy in the 2nd half of the 19th – early 20th century was the environment where private capitalist, state monopolist, petty commodity, and seminatural (patriarchal) types of economic relations coexisted.

One indicator which marked the rise of capitalism in Siberia was the growing number of large enterprises established by members of ethnic communities which resided here. A Siberian official wrote in his report that "in Siberia, wealthy people were engaged in tea trade, pig fat collecting, mining, or owned distilleries" (RGIA. F. 574. Op. 2. D. 146. L. 24). In fact, by the mid-19th century, the economic niches turned out to have already been occupied by Russian merchants and the state.

Vodka production became one of the most lucrative business areas for ethnic entrepreneurs. For example, in the mid-1860s, of the 14 distilleries that had been opened before 1864, 8 belonged to Poles (4), Jews (3) and a German (1). Their share accounted for more than 60% of the total production. The distilling business was dominated over the 2nd half of the 19th century by a Polish millionaire, Poklewski-Koziell, who owned several plants. In the mid-1860s, his marked share accounted for almost 40% of the total liquor volume produced in Western Siberia (Shaidurov, 2016: 197).

A limited circle of people led the entire vodka industry. This could give birth to a private monopoly. The government sought to deal with this situation. However, it was extremely difficult to find an entrepreneur who would agree to rent a state distillery for several years. According to contemporaries, this move required one-time investment in the amount of no less than 200 thousand rubles. Only few businessmen could afford this sum. The government was forced to reckon with the fact.

One of the excellent examples of a German industrial enterprise in Siberia in the 2nd half of the 19th century was the Prang soda plant launched in 1864. The industrial value of soda can not be overestimated. At his time, Dmitri Mendeleev, making a review of the Paris World Exhibition, pointed to the need to organize industrial production of soda in Russia (Mendeleev in 1868).

Being mining engineers, brothers Ivan, Yegor and Matvey Prang (both studied at the Mining Cadet Corps in St. Petersburg) kept track of all technological innovations. Bitter-salt lakes of Western Siberia are rich in various salts. Brothers Ivan and Yegor Prang obtained the right to produce the salts in southern areas of Western Siberia. Their enterprise was granted tax immunity (Skubnevsky, 2010: 199). Over the 1870s – 1900s, the Prang plant was a major soda manufacturer for the Siberian and Ural industry. In 1890, Julia

Prang, the widow of Yegor Prang, became head of the company. She retrofitted the production process. But in 1907, the enterprise was purchased by competitors who liquidated it in 1912.

Distilling, trade and construction contracts became essential tools allowing non-Russian entrepreneurs to accumulate initial capital. Afterward, the money was invested in other business areas (shipping companies, gold mining) and modernization projects. At the turn of the 19th – 20th century, Jews, Germans and Poles were important players in the food, transport and trade segments.

The beginning of the 20th century signified major changes in the economic life of ethnic communities in the Russian regions. Social, economic and political processes acted as a catalyst for peasant migration flows that altered the social image of communities existing on the outskirts of the Russian Empire. For example, the Stolypin agrarian reform led to dozens of thousands of German settlers to move to Siberia from the Volga Region, Novorossiia, and Volyn. As a result, several districts densely populated by German peasants formed in southern areas of Western Siberia. The start of World War I (1914–1915) is characterized by masses of refugees fleeing from the front line zone. For this reason, the urbanized German community became rural for a short time.

A special role in the resettlement process was played by western governorates that also "recruited" a significant number of migrants. Several thousands of peasants from Polish provinces resettled in areas beyond the Urals. In 1914 – 1915, Poles were forced to move to rear provinces, including Siberia. It also brought about the domination of rural population in the Siberian Polonia. Baltic governorates gave Siberia 13,329 new residents only in 1896 – 1907 (Maamyagi, 1991: 4).

It is necessary to give a general description of migratory flows from European Russia to Asiatic Russia in the early 20th century. The Siberia migration of members of western ethnic minorities was different from similar processes among the Russian population (Great Russians, Ukrainians, and Belarusians).

The main distinction of the migratory flow lay in its social composition – the overwhelming majority of migrants from western minorities were peasants. The consequence was their active engagement in the agriculture development. However, another fact should be indicated: if German resettlement villages focused on agriculture, which soon acquired features of commodity production of cereals, Estonians and Latvians were interested in cattle breeding, that is dairy farming. This has obvious traces of the farming systems prevailing in their previous place of residence. Baltic provinces in the economy of the Russian Empire belonged to traditional areas of commercial dairy farming, while the Volga Region became one of the major grain-producing areas since the middle of the 19th century. Peasant homesteads took definite shape already by 1917, which was recorded in the All-Russian Agricultural and Land Census in 1917, for example, Germans had 9–10 plows per 10 homesteads, and Estonians 6, while they had on average 1 and 6 horse-drawn mowers and rakes, respectively. Availability of working and productive livestock also varied: Germans had on average 4–5 horses per 1 homestead, Estonians 2; 3 and 6 head of cattle, respectively (GAAK. F. 233. Op. 1. D. 799-803, 805, 808, 812; Op. 1b. D. 411, 575, 576).

Another specific feature found in the resettlement among members of western ethnic minorities, e.g. resettlement of Balts to the Altai, is associated with remigration to Siberia. First Baltic migrants turned up in the Tobolsk governorate in the early 19th century. It was from here that the settlement of Estonians and Latvians began at the end of the century, including in the territory of the Altai Mining District. As they founded small villages, they invited their kinsmen to resettle, who often agreed to move to a new place. Polish and Jewish migrants settled down in cities or established new settlements based on the right of first possession.

It should be pointed out that the new settlements had specific nature. The vast majority of non-Russian migrants sought to settle in compact groups. This led to the rise of "enclaves" which were inhabited only by Germans, Poles or Estonians. An insignificant number of migrants lived in small groups and separate homesteads among the peasants of other nationalities. This phenomenon stemmed to a large extent from religious differences between Orthodox believers and those professing Christianity in its western forms. Controversies often arose precisely on religious grounds, when, for example, Lutheran migrants in their letters to the General Directorate of the Altai Mining District pointed out that with Russians they "did not wish to live together, in fact, because they recognize the religion (Lutheranism – V.Sh.) totally as Mohammedanism" (GAAK. F. 3. Op. 1. D. 670. L. 42). On the other hand, the desire to settle compactly can be explained by high levels of national unity.

One of the most attractive areas for peasant colonization in the period under consideration was steppe and forest areas in southern parts of Western Siberia (Tomsk governorate). The areas were most actively populated by natives of Little Russia, the Volga region, South Russia and Baltic regions. This is illustrated, for example, by the following fact: by 1910, Ukrainians and Germans accounted for more than 55 % of the population in this region (Shaidurov, 2013: 122). Taking into account the number of settlers from Baltic provinces, the percentage of the non-Russian population in the Barnaul uezd (district), Tomsk governorate, further increased in the early 20th century.

The specific development of agricultural production in the resettlement villages with a distinct national character, also affected related sectors, above all, manufacturing and processing. It should be noted that among processing sectors German resettlement villages predominantly concentrated on milling, while villages of migrants from the Baltic states on butter-making.

Two villages, Liflyandka and Estonia, located in the Zmeinogorskaya volost of the same name uezd, set themselves apart in the few settlements founded by Estonians and Latvians in the Altai. Both settlements were established in the late 19th century. They quickly became centers of economic gravity for surrounding communities of Russian old inhabitants and migrants.

In the early 20th century, Siberia became a new home to Poles who were engaged not only in agriculture but also in a variety of processing businesses. In 1904, a Warsaw commoner Petr Pel built a flour mill near Barnaul (GAAK. F. 31. Op. 1. D. 181). Poles opened their small enterprises both in cities and in rural areas. However, they faced certain problems in the new environment.

In 1904, the Altai became a destination for Albert Kowalski and his family. A native of the Mogilev uezd, Podolsk governorate, he comes to the region at the invitation of his friend, who wrote in numerous letters, "that the population is large here and in need of steam mills and workshops to repair peasant agricultural implements" (GAAK. F. 3. Op. 1. D. 255. L. 8). Before moving to Siberia, Kowalski maintained a mill in the Bessarabia governorate. As he set up a small mill on a rented plot in the Loktevsky estate, Kowalski had to deal with first difficulties. They were caused, in the first place, by differences in applicable laws regarding industrial enterprises that manufacture products subject to excise tax. The thing was that the use of steam engines in manufacturing was controlled by the factory inspectorate in European Russia. Meanwhile, in Siberia, this authority still did not exist at this time, and its functions were fulfilled by various bodies, including the police, construction department at the governorate administration, etc.

In March 1907, the correspondence between A. Kowalski and the Tomsk authorities revealed the contradictions, but even before that there was a conflict situation, where one party was the small entrepreneur and the other police officials who insisted on compliance with the current Siberian legislation. The police officials adopted a tough, but consistent line of action. Initially, they asked the miller to submit the documents required for opening a mill with moving sieves (rastrus mill) to the Tomsk authorities. However, A. Kowalski tried to refer to the law he knew well from his previous place of residence, and continued to operate the locomobile illegally (GAAK. F. 3. Op. 1. D. 255. L. 8, 18). The Pole's defiance had a consequence when two years later, since the start of the proceedings, by order of the Zmeinogorsk district captain of the police, the Shelkovnikovskiy superintendent of the police sealed the locomobile and thus left A. Kowalski without work. It made the miller in a relatively short term to raise funds to produce mill and engine drawings, and execute all supporting documents, as appropriate, and then send them to Tomsk. This allowed him to gain a permission to operate the mill April 30, 1909. Reopening the mill made it possible to provide the population of 15 nearby settlements with flour (GAAK. F. 3. Op. 1. D. 255. L. 18).

Two trends can be identified in the German entrepreneurship in the south of Western Siberia. On the one hand, the initiative in creating manufacturing enterprises was displayed by peasant settlers. On the other hand, we can speak of entrepreneurial activity by migrants from Germany and those of German descent who earlier lived in cities of European Russia. The distinctions between them can be summarized in the forms of production organization – collective and individual types of business, characteristic of the first and second trends respectively, and the availability of the funds needed for the construction.

It was often the case that individuals turned up who undertook to build a mill or another company at their own expense. At the same time, individual entrepreneurs had to deal with the problem of obtaining land allotments for construction. Prior to the massive land survey campaign, they were forced to mainly rent Cabinet-owned land that was sometimes granted to them at disadvantageous terms (short term lease, relatively high rent payments, remote location from populated areas and sales markets, etc.). After 1907, the situation changed for the better. In addition, another contributing factor was the available free land plots in the lands of resettlement villages that were founded in the Altai steppe regions at the time.

The greatest boom in flour mills construction by Germans was recorded in 1910–1911, i.e., in the period when migrant communities located in the steppes of the Altai region formed their economies. We can suggest the entrepreneurial character in German millers. This is confirmed, above all, by the fact that they launched their enterprises to make profits. For this purpose, flour mills were built in the most densely populated areas which generated the biggest demand for grain processing. Mill owners of such type saw no difference in the nationalities of their service users. For them, the top priority was profits which they were prepared to receive at all costs.

A number of entrepreneurs tried to build several mills in different locations. An example is presented in activities by a villager of the Aleksandrovsкая colony, Nalchik district, Terek oblast, Kondrat Miller, in the Suminskaya and Yarkovskaya volosts (peasant communities), Barnaul uezd. In January 1908, on the basis of agreement with the selskoe obshchestvo (peasant community) of the Pechenevo zaimka (village), Suminskaya volost, he leased a plot of land, which was supposed to become a construction site for an oil engine-powered flour mill. Miller planned to build a one-story building which was to consist of two rooms. The applicant and the Construction Administration of the Tomsk governorate government carried on correspondence over 1908–1910. It was not until November 1910 that a construction permit was granted to him (GAAK. F. 31. Op. 1. D. 368. L. 3).

As he received the above permit, Miller embarks on new negotiations, this time with representatives of the Utyanskoe peasant community, Yarkovskaya volost, on the lease of three dessiatines of land. At the beginning of 1911, the village community assembly unanimously adopted a decision to grant the land (GAAK. F. 31. Op. 1. D. 386. L. 3).

However, in 1914, Miller files another request with the Construction Administration to transfer the mill to a new location – to the Bystrukhinskoe village, Alekseevskaya volost, Barnaul uезд (GAAK. F. 31. Op. 1. D. 433. L. 1). One reason for the transfer was to the fact that Konrad Miller was registered in this peasant community, which enabled him to obtain a plot of land without spending any money on the rent. On the other hand, this fact suggests that although he already had a construction permit in 1910-1911, Miller took his time to ensure the most advantageous terms for the mill construction before he started the enterprise.

One of the Altai's leading grain regions in the years of the Stolypin resettlement campaign was the northern Kulunda steppe with the center in the Slavgorodskoe village. This settlement, founded in 1907, quickly turns into a major business hub for the entire North-West of the Altai region. Largest trading houses engaged in the grain trade, including "A.I. Vinokourov i synoviya", "V.A. Gorokhov" and others, launched representative offices here.

Slavgorod emerges as a center for processing sectors. Already in 1910, representatives of the "Frey i Vaslovsky" trading house file a request with the Tomsk governorate government for granting a permit for constructing a flour mill powered by an oil engine (GAAK. F. 31. Op. 1. D. 374. L. 1).

One of the largest mills, built by Germans in the Altai region, was located in the Halbstadt village, Orel volost, Barnaul district. Preparatory work for the enterprise already began in 1910. The village community assembly made a decision to agree to the request by a villager in the Tesekly-Ishun village. Aleksandrovskaya volost, Perekop uезд, Taurida governorate, Yakov I. Tyart, and grant him two dessiatines of land for nine years for the construction of a high grinding roller mill. The assembly's resolution stipulated the possibility of the rent renewal for another nine years, and the acquisition of the plot from the peasant community on the basis of the deed in case, "if a legal right thereto arises" (GAAK. F. 31. Op. 1. D. 385. L. 4). The rent size was specified at 300 rubles, with payments to be effected in equal annual amounts until 26 May.

In March 1911, a petition addressed to the Tomsk governor on behalf of Yakov Tyart was submitted requesting authorization for the construction of a mill on the rented plot. The requester was Tyart's business partner who acted on the basis of a power of attorney.

According to the master plan, the mill was to occupy a three and a half story building, and be one of the largest similar manufacturing enterprises in the area. To perform various works, Tyart was intended to employ at least 10 people, for whom he wanted to build bunkhouses on the rented plot. This was described by the miller in the "Information on the establishment planned for opening" (GAAK. F. 31. Op. 1. D. 385. L. 1). The same document briefly specified the mill's technical equipment. The mechanism was supposed to be actuated by the gas generator. In addition, four roller machines and two pairs of millstones were to be used as main mechanisms and devices (GAAK. F. 31. Op. 1. D. 385. L. 1). This compared the Tyart's enterprise favorably to the general background where buildings were not so big, and mechanisms were not so powerful.

However, the construction of the mill cost the partners a much larger sum than they originally estimated. Most of the money was spent on the purchase of the required equipment in Germany. This led to a slowdown in the facility's construction and commissioning. To tackle this problem, they decided to raise external capital for the project. Eventually, it was not until the period before World War I that the mill began to operate at full capacity (Fast, 1954: 24). The high quality of the structure and its advanced technical "stuffing" are proved by the fact that it operated without any improvements until the end of the 1950s.

Migrants from neighboring regions, such as the Semipalatinsk oblast, also tried to penetrate the flour milling sector. In January 1912, a petition was filed by a settler Franz Vibe, who lived in Pavlodar, for permission to build a steam flour mill. In a relatively short period of time, a two-story mill was constructed on a rented plot in the Ferngeym village, Troitskaya volost, Barnaul uезд, which provided flour for surrounding German and Russian resettlement villages.

In German settlements, mills were often constructed on the initiative of peasant communities. They strove to make this process as much legitimate as possible. The need for construction was discussed at the community assembly. As a rule, the question was raised at the end of the agricultural year, when villagers had to go to neighboring villages which ran their own mills. They often had to travel the distances of several dozens of versts (1 verst = 1.067 kilometer), which certainly caused them great inconvenience. Experiencing these difficulties, the assembly took the decision unanimously. Following the results of the assembly's meeting, a petition regarding the resettlement case was made addressed to the General Directorate of the Altai district or Tomsk governorate government. It was unusual when villagers asked not only for construction permits, but also for financing to complete the construction, which varied between 2–3 thousand rubles. This indicates that peasants had the wish, but no resources to accomplish it at their own expense. However, it was often the case that the authorities dismissed this kind of petition, pointing out that "construction of a steam mill in the area with poor reserves and infertile in grain is of no particular need and will be a purely commercial venture pursuing only personal interests of petitioners" (GATO. F. 239. Op. 8. D. 68. L. 1).

Small and medium-sized ethnic enterprises developed against the background where large companies owned by Jews, Germans and Poles also continued to exist. Large-scale entrepreneurship in the early 20th century reached a new level of progress. Family businesses diversified their operations, which meant that a single trading house might encompass enterprises with different profiles. One good example is the trading

house "I. Fuksman i synoviya" (literally "I. Fuksman and Sons"), which apart from a distillery comprised flour mills, ships and so forth.

Before the outbreak of World War I, trading houses began converting into joint-stock companies. Among Jews, the first businessman who ventured to make a step in this direction was Minei Mariupolsky. In 1906, his relatives became equal founders in the trading house "Minei Mariupolsky i K°", while he became a managing director there. By 1911, he had ensured his dominant participation in the enterprise and initiated the reincorporation of a joint-stock company with the same name (authorized capital 800 thousand rubles). In 1912, the IPO process was generally completed (RGIA. F. 23. Op. 12. D. 1192. L. 104-104 ob.).

In the early 1910s, similar transformation started changing the milling industry in the Novo-Nikolaevsk (Novosibirsk). The largest company was "Altaiskaya fabrichno-promyshlennaya kompaniya" established in 1911 with the authorized capital 450 thousand rubles. In 1912, merchant Aron Kogan bought up contributions from the majority of its founders and joined the company's governance. Following the IPO, Kogan held 4,100 shares of 10 thousand shares that were issued (RGIA. F. 23. Op. 12. D. 1014. L. 29).

5. Conclusion

Thus, in the 2nd half of the 19th – early 20th century, Russia enjoyed economic modernization. This process proceeded at a faster pace in the central regions of the empire. The population in Asiatic Russia was unprepared for the rapid transition to capitalism in the economy. The role of agents promoting capitalist relations in industry and agriculture was assumed by European communities which were founded here (German, Polish, and Hebrew communities). Over the 2nd half of the 19th – early 20th century, they managed to identify and fill their niches in the regional economy. This process can be considered in two stages:

- the 60s – 90s of the 19th century
- 1900 – 1917.

This time witnessed a substantial transformation in the economic life of ethnic communities in Russian provincial areas. The first period is characterized by the predominance of large individual ethnic entrepreneurs, who were major players in various sectors (production of mineral raw materials, distillation, construction, transport, etc.). This can be explained by the social composition of the group that had large amounts of capital, kinship, and could be incorporated into the regional business elite.

The second period is associated with a dramatic increase in the number of ethnic communities. Migration flows in the early 20th century made European communities more exposed to peasantry. Along with poor Polish peasants and German colonists, Siberia was also a resettlement destination for prosperous rural bourgeoisie, who saw it as an opportunity to generate more capital. This led to the emergence of small and medium German, Polish, Estonian, Latvian, and other entrepreneurs who were mainly oriented on agriculture and agricultural produce processing.

6. Acknowledgements

Materials for the article have been collected thanks to the program established by the Sefer Center to support academic research in Jewish studies (a grant from Genesis Philanthropy Group as part of the charitable program Jewish Communities set up by the Charities Aid Foundation).

Литература

Карих, 2004 - Карих Е.В. Межэтнические отношения в Западной Сибири в процессе ее хозяйственного освоения. XIX – начало XX в. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2004.

ГААК - Государственный архив Алтайского края.

Кеннан, 1906 - Кеннан Дж. Сибирь и ссылка. В 2-х ч. СПб., 1906.

Кротт, 2010 - Кротт И.И. Сельскохозяйственное предпринимательство: поведенческие стратегии и практики в условиях трансформации сибирского общества (1914–1920 годы). Омск: Изд-во ОмГПУ, 2010.

Маамяги, 1990 - Маамяги В. Эстонцы в СССР, 1917 - 1940. Таллинн: "Наука", 1990.

Морозов, 1908 - Морозов И.М. Алтайский округ в колонизационном отношении. Полтава: Типография Ф.Ф. Шиндлера, 1908.

ГАТО - Государственный архив Томской области.

Огановский, 1921 - Огановский Н.П. Народное хозяйство Сибири. Омск: Сиб. отд-ние Всерос. центр. союза потреб. о-в, 1921.

Рабинович, 1975 - Рабинович Г.Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX – начала XX вв. Томск: Изд-во ТГУ, 1975.

Скубневский, 2008 - Скубневский В.А. Источники изучения хозяйственной деятельности поляков в Сибири (вторая половина XIX – начало XX в.) // Восточная Европа и Россия: история, современное состояние и перспективы взаимоотношений / Под ред. М.И. Дибровой, В.Н. Шайдурова. СПб.: Изд-во Невского ин-та языка и культуры, 2008. С. 82-92.

Скубневский, 2009 - Скубневский В.А. Поляки в администрации и хозяйственной деятельности на Алтае в XVIII – начале XX в. // Мир Евразии. 2009. № 3 (6). С. 66-71.

Скубневский, 2010 - Скубневский В.А. Немецкое предпринимательство на Алтае во второй половине XIX - начале XX в. // *Известия Алтайского государственного университета. Серия "История"*. 2010. № 3-4. С. 198-202.

РГИА - Российский государственный исторический архив.

Шайдуров, 2003 - Шайдуров В.Н. Формирование и социально-экономическое развитие немецкой диаспоры на Алтае. Конец XIX - начало XX в. Барнаул: Изд-во "Полиграф-сервис", 2003.

Шайдуров, 2013 - Шайдуров В.Н. Евреи, немцы, поляки в Западной Сибири XIX - начала XX в. СПб.: Изд-во Невского ин-та языка и культуры, 2013.

Якименко, 1983 - Якименко Н.А. Аграрные миграции в России (1861- 1917 гг.) // Вопросы истории. 1983. - № 3. С. 17-31.

Bater, 1985 - Bater James H. Jo Ann Ruckman. The Moscow Business Elite: A Social and Cultural Portrait of Two Generations, 1840-1905 [Review] // *Canadian-American Slavic Studies*. 1985. Volume 19. Issue 1. pp: 71-72.

Fast, 1954 - Fast G. In den Steppen Sibiriens. Winnipeg, 1954.

Kappeler, 1992 - Kappeler A. Russland als Vielvoelkerreich. Muenchen: Verlag C.H. Beck, 1992.

Lee, 1914 - Lee J.C. Across Siberia Alone. An American Women's Adventures. New York, 1914.

Librowicz, 1884 - Librowicz Z. Polacy w Syberji. Krakow: Gebethner I Spolka, 1884.

Ruckman, 1984 - Ruckman Jo Ann. The Moscow Business Elite: A Social and Cultural Portrait of Two Generations, 1840-1905. DeKalb: Northern Illinois University Press, 1984.

Shaidurov, 2016 - Shaidurov V. Poles in the economy of Siberia and Central Asia in the second half of the 19th century (as illustrated in the Poklewski-Koziell family) // *International Business Management*. 2016. Volume 10. Issue 3, pp: 194-199.

References

Bater, 1985 - Bater James H. Jo Ann Ruckman. The Moscow Business Elite: A Social and Cultural Portrait of Two Generations, 1840-1905 [Review] // *Canadian-American Slavic Studies*. 1985. Volume 19. Issue 1. pp: 71-72.

Fast, 1954 - Fast G. In den Steppen Sibiriens [In the steppes of Siberia]. Winnipeg, 1954. [in German].

РГИА - Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive].

Kappeler, 1992 - Kappeler A. Russland als Vielvoelkerreich. Muenchen: Verlag C.H. Beck, 1992. [in German].

Karikh, 2004 - Karikh Ye.V. Mezhetnicheskie otnosheniia v Zapadnoi Sibiri v protsesse ee khoziaistvennogo osvoeniia. XIX – nachalo XX v. [Interethnic relations in Western Siberia in the process of its economic reclamation. The 19th – early 20th century]. Tomsk: Tomsk University Press, 2004. 233 p. [in Russian].

ГААК - Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraia [State Archives of the Altai Krai]

Kennan, 1906 - Kennan G. Sibir' i ssylka [Siberia and the exile system]. St. Petersburg, 1906.

Krott, 2010 - Krott I.I. Sel'skokhoziaistvennoe predprinimatel'stvo: povedencheskie strategii i praktiki v usloviakh transformatsii sibirskogo obshchestva (1914 - 1920 gody) [Agricultural entrepreneurship: behavioral patterns and strategies amidst the transformation of Siberian society (1914-1920)]. Omsk: OmSPU Press, 2010. [in Russian].

Lee, 1914 - Lee J.C. Across Siberia Alone. An American Women's Adventures. New York, 1914.

Librowicz, 1884 - Librowicz Z. Polacy w Syberji [Polen in Siberia]. Krakow: Gebethner I Spolka, 1884. [in Polish].

Maamyagi, 1990 - Maamyagi V. Estontsy v SSSR, 1917 - 1940 [The Estonians in the USSR, 1917 – 1940]. Moscow: "Nauka", 1990. [in Russian].

Morozov, 1908 - Morozov I.M. Altaiskii okrug v kolonizatsionnom otnoshenii [The Altai district in relation to colonization]. Poltava, F.F. Shindler Press, 1908. [in Russian].

ГАТО - Gosudarstvennyi arkhiv Tomskoi oblasti [State Archives of the Tomsk Region].

Oganovsky, 1921 - Oganovsky N.P. Narodnoe khoziaistvo Sibiri [The national economy of Siberia]. Omsk, 1921. [in Russian].

Rabinovich, 1975 - Rabinovich G.H. Krupnaia burzhuaziia i monopolisticheskii kapital v ekonomike Sibiri kontsa XIX – nachala XX vv. [The big bourgeoisie and monopoly capital in Siberian economy, the late 19th and early 20th centuries]. Tomsk: Tomsk University Press, 1975. [in Russian].

Ruckman, 1984 - Ruckman Jo Ann. The Moscow Business Elite: A Social and Cultural Portrait of Two Generations, 1840-1905. DeKalb: Northern Illinois University Press, 1984.

Shaidurov, 2003 - Shaidurov V.N. Formirovanie i sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie nemetskoj diaspory na Altae. Konets 19 - nachalo 20 v. [Formation and socio-economic development of the German diaspora in Altai. The end of the 19th – early 20th century]. Barnaul: Poligraph-servis, 2003. [in Russian].

Shaidurov, 2013 - Shaidurov V.N. Evrei, nemtsy, poliaki v Zapadnoi Sibiri 19 - nachala 20 v. [Jews, Germans, Poles in Western Siberia in the 19th – 20th century]. St. Petersburg: Nevsky Institute of Language and Culture Press, 2013. [in Russian].

Shaidurov, 2016 - *Shaidurov V.* Poles in the economy of Siberia and Central Asia in the second half of the 19th century (as illustrated in the Poklewski-Koziell family) // *International Business Management*. 2016. Volume 10. Issue 3, pp: 194-199.

Skubnevskiy, 2009 - *Skubnevskiy V.A.* Poliaki v administratsii i khoziaistvennoi deiatel'nosti na Altae v XVIII - nachale XX v. [Poles in the administration and economic activity of the Altai region in the 18th - the Beginning of the 20th Centuries] // *World of Eurasia*. 2009. Volume 3. pp: 66 - 71. [in Russian].

Skubnevskiy, 2010 - *Skubnevskiy V.A.* Nemetskoe predprinimatel'stvo na Altae vo vtoroi polovine 19 - nachale 20 v. [German Free Entrepreneurship in Altai in the Second Half of 19th - the Beginning of 20th Centuries] // *The News of Altai State University*. 2010. Volume 4. Issue 3, pp: 198 - 202. [in Russian].

Skubnevskiy, 2008 - *Skubnevskiy V.A.* Istochniki izucheniia khoziaistvennoi deiatel'nosti poliakov v Sibiri (vtoraia polovina 19 – nachalo 20 v.) [Sources of the study of economic activity of Poles in Siberia (second half of the 19th – early 20th century)] // *Eastern Europe and Russia: history, current state and prospects for mutual relations*. Kiklevich A.K. and Shaidurov V.N. (ed.) St. Petersburg: Nevsky Institute of Language and Culture Press, 2008. pp: 82-92. [in Russian].

Yakimenko, 1983 - *Yakimenko N.A.* Agrarnye migratsii v Rossii (1861 - 1917 gg.) [Agricultural migration in Russia (1861 - 1917)] // *Voprosy istorii*. 1983. Issue 3. p: 17-31. [in Russian].

УДК 940

Национальное предпринимательство в Российской империи в эпоху экономической модернизации второй половины XIX – начала XX в. (на примере Сибири)

Владимир Николаевич Шайдуров ^{а, *}

^а Санкт-Петербургский горный университет (Горный университет), Российская Федерация

Аннотация. Во второй половине XIX в. в России началась модернизация политического строя, которая ускорила процесс капиталистического развития экономики. Отмена сегрегационных норм способствовала формированию в промышленности и сельском хозяйстве буржуазных отношений. Более быстрыми темпами экономическая модернизация протекала в Европейской России. Национальные окраины в азиатской части Российской империи значительно отставали от центра. Русское население Сибири было оторвано от экономических ценностей, которые к середине XIX в. распространились в Европе. Проводниками капитализма в промышленности и сельском хозяйстве стали представители нерусских народов (евреи, немцы, поляки, эстонцы, латыши и пр.). Они стали новыми буржуа из числа бывших чиновников, которые имели необходимые связи для устройства заводов, и торговцев, накопивших большие капиталы. Во второй половине XIX в. главную роль играло индивидуальное предпринимательство в среде национальных общин. Оно охватило те сферы промышленности, к которым у русских в Сибири не было экономического интереса, и которые требовали больших капиталовложений (винокурение, пароходство). В начале XX в. социальный состав общин был размыв крестьянами, которые стали основной частью миграционных потоков в Сибирь. В результате произошло смещение акцентов на сферу мелкого и среднего предпринимательства в аграрном секторе. Цель статьи – показать на конкретных примерах зависимость национального предпринимательства от социального состава общин и определить его место в региональной экономике в условиях политической модернизации и начавшейся индустриализации. Основанием для исследования стали документы из архивов, статистические сборники и современные исследования. Работа построена на основе компаративизма.

Ключевые слова: экономическая модернизация, капитализм, Россия, национальное предпринимательство, миграции, еврейская община, немецкая община, польская община, Сибирь.

* Корреспондирующий автор

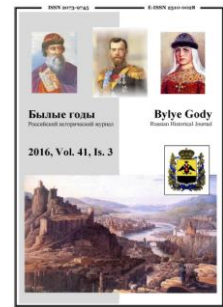
Адреса электронной почты: s-w-n@mail.ru (В.Н. Шайдуров)

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
ISSN: 2073-9745
E-ISSN: 2310-0028
Vol. 41, Is. 3, pp. 675-687, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 930

The Discoveries and Achievements of Modern Historiography of the Don Cossacks in the Second Half of the XIX Century

Oleg E. Chuikov ^{a,*}, Igor A. Gordeev ^b, Valery V. Batyrov ^c

^a Kursk state University, Russian Federation

^b Southwestern state University, Russian Federation

^c Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

The article examines the current historiography of the Don Cossacks in the second half of the XIX century, there is described the traditional and the alternative concepts advanced by historians after 2000 year. The article analyses the main studies on this chronological period, their advantages and disadvantages. It is shown that many of the events and reforms are not sufficiently understood so far. The authors note that the increase in the number of specialists on Don history of 1860–1890 should be considered the major trend in the development of modern historiography of this period, and it is hoped that the range of the studied issues will only expand in the future, and the level and number of publications revealing new facts and offering new concepts will continue to grow.

Keywords: Don Cossacks, historiography, A.A. Volvenko, O.B. Herman, A.N. Karpenko, S.Y. Krasnov, A.Y. Peretyatko, R.G. Tikidzhyan.

1. Введение

Новое тысячелетие ознаменовалось существенным ростом внимания ученых к истории донского казачества второй половины XIX в. В предшествующий период доминировала несколько иная тенденция, и 1860–1890 гг. обычно рассматривались как предисловие к бурным событиям начала XX в. Подобный подход был обоснован Р.Г. Тикиджьяном, который неоднократно подчеркивал, что «исследование научной проблемы влияния модернизационных и революционных процессов на трансформацию казачьих сообществ бесспорно требует широких временных рамок (по крайней мере, середина XIX – первая половина XX в.)» (Тикиджьян, 2013). В результате в 1990 г. вышел ряд книг, написанных специалистами по истории Дона в период революции и гражданской войны, однако затрагивающих и события последних десятилетий XIX в. (Козлов, 1996; Трут, 1997)

Возможность иного подхода продемонстрировал советский историк И.П. Хлыстов, выпустивший в 1962 г. монографию «Дон в эпоху капитализма. 1860-е – середина 1890-х годов. Очерки по истории Юга России» (Хлыстов, 1962). Он рассматривал 1860–1890 гг. как требующий отдельного изучения период, со своими тенденциями и особенностями. Благодаря этому его книга оказалась насыщена фактическим материалом. В противоположность этому обобщающие работы Л.И. Футорянского и В.П. Трута по истории казачества второй половины XIX – начала XX вв. подвергались критике именно за их общий характер, схематизм и невнимание к деталям (Малукало, 2003).

Несмотря на подобные недостатки, обобщающие работы 1990 г. продемонстрировали актуальность исследования пореформенного периода на Дону и способствовали развитию у молодых ученых интереса к этому времени. Уже в 1998 г. А.А. Волвенко защитил диссертацию, специально посвященную земским преобразованиям на территории Области Войска Донского в 1864–1882 гг.

* Corresponding author

E-mail addresses: chuikov-ru@mail.ru (O.E. Chuikov), gordeev_ia@mail.ru (I.A. Gordeev), valerabatyrov@gmail.com (V.V. Batyrov)

(Волвенко, 1998а). Но настоящий перелом наметился в новом тысячелетии, когда еще три исследователя защитили диссертации по истории донского казачества второй половины XIX в.: Е.Е. Волошина в 2006 г. (Волошина, 2006b), А.Н. Карпенко в 2008 г. (Карпенко, 2008) и А.Ю. Перетятыко в 2014 г. (Перетятыко, 2014а). Появление ученых, специализирующихся на истории Дона 1860–1890 гг., не могло не сказаться на количестве и качестве публикаций по данной проблематике. Поэтому сейчас представляется особенно актуальным историографический обзор их работ, выявление наиболее дискуссионных и важных тем, поднятых в них, а так же предложенных авторами концепций эволюции казачества во второй половине XIX в.

2. Материалы и методы

Материалом для статьи послужили новейшие исследования по истории донского казачества в пореформенный период, в основном опубликованные после 2000 г. Подробному анализу с использованием сравнительного метода подвергались обобщающие работы тех авторов, которые систематически обращались в своем творчестве к периоду 1860–1890 гг. (А.А. Волвенко, О.Б. Герман, А.Н. Карпенко, С.Ю. Краснова, А.Ю. Перетятыко, Р.Г. Тикиджьяна). Для обозначения наиболее изученных проблем в конце статьи применен описательный метод.

3. Обсуждение

Новейшая историография донского казачества второй половины XIX в. до настоящего времени специально не изучалась. А.Н. Карпенко в своей статье, посвященной историографии данного периода, сделал акцент на досоветском и советском этапах. Работы, написанные после 1991 г. он привел общим списком, причем в нем преобладают общие труды по истории казачества, в которых пореформенным десятилетиям уделен минимум места (Карпенко, 2006). Е.Е. Волошина в обзоре литературы об участии донских казаков в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. не рассматривала постсоветские работы (Волошина, 2006). Больше статей на эту тему в последние годы не публиковалось.

4. Результаты

Традиционная точка зрения на историю донского казачества во второй половине XIX в. была наиболее полно выражена в последние годы в диссертационном исследовании А.Н. Карпенко, ставшем основой для нескольких статей этого автора (Карпенко, 2007; Карпенко, 2006). А.Н. Карпенко поставил перед собой задачу проследить за всеми сферами жизни донского казачества в связи с процессом их реформирования (Карпенко, 2008). Автор отказался от принятого в советской историографии разделения 1860–1890 гг. на периоды «Великих реформ», связанных с личностью Александра II, и контрреформ, проводившихся при Александре III. Вместо этого он предложил рассматривать пореформенный период на Дону как единую модернизационную эпоху, развивая идеи, высказывавшиеся историком старшего поколения Р.Г. Тикиджьяном (Тикиджьян, 1997). Ответственность за общий курс реформ исследователь возлагает исключительно на «царское правительство», заложившее под казачество «мину замедленного действия». По его мнению, проведение реформ на Дону было необходимо, но имперские власти не смогли обеспечить встраивание феодальной системы казачества в быстро развивающееся капиталистическое общество, а голос рядовых казаков не был услышан (Карпенко, 2008). А.Н. Карпенко описал работу местных комиссий и комитетов, но в его интерпретации они выглядят декоративными органами, решения которых принимались во внимание только в том случае, если удовлетворяли мнению центральных властей (Карпенко, 2007).

А.Н. Карпенко не рассматривает какую-либо реформу как центральную или определяющую для правительственной политики. По его мнению, реформирование донского казачества коснулось четырех основных сфер: административно-правовой (Карпенко, 2007), военной (Карпенко, 2007), земельной (Карпенко, 2008) и народного просвещения (Карпенко, 2006). Его диссертацию (но не опубликованные статьи) можно рассматривать как наиболее общее исследование по истории донского казачества 1860–1890 гг. Понятно, что в рамках подобного исследования некоторые темы оказались раскрыты существенно менее полно, чем в узкоспециализированных работах. История земской реформы на Дону, которой А.Н. Карпенко уделяет много внимания, была за десятилетие до него более подробно исследована А.А. Волвенко (Волвенко, 1998; Волвенко, 2003). Монография И.П. Хлыстова остается лучшей работой об экономике донского края и системе казачьего землепользования во второй половине XIX в. (Хлыстов, 1962). А.Ю. Перетятыко критиковал А.Н. Карпенко за поверхностную характеристику военных реформ (Перетятыко, 2014). Несмотря на подобные недостатки, неизбежные в обобщающей работе, диссертация А.Н. Карпенко содержит достаточно полную характеристику эволюции донского казачества во второй половине XIX в. в целом.

К числу бесспорных достижений автора следует отнести описание системы образования на Дону, особенно учитывая малую изученность данной тематики. А.Н. Карпенко проследил и за динамикой развития учебных заведений, и за дифференциацией числа учащихся по сословиям. Трудно не согласиться с его оценкой донского образования как крайне отсталого, даже по меркам

российских окраин (по числу школ на душу населения Донское войско занимала последнее место среди других иррегулярных войск) (Карпенко, 2006). А.Н. Карпенко, помимо традиционных для современных донских историков материалов ГАРО и РГВИА, широко использовал хранящуюся в Российской государственной библиотеке переписку донских атаманов.

Альтернативная точка зрения на процесс реформирования донского казачества была наиболее подробно изложена А.Ю. Перетясько. Хотя его монография посвящена военной службе казачества, ее автор «исходил из обоснованного Ф. Энгельсом и Ф. Мерингом положения о том, что организация любой армии является производной от мирной жизни соответствующего государства» (Перетясько, 2014), и достаточно подробно описал экономическое и политико-правовое развитие Области Войска Донского в пореформенный период. Современный историк высказал целый ряд положений, претендующих на оригинальность и научную новизну, но не всегда достаточно обоснованных. Им было поставлено под сомнение традиционное в историографии мнение о донском казачестве как о пассивном объекте правительственных реформ, не способном в условиях отсутствия демократических представительных институтов отстаивать свои интересы (до А.Н. Карпенко подобную точку зрения высказывали Е.И. Дулимов и А.И. Козлов) (Козлов, 1996; Дулимов, 2002). А.Ю. Перетясько показал, что, хотя комиссия из донских офицеров, принимавшая участие в разработке военной реформы, резко критиковала правительственный проект, многие ее пожелания были учтены (Перетясько, 2014). Учитывая распространенность практики формирования подобных комиссий для обсуждения и корректировки правительственных реформ, А.Ю. Перетясько предложил использовать при изучении истории Области Войска Донского концепцию «привилегированной окраины» А. Каппелера (Перетясько, 2014). В соответствии с этой концепцией, для многонациональных империй Габсбургов и Романовых были характерны попытки найти компромисс между имперской и региональными элитами, представителям регионов предоставлялся широкий спектр прав и существенное, хотя и ограниченное, влияние на правительственную политику (Каппелер, 2008). Деятельность местных комиссий и комитетов, принимавших участие в разработке важнейших реформ донского казачества, в последние годы постоянно привлекает внимание историков (Тикиджьян, 2014; Перетясько, 2013; Волвенко, 1998). Поэтому можно только приветствовать попытки А.Н. Карпенко и А.Ю. Перетясько определить их роль в общей системе функционирования государственной машины на Дону, и надеяться, что дальнейшая дискуссия на эту тему окажется плодотворной.

А.Ю. Перетясько подверг критике так же утверждение о обезземеливании донских казаков, препятствующем несению ими военной службы. На основании архивных материалов и данных М.Н. Харузина он пришел к выводу, что большая часть казачьих хозяйств могла обеспечить самостоятельный выход казака на службу на собственном коне и с полной исправной амуницией. Но многие хозяева не желали жертвовать своим благосостоянием ради службы, и это уже не вызывало осуждения в станицах (Перетясько, 2014).

Большая часть монографии посвящена военной реформе 1870 гг., которую автор считает ключевой для дальнейшего развития донского казачества. По мнению А.Ю. Перетясько, консервативный курс правительства в донском регионе возобладал с началом ее проведения, а не с восшествием на престол Александра III, как в остальной России (Перетясько, 2014). Эта точка зрения подвергалась критике в новейшей литературе. Против нее выступил Р.Г. Тикиджьян, предложивший не отрывать ситуацию на Дону от российского контекста, и сохранить традиционную периодизацию, хотя и уточнив ее с учетом новых исторических открытий (Тикиджьян, 2016). Независимо от того, кто прав в данной дискуссии, следует отметить, что до А.Ю. Перетясько подготовка к проведению данной реформы не изучалась историками, и большую часть связанных с ней фактов он впервые вовлек в научный оборот. Если согласно традиционной трактовке в пореформенные десятилетия правительство бюрократически навязывало казачеству устаревшую «средневековую» военную систему службы (Козлов, 1996), то в интерпретации А.Ю. Перетясько в 1860 гг. правительство было готово пойти на самые радикальные реформы, вплоть до ликвидации казачества как военного сословия, а консервативной силой, выступившей против подобного развития событий, были сами казаки. Не сумев преодолеть оппозиции местных комитетов и комиссий, военное министерство постепенно вернулось к традиционной политике. Данное решение было поддержано местной элитой, принявшей активное участие в разработке проекта военной реформы, не предусматривавшей изменения исторически сложившейся организации службы. А.Ю. Перетясько считает, что реализация этой реформы означала отказ от первоначально планировавшихся «системного преобразования или полной ликвидации» Донского войска. Дальнейшие попытки совместить либеральные реформы гражданской жизни казачества с консервацией его военно-служилой системы оказались неудачны (Перетясько, 2014). Мы видим, что в рамках авторской логики сохранение исторически сложившихся институтов на Дону и консервативный курс правительства по отношению к донскому казачеству в последние десятилетия существования Российской империи были следствием совместного выбора военного министерства и донской элиты, сделанного в начале 1870 гг.

Отдельного внимания заслуживает монография Р.Г. Тикиджьяна «Донское казачество в конце XIX – начале XX века. Исторический портрет» (Тикиджьян, 2013), хотя и посвященная более

широкому хронологическому периоду. Современный историк старшего поколения в этой работе не отошел от своих прежних взглядов, согласно которым даже не 1861–1905 гг., как это делает А.Н. Карпенко, а 1855–1917 гг. следует рассматривать совокупно, как время «модернизационных процессов» донского казачества. Р.Г. Тикиджьян считает, что главной целью этой модернизации было «преодоление остатков феодально-крепостного состояния, становления в России основ рыночной, индустриальной экономики и гражданского общества», но достижение этих целей неизбежно сопровождалось «расскачиванием», «потерей большей частью казачьего сообщества основных признаков военно-служилого сословия, статуса военных земледельцев» (Тикиджьян, 2013: 83). По его мнению, Александр II колебался при выборе между модернизацией и сохранением казачества в качестве военного сословия, но при его преемниках курс на консервацию казачьих институтов возобладал (Тикиджьян, 2013: 85). Вопрос о влиянии местной элиты на выбор этого курса Р.Г. Тикиджьяном не поднимается, хотя он и признает, что «казачья войсковая и чиновная элита» участвовала в обсуждении некоторых реформ (Тикиджьян, 2013: 87). Автор не рассматривает детали проводимых реформ, и его монография представляет собой скорее концептуальную, чем фактографическую ценность для изучения донского казачества пореформенного периода.

Примером подобной ценности может служить указание Р.Г. Тикиджьяна на необходимость изучения «личностного фактора» в истории донского казачества (Тикиджьян, 2013: 88). Ему самому принадлежит биографическая статья о донском атамане Н.И. Святополк-Мирском (Тикиджьян Р.Г.), в последние годы выпустил несколько работ о чиновниках центрального аппарата военного министерства А.А. Волвенко (Volvenko, Chebotarev, 2015; Volvenko, 2016). Попытку связать особенности проведения крестьянской реформы на Дону с характерами быстро сменявшихся в 1860 гг. атаманов предпринял А.Ю. Перетятко (Peretyatko, 2016). Судя по этим работам, чиновники войсковой администрации и главного управления казачьих войск военного министерства оказывали существенное влияние на правительственный курс своими советами и отчетами, а при выполнении правительственных заданий многое зависело от их желания строго следовать букве и духу законов. Р.Г. Тикиджьян беспорно прав, призывая к более углубленной разработке данной тематики, но его книга прорывом в ней не стала. В ней отсутствуют биографии или характеристики деятельности исторических лиц пореформенного Дона. Автор ставил перед собой задачу привлечь внимание ученого сообщества к проблеме, а не разрешить ее.

И в других случаях Р.Г. Тикиджьян останавливается на темах, интерес ученых к которым в последнее десятилетие ощутило повысился. Он уделяет серьезное внимание этническим проблемам донского региона (Тикиджьян, 2013: 81–83), а две статьи на эту тему были в последние годы выпущены А.Ю. Перетятко (Peretyatko, 2015; Перетятко, 2015). Им дается краткая характеристика казачьих «партий» (Тикиджьян, 2013), а цикл статей на эту тему был подготовлен А.А. Волвенко (Volvenko, 2015; Volvenko, 2015a; Volvenko, 2015b). Едва ли в данном случае можно говорить о прямом влиянии, скорее современный исследователь грамотно расставил приоритеты, коснувшись в своей монографии именно той проблематики, которая прежде изучалась недостаточно, из-за чего в настоящее время обретает новую актуальность. Учитывая очевидное влияние идей Р.Г. Тикиджьяна о едином периоде казачьей модернизации на диссертационное исследование А.Н. Карпенко, можно надеяться, что и новая его книга найдет своего читателя.

Обзор важнейших книг по истории донского казачества 1860–1890 гг. был бы не полон без работ современных юристов. История права у казаков активно разрабатывалась и в предшествующие десятилетия Е.И. Дулимовым, защитившим диссертацию на эту тему (Дулимов, 2003) и опубликовавшим ряд книг (Дулимов, 1998; Дулимов, 2002). Но исследователь старшего поколения занимался историей казачьего права в целом, не уделяя специального внимания второй половине XIX в. С наступлением нового тысячелетия ситуация изменилась. В 2003 г. была опубликована монография О.Б. Герман «Правовое положение крестьянства и казачества Юго-Востока Европейской России в 1861–1920 гг.» (Герман, 2003). Значительная часть этой работы посвящена второй половине XIX в., причем автор старается четко проследить связь между введением новых законоположений и ситуацией на Дону. Работу О.Б. Герман можно считать лежащей на стыке обычной истории и истории права.

Концепция эволюции казачества, легшая в основу данной монографии, вполне традиционна. По мнению О.Б. Герман, казаки интересовали правительство преимущественно как военная сила, их положение было тяжелым в экономическом и правовом отношении, а возможности влиять на правительственный курс они не имели. Военное министерство пыталось заигрывать с казачьей элитой, предоставляя ей широкие привилегии, и при этом ограничивало права рядовых казаков. Эта традиционная концепция обосновывается богатейшим фактографическим материалом по истории права, зачастую впервые вовлекаемым в научный оборот и имеющим самостоятельную ценность.

На основании этого материала О.Б. Герман пришла к дискуссионным выводам о взаимодействии у казаков обычного и официального права. Автор впервые в современной историографии описала деятельность станичных судов, которые в своих решениях руководствовались не законами, но местными традициями, оправдывая подсудимых за «примерное поведение» в прошлом. Исследователь утверждает, что данный орган не пользовался уважением у казаков, и они

пытались даже с помощью подлога передавать дела в ведение более уважаемых мировых судей (Герман, 2003: 203-228). Исходя из недоверия казаков к обычному праву, О.Б. Герман уделяет основное внимание официальным законоположениям, изыскивая в них важные, но малоизвестные детали. Это относится не только к ее монографии, но и к более поздним публикациям, в которых отмечался, например, юридический запрет на вступление казаков в брак до завершения службы (Герман, 2011). Подробно рассматривается в ее работах и процесс создания новых законов, причем она приходит к выводу, что «царизм старался соблюдать внешнюю «демократичность» в обращении с донским казачеством», но «окончательная судьба всех донских реформ, включая и судебную, решалась в центре» (Герман, 2011а).

Принципиально иной подход к праву у донских казаков разработан в многочисленных трудах С.Ю. Краснова, специально посвященных второй половине XIX в. По мнению этого исследователя, на станичном уровне доминировало обычное право, применявшееся не официальными инстанциями, а законодательно не прописанными, но традиционными органами. Примером такого органа могли служить суды станичных сходов, официально запрещенные, но на практике продолжающие функционировать. На основании многочисленных свидетельств современников С.Ю. Краснов приходит к выводу, что «принципы законности и справедливости, закрепленные в официальном законодательстве Российской империи, не применялись в организации и деятельности судов хуторских сходов, которые руководствовались своими обычно-правовыми представлениями о законности и справедливости» (Краснов, 2013).

Придя к таким выводам, С.Ю. Краснов сосредоточил свое внимание на изучении обычного, а не официального права. Этой теме посвящены две его недавно выпущенные монографии (Краснов, 2010; Краснов, 2011). Правительственной политике по отношению к Дону в них уделяется минимум места. Автор упоминает о реформах и новых законоположениях, но считает их влияние на станичную жизнь достаточно ограниченным. В его интерпретации местные чиновники редко применяли в своей деятельности нормы официального законодательства, а в некоторых случаях даже сознательно игнорировали их, чтобы защитить сохранение местных обычаев. Этой практике способствовал крайне низкий уровень делопроизводства и невнимание высших инстанций к нарушениям (Краснов, 2010а). С.Ю. Краснов впервые попытался выявить особенности эволюции у казаков обычного права, а так же определить степень его вариативности в различных частях региона (Краснов, 2011а).

Если О.Б. Герман опиралась главным образом на законодательные акты и архивные документы, то работы С.Ю. Краснова реконструируют правоприменительную практику казачества на основе свидетельств современников в периодической и непериодической прессе. Монографии этих авторов дополняют друг друга, и благодаря этим работам современных юристов исследование казачьего права во второй половине XIX в. шагнуло далеко вперед. При учете сравнительного малого количества книг по истории донского казачества 1850–1890 гг. невозможно переоценить их значение не только для юристов, но и для историков.

Общая характеристика этого периода дается так же во многих книгах по истории донского казачества в целом. Большинство подобных работ носит самый общий характер и не содержат значимой информации по сравнению со специализированными исследованиями. Из этого ряда выбивается очерк А.А. Волвенко «Донское казачество во второй половине XIX – начале XX в.», опубликованный в коллективной монографии «Очерки истории и культуры казачества Юга России» (Волвенко, 2014). А.А. Волвенко является одним из наиболее значимых исследователей пореформенного казачества, но в отличие от большинства коллег до сих пор не систематизировал свои взгляды в отдельной книге, а большинство его статей носит узкоспециальную направленность (Волвенко, 2014а; Волвенко, 2007). Поэтому о концепции эволюции казачества в 1860–1890 гг., которой придерживается данный автор, можно судить только из этого очерка.

По многим вопросам позиция А.А. Волвенко ближе к утверждениям, высказывавшимся С.Ю. Красновым и А.Ю. Перетятко, а не мнениям, которые традиционно господствовали в историографии. Признавая значение центрального аппарата военного министерства в управлении Областью Войска Донского, исследователь подчеркивает, что в его состав входил так называемый казачий комитет, состоящий из представителей всех казачьих войск. А.А. Волвенко признает, что данный орган носил законосовещательный характер, но, в отличие от О.Б. Герман, не считает, что его можно считать фикцией (Волвенко, 2014: 202). Современный исследователь находит, что на правительственный курс серьезное влияние оказывала не только местная элита, но и действия рядовых казаков. По его мнению, в 1862 г. в Донском войске ознаменовался беспорядками в нескольких станицах, и для стабилизации положения имперское правительство было вынуждено законодательно гарантировать неприкосновенность привилегий донского казачества (Волвенко, 2014: 195). Казачьи хозяйства 1860 гг. он считает «многоземельными», и проблемы с выходом казаков на службу увязываются им с несовершенством системы местных администраций. Солидаризируясь с С.Ю. Красновым, А.А. Волвенко приходит к выводу, что в 1870–1878 г. станичные управления не следовали официальным законоположениям, в некоторых из них ни разу не было кворума на сходах, но станичные атаманы все равно следовали их решениям. В результате в большинстве станиц не оказалось необходимого резерва общественных сумм для помощи в снаряжении бедных казаков (Волвенко, 2014: 205). А.А. Волвенко доходит даже до утверждения, что «Прописанные буквой закона

размеры паев, порядок разделения земель и др. привычные сельскохозяйственные понятия, встречающиеся в различных текстах, посвященных аграрным вопросам, на практике являлись скорее исключением, чем правилом» (Волвенко, 2014: 200).

А.А. Волвенко считает, что пореформенные десятилетия были периодом интеграции Донского войска в социально-экономическое и правовое пространство Российской империи. Главное противоречие в ходе этого процесса возникло, по мнению современного исследователя, между модернизационными процессами, характерными для страны в целом, и консервативной позицией большинства донских казаков. Он, как и А.Ю. Перетяtko, считает важнейшим рубежом начало военной реформы в 1871 г. До начала ее проведения имперское правительство в интерпретации А.А. Волвенко стремилось достигнуть частичной демилитаризации донских казаков путем их разделения на служилый и не служилый классы, по примеру Оренбургского войска. Реформирование донских частей с целью увеличения их численности и боеспособности означало отказ от этой идеи и возврат к традиционным приоритетам в правительственной политике. А.А. Волвенко считает данное решение самым важным в 1860–1890 гг., и более значимым для победы консервативного курса по отношению к казачеству, чем восшествие на престол Александра III (Волвенко, 2014: 191–192).

Таковы основные общие работы, содержащие общую концепцию истории донского казачества в пореформенные десятилетия. Их органически дополняют специальные статьи, в том числе и написанные историками, в основном занимающимися другими хронологическими периодами. Традиционно наибольшее внимание исследователей привлекали две проблемы: реформы донского казачества и его участие в боевых действиях. К сожалению, назвать их вполне изученными нельзя.

Процесс реформирования донского казачества до сих пор освещался крайне неравномерно. Внимание чаще всего привлекали реформы 1860–1870 гг., в первую очередь введение на Дону земств. Помимо специальных статей А.Н. Карпенко и А.А. Волвенко на это тему, указанных выше, стоит отметить так же работы Р.Г. Тикиджьяна (Тикиджьян Р.Г.) и А.Ю. Перетяtko (Перетяtko, 2013). Предпринимались и попытки охарактеризовать процесс реформирования казачества в целом (Волвенко, 2007: 26–29; Перетяtko, 2013; Перетяtko, 2014; Тикиджьян, 2013). Разумеется, реформы донского казачества анализировались и в рассмотренных нами монографиях, особенно в специально посвященной данной тематике работе А.Н. Карпенко. Но многие значимые реформы оказались не описаны сколько-либо подробно в общих работах, а специальных статей о них почти нет. Остается почти не изученным освобождение крестьян на Дону. На эту тему можно отметить только статью И.А. Ревина о подготовке реформы (Ревин И.А.) и статью А.Ю. Перетяtko о ее проведении в одной из деревень (Peretyatko, 2016). Судебной реформе на Дону посвящена только одна статья О.Б. Герман (Герман, 2011а: 100–104), передаче Таганрога, Ростова-на-Дону и Азова в состав Области Войска Донского – одна статья А.Ю. Перетяtko, причем даже не самой передаче, состоявшейся в 1887 г., а ее неудачной попытке в 1874–1876 гг. (Peretyatko, 2016a). Хотя работа в этом направлении продолжается, большая часть авторов отдает предпочтение более глубокой разработке близкой им проблематики, и многие реформы донского казачества, особенно относящиеся к правлению Александра III, только в самом общем виде описаны в современной историографии.

Аналогичным образом дело обстоит и с военной историей казачества. Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. посвящена диссертация Е.Е. Волошиной (Волошина, 2006), но публикации этого автора крайне немногочисленны (Волошина, 2006а; Волошина, 2014). Специальных работ об участии донских казаков в подавлении Польского восстания не существует. Зато досконально разобраны действия донской дивизии в русско-японскую войну 1905 г. Эту тему разбирали Г.Л. Воскобойников и Н.В. Рыжкова в своих монографиях (Воскобойников, 1995; Рыжкова, 2008), ей посвящен целый ряд отдельных статей (Захаревич А.В.; Скорик, 2014). В результате подобного подхода многие общие вопросы остаются мало разработанными. Дискуссионной является уже оценка действий донских частей. Е.Е. Волошина и Н.В. Рыжкова считают их лучшими в составе российской армии, но А.Ю. Перетяtko оценивает их существенно ниже (Перетяtko, 2014), а А.Н. Карпенко вообще пишет о «потере казаками должной боеспособности» (Карпенко, 2006). Почти не привлекали отдельного внимания ученых подготовка и обучение донских казаков, за исключением посвятившего две статьи этой тематике А.Ю. Перетяtko (Перетяtko, 2011; Peretyatko, 2016b).

В последние годы в историографии донского казачества 1860–1890 гг. наметилась новая тенденция. Исследователи, специально занимающиеся этим периодом, начали проявлять внимание к прежде почти не разрабатывавшимся темам, причем это внимание носит индивидуальный характер, и обычно характерно для конкретного исследователя. Примером подобного может служить разработка С.Ю. Красновым в его монографиях проблематики обычного права у казаков, при том, что другие авторы специально не обращались к данной теме (Краснов, 2010; Краснов, 2011). А.А. Волвенко от изучения земских реформ на Дону перешел к исследованию борьбы «партий» «прогрессистов» и «казакоманов» в 1860 гг. (Волвенко, 2008; Volvenko, 2015; Volvenko, 2015a; Volvenko, 2015b). А.Ю. Перетяtko выпустил ряд статей о феномене поселенных войск и параллелях между реформами Области Войска Донского и Военной Границы в 1860 гг. (Peretyatko, 2015; Peretyatko, 2015a; Peretyatko, 2016c). Трудно сказать, насколько в каждом конкретном случае окажутся перспективными подобные исследования, но они бесспорно способствуют открытию новых фактов.

5. Заключение

Последние годы ознаменовались рядом успехов в изучении истории донского казачества 1860–1890 гг. Исследователи, специально занимающиеся этим периодом, выявили целый ряд новых, принципиально значимых фактов, связанных с деятельностью местных комиссий, с «партиями» донской элиты, с личностями наказных атаманов и чиновников военного министерства, с особенностями обычного права в станицах и даже со считавшимися хорошо изученными реформами эпохи Александра II. Это позволило ряду исследователей (А.А. Волвенко, С.Ю. Краснову, А.Ю. Перетяtko) поставить под сомнение некоторые традиционные в историографии утверждения. Несмотря на совпадения отдельных тезисов, нельзя говорить о какой-то общей концепции у этих авторов, однако их работы объединяет мнение о высокой автономии казачества на местном уровне, о существенном влиянии местной элиты и рядовых казаков на реальное положение дел. Но и традиционная концепция пореформенного периода истории донского казачества остается актуальной. Работы О.Б. Герман, А.Н. Карпенко, Р.Г. Тикиджьяна показывают, что, основываясь на ней и рассматривая донское казачество как пассивный объект правительственных реформ, можно достигать высоких научных результатов. Эта альтернативность концепций бесспорно является серьезным прорывом в историографии вопроса и способствует открытию новых фактов.

Фактографическая составляющая в современной историографии донского казачества второй половины XIX в. не всегда стоит на достаточно высоком уровне. Отдельные темы можно считать хорошо изученными (земская реформа, участие казаков в русско-японской войне 1904–1905 гг., правовое урегулирование поземельных отношений на Дону), и они продолжают привлекать внимание исследователей. Но это относится только к меньшинству проблем, а особенно мало работ по периоду контрреформ в Области Войска Донского. Но в последние годы ситуация заметно улучшается, благодаря появлению узкоспециальных статей о прежде малоизученных вопросах.

Вопрос о том, следует ли выделять вторую половину XIX в. в особый период истории донского казачества, остается дискуссионным. А.Н. Карпенко, С.Ю. Краснов и А.Ю. Перетяtko настаивают на подобном варианте. А.А. Волвенко, О.Б. Герман и Р.Г. Тикиджьян предпочитают говорить о едином периоде 1861–1917 гг. Но для всех этих исследователей характерно пристальное внимание к пореформенным десятилетиям в истории казачества, признание их самоценности и необходимости специального изучения, вне связи с бурными событиями начала XX в. Именно увеличение числа специалистов по донской истории 1860–1890 гг. следует считать важнейшей тенденцией в развитии современной историографии данного периода, и можно надеяться, что круг исследуемых ими вопросов в дальнейшем будет только расширяться, а уровень и количество публикаций, открывающих новые факты и предлагающих новые концепции, будет расти.

Литература

- Волвенко, 1998** - Волвенко А.А. Земская реформа в Области Войска Донского (1864-1882) // Государственная власть и местное самоуправление. 1998. № 1. С. 49-56.
- Волвенко, 1998a** - Волвенко А.А. Земская реформа в Области войска Донского (1864-1882 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1998. 30 с.
- Волвенко, 2003** - Волвенко А.А. Восстановление Донского земства: упущенные возможности (1882-1917 гг.) // Государственная власть и местное самоуправление. 2003. №4. С. 51-59.
- Волвенко, 2007** - Волвенко А.А. Два подхода к расчетам стоимости донского казачества для Российской империи в 60-70 гг. XIX века // Актуальные проблемы социальной истории. Сборник научных статей. Вып. 8. Новочеркасск; Ростов-на-Дону, 2007. С.47-56.
- Волвенко, 2007** - Волвенко А.А. Формирование и эволюция правительственного курса в отношении казачьих войск Юга России в конце 50-х - нач. 70-х годов XIX века // Казачество Юга России в процессах становления и развития российской государственности. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2007. С. 26-29.
- Волвенко, 2014** - Волвенко А.А. Донское казачье войско во второй половине XIX в. - начале XX в. // Очерки истории и культуры казачества Юга России: коллективная монография. Волгоград: Волгоградский филиал РАНХИГС, 2014. С. 190-215.
- Волвенко, 2014a** - Волвенко А.А. Донское казачество в правительственной политике эпохи «Великих реформ». (1860-1870 гг.) // Известия Самарского центра Российской академии наук. Т. 16. №3. 2014. С. 13-20.
- Волошина, 2006** - Волошина Е.Е. Донское казачество в русско-турецкой войне 1877-1878 гг.: историографический аспект // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2006. № 2. С. 30-40.
- Волошина, 2006a** - Волошина Е.Е. Донское казачество в русско-турецкой войне 1877-1878 гг.: историографический аспект // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2006. № 2. С. 30-40.
- Волошина, 2006b** - Волошина Е.Е. Участие донского казачества в русско-турецкой войне 1877-1878 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону: 2006. 28 с.

- Волошина, 2014** - *Волошина Е.Е.* Действия донских казаков в первых боевых операциях русской армии в период русско-турецкой войны 1877-1878 гг. // Гуманитарные и социальные науки. 2014. №2. С. 971-975.
- Воскобойников, 1995** - *Воскобойников Г.Л.* Казачество в русско-японской войне (1904-1905). Ростов-на-Дону: Изд-во Научной библиотеки Ростовского гос. ун-та, 1995. 110 с.
- Дулимов, 2002** - *Дулимов Е.И.* Государство и казачество: проблемы взаимодействия. Ростов-на-Дону: изд. РГУ, 2002. С. 81-124.
- Дулимов, 2003** - *Дулимов Е.И.* Становление и инволюция государственных форм организации казачества в правовом пространстве Российского государства в XVI - XX вв.: автореф. дис. ... док. юр. наук. Саратов, 2003. 51 с.
- Дулимов, Золотарев, 1998** - *Дулимов Е.И., Золотарев И.И.* Самоуправление казаков: история и современность. Ростов-на-Дону: Изд-во ДЮИ, 1998. 342 с.
- Герман, 2003** - *Герман О.Б.* Правовое положение крестьянства и казачества Юго-Востока Европейской России в 1861-1920 гг. Ростов-на-Дону: Изд. РГУ, 2003. 575 с.
- Герман, 2011** - *Герман О.Б.* Роль закона в правовой жизни российского казачества во второй половине XIX – начале XX вв. // Юристъ-Правоведъ. 2011. № 2. С. 116-119.
- Герман, 2011а** - *Герман О.Б.* Особенности реформирования судебной системы на юге России // Юристъ-Правоведъ. 2011. № 6. С. 100-104.
- Захаревич А.В.** - *Захаревич А.В.* Донцы в Русско-японской войне (1904-1905) // Донской временник. 1994. [Электронный ресурс]. URL: http://www.donvrem.dspl.ru/Files/article/m5/2/art.aspx?art_id=110 (дата обращения: 11.08.16).
- Каппелер, 2008** - *Каппелер А.* Империя и нации: империи Романовых и Габсбургов. М.: Германский исторический институт, 2008. С. 1-25.
- Карпенко, 2006** - *Карпенко А.Н.* Донское казачество во 2-й половине XIX века: этапы историографии // Ломоносовские чтения 2005: Россия в XXI веке и глобальные проблемы современности. М.: ТЕИС, 2006. С. 432-436.
- Карпенко, 2006** - *Карпенко А.Н.* Развитие системы образования в Области Войска Донского во 2-й половине XIX века // Донской юридический институт: Учёные записки. Т.31. Ростов-на-Дону: изд-во ДЮИ, 2006. С. 229-256.
- Карпенко, 2007** - *Карпенко А.Н.* Особенности проведения земской и судебной реформ на Дону во 2-й половине XIX века // Альманах «Казачество» (Приложение к журналу «Этносоциум и межнациональная культура»). 2007. №3. С. 58-72.
- Карпенко, 2008** - *Карпенко А.Н.* Донское казачество в ходе осуществления реформ второй половины XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2008. 28 с.
- Козлов, 1996** - *Козлов А.И.* Возрождение казачества: история и современность (эволюция, политика, теория). Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 1996. 248 с.
- Краснов, 2010** - *Краснов С.Ю.* Обычное право донских казаков во второй половине XIX в. Регулирование имущественных отношений. Волгоград: изд. ВолГУ, 2010. 212 с.
- Краснов, 2010а** - *Краснов С.Ю.* Деятельность органов территориального общественного самоуправления по обычному праву у донских казаков второй половины XIX в. // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2010. Т. 5. № 2-13. С. 41-53.
- Краснов, 2011** - *Краснов С.Ю.* Обычное право донских казаков во второй половине XIX в. Функционирование органов территориального общественного самоуправления. Волгоград: изд. ВолГУ, 2011. 141 с.
- Краснов, 2011а** - *Краснов С.Ю.* Трансформация неправовых обычаев в правовые и наоборот как одна из особенностей механизма действия норм обычного права у донских казаков во второй половине XIX в. // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2011. Т. 1. № 5-14. С. 27-38.
- Краснов, 2013** - *Краснов С.Ю.* Суд хуторского схода по обычному праву у донских казаков во второй половине XIX века как своеобразное понимание и проявление принципов законности и справедливости // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2013. № 1. С. 23-27.
- Малукало, 2003** - *Малукало А.Н.* Кубанское казачье войско в 1860-1914 гг.: организация, система управления и функционирования, социально-экономический статус. Краснодар: Кубанькино, 2003. С. 12-31.
- Перетяцько, 2011** - *Перетяцько А.Ю.* Военная организация донского казачества во второй половине XIX в: тенденции развития // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2011. № 6. С. 72-76.
- Перетяцько, 2013** - *Перетяцько А.Ю.* Военная реформа 1974 г. и Донская комиссия // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2013. № 1. С. 52-58.
- Перетяцько, 2013** - *Перетяцько А.Ю.* К вопросу о связи военной и земской реформы в Области Войска Донского и причинах ликвидации земств // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2013. № 6. С. 61-64.

Перетяцько, 2013 - *Перетяцько А.Ю.* К вопросу о взаимодействии имперской власти и имперской элиты на территории Области Войска Донского в пореформенный период // *European Social Science Journal*. 2013. № 10-2 (37). С. 340-344.

Перетяцько, 2014 - *Перетяцько А.Ю.* Искусственное сохранение сложившегося уклада донского казачества в 1860-е годы: проблемы и достижения // *Научная мысль Кавказа*. 2014. № 3 (79). С. 97-104.

Перетяцько, 2014 - *Перетяцько А.Ю.* К вопросу о хронологических рамках реформы донского казачества во второй половине XIX в. // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2014. № 1. Ч. I. С. 178-181.

Перетяцько, 2014a - *Перетяцько А.Ю.* Военная организация и военное управление Области Войска Донского во второй половине XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону: 2014. 26 с.

Перетяцько, 2014 - *Перетяцько А.Ю.* Военная организация и военное управление Области Войска Донского во второй половине XIX в. Ростов-на-Дону, СКНЦ ВШ ЮФУ, 2014. С. 35.

Перетяцько, 2014 - *Перетяцько А.Ю.* Эффективность действий донских и кубанских казаков в русско-японскую войну 1904-1905 гг.: дискуссионные аспекты // *Научная мысль Кавказа*. 2014. № 2. С. 69-75.

Перетяцько, 2015 - *Перетяцько А.Ю.* Формирование казачьей идентичности во второй половине XIX века: ранняя стадия национального движения по схеме Мирослава Хроха // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2015. № 10. Ч. II. С. 122-125.

Ревин И.А. - *Ревин И.А.* Накануне крестьянской реформы // *Донской временник*. 2008. [Электронный ресурс]. URL: http://www.donvrem.dspl.ru/Files/article/m3/o/art.aspx?art_id=624 (дата обращения: 11.08.16).

Рыжкова, 2008 - *Рыжкова Н.В.* Донское казачество в войнах начала XX века. М.: Вече, 2008. 448 с.

Скорик, 2014 - *Скорик А.П.* Подготовка и участие 4 донской казачьей дивизии в русско-турецкой войне 1904-1905 гг. // *История в подробностях*. 2014. № 2 (44). С. 16-23.

Тикиджьян Р.Г. - *Тикиджьян Р.Г.* Войсковой наказной атаман, князь Н.И. Святополк-Мирский (1881-1898) // *Донской временник*. 1998. [Электронный ресурс]. URL: http://www.donvrem.dspl.ru/Files/article/m3/o/art.aspx?art_id=97 (дата обращения: 11.08.16).

Тикиджьян, 1997 - *Тикиджьян Р.Г.* Россия и Дон во второй половине 19- начале 20 века: особенности либерально-индустриальной модернизации // *Цивилизация и человек: проблемы развития*. Ростов-на-Дону: изд. НГТУ, 1997. С. 63-66.

Тикиджьян, 2013 - *Тикиджьян Р.Г.* Имперская модернизация при последних Романовых: проблемы взаимоотношений казачества и Российского государства // *Слава престолу, честь для себя*. Ставрополь: СИЭУ, 2013. С. 218-219.

Тикиджьян, 2013 - *Тикиджьян Р.Г.* Донское казачество в конце XIX - начале XX века. Исторический портрет. LAP LAMBERT Academic Publishing, 2013. 323 с.

Тикиджьян, 2014 - *Тикиджьян Р.Г.* Донской кодификационный комитет // *Донской временник*. 2014. Вып. 23. С. 95-98.

Тикиджьян, 2016 - *Тикиджьян Р.Г.* Военная организация и военная служба донских казаков в контексте российской модернизации второй половины XIX – начала XX вв.: актуальные проблемы изучения // *Юг России и сопредельные страны в войнах и вооруженных конфликтах*. Ростов-на-Дону: изд. ЮГЦ РАН, 2016. С. 102-103.

Трут, 1997 - *Трут В.П.* Казачий излом (Казачество Юго-Востока России в начале XX века и в период революции 1917 года). Ростов-на-Дону: Гефест, 1997. 256 с.

Хлыстов, 1962 - *Хлыстов И.П.* Дон в эпоху капитализма. 60-е – середина 90-х годов XIX в. Очерки по истории Юга России. Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 1962. 331 с.

Peretyatko, 2015 - *Peretyatko A.Y.* «European Cossacks» in XVI-XVII Centuries: the Phenomenon of Irregularity from the Adriatic Sea to the Urals // *Voennyi Sbornik*, 2015, Vol.(8), Is. 2. Pp. 104-118.

Peretyatko, 2015 - *Peretyatko A.Y.* Russians and Ukrainians in the Don Host Oblast: the Background of Division of the Donetsk and Taganrog Districts Between the RSFSR and the UkSSR // *Russkaya Starina*, 2015, Vol. (16), Is. 4. Pp. 258-282.

Peretyatko, 2015a - *Peretyatko A.Y.* Eastern European Irregular Troops in the XVIII Century: Crisis and Evolution // *Voennyi Sbornik*, 2015, Vol.(10), Is. 4. Pp. 182-201.

Peretyatko, 2016 - *Peretyatko A.Y.* The dark side of the Emancipation Reform of 1861 on the Don region: the history of the resettlement of one of the peasant community according the material of atamanskaya kontselyariya // *Bylye Gody*, 2016, Vol. (39), Is. 1. Pp. 137-145.

Peretyatko, 2016a - *Peretyatko A.Y.* Dispute about the Mius district in 1874: inviolable part of the Don Host Oblast or historical Little Russia? // *Bylye Gody*, 2016, Vol. 40, Is. 2. Pp. 448-456.

Peretyatko, 2016b - *Peretyatko A.Y.* The concepts of irregular troops in the Russian military theory: from the "miraculous force" of the Russian Empire to the helpers of terrorists // *Voennyi Sbornik*, 2016, Vol.(11), Is. 1. Pp. 11-30.

[Peretyatko, 2016c](#) - *Peretyatko A.Y.* The Militärgrenze from the battle of Solferino before the beginning of demilitarization: three views out of Russia (F. F. Tornau, N.I. Krasnov, B. Katalinich). Part I // *Voennyi Sbornik*, 2016, Vol.(12), Is. 2. Pp. 79-99.

[Volvenko, 2015](#) – *Volvenko A.A.* Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part I // *Russkaya Starina*, 2015, Vol.(13), Is. 1. Pp. 19-37.

[Volvenko, 2015a](#) - *Volvenko A.A.* Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part II // *Russkaya Starina*, 2015, Vol.(14), Is. 2. Pp. 94-107.

[Volvenko, 2015b](#) - *Volvenko A.A.* Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part III // *Russkaya Starina*, 2015, Vol.(15), Is. 3. Pp. 194-207.

[Volvenko, 2016](#) - *Volvenko A.A.* D.A. Milyutin and Cossacks // *Bylye Gody*, 2016, Vol. (40), Is. 2. Pp. 398-411.

[Volvenko, Chebotarev, 2015](#) - *Volvenko A.A., Chebotarev A.P.* "The Grey Cardinal" of Cossack Reforms of the Epoch of Liberation? // *History and Historians in the Context of the Time*, 2015, Vol. (15), Is. 2. Pp. 106-114.

References

[Volvenko, 1998](#) - *Volvenko A.A.* Zemskaya reforma v Oblasti Voiska Donskogo (1864-1882) [Zemsky reform in the area of the Don Cossacks (1864-1882)] // *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie*. 1998. № 1. S. 49-56.

[Volvenko, 1998a](#) - *Volvenko A.A.* Zemskaya reforma v Oblasti voiska Donskogo (1864-1882 gg.) [Zemsky reform in the area of the Don Cossacks (1864-1882)]: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. SPb., 1998. 30 s.

[Volvenko, 2003](#) - *Volvenko A.A.* Vosstanovlenie Donskogo zemstva: upushchennye vozmozhnosti (1882-1917 gg.) [Reconstruction of the Don zemstvo: a missed opportunity (1882-1917)] // *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie*. 2003. №4. S. 51-59.

[Volvenko, 2007](#) - *Volvenko A.A.* Dva podkhoda k raschetam stoimosti donskogo kazachestva dlya Rossiiskoi imperii v 60-70 gg. XIX veka [Two approaches to the calculation of the cost of the Don Cossacks for the Russian Empire in 60-70th of the XIX century] // *Aktual'nye problemy sotsial'noi istorii*. Sbornik nauchnykh statei. Vyp. 8. Novocherkassk; Rostov-na-Donu, 2007. S.47-56.

[Volvenko, 2007](#) - *Volvenko A.A.* Formirovanie i evolyutsiya pravitel'stvennogo kursa v otnoshenii kazach'ikh voisk Yuga Rossii v kontse 50-kh - nach. 70-kh godov XIX veka [Formation and evolution of government policy in relation to the Cossack troops of Southern Russia in the late 50's – early. 70-ies of the XIX century] // *Kazachestvo Yuga Rossii v protsessakh stanovleniya i razvitiya rossiiskoi gosudarstvennosti*. Volgograd: Izd-vo VolGU, 2007. S. 26-29.

[Volvenko, 2014](#) - *Volvenko A.A.* Donskoe kazach'e voisko vo vtoroi polovine XIX v. – nachale XX v. [The Don Cossack army in second half XIX century – early XX century] // *Ocherki istorii i kul'tury kazachestva Yuga Rossii: kollektivnaya monografiya*. Volgograd: Volgogradskii filial RANKhIGS, 2014. S. 190-215.

[Volvenko, 2014a](#) - *Volvenko A.A.* Donskoe kazachestvo v pravitel'stvennoi politike epokhi «Velikikh reform». (1860-1870 gg.) [The Don Cossacks in the government policy in the era of "Great reforms" (1860-1870)] // *Izvestiya Samarskogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk*. T. 16. №3. 2014. S. 13-20.

[Voloshina, 2006](#) - *Voloshina E.E.* Donskoe kazachestvo v russko-turetskoi voine 1877-1878 gg.: istoriograficheskii aspekt [Don Cossacks in the Russian-Turkish War of 1877-1878: historiographical aspect] // *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Severo-Kavkazskii region*. Seriya: Obshchestvennye nauki. 2006. № 2. S. 30-40.

[Voloshina, 2006b](#) - *Voloshina E.E.* Uchastie donskogo kazachestva v russko-turetskoi voine 1877-1878 gg. [The participation of the Don Cossacks in the Russian-Turkish war of 1877-1878]: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Rostov-na-Donu: 2006. 28 s.

[Voloshina, 2014](#) - *Voloshina E.E.* Deistviya donskikh kazakov v pervykh boevykh operatsiyakh russkoi armii v period russko-turetskoi voiny 1877-1878 gg. [The actions of the Don Cossacks in the first military operations of the Russian army during the Russian-Turkish war of 1877-1878] // *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. 2014. №2. S. 971-975.

[Voskoboinikov, 1995](#) - *Voskoboinikov G.L.* Kazachestvo v russko-yaponskoi voine (1904-1905) [Cossacks in the russian-japanese War (1904-1905)]. Rostov-na-Donu: Izd-vo Nauchnoi biblioteki Rostovskogo gos. un-ta, 1995. 110 s.

[Dulimov, 2002](#) - *Dulimov E.I.* Gosudarstvo i kazachestvo: problemy vzaimodeistviya [The government and the Cossacks: problems of interaction]. Rostov-na-Donu: izd. RGU, 2002. S. 81-124.

[Dulimov, 2003](#) - *Dulimov E.I.* Stanovlenie i involyutsiya gosudarstvennykh form organizatsii kazachestva v pravovom prostranstve Rossiiskogo gosudarstva v XVI - XX vv. [The formation and the involution of the state forms of organization of the Cossacks in the legal space of the Russian state in XVI – XX centuries]: avtoref. dis. ... dok. yur. nauk. Saratov, 2003. 51 s.

[Dulimov, Zolotarev, 1998](#) - *Dulimov E.I., Zolotarev I.I.* Samoupravlenie kazakov: istoriya i sovremennost' [Cossacks municipality: past and present.]. Rostov-na-Donu: Izd-vo DYU, 1998. 342 s.

German, 2003 - *German O.B.* Pravovoe polozhenie krest'yanstva i kazachestva Yugo-Vostoka Evropeiskoi Rossii v 1861-1920 gg. [Legal status of the peasantry and the Cossacks of the South-East of European Russia in 1861-1920]. Rostov-na Donu: Izd. RGU, 2003. 575 s.

German, 2011 - *German O.B.* Rol' zakona v pravovoi zhizni rossiiskogo kazachestva vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv. [The role of law in the legal life of the russian Cossacks in the second half of XIX – early XX centuries] // *Yurist"-Pravoved"*. 2011. № 2. S. 116-119.

German, 2011a - *German O.B.* Osobennosti reformirovaniya sudebnoi sistemy na yuge Rossii [The features of reforming of the judicial system in southern Russia] // *Yurist"-Pravoved"*. 2011. № 6. S. 100-104.

Zakharevich A.V. - *Zakharevich A.V.* Dontsy v Russko-yaponskoi voine (1904-1905) [The Don Cossacks in the russian-japanese War (1904-1905)] // *Donskoi vremennik*. 1994. [Elektronnyi resurs]. URL: http://www.donvrem.dspl.ru/Files/article/m5/2/art.aspx?art_id=110 (data obrashcheniya: 11.08.16).

Kappeler, 2008 - *Kappeler A.* Imperiya i natsii: imperii Romanovykh i Gabsburgov [Empire and nation: the empire of the Romanovs and the Habsburgs]. M.: Germanskii istoricheskii institut, 2008. S. 1-25.

Karpenko, 2006 - *Karpenko A.N.* Donskoe kazachestvo vo 2-i polovine XIX veka: etapy istoriografii [Don Cossacks in the 2nd half of the XIX century: stages of historiography] // *Lomonosovskie chteniya 2005: Rossiya v XXI veke i global'nye problemy sovremennosti*. M.: TEIS, 2006. S. 432-436.

Karpenko, 2006 - *Karpenko A.N.* Razvitie sistemy obrazovaniya v Oblasti Voiska Donskogo vo 2-i polovine XIX veka [The development of the educational system in the Don Cossack Region during the 2nd half of the XIX century] // *Donskoi yuridicheskii institut: Uchenye zapiski*. T.31. Rostov-na-Donu: izd-vo DYU, 2006. S. 229-256.

Karpenko, 2007 - *Karpenko A.N.* Osobennosti provedeniya zemskoi i sudebnoi reform na Donu vo 2-i polovine XIX veka [The features of the zemstvo and judicial reforms on Don in the 2nd half of the XIX century] // *Al'manakh «Kazachestvo» (Prilozhenie k zhurnalu «Etnosotsium i mezhnatsional'naya kul'tura»)*. 2007. №3. S. 58-72.

Karpenko, 2008 - *Karpenko A.N.* Donskoe kazachestvo v khode osushchestvleniya reform vtoroi poloviny XIX v. [Don Cossacks in the implementation of reforms in the second half of the XIX century]: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. M., 2008. 28 s.

Kozlov, 1996 - *Kozlov A.I.* Vozrozhdenie kazachestva: istoriya i sovremennost' (evolyutsiya, politika, teoriya) [The revival of the Cossacks: history and the present (evolution, politics, theory)]. Rostov-na-Donu: Izd-vo RGU, 1996. 248 s.

Krasnov, 2010 - *Krasnov S.Yu.* Obychnoe pravo donskikh kazakov vo vtoroi polovine XIX v. [The customary law of the Don Cossacks in the second half the XIXth century] *Regulirovanie imushchestvennykh otnoshenii*. Volgograd: izd. VolGU, 2010. 212 s.

Krasnov, 2010a - *Krasnov S.Yu.* Deyatel'nost' organov territorial'nogo obshchestvennogo samoupravleniya po obychnomu pravu u donskikh kazakov vtoroi poloviny XIX v. [The activity of territorial self-government under the customary law of the Don Cossacks in the second half of the XIXth century.] // *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5: Yurisprudentsiya*. 2010. T. 5. № 2-13. S. 41-53.

Krasnov, 2011 - *Krasnov S.Yu.* Obychnoe pravo donskikh kazakov vo vtoroi polovine XIX v. [The customary law of the Don Cossacks in the second half the XIXth century]. *Funktsionirovanie organov territorial'nogo obshchestvennogo samoupravleniya*. Volgograd: izd. VolGU, 2011. 141 s.

Krasnov, 2011a - *Krasnov S.Yu.* Transformatsiya nepravyvykh obychaev v pravovye i naoborot kak odna iz osobennostei mekhanizma deistviya norm obychnogo prava u donskikh kazakov vo vtoroi polovine XIX v. [Transformation of illegal practices in legal and vice versa as one of the features of the mechanism of action of the customary law of the Don Cossacks in the second half of the XIXth century.] // *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5: Yurisprudentsiya*. 2011. T. 1. № 5-14. S. 27-38.

Krasnov, 2013 - *Krasnov S.Yu.* Sud khutorskogo skhoda po obychnomu pravu u donskikh kazakov vo vtoroi polovine XIX veka kak svoeobraznoe ponimanie i proyavlenie printsipov zakonnosti i spravedlivosti [The court of farm vanishing under the customary law of the Don Cossacks in the second half of the XXth century as a kind of understanding and manifestation of the principles of law and justice] // *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5: Yurisprudentsiya*. 2013. № 1. S. 23-27.

Malukalo, 2003 - *Malukalo A.N.* Kubanskoe kazach'e voisko v 1860-1914 gg.: organizatsiya, sistema upravleniya i funktsionirovaniya, sotsial'no-ekonomicheskii status [The Kuban Cossack army 1860-1914: organization, management system and functioning, socio-economic status]. Krasnodar: Kuban'kino, 2003. S. 12-31.

Peretyat'ko, 2011 - *Peretyat'ko A.Yu.* Voennaya organizatsiya donskogo kazachestva vo vtoroi polovine XIX v: tendentsii razvitiya [The military organization of the Don Cossacks in the second half of the XXth century] // *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Severo-Kavkazskii region. Seriya: Obshchestvennye nauki*. 2011. № 6. S. 72-76.

Peretyat'ko, 2013 - *Peretyat'ko A.Yu.* Voennaya reforma 1974 g. i Donskaya komissiya [The military reform of 1974 and Don commission] // *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Severo-Kavkazskii region. Seriya: Obshchestvennye nauki*. 2013. № 1. S. 52-58.

Peretyat'ko, 2013 - *Peretyat'ko A.Yu.* K voprosu o svyazi voennoi i zemskoi reformy v Oblasti Voiska Donskogo i prichinakh likvidatsii zemstv [To the issue of communication and military reforms in the County Areas of the Don Cossacks and the reasons for the elimination of zemstvos] // *Gumanitarnye i sotsial'no-ekonomicheskie nauki*. 2013. № 6. S. 61-64.

Peretyat'ko, 2013 - *Peretyat'ko A.Yu.* K voprosu o vzaimodeistvii imperskoi vlasti i imperskoi elity na territorii Oblasti Voiska Donskogo v poreformennyi period [To the issue of the interaction between imperial power and the imperial elite on the territory of the Don army Region in the post-reform period] // *European Social Science Journal*. 2013. № 10-2 (37). S. 340-344.

Peretyat'ko, 2014 - *Peretyat'ko A.Yu.* Iskusstvennoe sokhranenie slozhivshegosya uklada donskogo kazachestva v 1860-e gody: problemy i dostizheniya [The artificial preservation of the existing way of life of the Don Cossacks in the 1860-ies: problems and achievements] // *Nauchnaya mysl' Kavkaza*. 2014. № 3 (79). S. 97-104.

Peretyat'ko, 2014 - *Peretyat'ko A.Yu.* K voprosu o khronologicheskikh ramkakh reformy donskogo kazachestva vo vtoroi polovine XIX v. [To the issue of the chronological framework of the reform of the Don Cossacks in the second half the XIXth century.] // *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 2014. № 1. Ch. I. S. 178-181.

Peretyat'ko, 2014a - *Peretyat'ko A.Yu.* Voennaya organizatsiya i voennoe upravlenie Oblasti Voiska Donskogo vo vtoroi polovine XIX v. [The military organization and military administration of the Don army Region in the second half of the XIX century]: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Rostov-na-Donu: 2014. 26 s.

Peretyat'ko, 2014 - *Peretyat'ko A.Yu.* Voennaya organizatsiya i voennoe upravlenie Oblasti Voiska Donskogo vo vtoroi polovine XIX v. [The military organization and military administration of the Don army Region in the second half of the XIX century]. Rostov-na-Donu, SKNTs VSh YuFU, 2014. S. 35.

Peretyat'ko, 2014 - *Peretyat'ko A.Yu.* Effektivnost' deistvii donskikh i kubanskikh kazakov v russko-yaponskuyu voinu 1904-1905 gg.: diskussionnye aspekty [The effectiveness of the Don and Kuban Cossacks in the Russian-Japanese war of 1904-1905: the controversial aspects] // *Nauchnaya mysl' Kavkaza*. 2014. № 2. S. 69-75.

Peretyat'ko, 2015 - *Peretyat'ko A.Yu.* Formirovanie kazach'ei identichnosti vo vtoroi polovine XIX veka: rannaya stadiya natsional'nogo dvizheniya po skheme Miroslava Khrokha [The formation of Cossack identity in the second half of the XIXth century: the early stages of the national movement under the scheme of Miroslav Hrocha] // *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 2015. № 10. Ch. II. S. 122-125.

Revin I.A. - *Revin I.A.* Nakanune krest'yanskoi reformy [On the eve of the peasant reform] // *Donskoi vremennik*. 2008. [Elektronnyi resurs]. URL: http://www.donvrem.dspl.ru/Files/article/m3/o/art.aspx?art_id=624 (data obrashcheniya: 11.08.16).

Ryzhkova, 2008 - *Ryzhkova N.V.* Donskoe kazachestvo v voinakh nachala XX veka [Don Cossacks in the wars of the early XXth century]. M.: Veche, 2008. 448 s.

Skorik, 2014 - *Skorik A.P.* Podgotovka i uchastie 4 donskoi kazach'ei divizii v russko-turetskoi voine 1904-1905 gg. [Preparation and participation of 4 Don Cossack Division in the Russian-Turkish war of 1904-1905] // *Istoriya v podrobnostyakh*. 2014. № 2 (44). S. 16-23.

Tikidzh'yan R.G. - *Tikidzh'yan R.G.* Voiskovoi nakaznoi ataman, knyaz' N.I. Svyatopolk-Mirskii (1881-1898) [The Army ataman, prince N.I. Svyatopolk-Mirsky (1881-1898)] // *Donskoi vremennik*. 1998. [Elektronnyi resurs]. URL: http://www.donvrem.dspl.ru/Files/article/m3/o/art.aspx?art_id=97 (data obrashcheniya: 11.08.16).

Tikidzh'yan, 1997 - *Tikidzh'yan R.G.* Rossiya i Don vo vtoroi polovine 19- nachale 20 veka: osobennosti liberal'no-industrial'noi modernizatsii [Russia and the Don in the second half of 19th – early 20th century: features of the liberal-industrial modernization] // *Tsivilizatsiya i chelovek: problemy razvitiya*. Rostov-na-Donu: izd. NGTU, 1997. S. 63-66.

Tikidzh'yan, 2013 - *Tikidzh'yan R.G.* Imperskaya modernizatsiya pri poslednikh Romanovykh: problemy vzaimootnoshenii kazachestva i Rossiiskogo gosudarstva [The imperial modernization under the last Romanov: the problem of the relationship of the Cossacks and the Russian state] // *Slava prestolu, chest' dlya sebya*. Stavropol': SIEU, 2013. S. 218-219.

Tikidzh'yan, 2013 - *Tikidzh'yan R.G.* Donskoe kazachestvo v kontse XIX - nachale XX veka. Istoricheskii portret [The Don Cossacks in late XIX – early XX century. A historical portrait]. LAP LAMBERT Academic Publishing, 2013. 323 s.

Tikidzh'yan, 2014 - *Tikidzh'yan R.G.* Donskoi kodifikatsionnyi komitet [Don codification committee] // *Donskoi vremennik*. 2014. Vyp. 23. S. 95-98.

Tikidzh'yan, 2016 - *Tikidzh'yan R.G.* Voennaya organizatsiya i voennaya sluzhba donskikh kazakov v kontekste rossiiskoi modernizatsii vtoroi poloviny XIX – nachala XX vv.: aktual'nye problemy izucheniya [The military organization and military service of the Don Cossacks in the context of Russian modernization of the second half of XIX – early XX centuries: the actual problems of research] // *Yug Rossii i sopredel'nye strany v voinakh i vooruzhennykh konfliktakh*. Rostov-na-Donu: izd. YuGTs RAN, 2016. S. 102-103.

Trut, 1997 - *Trut V.P.* Kazachii izlom (Kazachestvo Yugo-Vostoka Rossii v nachale XX veka i v period revolyutsii 1917 goda) [The fracture of the Cossack (Cossacks of the South-East of Russia in the early XX century and during the revolution of 1917)]. Rostov-na-Donu: Gefest, 1997. 256 s.

Khlystov, 1962 - *Khlystov I.P.* Don v epokhu kapitalizma. 60-e – seredina 90-kh godov XIX v. [Don in the era of capitalism. 60s – mid 90-ies of the XIX century essays on the history of the South of Russia]. Ocherki po istorii Yuga Rossii. Rostov-na-Donu: Izd-vo RGU, 1962. 331 s.

Peretyatko, 2015 - *Peretyatko A.Y.* «European Cossacks» in XVI-XVII Centuries: the Phenomenon of Irregularity from the Adriatic Sea to the Urals // *Voennyi Sbornik*, 2015, Vol.(8), Is. 2. Pp. 104-118.

Peretyatko, 2015 - *Peretyatko A.Y.* Russians and Ukrainians in the Don Host Oblast: the Background of Division of the Donetsk and Taganrog Districts Between the RSFSR and the UkSSR // *Russkaya Starina*, 2015, Vol. (16), Is. 4. Pp. 258-282.

Peretyatko, 2015a - *Peretyatko A.Y.* Eastern European Irregular Troops in the XVIII Century: Crisis and Evolution // *Voennyi Sbornik*, 2015, Vol.(10), Is. 4. Pp. 182-201.

Peretyatko, 2016 - *Peretyatko A.Y.* The dark side of the Emancipation Reform of 1861 on the Don region: the history of the resettlement of one of the peasant community according the material of atamanskaya kontselyariya // *Bylye Gody*, 2016, Vol. (39), Is. 1. Pp. 137-145.

Peretyatko, 2016a - *Peretyatko A.Y.* Dispute about the Mius district in 1874: inviolable part of the Don Host Oblast or historical Little Russia? // *Bylye Gody*, 2016, Vol. 40, Is. 2. Pp. 448-456.

Peretyatko, 2016b - *Peretyatko A.Y.* The concepts of irregular troops in the Russian military theory: from the "miraculous force" of the Russian Empire to the helpers of terrorists // *Voennyi Sbornik*, 2016, Vol.(11), Is. 1. Pp. 11-30.

Peretyatko, 2016c - *Peretyatko A.Y.* The Militärgrenze from the battle of Solferino before the beginning of demilitarization: three views out of Russia (F. F. Tornau, N.I. Krasnov, B. Katalinich). Part I // *Voennyi Sbornik*, 2016, Vol.(12), Is. 2. Pp. 79-99.

Volvenko, 2015 – *Volvenko A.A.* Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part I // *Russkaya Starina*, 2015, Vol.(13), Is. 1. Pp. 19-37.

Volvenko, 2015a - *Volvenko A.A.* Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part II // *Russkaya Starina*, 2015, Vol.(14), Is. 2. Pp. 94-107.

Volvenko, 2015b - *Volvenko A.A.* Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part III // *Russkaya Starina*, 2015, Vol.(15), Is. 3. Pp. 194-207.

Volvenko, 2016 - *Volvenko A.A.* D.A. Milyutin and Cossacks // *Bylye Gody*, 2016, Vol. (40), Is. 2. Pp. 398-411.

Volvenko, Chebotarev, 2015 - *Volvenko A.A., Chebotarev A.P.* "The Grey Cardinal" of Cossack Reforms of the Epoch of Liberation? // *History and Historians in the Context of the Time*, 2015, Vol. (15), Is. 2. Pp. 106-114.

УДК 930

Открытия и достижения современной историографии донского казачества второй половины XIX в.

Олег Евгеньевич Чуйков ^{a, *}, Игорь Анатольевич Гордеев ^b, Валерий Владимирович Батыров ^c

^a Курский государственный университет, Российская Федерация

^b Юго-западный государственный университет, Российская Федерация

^c Калмыцкий институт гуманитарных исследований Российской академии наук, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается современная историографии донского казачества во второй половине XIX в., описаны традиционные и альтернативные концепции, выдвигавшиеся историками после 2000 г. Анализируются основные исследования о данном хронологическом периоде, их достоинства и недостатки. Показано, что многие события и реформы остаются недостаточно изучены до сих пор. Авторы отмечают, что увеличение числа специалистов по донской истории 1860–1890 гг. следует считать важнейшей тенденцией в развитии современной историографии данного периода, и можно надеяться, что круг исследуемых ими вопросов в дальнейшем будет только расширяться, а уровень и количество публикаций, открывающих новые факты и предлагающих новые концепции, будет расти.

Ключевые слова: донское казачество, историография, А.А. Волвенко, О.Б. Герман, А.Н. Карпенко, С.Ю. Краснов, А.Ю. Перетятко, Р.Г. Тикиджьян.

* Корреспондирующий автор

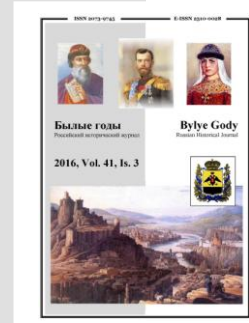
Адреса электронной почты: chuikov-ru@mail.ru (О.Е. Чуйков), gordeev_ia@mail.ru (И.А. Гордеев), valerabatyrov@gmail.com (В.В. Батыров)

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 41, Is. 3, pp. 688-697, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 371.1

The Zemstvo's Activities to Guide the Primary School Teacher Resources Formation and Support

Timur A. Magsumov ^{a, b, *}, Marina S. Nizamova ^a

^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, Russian Federation

^b East European History Society, Russian Federation

Abstract

The purpose of the article is to study the activities of the zemstvo in the Volga-Ural region of the second half of XIX – early XX century aimed at forming and supporting primary school teacher resources.

The study of the complex process required the use of a large number of information sources, including extractions from the regional documentation archives, reference books and periodicals to carry out a systemic and panoramic analysis of the zemstvo's activities in terms of teacher resources formation and support.

The focus of the study was on the issues of the zemstvo's participation in the development of teacher training and scholarship support for students, advanced training of teachers through courses, congresses, teachers' self-organization, as well as financial and material situation of zemsky teachers and the activities carried out by the teachers' mutual aid societies.

The authors make a conclusion that, despite the complicated conditions, the zemstvo was able to create a network of schools and provide them with teachers, including women teachers. To achieve this, the zemstvo had set up their own educational institutions as well as funded the state-run institutions or issued scholarships to future teachers. The zemstvo tried to make up for the apparent insufficiency of qualified teachers by starting a system of professional retraining and advanced training through specially organized short-term and long-term courses and congresses for teachers, as well as by providing more books for teachers' libraries. The zemstvo tried to do their best to improve the financial and material position of zemsky teachers that was aggravated by complicated working conditions.

Despite particular counterproductive activities of the state, the zemstvo was able to create a certain stratum of zemsky teachers that consisted of qualified teachers with professional education, who had been taught primary education methodology and enjoyed respect in the local community.

The results of the study can be applied in the practices of pedagogical education modernization and teachers' social support.

Keywords: education, teacher, Russian Empire, Volga region, Urals, Zemstvo.

1. Введение

Построение нового культурно-образовательного пространства в условиях начавшейся модернизации Российской империи и трансформирующейся социокультурной среды потребовали интенсификации сферы начального образования. Самой заметной заслугой созданных в эпоху «Великих реформ» земств – органов местного самоуправления – в образовательной сфере стало создание, широчайшее распространение и поддержка оптимального для того времени типа сельской начальной школы. Причем земства, в условиях «необязательности» расходов на образование, полностью возложенных на органы местного самоуправления в отношении земской школы, ограниченности собственных средств смогли не только строить новые школы и обустривать уже существующие, но и самое серьезное внимание уделили еще более обострившейся с ростом школ

* Corresponding author

E-mail addresses: nabonid1@yandex.ru (T.A. Magsumov), nmarina99@mail.ru (M.S. Nizamova)

проблеме подготовки педагогических кадров для них, а со временем – повышению их квалификации и материальной поддержке.

Подбору учительских кадров придавалось особое значение, так как качественные знания мог дать, в первую очередь, учитель со специальной подготовкой. Помимо этого, земская школа становилась своеобразным культурным центром сельской округи, а ее учитель становился не только педагогом для детей, но и для взрослых, библиотекарем, лектором, советчиком, «в деревне единственным человеком, рассеивающим понемногу вековой мрак невежества». Поэтому перед земством встала задача подготовить достаточное количество педагогов нового поколения: не просто способных на должном уровне заниматься педагогической, методической и просветительской работой, но и способных завоевать авторитет в среде простых людей.

Нами предпринята задача показать, на материалах обширного Волго-Уральского региона на протяжении всего пятидесятилетнего довоенного исторического пути земства, земскую деятельность в создании и поддержке учительских ресурсов для начальной школы.

Эта работа земств концентрировалась в трех взаимосвязанных направлениях: 1) подготовке учителей для земских школ; 2) повышении квалификации педагогов; 3) прямых и косвенных формах материальной поддержки учительства.

2. Материалы и методы

2.1. Хронологический охват темы, многообразие исследуемого региона и разнообразие земской практики в данной сфере потребовали привлечения широкого круга массовых источников. Значимую базу исследования составили различные группы делопроизводственных документов, опубликованные или хранящиеся в архивах. Они включают в себя документы, характеризующие деятельность законодательных, исполнительных и распорядительных органов власти в сфере подготовки и материальной поддержки педагогов: доклады земских управ; журналы земских собраний; исторические описания учебных заведений; отчеты о работе курсов и обществ вспомоществования. Справочные издания позволили построить картину сети учебных заведений, уточнить ряд количественных характеристик учительских обществ, школьных библиотек, показать некоторые аспекты финансирования. Впрочем, последние более полно отражены в земских сметах доходов и расходов, вскрывающих количественные и качественные изменения, происходившие в сфере земского просвещения, объем и степень практической пользы земских мероприятий для населения. Общероссийская периодика дала возможность проследить деятельность видных деятелей земства в сфере педагогического образования, увидеть ряд актуальных проблем жизни и работы учителя земской школы.

2.2. Широкие рамки статьи, вкупе с обусловленной ими источниковой базой, определили в качестве базы методологического построения работы макроаналитический метод. При необходимости углубления в изучении отдельных направлений земской работы применялись техники сочетания макро и микроподходов. Системный подход и структурно-функциональный анализ позволили нам расчлнить работу земств в области формирования и поддержки педагогов на крупные направления этой деятельности, вычлнить их взаимосвязь, взаимозависимость от детерминирующих их политических, социальных и экономических реалий поздней имперской России (Aminov, 2014).

3. Обсуждение проблемы

Научное изучение работы земств с педагогами началось в начале XX века. Однако, в трудах земцев-практиков народного образования, эти вопросы рассматривались лишь в русле проблем земской школы. Так, В. Чернолуским, Г. Фальборком, Б. Веселовским раскрыты механизмы деятельности земских учреждений по созданию и расширению сети школ, проблемах подготовки учителей, необходимости повышения их статуса. Советская историческая наука резко сократила исследования феномена земств, а их деятельность была «размазана» по другим направлениям, в частности – педагогическому образованию и учительской интеллигенции. В современной российской историографии эти вопросы в работе земств приобрели резко региональную спецификацию и рассматривались лишь в узких рамках отдельных губерний и только как часть образовательной и социально-экономической деятельности земств.

4. Результаты

Своеобразие этноконфессиональной ситуации «востока империи» побуждало земцев особенно выстраивать деятельность по развитию начального образования, приспособлять начальную школу к местным условиям, учитывая языковую ситуацию регионов и общероссийскую образовательную политику (Zakaraya, Cherkasov, 2010: 39). Вопросы подготовки и повышения квалификации учительского персонала регулярно обсуждались на земских собраниях. В их числе рассматривались вопросы о преподавании на родном языке, о подготовке национальных учительских кадров, об увеличении окладов преподавателям нехристианских училищ (НАРТ, ф. 160, оп. 1, д. 995: 2; НАРТ, ф. 81, д. 213:2).

В начале 1870-х годов были открыты Казанская (1871 г.), Вятская (1872 г.), Самарская (1873 г.)

земские учительские школы, а всего 10 подобных учреждений по всей стране (Чарнолуцкий, 1910: 34). Были созданы Порецкая учительская семинария в Симбирске (1872 г.) и Пензенская учительская семинария (1874 г.) (ГАПО, ф. 136, оп. 1, д. 6: 2). В Казанской губернии действовали Казанская учительская семинария (с 1872 г.) и Казанская татарская учительская школа (с 1876 г.) (Обзор Казанской, 1914: 107). Отдельные земства способствовали подготовке учителей, выделяя пособия правительственным семинариям и частным школам. На указанные мероприятия земства дополнительно изыскивали средства: Симбирское земство с 1872 г., Самарское и Пензенское земства – с 1874 г., Саратовское – с 1875 г. Уфимское земство ограничилось содержанием стипендиатов в казенных семинариях. Пермское и Пензенское земства имели стипендиатов в педагогических классах женских гимназий (Kornilova et al., 2016: 219-220; Веселовский, 1909: 503-504).

Интересен и своеобразен опыт земств Вятской губернии. Поначалу подготовка учителей велась в губернском женском епархиальном училище и духовной семинарии. Однако педагогов не хватало, и земство постановило подключиться к решению вопроса подготовки учителей. Ставилась цель не только количественного увеличения педагогов, но и повышения качества их знаний и формирования научного мировоззрения. В земских собраниях велись споры о необходимости преподавания естествознания будущим учителям. Передовые гласные считали, что подготовленные учителя не будут ограничиваться обучением грамоте и смогут сообщать крестьянским детям разнообразные полезные для жизни сведения, по возможности дадут технические и хозяйственные знания. Полагалось, что учителя будут способствовать нравственному развитию народа, формируя в учащихся дух гуманности, уважение к справедливости и закону, лежащие в основе истинного просвещения (Юрьев, 1884: 145). В ноябре 1872 г. в г. Вятке была открыта губернская земская семинария для распространения сельскохозяйственных и технических знаний и подготовки учителей. Программа обучения в семинарии, рассчитанная на четыре года, была шире курса реального училища. Помимо изучения общеобразовательных предметов, в зимнее время учащиеся осваивали кузнечное, слесарное, токарное ремесла, переплетное дело, ажурное литье, а летом работали на земельном участке, знакомясь с передовыми приемами агрономии и ухода за животными (Низамова, 2009: 200).

Судьба семинарии была предрешена, когда в 1880 г. ее бывший учащийся С. Халтурин с целью покушения на императора Александра II произвел взрыв в Зимнем дворце. Педагогический состав был полностью заменен, а на базе семинарии было открыто реальное училище. За восемь лет своей работы Вятская учительская семинария подготовила около сотни учителей. Для такой огромной по территории и численности населения губернии, как Вятская, этого было недостаточно. Однако среди основной массы сельского учительства выпускники семинарии значительно выделялись своей эрудицией и педагогической культурой.

К концу 1880-х гг. Министерство народного просвещения (МНП) резко изменило свой взгляд на порядок учреждения земских учительских школ. Циркуляром от 14 декабря 1890 г. усложнились процедура создания и правила заведования учебными заведениями (Низамова, 2009: 201), что затормозило проявление земской инициативы в деле подготовки учителей для народных школ. Началось закрытие действующих учительских школ, а открытие новых надолго прекратилось. В 1890-е гг. продолжали действовать: Казанская земская школа для образования учительниц (1871 г.), С.-Петербургская земская учительская школа (1872 г.), Самарская школа для образования сельских учительниц (1872 г.), Тверская женская учительская школа П.П. Максимовича (1882 г.) и Александровская учительская семинария в Рязани (1885 г.) (Чарнолуцкий, 1910: 42-43). В Уфимской губернии действовала Бирская инородческая учительская школа (1889 г.) (Памятная книжка, 1889: 107-108). Заметим, что земству принадлежит заслуга привлечения к делу учителя женщин, так как дореформенная школа учительниц почти не знала (Фальборк, Чарнолуцкий, 1900: 48; Обзор деятельности, 1902: 42; Kornilova et al., 2016: 218).

Земские учительские школы существенно отличались от казенных учительских семинарий продолжительностью учебного курса, более качественной постановкой преподавания. Курс казенных семинарий был определен в три года, а земских был рассчитан на более продолжительное время. Так, в Самарской он установлен в 6 лет, в С.-Петербургской и Тверской – 5 лет, Казанской и Рязанской – 4 года. Программы этих учебных заведений подвергались широкому обсуждению на земских собраниях.

Правительственная политика ограничения земских учительских школ только усугубила проблему педагогических кадров. К началу XX века ощущалась значительная нехватка учителей. Так, в Вятской губернии на одного учителя приходилось до 80-ти учеников, Пермской – до 96-ти, Московской – до 85-ти, Тверской – до 94-х (Обзор деятельности, 1902: 29).

На одно из важнейших мест выдвинулась задача подготовки кадров для нерусских школ. К началу XX века все земства Поволжья и Урала активно работали в данном направлении. Так, в Симбирске с 1895 г. работала чувашская учительская школа (Фальборк, Чарнолуцкий, 1901b: 143). В Пензенской губернии – в Саранске и Инсаре – были открыты дополнительно две учительские семинарии (ГАПО, ф. 136, оп. 1, д. 561: 1), а также работала Татищевская женская ремесленная школа (Обзор Пензенской, 1914). В Уфимской губернии действовала Благовещенская учительская семинария и продолжала работу Бирская инородческая учительская школа; были организованы

педагогические курсы при семи образовательных учреждениях ([Обзор Уфимской, 1914; Журнал, 1914; 4-5](#)). Уфимское губернское земство неоднократно выступало перед МНП с ходатайством об открытии в г. Уфе татарской учительской школы ([Очерк, 1910: 156-157](#)).

В Казанскую земскую школу для образования учительниц принимали воспитанниц разных национальностей из Казанской губернии. С 1876/77 учебного года было введено преподавание чувашского языка и принято 12 воспитанниц от уездов с преобладанием чувашского населения: от Цивильского – 4, Чебоксарского – 4, Мамадышского – 1, Лаишевского – 1 и Тетюшского – 2. С 1877/78 учебного года было введено преподавание марийского языка и принято на учебу 9 воспитанниц от Царевококшайского, Мамадышского, Тетюшского и Казанского уездов ([Ершов, 1897: 78-79](#)). Изучение того или иного из языков народов Поволжья было обязательным для каждой воспитанницы. Дополнительно преподавались гигиена, садоводство, огородничество, пчеловодство, пение. Активизация трудового обучения давала возможность будущим учителям иметь самостоятельное и рационально построенное подсобное хозяйство, позволяющее улучшить их материальное положение, передать соответствующие навыки их ученикам и в целом усилить связи между школой и населением, жизнью. Выпускницы школы брали обязательство по окончании учебы отработать два года в земских школах Казанской губернии, а при отказе – внести определенную денежную сумму ([Чарнолуский, 1910: 46](#)), тогда как выпускники Казанской татарской учительской школы обязывались проработать шесть лет или же, в случае отказа, выплатить 360 рублей ([Фальборк, Чарнолуский, 1901b: 137](#)).

Земства проявляли заботу и о повышении квалификации учителей. До середины 1870-х гг. во время школьных каникул для учителей устраивались съезды и курсы. На съездах преподаватели знакомились с достижениями теории и практики педагогики. Рассматривались также вопросы о развитии учащихся, о гуманном отношении к ним, поднимались проблемы недостатка наглядных пособий и книг для внеклассного чтения ([Адрес-календарь, 1895: 71](#)). В начале 1890-х гг. в направлении устройства съездов начался период ограничений и запретов со стороны правительства. Это побуждало земства к устройству для учителей разного рода специально-педагогических курсов: садоводства, огородничества, пения, ручного труда, сельского хозяйства, пчеловодства ([Чарнолуский, 1910: 55; НАРТ, ф. 160, оп. 1, Д. 671: 22-23](#)). Курсы предоставляли учителям возможность общаться: шел обмен опытом, обсуждались учебно-воспитательные проблемы, рассматривались вопросы взаимоотношений населения и школы. В конце 1890-х гг. дело земских педагогических курсов получило значительное количественное развитие. Все земства выделяли средства на временные курсы и учительские съезды ([Обзор деятельности, 1902: 25-26](#)). На подобные курсы в Казанскую губернию уже в начале XX века съезжались учителя Самарской, Симбирской, Нижегородской, Пермской губерний ([НАРТ, ф. 160, оп. 1, Д. 859: 81; НАРТ, ф. 160, оп. 1, д. 1053: 49](#)). В Поволжском регионе в числе лучших были пензенские педагогические курсы, проходившие с участием учителей из других губерний ([Доклад, 1900: 10](#)).

Для повышения образовательного уровня основной массы учителей земства Поволжского и Уральского регионов с 1909 г. стали устраивать не только специально-педагогические, но и общеобразовательные учительские курсы. Инициатором явилось Саратовское губернское земство, а затем к устройству подобных учительских курсов приступили Тамбовское, Вятское, Пермское и др. земства. Программа курсов ежегодно совершенствовалась. Курсы дополнялись организацией выставок наглядных учебных пособий и учебников, рекомендуемых для приобретения губернским земством ([Отчет об организации, 1913: 1-3](#)). С 1913 г. Уфимское губернское земство выделяло по 6000 рублей уездным земствам на командирование учителей на общеобразовательные учительские курсы ([Смета, 1913: 12; Смета, 1914: 8](#)).

Съезды и курсы способствовали консолидации учительства, педагогическому поиску со стороны передовых учителей и земских гласных. Опасаясь единения нецензурной интеллигенции с передовыми земцами, администрация уездов лишала гласных права присутствия на съездах и курсах, несмотря на то, что последние созывались по инициативе земств и на земские средства. Вследствие этого на губернских земских собраниях поднимались вопросы с последующими ходатайствами о необходимости допустить уездных гласных присутствовать на педагогических курсах и участвовать в уездных учительских съездах для ознакомления с состоянием образования ([НАРТ, ф. 81, оп. 2, Д. 631: 98; НАРТ, ф. 81, оп. 2, д. 675: 13](#)).

Земство не оставляло без внимания и вопросы самообразования учителей. В связи с затруднительным материальным положением не все учителя могли позволить себе выписывать газеты и журналы. Например, в Казанской губернии было только 59 % учителей, читающих периодику ([Народное образование, 1905: 64](#) (подсчет авторов). В 1890-е гг. при земских управах стали открываться учительские библиотеки, предоставляя учителям возможность пользоваться книгами и периодическими изданиями общеобразовательного и педагогического характера. В учительских библиотеках имелись книги и журналы по разным отраслям знания. Учительские библиотеки, созданные на средства в основном уездных земств, и регулярно пополняющие фонды, были во всех уездах, однако ассигнования на эти цели были различными. Так, на пополнение Свяжской учительской библиотеки ежегодно выделялось 60 рублей, а Чебоксарское земство расходовало по 30 рублей ([НАРТ, ф. 81, оп. 2, д. 631: 27-28; НАРТ, ф. 81, оп. 2, д. 632: 2](#)). Необходимо отметить, что

земская деятельность по организации учительских библиотек была крайне стеснена цензурными рамками. До 1890-х гг. в указанные библиотеки допускались лишь специально одобренные МНП книги.

11 мая 1898 г. Сенат восстановил полное право земств учреждать центральные учительские библиотеки или предоставлять возможность пользоваться книгами из частных или общественных библиотек, действующих на общем основании. Никаких особых условий при разрешении деятельности библиотек для учителей не требовалось. По данным Е.А. Звягинцева, в начале XX века на ежегодное пополнение центральных и районных библиотек земства выделяли не менее 1000 рублей (Звягинцев, 1905: 9-10, 23).

Вопрос о кадрах тесным образом связан с вопросом об улучшении их материального положения. В среднем по России оклад учителям изменялся в сторону увеличения и составлял: в 1870-е гг. – 120–150 руб.; в 1880-е гг. – 150–200 руб.; в 1890-е гг. – 200–240 руб.; в 1900-е гг. – 240–300 руб. в год (Веселовский, 1909: 464-466). Жалованье учителей по регионам и по губерниям было различным. В Поволжском регионе: в Саратовской губернии учителя получали 240–360 руб., Самарской – 200–300 руб., Казанской – 180–300 руб., Пензенской – 120–300 руб., Симбирской – 120–180 рублей в год. На Урале: в Пермской губернии учителя зарабатывали 180–520 рублей, Вятской – 180–300, Уфимской – 240–300 рублей (Обзор деятельности, 1902: 25-26). Видим, что максимальный уровень зарплаты учителей в основном составлял 300 рублей в большинстве изучаемых нами губерний – Казанской, Пензенской, Самарской, Вятской, Уфимской. В Саратовской губернии максимальная зарплата достигала до 360 рублей. Меньше всех платили земским учителям в Симбирской губернии – 180 руб., а больше всех в Пермской губернии – 520 рублей. Помощники учителей получали до 180 рублей (Всеобщее образование, 1902: 75). Таким образом, большая часть земских учителей зарабатывали примерно 25 рублей в месяц. По подсчетам одного учителя только расход на питание составлял 254 рубля в год (примерно 21 рубль в месяц). Учителям требовалась минимальная зарплата 600 рублей (Соколова, 1914: 62). Небольшой зарплаты хватало лишь для удовлетворения насущных потребностей учителя-одиночки. С такой оплатой труда педагогов ждала полная необеспеченность при несчастном случае или в старости и невозможность дать среднее или специальное образование своим детям. На необходимость повышения зарплаты учителям хотя бы до 600 рублей указывал В.И. Чарнолуцкий, считавший, что размер вознаграждения учителей должен находиться в соответствии с учетом местных условий жизни (Чарнолуцкий, 1912: 162-163).

Таким образом, несмотря на растущую роль земской школы, учителя имели невысокое вознаграждение. Земства старались вводить прибавки к жалованью, как за выслугу лет, так и для удержания учителей. В Чебоксарском уезде Казанской губернии с прибавками максимальный оклад учителей равнялся 420 рублей. Прибавки в земствах Казанской губернии осуществлялись в большинстве уездов через 5 лет в размере 50–60 руб., а в Чебоксарском уезде – через 2–3 года (НАРТ, ф. 81, оп. 2, д. 632: 1). Дополнительно к жалованию ряд учителей имели некоторые другие источники дохода – занятия садоводством, огородничеством, ремеслом, что вызывало переутомление, отнимало время от занятий самообразованием. Проявляя заботу об учителях, земство решало также вопросы обеспечения их жильем, создавая отдельные комнаты при школах или флигели.

Таким образом, органы местного самоуправления взяли на себя заботу о подготовке учительского персонала, и к началу века смогли поднять образовательный уровень учителей. При земских управах устраивались учительские библиотеки, выписывались педагогические журналы и газеты, учреждались учительские эмеритальные кассы, вводились периодические прибавки к жалованью и назначались пособия на воспитание и образование детей. Земскими собраниями неоднократно ставились вопросы о привлечении учителей к составлению школьных программ, к участию в училищных советах, однако в изучаемый нами период они не были полностью решены.

Нелегкий труд, тяжелое материальное и правовое положение, отдаленность школ от центров, то есть сами условия жизни способствовали объединению учителей в активном поиске решения проблем. Казанское учительство первым в Российской империи в феврале 1890 г. создало общество взаимопомощи (Всеобщее образование, 1902: 85). В 1890-е гг. аналогичные общества были учреждены в Самарской (1895 г.), Симбирской (1895 г.), Вятской (1896 г.), Саратовской (1899 г.) (Фальборк, Чарнолуцкий, 1901а: 39-40), а позднее в Пермской (1901 г.) (Справочная книга, 1905: 46-55) и Пензенской губерниях. Всего к 1902 г. в стране насчитывалось 80 обществ взаимопомощи учителей (Труды, 1907: 44-47).

Обратимся к истории Казанского общества, которое возникло при поддержке и под руководством землевладельца – гласного губернского земства от Тетюшского уезда П.Х. Куприянова (НАРТ, ф. 81, оп. 2, д. 543: 98). Указанное общество получало пособие от губернского земства в размере 300 рублей и от уездных земств (Казанского, Лаишевского, Царевкокшайского, Ядринского и Цивильского) от 30 до 50 рублей в год (Отчет о деятельности, 1891: 6). По причине ограниченности средств, общество не могло оказывать материальную поддержку всем нуждающимся учителям, однако, практиковало другие виды помощи. Например, ходатайствовало перед другими общественными учреждениями о предоставлении различных льгот, об удешевлении продуктов питания и скидке за проезд. Руководство общества добились льгот для своих членов в приобретении медикаментов, 50 % скидки за проезд от пароходства Якимовых и 30 % – от пароходства Карповых.

За первые два года была организована бесплатная медицинская помощь учителям, бесплатная рассылка газет (*Справочная книга, 1905: 24*). Редакторы газет «Волжский вестник», «Биржевой листок», «Казанские вести» и «Губернские ведомости» бесплатно печатали в своих газетах объявления, краткие протоколы заседаний Правления и т.д. Дирекция Казанского городского театра уступала в пользу общества половину сбора с некоторых концертов и спектаклей. Общество удовлетворяло просьбу о выдаче пособий для поездок на педагогические курсы. В 1896 г. в Казани был открыт пансионат для детей земских учителей, живущих вне г. Казани. Если у земского учителя была большая семья, то минимальная плата за содержание в пансионате составляла 3,5 рубля в месяц. Максимальная плата была установлена в 10 рублей 58 копеек в месяц. В исключительных случаях дети земских учителей могли проживать в пансионате бесплатно. С открытием пансионата народные учителя получили возможность давать своим детям образование выше начального, чего они раньше в связи с недостатком средств были лишены. Дети земских учителей имели в пансионате койко-место, одноразовое питание, и учились в разных средних учебных заведениях Казани (*Magsumov, 2015: 64-65*). Таким образом, Казанское земство уже в начале 1890-х гг. не просто расширяло свою работу в деле образования, но и деятельностью наиболее демократически настроенных земских гласных способствовало объединению учительства и сплочению вокруг него наиболее прогрессивных сил губернии.

Самарское общество взаимопомощи учителей было создано в 1895 г. Кроме выдачи пособий и ссуд общество имело квартиру для учителей, приезжающих в Самару, и построило общежитие для учительских детей, желающих учиться в средних учебных заведениях губернского города. Интересны моменты работы созданного в 1896 г. общества взаимопомощи Вятской губернии. В Вятке для детей земских учителей было открыто общежитие с оплатой 12 рублей в месяц. Учителям предоставлялось право бесплатно лечиться в Варзиатчинской грязелечебнице Елабужского земства. С 1901 г. обществом устроено летнее общежитие для нуждающихся в лечении кумысом при Усть-Ивановском заводе Уфимской губернии. Был заключен договор о доставке кумыса по 10 копеек за бутылку. В 1903 г. в санатории поправляли здоровье 56 кумысников, в том числе 47 учителей Вятской губернии (*Справочная книга, 1905: 16-17*). Саратовское общество взаимопомощи учителей, перенимая опыт других обществ, учредило пансионат-приют для учительских детей. Среди членов обществ преобладали учителя земских школ, и многие общества получали пособия от земств. Наиболее демократически настроенные земские гласные поддерживали связи с аналогичными обществами других губерний.

Зимой 1902–1903 гг. в Москве состоялся I Всероссийский съезд учительских обществ взаимопомощи, превратившийся в массовое собрание представителей широких кругов демократической интеллигенции. Было обращено внимание на необходимость оказания учителям всевозможной поддержки путем устройства учительских домов, книжных складов, мастерских учебных пособий, интернатов для детей учителей, приютов для престарелых и неспособных к труду учителей, санаториев, ссудных и ссудосберегательных касс, библиотек, читален, музеев, экскурсий. Социальная активность учителей и стремление к консолидации вызвали опасение в правительственных кругах.

Земства старались повысить роль учителя на селе и в жизни школы. Каждая школа с учителем во главе являлась центром просвещения в деревне. Народные учителя принимали деятельное участие в местных просветительных обществах. Благодаря учителю, прежде всего его классной и внеклассной деятельности, школа становилась универсальным социокультурным очагом на селе. Земству удалось создать тип народного учителя, которому доверял народ и который, наряду с земским врачом или агрономом, стал символом служения своему народу.

5. Заключение

5.1. Широкое развитие начального образования, обусловленное расширявшейся модернизацией страны, в контексте общественного подъема 1860-х гг. и активизации созданных органов местного самоуправления, насуточно требовало и подготовки педагогических кадров. Земства решали эту задачу посредством создания собственных педагогических учебных заведений, оказания ежегодных и единовременных пособий казенным и частным учительским школам, ассигнований на стипендии для подготовки учителей в разных учебных заведениях.

Учительский вопрос регулярно обсуждался в земских собраниях. Возрастал авторитет земцев и земств, образовательная программа которых, в силу коллегиального обсуждения и близости к нуждам и чаяниям широких масс населения, быстро приобретала популярность вкупе с ростом количества земских школ и учащихся в них.

5.2. Усилив работу по подготовке учительского персонала, земства смогли значительно поднять общеобразовательный уровень учителей. Отметим также, что земству принадлежит заслуга привлечения к делу учительства женщин, так как дореформенная школа учительниц почти не знала.

5.3. Земские учителя стали особой и массовой стратой российских педагогов. Однако в целом нехватка учительских кадров еще сильно ощущалась. В числе причин этого были и маленькая зарплата, плохие материально-бытовые условия жизни и работы земского учителя.

5.4. Органы местного самоуправления старались поддерживать дальнейшее самообразование

педагогов, устраивая при земских управах учительские библиотеки с наличием педагогической периодики. Земства заботились также об организации учительских съездов и курсов. Съезды и курсы способствовали консолидации учительства, обмену опытом, педагогическому поиску со стороны учителей и передовых земских гласных.

5.5. Вопрос о кадрах тесным образом связан с вопросом об улучшении их материального положения. Жалованье земским учителям повышалось и в начале XX века составляло 300 рублей в большинстве изучаемых нами губерний – Казанской, Пензенской, Самарской, Вятской, Уфимской. В Саратовской губернии максимум зарплаты составлял 360 рублей, а в Пермской – 520 рублей. Помощники учителей получали до 180 рублей.

5.6. В губерниях Поволжского и Уральского регионов земская политика в подготовке учительского персонала просматривается как единое целое, несмотря на то, что земства не имели права общаться между собой. Губернские земские собрания Поволжья и Урала в целом не противодействовали стремлению учителей к консолидации и созданию обществ взаимопомощи.

5.7. Сформировав новые учительские кадры, земства смогли противопоставить системе упрощенной грамотности церковно-приходских школ более высокий уровень разветвленной системы земской трехгодичной школы, сделав начальное образование более доступным для россиян.

Литература

- Адрес-календарь, 1895** – Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии на 1895 год. Пермь, 1895.
- Веселовский, 1909** – *Веселовский Б.Б.* История земства за сорок лет. В 4-х т. Т. 1. СПб., 1909.
- Всеобщее образование, 1902** – Всеобщее образование в России: Сб. статей. Вып. I. М., 1902.
- ГАПО** – Государственный архив Пензенской области.
- Доклад, 1900** – Доклад Пензенской губернской земской управы об участии Пензенского губернского земства в развитии народного образования в 1900 г. Пенза, 1900.
- Ершов, 1897** – *Ершов А.* Двадцатипятилетие Казанской земской школы для образования народных учительниц. 1871-1896. Историческая записка. Казань, 1897.
- Журнал, 1914** – Журнал заседания Уфимского земского собрания, посвященного 50-летию введения земских учреждений 15-го июня 1914 г. Уфа, 1914.
- Звягинцев, 1905** – *Звягинцев Е.А.* Учительские библиотеки, их значение, организация и список книг. М., 1905.
- Народное образование, 1905** – Народное образование в Казанской губернии. Попечители и учащие в сельских школах. Казань, 1905.
- НАРТ** – Национальный архив Республики Татарстан.
- Низамова, 2009** – *Низамова М.С.* Земства Поволжья и Урала (1864–1914): социально-экономический аспект. Казань, 2009.
- Обзор деятельности, 1902** – Обзор деятельности земств по народному образованию по данным за 1898 год. СПб., 1902.
- Обзор Казанской, 1914** – Обзор Казанской губернии за 1913 год. Казань, 1914.
- Обзор Пензенской, 1914** – Обзор Пензенской губернии за 1913 год. Приложение № 14 «Ведомость о числе учебных заведений и учащихся в Пензенской губернии за 1913 год». Пенза, 1914.
- Обзор Уфимской, 1914** – Обзор Уфимской губернии за 1913 год. Приложение № 40. Уфа, 1914.
- Отчет о деятельности, 1891** – Отчет о деятельности общества взаимного вспомоществования учителями и учительницам Казанской губернии с 7 июля 1890 г. по 1 июля 1891 г. Казань, 1891.
- Отчет об организации, 1913** – Отчет об организации первых общеобразовательных курсов для народных учителей Пермской губернии в 1913 году. Пермь, 1913.
- Очерк, 1910** – Очерк деятельности Уфимского губернского земства по народному образованию 1875-1910. / Сост. П.Н.Григорьев. Уфа, 1910.
- Памятная книжка, 1889** – Памятная книжка Уфимской губернии на 1889 год. Уфа, 1889.
- Смета, 1913** – Смета расходов и доходов Уфимского губернского земства на 1913 год. Уфа, 1913.
- Смета, 1914** – Смета расходов и доходов Уфимского губернского земства на 1914 год. Уфа, 1914.
- Соколова, 1914** – *Соколова А.В.* О материальном положении учащихся // Русская школа. 1914. № 6. С. 43-63.
- Справочная книга, 1905** – Справочная книга учительских обществ взаимопомощи. М., 1905.
- Труды, 1907** – Труды Первого Всероссийского съезда представителей обществ вспомоществования лицам учительского звания. М., 1907.
- Фальборк, Чарнолуцкий, 1900** – *Фальборк Г., Чарнолуцкий В.* Народное образование в России. СПб., 1900.
- Фальборк, Чарнолуцкий, 1901a** – *Фальборк Г.А., Чарнолуцкий В.И.* Учительские общества, кассы, курсы и съезды. СПб., 1901.
- Фальборк, Чарнолуцкий, 1901b** – *Фальборк Г.А., Чарнолуцкий В.И.* Учительские семинарии и школы. СПб., 1901.
- Чарнолуцкий, 1912** – *Чарнолуцкий В.И.* Вопросы народного образования на первом общероссийском съезде. СПб., 1912.

- [Чарнолуцкий, 1910](#) – *Чарнолуцкий В.И.* Земство и народное образование. Ч. 1. СПб., 1910.
- [Юрьев, 1884](#) – *Юрьев В.К.* К предстоящему юбилею Вятской Мариинской женской гимназии (1859-1884): очерк из истории женского образования. Вятка, 1884.
- [Aminov, 2014](#) – *Aminov T.M.* The Structure and Logic of the Pedagogical Process as the Basis of the Conception of Historical and Actual Pedagogical Research // *Life Science Journal*. 2014. № 11(11). С. 544-547.
- [Kornilova et al., 2016](#) – *Kornilova I.V., Magsumov T.A., Shakirov R.R.* Female Teachers Training in Educational Grades of Women's Gymnasia in Kazan in the Last Third of the XIX – Early XX Centuries. // *European Journal of Contemporary Education*. 2016. № 2(16). С. 217-228.
- [Magsumov, 2015](#) – *Magsumov T.* Charity societies for helping needy students in the Volga region, late 19th – early 20th centuries // *Rossiiskaia Istoria*. 2015. № 4. С. 63-69.
- [Zakaraya, Cherkasov, 2010](#) – *Zakaraya, E.I., Cherkasov, A.A.* Popular education in the Caucasus during graph I.I. Vorontsov-Dashkov vicegerency (1905-1915) // *History and Historians in the Context of the Time*. 2010. № 7. С. 36-43.

References

- [Address-calendar, 1895](#) – Adres-kalendar' i pamyatnaya knizhka Permskoy gubernii na 1895 god [Address-calendar and the memorable book of the Perm province in 1895]. (1895). Perm. [in Russian].
- [Aminov, 2014](#) – *Aminov, T.M.* (2014) The Structure and Logic of the Pedagogical Process as the Basis of the Conception of Historical and Actual Pedagogical Research. *Life Science Journal*. (11), 11: 544-547.
- [Charnoluskiy, 1912](#) – *Charnoluskiy V.I.* (1912). Voprosy narodnogo obrazovaniya na pervom obshcherossiyskom s"ezde [Questions of national education at the first all-Russian Congress]. Sankt-Peterburg. [in Russian].
- [Charnoluskiy, 1910](#) – *Charnoluskiy V.I.* (1910). Zemstvo i narodnoe obrazovanie. Ch. 1 [Zemstvo and national education. Part 1]. Sankt-Peterburg. [in Russian].
- [GAPO](#) – Gosudarstvennyy arkhiv Penzenskoy oblasti [State archive of the Penza region]. Penza, Russia.
- [General education, 1902](#) – Vseobshchee obrazovanie v Rossii: Sb. statey. Vyp. I [General education in Russia: Collection of articles. Issue I]. (1902). Moskva. [in Russian].
- [Ershov, 1897](#) – *Ershov A.* (1897). Dvadsatipyatiletie Kazanskoj zemskoy shkoly dlya obrazovaniya narodnykh uchitel'nits. 1871-1896. Istoricheskaya zapiska [Twenty-fifth anniversary of the Kazan Zemstvo schools for the education of the national schoolmarm. 1871-1896. Historical note]. Kazan. [in Russian].
- [Estimates, 1913](#) – Smeta raskhodov i dokhodov Ufimskogo gubernskogo zemstva na 1913 god [Estimates of costs and revenues of the Ufa provincial Zemstvo in 1913]. (1913). Ufa. [in Russian].
- [Estimates, 1914](#) – Smeta raskhodov i dokhodov Ufimskogo gubernskogo zemstva na 1914 god [Estimates of costs and revenues of the Ufa provincial Zemstvo in 1914]. (1914). Ufa. [in Russian].
- [Falbork, Charnoluskiy, 1900](#) – *Fal'bork G., Charnoluskiy V.* (1900). Narodnoe obrazovanie v Rossii [National education in Russia]. Sankt-Peterburg. [in Russian].
- [Falbork, Charnoluskiy, 1901a](#) – *Fal'bork G.A., Charnoluskiy V.I.* (1901). Uchitel'skie obshchestva, kassy, kursy i s"ezdy [Teacher's societies, cash desks, courses and congresses]. Sankt-Peterburg. [in Russian].
- [Falbork, Charnoluskiy, 1901b](#) – *Fal'bork G.A., Charnoluskiy V.I.* (1901). Uchitel'skie seminarii i shkoly [Teacher's seminaries and schools]. Sankt-Peterburg. [in Russian].
- [Journal, 1914](#) – Zhurnal zasedaniya Ufimskogo zemskogo sobraniya, posvyashchennogo 50-letiyu vvedeniya zemskikh uchrezhdeniy 15-go iyunya 1914 g. [Journal of the meeting of the Ufa Zemstvo Assembly, devoted to the 50th anniversary of the introduction of the Zemstvo institutions. on June 15th, 1914]. (1914). Ufa. [in Russian].
- [Kornilova et al., 2016](#) – *Kornilova I.V., Magsumov T.A., Shakirov R.R.* (2016). Female Teachers Training in Educational Grades of Women's Gymnasia in Kazan in the Last Third of the XIX – Early XX Centuries. *European Journal of Contemporary Education*. (2), 16: 217-228.
- [Magsumov, 2015](#) – *Magsumov T.* (2015) Charity societies for helping needy students in the Volga region, late 19th - early 20th centuries. *Rossiiskaia Istoria*. 4: 63-69.
- [Memorable book, 1889](#) – Pamyatnaya knizhka Ufimskoy gubernii na 1889 god [Memorable book of the Ufa province for 1889]. (1889). Ufa. [in Russian].
- [NART](#) – Natsional'nyi arkhiv Respubliki Tatarstan [National archive of the Republic of Tatarstan]. Kazan, Russia.
- [National education, 1905](#) – Narodnoe obrazovanie v Kazanskoj gubernii. Popechiteli i uchashchie v sel'skikh shkolakh [National education in the Kazan province. The Trustees and teachers in rural schools]. (1905). Kazan. [in Russian].
- [Nizamova, 2009](#) – *Nizamova M.S.* (2009). Zemstva Povolzh'ya i Urala (1864-1914): sotsial'no-ekonomicheskii aspekt [Zemstvos of the Volga region and Urals (1864-1914): social and economic aspect]. Kazan. [in Russian].
- [Reference book, 1905](#) – Spravochnaya kniga uchitel'skikh obshchestv vzaimopomoshchi [Reference book of teacher's beneficial societies]. (1905). Moskva. [in Russian].
- [Report, 1900](#) – Doklad Penzenskoy gubernskoy zemskoy upravly ob uchastii Penzenskogo gubernskogo zemstva v razvitii narodnogo obrazovaniya v 1900 g. [Report of the Penza provincial territorial justice on

participation of the Penza provincial zemstvo in development of national education in 1900]. (1900). Penza. [in Russian].

[Report on activity, 1891](#) – Otchet o deyatel'nosti obshchestva vzaimnogo vspomoshchestvovaniya uchitel'nykh i uchitel'nitsam Kazanskoj gubernii s 7 iyulya 1890 g. po 1 iyulya 1891 g. [Report on activity of society of a mutual relief aid to teachers and schoolmarm of the Kazan province from July 7, 1890 to July 1, 1891]. (1891). Kazan. [in Russian].

[Report on the organization, 1913](#) – Otchet ob organizatsii pervykh obshcheobrazovatel'nykh kursov dlya narodnykh uchiteley Permskoj gubernii v 1913 godu [Report on the organization of the first educational courses for the national teachers of the Perm province in 1913]. (1913). Perm. [in Russian].

[Review of activity, 1902](#) – Obzor deyatel'nosti zemstv po narodnomu obrazovaniyu po dannym za 1898 god [Review of activity of Zemstvos for national education according to data for 1898]. (1902). Sankt-Peterburg. [in Russian].

[Review of the Kazan, 1914](#) – Obzor Kazanskoj gubernii za 1913 god [Review of the Kazan province for 1913]. (1914). Kazan. [in Russian].

[Review of the Penza, 1914](#) – Obzor Penzenskoj gubernii za 1913 god. Prilozhenie № 14 «Vedomost' o chisle uchebnykh zavedeniy i uchashchikhsya v Penzenskoj gubernii za 1913 god» [Review of the Penza province for 1913. The appendix No. 14 "The sheet about number of educational institutions and pupils in the Penza province for 1913"]. (1914). Penza. [in Russian].

[Review of the Ufa, 1914](#) – Obzor Ufimskoy gubernii za 1913 god. Prilozhenie № 40 [Review of the Ufa province for 1913. Appendix No. 40]. (1914). Ufa. [in Russian].

[Proceedings, 1907](#) – Trudy Pervogo Vserossiyskogo s"ezda predstaviteley obshchestv vspomoshchestvovaniya litsam uchitel'skogo zvaniya [Proceedings of the First all-Russian Congress of representatives of societies of a relief aid to persons of a teacher's rank]. (1907). Moskva. [in Russian].

[Sketch, 1910](#) – Oчерк deyatel'nosti Ufimskogo gubernskogo zemstva po narodnomu obrazovaniyu 1875-1910 [Sketch of activities of the Ufa provincial zemstvo for national education of 1875-1910]. (1910). Ufa. [in Russian].

[Sokolova, 1914](#) – Sokolova A.V. (1914) O material'nom polozhenii uchashchikh [About the financial situation of teachers]. *Russkaya shkola*. 6: 43-63. [in Russian].

[Veselovskiy, 1909](#) – Veselovskiy B.B. (1909). Istoriya zemstva za sorok let. V 4-kh t. T. 1 [History of the Zemstvo for forty years. In 4 volumes. Volume 1]. Sankt-Peterburg. [in Russian].

[Yuryev, 1884](#) – Yuryev V.K. (1884) K predstoyashchemu yubileyu Vyatskoj Mariinskoy zhenskoy gimnazii (1859-1884): oчерk iz istorii zhenskogo obrazovaniya [To the forthcoming anniversary of the Vyatka Mariinsky female gymnasium (1859-1884): a sketch from history of female education]. Vyatka. [in Russian].

[Zakaraya, Cherkasov, 2010](#) – Zakaraya, E.I., Cherkasov, A.A. (2010) Popular education in the Caucasus during graph I.I. Vorontsov-Dashkov vicegerency (1905-1915). *History and Historians in the Context of the Time*. 7: 36-43.

[Zvyagintsev, 1905](#) – Zvyagintsev E.A. (1905). Uchitel'skie biblioteki, ikh znachenie, organizatsiya i spisok knig [Teacher's libraries, their value, organization and list of books]. Moskva. [in Russian].

УДК 371.1

Земское сопровождение формирования и поддержки педагогических кадров для начальной школы

Тимур Альбертович Марсумов ^{a, b, *}, Марина Сабировна Низамова ^a

^a Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Российская Федерация

^b Восточно-европейское историческое общество, Российская Федерация

Аннотация. Целью статьи стало исследование деятельности земств Волго-Уральского региона по созданию и поддержке учительских ресурсов для начальной школы во второй половине XIX – начале XX в.

Исследование широких процессов потребовало привлечения массовых источников, в том числе извлеченной из региональных архивов делопроизводственной документации, справочных изданий и периодической печати для проведения системной макросъемки широкой панорамы земской деятельности в области формирования и сопровождения педагогических кадров.

В фокусе внимания оказались вопросы участия земств в развитии педагогического образования и стипендиальной поддержке студентов, повышении квалификации педагогов посредством курсов,

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: nabonid1@yandex.ru (Т.А. Марсумов), nmarina99@mail.ru (М.С. Низамова)

съездов и организации самообразования учителей, а также финансово-материальное положение земского учителя и деятельность учительских Обществ взаимопомощи.

Авторы приходят к выводам о том, что в стесненных условиях земство смогло создать сеть школ и обеспечить их учителями, в т.ч. женщинами. Для этого земства создали собственные педагогические учебные заведения, а также финансировали государственные или выплачивали стипендии будущим педагогам. Явный недостаток квалифицированных педагогов земства пытались восполнить организацией профессиональной переподготовки и повышения квалификации через специально организуемые земствами кратковременные и длительные учительские курсы и съезды, а также пополнением учительских библиотек. Земства, по мере возможностей, старались улучшить непривилегированное финансовое и материальное положение земского учителя, осложненное непростыми условиями труда. Несмотря на ряд преград со стороны государства, земства смогли создать определенную страту учителей земских школ – квалифицированных педагогов с профессиональным образованием, владеющих методикой начального образования, пользующихся в местном сообществе высоким признанием.

Результаты исследования могут быть применены в практике модернизации педагогического образования и социальной поддержки учителей.

Ключевые слова: образование, учитель, Российская империя, Поволжье, Урал, земство.

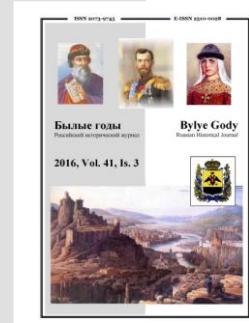

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 41, Is. 3, pp. 698-704, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94:339.1 – 051(470+571) «18/19»

Social Activities of the Merchants Guild the Yenisei Province in the second half of XIX – early XX centuries

Irina O. Tuman-Nikiforova ^{a,*}, Valery I. Fedorchenko ^a, Natalia V. Pashina ^a, Igor I. Krylov ^a

^a Siberian Federal University, Russian Federation

Abstract

The article by modernization theory explores social activities guild merchants Yenisei province in the second half of XIX – early XX centuries. On archival material identified motifs identified characteristics, analyzed the specifics of the merchants participating in the activities of the municipal government, welfare and charity, conducted by the comparison of the phenomena studied in the Yenisei province to other regions of the Russian Empire, which allowed to identify common and specific features of the phenomenon under study. Based on the analysis of the genesis and evolution of the social activities of the merchants guild Yenisei province during the post-reform period, the authors concluded that at the beginning of the period studied social activities merchants were traditional (forced, corporate, sporadic, primitive pragmatic, religious) character. However, starting from 1880–1890-ies. There has been a civil law part of the activation of the Yenisei merchants, as a result of their social activities acquired modernization features: competitive spirit, systematic, individualism, creativity, competitiveness, balanced rationality, understanding the public interest as a factor in strengthening their own positions.

Keywords: charity, Guild merchants, civil activity, the Yenisei province, modernization, social activities, local governments, guardianship.

1. Введение

Усиление модернизационных процессов в России во второй половине XIX – начале XX вв. спровоцировало активизацию общественной деятельности, как феномена, характеризующего гражданское общество. Ведущим социальным элементом данного процесса выступали предпринимательские слои, которые в дореволюционной России, особенно Сибири, в массе своей были представлены гильдейским купечеством. Степень активности купцов в этой сфере (служба в органах городского самоуправления, попечительство, благотворительность), выявление ее мотивов и характеристик, типологизация процесса позволяют проследить уровень развития гражданско-правовых институтов в Енисейской губернии в пореформенное пятидесятилетие. В территориальные границы исследования включена Енисейская губерния (Красноярский, Ачинский, Канский, Минусинский, Енисейский уезды).

2. Материалы и методы

2.1. Исследование заявленной проблемы опиралось на архивные источники, из фондов Государственного архива Красноярского края, архивов городов Канска и Ачинска, материалы Красноярского краеведческого музея. Изучались фонды городского (ГАКК. Ф. 161, 173; МАГК. Ф. 2, 32; МАГА Ф. 6, 22) и купеческого (ГАКК. Ф. 155) самоуправления, губернского управления Енисейской губернии (ГАКК. Ф. 595); культурно-образовательных организаций. Для построения динамических рядов использовалась информация из справочных публикаций по Енисейской губернии: «Памятные

* Corresponding author

E-mail addresses: ituman-nikiforova@yandex.ru (I.O. Tuman-Nikiforova), vfedorchenko@mail.ru (V.I. Fedorchenko), nvpashina@yandex.ru (N.V. Pashina), krilov24@yandex.ru (I.I. Krylov)

книжки», «Статистические обзоры», «Сибирские торгово-промышленные календари». К исследованию привлекалась периодическая печать.

2.2. При источниковедческом анализе применялся метод историзма, посредством которого показана динамика гражданско-правовых тенденций в гильдейском купечестве Енисейской губернии. Прослежены универсальные и уникальные черты в общественной деятельности купцов. Сравнительный метод позволил типологизировать поставленный к изучению объект, выявить его генезис, региональную специфику, хронологию.

Методология исследования построена на концепции модернизации. Центральной линией данной теории является переход от традиционного (доиндустриального) к индустриальному обществу. Это позволяет отследить процесс проникновения гражданско-правовых тенденций в общественную деятельность гильдейского купечества Енисейской губернии.

3. Обсуждения

Общественная деятельность какой-либо социальной группы, традиционно, один из наиболее обсуждаемых вопросов историографии. Однако на «видение» этих аспектов накладывают отпечаток и социальный заказ, и политическая конъюнктура. Советская историография, исходя из идеологической доктрины марксизма, негативно оценивала общественную деятельность буржуазии, в «пеленки» которой попадало, в первую очередь гильдейство, усматривая в ней исключительно корыстный интерес. В постсоветский период данная проблема вышла из «черного» спектра видения и сразу попала в «розовый». В монографиях, вышедших в свет в период форсирования рыночных отношений в российской экономике, прочно укоренилось возвышенное представление о православно-мотивированных купцах-попечителях, занимающихся благотворительностью, добровольно, беспорочно, бескорыстно, и даже «в ущерб себе» служащих в органах общественного самоуправления (Ермишина, 1994; Соболевская, 1993; Ульянова, 1998; Семёнов, 1998). Многие работы, относящиеся к данному периоду, носили фактологический, сегментарный, популярный и даже пропагандистский характер, призывали современных бизнесменов включаться в решение общественных проблем (Мешалкин, 1995; Потапов, 1997). Иногда в них нещадно смешивались представления о периодах развития социально-экономических процессов, «выдергивались» выводы из одних трудов и неправомерно переносились на другие этапы развития сословных, экономических, культурно-правовых традиций, характеризующиеся совсем иными чертами. Это породило огромное количество мифологем в отношении роли купцов в общественной жизни дореволюционной России.

Нельзя сказать, что проблема общественной деятельности сибирских купцов серьезно не изучалась в постсоветский период, она была включена в контекст системных работ по гильдейству (Бойко, 1996; Комлева, 2006, Туман-Никифорова, 2003), так и трудов по социальному попечению и благотворительности (Павлова, 2003; Lindenmeyr, 1990; Bradley, 1991) в качестве одного из аспектов исследования. Заметим, во-первых, что специализированных выводов по мотивации специфике и исторической динамике общественной деятельности гильдейского купечества Енисейской губернии в пореформенный период до сих пор не сделано. Кроме прочего, методологическое изучение общественной деятельности купечества в рамках теории модернизации дает возможность системного рассмотрения динамики гражданско-правовых тенденций развития в пореформенный период.

4. Результаты

В Российской империи, как государстве, эволюционирующем по траектории этатического порядка, общественная деятельность долгое время развивалась в фарватере патриархально-государственной инициативы. Участие гильдейства в общественной жизни проводилось в жизнь тем же порядком. Государство «принудительно-добровольно» вменяло купцам как «лучшим» и зажиточным людям обязанность участия в общественной жизни, через органы местного городского самоуправления. В системе органов городского самоуправления (магистрат, дума, словесный суд и пр.) Енисейской губернии с конца XVIII до 1870-х гг. наиболее влиятельные посты принадлежали гильдейцам, кроме того, они составляли большую часть служащих в данных учреждениях (Комлева, 2006: 196).

Городская реформа 1870-х гг. основную деятельность выборных лиц связала со службой в городских думах и городских управах, ведавших бюджетом, торговлей, управлением промышленностью, бытовым благоустройством, здравоохранением, попечением о народном образовании. По нашим подсчетам, в начале 1860-х гг. доля гильдейцев в органах городского самоуправления Енисейской губернии колебалась в среднем от 100 до 60 %, а в конце XIX – начале XX в. – от 30 % до нулевых отметок (подсчитано по: Памятная книжка..., 1863: 335; Памятная книжка..., 1866: 182–183; Памятная книжка..., 1891: 342; Памятная книжка..., 1915: 134). Уменьшение доли гильдейства на поприще самоуправления, мы связываем с сокращением купеческого сословия в связи с реформой 1898 г. (ПСЗРИ, 1985-1916: 15601), разделившей сословное положение с предпринимательским статусом, а также активизацией участия в самоуправлении иных сословий.

Тем не менее, гильдейство Енисейской губернии активно занималось в пореформенный период общественной деятельностью в рамках различных губернских учреждений: обществах попечения детских приютов, тюрем, гимназий, статистическом комитете, Общем Присутствии казенной палаты по

государственному промысловому налогу, окружных судах и т.д. В подобного рода органах купцы часто доминировали количественно. К примеру, в попечительском совете прогимназии г. Ачинска в 1885 г. числилось 10 человек, 6 из них были гильдейскими купцами (МАГА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 11. Л. 94–об.).

Важным аспектом анализа участия гильдейцев в жизни общества является вопрос о мотивации и эффективности их общественной деятельности. В.П. Бойко, освещая данную проблему на примере томского купечества, отмечал, что на общественные интересы купцы «взирали сквозь призму выгоды» (Бойко, 1996: 216). Аналогичная тенденция прослеживается и в Енисейской губернии. Сибирская пресса неоднократно разоблачала злоупотребления местных властей, в том числе, одиозные спекуляции по раздаче городских земель, нежелание «раскошелиться» на общественные дела, торможение в постройке рисовальной школы, взятие городских подрядов и обеспечение их некачественными, неликвидными товарами собственного производства и т. д. Губернская газета «Восточное обозрение» при оценке работы Красноярской городской думы и управы с 1879 по 1883 годы, с огорчением констатировала, что итогом бурной деятельности городского головы купца П.Я. Прейна стали опустошённая казна и распроданные «с молотка» земли. Глава управы гильдеец А. Григорьев забрал из гостиного капитала 1,5 тыс. руб., оставив там «смирненно сложенную» долговую расписку, решив, таким образом, проблему увеличения собственного оборотного капитала (Восточное обозрение, 1883: 7).

Бесспорно, купцы несли материальный убыток, на городской службе, но это происходило вынужденно и в большинстве случаев их финансовые потери компенсировались, различного рода махинациями за счет средств городской казны и муниципальной собственности. Общественные дела купцов интересовали мало. Купец А. Григорьев отмечал, что в управе Красноярска постоянно отсутствуют как купеческий староста, так и его товарищ, а всеми делами ведаёт один из представителей управы, вовсе мещанин по своему статусу (ГАКК. Ф. 155. Оп. 1. Д. 17. Л. 34).

Работу в органах городского и губернского управления гильдейцы саботировали. Широко были распространены самоотвод и попытки избежать «обузы», переложить ее на отсутствующих коллег «по цеху». Например, в 1890 г. купеческое общество избрало членом сиротского суда Красноярска купца И.И. Кузнецова без личного присутствия последнего (ГАКК. Ф. 155. Оп. 1. Д. 36. Л. 41). В 1889 и 1892 гг. от должности купеческого старосты отказывались Н.Н. и Н.Г. Гадаловы (ГАКК. Ф. 155. Оп. 1. Д. 38. Лл. 8–9).

Часто купцы принимали в общественной деятельности активное участие для приобретения места в более высоком «статусном» сословии, за что они были согласны понести значительные убытки деньгами, временем, усилиями. Так, «четырежды городскому голове» г. Красноярска купцу П.Я. Прейну в 1876 г. предоставили право иметь статус Степенного гражданина, а в 1878 г. он же получил золотую медаль «За усердие» на Станиславской ленте (ГАКК. Ф. 155. Оп. 1. Д. 10. Л. 6 об.). Инициатором многих серьезных благотворительных начинаний гильдейцев выступало государство, понуждавшее местных «толстосумов» раскошелиться. Так, в 1882 г. в ответ на инициативу губернатора Восточной Сибири воплотить в реальность проект Красноярской женской гимназии местное общество купцов «пожелало» субсидировать постройку и содержать здание из средств купеческого капитала (ГАКК. Ф. 155. Оп. 1. Д. 12. Л. 23).

Нельзя исключить из мотивов общественной деятельности купечества Енисейской губернии его религиозные убеждения, характерные для аграрного общества. В исторической реальности это выражалось в храмоустройстве, пожертвованиях в пользу церквей, милостыне. Многие историки утверждают (Ермишина, 1994; Соболевская, 1993; Ульянова, 1998), что купцы были людьми религиозными, богобоязненными. Однако, на наш взгляд, степень их религиозности слишком преувеличивается. Коммерческая деятельность периода первоначального накопления капитала, преследовавшая своей целью прибыль любой ценой, противоречила идеологии православия.

Храмоустройство и милостыня, в лучшем случае, служили для ликвидации нравственного раскола и дискомфорта, возникавших у купечества на основе противоречий между бедным обществом и условно-богатой, по сравнению с другими слоями русского города, сословной группой под влиянием традиционной идеологии. Как и в целом по Российской империи, значительное место среди благотворительных расходов гильдейцев Енисейской губернии занимали пожертвования, причем весьма охотные, добровольные, в пользу Русской Православной церкви.

С 1880–1890-х гг., спорадически и раньше, появляются купцы, инициативно действующие в интересах широких слоев общества. Например, в 1890 г. была создана училищная комиссия, в состав которой вошли Н. Шепетковский, А. Костинский и И. Гадалов, активно поддерживающие развитие начального образования в г. Красноярске и считавшие, что надо решать проблему своими силами, ибо от городского самоуправления «ждать нечего» (Памятная книжка..., 1891: 342). Гильдейцы нового типа исходили из понятия общего блага. В 1916 г. купец А. Мокроусов писал: «Настаиваю на переоценке городских ... участков, назначенных по плану под застройку ... Продать эту землю по существующим невысоким ценам и при большом числе желающих купить таковую легко, но результат получится для города плачевный» (МАГА. Ф.6. Оп.1. Д. 43–а, Л. 213). Общественная деятельность этих гильдейцев имела разнонаправленный характер: попечение о здравоохранении, образовании, науке, культуре, общественном призрении. В этой среде происходило становление буржуазной идеологии, осознание общих интересов как фактора упрочения собственных позиций.

Заметим, что это были предприниматели или их потомки, имеющие прочную экономическую основу, накопившие капитал. То, что системная и масштабная благотворительность возможна после завершения процесса первоначального накопления капитала, подтверждается другими учеными на общероссийском примере (Куприянов, 1996: 104).

В общественной деятельности купцов нового типа также можно усмотреть опосредованную форму выгоды, однако предпринимательские слои, социальная категория, для которой вообще прагматизм – имманентная черта (Туман-Никифорова, 2010: 85). Но это прагматизм иного «модернового» рода, не корпоративно-сословный, не патриархально-государственный, характерный для традиционной культуры, а продиктованный рационализмом, в котором сбалансированы личные и общественные интересы. Так, за создание библиотек для рабочих на приисках выступал на съезде золотопромышленников Южно-Енисейского района купец А. А. Саввиных, для того чтобы отвлечь рабочего человека от пагубного влияния спиртоносов (Мешалкин, 1995: 41).

Благотворительность граждански-активных купцов имела практическую цель, например, дать «призреваемым» профессию, адаптировать к социальным реалиям, сделать жизнь стабильнее, свои позиции в ней прочнее. Так, при ремесленных училищах открывались мастерские, девочки обучались шитью, вязанию, стирке. А.А. Саввиных ежегодно с 1905 г. жертвовал на строительство Народного университета в Красноярске (Сибирские известия, 1905: 3). Правда, гильдейцы стремились оказывать помощь только тем, кто в ней действительно нуждался. Н.Г. Гадалов, член Попечительского совета Красноярской женской гимназии, в 1880 г. высказал мнение о несогласии освобождения несколько учениц от платы за учебу по бедности семей, заявив, что «...матери их не настолько бедны...» (ГАКК. Ф. 265. Оп.1. Д.8. Л.27).

Одним из мотивов общественной деятельности купцов, более характерных для модернизированного общества, были личные амбиции, желание выделиться. Газета «Восточное обозрение» едко сообщала, что открытие Енисейского музея привело к соревнованию в среде местной буржуазии. Городской голова Енисейска Дементьев предложил создать еще и общество попечения о начальном образовании города, пожертвовав на этот проект тысячу рублей (Восточное обозрение, 1884: 6). Значительная часть гильдейского купечества Енисейской губернии в это же время проигрывала огромные деньги в азартные игры, устраивала пьяные кутежи на золотых приисках (ГАКК. Ф. 595. Оп. 3. Д. 231. Л. 1 об.), покупала предметы роскоши себе и своим содержанкам, тратила деньги на прихоти и развлечения, вызывая «прилив желчи» и осуждения у фактически всех, в массе своей малоимущих, слоев сибирского города. Данная закономерность хорошо видна при анализе периодической печати того времени, особенно либеральной направленности.

5. Заключение

Общественная деятельность гильдейства Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. была представлена участием в работе органов городского самоуправления, попечительстве, благотворительности. В начале исследуемого периода общественная деятельность носила традиционный характер: вынужденный, корпоративный, спорадический, по траектории «делать по минимуму, то, что не делать нельзя». Этому способствовали несколько факторов, определявших специфику процесса. Во-первых, насильственная «инициация» купечества на общественно-полезные работы со стороны государства, из которых они, при присущем всем предпринимателям прагматизме, извлекали пользу для «компенсации» (махинации, спекуляции, медали, ордена, чины, подряды) прямых (вложение своих средств в общественные дела) и косвенных (время, силы) убытков. Во-вторых, маломощность капиталами, да еще при совпадении с процессом первоначального накопления, вынуждала купцов «минимизировать» усилия и форсировать компенсацию. Финансово маломощное гильдейство Енисейской губернии не могло сделать даже того, что могли более богатые томские и иркутские, тем более московские и Санкт-Петербургские соратники по гильдии.

Однако примерно с 1880–1890-х гг., четко намечается процесс гражданско-правовой активизации гильдейских купцов, проявившийся в общественной деятельности (около 20 купеческих фамилий, что в среднем составляло 1/6 – 1/5 часть гильдейцев), что свидетельствует о проникновении в регион модернизационных процессов. Данные предприниматели имели прочные экономические позиции, прошли фазу накопления капитала, часть из них бывшие купцы, перешедшие в более высокие социальные слои (почетных граждан, реже – дворян), иногда действовавшие вне гильдейства, в связи с разрушением сословия после 1898 г. Мотивы и специфика общественной деятельности граждански-активных гильдейцев приобрела гражданско-правовые характеристики: масштабность и системность действий, индивидуализм, рационализм, прагматизм, соревновательность, осознание общественных интересов как аспекта упрочения собственных позиций.

Литература

Бойко, 1996 – Бойко В.П. Томское купечество XVIII–XIX веков: из истории формирования сибирской буржуазии. Томск: Водолей, 1996. 320 с.

Восточное обозрение, 1883 – Восточное обозрение. 1883. № 24. 16 июня.

- Восточное обозрение, 1884** – Восточное обозрение. 1884. № 49. 6 декабря.
- ГАКК** – Государственный архив Красноярского края.
- Ермишина, 1994** – *Ермишина С.А., Наумова Г.Р.* Православный менталитет русского делового человека // *Буржуазия и рабочие России во второй половине XIX – начале XX века.* Иваново, 1994. С. 24–27.
- Комлева, 2006** – *Комлева Е. В.* Купечество городов Енисейской губернии в последней четверти XVIII – первой половине XIX в. М.: Academia, 2006. 384 с.
- Куприянов, 1996** – *Куприянов А. И.* Представление о труде и богатстве русского купечества дореформенной эпохи // *Менталитет и культура предпринимателей России XVII–XIX вв.* Москва: Институт российской истории РАН, 1996. С. 83–107.
- МАГА** – Муниципальный архив города Ачинска.
- МАГК** – Муниципальный архив города Канска.
- Мешалкин, 1995** – *Мешалкин П.Н.* Меценатство и благотворительность сибирских купцов-предпринимателей. Красноярск: Книжное издательство, 1995. 155 с.
- Павлова, 2003** – *Павлова И.П.* Социальное попечение в России в конце XIX – начале XX в.: / Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет., 2003. 249 с.
- Памятная книжка, 1863** – *Памятная книжка Енисейской губернии на 1863 год* / Санкт-Петербург: Типография Иосафата Огриско, 1863. 335 с.
- Памятная книжка, 1915** – *Памятная книжка Енисейской губернии на 1915 год* / Красноярск: Енисейский губернский статистический комитет, 1915. 128 с.
- Памятная книжка, 1889** – *Памятная книжка Енисейской губернии на 1890 год* / Красноярск: Енисейский губернский статистический комитет, 1889. 395 с.
- Памятная книжка, 1865** – *Памятная книжка Енисейской губернии на 1865 и 1866 годы* / Санкт-Петербург: Типография К. Вульфа, 1865. 344 с.
- ПСЗРИ, 1885–1916** – Полное Собрание Законов Российской Империи: Собрание третье: В 33-х т. СПб.; Пг., 1885–1916.
- Потапов, 1997** – *Потапов И.* Ночлежный дом имени Ф. Ф. Раззорова // *Предприниматель.* 1997. № 1. С. 6.
- Семенов, 1998** – *Семенов А.В.* Менталитет купечества в период становления российского предпринимательства // *Отечественная история.* 1998. № 6. С 21–24.
- Сибирские известия, 1905** – *Сибирские известия.* 1905. 6 октября С. 3.
- Соболевская, 1993** – *Соболевская А.* Духовные истоки российского предпринимательства // *Вопросы экономики.* 1993. № 8. С. 88–96.
- Туман-Никифорова, 2010** – *Туман-Никифорова И.О., Туман-Никифоров А.А.* Предпринимательство и экономическое предпринимательство: сущность и существование // *Вестник Полесского государственного университета. Серия общественные и гуманитарные науки,* 2010. № 1. С. 83–90.
- Туман-Никифорова, 2003** – *Туман-Никифорова И.О.* Гильдейское купечество Енисейской губернии (60-е гг. XIX – начало XX вв.). Красноярск: Красноярский государственный торгово-экономический институт, 2003. 182 с.
- Ульянова, 1998** – *Ульянова Г.Н.* Духовный облик и образ жизни предпринимателей пореформенной России // *Отечественная история.* 1998. № 6. С. 50–53.
- Bradley, 1991** – *Bradley J.* Voluntary Associations, Civil Culture, and Obshchestvennost' in Moscow // Clowes E.W., Kassow S.D., West J.L. (eds.). *Between Tsar and People: Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia.* Princeton, NJ: Princeton University Press, 1991. P. 131–148.
- Lindenmeyr, 1990** – *Lindenmeyr A.* The Ethos of Charity in Imperial Russia // *Journal of Social History.* 23 (4). 1990 summer. P. 679–694.
- Lindenmeyr, 1990** – *Lindenmeyr A.* Voluntary Associations and the Russian Autocracy: The Case of Private Charity. Pittsburgh, 1990. 312 p.

References

- Bojko, 1996** – *Bojko V.P.* Tomskoe kupechestvo XVIII–XIX vekov: iz istorii formirovaniya sibirskoj burzhuazii [Tomsk merchant XVIII–XIX centuries: from the history of formation of the Siberian bourgeoisie]. Tomsk: Vodolej, 1996. 320 p. [in Russian]
- Vostochnoe obozrenie, 1883** – *Vostochnoe obozrenie* [Eastern Outlook]. 1883. №. 24.16 iyunja. [in Russian]
- Vostochnoe obozrenie, 1884**–*Vostochnoe obozrenie* [Eastern Outlook]. 1884. № 49. 6 dekabrya. [in Russian]
- ГАКК** – Gosudarstvennyj arhiv Krasnojarskogo kraja [State archive of Krasnoyarsk region] [in Russian]
- Eremishina, 1994** – *Eremishina S.A., Naumova G.R.* Pravoslavnyj mentalitet russkogo delovogo cheloveka [The Orthodox mentality of the Russian business person] // *Burzhuazija i rabochie Rossii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX veka.* Ivanovo, 1994. P. 24–27. [in Russian]

- Komleva, 2006** – *Komleva E. V.* Kupechestvo gorodov Enisejskoj gubernii v poslednej chetverti XVIII – pervoj polovine XIX v. [The merchant cities of the Yenisei province in the last quarter of XVIII – the first half of the XIX century]. Moskva: Academia, 2006. 384 p. [in Russian]
- Kuprijanov, 1996** – *Kuprijanov A.I.* Predstavlenie o trude i bogatstve russkogo kupechestva doreformennoj jepohi [The idea of the labor and wealth of the Russian merchants of the pre-reform era] // *Mentalitet i kul'tura predprinimatelej Rossii XVII–XIX vv.* Moskva : Institut rossijskoj istorii RAN, 1996. P. 83 – 107. [in Russian]
- MAGA** – Municipal'nyj arhiv goroda Achinska [Municipal archive of the city of Achinsk]
- MAGK** – Municipal'nyj arhiv goroda Kanska [Municipal archive of the city of Kansk]
- Meshalkin, 1995** – *Meshalkin P.N.* Mecenatstvo i blagotvoritel'nost' sibirskih kupcov-predprinimatelej [Philanthropy and charity Siberian merchants-entrepreneurs]. Krasnojarsk: Knizhnoe izdatel'stvo, 1995. 155 p. [in Russian]
- Pamjatnaja knizhka, 1863** – Pamjatnaja knizhka Enisejskoj gubernii na 1863 god [The memorable book of Yenisei province in 1863] / Sankt-Peterburg: Tipografija Iosafata Ogrizko, 1863. 335 p. [in Russian]
- Pamjatnaja knizhka, 1915** – Pamjatnaja knizhka Enisejskoj gubernii na 1915 god [The memorable book of Yenisei province in 1915] / Krasnojarsk: Enisejskij gubernskij statisticheskij komitet, 1915. 128 p. [in Russian]
- Pamjatnaja knizhka, 1915** – Pamjatnaja knizhka Enisejskoj gubernii na 1890 god [The memorable book of Yenisei province in 1890] / Krasnojarsk: Enisejskij gubernskij statisticheskij komitet, 1889. 395 p. [in Russian]
- Pamjatnaja knizhka, 1865** – Pamjatnaja knizhka Enisejskoj gubernii na 1865 i 1866 gody [The memorable book of Yenisei province in 1865 and 1866] / Sankt-Peterburg : Tipografija K. Vul'fa, 1865. 344 p. [in Russian]
- PSZRI, 1885–1916** – *Polnoe Sobranie Zakonov Rossijskoj Imperii: Sobranie tret'e : V 33-h t.* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire : meeting the third, In 33 vols] SPb. ; Pg., 1885–1916. [in Russian]
- Potapov, 1997** – *Potapov I.* Nochlezhnyj dom imeni F. F. Razzorenova [Rooming house named after F.F. Razorenov] // *Predprinimatel'. 1997. № 1. P. 6.* [in Russian]
- Semenov, 1998** – *Semenov A.V.* Mentalitet kupechestva v period stanovlenija rossijskogo predprinimatel'stva [The mentality of merchants in the period of formation of Russian business] // *Otechestvennaja istorija. 1998. № 6. P 21–24.* [in Russian]
- Sibirskie izvestija, 1905** – *Sibirskie izvestija* [Siberian news]. 1905. 6 oktjabrja P. 3 [in Russian].
- Sobolevskaja, 1993** – *Sobolevskaja A.* Duhovnye istoki rossijskogo predprinimatel'stva [Spiritual origins of Russian business] // *Voprosy ekonomiki. 1993. № 8. P. 88 – 96* [in Russian].
- Tuman-Nikiforova, 2010** – *Tuman-Nikiforova I.O., Tuman-Nikiforov A.A.* Predprinimatel'stvo i jekonomicheskoe predprinimatel'stvo: sushhnost' i sushhestvovanie [Entrepreneurship and economic entrepreneurship: the essence and existence] // *Vestnik Poleskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija obshhestvennye i gumanitarnye nauki, 2010. № 1. P. 83–90* [in Russian].
- Tuman-Nikiforova, 2003** – *Tuman-Nikiforova I.O.* Gil'dejskoe kupechestvo Enisejskoj gubernii (60-eg. XIX – nachalo XX vv) [Guild merchants of the Yenisei province (60-ies of XIX – beginning of XX centuries)]. Krasnojarsk: Krasnojarskij gosudarstvennyj trgovno-jekonomicheskij institut, 2003. 182 p. [in Russian].
- Ul'janova, 1998** – *Ul'janova G.N.* Duhovnyj oblik i obraz zhizni predprinimatelej poreformennoj Rossii [The spiritual image and way of life of entrepreneurs in post-reform Russia] // *Otechestvennaja istorija. 1998. № 6. P. 50–53* [in Russian].
- Bradley, 1991** – *Bradley J.* Voluntary Associations, Civil Culture, and Obshchestvennost' in Moscow // *Clowes E.W., Kassow S.D., West J.L. (eds.). Between Tsar and People: Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia.* Princeton, NJ: Princeton University Press, 1991. P. 131–148.
- Lindenmeyr, 1990** – *Lindenmeyr A.* The Ethos of Charity in Imperial Russia // *Journal of Social History. 23 (4).* 1990 summer. P. 679–694.
- Lindenmeyr, 1990** – *Lindenmeyr A.* Voluntary Associations and the Russian Autocracy: The Case of Private Charity. Pittsburgh, 1990. 312 p.

УДК 94:339.1 – 051(470+571) «18/19»

**Общественная деятельность гильдейского купечества
Енисейской губернии второй половины XIX – начала XX вв.**Ирина Олеговна Туман-Никифорова ^{а, *}, Валерий Иванович Федорченко ^а,
Наталья Васильевна Пашина ^а, Игорь Иванович Крылов ^а^а Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье через теорию модернизации исследуется общественная деятельность гильдейского купечества Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. На архивных материалах типологизированы мотивы, выявлены характеристики, проанализирована специфика участия купцов в деятельности органов городского самоуправления, попечительства и благотворительности, проведено сравнение изучаемых явлений в Енисейской губернии с другими регионами Российской империи, что позволило выявить общие и специфические черты исследуемого феномена.

На основе анализа генезиса и эволюции общественной деятельности гильдейского купечества Енисейской губернии на протяжении пореформенного периода, авторы пришли к выводу, что в начале исследуемого периода общественная деятельность купцов носила традиционный (вынужденный, корпоративный, спорадический, примитивно-прагматический, религиозный) характер. Однако, начиная с 1880–1890-х гг. наметилась гражданско-правовая активизация части гильдейцев, в результате их общественная деятельность приобрела модернизационные черты: масштабность, системность, индивидуализм, инициативность, соревновательность, сбалансированный рационализм, осознание общественных интересов как фактора упрочения собственных позиций.

Ключевые слова: благотворительность, гильдейское купечество, гражданско-правовая активность, Енисейская губерния, модернизация, общественная деятельность, органы городского самоуправления, попечительство.

---

* Корреспондирующий автор

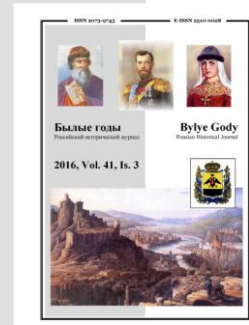
Адреса электронной почты: ituman-nikiforova@yandex.ru (И.О. Туман-Никифорова),
vfedorchenko@mail.ru (В.И. Федорченко), nvpashina@yandex.ru (Н.В. Пашина),
krilov24@yandex.ru (И.И. Крылов)

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
ISSN: 2073-9745
E-ISSN: 2310-0028
Vol. 41, Is. 3, pp. 705-713, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 629.12

First Battleships of the Coast Defense of Russian Emperor Fleet. Part 2

Yuri F. Katorin ^{a,*}, Anatolii P. Nyrkov ^b

^a University ITMO, Russian Federation

^b Admiral Makarov State University of Maritime and Inland Shipping, Russian Federation

Abstract

In this article it is told about design and building in Russia of the second generation tower armored ships, are given their characteristics, are described design features, and also basic stages of service in the composition of Baltic fleet, the advantages and disadvantages in the projects are analyzed. The materials of article are the continuation of publication in № 4 (38) periodical «Bylye Gody» in 2015 the year. Are described the difficulties, which arose during the organization of their building at the Russian plants. Prove laws governing the passage from “monitor” diagram to the nautical Battleship of coast defense. On the basis the analysis of the represented materials there are determined the basic stages of the formation of the Russian school of military ship building.

Keywords: Baltic fleet, the history of shipbuilding, coast defense, monitor, armored frigate, the Battleship of coast defense, E.E. Gulyayev.

1. Введение

В число функций военно-морского флота, кроме действий в открытом море, входит также ряд обязанностей, для выполнения которых применение крупных кораблей было бы нерационально, а иногда просто невозможно. Сюда можно отнести боевые действия в прибрежных районах, включая поддержку флангов сухопутной армии, обстрел береговых укреплений и оборону собственных портов, а также боевые операции на крупных реках и озерах. Причем для решения некоторых из этих задач нужны пусть не очень мореходные, но достаточно мощные и хорошо защищенные корабли. Поэтому наряду с эскадренным броненосцем получил развитие и броненосец береговой обороны (ББО) (Шведе, 1940; Шершов, 1940).

В период 1870–1880 годов броненосцами береговой обороны являлись мониторы. Об истории их постройки в России подробно рассказано в первой части статьи (Katorin, Nyrkov, 2015), но крайне низкая мореходность заставила отказаться от этого типа кораблей, несмотря на прекрасную защиту и мощное вооружение. Требовался броненосец, который, сохраняя основные достоинства монитора, имел бы мореходность, достаточную для действий хотя бы в прибрежных районах. В этом направлении и пошло их развитие – все следующие русские броненосцы береговой обороны были мореходными кораблями, что отражало закономерное и повсеместное отступление от «мониторной» схемы 1860-х годов с ее сплошь бронированным низким бортом, опасным при плавании в свежую погоду (Шведе, 1940).

2. Материалы и методы

2.1. Материалами послужили документы Центрального государственного архива Военно-морского флота, опубликованные отчеты, а также материалы дореволюционной периодической печати. Важное место занимают и современные исследования по истории судостроения Российской империи.

* Corresponding author

E-mail addresses: katorin@mail.ru (Yu.F. Katorin), kaf.koib@gmail.com (A.P. Nyrkov)

2.2. Методологической основой работы послужили основополагающие методы объективности, системности и диалектической взаимосвязи явлений, методы историзма, сравнительного анализа и синтеза, способствующие критически-аналитическому осмыслению событий и фактов далекого прошлого, критическое отношение к источникам, вынесение суждений в результате анализа совокупности фактов, а также показ явлений в развитии и контексте исторической обстановки.

Обоснованность и достоверность исследования базируется на основе анализа большого количества архивных материалов и литературных источников и обеспечивается научной методологией, комплексным характером исследования, системным подходом и подтверждается строгой логикой выводов в соответствии с поставленными целями и задачами.

3. Обсуждение

Броненосцы береговой обороны давно известный класс кораблей, в середине XIX века получивший довольно широкое распространение и на Российском императорском флоте. Хотя использовались они совсем недолго, однако их короткие сроки существования не помешали появлению многочисленных научных и научно-популярных работ, выпуску фундаментальных книг и монографий об этих кораблях (Грибовский, Черников, 1996; Мельников, 2002; Katorin, 2015).

Однако подавляющее число такой литературы посвящено либо описанию истории создания и техническим характеристикам кораблей конкретных серий, либо рассмотрению истории развития и особенностей кораблестроительных школ тех или иных стран. Наиболее известной из них у нас является монография В.Ю. Грибовского, И.И. Черникова (Грибовский, Черников, 1996), а также подборка архивных документов и статей из «Морского сборника» о строительстве и испытаниях русских мониторов (Закладка броненосного, 1866; Спуск броненосного, 1867; Спуск башенных, 1868).

Но, хорошо проследивая историю постройки, они почти не содержат материалов по боевому применению этих кораблей, а некоторые носят чисто справочный характер. Этот недостаток делает весьма затруднительным осуществить полный и глубокий анализ причин изменения тех или иных ТТХ. В другой группе работ, наоборот, упор делается на опыт боевого использования ББО в войнах, но есть лишь краткое упоминание их ТТХ и конструктивных особенностей. Не решил проблему и приуроченный к 300-летию юбилею Российского флота пятитомный труд петербургских историков, изданный в 1994–1996 годах (Допенко и др., 1996).

Большую трудность вызывает разбросанность материала и нередко противоречивость данных различных источников, а также сложность органично соединить в одной работе инженерные вопросы и вопросы боевого применения кораблей данного класса. На основании изученных по данной теме литературных источников можно сделать следующие основные выводы:

во-первых, имеющиеся труды, очерки, отдельные статьи и другие литературные источники требуют обобщения и систематизации в соответствии с современными взглядами на теорию и практику военного кораблестроения;

во-вторых, имеющиеся разрозненные материалы требуют всестороннего подробного анализа с целью систематизации и обобщения информации, содержащейся в них, и определения ее значения для современных условий.

Военно-морская проблема России оказала серьезное, и, кажется, до сих пор должным образом не осмысленное воздействие на ход и исход эволюции российского государства в период одного из самых критических изломов в истории евро-азиатского региона. Дело не только в том, что гонка морских вооружений тяжёлым бременем ложилась на все структуры "развивающейся" страны, испытывавшей перегрузки в ходе социополитических и экономических модернизаций (всякую "лишнюю" копейку правящая военно-служилая элита направляла на развитие "красы и гордости" империи — военного флота). Развитие ВМС России являлось проблемой не только и не столько финансово-экономической, сколько социально-культурной. Один из наиболее известных отечественных военно-морских историков и публицистов, Н.Л. Кладов, в разгар русско-японской войны не без основания констатировал, что Россия была и остается «страной сухопутной», не понимающей значения флота.

4. Результаты

Следующие после «русалок» русские ББО должны были превосходить своих предшественников «мониторной программы» по мореходности, вооружению и бронированию. Неудовлетворительная мореходность первых мониторов типа «Смерч» показала необходимость создания башенных кораблей с более высоким надводным бортом и улучшенными ходовыми качествами. Такими кораблями стали броненосные фрегаты типа «Адмирал Грейг» — первые мореходные башенные броненосцы Российского Императорского флота. В сущности, русские башенные броненосные фрегаты явились переходным типом от мониторов к броненосцам береговой обороны, главным оперативным назначением которых тоже была борьба с кораблями противника, вторгшимися в прибрежную зону. Однако, если мониторы предназначались для действий в шхерах, то фрегаты — для защиты рейдов и поддержки шхерного флота (Katorin, Nyrkov, 2015).

Чертежи нового корабля разработал Морской технический комитет в 1864 году. Первоначально они должны были иметь три башни и полное парусное вооружение фрегата, но позже было решено

ограничиться косыми парусами, позволявшими развивать скорость до 2 узлов. Характерными чертами башенных фрегатов стали носовой бушприт и продольный переходной мостик, позволявший работать с парусами и шлюпками в свежую погоду. Кроме того, ставилась задача строить их исключительно на отечественных верфях и с применением железа только русского производства, поэтому приемщики Морского министерства тщательно наблюдали за тем, чтобы подрядчики не применяли железо, полученное из-за границы. В связи с этим путь их создания оказался более сложным и длительным (Мельников, 2002).

Уже в ходе постройки, начавшейся в сентябре 1865 года, эти трехбашенные корабли претерпели разнообразные конструктивные изменения и усовершенствования. В июле 1866 года встал вопрос об усилении бронирования. Испытания показали, что 114-мм броня, считавшаяся надежной защитой против ядер, с появлением нарезных 203-мм орудий пробивается навылет со значительных расстояний. Для увеличения толщины брони специально назначенная комиссия под председательством адмирала Иван Ивановича фон Шанца (Eberhard von Schantz; 1802—1879) признала необходимым снять с трехбашенных кораблей по одной башне с двумя орудиями. Снятая вместе с орудиями, механизмами и боеприпасами башня облегчила корабль на 126 т, из которых 49 т предназначались для усиления брони двух оставшихся башен, а остальные – бортовой. В связи со смещением башен к середине корпуса сдвигалось на 2,4 м к носу и машинное отделение, удлинялся гребной вал, менялись расположение и конструкция двух поперечных переборок. (ЦГАВМФ, ф. 164, оп. 1, д. 628, л. 3; Мельников, 2002)

Работы грозили затянуться в связи с несвоевременной поставкой более толстых броневых плит, которые толще 114 мм на Ижорском заводе еще не прокатывались. Однако адмирал И.И. фон Шанц подчеркивал, что «при современном состоянии дела броненосного судостроения и морской артиллерии» усиление брони необходимо, невзирая на возможное удорожание и увеличение сроков готовности кораблей. В конце концов, перемены коснулись лишь двух кораблей Невского завода (ЦГАВМФ, ф. 164, оп. 1, д. 628, л. 3; ЦГАВМФ, ф. 421, оп. 1, д. 38, л.2-4. 4, 6).

Так на Балтике появились двух- и трехбашенные броненосные фрегаты «Спиридов», «Чичагов», «Грейг» и «Лазарев» – наиболее совершенные и мощные корабли береговой обороны 1860-х годов. Первоначально они классифицировались как башенные броненосные батареи и должны были иметь по три башни. В июле 1866 года в названия всех кораблей включили слово «адмирал». Таким образом, родилась новая традиция наименования кораблей отечественного флота в честь прославленных флагманов (Мельников, 2002; Закладка яхты, 1865).

«Адмирал Грейг» строился Новым Адмиралтейством в С.-Петербурге. Подготовительные работы начались в апреле 1865 года, а официальная закладка состоялась лишь через год, 28 апреля 1866 года. Механизмы для «Адмирала Грейга» изготовлял завод Карра и Макферсона¹. Этому же заводу заказали и однотипный корабль, «Адмирал Лазарев», официальная закладка которого состоялась 17 мая 1867 года. И, хотя постройка первого из них шла «неимоверно быстро», опоздания кованых штевней и другие неурядицы казенной постройки задержали спуск (Мордвинов, 1881; ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 4587, л. 173).

Первым 9 сентября 1867 года сошел на воду «Адмирал Лазарев». «Адмирал Грейг» был спущен лишь 18 октября 1868 года. 26 сентября 1869 года его с помощью буксирных судов привели в Кронштадт. Достройку продолжила группа командированных из Петербурга рабочих. По целому ряду причин готовность башен опоздала на 2 года. Установку брони на «Лазареве» завершили только в марте 1871 года. На ходовые испытания корабли вышли лишь в 1871 году (Спуск броненосного, 1867).

При практически одинаковой длине и ширине с «Адмиралом Лазаревым» и «Адмиралом Грейгом» двухбашенные броненосные фрегаты отличались лишь более заостренными обводами, увеличенной до 4,9 м осадкой и выросшим на 30 т водоизмещением. Заказ на их постройку в мае

¹ Инженер, механик Макферсон и купец Карр договорились о создании нового завода. Так 26 мая 1856 году был основан «Балтийский литейный механический и строительный завод Карра и Макферсона». Марк Львович Макферсон (1804–1879) – русский изобретатель, по происхождению англичанин, в 1856–1872 годах – директор и главный инженер «Компании Карра и Макферсона». До 1853 года он был инженером-механиком императорской яхты «Невка» и имел собственную мастерскую. В 1856 году крупный сахарозаводчик купец 1-й гильдии Матвей Егорович Карр (1821–1903) пригласил Макферсона в компаньоны. Купец, который ничего не смыслил в судостроении, выбрал этого инженера-кораблестроителя потому, что он пользовался авторитетом у технических специалистов. К тому же ему благоволил покойный Николай I: когда началась Крымская война и за пределы России стали выдворять британских подданных, то, по велению царя, инженер был оставлен в Петербурге, а его слесарную мастерскую не закрыли. Купец не вмешивался в производственные вопросы и руководителем фактически стал Макферсон. Он сам разыскал место для устройства завода и в 1857 году предприятие запустило производство. Макферсон всеми силами старался развивать производство и участвовать в госпроектах. Он обратился в Морское ведомство с предложением своих услуг и уже в 1861 году завод получил золотую медаль на Промышленной выставке в Петербурге за отличную продукцию для нужд Морского флота. В 1872 году завод Карра и Макферсона обанкротился. Его силы подорвал пожар и скандал, связанный с невыполнением в срок крупного заказа. В дальнейшем завод побывал во владении нескольких акционерных компаний. В 1894 году Балтийский завод переходит в ведение Морского министерства.

1865 года получил Невский завод П.Ф. Семянникова и В.А. Полетики. Контрактная стоимость каждого корабля составляла 796 тыс. руб. В соответствии с контрактом от 23 мая 1866 года (Мордвинов, 1881).

Невский завод изготавливал для обоих кораблей котлы и главные паровые машины — горизонтальные прямого действия с двумя цилиндрами. Машины вращали трехлопастной винт системы Гриффитса диаметром 4,5 м. Мощность механизмов на обоих кораблях составила около 2000 л.с. Запас угля 256 т. Дальность плавания 1200—1500 миль при 9-узловом ходе. В октябре 1866 года их решили строить с двумя башнями каждый, но с усиленной защитой. Окончательно фрегаты к сдаче требовалось представить в июле 1868 года, но сроки не выдержали. «Адмирал Спиридов» сошел на воду 16 августа, «Адмирал Чичагов» — 1 октября 1868 года. В Кронштадте достройку кораблей продолжили: обшивка броней завершилась в июле 1869 года (ЦГАВМФ, ф. 921, оп. 2, д. 227, л. 40, 148, 154, 188, 205).

По окончательному проекту трехбашенные фрегаты имели водоизмещение 3462 т и длину 77,4 м, осадку 4,8 м; двухбашенные — 3492,5 т, 77,5 м, 4,9 м соответственно при одинаковой ширине 13,1 м. Толщина бортовой брони «Адмирала Грейга» была в пределах от 89 до 152 мм, «Адмирала Спиридова» — от 102 до 178 мм. Башни бронировались плитами толщиной 140 и 160, а боевые рубки — 127 мм. Суммарная толщина двух слоев палубной брони с прокладкой из сукна или войлока достигала 25,4 мм. Экипаж трехбашенных кораблей состоял из 282 человек (12 офицеров, 10 кондукторов), двухбашенных — 250 человек (11 офицеров, 9 кондукторов). Скорость 10 узлов (Каторин, Ачкасов, 2012).

Вооружение ГК устанавливалось в двухорудийных 229-мм башенных установках системы Кольза, пушечные стволы нарезные имели длину 20 калибров и заряжались с казенной части. Боекомплект включал по 100 выстрелов на ствол. Затем было реализовано предложение адмирала Андрея Александровича Попова (1821—1898) — замена в каждой башне двух 229-мм одним 280-мм орудием. «Уменьшить число орудий, но зато увеличить их калибр и цельность выстрелов есть отличительное направление морской техники в настоящее время», — напоминал адмирал. Такая замена снижала перегрузку, причем вес бортового залпа не уменьшался, а точность стрельбы из одного орудия, при которой исключалось влияние погрешности при наведении двух орудий, повышалась. В 1890—1900 годах вооружение фрегатов пополнилось скорострельными пушками Гочкисса. В результате вплоть до 1890-х годов трехбашенные фрегаты оставались после «Петра Великого» самыми мощными в артиллерийском отношении кораблями русского флота. Бортовой залп каждого составлял 750 кг металла (Каторин, Волковский, 2014).

«Адмирал Лазарев». Заложен весной 1865 года на заводе Карра и Макферсона в Санкт-Петербурге, спущен на воду 9 сентября 1867 года. Вступил в строй в 1869 году, окончательно укомплектован в 1871 году. 1 февраля 1892 года переклассифицирован в броненосец береговой обороны. 1 августа 1907 года исключен из списков судов флота, разоружен и сдан Кронштадтскому порту. Использовался как учебное судно-блокшив. Затонул во время шторма в октябре 1912 года при буксировке в Германию для разделки на металл (ЦГАВМФ, ф. 921, оп. 2, д. 227, л. 237-262, 331, 341).

«Адмирал Грейг». Заложен 20 августа 1865 года на Новом Адмиралтействе в Санкт-Петербурге, спущен 18 октября 1868 года. Вступил в строй в 1869 году, окончательно укомплектован в 1871-м. 1 февраля 1892 года переклассифицирован в броненосец береговой обороны. 18 марта 1907 года разоружен и сдан Кронштадтскому порту, 9 декабря 1909 года исключен из списков судов флота, в 1912 году разделан на металл в Петербургском порту (Закладка броненосного, 1866).

«Адмирал Спиридов». Строительство начато 8 ноября 1866 года на заводе Семянникова и Полетики (Санкт-Петербург), спущен на воду 16 августа 1868 года, введен в эксплуатацию в 1869 году, 1 февраля 1892 года переклассифицирован в броненосец береговой обороны, 18 марта 1907 года разоружен и сдан Кронштадтскому порту, 1 августа 1907 года исключен из списков судов флота и обращен в плавучий угольный склад, после 09.04.1912 «Исключенное судно №1» (Каторин, Волковский, 2014).

«Адмирал Чичагов». Строительство начато 8 ноября 1866 года на заводе Семянникова и Полетики (Санкт-Петербург), спущен на воду 16 августа 1868 года, введен в эксплуатацию в 1869 году, с 1892 года классифицировался как броненосец береговой обороны, а с 1900 года как учебно-машинное судно Кронштадтской машинной школы, выведен из состава флота, разоружен и сдан к порту 9 апреля 1907 года, осенью 1907 года посажен на мель в районе Ревеля и превращен в мишень для артиллерийских стрельб. После 09.04.1912 «Исключенное судно №2» (Каторин, Волковский, 2014).

Строительство в России большой серии кораблей потребовало преодоления целого ряда организационных и технологических трудностей. Приходилось корректировать состав поставок и ассортимент заказываемого металла, не всегда соответствующий производственным возможностям предприятий. Некоторые виды проката приходилось осваивать заново. Броню и поковки для всех 4 кораблей серии поставлял Ижорский завод, часть брони (до 820 т) заказали Камскому железодельному заводу горного ведомства. Обуховский завод, налаживающий выпуск стальной нарезных орудий, поставлял инструментальную сталь. На Невском заводе успешно работало собственное «железопрокатное заведение». Приемщики Морского министерства тщательно

наблюдали за тем, чтобы подрядчики не применяли железо, полученное из-за границы (Шершов, 1940).

Понятно, что все эти трудности развития отечественного железного броненосного судостроения не могли не сказываться на сроках постройки. Постройка и служба фрегатов – важный этап в развитии отечественного судостроения и флота, первый опыт проектирования и постройки крупной серии больших броненосных кораблей на отечественных верфях, из отечественных материалов. Все это позволило отработать проектную практику, технологию и организацию броненосного судостроения. И, наконец, эти корабли служили не только надежной защитой берегов Балтики, но и многие годы – кузницей кадров российского флота (Мельников, 2002).

В период 1893–1896 годов для Балтийского моря по проекту Э.Е. Гуляева¹ были построены три классических броненосца береговой обороны: «Адмирал Ушаков», «Адмирал Сенявин» и «Генерал-адмирал Апраксин». По большому счету это был вполне адекватный ответ Швеции, чей, растущий как на дрожжах, флот состоял из кораблей этого класса (Доценко и др., 1996; ЦГАВМФ, Ф. 921, Оп. 2, Д. 242, Л. 139).

Водоизмещение стандартное 4126 т, полное 4648 т, длина 86,4 м, ширина 15,9 м, осадка 5,2 м, скорость 16 узлов, дальность плавания 3400 миль (9 узл.), экипаж 385 матросов и 21 офицер. Бронирование состояло из 254-мм узкого (2,1 м) броневых пояса длиной 53 метра, навешенного в средней части корабля, с 203-мм траверсами, от которых шла к оконечностям 51-мм карапасная палуба. Поверх пояса шла 25-мм броневая палуба. Башни и барбетовые были прикрыты 152-мм броней. Вооружение: четыре 254-мм орудия (на «Апраксине» три) в башнях, четыре 120-мм пушки в углах центральной надстройки, 6 47-мм и 18 37-мм противоминных орудий, 4 торпедных аппарата (Грибовский, Черников, 1996).

Гладкопалубный низкобортный корпус броненосца изготавливался из сименс-мартеновской стали, методом клепания и набирался по бракетной («клетчатой») системе. Корабль имел фор- и ахтерштевень, палубу спардека, верхнюю, жилую и броневую (карапасную) палубы, трюм и двойное дно. Форштевень и ахтерштевень, образывавшие носовую и кормовую оконечности, изготавливались из стальных отливок. Прямой в надводной части форштевень имел отверстие для носового минного аппарата, а под водой – выступающий вперед таран (Грибовский, Черников, 1996).

На верхней палубе, между носовой и кормовой башнями главного калибра, от борта и до борта, располагалась надстройка (спардек). Надстройка имела длину 42,6 м и обшивалась по бортам стальными листами толщиной 9,5 мм. В надстройке располагались корабельная мастерская, казематы 120-мм орудий, канцелярия, такелажные рундуки, арсенал, камбузы офицеров и команды, кубрики, а также походная (разборная) церковь. На жилой палубе располагались носовой минный аппарат и два командных гальюна, два паровых шпилья, аптека и лазарет, помещения команды (кубрики), подбашенные пространства башен главного калибра, каюты офицеров и кондукторов, офицерский буфет, кают-компания офицеров, каюты старшего офицера и механика, апартаменты командира корабля.

На броневой палубе располагались шкиперская каюта, носовая электростанция, малярная каюта, патронные погреба, минная кладовая, помещения провизии, винный погреб, машинно-котельные отделения, кормовая электростанция, парусная и минная каюты, помещения сухой провизии, помещение рулевой машины (Грибовский, Черников, 1996).

В трюме устраивались погреба боезапасов главного калибра и 120-мм калибра, отделения трюмных помп и насосов, угольные ямы, румпельное отделение. Двойное дно, толщиной 6,4 мм, делилось флорами и стрингерами на независимые отсеки и располагалось от 15-го до 59-го шпангоутов. Поперечные водонепроницаемые переборки имели толщину 8 мм ниже броневой палубы и 6,4 мм – выше ее. Они располагались на 10, 25, 34, 42,5, 51, 60 и 66 шпангоутах. На броненосце имелись две бортовых продольных переборки толщиной 6,4 мм, которые образывали помещения угольных ям и бортовых коридоров. Они так же служили, как дополнительная противоминная защита корабля (Грибовский, Черников, 1996).

Главный броневой пояс по ватерлинии имел длину 53 м и высоту 2,1 м с погружением в воду на 1,2 м. Пояс состоял из 30 стальных броневых плит, которые на протяжении кочегарных и машинного отделений имели толщину 254 мм с утонением к нижней кромке до 127 мм. Ближе к носу и корме шла к оконечностям 51-мм карапасная палуба. Барбетовые башни прикрывались 152-мм плитами. Сами башни были забронированы 178-мм плитами (по четыре плиты на башню), крыши их состояли из

¹ Гуляев Эраст Евгеньевич (1846–1919) – русский кораблестроитель, ученый, первым в мире обосновал конструктивную защиту кораблей от подводных взрывов, генерал-лейтенант Корпуса корабельных инженеров. В 1868 году с отличием окончил кораблестроительное отделение Инженерное училище морского ведомства. По окончании училища служил в Новом Адмиралтействе. Принимал участие в постройке одних из первых в русском флоте броненосцев: трехбашенного броненосного фрегата «Адмирал Грейг» и броненосца «Петр Великий». В 1888–1891 годах проектировал новые броненосцы береговой обороны типа «Адмирал Ушаков». Автор проектов «малых» броненосцев «Двенадцать апостолов» и «Гангут», проекта «непотопляемого и неопрокидывающегося броненосца». В 1896–1904 годах был помощником главного инспектора кораблестроения генерал-лейтенанта Николая Евлампиевича Кутейникова (1845–1906). В 1909 году уволен со службы по болезни в чине генерал-лейтенанта.

38-мм броневых листов на 13-мм стальной рубашке. Боевая рубка защищалась двумя изогнутыми соответствующим образом 178-мм плитами. При этом рубка крепилась прямо к палубному настилу спардека и не имела бронированной трубы для проводов или иного прочного основания (Грибовский, Черников, 1996).

Артиллерия броненосца состояла из четырех 254-мм, четырех 120-мм, шести 47-мм, шести 37-мм пятиствольных и двенадцати 37-мм одноствольных орудий. 254-мм орудия были размещены попарно в башнях. На первых двух броненосцах установки были с гидравлическим приводом, на «Генерал-адмирале Апраксине», впервые в русском флоте, - с электрическим; кроме того, они имели больший угол возвышения орудий (35° против 15° на первых двух), что увеличило дальность стрельбы с 60 до 73 кабельтовых и допускало скорострельность 1 выстрел в полторы минуты. 120-мм скорострельные пушки с длиной ствола 45 калибра системы Кане размещались по углам спардека на верхней палубе. Станок без щита с центральным штырем обеспечивал максимальный угол возвышения 20°, что соответствовало дальности стрельбы 54 *кбт*. Шесть 47-мм скорострельных пушек Гочкиса размещались следующим образом: по бортам в средней части спардека на верхней палубе, на среднем мостике и в командирском помещении в жилой палубе. Пятиствольные 37-мм пушки Гочкиса размещались на мостиках, десять одноствольных легких 37-мм орудий на вертлюжных установках стояли на боевом марсе фок-мачты броненосца, два таких же орудия служили для вооружения шлюпок (Грибовский, Черников, 1996).

Главная энергетическая установка состояла из двух вертикальных паровых машин тройного расширения и четырех огнетрубных котлов, мощность 5769 л.с. Машины вращали два бронзовых гребных винта диаметром по 3,96 м. Учитывая недостаточные производственные мощности по выпуску судовых машин на Балтийском и Франко-Русском заводах, а также их большую загруженность, Морское министерство заказало для первых 2 кораблей главные механизмы в Англии. Контракты с фирмами «Хэмфрис Тэннант и К°» и «Моделей, сыновья и Фильд» (соответственно 13 марта и 20 июля 1892 г.) предусматривали изготовление и монтаж машинно-котельных установок для «Адмирала Сенявина» и «Адмирала Ушакова» к лету 1894 года. Для «Апраксина» главные и вспомогательные механизмы были заказаны Франко-русскому заводу (бывший завод Берда) в Петербурге. Завод изготовил машины и котлы по чертежам «Моделей» (ЦГАВМФ, ф. 164, оп. 1, д. 1508, л. 44-52).

«Адмирал Ушаков». Заложен на «Балтийском заводе» 22 октября 1892 года, спущен на воду 27 октября 1893 года. К концу апреля 1894 года завершилась сборка главных и вспомогательных механизмов. Однако вступление в строй «Адмирала Ушакова» из-за неготовности орудий и башенных установок задержалось еще на два года. 9 августа 1895 года броненосец у стенки Балтийского завода поднял флаг, гюйс и вымпел, начав свою первую кампанию для ходовых испытаний. Выход в море на официальные 12-часовые испытания полным ходом состоялся 20 сентября 1895 года. 18 сентября 1897 года броненосец береговой обороны «Адмирал Ушаков», после монтажа артиллерии, был официально принят в состав флота (ЦГАВМФ, ф. 421, оп. 1, д. 945, л. 55).

11 декабря 1904 года под председательством генерал-адмирала в Петербурге состоялось совещание, где решено было послать на соединение со 2-й Тихоокеанской эскадрой Отдельный отряд в составе броненосцев «Император Николай I», «Адмирал Ушаков», «Адмирал Сенявин», «Генерал-адмирал Апраксин» и броненосного крейсера «Владимир Мономах». Командовать отрядом был назначен контр-адмирал Николай Иванович Небогатов (1849–1922). В среду 2 февраля 1905 года корабли отряда навсегда распрощались с Ливавой, а 26 апреля в 15.00 в торжественной обстановке присоединились к 2-й Тихоокеанской эскадре недалеко от пролива Куа-бе у бухты Ван-Фонг. В Цусимском бою днем 14 мая 1905 года «Ушаков» получил три попадания крупными снарядами и из-за двух пробоев ниже ватерлинии ночью отстал от эскадры. Утром 15 мая после боя с двумя японскими броненосными крейсерами «Ивате» и «Якумо», «Адмирал Ушаков» был затоплен экипажем. В самом начале боя в крейсера противника попали два снаряда, вызвавших мелкий пожар, после чего японцы вышли за пределы досягаемости орудий главного калибра. Из команды броненосца погибли 7 офицеров (в том числе и командир), 3 кондуктора и 84 унтер-офицера и матроса, остальных выловили из воды японцы. Спасали долго и добросовестно; последних, как говорили очевидцы, подобрали уже при свете прожекторов (Каторин, Волковский, 2014).

«Адмирал Сенявин», был заложен 8 апреля 1893 года в Новом Адмиралтействе. Торжественный спуск корабля на воду состоялся 10 августа 1894 года. Опоздание спуска на воду задержало установку котлов и машин, своевременно (осенью 1893 г.) доставленных в С.-Петербург изготовившей их английской фирмой «Хамфрис Теннант и К°». Иной подход фирмы к обеспечению тяги в котлах, по сравнению с установкой «Моделей» для «Адмирала Ушакова», обусловил меньшую высоту дымовых труб броненосца. Разница в их высоте и стала основным внешним отличительным признаком практически однотипных кораблей. Введен в эксплуатацию 03.07.1897, а 09.09.1902 – перечислен в 6-й флотский экипаж. Во время русско-японской войны вошел в состав отряда контр-адмирала Н.И. Небогатова, направляющегося на усиление уже находившейся в пути 2-й Тихоокеанской эскадры. 26.04.1905 – соединился со 2-й Тихоокеанской эскадрой у бухты Ван-Фонг. Участвовал в Цусимском сражении. Сдался японцам утром 15 мая 1905 года. Был включен в состав

японского флота под названием «Мишима» (Каторин, Волковский, 2014; Грибовский, Черников, 1996).

«Генерал-адмирал Апраксин». В освободившемся в 1895 году, после спуска «Сисоя Великого», доке Нового Адмиралтейства был заложен третий броненосец. Спущен на воду 27 октября 1893 года. Введен в эксплуатацию в 1896 году. В проект последнего корабля серии были внесены некоторые изменения, как в состав и расположение артиллерии (кормовая башня была одноорудийной, с рекордным для своего времени углом возвышения орудий в 35°, изменен состав и расположение противоминной артиллерии), а также несколько усовершенствовано бронирование. Кроме того, корабль получил усовершенствованные орудия главного калибра. (ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 4490, л. 173, 482; д. 4364, л. 345; ф. 417, оп. 1, д. 109, л. 25)

12 ноября 1899 года «Генерал-адмирал Апраксин» вышел из Кронштадта на зимовку в Либаву и в 3 часа ночи при сильной метели выскочил на камни у южной оконечности о. Гогланд. С работами по спасению броненосца связано и первое практическое применение изобретения Александра Степановича Попова (1859–1905) – радиосвязи. Только после успешного окончания подрывных работ ледоколу «Ермак» 11 апреля 1900 года удалось снять броненосец с камней. Ремонт повреждений броненосца средствами Кронштадтского порта, завершённый в 1901 году, обошелся казне более чем в 175000 рублей. Во время русско-японской войны вошел в состав I Отдельного отряда, направляющегося на усиление уже находившейся в пути 2-й Тихоокеанской эскадры. Принял участие в Цусимском сражении. Сдался японцам утром 15 мая 1905 года, и под именем «Окиносима», использовался ими в качестве учебного корабля (Мордвинов, 1881).

Увы, судьба всех трех броненосцев трагична, однако в целом в рамках предложенной концепции (броненосца с мощным вооружением и водоизмещением около четырех тысяч тонн) корабль получился не плохой. Но в Русско-японскую войну судам пришлось выполнять совершенно не свойственные им функции – эскадренных броненосцев, что не позволило в полной мере реализовать их положительные качества, заложенные при проектировании и постройке. То, что низкобортные корабли просто смогли совершить переход из Балтийского моря на Дальний Восток, многие историки флота считают настоящим чудом. Но каждое чудо имеет свои пределы. Броненосец береговой обороны может эффективно вести бой только у своих берегов, когда он отражает атаку врага и у него есть возможность быстро уйти в гавань. В открытом море низкая скорость не позволяла этим кораблям ни сблизиться с противником на дистанцию досягаемости своих орудий ни уйти от него (Грибовский, Черников, 1996).

5. Заключение

Таким образом, становление русской школы военного кораблестроения на примере броненосцев береговой обороны можно разделить на 4 этапа. На первом постройка кораблей проводилась в основном из английского железа по чертежам монитора «Пассаик», привезенным из Америки. При этом значительной реконструкции подверглись верфи, не приспособленные для строительства броненосных судов. Два корабля серии строились за границей.

На втором этапе двухбашенные броненосные канонерские лодки строили уже по оригинальному проекту, правда, английского инженера Чарльза Митчелла (Charles Mitchell; 1820–1895). При этом многие комплектующие изготавливались в России. Это были первые корабли с броней отечественного производства, прокатанной на Камском и Ижорском заводах (Доценко и др., 1996).

На третьем этапе строили броненосные фрегаты типа «Адмирал Грейг» – первые мореходные башенные броненосцы Российского флота. Чертежи нового корабля разработал Морской технический комитет, а собирали их только из материалов, сделанных в России. Постройка и служба фрегатов – очень важный этап в развитии русского судостроения и флота, первый опыт проектирования и постройки крупной серии больших броненосных кораблей на отечественных верфях, из отечественных материалов. Все это позволило отработать проектную практику, технологию и организацию броненосного судостроения. В сущности, русские башенные броненосные фрегаты явились переходным типом от мониторов к броненосцам береговой обороны.

И наконец, были полностью (за исключением машин для 2 кораблей) самостоятельно построены три вполне современных броненосца береговой обороны типа «Адмирал Ушаков». В сравнение с большинством представителей своего класса и времени, «ушаковы» были ни чем не хуже броненосцев других держав. Таким образом, Россия, начав с простого копирования чужих проектов и использования иностранных материалов, постепенно наращивая свой научный и производственный потенциал, практически за 25 лет вышла на мировой уровень военного судостроения.

Литература

Грибовский, Черников, 1996 – Грибовский В.Ю., Черников И.И. Броненосцы береговой обороны в российском флоте // Броненосец "Адмирал Ушаков". СПб.: Судостроение, 1996. 216 с.

Доценко и др., 1996 – Доценко В.Д. и др. – История отечественного судостроения IX–XIX вв. В 5 томах. СПб.: Судостроение.

- Каторин, Ачкасов, 2012** – Каторин Ю.Ф., Ачкасов Н.Б. Мониторы и броненосцы береговой обороны. СПб.: «Галлея Принт», 2012. 128 с.
- Каторин, Волковский, 2014** – Каторин Ю.Ф., Волковский Н.Л. Все о кораблях. От гребного флота древнего мира до наших дней. М.: АСТ, 2014. 672 с.
- Макаров, 1953** – Макаров С.О. Документы, т. 1. М.: Военмориздат, 1953.
- Мельников, 2002** – Мельников Р.М. Башенные броненосные фрегаты. СПб.: АНТ-Принт, 2002. 72 с.
- Мордвинов, 1881** – Мордвинов П. Русское военное судостроение в течение последних 25-ти лет 1855–1880 гг. СПб., 1881.
- Закладка яхты, 1865** - Закладка яхты "Держава" и броненосной батареи "Адмирал Грейг" // *Морской сборник*, 1865, № 10.
- Закладка броненосного, 1866** - Закладка броненосного фрегата "Адмирал Лазарев" // *Морской сборник*, 1866, № 11.
- Спуск броненосного, 1867** - Спуск броненосного фрегата «Адмирал Лазарев». // *Морской сборник*, 1867, № 10.
- Спуск башенных, 1868** - Спуск башенных фрегатов "Адмирал Чичагов" и "Адмирал Грейг". // *Морской сборник*, 1868, № 11.
- ЦГАВМФ** – Центральный государственный архив Военно-морского флота.
- Шведе, 1940** – Шведе Е.В. Военные флоты. М.: «Военмориздат», 1940. 420 с.
- Шершов, 1940** – Шершов А.В. История военного судостроения. Л.: «Военмориздат», 1940. 426 с.
- Katorin, 2015** - Katorin Yu.F. Searches for Underwater Weapon. // *International Naval Journal*, 2015, Vol. (6), Is. 2, pp. 56-74.
- Katorin, Nyrkov, 2015** – Katorin Yu.F., Nyrkov A.P. (2015) First Battleships of the coast defense of Russian emperor fleet. *Bylye Gody*. 4 (38): 910–923.

References

- Gribovskii, Chernikov, 1996** – Gribovskii V.Yu., Chernikov I.I. Bronenosy beregovoi obrony v rossiiskom flote [Battleships of coast defense in the Russian fleet] // Bronenosets "Admiral Ushakov". SPb.: Sudostroenie, 1996. 216 s.
- Dotsenko i dr., 1996** – Dotsenko V.D. i dr. – Istoriya otechestvennogo sudostroeniya IX-XIX vv. [History of the domestic shipbuilding IX-XIX centuries.] V 5 tomakh. SPb.: Sudostroenie.
- Katorin, Achkasov, 2012** – Katorin Yu.F., Achkasov N.B. Monitory i bronenosy beregovoi obrony [Monitors and the Battleships of coast defense]. SPb.: «Galleya Print», 2012. 128 s.
- Katorin, Volkovskii, 2014** – Katorin Yu.F., Volkovskii N.L. Vse o korablyakh. Ot grebnogo flota drevnego mira do nashikh dnei [Everything about the ships. From the rowing fleet of ancient peace to our days]. М.: АСТ, 2014. 672 s.
- Makarov, 1953** – Makarov S.O. Dokumenty [Documents], t. 1. М., Voennmorizdat, 1953.
- Mel'nikov, 2002** – Mel'nikov R.M. Bashennyye bronenosnyye fregaty [Tower armored frigates]. SPb.: ANT-Print, 2002. 72 s.
- Mordvinov, 1881** – Mordvinov P. Russkoe voennoe sudostroenie v techenie poslednykh 25-ti let 1855–1880 gg. [Russian military shipbuilding during last 25-ti of years 1855–1880 yr.] SPb., 1881.
- Zakladka yakhty, 1865** - Zakladka yakhty "Derzhava" i bronenosnoi batarei "Admiral Greig" [Laying of the yacht "power" and of armored battery "Admiral Greig"] // *Morskoi sbornik*, 1865, № 10.
- Zakladka bronenosnogo, 1866** - Zakladka bronenosnogo fregata "Admiral Lazarev" [Laying of armored frigate "Admiral Lazarev"] // *Morskoi sbornik*, 1866, № 11.
- Spusk bronenosnogo, 1867** - Spusk bronenosnogo fregata «Admiral Lazarev» [Descent of armored frigate "Admiral Lazarev"]. // *Morskoi sbornik*, 1867, № 10.
- Spusk bashennykh, 1868** - Spusk bashennykh fregatov "Admiral Chichagov" i "Admiral Greig". // *Morskoi sbornik*, 1868, № 11.
- TsGAVMF** – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Voennno-morskogo flota [The central Public Archive of navy].
- Shvede, 1940** – Shvede E.V. Voennyye floty [Fleets]. М.: «Voennmorizdat», 1940. 420 s.
- Shershov, 1940** – Shershov A.V. Istoriya voennogo sudostroeniya [History of military shipbuilding]. L.: «Voennmorizdat», 1940. 426 s.
- Katorin, 2015** - Katorin Yu.F. (2015) Searches for Underwater Weapon. *International Naval Journal*, Vol. 2 (6): 56-74.
- Katorin, Nyrkov, 2015** – Katorin Yu.F., Nyrkov A.P. (2015) First Battleships of the coast defense of Russian emperor fleet. *Bylye Gody*. 4 (38): 910–923.

УДК 629.12

Первые броненосцы береговой обороны Российского Императорского флота. Часть 2

Юрий Федорович Каторин ^{a, *}, Анатолий Павлович Нырков ^b

^a Университет ИТМО, Российская Федерация

^b Государственный университет морского и речного флота имени адмирала С.О. Макарова, Российская Федерация

Аннотация. В данной статье рассказывается о проектировании и строительстве в России второго поколения башенных броненосных кораблей береговой обороны, приводятся их характеристики, описываются особенности конструкции, а также основные этапы службы в составе Балтийского флота, анализируются достоинства и недостатки проектов. Материалы статьи являются продолжением публикации в № 4 (38) журнала «Былые годы» за 2015 год. Описываются трудности, возникшие при организации их строительства на российских заводах. Доказывается закономерность перехода от «мониторной» схемы к мореходному броненосцу береговой обороны. На основании анализа представленных материалов определены основные этапы становление русской школы военного кораблестроения.

Ключевые слова: Балтийский флот, история судостроения, береговая оборона, монитор, броненосный фрегат, броненосец береговой обороны, Э.Е. Гуляев.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: katorin@mail.ru (Ю.Ф. Каторин), kaf.koib@gmail.com (А.П. Нырков)

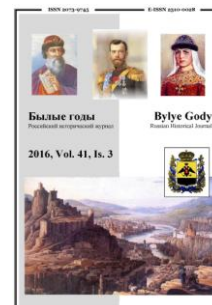

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 41, Is. 3, pp. 714-724, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 908

Urban industry of the Samara province in the second half of the nineteenth century

Julia V. Korneeva ^{a, *}

^a Volga Region State University of Service, Russian Federation

Abstract

The second half of the XIX century in Russian history is a period of modernization of almost all aspects of national life, including industry. By the modernization processes of the second half of the XIX century belong urbanization, industrialization, bureaucratization et al. Samara province during the period belongs to the vast provinces of European Russia and at the end of the XIX century has an economically developed province of the Middle Volga. Agriculture ranks first place in the economic development of the Samara province, therefore industrial production is subject to the processing of agricultural and livestock products. In the second half of the twentieth century on the territory of the Samara province were industrial company, which were at different stages of economic development in the form of property and on the organization of manufacture. By the end of the XIX century, the level of industrial production is much higher than the pre-reform figures, but still inferior to agriculture. During the study period in the Samara province formed the main directions of the region's industry, such as of animal products (skinner, plants furnace animal fat), plant products (churn factory), and conversing minerals (brickyard). The growth and size of cities has determined the pace and scope of development of the industry.

Keywords: industry, the city of Samara province, factories and plants, Samara, Buguruslan, Buzuluk, Bugulma.

1. Введение

В последнее время в отечественной истории все больше внимания уделяется региональной специфике, проблеме провинциальности. Эти исследования позволяют не только расширить географию исторической науки, но и углубить историческое познание. Самарская губерния как одна из губерний Среднего Поволжья в региональной историографии изучается мало и в большинстве своем это работы, затрагивающие этнографическую тематику. Еще одной проблемой в изучении Самарской губернии второй половины XIX века является отсутствие единого критерия описания и оценки различных сторон жизнедеятельности региона, в том числе и экономического развития. Вопросы промышленного развития Самарской губернии региональные историки рассматривают лишь в качестве одной из сфер системы жизнедеятельности того или иного этноса.

2. Материалы и методы

2.1. Основную часть источников для написания статьи составили документы из регионального архива – Центрального Государственного архива Самарской области (фонд 3 – Канцелярия Самарского губернатора): отчеты губернаторов за исследуемый период (с 1851 по 1893 гг.). В этих отчетах имеются данные о числе фабрично-заводских предприятий, численности рабочих, величине годовых оборотов промышленного производства. Совокупность таких показателей дает возможность составить картину промышленности в городах губернии, а также проследить динамику увеличения объемов промышленного производства и расширения специализации заводов и фабрик. Также ценным является фонд 171. Самарский губернский статистический комитет, который содержит показатели, раскрывающие промышленный облик городов Самарской губернии. Для изучения

* Corresponding author

E-mail addresses: jullka55@yandex.ru (Ju.V. Korneeva)

экономического положения городов региона особое значение приобретают статистические материалы ([Перепись 1897 года, 1904](#); [Экономическое состояние, 1863](#)), в которых находятся сведения о состоянии ведущих фабрик Самарской губернии. Однако для формулировки объективных данных всем эти источникам необходим критический подход и применение разнообразных методов исследования.

2.2. Методологической основой статьи стали основополагающие принципы исторического исследования – историзм и объективность. Метод историзма предполагает изучение событий и фактов в исторической перспективе, что способствует выявлению взаимосвязи внутри отдельных процессов. Применен системный подход, который позволяет провести всесторонний анализ промышленного развития городов Самарской губернии в течение второй половины XIX века.

3. Обсуждение

В современном экономическом мире промышленность играет ведущую роль при формировании облика страны в целом или отдельного региона в частности. Вторая половина XIX века в России ознаменовался периодом модернизации. Модернизационные процессы данного периода времени затронули практически все стороны жизнедеятельности россиян. Индустриализация страны характеризовалась развитием промышленного производства и охватила все регионы российского государства.

Проблемой индустриализации и модернизации второй половины XIX века занимались многие ученые-историки. Среди дореволюционных исследователей стоит отметить работы Туган-Барановского М.М., Ковалевского М.М., в которых авторы анализировали именно экономические показатели развития России ([Туган-Барановский, 1898](#); [Ковалевский, 2015](#)). Процесс бюрократизации страны исследовал Пажитов К.А. ([Пажитов, 1907](#); [Пажитов, 1952](#)).

В советской историографии вопросы индустриализации XIX века также активно изучались. Большинство исследователей характеризуют данный период «промышленным переворотом», следствием которого стало образование индустриальных центров по развитию тех или иных отраслей промышленного производства, а также к зарождению капиталистических отношений. Мнения историков расходятся лишь в особенностях протекания промышленного переворота в России. Одни рассматривают этот процесс как завершающий этап становления капитализма в России, машинный труд стал полностью преобладать над ручным ([Струмилин, 1944](#)). Другие промышленный переворот характеризуют не только машинным производством, но и наделяют этот исторический процесс социальной составляющей: образованием особого класса – промышленный пролетариат ([Панкратова, 1950](#); [Яцунский, 1952](#)). В советской историографии в большей степени спорили о сроках датирования промышленного переворота XIX века ([Дружинин, 1949](#); [Рындзюнский, 1972](#)). В современной историографии промышленный переворот XIX века трактуется как процесс модернизации, включающий практически все стороны жизнедеятельности государства: институциональную, экономическую, социальную, техническую и др. Также советские ученые уделяли большое внимание социальным вопросам индустриализации: формирование рабочего класса, его жизненным уровнем и профессионализмом.

С 90-х годов XX столетия по настоящее время историков также интересует проблема модернизации России во второй половине XIX века ([Borodkin, 2008](#); [Миронов, 2000](#); [Соловьева, 1990](#)).

Если говорить о зарубежной историографии проблеме промышленного развития и индустриализации в России во второй половине XIX веке практически не уделялось особого внимания. Стоит отметить работы Von Laue T., Gregory P. в области исследования рабочей силы в России в период индустриализации ([Von Laue, 1961](#); [Gregory, 1980](#)).

Вопросами региональной экономической истории начали заниматься лишь в конце XX века. Среди региональных историков, исследующих экономическое развитие Самарской губернии стоит отметить Н.Л. Клейн, Л.Н. Гончаренко, Э.Л. Дубман, П.С. Кабытова ([Клейн, 1981](#); [Гончаренко, 1994](#); [Кабытов, Кабытова, 2000](#)). Особое место в исследовании экономических показателей Поволжья занимают труды Н.Л. Клейн, которые впервые дают относительно ясную картину экономики Поволжья в XIX – начале XX вв.

При характеристике промышленного развития региона необходимо определиться с различиями в трактовках понятия «промышленность». Термин «промышленность» введен в русский язык в 1791 году Н.М. Карамзиным для передачи *industria* и происходил от русского слова «промысел», «промышление» ([Карамзин, 2006](#)). Понятие «промысел» довольно обширное и включает в себя создание человеком материальных благ: охота, ремесленное производство и создание ремесленных изделий, ведение сельского хозяйства, военное дело, транспортировка людей и грузов и т.д. Но впоследствии с развитием фабричного производства интерпретация «промышленности» несколько меняется. Под промышленностью XIX века понималась деятельность картелей, трестов и синдикатов, обладающих определенной степенью рыночной власти и работающих как в производственной, так и в непроизводственной сферах.

В советской экономической науке промышленность начали разделять на две группы: добывающая и обрабатывающая. Рассматривали их как отрасли народного хозяйства, объектом

которых являлась сфера производства материальных благ и производственных предприятий. Современная трактовка понятия «Промышленность» очень схожа с советской интерпретацией. Промышленность – это ведущие отрасли материального производства; предприятия, занятые добычей сырья, производством и переработкой материалов и энергии, изготовлением машин (Райзберг, 1999: 305).

Таким образом, даже в современных рыночных условиях экономическая наука руководствуется нерыночным подходом в формулировке термина «промышленность». Следовательно, автор статьи при характеристике и анализе промышленности Самарской губернии второй половины XIX века руководствуется такими показателями как количество и специализация имеющихся фабрик, выработка готовой продукции, численность рабочих, а также темпы роста/падения данных показателей. Стоит отметить, что во второй половине XIX века в промышленности немалую роль играло ремесленное производство и кустарная промышленность, которые определяли экономическую специфику каждого населенного пункта в отдельности и всей губернии в целом.

4. Результаты

В России к концу XIX в. традиционные формы хозяйственной жизни продолжали оставаться господствующими, которым в большей степени было свойственно ведение натурального хозяйства, а также соответствовало твердое разделение людей на профессии и сословия. Зомбарт В. характеризуя российских предпринимателей XIX века и их хозяйственный образ мысли отмечал, что «основная черта докапиталистической жизни есть черта уверенного покоя, свойственная всякой органической жизни». Это общество принципиально статическое, которому чуждо динамическое развитие (Зомбарт, 2009). Подтверждением этому являются темпы и характер экономического развития России в первой половине XIX в. Для того чтобы верно оценить уровень российской промышленности, необходимо сравнить его с европейским уровнем производства. Удельный вес России в мировом промышленном производстве в 1860 г. равнялся 1,72 % и уступал Франции в 7,2 раза, Германии – в 9, Англии – в 18 раз. Комментарии, на наш взгляд, излишни. Но все же темпы промышленного производства к середине XIX в. в стране значительно изменились: увеличилось количество промышленных городов (с 1,2 % до 43 %), в два раза сократилось число аграрных и городов смешанного типа (Миронов, 2000: 297).

Чтобы изменить ситуацию, необходимо было включить механизм саморазвития общества – рынок. К тому времени общества такого типа уже существовали и Россия могла только повторить их имеющийся опыт, т.е. встать на путь догоняющего развития. Поэтому многие параметры были просто predetermined, в том числе и на личностном уровне.

Развитие промышленности в России в общенациональном масштабе имело ряд специфических признаков, которые отличали его от европейского развития. Промышленность России второй половины XIX века обладала многоукладным характером, сочетавшая крупную промышленность с мануфактурным и мелкотоварным производством. Кустарный характер промышленности обусловлен в большей степени существованием института традиционного общества – общины. Большое значение кустарного производства также обусловлено благоприятными природными условиями.

Во второй половине XIX века наиболее развитыми считались текстильная (шерстяная, суконная, шелковая, полотняная) и пищевая промышленности. Изделия этих фабрик составляли половину стоимости русской промышленности. Второе место в промышленном производстве России отводилось металлургии (Ковалевский, 2015: 149).

Еще одна особенность российской промышленности, которая свойственна и современному положению дел, – это государственное вмешательство в данный сектор экономики.

В регионе Среднего Поволжья, как и на всей территории России, отмена крепостного права создавала новые условия развития экономики, способствовала отмиранию некоторых отраслей хозяйства, развитие которых было связано с крепостным правом, и возникновение новых, базирующихся на использовании вольнонаемного труда, а также способствовала резким сдвигам в размещении производства.

В отечественной статистике второй половины XIX в. наблюдалось отсутствие единого критерия описания и оценки промышленных предприятий, что и послужило причиной своеобразного хаоса в сведениях общероссийских и местных изданиях. Данные о размерах промышленного производства в разные годы охватывают неодинаковый круг предприятий.

При характеристике экономической ситуации в стране в целом и в регионе в частности во второй половине XIX века в первую очередь анализируют доходы от сельского хозяйства, т.к. Россия в данный исторический период еще оставалась аграрным государством. Следовательно, большая часть валового дохода аккумулировалась из доходов от продажи продуктов земледелия и скотоводства.

В конце XIX в. в развитии поволжской промышленности определялись два главных направления. Под влиянием промышленного переворота и начинающейся индустриализации на периферии стали создаваться очаги крупного производства современных отраслей – металлургической, строительных материалов и др. Развитие же капитализма вглубь приводило к расширению и перестройке традиционных производств, связанных с ведущей отраслью экономики – сельским хозяйством. В результате этого процесса возникли все новые предприятия по переработке

сельскохозяйственного сырья, по своей социально-экономической природе мелкотоварные, хотя из их числа выделялись и крупные капиталистические предприятия.

Самарская губерния была образована в 1851 году во главе с губернским городом – Самара. Самарская губерния принадлежит к степным губерниям и простиралась примерно на 3 тыс. кв. миль, неравномерно распределенных между 7 уездами: Новоузенский, Николаевский, Бузулукский, Бугульминский, Бугурусланский, Самарский и Ставропольский. По площади самым обширным считался Новоузенский уезд: 868 кв. мили (ГАСО. Ф.3. Оп. 154. Д. 2. Л. 1), а по численности населения самым заселенным – Бузулукский уезд – 319311 душ обоего пола (ГАСО. Ф.3. Оп. 154. Д. 2. Л. 2). Неравномерность распределения территорий среди уездов объясняется тем, что северные уезды заселялись раньше южных. Также не последнюю роль в распределении народонаселения между уездами Самарской губернии играла река Волга: основные поселения группировались преимущественно по течению реки Волги и ее притоков. Но со временем данная неравномерность сглаживалась за счет постоянного миграционного потока из других губерний России.

Самарская губерния во второй половине XIX века представляла собой сельскохозяйственный аграрный регион, как и большинство губерний Поволжья. Отличали Самарскую губернию от губерний Среднего Поволжья обширные малоосвоенные площади: на 140 тыс. кв. верст около 1900 населённых пунктов, с общей численностью населения – около 1,5 млн человек (ГАСО. Ф. 3. Оп. 154. Д. 2. Л. 1), из которых лишь 8 городов. Основную массу населения составляли крестьяне. Согласно отчетам губернаторов в городах региона проживало лишь 4–6 % всего населения.

Самарская губерния представляет собой неровную поверхность: на юго-западе – холмистая, на севере – ровная и пологая; граничила с Пензенской и Симбирской губерниями, схожими по географическому расположению и природным условиям. Основой хозяйственного уклада жителей Самарской губернии во второй половине XIX века являлось земледелие. Следовательно, и промышленное производство, в первую очередь, было подчинено обработке сельскохозяйственного сырья. В большинстве своем промышленные предприятия размещались в 8 городах Самарской губернии.

При размещении новых промышленных предприятий учитывались кроме близости к сырьевому рынку, условия транспортировки сырья и готовой продукции. Многие производства, особенно имевшие дело с объемной продукцией длительного хранения, тяготели к Волге, другие расширялись вдоль железнодорожных линий и в ряде случаев соединялись с магистралями специальными ветками или подъездными путями. Промышленные центры создавались в местах подхода железных дорог к Волге. Такими точками, например, являлись как губернский город Самара, так и уездные города Бугуруслан и Бузулук. С начала XX в. заметна тенденция приближения промышленности к источникам сырья и местам потребления. Так в зернопроизводящих районах Самарской губернии возникали центры мукомолья и производства сельскохозяйственных орудий.

Особенностью развития промышленности Самарской губернии являлась организация преимущественно мелких и средних предприятий с числом рабочих до 100 человек и годовыми оборотами, не превышающими 50 тыс. рублей. Такое положение промышленного производства в регионе объясняется несколькими причинами. Во-первых, во второй половине XIX века промышленность только зарождается; во-вторых, отмена крепостного права привела к незначительному освобождению крестьян, которые трудились на производстве, в-третьих, господствующее мануфактурное производство основывалось на ручном труде. В таблице 1 приведена динамика численности рабочих Самарской губернии за исследуемый период (ГАСО. Ф.3. Оп. 154. Д. 2. Л. 12; ГАСО. Ф. 3. Оп. 165. Д. 76. Л. 37; ГАСО. Ф.3. Оп. 154. Д. 2. Л. 10; ГАСО. Ф.3. Оп. 23. Д. 1369. Л. 57; ГАСО. Ф.3 Оп. 233. Д. 1753. Л. 28).

Таблица 1. Численность рабочих на промышленных предприятиях Самарской губернии во второй половине XIX века

	1867 г.	1879 г.	1883 г.	1893 г.	1900 г.
Количество заводов и фабрик, шт.	450	596	655	1082	1110
Численность рабочих, чел.	4455	5327	5569	5925	9980

До 1860-х годов была характерна постоянная миграция людей из одной категории в другую из-за отсутствия замкнутости в отдельных группах горожан, что позволяет сделать вывод, – эти категории не являлись отдельными сословиями в формально-юридическом смысле. И как следствие, особой динамики промышленного производства (Таблица 1) с 1867 по 1893 года не наблюдалось. Несмотря на это, правительство, боясь экономической конкуренции дворянства, вплоть до начала 1860-х гг. издавало указы, запрещавшие разночинцам заниматься предпринимательством и торговлей. Поэтому в стране складывается буржуазия, в основном за счет купечества, имеющая специфические особенности.

Для резкого усиления темпов развития промышленного производства необходим был пролетариат. Основным источником его пополнения стало российское крестьянство. В городах слои «пролетариев» пополняли еще и мещане.

Таким образом, существующие изменения промышленного сдвига наблюдаются лишь после 1880-х годов, что и отражает таблица 1. Эти цифры указывают на явный приток и заинтересованность граждан в развитии промышленного производства в регионе. Но если этот рост рассматривать в соотношении к общей численности населения Самарской губернии (*Перепись 1897 года, 1904*), то данный коэффициент практически не изменился, то есть численность рабочих заводов и фабрик увеличивается теми же темпами, что и общая численность населения в губернии: данный коэффициент составляет 0,25–0,22 % (см. *Таблица 2*) (*ГАСО. Ф.3. Оп. 154. Д. 2. Л. 12; ГАСО. Ф. 3. Оп. 165. Д. 76. Л. 37; ГАСО. Ф.3. Оп. 154. Д. 2. Л. 10; ГАСО. Ф.3. Оп. 23. Д. 1369. Л. 57*). Таким образом, можно предположить, что промышленное производства является привлекательной сферой для занятия населения Самарской губернии.

Таблица 2. Соотношение численности рабочих к общей численности населения Самарской губернии в конце XIX века

	1867 г.	1879 г.	1883 г.	1893 г.
Общая численность населения, тыс. чел.	1744	2176,8	2412,9	2662,9
Численность рабочих фабрик и заводов, чел.	4455	5327	5569	5925
Коэффициент соотношения рабочих к общей численности населения губернии	0,00256	0,0024	0,0023	0,0022

В *таблице 3* приведены данные по количеству промышленных предприятий в городах Самарской губернии во второй половине XIX века (*Экономическое состояние, 1863; ГАСО. Ф.3. Оп. 169. Д. 89. Л. 28-29; ГАСО. Ф.3. Оп. 23. Д. 1369. Л. 57*).

Таблица 3. Количество фабрик и заводов во второй половине XIX века по видам производства

Фабрики и заводы	1861 г.	1883 г.	1893 г.
1. Заводы, обрабатывающие животную продукцию			
салотопенные	52	27	13
мыловаренные	3	7	10
свечносальные	4	-	3
кожевенные	31	20	12
клеяные	6	2	-
воскосвечные/ воскобойные	4	2	9
овчинные	7	6	13
шорные	-	-	6
Итого	107	67	66
2. Заводы, обрабатывающие растительную продукцию			
маслобойные	2	5	13
канатно-прядельные	2	1	2
пивоваренные	2	5	3
винокурные	-	1	1
водочные	1	6	1
крахмальные	1	1	-
поташные	4	-	-
сыромятные	2	-	-
макаронные	-	1	1
пряничные	-	-	3
крупчатные	-	-	2

крупно-обдирочные	-	-	2
паровые мукомольные мельницы	-	2	5
Итого	14	22	33
3. Заводы, обрабатывающие ископаемые			
чугунолитейные	1	2	2
колокольные	1	6	2
кирпичные	60	40	39
гончарные/горшечные	1	11	11
Итого	63	59	54
4. Смешанное производство			
экипажные	-	4	5
механические	-	1	1
лесопильные	-	-	5
пробочные	-	-	1
спичечные	-	-	1
красильные	-	-	2
Итого	-	5	15
Итого за год	184	153	168

Как видно из [таблицы 3](#) ведущее положение занимали обрабатывающие промыслы. Во второй половине XIX века в Самарской губернии первенствующее положение занимали фабрики, обрабатывающие животную продукцию (бойни, салотопни, мыловарни, свечно-восковые, свечносальные, кожевенные, клеевые, суконные, кошмовалайальные, воскобойные, овчинные, шорные): 60 % от общего числа фабрик в губернии в середине XIX века до 40 % к концу века. Второе место отводилось на заводы по обработке полезных ископаемых – около 30 % в течение всей второй половины XIX века. Далее шли заводы по обработке растительной продукции – 10 % до 20 % соответственно. Стоит также отметить, что к концу XIX века в промышленности Самарской губернии наблюдается присутствие, а затем и рост смешанного производства: получают развитие такие предприятия, как экипажные, механические, лесопильные, красильные заводы и фабрики.

В течение всей второй половины XIX века производство по обработке животной продукции постепенно сокращается: в 1861 году – 107 заводов; 1883 г. – 67 заводов; 1893 г. – 66 заводов. В 1861 году лидирующим производством по обработке животной продукции было салотопенное – 52 фабрики (48,6 % от числа заводов, обрабатывающих животную продукцию) и, второе место – кожевенное 31 (29 %) и остальное производство по обработке животной продукции – 22 % (мыловаренное, свечно-сальное, овчинное, клеёная и воскобойное производство). В конце XIX века (1893 г.) соотношение специализации фабрик остается практически неизменным, лишь увеличивается количество овчинных предприятий и их доля в промышленном производстве всей губернии (до 13 фабрик), затем – кожевенное (12 фабрик) и далее – все остальные (мыловаренные, овчинные и т.д.).

Второе место в промышленном производстве Самарской губернии второй половины XIX века занимают заводы и фабрики, обрабатывающие полезные ископаемые (медеплавильные, чугунолитейные, кирпичные, гончарные). Главенствующее место в данной промышленной специализации в течение всей второй половины XIX века занимает кирпичная промышленность: в каждом городе Самарской губернии, кроме г. Новоузенск, размещается кирпичный завод или фабрика. Такая ситуация объясняется повсеместным строительством каменно-кирпичных зданий и построек. Следствием такой ситуации является и увеличение к концу XIX века числа гончарно-горшечных производств.

Третье место в промышленном развитии Самарской губернии второй половины XIX века занимают заводы по обработке растительной продукции (крупчатые, поташные, крахмальные, маслобойные, солодовенные, канатные, пивоваренные, винокуренные, табачные, водочные, кулевые, ваточные, паровые и конные мукомольные мельницы). В течение всей второй половины XIX века в данном секторе производства активно развивается и расширяется маслобойное производство: с 2 фабрик в 1861 году до 13 в 1893 году. Также стоит здесь отметить рост мукомольного производства к

концу XIX века: лишь в г. Самаре было построено 5 мельниц. Фабрики и заводы, специализирующиеся на обработке других видов сельскохозяйственных товаров менее активны в своем развитии.

Общая выработка промышленности достигала 6228 тыс. рублей. Наибольшую выработку давало салотопенное производство (2312274 рубля на 63 заводов). Сравнительно с предыдущими годами усиление фабричной промышленности обусловлено увеличением числа действующих фабрик и заводов (ГАСО. Ф. 3. Оп. 165. Д. 76. Л. 37).

Кроме фабрично-заводской промышленности Самарской губернии во второй половине XIX века существовали мелкие предприятия с численностью 2–3 человека и выработкой не более 400 рублей в год. Подобные кустарные заведения развивались из-за потребностей домашнего хозяйства.

Специфика распределения промышленных предприятий в Самарской губернии второй половины XIX века указывает в большей степени на природно-географическую специфику края. Самарская губерния в исследуемый период представляла собой лесостепи, которые были богаты растительностью для прикорма домашних животных. Поэтому в регионе представлена наибольшая концентрация именно заводов и фабрик, обрабатывающих именно животную продукцию. Сельское хозяйство в губернии также было развито и в течение всего XIX века земледелие является главным занятием жителей губернии. Но именно обработка растительной продукции в промышленных масштабах не столь продуктивна и менее производительна, чем обработка животной продукции и полезных ископаемых. Возможно, такая особенность указывает на кустарный тип развития данного вида промышленности.

Распределение промышленных предприятий по городам Самарской губернии во второй половине XIX века представлено в [таблице 4](#).

Таблица 4. Размещение фабрик и заводов по городам Самарской губернии во второй половине XIX века

	Самара	Бугульма	Бугуруслан	Бузулук	Николаевск	Ставрополь	Новоузенск
1861 г.	44	21	43	66	4	3	3
1883 г.	70	24	24	26	4	5	-
1893 г.	54	42	41	14	7	10	-

Согласно таблицы 4 промышленными центрами Самарской губернии во второй половине XIX века являлись губернский город – Самара; и уездные города – Бугульма, Бугуруслан и Бузулук ([Экономическое состояние, 1863](#); ГАСО. Ф.3. Оп. 169. Д. 89. Л. 28-29; ГАСО. Ф.3. Оп. 23. Д. 1369. Л. 57). Причем на губернский город к концу XIX века приходилось 32 % всех промышленных заводов губернии.

Среди уездных городов наиболее развитыми в промышленном отношении были г. Бугуруслан (24 предприятия с объемом производства в 37498 руб.) и Бузулук (18 и 183812 соответственно). Около половины купцов и промышленников жили в сельской местности, что было важным показателем проникновения торгового и производственного капитала в аграрный строй.

Промышленная специализация Самарской губернии во второй половине XIX века имела аграрный характер: в большей степени получили развитие отрасли по обработке животноводческой и сельскохозяйственной продукции. Следовательно, производственная специализация городов губернии характеризуется соответствующими приоритетами (см. [Таблица 5](#)).

Таблица 5. Промышленные центры Самарской губернии во второй половине XIX века

Виды промышленных предприятий	Промышленные центры	Года		
		1861/1862	1883	1893
Заводы, обрабатывающие животную продукцию	Самара	22	32	18
	Бугульма	9	2	6
	Бузулук	46	14	6
	Бугуруслан	23	17	29
Заводы, обрабатывающие	Самара	5	13	15
	Бугульма	-	1	5

растительную продукцию	Бузулук	5	4	5
	Бугуруслан	2	2	7
Заводы, обрабатывающие полезные ископаемые	Самара	17	20	8
	Бугульма	12	21	31
	Бузулук	15	8	3
	Бугуруслан	18	5	3
Смешанное производство	Самара	-	5	13
	Бугульма	-	-	-
	Бузулук	-	-	-
	Бугуруслан	-	-	2

В течение всей второй половины XIX века промышленные города Самарской губернии (Самара, Бугуруслан, Бузулук) не меняли своей промышленной специализации. Промышленные центры губернии за исследуемый период оставляли за собой право называться промышленными центрами по таким производственным отраслям, как салотопенная, кожевенная, кирпичная. Если рассматривать особенности промышленного развития каждого города в отдельности, то стоит отметить следующее. Так город Бузулук, который до образования Самарской губернии в 1851 году принадлежал Саратовской губернии, по количеству промышленных предприятий превосходил даже губернский город и насчитывал 19 салотопенных, 15 кирпичных и 16 кожевенных заводов (*Экономическое состояние, 1863: 18*). Как было сказано выше, основной отраслью производства в Самарской губернии во второй половине XIX века была салотопенная. Центральным городом по созданию наибольшего числа салотопенных производств был г. Бузулук. Кожевенное производство в середине XIX века наиболее активно развивалось в г. Бузулук. К концу XIX века предприятия кожевенного производства появлялись практически во всех городах губернии. Лидером по количеству кирпичных заводов в Самарской губернии в середине XIX века был город Бугуруслан (18 заводов), а в конце XIX века – Бугульма (20 заводов). Стоит также отметить, что к концу XIX века появляется смешанное производство (в основном лесопильное и экипажное), которое в основном получило развитие в губернском городе Самаре.

В 1890-х годах в Самаре работали 6 мельниц, маслобойный завод, макаронная фабрика, два винокуренных и два пивоваренных завода, канатный и четыре лесопильных завода, мастерские Оренбургской железной дороги, три экипажные мастерские. На этих предприятиях было занято 3360 постоянных рабочих и свыше 3 тыс. сезонных. Лесопильные, чугунолитейные, машиностроительные, винокуренные, пивоваренные заводы и крупные мельницы имели паровые двигатели, станки и некоторые другие сложные механизмы (*Наякшин, 1962: 201*). Завод Журавлева строил и ремонтировал баржи и небольшие речные пароходы, паровые машины, котлы, производил простейшее оборудование для заводов, плуги, конные молотки. Улучшилась техническая оснащенность предприятий, росла производительность и интенсификация труда рабочих.

Крупными предпринимателями в сфере винокурения были купцы Марковы, которым принадлежали 4 завода в Ставропольском и Самарском уездах с производством спирта на сумму около 1 млн руб. В пивоварении лидерство принадлежало, начиная с 1890-х гг., «Товариществу Жигулевского пивоваренного завода Вакано и К^о». На заводе применялась баварская технология. Уже в 1897 г. было выработано 708 тыс. ведер пива. Поволжский рынок вскоре оказался под его монополией. В сахарорафинадной промышленности первым был удельный завод в с. Тимашеве, построенный в конце 1870-х гг. В 1893 г. возникло «Товарищество Богатовского сахарного завода» основным капиталом в 600 тыс. руб., которое составили украинские сахаровары (*Кабытов, Кабытова, 2000: 152*).

Таким образом, в структуре промышленности городов Самарской губернии присутствовали отрасли, которые можно разделить на две группы. В первую группу входили производства, относящиеся к «старым» отраслям, так называемые «дворянские», сложившиеся в период крепостного права и связанные с ведущей отраслью экономики региона – сельским хозяйством, основные из которых винокуренная, суконная, сахароваренная, стекольная. Ко второй относились отрасли промышленности, возникшие в 1880-е годы под влиянием промышленного переворота – это чугунолитейная и механическая, металлургическая, мукомольная, бумажная, лесопильная.

Для Самарской губернии второй половины XIX века развитие промышленности, как указано выше, было обусловлено большим количеством «дворянских» отраслей, привилегиями и льготами помещикам, казенными поставками и закупками, что имело своим результатом низкую технику

производства. Кроме того, отсутствие у местных предпринимателей достаточных капиталов делало затруднительным инвестиции в приоритетные отрасли для этапа промышленного переворота страны.

5. Заключение

Таким образом, основным содержанием промышленного развития городов Самарского Поволжья второй половины XIX в. являлась отсталость сельского хозяйства и медленный, но устойчивый рост промышленности. Города губернии продолжительный промежуток времени выполняли аграрную функцию и были схожи с сельскими поселениями в экономическом плане. Но вторая половина XIX в. ознаменовалась промышленно-экономическим развитием городов Самарского Поволжья. За исследуемый исторический период лет (с 1863 по 1893 гг.) количество фабрик и заводов постепенно увеличивалось, а также расширялась промышленная специализация городов, особенно Самары. Такие изменения поставили города на промышленно-экономический, капиталистический путь развития. Сельское хозяйство еще оставалось главной статьей дохода города, но постепенно уступало место промышленности.

6. Благодарности

Статья выполнена в рамках гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук. Свидетельство МК-59966.2016.6

Литература

- ГАСО - Государственный архив Самарской области.
 Гончаренко, 1994 - *Гончаренко Л.Н.* Города среднего и нижнего Поволжья во второй половине XIX в. Чебоксары, 1994. 191 с.
 Дитятин, 1875 - *Дитятин И.* Устройство и управление городов России. Т. 1. СПб., 1875. 522 с.
 Дружинин, 1949 - *Дружинин Н.М.* О периодизации капиталистических отношений в России // *Вопросы истории.* 1949. № 11.
 Злотников, 1946 - *Злотников М.Ф.* От мануфактуры к фабрике // *Вопросы истории.* 1946. № 11–12. С. 31–48.
 Зомбарт, 2009 - *Зомбарт В.* Буржуа. М., 2009. 576 с.
 Кабытов, Кабытова, 2000 - *Кабытов П.С., Кабытова Н.Н.* История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Вторая половина XIX – начало XX века. М.: Наука, 2000. 236 с.
 Карамзин, 1984 - *Карамзин Н.М.* Письма русского путешественника. Л., Наука. 1984. 715 с.
 Клейн, 1981 - *Клейн Н.Л.* Экономическое развитие Поволжья в конце XIX – начале XX вв. Саратов, 1981. 199 с.
 Клейн, 1986 - *Клейн Н.Л.* Буржуазия Поволжья в условиях формирования российского империализма. // *Социально-экономическое развитие Поволжья в XIX – начале XX вв.* Куйбышев, 1986. С. 85–100.
 Ковалевский, 2015 - *Ковалевский М.М.* Экономический строй России. Вторая половина XIX века. М.: ЛЕНАНД, 2015. 248 с.
 Миронов, 2000 - *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи: в 2 т. Т. 1. СПб., 2000. 548 с.
 Наякшин, 1962 - *Наякшин Н.Я.* Очерки истории Куйбышевской области. Куйбышевское книжное издательство, 1962. 256 с.
 Пажитнов, 1952 - *Пажитнов К.А.* К вопросу о промышленном перевороте в России // *Вопросы истории.* 1952. № 5. С. 68–76.
 Пажитнов, 1907 - *Пажитнов К.А.* Очерк развития буржуазии в России. // *Образование.* СПб., 1907. № 2–3.
 Панкратова, 1950 - *Панкратова А.М.* Рабочее движение в России XIX века. В 3 т. М. 1950–1952.
 Перепись 1897 года, 1904 - *Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.* Т. 36. Самарская губерния. СПб. 1904. 201 с.
 Райзберг и др., 1988 - *Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б.* Современный экономический словарь. 2-е изд., испр. М.: ИНФРА-М, 1999. 478 с.
 Рындзюнский, 1972 - *Рындзюнский П.Г.* Вопросы истории русской промышленности в XIX веке // *История СССР.* 1972. № 5. С. 40–58.
 Соловьева, 1990 - *Соловьева А.М.* Промышленная революция в России в XIX веке. М., Наука, 1990. 272 с.
 Струмилин, 1944 - *Струмилин С.Г.* Промышленный переворот в России. М., Госполитиздат, 1944. 48 с.
 Струмилин, 1966 - *Струмилин С. Г.* Очерки экономической истории России и СССР. М., 1966. 513 с.
 Туган-Барановский, 1898 - *Туган-Барановский М. М.* Русская фабрика в прошлом и настоящем. СПб., 1898/ 735 с.

- [Экономическое состояние, 1863](#) - Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861-1862 гг. Ч. II. Типография К. Вульфа. СПб., 1863. 909 с.
- [Яцунский, 1952](#) - *Яцунский В.К.* Промышленный переворот в России // *Вопросы истории.* 1952. № 12. С. 48-70.
- [Яцунский, 1973](#) - *Яцунский В.К.* Социально-экономическая история России. XVIII–XIX вв. М., 1973. 302 с.
- [Borodin et al., 2008](#) - *Borodkin L., Granwill B., Leonard L.C.* The Rural/Urban Wage Gap in the Industrialization of Russia, 1884–1910 // *European Review of Economic History.* Vol. 12. P.1. April 2008.
- [Gregory, 1980](#) - *Gregory P.* Russian Living Standards during Industrialization // *Review of Income and Wealth,* 26. 1980.
- [Von Laue, 1961](#) - *Von Laue T.* Russian peasants in the factory, 1892–1904 // *Journal of Economic History,* 21, 1961.

References

- [GASO](#) - Gosudarstvennyj arhiv Samarskoj oblasti [State Archive of Samara region]
- [Goncharenko, 1994](#) - *Goncharenko L.N.* Goroda srednego i nizhnego Povolzh'ja vo vtoroj polovine XIX v. [Cities of the Middle and Lower Volga region in the second half of the XIX century] Cheboksary, 1994. 191 p. [in Russian]
- [Ditjatin, 1875](#) - *Ditjatin I.* Ustrojstvo i upravlenie gorodov Rossii. [Design and management of Russian cities] T. 1. SPb., 1875. 522 p. [in Russian]
- [Druzhinin, 1949](#) - *Druzhinin N.M.* O periodizacii kapitalisticheskikh otnoshenij v Rossii // *Voprosy istorii.* [On the periodization of capitalist relations in Russia // Questions of history.] 1949. № 11. [in Russian]
- [Zlotnikov, 2009](#) - *Zlotnikov M.F.* Ot manufakturny k fabrike // *Voprosy istorii.* [From manufactory to factory // Questions of history]. 1946. № 11–12. P. 31-48. [in Russian]
- [Zombart, 2009](#) - *Zombart V.* Burzhua. [Bourgeois] M., 2009. 576 p. [in Russian]
- [Kabytov, Kabytova, 2000](#) - *Kabytov P.S., Kabytova N.N.* Istorija Samarskogo Povolzh'ja s drevnejshih vremen do nashih dnei. Vtoraja polovina XIX - nachalo XX veka. [History of the Samara Volga region from ancient times to the present day. The second half of XIX - early XX century] M.: The science, 2000. 236 p. [in Russian]
- [Karamzin, 1984](#) - *Karamzin N.M.* Pis'ma russkogo puteshestvennika. [Letters of a Russian traveler.] L., The science. 1984. 715 p. [in Russian]
- [Klejn, 1981](#) - *Klejn N.L.* Jekonomicheskoe razvitie Povolzh'ja v konce XIX – nachale XX vv. [Economic development of the Volga in the late XIX – early XX centuries] Saratov, 1981. 199 p. [in Russian]
- [Klejn, 1986](#) - *Klejn N.L.* Burzhuazija Povolzh'ja v uslovijah formirovanija rossijskogo imperializma. // Social'no-jekonomicheskoe razvitie Povolzh'ja v XIX - nachale XX vv. [The bourgeoisie of the Volga region in the conditions of formation of Russian imperialism. // Socio-economic development of the Volga region in XIX - early XX centuries]. Kujbyshev, 1986. S. 85-100. [in Russian]
- [Kovalevskij, 2015](#) - *Kovalevskij M.M.* Jekonomicheskij stroj Rossii. Vtoraja polovina XIX veka. [The economic system of Russia. The second half of the XIX century. p.] M.: LENAND, 2015. 248 p. [in Russian]
- [Mironov, 2000](#) - *Mironov B.N.* Social'naja istorija Rossii perioda imperii. [Social History of Russian Empire period] P. 1. SPb. 2000. 548 p. [in Russian]
- [Najakshin, 1962](#) - *Najakshin N.Ja.* Ocherki istorii Kujbyshevskoj oblasti. [Essays on the History of the Kuibyshev region] Kuibyshev book publisher, 1962. 256 p.
- [Pazhitnov, 1952](#) - *Pazhitnov K.A.* K voprosu o promyshlennom perevorote v Rossii. [On the question about the industrial revolution in Russia] Questions of history. 1952. № 5. P. 68-76.
- [Pazhitnov, 1907](#) - *Pazhitnov K.A.* Oчерк razvitija burzhuazii v Rossii. // *Obrazovanie.* [Essay on the development of the bourgeoisie in Russia // Education]. SPb, 1907. № 2–3. [in Russian]
- [Pankratova, 1950](#) - *Pankratova A.M.* Rabochee dvizhenie v Rossii XIX veka. [The labor movement in Russia of the XIX century]. Three vol. M. 1950-1952. [in Russian]
- [Perepis, 1904](#) - Pervaja vseobshhaja perepis' naselenija Rossijskoj imperii 1897 g. [The first national census of the Russian Empire in 1897] Vol. 36. Samara province. SPb. 1904. 201 p. [in Russian]
- [Rajzberg I dr., 1999](#) - *Rajzberg B.A., Lozovskij L.Sh., Starodubceva E.B.* Sovremennij jekonomicheskij slovar'. [Modern Dictionary of Economics] 2nd ed., Rev. M.: INFRA-M, 1999. 478 p. [in Russian]
- [Ryndzjanskij, 1972](#) - *Ryndzjanskij P.G.* Voprosy istorii russkoj promyshlennosti v XIX veke [Questions of history of Russian industry in the XIX century] History of the USSR. 1972. № 5. Pp. 40–58. [in Russian]
- [Solov'eva, 1990](#) - *Solov'eva A.M.* Promyshlennaja revoljucija v Rossii v XIX veke. [The Industrial Revolution in Russia in the XIX century.] Moscow, Nauka, 1990. 272 p. [in Russian]
- [Strumilin, 1944](#) - *Strumilin S.G.* Promyshlennyj perevorot v Rossii. [The industrial revolution in Russia]. M., Gospolitizdat, 1944. 48 p. [in Russian]
- [Strumilin, 1966](#) - *Strumilin S. G.* Oчерki jekonomicheskoi istorii Rossii i SSSR. [Essays on Economic History of Russia and the USSR] M., 1966. 513 p. [in Russian]
- [Tugan-Baranovskij, 1898](#) - *Tugan-Baranovskij M. M.* Russkaja fabrika v proshlom i nastojashhem. [Russian factory in past and present] SPb., 1898. 735 p. [in Russian]

[Jekonomicheskoe sostojanie, 1863](#) - Jekonomicheskoe sostojanie gorodskih poselenij Evropejskoj Rossii v 1861-62 gg. [The economic status of urban settlements of the European Russia in 186-62 gg.] Part II. Printing K. Wolf. St. Petersburg, 1863. 909 p. [in Russian]

[Jacunskij, 1952](#) - *Jacunskij V.K.* Promyshlennyj perevorot v Rossii. [The industrial revolution in Russia.] *Questions of history*. 1952. № 12. Pp. 48-70. [in Russian]

[Jacunskij, 1973](#) - *Jacunskij V K.* Social'no-jekonomicheskaja istorija Rossii. XVIII–XIX vv. [The socio-economic history of Russia. XVIII–XIX centuries] M., 1973. 302 p. [in Russian]

[Borodin et al., 2008](#) - *Borodkin L., Granwill B., Leonard L.C.* The Rural/Urban Wage Gap in the Industrialisation of Russia, 1884-1910 // *European Review of Economic History*. Vol. 12. P.1. April 2008.

[Gregory, 1980](#) - *Gregory P.* Russian Living Standards during Industrialization // *Review of Income and Wealth*, 26. 1980.

[Von Laue, 1961](#) - *Von Laue T.* Russian peasants in the factory, 1892–1904 // *Journal of Economic History*, 21, 1961.

УДК 908

Городская промышленность Самарской губернии во второй половине XIX века

Юлия Васильевна Корнеева^{a, *}

^a Поволжский государственный университет сервиса, Российская Федерация

Аннотация. Вторая половина XIX века в российской истории ознаменовалась модернизацией практически всех сторон жизнедеятельности государства, в том числе и промышленности. К модернизационным процессам второй половины XIX века относят урбанизацию, индустриализацию, бюрократизацию и др. Самарская губерния в исследуемый период принадлежит к числу обширных губерний Европейской России и к концу XIX века стала экономически ведущей губернией Среднего Поволжья. Сельское хозяйство играет первостепенную роль в экономическом развитии Самарской губернии, поэтому и промышленное производство подчиняется обработке сельскохозяйственной и животноводческой продукции. На территории Самарской губернии во второй половине XIX века размещались промышленные предприятия, которые находились на различных стадиях экономического развития, как по форме собственности, так и по организации производства. К концу XIX века уровень промышленного производства значительно превышает дореформенные показатели, но еще уступает сельскому хозяйству. За исследуемый период в Самарской губернии сформировались основные направления промышленности региона, как по переработке животной продукции (кожевенные, салотопенные), растительной продукции (маслобойные), так и в переработке ископаемых (кирпичные). Рост и размеры городов стали определяться темпами и масштабами развития промышленности.

Ключевые слова: промышленность; города Самарской губернии; фабрики и заводы; Самара; Бугуруслан; Бузулук; Бугульма.

---

* Корреспондирующий автор

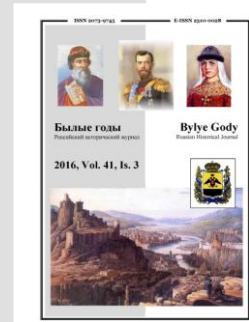
Адреса электронной почты: jullka55@yandex.ru (Ю.В. Корнеева)

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 41, Is. 3, pp. 725-733, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 394

The transformation of everyday historical memory of the peasants of Central Black Earth region in the post-reform period

Andrei A. Linchenko ^{a, *}, Evgenii V. Belyaev ^b

^a Financial University under the Government of the Russian Federation, Lipetsk branch, Russian Federation

^b Lipetsk Environmental and Cultural Institute, Russian Federation

Abstract

The article deals with the metamorphosis of the everyday historical memory of the peasants of the Central Black Earth region. The common approach, linking the historical memory of the peasantry with historical knowledge about the kings, generals, historical figures exclusively is overcome on the basis of the constructive methodology for studying the historical memory. The transformation of daily historical memory of the post-reform peasants is described in the context of changing traditional notions of peasant about labor, life and leisure. The changes of traditional norms, values and objectives of economic, legal and family memory of the Russian peasantry are shown on the materials of different archival sources, the data of the Counties' statistics. It is shown that the traditional experience of the agricultural practices of the peasantry ceases to act as an important reference point of economic activity and forms another shape of economical memory that goes beyond land redistribution and traditional land inheritance. The conclusion is that the transformation of the public authorities of the peasantry in the post-reform period was associated with the overcoming of the traditional office, stereotypic behaviour of the officials. It has been shown that a significant enhancement of critical attitude to the traditions of the past is observed in the sphere of family relations.

Keywords: peasantry, historical memory, «Great Reforms», everyday historical memory.

1. Введение

Трансформация современного российского общества представляет собой очередную попытку модернизации, проникающую во все сферы общественной жизни, среди которых историческая память занимает далеко не последнее место. Это связано с тем, что именно историческая память в условиях кризисных периодов и переходных эпох оказывается тем символическим ресурсом, который позволяет сформировать определенную преемственность исторического смысла, определенную целостность связи прошлого, настоящего и будущего. Однако, изучение специфики модернизации массовой исторической памяти сегодня не может не учитывать особенности трансформации исторической памяти в России в другие эпохи, одной из наиболее важных среди которых по праву может быть названа эпоха Великих реформ 1860–1870-х гг.

Вместе с тем, проблемы трансформации российской исторической памяти в пореформенное время не могут обойти стороной мир русского крестьянства, где метаморфозы исторической памяти имели свою логику, во многом вытекающую из особенностей крестьянской повседневной жизни. Именно в этом аспекте авторы статьи и будут стремиться проанализировать особенности трансформации исторической памяти крестьян Центрально-Черноземного региона в пореформенное время.

2. Материалы и методы

* Corresponding author

E-mail addresses: linchenko1@mail.ru (A.A. Linchenko), gack1@yandex.ru (E.V. Belyaev)

2.1. Исследование основано на результатах анализа архивов Липецкой, Тамбовской и Рязанской областей, которые являются первичным массовым источником делопроизводственной документации, относящейся к деятельности волостных и сельских органов крестьянского самоуправления. Важным источником, позволяющим оценить показатели хозяйственной деятельности крестьян, являются материалы земской статистики, полученные в результате обследований уездов, ревизий, периодически проводившихся земствами. Наконец, не менее ценным источником являются привлекаемые нами материалы этнографических обследований крестьян. Взгляд этнографа, не всегда объективный, позволяет, вместе с тем, отследить изменения, происходившие в повседневной бытовой жизни сельских жителей.

2.2. Вместе с тем, какая методология могла бы помочь нам в осмыслении эмпирического материала? В данном случае, традиционные методы отечественного крестьяноведения оказываются дополненными теми теоретическими результатами, которые были получены в сравнительно новой области исследований, получившей название *memory-studies*. Данная область исследований является междисциплинарной и располагается на стыке философии истории, новой интеллектуальной истории, устной истории, методологии школы *Annals*. Общей методологической установкой современных исследователей, работающих в русле *memory-studies* является конструктивистский подход, рассматривающий прошлое не в качестве некоего статичного объекта, но зависящего от перипетий настоящего, его оценок, новых моделей поведения и деятельности (Olick, Robbins, 1998: 106). Это означает, что прошлое постоянно изменяется, вслед за потребностями настоящего. Именно этот мотив лежит за большинством определений исторической памяти сегодня, которая, по мнению Л.П. Репиной является одним из измерений индивидуальной и коллективной (социальной) памяти, направленной на репрезентацию исторического прошлого: «историческая память – это совокупность донаучных, научных, квазинаучных и венаучных знаний и массовых представлений социума об общем прошлом» (Репина, 2005: 133). Однако, историческую память было бы неверно понимать в качестве некоего статичного объекта. Так, например, Джеффри Олик предлагает рассматривать коллективную память не как устоявшийся теоретический конструкт, а как некую совокупность различных форм социального пространства и его практик, в которые включаются как обычные воспоминания, так и общие формы поддержания культурных образцов. Память для него – это социальная деятельность, процесс, а не статичный объект. Память оказывается зависимой: во-первых, от ее социального контекста, во-вторых, от средств передачи памяти, в-третьих, память оказывается процессуальной и зависимой от жанровой специфики дискурса, и, в-четвертых, социальная память оказывается не причиной или продуктом, а частью процесса самоопределения общества (Olick, Robbins, 1998: 108). Конструктивистская методология изучения исторической памяти Джеффри Олика позволяет рассматривать историческую память как, прежде всего, совокупность коммеморативных практик, под которыми современные исследователи понимают совокупность социальных практик, направленных на воспроизводство различных образов прошлого, значимых в социально-политическом, экономическом и культурном контекстах настоящего (Аникин, 2014: 19). В данном случае, в горизонте нашего исследования появляется еще одно понятие, получившее сегодня широкое распространение в рамках *memory-studies*. Речь идет о понятии исторической идентичности. Как известно, термин «идентичность» употребляется в двух различных значениях: во-первых, идентичность («idem») рассматривается как синоним «аналогичного», «в высшей степени сходного», «того же самого», «неизменного во времени», а во-вторых, данное понятие трактуется как «самость», тождественность индивида самому себе («ipse»). Коммеморативные практики всегда являются практиками идентификации, а понимание особенностей исторической памяти той или иной группы всегда отсылает нас к особенностям ее самоидентификации. Подход этот, далеко не новый, будет рассматриваться авторами в качестве еще одного из методологических ориентиров.

3. Обсуждение

Вопросы исторической памяти российского крестьянства давно находятся в поле изучения российских исследователей (Громько, 1986; Буганов, 2008; Безгин, 2000; Шатковская, 2000 и др.). Можно выделить два направления исследований, первое условно назвав «этнографическим», второе – «историческим». Исследователи этнографического направления рассматривают историческую память, в первую очередь в контексте знаний о прошлом. Поле исторической памяти, таким образом, сильно сужается до пространства исторических знаний и отношения крестьян к событиям, русским царям и полководцам (Буганов, 2008). В рамках второго направления исследуются отдельные проявления крестьянской повседневности и быта, а также крестьянские обычно-правовые нормы (Безгин, 2000; Земцов, 2007; Шатковская, 2009; Nafziger, Williams, 2012). Оба направления, таким образом, под разным углом зрения анализируют социальную реальность сельских жителей, их быт и нравственность, религиозную жизнь и структуру общественных отношений, экономические основы их хозяйственной деятельности. Вместе с тем, следует признать, что социальная реальность является сложным феноменом, включающим в себя не только конкретные аспекты поведения крестьян в той или иной ситуации, но и мотивы этого поведения, факторы, которыми руководствовались сельские жители при выборе той или иной модели поведения. Это означает, что трансформация исторической памяти пореформенного крестьянства может быть прослежена не только на примере их исторических

знаний. Она может быть выявлена и в контексте трансформации повседневных практик, повседневной деятельности, экономической, правовой, культурной, религиозной.

Прошлое, а вернее опыт прошлого, воплощающийся частично в знаниях о прошлом, а частично в привычных моделях и схемах поведения не всегда укладывается в те формы мест памяти, о которых писал известный французский исследователь памяти Пьер Нора (топографические, монументальные, символические, функциональные). Вернее, данные коммеморативные практики, заставляя индивида или коллектив людей обратиться к прошлому в силу определенных причин (в том числе и политических), по сути, нарушают привычный ход вещей и в том числе привычное, повседневное отношение к прошлому. Заметим, что сама проблематика повседневности получает новое дыхание и смысл как раз в контексте различных версий пространственного подхода к пониманию памяти и идентичности (П. Бурдьё, Дж. Олик, Б. Латур). Если же говорить о самой проблеме идентичности, то еще Ж. Делез и Ф. Гваттари в концепции номадологии показали, что рассуждения об идентичности неотделимы от социальной и политической реальности общества, в котором они развиваются. Идентичность в таком понимании оказывается совокупностью практик идентификации, зависимых от среды. То же можно и сказать относительно исторической идентичности, факторами воздействия на которую оказываются повседневные и неповседневные коммеморативные практики.

Конечно, повседневность не исчерпывает всех сторон коллективной памяти, поскольку можно говорить и о неповседневных практиках памяти (Schwartz, 1982: 383). Однако, именно дихотомия «повседневное-неповседневное» позволяет нам лучше понять специфику различных форм воспроизводства исторического опыта в исторической памяти и историческом сознании и соответствующие формы идентификации. Как видится в первом приближении, одно из различий между повседневными и неповседневными коммеморативными практиками лежит в специфике выделения опыта прошлого как предмета деятельности. В неповседневных коммеморативных практиках обращение к прошлому является важнейшей целью той или иной деятельности, будь то коммеморации или деятельность в рамках различных институтов памяти (например, архивов, библиотек, музеев). То же можно сказать и про путешествия и поездки, а также образовательные практики, где целью и предметом деятельности может являться прошлое как таковое. Как раз данный аспект коммеморативных практик оказался достаточно хорошо исследованным в современной литературе. Сложнее дело обстоит с повседневными коммеморативными практиками, под которыми мы понимаем формы обращения к опыту прошлого в контексте различных видов повседневной деятельности, и прежде всего в труде, быте и досуге. В данном случае прошлое как таковое не является непосредственным предметом деятельности, что, однако не отменяет особые способы воспроизводства исторического опыта, который может сохраняться или пересматриваться в контексте отношения к традициям труда, быта и досуговой деятельности.

Характеризуя повседневность, отечественные исследователи указывают на рутинность, типизированность, привычность и автоматизированность действий, которые совершаются с помощью подручных средств привычного предметного универсума; своеобразие темпоральной структуры, представляющей собой временные режимы работы, домашних дел и свободного времени. К этим особенностям могут быть также отнесены стереотипность сознания; экономия мышления и действия; определенный наивный реализм; и, наконец, национально-культурный и биографический контексты содержания повседневности (Любутин, Кондрашов, 2007).

Если конкретизировать специфику повседневных коммеморативных практик, то надо заметить, что они являются частью соответствующих трудовых, бытовых отношений, равно как и сферы досуга. Обращение к прошлому, освоение исторического опыта, конфигурация воспоминаний в таком случае всегда будет производна от соответствующих целей, средств и получаемого результата деятельности. Освоение исторического опыта в подобном случае оказывается фрагментарным, отрывочным, всегда связанным с контекстом хозяйственной и правовой деятельности, практиками семейной и религиозной жизни. И вместе с тем, благодаря непосредственному характеру повседневности, механизмам рутинизации, коммуникативным процессам исторический опыт превращается в традицию, формируя определенные повседневные стороны знаний о прошлом. В данном случае понятие «традиция» обозначает передачу навыков, представлений, обычаев в пр. во времени, в устной или письменной, коллективной или личностной форме. В этом повторении рождается идентификация субъекта деятельности с той или иной частью прошлого, будь то вещно-предметный или смысловой универсум. И здесь уже знания о прошлом, воплощенные в исторических знаниях о великих деятелях, правителях, полководцах или событиях отодвигаются на второй план. Восприятие прошлого в повседневном контексте оказывается отношением ко всему прошедшему и уходящему во всем пространстве хозяйственной, правовой, семейной и религиозной памяти.

4. Результаты

Обращение к фактическому материалу деятельности сельских жителей позволяет сделать ряд выводов. Наименее восприимчивой к изменениям следует назвать хозяйственную деятельность пореформенного крестьянства. Находясь в условиях общественного контроля со стороны сельских органов самоуправления, пореформенное крестьянство сохраняло ядро традиционных представлений о нормах и порядках севооборота, наделения земель, сроках земледельческих работ.

Интенсификация земледельческого производства не стала основой эффективной земледельческой деятельности сельских жителей. В силу этих обстоятельств сохраняли свое значение отрицательные стороны общинного землепользования, однако сама форма общинной организации претерпевала определенные трансформации. В частности, изменились принципы распределения наделной земли, что выразилось в применении нескольких форм раскладки земельного общинного надела: по тяглам, по работникам, по ревизским душам, по наличным душам, «по жеребию», «по едокам», по имущественному положению, по лицам мужского пола, «по милу», а также, закрепление земли в наследственном владении (подворно-четвертное землевладение).

Кроме того, удлинялись сроки между проведением коренных переделов земли, либо происходил полный отказ от них. В таком случае земля закреплялась в руках тех крестьян, кто ее обрабатывал на момент последнего передела. Это можно было бы объяснить, в частности, отсутствием проведения ревизии, а также правовой безграмотностью пореформенных крестьян, их неуверенностью в законности проведения данной процедуры. Известный своими народническими взглядами, исследователь общины В.П. Воронцов отмечал, что «за незнанием последнего (закона), крестьянин должен был решать его (вопрос о переделе) самостоятельно, т.е. в нем совершалось изменение взглядов, вырабатывалось новое отношение к предмету, новая форма для важнейшего акта общественной жизни: назначение момента передела из акта государственного, общего для всей страны, превращался в обыкновенный акт общинной самодеятельности, различной для каждой отдельной общины. Это, – считал В.П. Воронцов, – очень важная перемена, и не удивительно, если для ее выяснения потребовалось 20–30 лет» (Воронцов, 2008: 100).

О том, что даже в переделных общинах все большее распространение приобретал факт наследственного закрепления земли за теми, кто ее обрабатывал, свидетельствует большое число обществ, в приговорах которых отсутствовал срок следующего передела. В посчитанных нами 403 общинах (58,83 %) в приговорах сроки переделов обозначались, как правило, «на неопределенное время», «на неопределенный срок», что, по сути, приводило к закреплению наделного фонда за теми, кто владел наделом на момент последнего передела и превращению сельских жителей в фактических собственников. Очевидно, в вопросах землеустройства не традиции и обычаи играли важнейшую роль, а специфика экономической модели, заложенной законодательством 1860-х гг. и выгоды, которые получало крестьянское хозяйство от наследственного закрепления наделной земли.

В 1860–1880-е гг. происходил постепенный процесс изменения типов севооборота. Уже к началу XX в. в Европейской части России насчитывалось порядка 20 % хозяйств крестьян, применявших многопольный и четырехпольный севооборот (Анфимов, 1980). Эти данные означают, что выбирая между традиционным и экономически рациональным, российское пореформенное крестьянство все чаще отказывалось от традиции в пользу обоснованных с точки зрения ведения хозяйства, решений. Это в свою очередь способствовало росту изменений в ценностях и ориентирах хозяйственной памяти крестьянства, заставляя иначе относиться к прошлому.

Обратимся теперь к другой составляющей сельского быта, а именно, к общественному самоуправлению крестьян, которое, как известно, существовало и до «Великих реформ», у помещичьих крестьян – де-факто в виде мирских сходов, у государственных – де-юре после реформ управления государственной деревни П.Д. Киселева. Уровень ведения делопроизводственной документации, отражающей деятельность сельских и волостных органов самоуправления, отражает общую, типическую ситуацию с тем, насколько грамотно и подробно велись разнообразные отчетные книги. В этом смысле бюрократизация – явление, в целом характеризующее общий уровень правовой культуры: следование «нормам» обычного права не требует обращения к бумаге. Напротив, стремление зафиксировать то или иное решение отражает закономерное стремление решить дело не «по обычаю», а по закону, отражает новые ценности правовой памяти.

Несмотря на то, что коронным законодательством не предусматривалось особых форм ведения документации, уже с начала 60-х гг. властями делались уточнения и разъяснения по поводу отражения информации в делопроизводственной документации крестьян. В этих условиях крестьянские волости и сельские общества нуждались в грамотных кадрах, понимавших основы делопроизводства.

Анализ материалов 1870-х гг., когда на общественные должности не заступило еще новое поколение крестьян, рожденных после эмансипации, дает представление об уровне ведения делопроизводственной документации сельскими должностными лицами. В обследованных волостях Спасского уезда Рязанской губернии грамотность должностных лиц в сельских обществах составляла от 3,6 до 45 % (Доклады членов, 1877: 69, 88, 104, 125, 133, 140). Способы ведения документооборота должностными лицами поражают своей оригинальностью: к примеру, в Казачьей волости Данковского уезда сельский староста для ведения счетоводства использовал бичеву с нанизанными на нее четырехгранными бирками, на ребрах которых изображались специальные знаки, соответствующие определенным суммам (Доклады членов, 1877: 103).

Небрежность ведения документооборота, неграмотность большинства крестьян, зачастую, приводила к путанице в сметах, а также к многочисленным фактам коррупции мирских капиталов. В упоминаемой уже Казачьей волости ее администрация вела дела «небрежно и не совсем выгодно для

волости, так, например, собирает деньги на пожарную трубу и не чинит ее» (Доклады членов, 1877: 104). Податные тетради сельских обществ содержали такие статьи расходов: «на проезд старшины», - расход немалый, доходит до 2 рублей 75 копеек за проезд...» (Доклады членов, 1877: 60).

Однако уже в источниках конца 1880-х гг. отмечалось, что «замечается несравненно больше порядка в раскладке крестьянских сборов и ведении сельской отчетности» (СДЭПКРГ, 1892: 293). А. Селивановым представлены любопытные сведения о статистике растрат сельскими и волостными должностными лицами в 1888 и 1889 гг.: если в 1888 г. в 12 уездах Рязанской губернии было зафиксировано 116 фактов растрат на сумму 11950, 21 руб., то в 1889 г. – лишь 51 факт на сумму 3053,69 руб. (СДЭПКРГ, 1892: 293). Эти сведения, хоть и не могут репрезентативно отражать динамику происходивших в деревне процессов, но, по-видимому, отражают ситуацию усилившегося контроля со стороны утвержденных земских участковых начальников и установлению определенного порядка в сметной документации.

В проанализированных нами приговорах сельских сходов конца 1880-х гг. обязательными стали ежегодные акты, посвященные учету деятельности сельских старост и сборщиков, в которых фиксировались поступления денег и расходы сельских старост (ГАРО. Ф. 410. Оп. 1. Д. 7. Л. 1–1 об., 12–13, 17 об. 18 об.; Ф 410. Оп. 1. Д. 5а. Л. 100 б., 250 б. – 26). Все это говорит о повышении эффективности деятельности сельских должностных лиц. Развивался документооборот, что требовало от сельских должностных лиц владения определенными правилами делопроизводства. В «Общем Положении» было указано на необходимость ведения четырех книг волостным правлением и всего одной – сельским обществом. На практике волостная и сельская делопроизводственная документация ими не ограничивалась. Ф.А. Преображенским отмечалось, что «по вдохновению писарей, заводятся 70–75 книг, кроме массы ведомостей и т.п.» (Преображенский, 1893: 30–31).

Бюрократизация означает стремление сельских старост и волостных старшин, волостных писарей действовать в соответствии с законными нормами, а не устным образцом или обычаем, принятым в данной местности. В деревне происходило замещение традиционных форм новыми, основанными на писаном праве и законе. В данном случае, правовой опыт прошлого теряет свою символическую значимость и переосмысливается в новых условиях.

В решении насущных для себя проблем сельский житель все чаще обращался не к традиционным мирским институтам, а к официальным структурам крестьянского самоуправления. Это отчетливо проявляется в возникшей в 1860-е гг. обязанности письменно зафиксировать сделки и договоры между крестьянами. В книгах сделок и договоров отражались условия, стоимость оплаты работ и услуг (ГАТО. Ф. 276. Оп. 1. Д. 1). Это означает, что принятые ранее обычаи рукобитья уходят в прошлое, становятся анахронизмом.

Наблюдения С. Матвеева позволяют отметить важное изменение в правовом сознании сельских жителей: «с тех пор, – писал он, – как земельное законодательство стало проникать в область земельных отношений, в область обычного права, в деревне появилось стремление «умненько» записать свое арендное, например, право. Обыкновенно аренда или «покупка в годы» совершалась без письменных документов, «по совести», «по Божьи»... А так как с некоторых пор «умные люди» поняли значение письменного документа, – «если все сделать по закону», – то и стали поступать «по закону», а это в начавшейся путанице людских понятий значило большей частью не «по совести» и не «по Божьи» (Матвеев, 1913: 119).

Таким образом, к концу XIX столетия в сфере обычно-правовых отношений в крестьянской среде очевидно наметился крен в сторону отказа от применения традиционных норм, что существенно изменяло и правовую память. Существенно повышалось значение письменного документа, а это требовало не только владения азами грамотности, но и понимания содержания написанного текста.

Важнейшей стороной крестьянской повседневности являлась область внутрисемейных отношений. Семья, как основной социальный институт, сохраняя важнейшие ценностные императивы, осуществляла социальный контроль, поддерживала порядок «по обычаю». Вместе с тем, после 1861 года наблюдаются тенденции, которые по своему влиянию, можно назвать революционными. Речь идет о процессе трансформации самой семьи, стремительном переходе от расширенных семей преимущественно к нуклеарным, что также явилось источником метаморфоз семейной памяти крестьян.

Наблюдения А.П. Звонкова, произведенные в Елатомском уезде Тамбовской губернии, позволили ему сделать вывод о разложении большой семьи артельного типа: «Лучший выразитель патриархального начала, – писал он, – задруга, – теперь разложилась на естественные свои единицы – малые семьи, с более или менее самостоятельным характером членов. Экономический строй этой семьи оказал паразитирующее влияние на традиционные взгляды, нещадно поломал старые отношения» (Звонков, 1889: 25–26). Несмотря на правительственные ограничения семейных разделов, предпринятые в 1880–1890-х гг., крестьянские семьи все чаще производили разделы, часто неформально, без необходимых для этого 2/3 голосов на сельском сходе. Возможности мирского контроля этого явления, в пореформенное время стали, в значительной степени, ограниченными. Исследователь Рязанской губернии Л.И. Мичурин отмечал: «При безвластии родителей и старших в семье, стремление к праздной и гулливой жизни стало общим правилом, также общее отсутствие бережливости и самое равнодушное к

земельной собственности, по невозможности вести хозяйство за малым числом рабочих рук в семьях, вследствие безрассудных семейных разделов по капризам и неуживчивости членов семьи» (СДЭПКРГ, 1892: 301). Несмотря на явно тенденциозное отношение автора к происходившим в деревне переменам, можно увидеть, насколько они были глубоки и необратимы.

Отказ от традиционных патриархальных семей, стремление крестьянской молодежи к экономической самостоятельности, наконец, снижение уважения по отношению к старшим членам семьи – все это стало обыденным явлением крестьянской повседневности. Уже 1880-е гг. происходило уменьшение количественного состава семей. Проведенный нами анализ земской статистической отчетности по Рязанской губернии позволяет сделать вывод о том, что семьи, в которых в 1880-е гг. было меньше 3-х полноценных работников, составляли явное большинство – 76 %, при этом 63,3 % составляли семьи, в которых был всего 1 полноценный работник. Это означает, что уже к 1880-м гг. основными становились малые семьи с одним мужчиной-домохозяином.

Трансформация семьи имела другое важное последствие – изменение положения женщины в семье. Конечно, нельзя утверждать, что нуклеарная семья повсеместно превратила женщин в равноправных по сравнению с мужчинами-домохозяевами субъектов, но тенденция такая очевидно наметилась. «Женщина, отмечал А.П. Звонков, – поднялась из своего рабского приниженного состояния, смело заявила о правах своих и глава семейства, прежде – гордый старейшина и безусловный повелитель рода, уступил теперь ее требованиям и начал делиться верховными правами» (Звонков, 1889: 26).

5. Заключение

Таким образом, современное состояние memory-studies в России и за рубежом актуализирует вопросы изучения новых уровней и сфер исторической памяти, в которых повседневное измерение занимает далеко не последнее место. Отношение к прошлому в контексте повседневных коммеморативных практик и практик идентификации оказывается в определенном смысле производным от воспроизводства традиций труда, быта и досуга, их значения в качестве ориентиров поведения и образа жизни. Конструктивистский подход к исторической памяти позволяет с иных методологических позиций посмотреть на проблемы трансформации исторической памяти пореформенного крестьянства Центрально-Черноземного региона, чем общепринятый анализ крестьянских представлений о важнейших исторических событиях и деятелях прошлого.

В пореформенное время происходит существенная трансформация традиционных представлений о нормах и порядках севооборота, наделения землей, сроках земледельческих работ. Традиционный опыт земледельческих практик крестьянства перестает выступать значимым ориентиром экономической деятельности, формирует иной облик хозяйственной памяти, выходящей за рамки циклов переделов земли и традиционных форм земельного наследования. Существенные изменения происходят и в отношении к традициям бытовой сферы. В частности, трансформация общественного самоуправления крестьянства в пореформенный период была связана с преодолением традиционного делопроизводства, стереотипов поведения должностных лиц. Правовой опыт прошлого утрачивает свое символическое значение, изменяя ценности и смысловые ориентиры правовой памяти. Наконец, заметное усиление критического отношения к традициям прошлого наблюдается в сфере семейных отношений. В данном случае трансформация семейных отношений была связана со стремительным переходом от расширенных семей к преимущественно нуклеарным семьям. Это приводит к изменениям семейной памяти, в которых патриархальные традиции прошлого перестают выступать значимым ориентиром поведения и образа жизни, уступая новым и более рациональным механизмам поведения. Модернизация в российской деревне во второй половине XIX века изменяет саму значимость опыта прошлого, который из сферы актуальной практической значимости превращается в знания о прошлом, маловостребованные в ускоряющемся и изменяющемся потоке общественной жизни.

6. Благодарности

Статья подготовлена при финансовой поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых и по государственной поддержке ведущих научных школ Российской Федерации (грант МК-3670.2015.6) и гранта РГНФ 16-33-01019 «Государственная политика памяти в Российской Федерации: философские основания и стратегии реализации».

Литература

Аникин, 2014 – Аникин Д.А. Конструкция социальной памяти: от структуры к сети // Трансформация исторического сознания молодежи в обществе риска. Сборник статей международной научной конференции. Липецк-Тамбов, 2014. 400 с.

Анфимов, Зырянов, 1980 – Анфимов А.М., Зырянов П.Н. Некоторые черты эволюции русской крестьянской общины в пореформенный период (1861–1914) // История СССР. 1980. № 4. С. 26–41.

Анфимов, 1980 – Анфимов А.М. Крестьянское хозяйство Европейской России. М.: Наука, 1980. 200 с.

- Буганов, 2008** – Буганов А.В. Историческая память русских крестьян: реальность и мифы (XIX – начала XX вв.) // *Новый исторический вестник*. 2008. № 18. С. 40-49.
- Безгин, 2000** – Безгин В.Б. Обычное право русской деревни (вторая половина XIX – начало XX вв.). Тамбов, 2000. 48 с.
- Громыко, 1986** – Громыко М.М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М.: Наука. 1986. 278 с.
- Воронцов, 2008** – Воронцов В.П. Артель и община. М.: Астрель. 2008. 1078 с.
- ГАРО** – Государственный архив Рязанской области.
- ГАТО** – Государственный архив Тамбовской области.
- Доклады членов, 1877** – Доклады членов Рязанской губернской земской управы о ревизии уездов Спасского, Сапожковского, Скопинского и Ряжского. Москва. 1877. 224 с.
- Земцов, 2007** – Земцов Л.И. Крестьянский самосуд: правовые основы и деятельность волостных судов в пореформенной России (60–80-е гг. XIX в.). Воронеж. Издательство Воронежского государственного университета. 2007. 264 с.
- Звонков, 1889** – Звонков А.П. Современный брак и свадьба среди крестьян Тамбовской губернии Елатомского уезда // Труды этнографического отдела императорского общества любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии. Книга IX. Вып. I. М., 1889. С. 113-121.
- Любутин, Кондрашов, 2007** – Любутин К.Н., Кондрашов П.Н. Диалектика повседневности: Методологический подход. Екатеринбург. УрГУ, УрО РАН-РФО. 2007. 295 с.
- Матвеев, 1913** – Матвеев С. Из жизни современного крестьянского «мира» (В волостных старшинах) // Русское богатство. 1913. № 9. С. 108-142.
- Репина, 2005** – Репина Л.П. Концепции социальной и культурной памяти в современной историографии // Феномен прошлого. М.: Издательский Дом ГУ ВШЭ, 2005. С. 122-169.
- Преображенский, 1893** – Преображенский Ф.А. Вопросы крестьянского самоуправления. Сельские учреждения и должностные лица. М., 1893. 87 с.
- СССРГ, 1882** – Сборник статистических сведений Рязанской губернии. Т. II. Вып. II. Скопин, 1882. 266 с.
- СДЭПКРГ, 1892** – Свод данных об экономическом положении крестьян Рязанской губернии. Рязань, 1892. 431 с.
- Шатковская, 2000** – Шатковская Т.В. Правовая ментальность российских крестьян второй половины XIX века: опыт юридической антропометрии. Ростов-на-Дону, Издательство РГЭУ, 2000. 304 с.
- Шатковская, 2009** – Шатковская Т.В. Институциональные основы обычно-правовой системы российских крестьян второй половины XIX – начала XX вв. // *Философия права*. 2009. № 4. С. 26-30.
- Nafziger, Williams, 2012** – Nafziger S., Williams C. Serfdom, Emancipation, and Off-Farm Labour Mobility in Tsarist Russia // *Economic History of Developing Regions*. 2012. Vol. 27. Nr 1. pp. 1-37.
- Olick, Robbins, 1998** – Olick J.K., Robbins J. Social Memory Studies: From “Collective Memory” to the Historical Sociology of Mnemonic Practices // *Annual Review of Sociology*. 1998. Vol. 24. pp.105-140.
- Schwartz, 1982** – Schwartz B. The Social Context of Commemoration: A Study in Collective Memory // *Social Forces*. 1982. Nr 61. pp. 375-402.

References

- Anikin, 2014** – Anikin D.A. Konstruktsiya sotsial'noi pamyati: ot struktury k seti [Constructions of social memory: from the structure to the network], The transformation of the youth's historical consciousness in the risk-society. The proceedings of the International scientific conference. Lipetsk-Tambov: Pershin R.V. Publishing, 2014. pp.16-22 [in Russian].
- Anfimov, Zyryanov, 1980** – Anfimov A.M., Zyryanov P.N. Nekotorye cherty evolyutsii russkoi krest'yanskoi obshchiny v poreformennyi period (1861 – 1914) [Some features of the evolution of the Russian peasantry commune in Russia after the Great Reforms (1861-1914)], The History of the URSS, 1980, Nr 4. pp. 26-41. [in Russian].
- Anfimov, 1980** – Anfimov A.M. Krest'yanskoe khozyaistvo Evropeiskoi Rossii [The peasant household of the European Russia], Moscow: Science, 1980. 200 p. [in Russian].
- Buganov, 2008** – Buganov A.V. Istoricheskaya pamyat' russkikh krest'yan: real'nost' i mify (XIX – nachalo XX vv.) [The historical memory of the Russian peasantry: reality and myths (XIX th – first half XX th centuries)], The New Historical Bulletin, 2008, Nr 18. P. 40-49 [in Russian].
- Bezgin, 2000** – Bezgin V.B. Obychnoe pravo russkoi derevni (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.) [The common law of the Russian village (the second half of the XIXth – the first half of the XX th centuries)]. Tambov: Tambov State Technical University Publishing, 2000. 48 p.
- Gromyko, 1986** – Gromyko M.M. Traditsionnye normy povedeniya i formy obshcheniya russkikh krest'yan XIX v. [The traditional norms of behavior and forms of communication of the Russian peasants of the XIX century], Moscow: Science, 1986. 278 p. [in Russian]
- Vorontsov, 2008** – Vorontsov V.P. The Gang and the Commune. Moscow: Astrel, 2008. 1078 p. [in Russian].
- GARO** – Gosudarstvennyi arkhiv Ryazanskoi oblasti [The State Archive of the Ryazan region].

GATO – Gosudarstvennyi arkhiv Tambovskoi oblasti [The State Archive of the Tambov region].

Doklady chlenov, 1877 – Doklady chlenov Ryazanskoi gubernskoi zemskoi upravy o revizii uezdov Spasskogo, Sapozhkovskogo, Skopinskogo i Ryazhskogo [The reports of the members of Ryazan regional administration about audit of the Spasskii, Sapozhkovskii, Skopinskii and Ryasanskii counties], Moscow, 1877. 224 p. [in Russian].

Zemtsov, 2007 – Zemtsov L.I. Krest'yanskii samosud: pravovye osnovy i deyatel'nost' volostnykh sudov v poreformennoi Rossii (60 – 80-e gg. XIX v.) [The peasants' mob law: the legal basis and working of the volost courts in the Russia after the Great Reforms (60th – 80th years of the XIX century)], Voronezh: Voronezh State University Publishing, 2007. 264 p. [in Russian].

Zvonkov, 1889 – Zvonkov A.P. Sovremennyi brak i svad'ba sredi krest'yan Tambovskoi gubernii Elatomskogo uezda [The contemporary marriage and wedding among the peasants of the Elatomsky county of the Tambov region], The proceedings of the ethnographic department of imperial society for the Natural Sciences, Anthropology and Ethnography, Book IX. Vol. I. Moscow, 1889. P. 113 – 121. [in Russian].

Lyubutin, Kondrashov, 2007 – Lyubutin K.N., Kondrashov P.N. Dialektika povsednevnosti: Metodologicheskii podkhod [The Dialectics of everydayness: methodological aspect], Ekaterinburg: UrGU, UrO RAN-RFO Publishing, 2007. 295 p. [in Russian].

Matveev, 1913 – Matveev S. Iz zhizni sovremennogo krest'janskogo «mira» (V volostnykh starshinah) [From the life of modern peasantry «mir» (in the volost foreman)], Russian wealth, 1913, Nr 9, pp. 108–142 [in Russian].

Nafziger, Williams, 2012 – Nafziger S., Williams C. Serfdom, Emancipation, and Off-Farm Labour Mobility in Tsarist Russia // Economic History of Developing Regions. 2012, Vol. 27, Nr 1, pp. 1-37.

Repina, 2005 – Repina L.P. Konceptii social'noj i kul'turnoj pamjati v sovremennoj istoriografii [The concepts of social and cultural memory in the modern historiography], The phenomenon of the Past. M.: High School of Economics Publishing House, 2005. pp. 122-169 [in Russian].

Olick, Robbins, 1998 – Olick J.K., Robbins J. Social Memory Studies: From “Collective Memory” to the Historical Sociology of Mnemonic Practices // Annual Review of Sociology. 1998, Vol. 24, pp.105-140.

Preobrazhenskij, 1893 – Preobrazhenskij F.A. Voprosy krest'janskogo samoupravlenija. Sel'skie uchrezhdenija i dolzhnostnye lica [The problems of peasantry self-governing. Rural Institutions and officials], Moscow, 1893. 87 p. [in Russian].

SSSRG, 1882 – Sbornik statisticheskikh svedenij Rjazanskoj gubernii [The collection of statistical information about Ryazan region], Vol. II, Is. II, Skopin, 1882. 266 p. [in Russian].

SDJePKRG, 1892 – Svod dannyh ob jekonomicheskom polozhenii krest'jan Rjazanskoj gubernii [The Summary of Data of the economical situation of peasants Ryazan region], Rjazan, 1892. 431 p. [in Russian].

Shatkovskaja, 2000 – Shatkovskaja, T.V. Pravovaja mental'nost' rossijskikh krest'jan vtoroj poloviny XIX veka: opyt juridicheskoi antropometrii [The legal mentality of the Russian peasantry in the second half of the XIXth century: an experience of the Law anthropology], Rostov-na-Donu, Rostov State Economical University Publishing, 2000. 304 p. [in Russian].

Shatkovskaja, 2009 – Shatkovskaja T.V. Institucional'nye osnovy obychno-pravovoj sistemy rossijskikh krest'jan vtoroj poloviny XIX - nachala XX vv. [The institutional foundations of the common law system of the Russian peasantry in the second half of the XIXth – first half XXth centuries], The Philosophy of Law, 2009, Nr 4, pp. 26-30. [in Russian].

Schwartz, 1982 – Schwartz B. The Social Context of Commemoration: A Study in Collective Memory // Social Forces, 1982, Nr 61, pp. 375-402.

УДК 394

Трансформация повседневной исторической памяти крестьян центрально-черноземного региона в пореформенное время

Андрей Александрович Линченко ^{a, *}, Евгений Владимирович Беляев ^b

^a Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Липецкий филиал, Российская Федерация

^b Липецкий эколого-гуманитарный институт, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются метаморфозы повседневной исторической памяти крестьян Центрально-черноземного региона. На основе конструктивистской методологии изучения исторической памяти преодолевается распространенный подход, связывающий историческую память крестьянства исключительно с историческими знаниями о царях, полководцах, исторических

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: linchenko1@mail.ru (А.А. Линченко), gack1@yandex.ru (Е.В. Беляев)

деятелях. Трансформации повседневной исторической памяти пореформенного крестьянства описываются в контексте изменения традиционных представлений крестьян о труде, быте и досуге. На материалах архивных источников, данных земской статистики показаны изменения традиционных норм, ценностей и ориентиров хозяйственной, правовой и семейной памяти русского крестьянства. В пореформенное время происходит существенная трансформация традиционных представлений о нормах и порядке ведения хозяйственной деятельности сельскими жителями. Показано, что традиционный опыт земледельческих практик крестьянства перестает выступать значимым ориентиром экономической деятельности, формирует иной облик хозяйственной памяти, выходящей за рамки циклов переделов земли и традиционных форм земельного наследования. Существенные изменения происходят и в отношении к традициям бытовой сферы. Делается вывод о том, что трансформация общественного самоуправления крестьянства в пореформенный период была связана с преодолением традиционного делопроизводства, стереотипов поведения должностных лиц. Правовой опыт прошлого утрачивает свое символическое значение, изменяя ценности и смысловые ориентиры правовой памяти. Показано, что заметное усиление критического отношения к традициям прошлого наблюдается в сфере семейных отношений. В данном случае трансформация семейных отношений была связана со стремительным переходом от расширенных семей к преимущественно нуклеарным семьям. Это приводит к изменениям семейной памяти, в которых патриархальные традиции прошлого перестают выступать значимым ориентиром поведения и образа жизни.

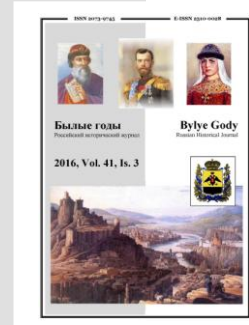
Ключевые слова: крестьянство, историческая память, «Великие реформы», повседневная историческая память.

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 41, Is. 3, pp. 734-743, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 93/94 + 347.73

Public control of alcohol trade in Russia (1863–1894)

Natalia Ye. Goryushkina ^{a,*}, Igor B. Rusakov ^a

^a Southwest State University, Russian Federation

Abstract

The article considers the state initiatives aimed at the inclusion of public institutions in regulating the free turnover of alcohol, and the results of their application. The paper notes that the society, despite the government plans, failed to control alcohol trade and did not manage to neutralize the negative effects of alcohol liberalization. The continuing search for an optimal method of public administration of alcohol trade has led the legislators to establish provincial and district drinking authorities in the mid-1880s. On the basis of a wide range of archival sources, the authors show that drinking authorities of some provinces resorted to strict regulation of the number of drinking establishments, the others ignored the accepted rules. The authors have made a conclusion that the government failed to create an effective system of public control in the excise period. While changing to the official alcohol monopoly, temperance forces of society were being accumulated by funds caring of people's sobriety.

Keywords: alcohol reform, free alcohol turnover, alcohol trade, public control, village community assembly, City Duma, drinking authority, affirmative sentence.

1. Введение

«Великие реформы» Александра II – одна из центральных тем российской и зарубежной исторической науки. Однако винная реформа 1863 г. занимает в научной литературе весьма скромное место. Комплексного исследования преобразования до сего дня так и не было проведено, а при попутном повествовании отдельные его стороны оказались неосвещенными. К числу таковых относится проблема участия публичных институтов города и деревни в процессе регулирования свободного оборота алкоголя. Второстепенность упомянутой проблемы обманчива. Именно слабость механизма общественной защиты от «вольной» продажи питей стала «ахиллесовой пятой» акциза, предлогом для отказа от свободного оборота алкоголя в пользу казенной винной операции. В этой связи проблема организации общественного контроля оборота алкоголя важна для понимания существа реформы 1863 г. и «контрреформы» 1894 г.

2. Материалы и методы

2.1. Источниковую базу статьи представляют неопубликованные документы из фондов Российского государственного исторического архива, Государственного архива Российской Федерации, Государственного архива Курской области.

2.2. Методологической базой – стали тесно взаимосвязанные между собой принципы историзма, объективности и системности, предоставившие возможность анализа событий в контексте конкретной исторической обстановки, во взаимосвязи и взаимообусловленности. Были использованы сравнительно-исторический и проблемно-хронологический подходы, которые позволили уяснить специфику общественного контроля оборота алкоголя в разные временные отрезки акцизной эпохи.

3. Обсуждение

* Corresponding author

E-mail addresses: goro46@yandex.ru (N.Ye. Goryushkina), rus-igo@mail.ru (I.B. Rusakov)

Несмотря на громадный объем историко-эмпирического материала об участии общественных институтов города и деревни в процессе регулирования свободного оборота алкоголя, его обобщения в системном виде до сего времени не последовало. Историография по проблеме отсутствует, хотя почва для ее постановки подготовлена. В исторической и отчасти юридической литературе последнего времени отражены социальные последствия винной реформы (Kragh, Hedlund, 2015: 373-376; Lemon, 2009: 201-218; Горюшкина, 2011: 7-13), объясняющие потребность в регулировании оборота питей, и способы контроля сельскими обществами (Богданов, 2008: 56-73), городскими думами (Храмцов, 2014: 36-42), питейными присутствиями (Быкова, 2007: 8-10) виноторговых операций на подведомственной территории.

4. Результаты

Не останавливаясь на создании органов акцизного управления, законодатель сделал попытку включить в систему контроля над оборотом алкоголя городские и сельские общества, земские органы местного самоуправления, частных лиц. Планировалось, что акцизные управления сосредоточат внимание на ограждении казенного интереса в винопромышленности и виноторговле, а публичные институты города и деревни – на охране общественного порядка и противодействии пьянству.

Открытие питейных заведений с распивочной продажей, принимаемой за наиболее опасный с нравственной точки зрения вид торговли, «Положением о питейном сборе» было поставлено в зависимость: а) в землях казачьих войск – от станичных сборов; б) в селениях колонистов, крестьян: государственных, удельных и других наименований – от мирских приговоров; в) на землях, находящихся в непосредственном ведении Министерства Государственных имуществ и Уделов, – от Палат государственных Имуществ и Удельных Контор; на землях, принадлежащих частным лицам, – от владельцев земель, и д) на землях, принадлежащих сельским обществам, – от сельских сходов (ПСЗРИ-II. Т. XXXIX. Ч. II. № 40833).

Российская общественность поддержала правительственное решение о включении общества в процесс регулирования питейной торговли. Особенно высоко этот шаг оценили либералы, разглядев в нем способ общественной защиты от негативных последствий алкоголя. «С уничтожением откупов и введением новой акцизной системы, – писал С.Т. Аксаков, – <...> законодательство предоставило самому обществу, через посредство общественных учреждений, возможность предохранения себя от чрезмерного развития потребления крепких напитков и контролирования благонадежности виноторговцев, которым общество могло разрешить или не разрешить производство питейной торговли» (А.Е., 1876: 66).

В сельской местности решение о разрешении (запрещении) питейной торговли стал принимать сельский сход одного или нескольких соседних сел (в зависимости от того, какая из этих общин официально признавалась обществом), куда собирались главы крестьянских хозяйств. Прошение об открытии «разливной» торговли зачитывал староста. Начиналось более или менее длительное обсуждение. Воззвания местных «горланов»: «Нет – кабаку!» – затихали, как только намечалось «угощение» от кабатчика. «Сельская община и волостные начальства, – вспоминал П.В. Березин, – тогда праздновали непрерывный праздник. Спаивания, угощения, взятки и подкупы крикунов на сходках разливались широкой волной» (Березин, 1900: 13). Угостившись, крестьяне соглашались «поставить» кабак и оформляли решение приговором.

Поднести сельскому обществу был обязан каждый кабатчик. Возможностей остановить угощения сельского схода государственные органы не имели. «Обход закона или его нарушение, – писал по этому поводу «Вестник Европы», – хранится в тайне; но в данном случае о тайне большею частью может быть речь разве только в смысле „полишинелевского секрета“» (Положение, 1881: 348). Мир требовал магарыч за разрешение, кабатчик угощал, но угощал не сразу, а помесечно, всякий раз требуя отвержения просьб конкурентов.

Департамент неокладных сборов был завален жалобами на немотивированный запрет питейной торговли сельскими обществами. Из Воронежской губернии писали, «крестьянские общества под действием „общественных коноводов“ давно злоупотребляют представленным им правом по выдаче разрешений на питейную торговлю» (РГИА. Ф. 574. Оп. 1. Д. 1145. Л. 1-4, 24, 35, 45, 52-108, 128-128 об., 147 об.-148 об., 243-246 об., 339-339 об.). Из Саратовской губернии доносили: «Сельские общества дают разрешения по незаявленным условиям». Из Симбирской губернии жаловались, «в ущерб питейного дохода» крестьяне объявили «устные торги» на питейные заведения. Из Пензенской губернии докладывали: «Волостные старшины и писаря взимают с виноторговцев плату за дозволение открыть питейное заведение», а «мировые посредники, несмотря на распоряжения начальника губернии, не обращают на это положительно никакого внимания». Из Рязанской губернии приходили известия о «сильном стеснении торговли вином и ропоте тех виноторговцев, которым отказано в выдаче разрешений» (РГИА. Ф. 574. Оп. 2. Д. 144. Л. 1-16, 233).

Многочисленные жалобы не остановили правительство в намерении использовать защитный механизм общества от распространения питей. Закон 14 мая 1874 г. поставил в зависимость от мирских не только распивочную, но и выносную торговлю крепкими напитками (ПСЗРИ-II. Т XXXXIX. Ч. I. №5524).

Сельская администрация стала чаще понуждать крестьян к составлению запретительных приговоров. Акцизные управляющие Пензенской, Воронежской, Курской, Орловской губерний писали в столицу о том, что мировые посредники и волостные старшины склоняют крестьян к отказу от «пристанищ Бахуса». В некоторых местностях сельские жители даже не подозревают, что они отказались от питейного заведения – все необходимые бумаги, без их ведома, были подготовлены старостами и писарями под нажимом начальства (РГИА. Ф. 574. Оп. 2. Д. 144. Л. 55-64, 128-128 об.).

Резкое сокращение официально открытых мест реализации алкоголя имело следствием увеличение беспатентной торговли (РГИА. Ф. 574. Оп. 1. Д. 674. Л. 29 об.). В Богучарском уезде (Воронежская губерния), вместо 2 – 3 официальных кабаков, запрещенных сельскими обществами, стали действовать 10–15 мест тайной продажи питей (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 76 б. Д. 55. Л. 120). В Бузулукском, Бугурусланском и Николаевском уездах (Самарская губерния) закрылись все места раздробительной продажи питей, процветала беспатентная торговля (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 76 б. Д. 55. Л. 244). «Вышло таким образом, – сокрушался В.А. Лебедев, – что „куда ни кинь, все клин“. Всякая даже благая, по-видимому, мера оказывалась или не практичною, или просто не достигающею цели, или ведущею к новым ухищрениям со стороны заинтересованных лиц для парализирования ея действий» (Лебедев, 1898: 33).

Право на открытие мест продажи питей, ясно изложенное в «Уставе о питейном сборе» относительно сельской местности и поместий, по общему принципу, стало применяться и для городов. Однако порядок открытия питейных заведений там не был определен. Только в 1-м примечании к ст. 310 устава говорилось, что «думы и заменяющие их учреждения, перед наступлением срока выдачи патентов, составляют ежегодно, с утверждения губернского правления, расписания о числе мест раздробительной продажи крепких напитков, которое может быть открыто в каждом городе в следующем году». В его новой редакции (1868 г.) право городских дум и заменяющих их учреждений было подтверждено (ПСЗРИ-II. Т. XXXXIII. Ч. I. № 46003). Расписание должно составляться не иначе как по инструкции, утвержденной соглашением министра финансов с министром внутренних дел (Сборник статей, 1876: 25).

В течение 14 лет, прошедших со времени утверждения «Положения о питейном сборе», такая инструкция не была разработана. Потому расписания питейных заведений городскими думами не составлялись, а места продажи питей открывались в городах «в неопределенном количестве» (Катков, 1897: 653). Но с устройством городских дум по новому городскому положению упомянутое в «Уставе» примечание было извлечено из забвения. Городские думы взялись расписывать число и месторасположение питейных заведений. Согласно донесениям управляющих акцизными сборами, ситуация с расписаниями вышла из-под контроля. В одних городах, для противодействия пьянству, думы отвели под питейные заведения неудобные, безлюдные места, в других – вообще, запретили питейную продажу, в третьих – разрешили реализовывать пития исключительно на городской земле и в зданиях, принадлежащих городу, в четвертых – открыли, вместо заведений с распивочной продажей, трактирные заведения «в неограниченном количестве, но с обложением оных за устранение конкуренции возвышенным акцизом в пользу городских доходов», в пятых – предоставили лучшие места своим родственникам и друзьям (РГИА. Ф. 574. Оп. 2. Д. 144. Л. 1-16).

Акцизные управления, ссылаясь на отсутствие указанной в питейном уставе инструкции, отвергали законность составленных городскими думами расписаний и оформляли патенты, не принимая их во внимание.

В то время был издан Закон 16 июня 1873 г., который разрешил: 1) ограничить число питейных заведений «определенной цифрою»; 2) определять условия их размещения, внутреннего устройства, порядка торговли; 3) удостоверить нравственную благонадежность лиц, желающих вести питейную торговлю; 4) сдавать с торгов право устройства питейных разрядов, т.е. кабаков. Но эти правила были установлены, в виде опыта, на 3 года, только в Санкт-Петербурге. Закон 26 января 1874 г. распространил их, тоже в виде опыта, на Москву, Одессу и Петербургскую губернию (ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 1596. Л. 33 об.; Д. 1598. Л. 7).

Городские думы других великороссийских городов, копируя опыт столиц, тоже организовали торги на питейные заведения, в основном – на городской земле и в зданиях, принадлежащих городу. Министерство финансов сочло подобного рода действия самоуправством. Циркуляр министра финансов от 4 октября 1875 г.: «О невыдаче патентов на питейную продажу в городах, в коих продажа сия предоставлена думами исключительно на городских землях» запретил акцизным управлениям выдавать патенты на питейную продажу в тех городах, где питейная продажа была организована на городских землях, и где думы без видимых причин ограничили число питейных заведений (Катков, 1897: 654-655).

Еще до выхода циркуляра министра финансов, ряд городских дум обжаловал в Правительствующий сенат действия акцизных управлений, оформивших патенты вопреки их постановлениям. Решение Сената было оглашено циркуляром министра внутренних дел от 23 октября 1875 г., согласно которому за городскими общественными управлениями было признано право разрешать открытие питейных заведений по своему усмотрению. Более того, им дано разрешение: «1) определять в черте города местности, где питейная раздробительная продажа не могла быть допущена; 2) ограничивать число питейных заведений; 3) открывать питейную торговлю

на землях, принадлежащих собственно городу, и отказывать частным лицам в производстве подобного рода торговли на местах, составляющих их частную собственность». В последнем случае, однако, плата в пользу города должна была взиматься только за пользование местом или помещением, принадлежащим городу и уступленным частному лицу, но отнюдь не за право производства во взятых от города помещениях питейной торговли (Катков, 1897: 655).

Циркуляры министров финансов и внутренних дел противоречили друг другу. Акцизные управления руководствовались циркуляром министра финансов, городские думы и губернские по городским делам присутствия – циркуляром министра внутренних дел.

В 1875–1876 гг., в виду разногласий между министерствами, число официально открытых питейных заведений пошло на спад. Так, в г. Коломне (Московская губерния), городская дума постановила открыть 8, вместо прежних 40, мест продажи питей, ренсковых погреба с распивочной продажей не открылись вовсе, городской акциз на трактиры был увеличен с 195 руб. до 600 руб. В г. Перми численность мест продажи питей сократилась со 100 до 25. Открыты они были исключительно на городской земле, в городских зданиях с торгов. В г. Новгороде приступили к работе только 14 питейных заведений в нанятых от города помещениях на городской земле. Те же процессы проходили в большей части городов Архангельской, Орловской, Тамбовской, Симбирской, Саратовской губерний. В г. Самаре, при отдаче питейных заведений с торгов по 2 тыс. руб., дополнительный акциз с трактиров был определен в 600 руб. В г. Ардатове (Симбирская губерния), вместо 26, открылось 4 заведения, на трактиры был наложен дополнительно акциз в 4 тыс. руб. В городах Самарской губернии – Бутуруслане, Ставрополе, Сергееве – цена питейного заведения составила от 500 руб. до 1 тыс. руб., Петербургской губернии – от 100 руб. до 2,5 тыс. руб., в г. Санкт-Петербурге – от 600 руб. до 3 тыс. руб., в г. Москве – от 1 тыс. руб. до 3 тыс. руб. (А.Е., 1876: 85-86, 89).

В то время опробованные в г. Санкт-Петербурге особые правила питейной продажи показали благоприятный результат: распространилось потребление пива, сократилось число лиц, задержанных полицией за пьянство, снизилось число случаев нарушения общественного порядка, усовершенствовалось устройство питейных заведений, они стали чище и аккуратнее. Но в г. Москве итоги применения особых правил оказались не столь впечатляющими. Число официальных питейных заведений сократилось с 954 до 240, кабаки исчезли с главных московских улиц, но беспатентная торговля выросла, ренсковые погреба, дешевые трактиры, портерные лавки стали вести круглосуточную распивочную продажу, фруктовые лавки взялись за продажу водки под названием «особый уксус», а галантерейные магазины – «народный одеколон» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 76 б. Д. 55. Л. 287). Появилась развозная питейная торговля. «Какой-то торговец, – рассказывал А.Н. Аксаков, – устроил подвижной кабак и, усевшись с бочонком вина в извозчичью карету, стал разъезжать по улицам и площадям города, останавливаясь на людных местах и приглашая посетителей в свою карету» (А.Е., 1876: 90). О несостоятельности нового порядка питейной торговли заявила и Одесса. Торги на право открытия питейных заведений привели к спекуляции, участились случаи «переторжищ», места продажи питей скупили, в основном, евреи, которые действовали через подставных лиц и были искусны по части разного рода питейных злоупотреблений. В Санкт-Петербургской губернии «нравственных целей», преследуемых особыми правилами, тоже не удалось достичь. Стачки виноторговцев не дали возможности определить действительную доходность заведений, а беспатентная торговля, редкая прежде, стала правилом (РГИА. Ф. 574. Оп. 9. Д. 94. Л. 125).

Закон 1 января 1876 г. утвердил право городских дум и заменяющих их учреждений на составление ежегодного расписания о числе мест раздробительной продажи крепких напитков. Силу оно приобретало после утверждения губернским по городским делам присутствием. Закон в очередной раз запретил учреждениям, обществам и лицам, от которых зависело разрешение на питейную торговлю, получать за то прямую или косвенную плату (ПСЗРИ-II. Т. LI. Ч. I. №55458).

Несмотря на запреты, разрешительное право по-прежнему «продавалось» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 76 б. Д. 55. Л. 288 об.). Целые волости и даже уезды без труда попадали в руки состоятельных торговцев (ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 1596. Л. 16, 20). К примеру, в Астраханской губернии плата за питейные заведения колебалась от 50 руб. до 3 тыс. руб., в Саратовской и – от 50 руб. до 16 тыс. руб., в столицах стоимость разрешения поднималась до 40 тыс. руб. В 1884 г. только в Самарской губернии владельцы питейных заведений уплатили за право торговли около 1 млн руб., в то время как патентный сбор едва не превышал 382 тыс. При этом, только незначительная часть уплаченных виноторговцами денег действительно поступала на «благие дела», большая их часть пропивалась или растрачивалась начальством. В книгу сборов эти доходы, будучи незаконными, не заносились и потому сколько-нибудь правильному контролю не подлежали (РГИА. Ф. 574. Оп. 1. Д. 1107. Л. 17).

Правительственный взгляд на степень государственного контроля в деревне клонился в сторону признания необходимости жесткой опеки. Изменить положение дел должен был Закон 14 мая 1885 г. Открытие заведений для раздробительной продажи крепких напитков в городах он поставил в зависимость от решений городских дум (кроме торговли на вынос и производства питейной продажи в трактирных заведениях, где разрешения не требовалось), вне городских поселений – от уездных и губернских по питейным делам присутствий (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 76 б. Д. 55. Л. 35; Ф. 730. Оп. 1. Д. 1599. Л. 6 об.; РГИА. Ф. 574. Оп. 9. Д. 203. Л. 19 об.)

Уездные присутствия образовывались, под председательством предводителя дворянства, в составе председателя (или члена) уездной земской управы, члена окружного суда (или мирового судьи), неперменного члена уездного по крестьянским делам присутствия, уездного исправника (или его помощника), акцизного чиновника. В состав губернского присутствия, где председательствовал губернатор, входили вице-губернатор, губернский предводитель дворянства, прокурор (или его товарищ), управляющие казенной палатой и акцизными сборами, председатель (или член) губернской земской управы, городской голова губернского города (или член) городской управы (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 76 б. Д. 55. Л. 14-14 об.; 26-26 об.).

Земства были привлечены к работе питейных присутствий потому, что являлись органами местного хозяйственного управления и могли дать «полезные указания» относительно организации виноторговли. Наличие представителей судебного ведомства объяснялось рассмотрением мировыми судами дел по нарушению питейного устава. Представительство уездного исправника вытекало из задач, которые стояли перед полицейскими органами в деле охраны нравственности и порядка. Фискальные интересы в присутствии защищал представитель акцизного окружного управления. Участие в питейном присутствии члена по крестьянским делам присутствия было следствием того, что крестьянство было главнейшим потребителем крепких напитков и, следовательно, в отношении его больше, чем в отношении других сословий, имели значение финансовые, полицейские, нравственные и другие цели, преследуемые питейными присутствиями. Включение в состав губернского присутствия головы губернского города объяснялось тем обстоятельством, что губернное присутствие выступало высшей инстанцией при рассмотрении дел, связанных с оборотом питей, в том числе и для городских дум (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 76 б. Д. 55. Л. 4 об.-8 об., 21 а-21 а об.).

Общее руководство деятельностью губернских и уездных присутствий возлагалось на министра финансов, который действовал по соглашению с министром внутренних дел, а в отдельных случаях – с военным министром. Жалобы на присутствия было указано отправлять в Правительствующий сенат по I департаменту (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 76 б. Д. 55. Л. 120).

Уездным присутствиям предоставлялось право: 1) назначать число мест продажи крепких напитков в соответствии с имеющейся в них потребностью, но не в ущерб интересам народной нравственности (1 винная лавка предполагалась на 500 душ, 1 ведерная лавка – на 3 винные); 2) избирать, по своему усмотрению, виноторговцев и приказчиков, не допуская к виноторговле лиц, находящиеся под судом и следствием, прочих лиц предосудительного поведения, а также должностных лиц волостных и сельских управлений, церковных старост; 3) следить, чтобы стеснения питейной торговли не порождали корчемства и монополии (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 76 б. Д. 55. Л. 289). Уездные присутствия определяли цену патентов на подведомственной им территории, закрывали в случае необходимости питейные заведения административным порядком, наблюдали за «чистой и опрятностью» в питейных заведениях, «верностью» торговли (Питейный вопрос, 1885: 1124). Однако они были лишены права запрета питейной торговли «в трактирных заведениях, а также постоянных дворах или корчмах в селениях, имеющих не менее 5000 наличных душ обою пола, а в селениях с меньшим населением – во всех базарных, торговых, промышленных и фабричных селах, а также при станциях железных дорог, у пристаней и перевозов больших рек, на проезжих трактах и вообще в местах значительного скопления или проезда посторонних людей (ст. 54).

Компетенции губернских присутствий исчерпывались: 1) наблюдением за правильным и однообразным применением требований питейного устава в городских поселениях городскими думами, а вне городских поселений – уездными по питейным делам присутствиями; 2) рассмотрением жалоб, подаваемых на постановления названных учреждений и 3) утверждением в отдельных случаях их постановлений (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 76 б. Д. 55. Л. 11, 29 об.).

Торговля крепкими напитками в селениях, где проживало более 5000 наличных душ обою пола, было изъято и из усмотрения сельских обществ, запретить питейную торговлю «в трактирных заведениях, постоянных дворах и корчмах такого рода селений было невозможно. Общества «малых» селений получили право ходатайства перед питейными присутствиями о воспреещении производства питейной торговли на 3 года (Сведения, 1885: 55-56). Отказать в удовлетворении ходатайства присутствия могли, если: 1) в селении проживало более 500 душ; 2) селение подходило к типу торговых, фабричных, промышленных и т.п.; 3) ходатайство было вызвано не стремлением противодействовать пьянству, а «каким-либо побочным соображением» (Внутреннее обозрение, 1886: 827). Последний пункт оснований для отказа был весьма «расплывчатым» и давал основания для произвола.

Сельские общества встретили Закон 14 мая 1885 г. «недружелюбно». Но не вероятность «водвориться» продаже питей против их воли заботила селян, а отнятая у них возможность получать «магарыч» с виноторговцев, вошедшая в привычку, несмотря на все запреты.

Питейные присутствия воспользовались предоставленной им властью произвольно (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 76 б. Д. 55. Л. 289). Некоторые из них, одержимые идеей отрезвления, не видели разумных границ в принятии решений. Типичен был случай, произошедший в Курской губернии. Присутствия трех уездов (Курского, Щигровского и Корочанского) при распределении местностей на разряды (при семиразрядной градации) причислили свои местности к 3 высшим разрядам (от разряда местности зависела величина патентного сбора). В результате действий присутствий стоимость патентов в

селениях с 14 – 46 жителями поднялась до 1100 рублей (ГАКО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 285. Л. 89). Для урегулирования возникшего недоразумения губернатор И.А. Звягинцев пригласил на заседание губернского питейного присутствия уездных предводителей дворянства и председателей земских управ, желая убедить «трезвенников» прислушаться к мнению большинства. Но председатель Курского уездного по питейным делам присутствия Н.П. Анненков смог убедить членов губернского присутствия в необходимости повысить разряды во всей Курской губернии, и решением губернского по питейным делам присутствия от 2 ноября 1885 г. все местности губернии были отнесены к высшим разрядам. Продажа алкоголя «в разлив» в 1886 г. стала вестись только в 34 селениях (ГАКО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 232. Л. 7). В некоторых уездах губернии целые волости с населением в несколько десятков тысяч душ на пространстве в несколько десятков верст остались без заведений с раздробительной продажей. Кроме того, повысившиеся разряды привели к росту размера штрафа за торговлю без патента, что, в свою очередь, повлекло за собой изменение подсудности дел. Добровольно платить огромные штрафы никто не хотел, и окружные суды были завалены делами по питейной части (ГАКО. Ф. 37. Оп. 3. Д. 9. Л. 131 об.-132; РГИА. Ф. 574. Оп. 9. Д. 203. Л. 19 об.). Подобная ситуация была характерна для Самарской губернии, Ставрополя (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 76 б. Д. 55. Л. 67-70).

Первые результаты применения Закона 14 мая 1885 г., когда правом запрета воспользовались и сельские общества, и частные лица, и питейные присутствия, привели к резкому падению численности мест продажи питей, что, в свою очередь, грозило казне недобором.

Таблица 1. Численность запрещенных к открытию питейных заведений в 1885/1886 гг.

Губернии	Число селений, где питейные заведения запрещены сельскими общ.-ми и частными лицами	Число селений, где питейные заведения запрещены присутствиями	Число селений, оставшихся без питейной торговли	Число приговоров сел. обществ и частных лиц, которые присутствия не утвердили	Число питейных заведений, разрешенных к содержанию сельскими обществами
Московская	2635	-	2635	382	11
Калужская	223	451	674	53	16
Пензенская	144	403	547	102	86
Рязанская	906	713	1617	115	8
Смоленская	1041	34	1075	98	43
Тамбовская	493	950	1443	171	33
Тверская	1030	732	1762	273	10
Тульская	1163	-	1163	326	6
Ярославская	501	102	603	243	10
Вятская	2349	2369	4718	670	7
Курская	380	210	590	247	50
С-Петербургская	368	57	425	219	10
Нижегородская	791	17	808	128	16
Астраханская	25	-	25	27	39
Владимирская	320	17	337	176	11
Воронежская	119	452	571	383	10
Казанская	929	730	1659	144	10
Костромская	113	-	113	20	11
Орловская	948	120	1068	364	40
Саратовская	721	251	972	207	203
Уфимская	486	68	551	142	42

Наибольшее число запретительных приговоров было вынесено в Московской (2635) и Вятской (4718) губерниях. Более 1000 селений Смоленской, Тверской, Тульской губерний остались без питейной торговли. В Московской, Костромской, Астраханской, Тульской губерниях присутствия не запретили ни одного питейного заведения, все запреты были произведены сельскими обществами. Наряду с тем, в Тамбовской, Воронежской, Пензенской, Калужской губерниях присутствия пресекли питейную торговлю в значительном числе селений, действуя в обход решений сельских сходов. Существенно сократилось число питейных заведений в Орловской, Ярославской, Казанской, Рязанской губерниях. В меньшей мере этот процесс затронул Костромскую и Астраханскую губернии. Вятская губерния «выделилась» из всей Империи: частными лицами, сельскими обществами и

питейными присутствиями были запрещены к открытию 4718 питейных заведений ([Внутреннее обозрение, 1886: 826](#)).

Сокращение числа официально открытых питейных заведений, имело неблагоприятные последствия. Во-первых, государственная казна потеряла часть питейного сбора. Во-вторых, усилилась монополия в виноторговле. К примеру, в Вятской губернии из 1653 «всякого рода» питейных заведений 1174 оказались в собственности 41 лица (на одного хозяина в среднем приходилось 29 питейных заведений), а купец первой гильдии И.В. Александров владел сразу 235 питейными заведениями (и 3 винокуренными заводами) ([ГАРФ. Ф. 102. Оп. 76 б. Д. 55. Л. 109](#)). В-третьих, «расцвела» беспатентная торговля. «Каждая квартира – кабак. В стенах, под полом, в толстых ножках столов – везде были склады вина, разбавленного водой, для своих ночлежников и для их гостей <...> Подходят кому надо к окну, стучат. Открывается форточка. Из-за занавесочки высовывается рука ладонью вверх. Приходящий кладет молча в руку полтинник. Рука исчезает и через минуту появляется снова с бутылкой <...> Одно дело – слов никаких», – так описывал ночную Москву той поры В.А. Гиляровский ([Гиляровский, 1956: 31](#)). В-четвертых, в употребление вошли технические жидкости. Из-за резкого сокращения мест продажи питей в уездах, расположенных по нижнему течению Урала, население стало пить одеколон. Галантерейщики в недоумении сообщали: «В небольшом городе Гурьеве расходится одеколону до 2000 дюжин скляночек на сумму около 20000 рублей, в Уральске на 15000 руб.» ([ГАРФ. Ф. 102. Оп. 76 б. Д. 55. Л. 287](#)).

Десятские, сотские, сельские старосты, волостные старшины, урядники, становые приставы, призванные навести порядок, «пользуя повсюду даровое угощение», попустительствовали нарушениям питейного законодательства. Более последовательными в исполнении решений присутствий были акцизные чиновники. Они выполняли весь объем подготовительной работы к заседаниям присутствий, с них спрашивали сведения разного порядка во время заседаний и т.д. Но в деле борьбы с беспатентной торговлей или с потреблением технических жидкостей, акцизные чиновники проявляли активность только в тех случаях, когда вопрос затрагивал интересы казны, но отнюдь не нравственности населения ([Бородин, 1910: 74-75](#)).

Циркуляр №186 от 28 сентября 1885 г. удостоверял право присутствий не только ограничивать, но и запрещать питейную торговлю «по собственному усмотрению». Но «бесконечно-разнообразная» деятельность присутствий, имевшая негативные последствия, вынудила Министерство финансов ограничить их права. Циркуляром № 263 от 23 декабря 1885 г. было «разъяснено», что остаться в силе должны только те запрещения, в основании которых лежали общественные приговоры или просьбы частных лиц ([Внутреннее обозрение, 1886: 825](#)). Таким образом, питейные присутствия были лишены права на запрет питейной торговли в обход просьб обществ и частных лиц. Если бы оно сохранилось, Министерство финансов, спустя время, получило бы возможность судить о том, какое значение имели запреты, желательны ли они, и в какой мере их следовало сохранить на будущее. Но первые результаты деятельности присутствий, простиравшиеся от совершенного невмешательства до полной регламентации, а порой произвола, были столь неудовлетворительны, а угроза государственному бюджету столь реальна, что Министерство финансов не стало ждать и «обезоружило» присутственные учреждения, поставив их в зависимость от просьб обществ или частных лиц ([Внутреннее обозрение, 1886: 827](#)).

Сельским же обществам, напротив, Законом 5 мая 1892 г. было возвращено разрешительное право на распивочную продажу ([Сведения, 1885: 56](#)). Более того, за согласие на производство питейной продажи сельские общества теперь могли получать деньги, которые фиксировались, включались в мирские доходы и направлялись на уплату недоимок и разные общественные нужды (приобретение земли, строительство церквей, школ, запасных хлебных магазинов, приобретение пожарных инструментов, исправление дорог, презрение членов общества и т.п.) ([ГАКО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 403. Л. 64](#)).

Однако расширение самостоятельности сельских обществ было видимостью. После учреждения по Закону 12 июля 1889 г. института земских начальников сельские общества были поставлены под их жесткий контроль ([Настольная книга, 1894: 136](#)). И выдача согласий на производство питейной торговли, и расходование сумм, получаемых за допущение устройства питейных заведений, осуществлялись только с разрешения земского начальника ([ГАРФ. Ф. 102. Оп. 76 б. Д. 337. Л. 32-32 об.](#)).

По сведениям, собранным акцизными чиновниками, «понуждение к трезвости» со стороны земских начальников приобрело массовый характер. Инициатива крестьян в отношении питейной торговли была сведена на нет. Запретительные приговоры писались в волостных правлениях по единому «формуляру». В Курское губернское акцизное управление шли донесения о том, что в Новооскольском уезде все запретительные приговоры составлены «на отпечатанных бланках „Киевской типографии Д.С. Повальского“» без ведома крестьян ([ГАКО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 232. Л. 7](#)). Земские начальники «готовили» крестьян к нужному решению на сходе, распространяя «неизвестно откуда взятую молву, что в той деревне, где будет разрешена торговля, начальники не выдадут на посев и продовольствие купленного земством хлеба» ([ГАКО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 361. Л. 7](#)). На сельском сходе зачитывались уже составленные запретительные приговоры и, если слышался голос о желании разрешить питейную продажу, «следовал грозный вопрос: „Кто желает кабака, поди сюда!“ Дело заканчивалось молчанием и постановлением единогласного приговора» ([ГАКО. Ф. 37. Оп. 1.](#)

Д. 561. Л. 7-7 об.). Волостные власти под давлением земских начальников выступали против питейной торговли. В д. Амосово Курского уезда, по сообщению акцизного чиновника, староста, выразивший мнение, что запретительные приговоры усилят беспатентную торговлю, был посажен под арест (ГАКО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 561. Л. 17). В Курском уезде, по донесению окружного надзирателя, было составлено 15 запретительных приговоров, написанных одним почерком и в одной редакции. В с. Брусовом Фатежского уезда «общество признало бесполезность приговора, действовавшего прошлое трехлетие. Решив не составлять подобного на будущее, оно взяло с изъявивших желание вести торговлю договора на дозволение торговать. Однако прибывший на сход старшина вынудил вновь составить запрет». В с. Здобниково Фатежского уезда, где жители не послушались увещаний старосты, на сход прибыл земский начальник и заставил отказаться от уже принятого разрешительного приговора (ГАКО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 561. Л. 15-15 об.).

Под влиянием сельских начальников в 1889–1891 гг. в России было составлено 24299 запретительных приговоров, а в трехлетие 1892–1894 гг. – 39881 (на 64 % больше) (Коровин, 1900: 6). Выросли суммы, взимаемые сельскими обществами за разрешительный приговор. Лучшие места, как и следовало ожидать, перешли в руки состоятельных торговцев. Только в небольших селениях, где прибыль была невысокой, торговлю вели мелкие предприниматели (ГАКО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 474. Л. 420-422). Вместе с тем, иллюзии, что сократив число мест реализации алкоголя, можно покончить с пьянством, таяли на глазах. Большинство заседателей, а в состав питейных присутствий были включены и земские начальники, с энтузиазмом приступивших к работе, осознали малую результативность запретительных мер. Оставленные Министерством финансов «без оружия», они потеряли первоначальный запал, и, имея другие важные должности, стали относиться к работе в питейных присутствиях, как к дополнительной обузе. Месяц за месяцем число заседаний сокращалось из-за неявки членов питейных присутствий (ГАКО. Ф. 37. Оп. 2. Д. 19. Л. 2-4 об.).

При переходе к казенной винной монополии на смену питейным присутствиям пришли попечительства о народной трезвости – губернские и уездные. Губернский попечительский комитет составляли непременные члены (руководители местного административного аппарата во главе с губернатором), почетные члены (известные и уважаемые в губернии люди) и члены-соревнователи – наиболее инициативные в антиалкогольной борьбе члены местного общества. В уездных комитетах председательствовали предводители дворянства. Казна ежегодно отпускала попечительствам суммы в расчете 50 тыс. руб. на губернию с распределением этих средств между уездами в соответствии с численностью их жителей (РГИА. Ф. 574. Оп. 9. Д. 30. Л. 52).

5. Заключение

Алкольная политика, удовлетворявшая фискальные запросы государства, несла вред народной нравственности. Государство попыталось привлечь публичные институты города и деревни к администрированию свободного оборота алкоголя на подконтрольной им территории. Однако решения обществ были пристрастны и зависели от сумм, полученных в виде взяток или «магарыча» от претендентов на питейный дом. Поворотным моментом в деле общественного регулирования виноторговли стало учреждение губернских и уездных по питейным делам присутствий. Однако половинчатость законодательных норм, узость представленных присутствиям прав, занятость членов присутствий на основной службе определили пределы достижения результатов. Деятельность присутствий на пространстве огромной России простиралась от полной регламентации до совершенного невмешательства в процесс регулирования свободным оборотом алкоголя. Таким образом, система общественного контроля в акцизный период была признана неэффективной, что стало одним из поводов замены акцизной системы винной монополией. Отрезвить народ в новой ситуации были призваны пришедшие на смену питейным присутствиям попечительства о народной трезвости.

Литература

- А.Е., 1876 – А.Е. Питейное дело и кабацкий вопрос в России // Вестник Европы. 1876. Июль. Ч. 1. С. 65-94.
- Березин, 1900 – Березин П.В. На службе злему делу (Хроника из жизни на винокуренных заводах). М., 1900. 156 с.
- Богданов, 2008 – Богданов С.В. Государство в борьбе за трезвое общество в начале 1880-х – начале 1890-х гг. // Вестник ТвГУ. Сер. История. 2008. Вып. 2. С. 56-73.
- Бородин, 1910 – Бородин Д.Н. Кабак и его прошлое. СПб.: Санкт-Петербургская коммерческая Типо-Литография Виленчик, 1910. 102 с.
- Быкова, 2007 – Быкова А.Г. Присутствия по питейным делам в системе местного аппарата управления производством и реализации алкогольной продукции в Российской Империи в 1885–1894 гг. // Международные юридические чтения ежегодная научно-практическая конференция: материалы и доклады. Омск, 2007. С. 8-10.
- Внутреннее обозрение, 1886 – Внутреннее обозрение // Вестник Европы. Г. 21. 1886. Т. 2. Кн. 4. Апрель. С. 824-845.

ПСЗРИ-II – Полное Собрание Законов Российской Империи: Собрание второе: [С 12 декабря 1825 года по 28 февраля 1881 года]: [В 55-ти т. с указ.]. СПб.: Тип. 2-го Отделения Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830-1885.

ГАКО – Государственный архив Курской области

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации

Гиляровский, 1956 – *Гиляровский В.А.* Москва и москвичи. Очерки старомосковского быта. М.: Издательство: Московский рабочий, 1956. 400 с.

Горюшкина, 2011 – *Горюшкина Н.Е.* Пьянство и борьба с ним в эпоху винного акциза (1863–1894 гг.) // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.* 2011. № 143. С. 7-13.

Катков, 1897 – *Катков М.Н.* Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1875 год. М.: Издание С.П. Катковой, 1897. 702 с.

Коровин, 1899 – *Коровин А.М.* Движение трезвости в России (Доклад Комиссии по вопросу об алкоголизме 8 декабря 1899 г.). СПб., 1900. 32 с.

Kragh, Hedlund, 2015 – *Kragh M., Hedlund S.* Researching Soviet Archives: An Introduction // *The Russian Review.* 2015. Т. 34. № 3. С. 373-376.

Лебедев, 1898 – *Лебедев В.А.* Питейное дело. СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1898. 106 с.

Lemon, 2009 – *Lemon A.* The emotional Lives of Moscow Things. *Russian History.* 2009. Т. 36. № 2. С. 201-218.

Настольная книга, 1894 – Настольная книга земского начальника и волостного правления. Сост. Н.Г. Яновский. Ромны: Тип. Бр. Э. и Н. Дельберг, 1894. 140 с.

Питейный вопрос, 1885 – Питейный вопрос // *Русский Вестник.* Т. 180. 1885. Ноябрь /Декабрь. С. 1114-1130.

Положение, 1881 – Положение нашей питейной торговли; необходимость коренной перемены в ее устройстве // *Вестник Европы.* Г. 16 .1881. Т. 5. Кн. 9/10. Сентябрь/ Октябрь. С. 348-353.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

Сборник статей, 1876 – Сборник статей закона и правительственных распоряжений, касающихся наблюдения полиции за исполнением правил питейной торговли / Под ред. Быкова Н.П. Калуга: тип. Губ. правл., 1876. 97 с.

Сведения, 1885 – Сведения об открытии питейных заведений питейными присутствиями и сельскими обществами на 1885/1886 гг. // *Вестник финансов, промышленности и торговли.* 1885. Декабрь. С. 42-56.

Храмцов, 2014 – *Храмцов А.Б.* Городские власти и полиция Тобольской губернии в деле организации местной торговли в конце XIX – начале XX века // *Вестник Нижневартковского государственного университета.* 2014. №4. С. 36-42.

References

A.E., 1876 – *A.E.* Piteinoe delo i kabatskii vopros v Rossii [Drinking issue and public house problem in Russia], *Bulletin of Europe // Vestnik Evropy.* 1876. Iyul'. Ch. 1. pp. 65-94. [in Russian]

Berezin, 1900 – *Berezin P. V.* Na sluzhbe zlomu delu (Khronika iz zhizni na vinokurennykh zavodakh). [Servicing the cause of evil (Chronicles from the life of distilleries)]. М., 1900. 156 p. [in Russian]

Bogdanov, 2008 – *Bogdanov S.V.* Gosudarstvo v bor'be za trezvoe obshchestvo v nachale 1880-kh – nachale 1890-kh gg. [The State in the struggle for a sober society in the early 1880s – early 1890s], *Bulletin of TvGU, History.* Issue 2 // *Vestnik TvGU. Ser. Istoriya.* 2008. Vyp. 2. pp. 56-73. [in Russian]

Borodin, 1910 – *Borodin D.N.* Kabak i ego proshloe. [Public house and its past]. SPb.: Sankt-Peterburgskaya kommercheskaya Tipo-Litografiya Vilenchik, 1910. 102 p. [in Russian]

Bykova, 2007 – *Bykova A.G.* Prisutstviya po piteinyim delam v sisteme mestnogo apparata upravleniya proizvodstvom i realizatsii alkohol'noi produktsii v Rossiiskoi Imperii v 1885 – 1894 gg. [Authorities in drinking matters in the local administration of production management and sale of alcoholic beverages in the Russian Empire in 1885–1894], // *Mezhdunarodnye yuridicheskie chteniya ezhegodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya: materialy i doklady.* Omsk, 2007. pp. 8-10. [in Russian]

Vnutrennee obozrenie, 1886 – *Vnutrennee obozrenie* [Domestic review], *Bulletin of Europe // Vestnik Evropy.* Г. 21. 1886. Т. 2. Кн. 4. April'. pp. 824-845. [in Russian]

PSZ RI – *Polnoe Sobranie Zakonov Rossijskoj Imperii: Sobranie vtroe:* [S 12 dekabrja 1825 goda po 28 fevralja 1881 goda]: [V 55-ti t. s ukaz.]. SPb. : Tip. 2-go Otdelenija Sobstv. E.I.V. Kanceljarii, 1830-1885 [in Russian]

ГАКО – Gosudarstvennyi arkhiv Kurskoi oblasti [in Russian]

ГАРФ – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [in Russian]

Giylarovskii, 1956 – *Giylarovskii V.A.* Moskva i moskvichi. Ocherki staromoskovskogo byta. [Moscow and Muscovites. Stories of old Moscow way of life], М.: Izdatel'stvo: Moskovskii rabochii, 1956. 400 p. [in Russian]

Gorjushkina, 2011 – *Gorjushkina N.E.* P'janstvo i bor'ba s nim v jepohu vinnogo akciza (1863-1894 gg.) [Drunkenness and Struggle against it during an epoch of the wine excise (1863 – 1894)] // *Izvestija*

- Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena. 2011. № 143. pp. 7-13. [in Russian]
- [Katkov, 1897](#) – *Katkov M.N.* Sbranie peredovykh statei Moskovskikh vedomostei. [The collection of leading articles of Moscow Gazette 1875] 1875 god. M.: Izdanie S.P. Katkovo, 1897. 702 p. [in Russian]
- [Korovin, 1900](#) – *Korovin A.M.* Dvizhenie trezvosti v Rossii (Doklad Komissii po voprosu ob alkogolizme 8 dek. 1899 g.). [The sobriety movement in Russia (the report of the Commission on the issue of alcoholism, December 8, 1899)]. SPb., 1900. 32 p. [in Russian]
- [Kragh, Hedlund, 2015](#) – *Kragh M., Hedlund S.* Researching Soviet Archives: An Introduction / The Russian Review. 2015. T. 34. № 3. С. 373-376.
- [Lebedev, 1898](#) – *Lebedev V.A.* Piteinoe delo. [Drinking issue], Saint Petersburg, Government Senate Press. SPb.: Tip. Pravitel'stvuyushchego Senata, 1898. 106 p. [in Russian]
- [Lemon, 2009](#) – *Lemon A.* The emotional Lives of Moscow Things. Russian History. 2009. T. 36. № 2. С. 201-218.
- [Nastol'naya kniga, 1894](#) – *Nastol'naya kniga zemskogo nachal'nika i volostnogo pravleniya.* [Handbook of district council chief and volost administration]. Compiled by N.G. Yanovskii. Romny: Tip. Br. E. i N. Del'berg, 1894. S. 136. 140 p. [in Russian]
- [Piteinyi vopros, 1885](#) – *Piteinyi vopros* [Drinking issue], Russian Bulletin // Russkii Vestnik. T. 180. 1885. Noyabr' / Dekabr' pp. 1114-1130. [in Russian]
- [Polozhenie, 1881](#) – *Polozhenie nashei piteinoi trgovli; neobkhodimost' korennoi peremeny v ee ustroistve* [The state of our drinking trade; the need for fundamental changes in its structure], Bulletin of Europe // Vestnik Evropy. G. 16 .1881. T. 5. Kn. 9/10. Sentyabr' / Oktyabr'. pp. 348-353. [in Russian]
- [RGIA](#) – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [in Russian]
- [Sbornik statei, 1876](#) – *Sbornik statei zakona i pravitel'stvennykh rasporyazhenii, kasayushchikhsya nablyudeniya politsii za ispolneniem pravil piteinoi trgovli* [Collection of articles and governmental orders relating to police surveillance over the implementation of drinking trade rules] / Pod red. Bykova N.P. Kaluga: tip. Gub. pravl., 1876. 97 p. [in Russian]
- [Svedeniya, 1885](#) – *Svedeniya ob otkrytii piteinykh zavedenii piteinyimi prisutstviyami i sel'skimi obshchestvami na 1885/1886 gg.* [Information about opening drinking establishments by local authorities and rural societies in 1885/1886.], Bulletin of Finance, Industry and Trade // Vestnik Finansov, Promyshlennosti i Torgovli. 1885. Dekabr'. pp.42-56. [in Russian]
- [Khramtsov, 2014](#) – *Khramtsov A.B.* Gorodskie vlasti i politsiya Tobol'skoi gubernii v dele organizatsii mestnoi trgovli v kontse XIX – nachale XX veka [The city authorities and the police of Tobolsk province in the organization of local commerce in the late XIX – early XX century], Bulletin of Nizhnevartovsk State University // Vestnik Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2014. Nr4. pp. 36-42. [in Russian]

УДК 93/94 + 347.73

Общественный контроль виноторговли в России (1863–1894 гг.)

Наталья Евгеньевна Горюшкина ^{a, *}, Игорь Борисович Русаков ^a

^a Юго-Западный государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Статья представляет государственные инициативы, направленные на включение общественных институтов в процесс регулирования свободным оборотом алкоголя, и результаты их применения. Отмечается, что общество, несмотря на правительственные планы, не справилось с функцией регулятора виноторговли и не смогло нивелировать отрицательные последствия алкогольной либерализации. Продолжившийся поиск оптимального способа общественного администрирования виноторговли привел законодателя к учреждению в середине 1880-х гг. губернских и уездных по питейным делам присутствий. Авторы на основе широкого круга архивных источников демонстрируют, что питейные присутствия одних губерний прибегли к жесткой регламентации числа питейных заведений, других – игнорировали представленные права. Сделан вывод, что действенной системы общественного контроля в акцизный период создать так и не удалось. При переходе к казенной винной монополии трезвенные силы общества были аккумулированы попечительствами о народной трезвости.

Ключевые слова: винная реформа, свободный оборот алкоголя, виноторговля, общественный контроль, сельский сход, городская дума, питейное присутствие, разрешительный приговор.

* Корреспондирующий автор

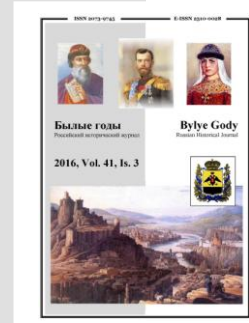
Адреса электронной почты: goro46@yandex.ru (Н.Е. Горюшкина), rus-igo@mail.ru (И.Б. Русаков)

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 41, Is. 3, pp. 744-752, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 93/94

The reform of the military administration of the Don Cossacks in 1866–1874: realization of the project, which was never approved

Artyom Y. Peretyatko ^{a, b, *}

^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, Russian Federation

^b East European History Society, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the reform of the military administration of the Don Cossacks in 1866–1874. Based on the analysis of archival material and testimonies of contemporaries, the author shows that the traditional opinion about the spread to the Don Cossacks military district system is incorrect. Special «Proekt polozenija o voennom upravlenii v Vojske Donskom» was developed. According it, the military administration in the Don region was significantly different from the ordinary military district administration. Most of the sections of this document was realized, but the dispute about the administration system of provincial troop prevented its approval. Results of the research are the finding that the reform was developed by the local administration, not the Ministry of War. It was supposed to solve the existing problems of the military administration of the Don Cossacks.

Keywords: Don Host Oblast, Ministry of War of the Russian Empire, vojskovej shtab, military administration, A.L. Potapov, M.I. Chertkov.

1. Введение

Военная история донского казачества второй половины XIX в. в последние годы все более привлекает внимание исследователей. Можно отметить нашу монографию (Перетьятко, 2014), недавно вышедшие статьи Р.Г. Тикиджьяна (Тикиджьян, 2016) и А.П. Скорика (Скорик, 2016), работы Е.Е. Волошиной по истории русско-турецкой войны 1877-1878 гг. (Волошина, 2006; Волошина, 2014) и А.Н. Карпенко о проведении военных реформ (Карпенко, 2006). Выявление новых фактов зачастую заставляет иначе взглянуть на процессы, которые прежде казались простыми и хорошо изученными, понять их действительную сложность и неоднозначность, скрытый подтекст и истинную мотивацию действующих лиц.

Реформа военного управления Донским войском, растянувшаяся с 1862 по 1874 гг., неоднократно упоминалась историками. Именно упоминалась, а не исследовалась специально: например, Р.Г. Тикиджьян в своей последней работе ограничился указанием на некоторые ее итоги (уравнение прав донского атамана с генерал-губернаторскими, переименование некоторых властных институций) (Тикиджьян, 2016: 103). Общим местом является восходящий к сборнику «Столетие военного министерства» тезис о том, что причиной этой реформы было распространение на Дон военно-окружной системы (Столетие, 1902: 430). Но обратившись к архивным документам о ее подготовке, мы выяснили, что данное утверждение соответствует действительности только частично. Донскими офицерами был разработан достаточно амбициозный «Проект положения о военном управлении в Войске Донском», который ждала странная судьба: он так и не был официально утвержден, но большая часть высказанных в нем предложений воплотилась в жизнь. Цели авторов этого документа далеко выходили за рамки распространения на Дон военно-окружной системы: они желали ликвидировать целый ряд проблем, накопившихся в области его управления. Реформа военного управления Донским войском интересна не только сама по себе, но и как яркий пример

* Corresponding author

E-mail addresses: ArtPeretatko@yandex.ru (A.Y. Peretyatko)

взаимоотношений Военного Министерства и местной элиты, демонстрирующий их специфику. Своей статьей мы надеемся положить начало ее более пристальному изучению.

2. Материалы и методы.

2.1. Основой для нашей работы послужила переписка между Военным Министерством и донскими атаманами А.Л. Потаповым и М.И. Чертковым. Ее органично дополняют отзывы различных ведомств на предоставленные им для оценки проекты преобразований по военному управлению Донского войска. Все эти документы были собраны в отдельное дело еще в ходе проведения реформы, и сданы на вечное хранение в Главное Управление Иррегулярных Войск (РГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 82). Однако для понимания контекста, в котором происходили интересующие нас события, мы будем обращаться и к другим источникам, хранящимся в Российском государственном военно-историческом архиве (далее – РГВИА) и Государственном архиве Ростовской области (далее – ГАРО), а так же к литературе как дореволюционных, так и современных авторов.

2.2. Поскольку наша статья посвящена прежде не вовлекавшимся в научный оборот фактам, мы будем широко использовать историко-описательный метод, подробно и последовательно излагая историю преобразований военного управления Донским войском в 1866–1874 гг. Поскольку большая часть этого срока приходится на время атаманства М.И. Черткова, чья личность оказала существенное влияние на окончательный вариант реформы, мы так же применим историко-биографический подход.

3. Обсуждение

Реформа военного управления Донским войском в качестве самостоятельной темы для изучения ни современниками, ни исследователями до настоящего времени не рассматривалась. Несколько абзацев ее проведению было уделено в юбилейном сборнике «Столетие военного министерства», однако там был описан только первый этап преобразований и инициативы, исходившие в его ходе от имперских властей (Столетие, 1902: 430). Позднейшие работы, как правило, восходят к этому тексту и не добавляют к нему ничего принципиального. Исключение составляет статья А.Н. Карпенко, в которой сообщается о существовании особого комитета по подготовке данной реформы (Карпенко, 2006: 96-99). Однако и в этом случае исследователь не сообщил сколько-либо подробных сведений о его работе.

4. Результаты

Начало интересующим нас событиям было дано 24 декабря 1866 г., когда Военный Совет постановил применить к Донскому войску «Положение об управлении военными округами» от 6 августа 1864 г. 17 января 1867 г. данное решение было утверждено императором (РГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 82. Л. 1). Однако правительственное постановление носило слишком общий характер, и на первом этапе преобразований его итогом стала только волна переименований: войсковое дежурство было переименовано в войсковой штаб, а военные округа в военные отделы, но каких-то серьезных изменений в их организации это не повлекло (Пронштейн, 1981: 5-6; Столетие, 1902: 430).

Чтобы дальнейшее развитие событий было легче для восприятия, напомним основные тезисы «Положения об управлении военными округами». В соответствии с ним, командующему округом подчинялись все расквартированные на подведомственной ему территории воинские части, однако в административных целях вводилась должность подотчетного ему начальника местных войск, в ведении которого находились несущие внутреннюю службу подразделения. «Ближайшее управление» местными частями в губерниях осуществляли воинские начальники. Кроме канцелярии начальника местных войск, в каждом округе должно было существовать шесть основных военно-управленческих инстанций: окружной штаб, окружное интендантство, окружные артиллерийское, инженерное и военно-медицинское управления, а также отдел окружного инспектора военных госпиталей (Зайончковский, 1952: 94-95).

Немедленное распространение «Положения об управлении военными округами» на Донское войско в полном объеме было существенно затруднено, да и, очевидно, бессмысленно. Например, ни один из проектов, которые мы будем рассматривать ниже, не предполагал создания на Дону отдельного инженерного управления, в котором просто не было необходимости из-за отсутствия в регионе крупных крепостей и постоянно дислоцированных инженерных частей. Кроме того, полноценная окружная администрация требовала существенно больших затрат, чем традиционная система управления войском (одна самостоятельная канцелярия начальника местных войск обходилась казне минимум в 6 000 руб. в год) (РГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 82. Л. 39-40).

Военное Министерство в подобных условиях предпочло на первое время ограничиться одними переименованиями, поручив донскому атаману А.Л. Потапову проработать вопрос о адаптации «Положения об управлении военными округами» к донским реалиям. А.Л. Потапов, в свою очередь, переложил эту работу на специально созданный комитет. Такое решение не было неожиданным или странным: в 1860–1870 гг. создание местных комитетов и комиссий в Новочеркаске было обычной практикой при подготовке как военных (РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 1937. Л. 2-12; ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 911. Л. 1-2), так и гражданских реформ (Волвенко, 1998: 49-56; Тикиджьян, 2013: 279-288).

Для разработки «Проекта положения о военном управлении в Войске Донском» были приглашены начальник войскового штаба, его помощник, два атамана отделов, командиры учебного полка и одной из льготных батарей, а также инспектор врачебной управы (РГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 82. Л. 1-3а). Перед ними была поставлена задача просто кодифицировать существующие законоположения, не проявляя самостоятельных инициатив, однако, как мы увидим ниже, формально не выходя из этих рамок, члены комитета попытались разрешить важнейшие проблемы военной администрации Донского войска.

На 1867 г. его высшим органом военного управления был войсковой штаб, состоявший из двух отделений, инспекторского и хозяйственного. Первое из них занималось как контролем за льготными казаками, так и формированием выходящих на службу строевых частей. В ведении второго находилась вся финансовая и интендантская часть, от составления смет и получения на них ассигнований из имперской казны до распределения войсковых пенсий и стипендий, от сбора пошлин за освобождение от службы до закупки всего необходимого войску снаряжения (РГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 82. Л. 3а). Кроме того, при войском штабе функционировал недавно (в 1866 г.) созданный орган по управлению местными частями, статус которого не был четко определен (РГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 82. Л. 147об.). В разных документах он именовался как третьим отделением в составе войскового штаба (РГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 82. Л. 44-45об.) (причем намного уступающим по статусу руководителя и количеству служащих двум основным), так и отдельным управлением, подчиненным войсковому штабу, но непосредственно в его состав не входящим (РГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 82. Л. 185об.). Как бы там ни было, основные отделения войскового штаба управлялись старшими адъютантами, каждому из которых помогало по 2 столоначальника. К сожалению, росписи писарей по отделениям мы не обнаружили, но всего в них числилось 14 старших и 22 младших писаря. В состав отделений не входили и непосредственно начальнику штаба подчинялись его личные адъютант и помощник, обер-аудитор, 2 аудитора, секретарь, бухгалтер, архивариус, журналист, медик и чиновники, занятые местными частями (делопроизводитель, старший и 2 младших писаря) (РГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 82. Л. 177-185).

Территория Донского войска в военном отношении была разделена на четыре отдела, во главе которых стояли атаманы, назначающиеся из служивых генералов (РГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 82. Л. 6). При каждом из них функционировало полноценное управление, в составе старшего адъютанта, помощника атамана, 3 военных приставов, ветеринара, 3 старших и 6 младших писарей (из них 2 составляли особый орган, отвечающий за контроль станичных табунов). При первом отделе для обеспечения нужд местного коннозаводства состояли дополнительный офицер и старший писарь (РГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 82. Л. 180-183). Управления отделов полностью отвечали за военную часть подотчетных им территорий, составляя списки льготных казаков и формируя из них по мере необходимости строевые полки.

Некоторые сферы военной администрации были выведены из этой системы и подведомственны особым органам, подчиненным как войсковому штабу, так и непосредственно атаману. При войском штабе функционировало управление конными заводами, в котором служило 2 столоначальника, ветеринарный лекарь, 4 старших и 8 младших писарей, а так же комиссия военного суда, включающая в себя презуса, аудитора и 4 ассессоров (РГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 82. Л. 178-179). Непосредственно атаману подчинялись управление донской артиллерии, из начальника артиллерии, его адъютанта, аудитора, ветеринарного врача, 2 старших и 2 младших писарей (РГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 82. Л. 183об) и войсковая врачебная управа (РГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 82. Л. 1). Начальнику артиллерии традиционно подчинялся войсковой арсенал (РГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 82. Л. 10), в котором, кроме смотрителя, работали его помощник и писарь (РГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 82. Л. 184об).

К 1867 г. эти органы уже не справлялись с поставленными перед ними задачами. Даже общее число годных к службе казаков не было точно известно. Местные власти жаловались, что часть больных продолжает числиться годными к службе, и учитывается при расчетах общего людского резерва Донского войска (РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 1937. Л. 2-3). Кроме того, формальная роспись чиновников по различным властным органам давно не соответствовала их реальным потребностям и превратилась в фикцию. Например, не было понятно, почему из хозяйственной части было отдельно выделено управление конными заводами, в котором, считая подведомственных ему особых писцов в управлениях отделов, отвечавших за станичные табуны, служило почти столько же чиновников, сколько во всем втором отделении войскового штаба. Зато упомянутый выше орган неясного статуса, ответственный за местные войска, задыхался от избытка работы. Его возглавлял не делопроизводитель, а офицер, которому в подчинение, помимо 3 штатных писарей, было дано 6 дополнительных, на бумаге приписанных к другим инстанциям. Несмотря на это, рабочих рук не хватало, и с управлением местными частями войсковой штаб «не справлялся совершенно» (РГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 82. Л. 44-45об). Дело в том, что войсковые, окружные и станичные власти широко использовали внутреннюю службу казаков, и в 1867 г. на ней состояло около 6 000 человек (РГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 82. Л. 52). Их труд оплачивался далеко не всегда, что способствовало невероятному росту числа вакансий: так, при новочеркасских присутственных местах помимо сторожей и дворников работал даже «смотритель за освящением коридоров» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 1168. Л. 18).

В подобных условиях авторы «Проекта положения о военном управлении в Войске Донском» предложили серьезно перестроить систему военного управления, ликвидируя ненужные органы и создавая новые, абсолютно необходимые. Отдельное управление конными заводами было предложено упразднить, передав его функции войсковому штабу (РГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 82. Л. 3а). Зато, по примеру военных округов, предполагалось ввести должность начальника местных войск, подчиненного напрямую атаману, и осуществляющего свою деятельность, аналогично начальнику донской артиллерии, с помощью отдельного управления, независимого от войскового штаба, а так же одного на весь регион воинского начальника (РГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 82. Л. 18-19). Впрочем, из-за финансовых соображений структура вышла гораздо более запутанной: донские чиновники понимали, что Военное Министерство не захочет утверждать новые генеральские должности с высокими окладами, и сочли возможным на первое время возложить обязанности начальника местных войск на начальника войскового штаба, а воинского начальника на атамана первого отдела.

«Проект положения о военном управлении в Войске Донском» предполагал так же создание независимого от войскового штаба медицинского управления. Следует отметить, что история врачебного дела на Дону остается недостаточно изученной. Судя по недавно опубликованной работе А.В. Захаревича, ситуация с медицинским обеспечением в донских полках идеализировалась отдельными исследователями, считавшими, что казакам хватало традиционной медицины и крепкого от природы здоровья. По его расчетам, в некоторые годы потери строевых частей из-за болезней достигали 10 % (Захаревич, 2016: 61). Хотя современный историк пишет о начале XIX в., к 1867 г. ситуация принципиальным образом не поменялась, и при подготовке военной реформы 1870 г. «недостаток медицинской помощи» был включен в число основных проблем строевых частей, причем одной из причин этого называлось малое число медицинских чинов по войску в целом (РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 1937. Л. 4). Создание полноценного медицинского управления и введение должности назначаемого высочайшим указом войскового медицинского инспектора, отвечающего за количество военных медиков, могло, очевидно, способствовать разрешению этой традиционной для Донского войска проблемы (РГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 82. Л. 12-13).

Для остальных органов комитет из донских офицеров и чиновников предложил уточнить круг обязанностей, приводя их в соответствие с реальными потребностями войска. Например, к 1860 г. стала очевидной необходимость введения специальной подготовки молодых казаков (И.К., 1865: 73-89). И в «Проекте положения о военном управлении в Войске Донском» военному обучению было уделено много внимания. Общий контроль за ним был возложен на начальника войскового штаба, обязанного лично с этой целью инспектировать военные отделы, назначать места для ежегодных учений, и присутствовать на смотрах выходящих на службу частей (РГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 82. Л. 4). Помогать ему в этом должны были атаманы отделов, которым предписывалось «иметь неослабный надзор за обучением молодых казаков» (РГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 82. Л. 8). Перед органами военного управления были поставлены и другие новые задачи, для более эффективного решения которых со временем предполагалось пересмотреть и их штат. Таким образом, местные власти рассчитывали, что принятие «Проекта положения о военном управлении в Войске Донском» не только приблизит управление Донским войском к военно-окружной системе, но и будет способствовать решению давно накалившихся административных проблем.

22 августа 1867 г. документация по проекту реформы военного управления была отправлена в Санкт-Петербург (РГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 82. Л. 1). Однако там дело замедлилось: различные инстанции не слишком торопились высказать свое мнение по его поводу. Подобная ситуация вообще была характерна для исходящих из Новочеркасска инициатив. Например, проект школы донских артиллерийских урядников, отправленный с Дона в декабре 1868 г., изучался в Главном Артиллерийском Управлении до 1870 г., и только затем был возвращен назад для доработки (Перегатько, 2016: 109-116). «Проект положения о военном управлении в Войске Донском» постигла еще более печальная участь. Большая часть содержащихся в нем предложений встретила сочувствие в Военном Министерстве, но Главный Штаб выступил категорически против учреждения особого управления местных войск. Его содержание было сочтено слишком дорогим, и Главный штаб предложил новой инстанции не создавать, введя вместо нее очень маленькое (1 старший адъютант, делопроизводитель и 5 писарей) третье отделение войскового штаба, а так же специальные отделения местных войск при окружных управлениях, по 2 писаря в каждом (РГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 82. Л. 39-40).

Замечания Главного Штаба были отправлены на Дон только в марте 1868 г., и А.Л. Потапов уже не успел ответить на них. 2 марта 1868 г. он был назначен вилениским генерал-губернатором, а на посту донского атамана его сменил М.И. Чертков. А.А. Карасев, современник интересующих нас событий и известный донской краевед, характеризовал нового атамана как умного и либерального человека. К тому же тот прибыл на Дон не с военной или полицейской службы, как обычно бывало: несмотря на молодость, М.И. Чертков имел серьезный административный опыт в качестве воронежского и волынского губернатора. По мнению А.А. Карасева, он мог стать выдающимся руководителем, но его недостатки были так же серьезны, как и достоинства. Главнейшим из них был nepoтизм, огромное влияние, которое оказывали на атамана его родственники и друзья. Несмотря на это, в целом А.А. Карасев считал деятельность М.И. Черткова, проведенного на Дону судебную реформу, организовавшего празднование трехсотлетнего юбилея войска и подготовившего создание земских

учреждений, вполне удачной (Карасев, 1899: 106-116). Другой современник атамана, Б.М. Калинин, подчеркивал трудолюбие М.И. Черткова, его внимание к предложениям подчиненных и открытость к дискуссиям, однако и он не прошел мимо влияния на атамана личных симпатий и антипатий. Приводятся им и примеры вмешательства М.И. Черткова в дела, в которых атаман мало смыслит, и скорее вредил, чем помогал решению проблем своей активностью (Калинин, 1907: 200-211).

Официальные документы действительно рисуют М.И. Черткова весьма своеобразным человеком, специфически относящимся к своим обязанностям: например, на полях жалобы начальника донской артиллерии на отсутствие средств для проведения военно-научных офицерских собраний он оставил запись, рекомендуя неофициально сдавать казакам в аренду земли, находящиеся в пользовании артиллерийского ведомства (Калинин, 1907: 203-204). В другой раз он вообще прямо посоветовал артиллеристам исходить не из желаемого, положенного и допустимого в регулярной армии, но из целесообразного в условиях Донского войска с его ограниченным финансированием (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 911. Л. 8-10). Как мы увидим, специфика личности М.И. Черткова и его склонность к решению проблем с помощью порой неортодоксальных, но эффективных методов оказали влияние и на дальнейшую судьбу «Проекта положения о военном управлении в Войске Донском».

Смена атамана не способствовала быстрому ответу на замечания Главного Штаба. Только в июне 1868 г. М.И. Чертков выступил за сохранение первоначального проекта. Особую критику с его стороны вызвало предложение распределить чиновников, управляющих местными командами, между войсковым штабом и управлениями отделов, вместо создания отдельного органа. По мнению атамана, координация действий между этими институциями потребовала бы такой обширной переписки, что немногочисленные новые писари оказались бы заняты главным образом ей, а не своими основными обязанностями (РГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 82. Л. 45-46об). Впрочем, Главный Штаб эти аргументы не убедили, и достаточно медленная доводка «Проекта положения о военном управлении в Войске Донском» продолжилась уже с соответствующими изменениями. Документ продолжал путешествовать по инстанциям, которые вносили в него незначительные бюрократические правки (РГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 82. Л. 68-69).

Тем временем М.И. Чертков развернул достаточно активную деятельность: ссылаясь на настоятельную необходимость разрешения разного рода локальных управленческих проблем, он регулярно обращался в Военное Министерство, прося о введении в действие отдельных параграфов «Проекта положения о военном управлении в Войске Донском» до его окончательного утверждения (РГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 82. Л. 87). Мы не располагаем полными сведениями о том, какие именно преобразования и в каком порядке были проведены, но к 1872 г. большая часть «Проекта положения о военном управлении в Войске Донском» была реализована таким образом (РГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 82. Л. 205).

Подобное развитие событий вполне устраивало донского атамана, в отличие от возможного утверждения «Проекта положения о военном управлении в Войске Донском» с поправками Главного Штаба. Поэтому 27 октября 1870 г. М.И. Чертков внезапно затребовал этот документ обратно для доработки (РГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 82. Л. 76-79). Между тем работа над «Проектом положения о военном управлении в Войске Донском» в центральном аппарате Военного Министерства как раз приблизилась к завершению. Главный Штаб с Главным Управлением Иррегулярных Войск выступили категорически против нового пересмотра документа, неизбежно откладывающего его передачу на рассмотрение Военным Советом и императором на неопределенный срок (РГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 82. Л. 86-88). Определяющей оказалась позиция лично военного министра, Д.А. Милютин, который вопреки мнению Главного Штаба распорядился вернуть проект на Дон (РГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 82. Л. 92-96).

Но на самом деле заниматься его доработкой М.И. Чертков не собирался. Судя по всему, обязанности существующих управлений и войскового штаба уже были приведены в соответствие с этим документом. От формирования военно-медицинского управления к 1870 г. отказались, решив придать донской медицине гражданский, а не военный характер (РГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 82. Л. 78об). Оставалось решить только два вопроса: о изменении штатов, рассчитанных еще в соответствии со старым кругом обязанностей, и о том, как все-таки должно выглядеть управление местными командами. Донской атаман предпочел составить для решения этих вопросов новые проекты, а не дорабатывать частично реализованный старый, в который, к тому же, Главный Штаб внес категорически не устраивавшие его дополнения.

М.И. Чертковым были выдвинуты новые аргументы в пользу необходимости реформы местных команд. Он предлагал не ограничиваться системой их управления, но значительно увеличить численность местных частей, приближая в этом отношении Область Войска Донского к военному округу. В частности, атаман обращал внимание на то, что для обеспечения порядка в Новочеркасске необходимы две сотни казаков. От того, что Военное Министерство этого не признавало, менее необходимыми они не становились: просто на подобную службу отрывалось две сотни из Новочеркасского учебного полка, что мешало ему выполнять свое прямое назначение по подготовке новобранцев (РГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 82. Л. 100-101). В округах дело обстояло еще хуже: постоянные местные части в каждом из них состояли только из охраны острога (3 урядника и 33 казака) и охраны казначейства (1 урядник и 12 казаков)

(РГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 82. Л. 99-100). Для выполнения других обязанностей формировались временные отряды из живущих в станицах казаков внутренней службы. В.Д. Новицкий, чиновник для особых поручений при М.И. Черткове, в своих воспоминаниях дал яркую картину злоупотреблений станичных властей, возможных благодаря подобной системе. Так, арестанты на территории Донского войска фактически конвоировались женщинами, поскольку попыток побега не было уже десять лет. Однако станичные атаманы регулярно требовали от казаков исполнения конвойной службы, в расчете на получение взятка за освобождение от нее. По мнению В.Д. Новицкого, общий объем этих взяток намного превосходил сумму, необходимую для учреждения постоянных конвойных частей (Новицкий: 1991, 48-70). Исходя из этого, М.И. Чертков предлагал привести в соответствие с военно-окружной системой не только на органы управления местными командами Донского войска, но и на сами эти команды. Он считал безусловно необходимым введение отдельной должности начальника местных войск, которому подчинялись бы полноценная Областная команда в составе 314 человек и 6 Окружных команд по 72 человека в каждой (РГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 82. Л. 124об).

Предложения М.И. Черткова заинтересовали Д.А. Милютина, и он даже лично обсуждал представленный проект с начальником Главного Управления Иррегулярных Войск А.П. Богуславским (РГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 82. Л. 139). Тем не менее, документ был отвергнут, причем главной причиной этого была названа ожидаемая общеимперская реформа местных команд и передача их в ведение МВД. Кардинальные преобразования внутренней службы в Донском войске следовало проводить в соответствии с этой реформой, но поскольку ее проекта еще не существовало, М.И. Черткову было предложено действовать в привычном стиле: атаману предписывалось решать отдельные затруднения по управлению местными войсками на свое усмотрение, не трогая пока их системы в целом (РГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 82. Л. 150-151).

М.И. Чертков вполне воспользовался данным разрешением. Во все округа были командированы офицеры, получившие от атамана права, аналогичные командирам уездных команд (РГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 82. Л. 290-292). В связи с пересмотром штатов по военному управлению Донским войском, о котором мы будем подробнее писать ниже, М.И. Чертков удалось добиться одобрения Военным Советом нового штата канцелярии местных войск (правитель канцелярии, 3 делопроизводителя, 4 старших писаря, 8 младших писарей (РГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 82. Л. 163об, 232). В округах были сформированы дополнительные постоянные подразделения для несения караульной службы (РГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 82. Л. 290-292). Однако в вопросе о создании отдельной должности начальника местных войск Военное Министерство осталось непреклонным, и его обязанности продолжал исполнять начальник войскового штаба (РГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 82. Л. 232).

Введение новых штатов, необходимых для выполнения органами военного управления нового круга обязанностей, вызывало куда меньше затруднений. Еще до возврата «Проекта положения о военном управлении в Войске Донском» обратно на Дон, 11 января 1871 г., М.И. Чертков добился фактической отмены их прежних штатных расписаний. Войсковой администрации было разрешено внести в расходы войска особую статью: жалование чиновникам, служащим сверх штата в тех инстанциях, чей формальный состав не соответствовал реальным потребностям войска (РГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 82. Л. 282). К 20 ноября того же года на Дону было разработано новое штатное расписание, причем атаман подчеркивал, что оно носит универсальный характер, и может быть принято независимо от хода всех прочих реформ (РГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 82. Л. 152об).

Хотя основой для этого предложения послужил «Проект положения о военном управлении в Войске Донском», М.И. Чертков счел его недостаточно радикальным и дополнил рядом важнейших предложений. Прежде всего, он рекомендовал выделить из инспекторского отделения отделение строевое, которое отвечало бы за выход на службу донских полков (руководить им, как и другими отделениями, должен был старший адъютант) (РГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 82. Л. 156об). Вместо должности столоначальника вводилась должность помощника старшего адъютанта (по одному в строевом и инспекторском отделах и 2 в хозяйственном). Штат чиновников, напрямую подчинявшихся начальнику штаба, почти не менялся, только журналиста предлагалось заменить помощником бухгалтера, и ввести, в связи с упразднением управления конных заводов и подчинением их напрямую войсковому штабу, особую должность ветеринарного медика. Зато довольно существенно менялось расписание писцов: предполагалось иметь 18 старших и 20 младших. М.И. Чертков считал неправильным, что войсковой арсенал, где хранились далеко не только артиллерийские припасы, находится под контролем начальника донской артиллерии. Он предлагал вместо должности смотрителя войскового арсенала ввести две должности, смотрителя войсковых и смотрителя артиллерийских складов, без какой-либо личной канцелярии. Смотритель артиллерийского склада зачислялся бы в штат управления начальника войсковой артиллерии, а смотритель войскового склада непосредственно в войсковой штаб (РГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 82. Л. 155-170).

Серьезным изменениям должны были подвергнуться и управления при войсковом штабе. Управление конными заводами, как и предлагалось в «Проекте положения о военном управлении в Войске Донском» упразднилось. При комиссии военного суда формировалась собственная канцелярия в составе старшего и 2 младших писарей, чтобы на делопроизводство в этом органе не отвлекались писари из других институций. Наконец, канцелярия местных войск окончательно утверждалась именно в статусе управления при войсковом штабе (РГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 82. Л. 162-163об).

Что касается управлений отделов, то в них к атаману, старшему адъютанту, помощнику атамана и 3 военным приставам добавлялся медик. Число писарей серьезно увеличивалось, очевидно, для улучшения столь проблемного делопроизводства на местах: теперь в каждом управлении должно было быть 2 старших и 10 младших писарей (и еще 2 дополнительных писаря в первом отделе). Специальные органы для контроля за станичными табунами при этом упразднились (РГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 82. Л. 165-183). Без серьезных изменений, не считая введения должности смотрителя артиллерийского склада, должен был остаться только штат начальника донской артиллерии, однако против этого выступило Главное Артиллерийское Управление, рекомендовавшее ввести должность помощника адъютанта начальника донской артиллерии (РГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 82. Л. 201-202).

Изменения в проекте касались не только численности чиновников, но и их окладов. М.И. Чертков считал, что жалование военным администраторам неоправданно занижено: в гражданском правлении Донского войска платили существенно больше (РГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 82. Л. 198). Поэтому донской атаман предложил повысить выплаты военным чиновникам на 35 029 руб., доведя их общую сумму за год до 88 972 руб., при том, что с упразднением управления конными заводами общее число служащих по военному управлению Донского войска даже немного сократилось (РГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 82. Л. 190-196).

Когда 24 февраля 1872 г. новое штатное расписание органов военного управления дошло до Военного Совета, было уже ясно: «Проект положения о военном управлении в Войске Донском» утратил всякую актуальность. Большая часть его положений, как мы писали выше, де-факто была уже выполнена, и не было нужды заново начинать проработку столь серьезного документа, требующую согласования во множестве органов. Было решено считать, что на Донское войско просто распространилась военно-окружная система, и необходимости в утверждении отдельного проекта его военного управления нет. Поскольку окончательная реформа местных команд откладывалась на неопределенный срок, до общеимперской реформы, именно введение нового штатного расписания в Военном Министерстве видели завершением преобразований системы военного управления Донского войска. Все инстанции были заинтересованы в его быстрейшем принятии, и уже 22 апреля 1872 г. оно было утверждено Военным Советом, а 6 мая введено в действие для всех органов, кроме управления местных войск, формирование которого по финансовым причинам затянулось до 31 января 1874 г. (РГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 82. Л. 232-238, 311, 334).

5. Заключение

Мы убедились, что реформа военного управления Донским войском 1866–1874 гг. далеко не сводилась к распространению на него военно-окружной системы. Целый ряд инстанций, обязательных в военных округах, никто даже не пытался организовывать на Дону. А обязанности существующих органов приобрели особую, сугубо донскую специфику, связанную с особой казачьей системой службы. По ряду вопросов против распространения на Донское войско военно-окружной системы выступило само Военное Министерство. В итоге был разработан особый документ, «Проект положения о военном управлении в Войске Донском», ставший, с коррективами М.И. Черткова и центрального аппарата Военного Министерства, основой для преобразований.

Но полуправда о том, что на Донское войско просто была распространена военно-окружная система, в 1872 г. была выгодна всем заинтересованным сторонам. Поскольку прийти к компромиссу по вопросам организации местных команд не удалось, «Проект положения о военном управлении в Войске Донском» так и не был утвержден. С другой стороны, большая часть остальных его параграфов к этому времени уже была введена в действие. Документ был возвращен на Дон для доработки, на его новое согласование во всех инстанциях Военного Министерства могли уйти годы, а в ближайшее время все равно планировалась общеимперская реформа местных команд, с распространением которой на Донское войско была бы решена последняя серьезная проблема его военного управления. Поэтому было принято решение считать реформу законченной без принятия какого-либо общего документа, обосновывая это именно тем, что на Донское войско «просто» была распространена военно-окружная система.

Литература

Волвенко, 1998 – Волвенко А.А. Земская реформа в Области Войска Донского (1864–1882) // Государственная власть и местное самоуправление. 1998. № 1. С. 49-56.

Волвенко, 2014 – Волвенко А.А. Донское казачье войско во второй половине XIX в. – начале XX в. // Очерки истории и культуры казачества Юга России: коллективная монография. Волгоград, 2014. С. 190-215.

Волошина, 2006 – Волошина Е.Е. Донское казачество в русско-турецкой войне 1877-1878 гг.: историографический аспект // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2006. № 2. С. 30-40.

Волошина, 2014 – Волошина Е.Е. Действия донских казаков в первых боевых операциях русской армии в период русско-турецкой войны 1877-1878 гг. // Гуманитарные и социальные науки. 2014. №2. С. 971-975.

ГАРО – Государственный архив Ростовской области.

- Зайончковский, 1952** – Зайончковский П.А. Военные реформы 1860–1870 гг. в России. М., 1952. 370 с.
- Захаревич, 2016** – Захаревич А.В. Медицинская служба на Дону и оказание медпомощи донским казакам на Кавказской линии в 1801–1816 гг. // *Рубикон*. Вып. 68. 2016. С. 49-71.
- И.К., 1865** – И.К. Обучение молодых казаков в Донском войске // *Военный сборник*. 1865. № 1. С. 73-89.
- Калинин, 1907** – Калинин Б.М. Материал для истории Донской артиллерии. Новочеркасск, 1907. 274 с.
- Карасев, 1899** – Карасев А.А. Донские атаманы за последние полвека // *Русский архив*, 1899. Кн. 2. Вып. 5. С. 106-116.
- Карпенко, 2006** – Карпенко А.Н. Особенности проведения военной реформы в Области Войска Донского во 2-й половине XIX века // *Российское казачество: проблемы истории и современность* (к 310-й годовщине Кубанского казачьего войска). Краснодар, 2006. С. 96-99.
- Новицкий, 1991** – Новицкий В.Д. Из воспоминаний жандарма. М., 1991. 250 с.
- Перетяцько, 2014** – Перетяцько А.Ю. Военная организация и военное управление Области Войска Донского во второй половине XIX в. Ростов-на-Дону, 2014. 236 с.
- Перетяцько, 2016** – Перетяцько А.Ю. Военное обучение донских казаков перед русско-турецкой войной 1877-1878 гг.: создание школы урядников-артиллеристов и преобразование класса донских урядников // *Юг России и сопредельные страны в войнах и военных конфликтах*. Ростов-на-Дону, 2016. С. 109-116.
- Пронштейн, 1981** – Пронштейн А.П., Гаврилова В.Е. Документы по истории Донского казачества (Обзор фонда Войскового штаба войска Донского) // *Архивы – общественным наукам*. Сборник обзоров. Вып. 2. Ростов-на-Дону, 1981. С. 5-37.
- РГВИА** – Российский государственный военно-исторический архив.
- Скорик, 2016** – Скорик А.П. Проведение мобилизации казачьих полков накануне и в начале русско-турецкой войны 1877-1878 гг. (на примере 36 Донского казачьего полка) // *Юг России и сопредельные страны в войнах и вооруженных конфликтах*. Ростов-на-Дону, 2016. С. 116-123.
- Столетие, 1902** – Столетие военного министерства. 1802-1902. Т. XI. Ч.1. СПб., 1902. 973 с.
- Тикиджьян, 2013** – Тикиджьян Р.Г. Модернизационные реформы 60–70-х гг. XIX в. в России и деятельность «Донского кодификационного комитета» // *Слава престолу, честь для себя*. Ставрополь, 2013. С. 279-288.
- Тикиджьян, 2016** – Тикиджьян Р.Г. Военная организация и военная служба донских казаков в контексте российской модернизации второй половины XIX – начала XX вв.: актуальные проблемы изучения // *Юг России и сопредельные страны в войнах и вооруженных конфликтах*. Ростов-на-Дону, 2016. С. 101-109.

References

- Volvenko, 1998** – Volvenko A.A. Zemskaja reforma v Oblasti vojska Donskogo (1864-1882) [Zemskaja reform in the Don Host Oblast (1864-1882)] // *State power and local self-government*. 1998. № 1. Pp. 49-58 [in Russian].
- Volvenko, 2014** – Volvenko A.A. Donskoe kazach'e vojsko vo vtoroj polovine XIX v. – nachale XX v. [Don Cossacks in the second half of the XIX century – early XX century] // *Essays on the history and culture of the Cossacks of Southern Russia: collective monograph*. Volgograd, 2014. Pp 190-215 [in Russian].
- Voloshina, 2006** – Voloshina E.E. Donskoe kazachestvo v russko-tureckoj vojne 1877-1878 gg.: istoriograficheskiy aspekt [Don Cossacks in the Russian-Turkish War of 1877-1878 .: historiographical aspect] // *University News. North-Caucasian Region. Social Sciences Series*. 2006. № 2. Pp. 30-40 [in Russian].
- Voloshina, 2014** – Voloshina E.E. Dejstvija donskih kazakov v pervyh boevyh operacijah russkoj armii v period russko-tureckoj vojny 1877-1878 gg. [Activities of the Don Cossacks in the first military operations of the Russian army during the Russian-Turkish War of 1877-1878] // *Humanities and Social Sciences*. 2014. №2. Pp. 971-975 [in Russian].
- GARO** – State archive of the Rostov region.
- Zaionchkovskii, 1952** – Zaionchkovskii P.A. Voennye reformy 1860-1870 gg. v Rossii [Military reforms 1860-1870 in Russia]. М., 1952. P. 370 [in Russian].
- Zaharevich, 2016** – Zaharevich A.V. Medicinskaja sluzhba na Donu i okazanie medpomoshhi donskim kazakam na Kavkazskoj linii v 1801-1816 gg. [Medical service on the Don and the provision of medical aid to the Don Cossacks on the Caucasian line in the 1801-1816] // *Rubicon*. 2016. Vol. 68. Pp. 49-71 [in Russian].
- I.K., 1865** – I.K. Obuchenie molodyh kazakov v Donskom vojske [Training of young Cossacks from the Don] // *Voennyi Sbornik*. 1865. №1. Pp. 73-89 [in Russian].
- Kalinin, 1907** – Kalinin B.M. Material dlja istorii Donskoj artillerii [The material for the history of the Don artillery]. Novocherkassk, 1907. P. 274 [in Russian].
- Karasev, 1899** – Karasev A.A. Donskie atamany za poslednie polveka [Don ataman over the past half-century] // *Russkii arkhiv*. Bk. 2. Vol. 5. Pp. 106-116 [in Russian].
- Karpenko, 2006** – Karpenko A.N. Osobennosti provedenija voennoj reformy v Oblasti Vojska Donskogo vo 2-j polovine XIX veka [Features of the military reform in the Don Oblast Host in the 2nd half of

XIX century] // The Russian Cossacks: problems of the history and the present (to the 310th anniversary of the Kuban Cossack). Krasnodar, 2006. Pp. 96-99 [in Russian].

Novickij, 1991 – Novickij V.D. Iz vospominanij zhandarma [From policeman memories]. M., 1991. [in Russian].

Peretjat'ko, 2014 – Peretyatko A.Y. Voennaja organizacija i voennoe upravlenie Oblasti Vojska Donskogo vo vtoroj polovine XIX veka [The military organization and military management of Don Host Oblast in the second half of the 19th century]. Rostov-on-Don, 2014. P. 236 [in Russian].

Peretjat'ko, 2016 – Peretyatko A.Y. Voennoe obuchenie donskih kazakov pered russko-tureckoj vojnoj 1877-1878 gg.: sozdanie shkoly urjadnikov-artilleristov i preobrazovanie klassa donskih urjadnikov [Military education the Don Cossacks before the Russian-Turkish War of 1877-1878: the establishment of the school sergeant-gunners and transformation of the class of Don sergeant] // The South of Russia and Neighboring Countries in Wars and Armed Conflicts. Rostov-on-Don, 2016. Pp. 109-116 [in Russian].

Pronshtejn, 1981 – Pronshtejn A.P., Gavrilova V.E. Dokumenty po istorii Donskogo kazachestva (Obzor fonda Vojskovogo shtaba vojska Donskogo) [Documents on the History of the Don Cossacks (Review of Fund of the vojskovoju shtab of Don Cossacks)] // Archives - the social sciences. Collection of reviews. Vol. 2. Rostov-on-Don, 1981. Pp. 5-37 [in Russian].

RGVIA – Russian state military and historical archive.

Skorik, 2016 – Skorik A.P. Provedenie mobilizacii kazach'ih polkov nakanune i v nachale russko-tureckoj vojny 1877-1878 gg. (na primere 36 Donskogo kazach'ego polka) [The mobilization of Cossack regiments before and during the beginning of the Russian-Turkish War of 1877-1878 (in example 36 Don Cossack regiments)] // The South of Russia and Neighboring Countries in Wars and Armed Conflicts. Rostov-on-Don, 2016. Pp. 116-123 [in Russian].

Stoletie, 1902 – Stoletie Voennogo ministerstva 1802-1902 [Century of the Ministry of Defence of 1802-1902]. T.11. Ch.1. SPb., 1902. P. 973 [in Russian].

Tikidzh'jan, 2013 – Tikidzh'jan R.G. Modernizacionnye reformy 60-70-h gg. XIX v. v Rossii i dejatel'nost' «Donskogo kodifikacionnogo komiteta» [Modernization reforms 60-70-ies XIX century. in Russia and the activities of "Don codification committee"] // The glory for the throne, the honor for himself. Stavropol, 2013. Pp. 279-288 [in Russian].

Tikidzh'jan, 2016 – Tikidzh'jan R.G. Voennaja organizacija i voennaja sluzhba donskih kazakov v kontekste rossijskoj modernizacii vtoroj poloviny XIX – nachala XX vv.: aktual'nye problemy izuchenija [Military organization and military service of the Don Cossacks in the context of russian modernization of the second half of XIX - early XX centuries] // The South of Russia and Neighboring Countries in Wars and Armed Conflicts. Rostov-on-Don, 2016. Pp. 101-109 [in Russian].

УДК 93/94

Реформа военного управления Донским войском в 1866–1874 гг.: реализация проекта, который никогда не был утвержден

Артем Юрьевич Перетятко ^{a, b, *}

^a Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Российская Федерация

^b Восточно-европейское историческое общество, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена реформе военного управления Донским войском в 1866–1874 гг. На основании анализа архивных материалов и свидетельств современников автор показывает, что традиционное утверждение о распространении на Донское войско военно-окружной системы не вполне верно. Был разработан специальный «Проект положения о военном управлении в Войске Донском», согласно которому военная администрация в донском регионе существенно отличалась от обычной военной администрации военного округа. Большая часть положений данного документа была реализована, но спор вокруг системы управления местными командами воспрепятствовал его официальному утверждению. Результатом исследования является вывод о том, что реформа была разработана местной администрацией, а не Военным министерством, и должна была решить имеющиеся проблемы военного управления Донским войском.

Ключевые слова: Область Войска Донского, Военное Министерство, войсковой штаб, военное управление, А.Л. Потапов, М.И. Чертков.

* Корреспондирующий автор

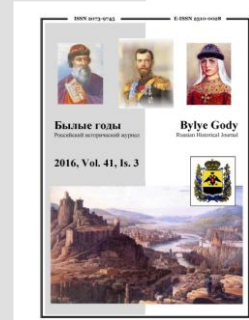
Адреса электронной почты: ArtPeretatko@yandex.ru (А.Ю. Перетятко)

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 41, Is. 3, pp. 753-760, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 930(470):94(574)

Kazakh-Dzhungarian relations in the works of the pre-revolutionary Russian scientists

Turganzhan Tulebaev ^{a,*}, Nurgul Kurmanalina ^a, Gulzira Seksenbayeva ^a, Dosbol Baygunakov ^b

^a Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan

^b U. Zholdasbekov Academy of Economics and Law, Kazakhstan

Abstract

The article is devoted to the pre-revolutionary Russian historiography on the issue regarding Kazakh-Dzhungarian relations. The Dzhungarian factor was particularly important event in the history of the Late Middle Ages in Asia, partially in Europe. This is due to the fact that the powerful nomadic state played the particular role in the foreign policy. The relationship of the country with Kazakh people who inherited a vast territory was not uninteresting. The military state of Dzhungaria led the aggressive policy towards Central Asia, especially it was hard for Kazakh zhuzes who experienced numerous invasions by them. From the chronological point of view the post-Soviet historiography on this issue can be divided into three main stages: pre-revolutionary, Soviet and post-Soviet or modern, which in turn is divided by territorial demarcation. Among these the pre-revolutionary Russian historiography stands out for its special features.

In view of the above-mentioned in this scientific article the subject of historiographical research is the pre-revolutionary Russian intellectuals' works. In the works of the pre-revolutionary Russian writers a variety of information on the history and international relations of the people of Central Asia are covered, including Kazakh-Dzhungarian relationship. These intellectuals of their age played the role of a pioneer in bringing the facts written on Kazakh-Dzhungarian relations. Consequently, the data presented in the works of the Russian scientists of the pre-revolutionary period are very valuable and important in the historiography of Kazakh-Dzhungarian relations as they are a solid foundation in the study of this issue. In these multiple works the authors introduced into scientific circulation the most significant materials on the problem under consideration and came up with different conceptual and interesting findings.

Keywords: historiography, Kazakh-Dzhungarian relations, the pre-revolutionary Russian scientists, the facts, the concept.

1. Введение

Испокон веков Центральная Азия являлась ареалом разнообразных исторических процессов, где соприкасались общие культурные, исторические и экономические интересы между центральноазиатскими и соседствующими с ними странами, каждый из которых претендовал на ключевую роль в этом регионе. Не исключением является период позднего средневековья, когда шло формирование Казахского ханства, а его сосед, быстро развивающееся Джунгарское государство, уже в эту пору достигает своего могущества. Последнее играло особо важную геополитическую роль в данном пространстве. В отношениях двух кочевых народов превалировали частые военные конфликты. Достаточная информация о военных походах содержится в трудах дореволюционных российских авторов, которые являются важными письменными свидетельствами в этих исследованиях. Сведения, приведенные в работах российских авторов дореволюционного периода, являются информативными, так как они служат своего рода фундаментом в исследовании данного вопроса. Научная статья посвящена дореволюционной историографии казахско-джунгарских двусторонних взаимоотношений.

* Corresponding author

E-mail addresses: tur-07@mail.ru (T. Tulebaev), nurgulca@mail.ru (N. Kurmanalina), s.gulzira@mail.ru (G. Seksenbayeva), dosbol_bs@mail.ru (D. Baygunakov)

2. Материалы и методы

В данной статье авторы использовали в качестве историографического источника в основном разного содержательного уровня труды дореволюционных российских исследователей. Кроме того, в целях проведения более детального и всестороннего анализа и оценки проблемы, дополнительно охвачены значимые работы советских и постсоветских историков, зарубежная литература, касающиеся изучения выбранной проблемы.

Авторы, используя основные методы исследования исторической науки, которые наравне используются в историографических исследованиях, такие как сравнительный, типологический и структурный освещают основные аспекты дореволюционной российской историографии по вопросам казахско-джунгарских отношений. Рассмотрены и проанализированы выводы и заключения дореволюционных российских авторов по казахско-джунгарским взаимоотношениям, которые представлены в хронологическом порядке.

3. Обсуждение

Авторы дореволюционного периода, освещавшие историю казахско- джунгарских отношений позднего средневековья, по компетентности, и по должности были разными. Об этом правильно отмечал один из современных казахстанских историков: «...авторами работ были участники академических экспедиций, государственные деятели, профессиональные историки-востоковеды, чиновники губернских администраций, офицеры Генерального штаба...» (Кундакбаева, 2009: 6). Тем не менее, именно они по своей служебной деятельности освещали самые разные вопросы, касающиеся истории, культуры и быта народов, населявших обширную территорию, прилегавших к границам царской России. Вышеуказанные работы сегодня можно рассматривать в качестве неопценных и полноценных исторических источников, в которых освещены взаимоотношения казахского и джунгарского народов.

4. Результаты

Общезвестно, что джунгары стремились сформировать сильное централизованное и военное государство. А.И. Макшеев отмечает их весомую роль, которая частично влияла на геополитические преобразования Азии в XVII и первой половины XVIII вв. По его словам, джунгары были видными деятелями в истории Средней Азии XVII и первой половины XVIII в., по своим отношениям к Монголии, Тибету и Китаю на востоке; к русским в Сибири, и к киргиз-казакам на западе (Макшеев, 1890: 30). Могуществу ханства также способствовали деятельность несомненных лидеров джунгар, вышедших из среды своего народа. Как говорит В. Котвич: «Во главе ойратов появились один за другим весьма энергичные ханы: Галдан (1671–1697), Цэван-Рагтан (1697–1727), Галдан-Цэрен (1727–1745), которые преследовали широкие завоевательные планы. Они сумели далеко раздвинуть свои владения, присоединив к ним Восточный Туркестан...» (Котвич, 1914: 11). Численность войск Джунгарского ханства, если по мнению Б.М. Бакунина, собиралось до ста тысяч (Бакунин, 1995: 21), то согласно словам Н.Я. Бичурина: «Чжунгары могли выставлять до миллиона войск» (Иакинф, 1829: 159). Государство джунгар, отдавая приоритет захватнической политике, большое внимание уделяло совершенствованию военному делу.

Джунгарское ханство имело частые войны с кочевыми соседними ханствами, особенно с их конкурентами по образу жизни, казахами. Согласно описанию П. Рычкова: «К тому же по делам известно, что Киргисцы за реку Сарасу к Зюнгорской стороне толь далеко располагаются, ... случающиеся между обоими сими народами ссоры, дозволяют» (Рычков, 1762: 12).

Монголовед, автор монографии, посвященной истории Джунгарского ханства, И.Я. Златкин определяет период существования ханства с 1635 по 1758 г. (Златкин, 1983: 98), хотя некоторые исследователи относят время формирования кочевого государства на более поздний срок (Perdue, 2005: 104-105). Поддерживая выводы А.И. Златкина, считаем, что время формирования Джунгарского ханства относится к 1635 г., так как эту дату подтверждают и другие, привлекаемые нами источники.

И.Е. Фишер первым привел факт о крупном сражении между казахами и джунгарами, произошедшим в 1643 г. Многие исследователи описывая эту битву, ссылаются на работу данного автора. Считаем уместным привести довольно объемный отрывок из работы И.Е. Фишера: «...Богатырь Контайша, желая освободиться вдруг от сего тягостного неприятеля в означенном 1643 г. при помощи друзей своих собрал войско из пятидесяти тысяч человек состоящее, и с самого начала овладел двумя провинциями или народами, Алат-Киргизским и Токманским, которых до десяти тысяч считалось. Янгир Султан в скорости не мог собрать больше шестисот человек, но знал употреблять их с выгодою; ибо одной половине из них приказал окопаться шанцами в узком проходе. И как он думал, так и сделалось: Контайша наступил на шанцы, из которых храбро оборонялись; а между тем Янгир Султан напал на неприятеля с тылу, и винтовками своими произвел между тем такое поражение, что с неприятельской стороны до десяти тысяч человек на месте пало. В то же время другой татарский князь Ялантуш пришел на помощь Янгир Султану с двадцатью тысячами человек» (Фишер, 1774: 444-445). Анализируя известные на сегодняшний день исторические факты,

историк В.З. Галиев вводит конкретные данные о «Ялантуш князе». Он в своей монографии пишет: «Пришел на помощь из далекого Самарканда казахский батыр Жалантос, бывший Эмиром в Бухарском хантстве» (Галиев, 1998: 49). В истории Казахстана широка известна эта битва между казахами и джунгарами под названием «Орбулакская». Как отмечает В.З. Галиев: «...по данным казахских шежере (летопись) и народных преданий сражение состоялось в Джунгарском Ала-Тау, в местности Орбулак» (Галиев, 1998: 50). Это топонимическое название и легло в основу наименования данной битвы как «Орбулакская битва», которую в нынешние дни историческая общественность сравнивает с битвой 300 спартанцев.

Авторы единогласно замечают, что в начале XVIII в. положение казахского ханства было очень тяжелым. Например, А.И. Левшин отмечает: «...восстановленная Тявкою тишина недолго существовала между киргиз-казаками. Вскоре начались опять междоусобия, и соседственные народы не замедлили воспользоваться оными. С Запада стали нападать волжские калмыки, с севера – башкиры и сибирские казаки. Страшнее всех были с востока зюнгары, которыми владел тогда сильный хонтайдзи Галдан Цырен (Черен), не только заставивший трепетать всех кочующих соседей своих, но возбудивший внимание даже России и Китая» (Левшин, 1996: 165-166). Корнем причины такой ситуации явились внутренние междоусобицы казахов, которыми умело воспользовались соседние государства, особенно влиятельное к тому времени Джунгарское ханство. Слова В.Н. Витевского подтверждает этот факт: «...среди киргизов еще в начале XVIII в. Галиев начались междоусобия. Соседи киргиз, пользуясь этими междоусобиями, начинают теснить их со всех сторон: с юго-запада нападают калмыки, с севера – башкиры и сибирские казаки, а с востока главный враг киргизов владетель Зенгорский, Галдан-Церен» (Витевский, 1897: 134-135). М.А. Терентьев также отмечал: «Над киргизами собралась гроза: яицкие казаки, волжские калмыки и башкиры отбивали их от своих пастбищ и кочевков, а джунгары неотступно гнали их с одной кочевки на другую... Киргизы бегали ото всех, «как зайцы от борзых собак». Это их собственное сравнение» (Терентьев, 1906: 18). Эта известная цитата в точности описывала сложную ситуацию казахского народа той эпохи, поэтому данное высказывание часто встречается в работах других исследователей. Так, А.И. Левшин, указывая на усиление борьбы противоборствующими сторонами, писал: «Так говорил Тевкелеву при свидании с ним в Орской крепости в 1748 году знаменитый старшина Средней орды Букенбай, прибавляя: «Мы бегали тогда от калмыков, башкирцев, казаков сибирских и яицких как зайцы от борзых собак» (Левшин, 1996: 167).

В истории борьбы казахского народа против джунгарского нашествия особым событием является проведение съезда (курултай) в Каракумах в 1710 г., на котором было принято решение дать отпор врагу совместными усилиями всех трех жузов. В этом собрании особую роль сыграл батыр Букенбай, именно он, выступая с одухотворенной речью убедил народ сражаться с врагом на смерть совместными усилиями. Об этом важном решении казахов повествует некоторые российские дореволюционные ученые. Согласно мнению Я.П. Гавердовского, по окончании сейма: «Орды избрали в сие время султана Абулхаира, как старшего сына из фамилии ханской, а Букенбая благодарный народ провозгласил своим предводителем» (Гавердовский, 2007: 166). Уместно здесь также привести выводы В.Н. Витевского, который пишет: «...известный киргизский батыр Букенбай на сейме в Каракумах склонил народ к нападению на калмыков. Букенбай был избран в предводители восставших киргизов, а ханское достоинство было вручено Абулхаиру» (Витевский, 1897: 134-135). Как отмечено в трудах большинства авторов, результат всенародного съезда был положительным. По заключению историка Н.М. Маева: «На народном съезде в Каракумах известный батыр Букан-бай успел, однако же некоторое время одушевить своих соотечественников, и предводительствуя ими, разбил калмыков» (Маев, 1873: 416). Его выводы подтверждает В.Н. Витевский, свидетельствуя словами: «Калмыки действительно были побеждены, благодаря ловкости и изворотливости отважного батыра» (Витевский, 1897: 135).

Общеизвестно, что в 1717 г. была договоренность о взаимопомощи между казахами и русскими, которая впоследствии не осуществилась по ряду причин. По мнению А.И. Левшина, по приказу царя, сибирский губернатор Гагарин должен был помочь казахам в войне с джунгарами, чтобы предотвратить усиление последних. Автор об этом дословно пишет так: «В Сибири был тогда губернатором князь Гагарин. Царь приказал ему не только войти в сношения с казачьими ордами, но, если можно, и помочь им против Галдан Черена, дабы сколько-нибудь остановить возраставшее беспрестанно могущество зюнгарского владельца» (Левшин, 1996: 166). А.И. Макшеев же пишет: «...в 1717 г. ханы киргиз-казаков Тявка, Каип, Абулхаир вошли в сношения с сибирским губернатором князем Гагариным, прося его помощи против Джунгаров и обещая повиноваться России» (Макшеев, 1890: 29). По мнению данного автора, казахские ханы по своему желанию захотели быть в повиновении царской России, а не по причине указа царя сибирскому губернатору. Хотя оба автора одинаково объясняют причину безрезультативности двустороннего сотрудничества, для конкретности историографических фактов здесь считаем уместным привести собственные слова А.И. Макшеева: «но эти сношения не имели последствий, так как вскоре князь Гагарин был отозван из Сибири, а старший их ханов Тявка умер (1718)», а также А.И. Левшина: «Сношения сие не имело, однако ж, никаких последствий, потому что князь Гагарин вскоре после того из Сибири был позван в Москву, а Тявка старейший и благоразумнейший из ханов, умер» (Левшин, 1996: 166).

Апогеем войны казахов с джунгарами считается 1723–1727 гг., годы «великих бедствий» для казахского народа. По мнению М.А. Терентьева, Галдан-Церен узнав, что казахи не состоят в подданстве российской, предпринимает решительное наступление со своими войсками на казахские земли. Он пишет: «...успокоенный заверениями, что киргизы в подданстве наше не приняты, Галдан-Церен тотчас же оттянул от Иртыша значительную часть своих сил на юго-запад, для покорения киргиз-казаков. В 1723 г. он успел уже обложить данью Большую орду, а несколько позже у него были аманаты почти ото всех родоначальников Средней...» (Терентьев, 1906: 44). Смерть Тауке хана и внутренние междоусобицы также явились причиной для наступления джунгаров во главе Галдан-Церена. «Вскоре затем умер Тявка, и в ордах начались междоусобия, которыми не преминул воспользоваться Галдан-Церен. Владетель Джунгарии, покоривший в 1723 г. Большую и Среднюю орды и оттеснивший Малую от Сырдарьи к Уралу, где она в 1730 г. поневоле должна была признать над собою власть России» - писал тот же автор (Терентьев, 1906: 13).

По мнению Ч.Ч. Валиханова, причиной наступления джунгаров явилась месть за прежние ответные набеги. Он внятно описывает это нападение: «1723 год особенно памятен киргизам своим роковым характером и сохранился в народной памяти. В этот злополучный год, сопровождавшийся глубокими снегами и гололедицей, Галдан-Церен, джунгарский хонтайши с несметным чериком (войском) вторгается в Киргизскую степь для наказания кайсаков и бурутов за прежние их набеги и буйства. Преследуемые повсюду свирепыми джунгарами киргизы, подобно стадам испуганных сайгаков (или серны, по народному выражению), бегут на юг, оставляя на пути свое имущество, детей, стариков, домашний скарб и исхудалый скот, и останавливаются: Средняя орда – около Самарканда, Малая – в Хиве и Бухаре, а буруты – в неприступных ущельях Болора и в паническом страхе достигают до окрестностей Гиссара. Не находя в среднеазиатских песчаных степях сытных пастбищ и вступив во вражду с новыми соседями, киргизы обращаются к границам могущественной России, чтобы искать ее помощи и покровительства» (Валиханов, 1985b: 111-112).

По заключению М. Тынышпаева: «Величайшее бедствие 1723 года, бегство с лишением имущества, скота, детей, родных известно у казахов под именем «Ак-табан-шубрынды», что значит – «всенародное бегство пеших до состояния, что побелели, т.е. изнасились, пятки» (Тынышпаев, 1991: 141). Народное именование этого события, стало точным определением ужасающей картины войны и вошло в широкое употребление в труды по истории Казахстана.

Как полагает П.П. Румянцев: «Таким образом, 1730 г. считается датой потери киргизами политической самостоятельности и перехода их в русское» (Румянцев, 1910: 15). В утверждении автора, хотя имеется доля правды, тем не менее, по факту, только Младшая орда действительно приняла подданство России, но не весь казахский народ.

По мнению А.И. Левшина, если бы Большая орда и решила вместе с Меньшей в 1730 году или при хане своем Юлбарсе в 1738 году, покориться России, то она бы встретила тогда весьма сильное препятствие в исполнении своего намерения. Автор считает, что отдаленность ее от границ русских и близость к зюнгарами остановили бы ее, и Галдан Церен никогда бы не допустил соседних с ним киргиз-казаков к такому поступку. Ученый указывает: «Более того, он (Галдан Церен – Авт.) питая к ним (казахскому народу – Авт.) наследственную вражду, при всяком удобном случае притеснял их и мстил им за своих предков. Присоединение же Меньшей и Средней орд к России побудили его нанести Большой орде такой удар, после которого она не могла последовать примеру своих соплеменников: он напал на нее, разгромил и покорил» (Левшин, 1996: 171-172). Как видно из слов вышеназванного автора, из-за политических действий ханов Младшей Орды правитель Джунгарии решился нанести сокрушительный удар Большой орде.

А.И. Добросмыслов причину нашествия джунгар в 40-гг. XVIII в. на казахские земли видит в действиях Карасакала. Но личность и деятельность Карасакала отдельный вопрос, требующего тщательного исследования в будущем. Автор отмечает: «... Карасакал, набрав подвластных России киргиз, опустошал и грабил зюнгар, вследствие чего их владетель Галдан Церен отправил для наказания киргиз 20 000 войск, которое особенно сильно разорило аулы киргиз Средней орды, в том числе хана Абулмагмета и Султана Аблая» (Добросмыслов, 1900: 36-37). Несмотря на заявление начальника русского гарнизона о том, что киргизы являются подданными России, оно не повлияло на ситуацию, произошедшую между двумя вражески настроенными народами. Автор в доказательство этого пишет: «Такое заявление начальника русского гарнизона, однако не имело никакого влияния на более правильные сношения между киргизами и зюнгарами: те и другие продолжали нападать и грабить друг друга до тех пор пока зюнгары не удалились в пределы китайской империи, утратив свою политическую самостоятельность» (Добросмыслов, 1900: 36-37).

Как уместно отмечено в работах дореволюционных авторов – М.А. Терентьева и Ч.Ч. Валиханова, после смерти Галдан Церена Джунгарское ханство теряет свое могущество и в стране начинаются междоусобные войны. «Только со смертью энергичного Галдана в 1746 г., когда начались у джунгар междоусобия» (Терентьев, 1906: 80); «...старик определяют временем разрушения царства хонтайдзиев, временем смут зюнгаров, после смерти Галдан-Черена» (Валиханов, 1985a: 77).

Причиной падения сильного, по определению Н.Я Бичурина: «угрожавшего оковами целой половине Азии» (Бичурин, 1991: 68), Джунгарского ханства служило в основном властолюбие

Амурсаны. По словам П. Рычкова, Джунгарское ханство стало: «погибшей напоследок в самое короткое время, от его одного Амурсаны безмездного властолюбия» (Рычков, 1762: 48). А.И. Левшин поддерживает концепцию П. Рычкова: «Причиною разрушения Зюнгарского государства были, как известно, несогласия и возникшие от оных междоусобия последних его владельцев, из которых главнейшим виновником гибели был Амурсана (Левшин, 1996: 229). «От джунгарскаго ига киргизов избавили китайцы, помимо их просьбы» – пишет Н.Н. Балкашин (Балкашин, 1887: 20). И в действительности только после исчезновения Джунгарского ханства прекратились захватнические походы военного государства на казахские земли.

По мнению И.Г. Андреева, «киргизы, вышед из степей, заняли зюнгорские места» (Андреев, 1998: 48). Как видно, в работах некоторых исследователей как вышеназванного автора, имеется утверждение о том, что после распада последней кочевой империи в Средней Азии казахи заняли часть ее территории. Однако мы не согласны с данным заключением, также как А.И. Левшин и Ч.Ч. Валиханов. Они замечали, что «в 1756 году опустошенная Зюнгария присоединена к Китаю» (Левшин, 1996: 229) и «Последний народ (джунгары – Авт.) был завоеван китайцами в 1755 году, а все владения этого народа Китайская империя включила в свои пределы» (Валиханов, 1984: 181). Хотя в указанных временных пределах есть разница, но ясно, что занимаемая ханством земли были включены в состав территории сегодняшней Поднебесной страны.

Конкретное заключение сделал А.И. Левшин по распаду ханства: «Происшествие сие принесло киргиз-казакам две важные выгоды: во-первых, оно избавило их от беспокойных и опасных врагов, во-вторых, оно доставило им средство расширить свои в местах очень удобных» (Левшин, 1996: 174). Автор абсолютно прав в своих заключениях, однако, необходимо отметить то, что казахи сумели вернуть свои утерянные, исконные территории во время прежних наступательных войн с джунгарской стороны.

Джунгары относительно Цинской империи придерживались иной внешней политики, то есть они вели оборонительную войну; а в векторе казахско-джунгарских взаимоотношений, они как китайцы к ним, вели захватническую политику. Поэтому В.А. Моисеев внешнюю политику Джунгарского ханства называет двойственным. Как заключал данный автор в своей монографии: «...по отношению к своим тюркским соседям на западе – Казахстану, а также Киргизии и Узбекистану джунгарские феодалы проводили захватническую политику, осуществляли широкие завоевательные вторжения» (Моисеев, 1991: 232). Со своей стороны, поддерживая выводы автора, можем отметить, что казахи также, в свою очередь, как джунгары от цинского правительства, справедливо защищали свою Родину от захватчиков – джунгаров, старались бороться за свою независимость.

В этой освободительной борьбе казахи играли особенную роль. Как отмечал историк: «Основную тяжесть этой борьбы вынесли казахские жузы, сдержавшие завоевательные устремления ойратских феодалов не только в Средней Азии, но и в Сибири» (Моисеев, 1991: 232). Не зря некоторые современные казахстанские историки борьбу казахов против джунгарского нашествия именуют как «Отечественную войну» (Козыбаев, 2010: 121, Толебаев, 2011: 26-27), и как справедливо указано, «XVIII век – один из самых тяжелых и трагических периодов истории казахского народа. Весь век полон тяжелых и кровопролитных войн за национальную независимость...» (Кузембайулы, 1995: 3).

5. Заключение

Вопросы казахско-джунгарских взаимоотношений сложны и многогранны, это объясняется с тем, что даже по хронологии история взаимосвязи двух народов охватывает больше целого века.

Таким образом, касаясь различных политических и социально-экономических проблем истории дореволюционного Казахстана, российские исследователи раскрывали разные аспекты интересующих нас вопросов казахско-джунгарских отношений. Особенно ценными оказались для данной работы фактологические данные, выводы и заключения, относящиеся проблеме международных отношений, таких как русско-казахские и казахско-джунгарские взаимоотношения, значения которых остаются актуальными для истории Казахстана и в современности.

Литература

- Perdue, 2005 - Peter C. Perdue China marches west: the Qing conquest of Central Eurasia. Cambridge, Mass.; London: Belknap, 2005. 725 p.
- Андреев, 1998 - Андреев И.Г. Описание Средней орды киргиз-кайсаков. Алматы: Гылым, 1998. 280 с.
- Бакунин, 1995 - Бакунин В.М. Описание калмыцких народов, а особливо из них торгаутского, и поступков их ханов и владельцев. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1995. 153 с.
- Балкашин, 1887 - Балкашин Н.Н. О киргизах и вообще о подвластных России мусульманах. СПб.: Тип. Министерства Внутренних Дел, 1887.
- Бичурин, 1991 - Бичурин Н.Я. Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. 2-е издание. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1991. 124 с.
- Валиханов, 1984 - Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 1. Алма-Ата: Главная редакция Казахской Советской энциклопедии, 1984. 432 с.

- Валиханов, 1985a** - *Валиханов Ч.Ч.* Собрание сочинений в пяти томах. Т. 2. Алма-Ата: Главная редакция Казахской Советской энциклопедии, 1985. 416 с.
- Валиханов, 1985b** - *Валиханов Ч.Ч.* Собрание сочинений в пяти томах. Т. 4. Алма-Ата: Главная редакция Казахской Советской энциклопедии, 1985. 461 с.
- Витевский, 1897** - *Витевский В.Н.* И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Т.1. Казань: тип. В.М. Ключникова, 1897. 617 с.
- Гавердовский, 2007** - *Гавердовский Я.П.* Обзорение киргиз-кайсацкой степи (Часть 1), или Дневные записки в степи Киргиз-кайсацкой 1803 и 1804 годов//История Казахстана в русских источниках XVI-XX веков. Т. V. Алматы. Дайк-пресс. 2007.
- Галиев, 1998** - *Галиев В.З.* Хан Джангир и Орбулакская битва. Алматы: Гылым, 1998. 128 с.
- Добросмыслов, 1900** - *Добросмысловъ А.И.* Тургайская область. Исторический очерк. Томъ I. Выпускъ I. Оренбургъ. Типо-литографія Ф.Б. Сачкова. 1900. 125 с.
- Златкин, 1983** - *Златкин И.Я.* История Джунгарского ханства (1635-1758). Издание второе. Москва: Издательство «Наука», 1983. 332 с.
- Иакинф, 1829** - *Описание Чжунгарии и Восточнаго Туркистана въ древнемъ и нынешнемъ состояніи.* Переведено съ Китайскаго Монахомъ Иакинѣомъ. Часть 1. Санктпетербургъ въ типографіи Карлы Крайя. 1829. 271 с.
- Котвич, 1914** - *Котвичъ Вл.* Краткій обзор исторіи и современнаго политическаго положенія Монголіи. С.-Петербургъ: Изаданіе О-ва «Картографическое Заваденіе А. Ильина», 1914. 44 с.
- Кузембайулы, 1995** - *Кузембайулы А., Абилев Е.А.* Казахстан в XVII – нач. XX вв. (учебное пособие). Костанай: Издание Костанайского сельскохозяйственного института, 1995. 181 с.
- Кундакбаева, 2009** - *Кундакбаева Ж.Б.* Казахи в трудах государственных деятелей российской империи XVIII века // Вестник КазНУ. Сер. историчес. №2. 2009. С. 6-11.
- Козыбаев, 2010** - *Козыбаев М.Қ., Галиев В.З.* Қазақ халқының XVIII ғасырдың 20-жылдарындағы жоңғар басқыншыларына қарсы Отан соғысы // Қазақстан тарихы (көне заманнан бүгінге дейін). Бес томдық. Т.3. Алматы: «Атамұра», 2010. 768 б.
- Левшин, 1996** - *Левшин А.И.* Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей (под общей редакцией академика М.К. Козыбаева). Алматы: «Санат», 1996. 656 с.
- Маев, 1873** - *Маев Н.М.* Очерки истории киргизского народа с 1732 по 1868 год // Материалы для статистики Туркестанского края, вып. 2, СПб., 1873.
- Макшеев, 1890** - *Исторический обзор Туркестана и поступательного движения в него русских / сост. А.И. Макшеев.* С.-Петербург: Военная Типография, 1890. 370 с.
- Моисеев, 1991** - *Моисеев В.А.* Джунгарское ханство и казахи (XVII-XVIII вв.). Алма-Ата: Гылым, 1991. 238 с.
- Румянцев, 1910** - *Киргизский народ в прошлом и настоящем / сост. П.П. Румянцев.* С.-Петербург, 1910. 66 с.
- Рычков, 1762** - *Рычков П.* Топография Оренбургской губернии. Часть первая. Санктпетербург: Императорская Академия Наук, 1762.
- Терентьев, 1906** - *Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии (с картами и планами). Том I. СПб.: 1906. 510 с.
- Төлебаев, 2011** - *Төлебаев Т.Ә.* Кенес Нұрпейіс тәуелсіздік үшін күрес және тәуелсіз Қазақстан туралы // Материалы межд. науч.-прак. конф. «Проблемы и перспективы исторической науки». Алматы, 2011. С. 24-29.
- Тынышпаев, 1998** - *Тынышпаев М.* Великие бедствия... (Ақтабан-Шубырынды). Алма-Ата: Жалын, 1991. 152 с.
- Фишер, 1774** - *Фишер И.Е.* Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания всей земли российским оружием. Санктпетербург: Императорская Академия Наук, 1774. 631 с.

References

- Perdue, 2005** - *Perdue, P.C.* (2005) China marches west: the Qing conquest of Central Eurasia. Cambridge, Mass.; London: Belknap [In English].
- Andreev, 1998** - *Andreev, I.G.* (1998) Opisanie Sredney ordy kirgiz-kaysakov [Description of Middle Orda of Kirghiz-Kaisaks]. Almaty: Gylым [In Russian].
- Bakunin, 1995** - *Bakunin, V.M.* (1995) Opisanie kalmyckih narodov, a osoblibo iz nih torgautskogo, i postupkov ih hanov i vladel'cev [Description of the Kalmyk people, in particular Torgauty Kalmyks, the actions of their Khans and owners] Elista: Kalmyckoe knizhnoe izdatel'stvo [In Russian].
- Balkashin, 1887** - *Balkashin, N.N.* (1887) *O kirgizah i voobshche o podvlastnyh Rossii musul'manah* [About Kirghiz people, and in general about Muslims within the control of Russia] SPb.: Tip. Ministerstva Vnutrennih Del [In Russian].
- Bichurin, 1991** - *Bichurin, N.Ya.* (1991) Istoricheskoe obozrenie oyratov ili kalmykov s XV stoletiya do nastoyashchego vremeni [Historical review of Oirats or Kalmyks since XV century until present] Elista: Kalmyckoe knizhnoe izdatel'stvo [In Russian].

Valikhanov, 1984 - *Valikhanov, Ch.Ch.* (1984) *Sobranie sochineniy v pyati tomah* [The collected edition in five volumes] In five volumes. Volume 1. Alma-Ata: Glavnaya redakciya Kazahskoy Sovetskoy ehnciklopedii [In Russian].

Valikhanov, 1985a - *Valikhanov, Ch.Ch.* (1985) *Sobranie sochineniy v pyati tomah* [The collected edition in five volumes] In five volumes. Volume 2. Alma-Ata: Glavnaya redakciya Kazahskoy Sovetskoy ehnciklopedii [In Russian].

Valikhanov, 1985b - *Valikhanov, Ch.Ch.* (1985) *Sobranie sochineniy v pyati tomah* [The collected edition in five volumes] In five volumes. Volume 4. Alma-Ata: Glavnaya redakciya Kazahskoy Sovetskoy ehnciklopedii [In Russian].

Vitevskii, 1897 - Vitevskii, V.N. (1897) *I.I. Neptyuev i Orenburgskiy kray v prezhnem ego sostave do 1758 g.* [I.I. Neptyuyev and Orenburg region in its former composition before 1758] Volume 1. Kazan': tip. V.M. Klyuchnikova [In Russian].

Gaverdovskii, 2007 - Gaverdovskii, Y.P. (2007) *Obozrenie kirgiz-kaisakskoy stepi (Chast' 1), ili Dnevnye zapiski v stepi Kirgiz-kaisakskoy 1803 i 1804 godov* [Review of the Kirghiz-Kaisak steppe (Part 1), or Daytime notes in the Kirghiz-Kaisak steppe in 1803 and 1804] In: *Istoriya Kazakhstana v russkikh istochnikah XVI-XX vekov* [History of Kazakhstan in the Russian sources of 16th-20th centuries] Volume 5. Almaty. Daik-press [In Russian].

Galiev, 1998 - *Galiev, V.Z.* (1998) *Han Dzhangir i Orbulakskaya bitva* [Zhangir Khan and the Orbulak battle] Almaty: Gylym [In Russian].

Dobrosmyslov, 1900 - *Dobrosmyslov, A.I.* (1900) *Turgaiskaya oblast'. Istoricheskiy ocherk* [Turgay region. Historical essay] Volume 1. Issue 1. Orenburg". Tipo-litografiya F.B. Sachkova. g. [In Russian].

Zlatkin, 1983 - *Zlatkin, I.Ya.* (1983) *Istoriya Dzhungarskogo hanstva (1635-1758)* [The history of Djungarian Khanate (1635-1758)] Second edition. Moskva: Nauka [In Russian].

Iakin, 1829 - *Iakin* (1829) *Opisanie Chzhun'garii i Vostochnago Turkistana v" drevnem" i nyneshnem" sostoyanii* [Description of Djungariya and East Turkistan in the ancient and current state] Translated from Chinese Monk Iakin. Part 1. Sanktpeterburg" v" tipografii Karly Kraiya [In Russian].

Kotvich, 1914 - *Kotvich, Vl.* (1914) *Kratkiy obzor istorii i sovremennago politicheskago polozheniya Mongolii* [Brief review of the history and modern political situation on Mongolia] S.-Peterburg": Izdanie O-va «Kartograficheskoe Zavadenie A. Il'ina» [In Russian].

Kuzembaiuly, Abilev, 1995 - *Kuzembaiuly A., Abilev E.A.* (1995) *Kazahstan v XVII – nach. XIX vv. (uchebnoe posobie)* [Kazakhstan in the 17th – beginning of 20th centuries (teaching material)] Kostanay: Izdanie Kostanayskogo sel'skohozyaystvennogo instituta [In Russian].

Kundakbaeva, 2009 - *Kundakbaeva, Zh.B.* (2009) *Kazahi v trudah gosudarstvennyh deyatelei rossiyskoy imperii XVIII veka* [Kazakhs in the works of government officials of the Russian Empire in the 18th century] Bulletin of KazNU. Historical series 2 [In Russian].

Kozybaev, Galiev, 2010 - *Kozybaev, M.K. & Galiev, V.Z.* (2010) *Kazakh halkynyng XVIII gasyrdyng 20-zhyldaryndagy zhonggar baskynshylaryna karsy Otan sogysy* [Patriotic War of Kazakhs against Djungar invasion in the twenties of the 18th century] In: *Kazakhstan tarihy (kone zamannan buginge deyin)* [History of Kazakhstan (from ancient times to the present day)] In five volumes. Volume 3. Almaty: Atamura [In Kazakh].

Levshin, 1996 - *Levshin, A.I.* (1996) *Opisanie kirgiz-kazach'ih, ili kirgiz-kajsackih ord i stepei* [Description of Kirghiz-Kazak or Kirghiz-Kaisak Ordas and steppes] Almaty: Sanat [In Russian].

Maev, 1873 - *Maev, N.M.* (1873) *Ocherki istorii kirgizskogo naroda s 1732 po 1868 gody* [Essays on the history of Kirghiz people from 1732 to 1868] In: *Materialy dlya statistiki Turkestanskogo kraya* [Materials for statistics of Turkestan region] Issue 2, SPb [In Russian].

Maksheev, 1890 - *Maksheev, A.I.* (1890) *Istoricheskiy obzor Turkestana i postupatel'nogo dvizheniya v nego russkikh* [Historical overview of Turkestan and forward movement of Russian to its territory] S.-Peterburg: Voennaya Tipografiya [In Russian].

Moiseev, 1991 - *Moiseev, V.A.* (1991) *Dzhungarskoe hanstvo i kazahi (XVII-XVIII vv.)* [Djungarian Khanate and Kazakh people (17th-18th centuries)] Alma-Ata: Gylym [In Russian].

Rumyancev, 1910 - *Rumyancev, P.P.* (1910) *Kirgizskiy narod v proshlom i nastoyashchem* [Kyrgyz people, in the past and present] S.-Peterburg [In Russian].

Rychkov, 1762 - *Rychkov, P.* (1762) *Topografiya Orenburgskoy gubernii* [Topography of Orenburg Province] Sanktpeterburg: Imperatorskaya Akademiya Nauk [In Russian].

Terent'ev, 1906 - *Terent'ev, M.A.* (1906) *Istoriya zavoevaniya Sredney Azii (s kartami i planami)* [The history of the conquest of Central Asia (with maps and plans)]. Volume 1. SPb. [In Russian].

Tolebaev, 2011 - *Tolebaev, T.A.* (2011) *Kenes Nurpeyis tauelsizdik ushin kures zhane tauelsiz Kazakhstan turaly* [Kenes Nurpeisov about the struggle for independence and independent Kazakhstan] *Problemy i perspektivy istoricheskoy nauki* [Problems and perspectives of historical science] Pros. of the International Scientific and Practical Conference. Almaty [In Kazakh].

Tynyshpaev, 1991 - *Tynyshpaev, M.* (1991) *Velikie bedstviya... (Aktaban Shubyryndy)* [Great Disasters... (Aktaban Shubyryndy)]. Almaty: Zhalyn [In Russian].

Fisher, 1774 - Fisher, I.E. (1774) Sibirskaya istoriya s samogo otkrytiya Sibiri do zavoevaniya vsej zemli rossiyskim oruzhiem [Siberian history since the establishment of Siberia to the conquest of the whole earth with Russian weapons] Sanktpeterburg: Imperatorskaya Akademiya Nauk [In Russian].

УДК 930(470):94(574)

Казахско-джунгарские отношения в трудах дореволюционных российских ученых

Турганжан Тулебаев ^{а,*}, Нургуль Курманалина ^а, Гульзира Сексенбаева ^а, Досбол Байгунаков ^б

^а Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Казахстан

^б Академия экономики и права им. У. Жолдасбекова, Казахстан

Аннотация. Статья посвящена дореволюционной российской историографии вопроса казахско-джунгарских отношений. Джунгарский фактор был особо значимым явлением в истории позднего средневековья Азии, частично Европы. Связано это с тем, что мощное кочевое государство по отношению к соседям придерживалось активной захватнической политики. Взаимоотношение данной страны с казахским народом, который наследовал огромную территорию, было небезупречным. Джунгария как военнизированное государство вело в основном наступательную политику по отношению к странам Центральной Азии. Агрессивно-захватническую политику Джунгарии испытали на себе и Казахские жузы, которым приходилось отражать многочисленные нашествия с их стороны.

Историографию данного вопроса с хронологической точки зрения условно можно поделить на три основные этапы: дореволюционную, советскую и постсоветскую, или современную, которая в свою очередь делится по территориальным разграничениям. Среди них дореволюционная российская историография занимает особое место с его обстоятельным анализом событий того периода.

В связи с вышеизложенным в данной научной статье объектом историографического исследования является труды дореволюционной российской интеллигенции. В трудах дореволюционных российских авторов охвачены разнообразные сведения по истории и международным отношениям народов Центральной Азии, в том числе казахско-джунгарских взаимоотношений. Эта интеллигенция своей эпохи играла роль своего рода первопроходца в исследовании казахско-джунгарских отношений. Следовательно, данные, приведенные в работах российских ученых дореволюционного периода, являются очень ценным и важным в историографии казахско-джунгарских взаимоотношений, так как они служат прочным фундаментом в исследовании данного вопроса. В этих множественных работах авторы вводили в научный оборот особо значимые материалы по изучаемой проблеме и приводили разные концептуальные и интересные выводы.

Ключевые слова: историография, казахско-джунгарские отношения, дореволюционные российские авторы, факт, концепция.

---

* Корреспондирующий автор

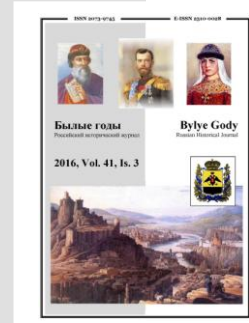
Адреса электронной почты: tur-07@mail.ru (Т. Тулебаев), nurgulca@mail.ru (Н. Курманалина), s.gulzira@mail.ru (Г. Сексенбаева), dosbol_bs@mail.ru (Д. Байгунаков)

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 41, Is. 3, pp. 761-769, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 947.083(571.6):379.8

City streets, gardens and dachas as a leisure space on the Russian Far East in the late XIX – early XX century

Tatiana Z. Poznyak ^{a, *}

^a Institute of History, Archaeology, Ethnology of the Peoples of the Far East
 Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the review of leisure in the cities of the Far Eastern outskirts of the Russian Empire in the late XIX – early XX century. The author has tried to demonstrate a variety of everyday and festive street entertainment of citizens and their changes. Military parades, mass celebrations, charity and sport's events played an important role in the local community unit, filling the leisure time of citizens by the wholesome entertainment. The voluntary associations played an important role in the organization of outdoor activities of the citizens. Sporting events, camping trips contributed to the physical development of children and adults. The voluntary associations had paid a lot of attention to the organization of entertainment spaces: the construction of a variety of sports facilities in urban gardens and in the dachas area, decorating gardens during charity events. Most practices of street entertainment in the cities of the Russian Far East were not local invention. It was introduced from the European part of Russian Empire and Western Europe and China. Chinese migrants brought the New Year celebrations on the eastern calendar, the Chinese street performers, acrobats and jugglers on the Russian Far East. The new forms of social activity in the sphere of leisure became an expression of the transformation of the traditional culture and the development of urban lifestyle.

Keywords: city, leisure, local society, everyday life, voluntary associations, the Far East, the Russian Empire.

1. Введение

Исследование истории повседневности в России в последние годы набирает обороты, ширится география и число исследований. Изучение истории повседневности Российской империи невозможно без обращения к повседневности провинции, региональные исследования позволяют увидеть общее и особенное, посмотреть, какие практики общественного досуга воспроизводились в провинциальных городах, какие были специфичными и связанными с географической или этнокультурной спецификой того или иного региона. Досуг – естественный элемент жизнедеятельности человека, органично входит в структуру его повседневной жизни.

2. Материалы и методы

2.1. Источниковой базой исследования стали документы из Российского государственного исторического архива Дальнего Востока (далее РГИА ДВ) – делопроизводственная документация и отчеты самодельных организаций, документы городских дум и управ, а также записки и путевые заметки журналистов и путешественников, посетивших дальневосточную окраину. Важнейшим источником стали личные письма американки Элеоноры Прей, жившей во Владивостоке в конце XIX – начале XX в., опубликованные в виде книги (Прей, 2008). Региональная периодическая печать содержит хронику городских событий, анонсы театральных спектаклей, увеселений в городских садах и парках, соревнований, отзывы публики о прошедших мероприятиях.

* Corresponding author

E-mail addresses: tzpoznyak@mail.ru (T.Z. Poznyak)

2.2. Исследование досуга входит составной частью в историю повседневности, методологические подходы и инструментарий данного направления позволили на основе вышеперечисленных материалов реконструировать разнообразные практики уличных развлечений.

Под досугом понимается время, не занятое какой-либо профессиональной деятельностью, свободное от дела, близкое к праздности, не означающего полного безделья, хотя и включающего его. По мнению С. Ловелла, досуг «представляет собой свободу от обязанностей, связанных с зарабатыванием на жизнь, и психофизиологических императивов, таких как еда, сон, покой, а также освобождение от обременительных и практически неизбежных нетрудовых обязательств (домашние дела, забота о детях, участие в работе местной власти...». Он также исключает из досуга ритуализованные, обремененные условностями и принудительные формы культуры развлечений (Ловелл, 2005: 141-142). С последним вряд ли можно согласиться, ибо в таком случае большинство практик развлечений в России нельзя отнести к досугу, так как большинство из них были обременены условностями и ритуализованы – визиты, танцевальные вечера, благотворительные мероприятия и пр.

3. Обсуждение

Изучение общественных развлечений дореволюционной России стало пользоваться особой популярностью среди научного сообщества в 2000-х годах, появилось множество работ, освещающих различные аспекты этой темы (Гончаров, 2004; Литягина, 2007; Ловелл, 2005; Малинова-Триафета, 2013; Малышева, 2009; Koenker, 2003; Lovell, 2002). Исследованию досуга горожан на Дальнем Востоке России также посвящен ряд работ (Андриец, 2007; Позняк, 2013, 2015).

Целью статьи является изучение практик уличных развлечений в дальневосточных городах в конце XIX – начале XX в. Исследование затрагивает южные районы Дальнего Востока России – Амурскую и юг Приморской области, и в частности города Николаевск-на-Амуре, Благовещенск, Владивосток, Хабаровск, Никольск-Уссурийский.

4. Результаты

Важной частью развлекательной культуры Российской империи были уличные развлечения. Повседневные и праздничные развлечения на открытом воздухе – в городских садах и на улицах, в пригороде – в лесу, на даче, на морском побережье и на речных островах – горожане практиковали с поздней весны до ранней осени, хотя были распространены и зимние виды отдыха.

Летом массовой формой проведения досуга были прогулки на свежем воздухе. В воскресные и праздничные дни, в обычные дни по вечерам горожане фланировали по центральным улицам городов, рассматривая публику, останавливаясь для беседы со знакомыми и друзьями. Даже такое времяпровождение регулировалось определенными социальными и правовыми нормами, нарушения которых нередко вызывали общественное порицание, попадая на страницы местных газет или вызывая жалобы обывателей в городскую управу. Например, в Хабаровске проституткам запрещалось «гулять в городском саду; в сквере подле военного собрания; по Алексеевской улице (от порта до казначейства), по правой стороне Муравьево-Амурской улицы (считая от собора)». По улицам, разрешенным им для гуляния, они должны были «ходить и гулять по две, отнюдь не толпою и не следуя друг за другом» (РГИА ДВ. Ф.1. Оп.1. Д.1213. Л.12-12об.).

Площади и главные городские улицы были местом проведения официальных мероприятий в дни государственных праздников – военных парадов, крестных ходов, молебнов, которые собирали обычно множество городской публики. Эти практики уличных развлечений были однотипными во всех городах империи (Андриец, 2007: 155-157; Гончаров, 2004: 9-11).

Сады, парки и бульвары были особым развлекательным простором. Городские власти и различные общества заботились об их благоустройстве – озеленении, строительстве мест для увеселений – открытых летних сцен, закрытых театров, беседок для оркестров, буфетов, танцевальных площадок, разнообразных аттракционов, спортивных сооружений и пр. В выходные и праздничные дни здесь устраивались различные развлекательные, благотворительные, спортивные мероприятия.

Во Владивостоке в начале XX века таких садов было несколько: городской, адмиральский, скверы Невельского и пожарного общества, загородный сад "Италия" на мысе Чуркин (Виноградов, 1901: 123-124). Общественные гуляния в городском саду обычно начинались 13–14 часов, днем вход был бесплатным, а на вечернее представление по билетам.

В Хабаровске парк, распланированный на берегу Амура на возвышенности, был достопримечательностью города, что постоянно отмечали посещавшие город путешественники и журналисты. В.Л. Дедлов, побывавший на дальневосточной окраине в 1897 г., так описывал его: «Стоит город великолепно, на очень высоком скалистом отвесном обрыве к Уссури, впадающей тут же в Амур. ... На самом берегу распланирован хороший, уже не молодой парк, с зелеными лужайками и всеми редкостями амурской флоры, от амурской сирени до ореховых, бархатных и даже пальмовидных, но низеньких чортовых деревьев...» (Дедлов, 1900: 191).

В Благовещенске городской сад появился в 1870-х годах, однако у городского самоуправления долго не доходили руки до его благоустройства. Фактически это был поросший лесом и кустарником участок на окраине города на берегу р. Зеи, ставший излюбленным местом отдыха горожан. В августе

1894 г. недавно основанное Общество велосипедистов ходатайствовало перед городской управой об аренде западной части сада. В сентябре 1894 г. постановлением Благовещенской Городской Думы западная часть сада была отдана обществу в аренду на 20 лет с условием благоустройства обеих частей сада. Общество велосипедистов устроило дорожки и аллеи, гонный круг, павильон для зимней езды, беседки, буфет, трибуны для зрителей, приспособления для развлечения детей – гигантские шаги и качели (РГИА ДВ. Ф.755. Оп.2. Д.521. Л.1-3, 13, 17-18об., 25-25об.).

Состав общества быстро расширялся, если в 1894 г. у его членов было только 6–7 велосипедов, то в 1897 г. – 28, в начале XX в. – уже около 200. После русско-японской войны Общество велосипедистов было преобразовано в Общество спорта, возможно, это было связано с образованием в городе в 1899 г. еще одного общества со схожими целями – Благовещенского представительства Российского общества велосипедистов-туристов. Расширение сфер деятельности должно было помочь Обществу спорта выживать в трудных условиях конкуренции за членов и потенциальных участников благотворительных мероприятий. Финансовое положение его было неудовлетворительным, тем не менее оно вкладывало средства в благоустройство сада, сооружение павильонов, ремонт велосипедного трека, устройство площадки для крокета и футбола, гимнастического городка, трех теннисных площадок (РГИА ДВ. Ф.755. Оп.2. Д.521. Л.33-33об.).

Восточная часть сада в 1902 г. была отдана в аренду Обществу велосипедистов-туристов, которое также приложило немало сил и средств на его благоустройство. Уже к следующему году оно имело в своем распоряжении трек, в середине которого располагалась прекрасная травяная площадка, пригодная для спортивных игр и состязаний, с трибунами для зрителей, площадка для танцев, кегельбан, музыкальные павильоны и буфет. Благоустроенный сад был центром досуга горожан. Ежегодно в мае проходило торжественное открытие сада общества, устраивалось народное гуляние с гонками велосипедистов и другими спортивными состязаниями, вечером – фейерверк. Сад стал излюбленным местом загородных прогулок горожан, в выходные и праздничные дни здесь можно было потанцевать, послушать музыку (История, 2008: 378-382).

В Никольске-Уссурийском парк для горожан появился позднее, чем в других дальневосточных городах, в сентябре 1906 г. городские власти выделили И.А. Юргенсону участок земли на р. Раковке для устройства парка, который впоследствии получил название «Зеленый остров» и охотно посещался горожанами. В парке устраивались велосипедные гонки, спортивные соревнования, народные гуляния с танцами. По праздникам и во время массовых мероприятий для отдыхающих играли два военных оркестра (Коляда, Кузнецов, 1997: 135, 165).

Для обустройства садов и парков проводились праздники древонасаждений, они служили, с одной стороны, утилитарным целям озеленения городских улиц и приобщения к труду детей – учащихся местных учебных заведений, с другой – были массовым развлекательным мероприятием, наполнявшим досуг горожан полезным времяпровождением. Праздник представлял собой ритуализированное действо, включавшее сбор участников праздника, построение, напутственное слово первых лиц города или области, шествие к месту посадки деревьев, молебен и собственно посадку деревьев. Шествие и работы по посадке сопровождалась музыкой военных оркестров, для участников устраивались чаепития на свежем воздухе. В Благовещенске первый праздник древонасаждений прошел 22 сентября 1902 г. в саду общества велосипедистов-туристов на окраине города на берегу р. Зеи. В нем приняло участие около 3000 чел. и было посажено 583 дерева (Голубцов, 1903: 83, 89, 91).

В Никольске-Уссурийском в апреле 1903 г. была проведена шоссировка Бульварной и Мичуринской улиц. 19 апреля с целью озеленения Бульварной улицы был устроен праздник древонасаждений, в котором приняли участие солдаты местного гарнизона и учащиеся городских училищ и церковно-приходских школ. Под музыку военных оркестров участники к вечеру высадили три аллеи деревьев длиной в четыре квартала от Японской до Николаевской улиц. 23 апреля на новом бульваре состоялись массовые гуляния горожан (Коляда, Кузнецов, 1997: 125).

Поводами для народных гуляний становились знаменательные даты истории Российской империи или события, значимые для местного общества, сбор пожертвований в пользу различных обществ, учебных заведений и пр. В программе мероприятий обычно были, кроме благотворительных лотерей, показ кинофильмов, цирковые или театральные представления, концерты, танцы под музыку военных или частных оркестров, фейерверки и иллюминация. Примеров подобных увеселений в дальневосточных городах можно привести множество, эти досуговые практики были обычными для России и воспроизводились и в столичных, и в провинциальных городах.

Во Владивостоке народные гуляния часто устраивались в загородном саду «Италия», расположенном на мысе Чуркин (на противоположной наиболее заселенной части города стороне бухты Золотой Рог). 3 июля 1911 г. состоялось открытие сезона – летний маскарад с ценными призами; а 22 июля – благотворительное мероприятие местного отделения Российского общества покровительства животным. Оно прошло весело и оживленно и привлекло 4000 посетителей, несмотря на платный вход (25 коп. с правом бесплатного проезда на катере туда и обратно, дети до 10 лет пропускались бесплатно). Лотерейные билеты стоили 25 коп., призы были внушительные – охотничье ружье, серебряный чайный сервиз и велосипед. В мероприятии принимали участие три оркестра, два играли в саду, один – на Адмиральской пристани, откуда отправлялся катер,

перевозивший посетителей. На открытой сцене выступала группа китайских артистов из 20 чел. В программе были также танцы, детские развлечения – карусели, качели, гигантские шаги, а вечером – сад освещался прожекторами с эскадры, стоявшей в бухте Золотой Рог, и был устроен фейерверк. Публика не расходилась до 12 часов ночи (*Далекая окраина, 1911: 17, 23 июля*).

Одним из крупных благотворительных мероприятий в дальневосточных городах стал «Праздник белого цветка», проводившийся местными отделениями Всероссийской лиги для борьбы с туберкулезом для сбора пожертвований на борьбу с этим заболеванием. Во Владивостоке праздник прошел в конце августа 1911 г. За несколько месяцев до этого члены общества и добровольные помощники собирали финансовые средства, цветы, готовили украшения. На добровольной основе приглашались девушки и юноши, которые должны были ходить по городу и собирать пожертвования в кружки. Символом праздника была ромашка. Город был украшен белыми цветами, участницы были одеты в белые платья. Праздник начался с молебна в Кафедральном соборе, где присутствовали Приамурский генерал-губернатор Н.Л. Гондатти с супругой, военный губернатор Приморской области М.М. Манакин с супругой и другие высокопоставленные чиновники и военные. Массы детей в белых одеждах запрудили храм и площадь перед ним. После молебна в разные стороны города разошлись процессии для сбора средств. В скверах Невельского и Завойко, городском саду, на железнодорожном вокзале, на станции Первая Речка, в Куперовской пади и Рабочей слободке играли оркестры. Массовые гуляния проходили в городском саду и сквере имени Невельского, в последнем некоторое время торговала цветами и собирала средства супруга генерал-губернатора. В городском саду работали аттракционы – гигантские шаги, карусели, качели, на летней сцене выступали артисты китайского театра Ван-и-линя, работали киоски с продажей цветов, фруктов, конфет, буфеты предлагали чай и прохладительные напитки. За вход взрослым необходимо было заплатить 25 коп., ученикам школ и нижним чинам в форме – 15 коп.

Праздник закончился лишь поздней ночью, так как мероприятия продолжились во всех развлекательных заведениях города. В празднике приняли участие разные слои городского населения, пожертвования поступали не только от предпринимателей и чиновников, но и мещан, нижних чинов, китайских и корейских рабочих. Благотворительные сборы составили свыше 11 тыс. руб. (*Далекая окраина, 1911: 26, 27, 31 авг.*).

Устройством благотворительных базаров на подобных мероприятиях часто заведовали жены чиновников, военных, предпринимателей, состоявшие в местных благотворительных обществах. Особенностью Владивостока было участие в подобных базарах наряду с россиянками, жен иностранных предпринимателей, консулов и пр. Благотворительный базар включал не только организацию лотерей, но и устройство «чайных домов», цветочных павильонов и пр. Участницы предварительно готовили вещи для розыгрыша в лотерею – собственными руками шили и вышивали салфетки, кошельки, пояса, иногда предоставляли в пользование собственную посуду – чайные сервизы, тарелки, ложки, а иногда и мебель – столы и стулья. Чайные павильоны представляли собой временно сооруженные навесы или палатки, драпированные тканями, в них устанавливались прилавки, лотки с угощениями, касса, столы и стулья для посетителей. Павильоны украшались цветами в горшках, пальмами в кадках, гирляндами, флагами и пр. Дамы разливали чай, кофе или шоколад, продавали конфеты, печенье и пирожные, распространяли лотерейные билеты, все вырученные деньги шли на благотворительные цели. Жены высших администраторов не чурались лично выполнять всю работу на благотворительных базарах (*Прей, 2008: 114-115*).

Особенностью дальневосточных городов, в большинстве из которых располагались значительные воинские гарнизоны, было привлечение для организации народных гуляний военных. Нижние чины под руководством офицеров украшали сады гирляндами, сооружали беседки, наблюдали за порядком (*РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 663. Л. 57-58*).

Лето многие состоятельные горожане проводили на дачах. И если в 1880–1900-е годы лишь единицы имели фермы и заимки, использовавшиеся в качестве дач, то после русско-японской войны в окрестностях дальневосточных городов выросли целые дачные поселки. Во Владивостоке дачными были районы станций Седанка, Океанская, полуостров Де-Фриза, в Хабаровске – на Красной речке. На рубеже XIX–XX в. дачный отдых стал атрибутом среднего класса, а мода на него из столичных городов распространилась в провинцию (*Малинова-Тзиафета, 2013: 299-301; Lovell, 2002: 84-85*).

Горожане, имевшие дачи или снимавшие их на сезон, жили за городом в течение всего жаркого и душного дальневосточного лета. Жизнь на свежем воздухе после городской суеты доставляла огромное удовольствие. Лето на даче пролетало незаметно – купание в море или реке, езда верхом и в телегах по окрестным лесам, подвижные игры – футбол, волейбол, бадминтон, теннис, гольф, пешие прогулки занимали время с утра и до вечера. Кроме развлечений, немало времени, несмотря на наличие прислуги, иногда довольно многочисленной, отнимали хозяйственные заботы – шитье, стирка, приготовление еды, распоряжения по дому. В соответствии с сезонным распорядком сельской жизни дачники весной мыли и убрали ее, высаживали всевозможные овощи, ягоды и цветы, летом занимались прополкой грядок, подрезали деревья и кустарники, собирали ягоды, консервировали овощи и фрукты, варили варенье, осенью – собирали грибы и орехи, пересаживали деревья и кустарники, взятые из леса (*Прей, 2008: 259-292*).

Э. Прей так описывала в письмах родным и друзьям дачные развлечения на полуострове Де-Фриз в окрестностях Владивостока: «Здесь жизнь так спокойна. ... Некоторые дамы выходят на прогулку в половине седьмого – босиком... Мы завтракаем в восемь..., а затем садимся кружком в парке и шьем или читаем примерно до одиннадцати, когда мы спускаемся к берегу, чтобы искупаться. У пляжного домика слишком мелко, чтобы вода могла меня удержать и доставить мне удовольствие, поэтому я почти не плаваю. К тому времени, как мы одеваемся и возвращаемся в дом, накрывают обед, после которого мы снова идем в парк и отдыхаем и спим в шезлонгах или гамаках примерно до трех часов. Чай бывает в четыре, после чего мы выходим прогуляться или покататься... Купание детей начинается около половины седьмого, и после того как детей укладывают, мы ужинаем, а потом... идем на прогулку – или вдоль западного берега, или в парк. После этого мы возвращаемся сюда, едим что-нибудь из фруктов и ложимся около половины десятого» (Прей, 2008: 266-267). Кроме свежего воздуха, физической активности, важным элементом такого отдыха был отказ от известной доли условностей, характерных для городской жизни, – свободная одежда и обувь, простота нравов, свобода обращения.

Выезды в пригород на пикники были как массовые – организованные различными обществами, так и небольшими компаниями друзей, семьями. Во Владивостоке члены Общества устройства детских развлечений организовывали для детей экскурсии в пригород, на Русский остров, на местные фабрики и заводы, игры на детских площадках и в скверах. Например, 17 июля 1911 г. общество провело бесплатную прогулку на Седанку с осмотром спичечной фабрики. Владелец фабрики Н.Д. Меркулов, несмотря на праздничный день, сам провел экскурсию для детей. Кормили и развлекали экскурсантов в 9 Восточно-Сибирской артиллерийской бригаде, в их распоряжение предоставили гигантские шаги-качели, устроили танцы под оркестр. Дети играли в футбол, съезжали с огромных стогов сена, специально устроенных для них (Далекая окраина, 1911: 17, 19, 21 июля). 28 июля этого же года общество устроило подобную же экскурсию для осмотра мельницы Русского мукомольного товарищества на Первой Речке. Подобные мероприятия имели целью не только занять свободное время учащих летом, но и познакомиться их с работой промышленных предприятий, расширить их кругозор (Далекая окраина, 1911: 23 июля).

Устройством дачных гуляний на станциях Океанская и Седанка занималось также Общество помощи учащимся Владивостока. Гуляния в районе станции Океанской 1 июля 1911 г. проходили с 17 до 24 часов, желающие их посетить могли доехать до места и вернуться обратно в город на специальном поезде, нанятом за счет средств общества (Далекая окраина, 1911: 1 июля). Отдыхающим предлагались легкие закуски, танцы под оркестр Сибирского флотского экипажа, любительские спектакли. Несмотря на незатейливость таких развлечений, горожане с удовольствием посещали загородные прогулки.

Мода на туристические походы и путешествия поразила на рубеже XIX–XX в. не только столичное, но провинциальное общество (Koenker, 2003). Не осталась в стороне от современных развлечений и дальневосточная окраина, горожане осваивали не только прилегавшие к городу территории, но и отправлялись в другие города и за границу. В Благовещенске туристические поездки и походы, выезды на природу устраивал целый ряд обществ – велосипедистов, велосипедистов-туристов, детских развлечений. 17 мая 1902 г., например, Благовещенским обществом велосипедистов-туристов было проведено одно из подобных многочисленных мероприятий. Так описывает его корреспондент «Амурской газеты»: «В 9 часов утра школьники отдельными группами со своим флагом двинулись в путь под звуки духового оркестра г. Травина. Более 2000 детей в сопровождении взрослых шли по ул. Большой к дороге на Верх-Благовещенск и около лагерей 21-го Восточно-Сибирского стрелкового полка были встречены сюрпризом – навстречу был выслан военный оркестр духовой музыки в 40 с лишним человек, который проводил экскурсантов до пределов расположения полка. Привал учащих был устроен на удобной лужайке между монументом и Верх-Благовещенском, где организованы были игры, доступные спортивные состязания на призы, варился чай» (История, 2008: 370).

Среди летних развлечений, доступных широким слоям городского населения, было купание в различных водоемах. Летом в дальневосточных городах устраивались купальни: во Владивостоке – в бухте Золотой рог и Амурском заливе, в Благовещенске, Хабаровске и Николаевске – на Амуре, вход в оборудованные купальни был платным и доступным только обеспеченным горожанам.

В летнюю жару этот вид отдыха пользовался большой популярностью среди горожан, причем женщины посещали купальни и плавали наравне с мужчинами. Э. Прей описывает удовольствие, получаемое от плавания не только на даче, но и в городских купальнях: «Я учусь плавать и прекрасно провожу при этом время. Я и не подозревала, как сильно мы ходим на лягушек-быков, пока не увидела плавающими других дам. Мы носим короткие панталоны и блузку, стянутые вместе и застегивающиеся на пуговицы на плечах... Мы пользуемся купальным павильоном [под Тигровой сопкой, на берегу Амурского залива] и ходим каждый день» (Прей, 2008: 120).

Другим развлечением, популярным среди горожан летом, было катание на лодках и шампунках. Во Владивостоке местом таких увеселений была бухта Золотой Рог, в городах, расположенных на Амуре – Хабаровске, Благовещенске, Николаевске-на-Амуре – прогулки на лодках устраивались на реке. На страницах Владивостокских газет появлялись заметки, где горожане

выражали недовольство подобными развлечениями, так как они часто сопровождалась обильными «возлияниями». В лодку усаживалась публика, прихватив с собой спиртные напитки и закуску, выбравшись на середину залива Золотой Рог отдыхающие распивали спиртные напитки, выбрасывая бутылки прямо за борт, играли на музыкальных инструментах, громко распевали песни. Случалось дело доходило до драк или избиения лодочника-китайца, а иногда подвыпившие вместе с отдыхающими шлюпочники не удерживали лодку на плаву и переворачивались вместе с горюляками (*Далекая окраина, 1911: 1 июля*).

Организацией общественных развлечений на воде занимались спортивные общества. Яхт-клуб Владивостока был не только клубом состоятельных горожан – владельцев яхт и катеров, но и организовывал спортивные и развлекательные мероприятия для широкой публики. Летом 1911 г. общество провело спортивные гонки на разных судах по акватории бухты Золотой Рог. Гонки были приурочены к посещению Владивостока американской эскадрой. Гости также приняли участие в соревнованиях. Для удобства публики и широты обзора на середине залива были установлены разукрашенные баржи, на которых играл оркестр. Публику на баржи с Адмиральской пристани доставляли катера. Плата за билеты составляла 1 руб. для взрослых и 50 коп. для детей и учащихся. В программе состязаний были гонки для четверок, пятывесельных вельботов, шестерок, десяти и двенадцативесельных катеров, а также мелких судов – парусинок, тузиков, яликов, шампунок. Для нижних чинов, участвующих в гонках, были предусмотрены денежные призы: за I место – 2 руб., за II – 1 руб., за III – 50 коп. каждому, офицерам же вручались жетоны яхт-клуба. В перерывах между гонками были проведены соревнования по прыжкам в воду и в плавании на 100 метров (*Далекая окраина, 1911: 1 авг.*).

В Благовещенске спортивные соревнования на воде устраивались Амурским отделением Российского Императорского Общества спасания на водах, организованным в 1899 г. Это были состязания пловцов, гонки на гребных и моторных лодках (*История, 2008: 370*). Отделения этого общества существовали во Владивостоке, Николаевске-на-Амуре и Хабаровске.

Во Владивостоке, Благовещенске, Хабаровске спектр спортивных развлечений для состоятельной публики был весьма широк – футбол, баскетбол, крикет, гольф, теннис, скэтинг-ринг (ролики), конькобежный спорт и хоккей, бильярд и кегельбан, фехтование и призовая стрельба по мишеням, велосипедный спорт, конные скачки, легкая атлетика, сокольская гимнастика и пр. Малоимущие слои городского населения развлекались традиционными играми – городками, лаптой, устраивали петушиные бои, играли в орлянку.

В конце XIX – начале XX в. появились спортивные сооружения, построенные разными обществами (и не только спортивными), крупными компаниями, предпринимателями, военными – кегельбаны, теннисные корты, площадки для гольфа и крикета, велосипедные треки, гимнастические городки и небольшие стадионы с трибунами, ипподромы и катки. Они использовались для проведения разнообразных спортивных состязаний, основной целью которых было не только проведение досуга и развлечение публики, посещавшей их, но и приобщение к спорту как можно более широких слоев населения через пропаганду спорта и здорового образа жизни, показ достижений участников спортивных обществ. Занятия спортом не стали массовым явлением в рассматриваемое время, однако посмотреть на состязания собиралась многочисленная публика.

В начале XX в. в арсенале развлечений состоятельных горожан появились скачки и бега, в некоторых дальневосточных городах были построены ипподромы. Строительством ипподромов, организацией бегов и скачек, разведением беговых лошадей занимались местные отделения Российского императорского общества поощрения коннозаводства (*Коляда, Кузнецов, 1997: 169*). Во Владивостоке ипподром соорудили в 1902 г. на северной оконечности бухты Золотой Рог, по дороге от Луговой на Чуркин в так называемом Гнилом углу (*Владивосток, 1985: 51*). Скачки начинались в 12.30 и заканчивались в 17 часов. Для удобства публики с Адмиральской пристани отправлялись катера. 25 сентября 1911 г. на ипподроме, например, состоялся «Приморский дерби», в шести забегах участвовала 31 лошадь. Цена билета в ложах составляла 10 и 12 руб., на простых местах – по 1 и 2 руб. (*Далекая окраина, 1911: 25 сент.*).

В Благовещенске в 1895 г. были устроены временные трибуны на льду Амура, а в 1904 г. Амурское общество поощрения коннозаводства построило и постоянный ипподром (*История, 2008: 370*). Летом бега устраивались на ипподроме и по Игнатьевскому тракту, зимой – по льду Амура. Кроме разнообразных скачек – казачьих, офицерских, дамских, публику развлекали показательными выступлениями казаков с джигитовкой, стрельбой по мишеням с лошади и пр. Иногда подобные соревнования проходили в казачьих и военных летних лагерях, на них также приглашалась публика, причем вход был бесплатный (*История, 2008: 371, 377-378*).

В зимнее время досуг горожан также был наполнен уличными развлечениями: они катались на коньках, устраивали гонки на саниах, запряженных тройками лошадей по городским улицам, или на нартах с собачьими упряжками. Любимым развлечением детворы было катание на санках с гор, игра в снежки, взятие снежных крепостей. В городских садах устраивались ледяные горки и строились снежные крепости.

Во Владивостоке каток устраивался прямо на льду залива Золотой Рог, а также в пригороде, в Никольске-Уссурийском бесплатный каток для всех желающих был в военном городке, в

Благовещенске имелось несколько катков – на Амуре у мола, напротив Триумфальной арки, в саду у Общественного собрания, возле мужской гимназии, на углах улиц Большой и Мастерской, Графской и Релочного переулка, у электротeatра «Синема» (Матвеев, 1990; История, 2008: 371; Коляда, Кузнецов, 1997: 113).

Площадки под катки были организованы, конечно, с разной степенью комфорта, и плата за вход отличалась, были и общедоступные катки, куда детей пускали за небольшую плату. Э. Прей, как и многие женщины ее круга, также каталась зимой на коньках: «Каток очень хорош; он находится напротив Морского клуба и занимает около половины акра, а чистят и убирают его кули. Он обнесен вокруг забором, и с каждой стороны имеется по домику, куда можно зайти, чтобы погреться и выпить горячего чаю. Около входа находится помост, на котором дважды в неделю играет духовой оркестр. Билеты за весь период стоят пять рублей, а разовый билет – двадцать копеек» (Прей, 2008: 125). По праздникам на катках устраивали массовые гуляния, карнавалы, каток иллюминировался: «Каток был великолепен – с улицы, проходящей выше, он смотрелся как волшебная страна: он был освещен развешанными на веревках цветными фонариками и ... лигроиновыми лампами. Играл духовой оркестр и было множество народу. ... Танцевали на коньках русскую кадрили, и это было очень мило; в танце участвовали, конечно, только те, кто хорошо катался, и они сделали это превосходно» (Прей, 2008: 126).

Особый колорит дальневосточным городам придавали развлечения с азиатской спецификой. На городских улицах горожане могли развлечься выступлениями китайских фокусников, музыкантов, жонглеров, шпагоглотателей, гимнастов, их приглашали для выступления на народных гуляниях в городских садах (Далекая окраина, 1911: 23 июля).

Одним из ярчайших развлечений не только для проживающих здесь китайцев, но и для россиян было празднование Нового года по восточному календарю или Праздника «белого месяца». Оно начиналось в конце января или феврале и длилось в течение целого месяца. Значительная часть праздничных церемоний и развлечений происходила за закрытыми дверями, в жилищах китайцев, но пятнадцатый день в Китае и шестой на нашей окраине день «белого месяца» проходил на городских улицах. Это был самый оживленный, веселый и интересный день: утром большая процессия оживляла городские улицы, вечером – эффектная иллюминация, ночью – смотр фонарей. Д.И. Шрейдер, посетивший Дальний Восток в конце XIX в., был впечатлен увиденным и оставил подробное описание этого праздника во Владивостоке. «К этому дню манзы усиленно готовятся уже несколько дней, фанзы убираются, чистятся, моются, украшаются китайскими фонарями, драпируются разноцветными флагами. ... Улицы, и без того людные все эти дни, теперь буквально переполнены толпами народа. С самого раннего утра начинается движение процессий. Вот плавно движется по кривому переулку «процессия дракона». ... Под хаотические звуки ракет, петард и там-тама, образующих собой невыносимый для европейского уха концерт, по середине улицы важно выступают два длинноносых знаменосца: один из них несет на длинном древке национальный флаг Небесной империи, изображающий цветного дракона, вышитого на ярко-желтом фоне, другой – русский коммерческий флаг. Позади знаменосцев – труппа бродячих китайских актеров, прибывших специально для этого праздника во Владивосток из Китая, на высоких ходулях» (Шрейдер, 1897: 107-108). Они изображают китайского мандарина, китаянку и воинов. «Шествие замыкается двумя огромными фонарями. Впереди несут гигантский круглый фонарь, высоко возвышающийся над идущими впереди на ходулях актерами, а сзади его нагоняет, на спинах двадцати-тридцати человек, еще более колоссальный фонарь в виде дракона, который как бы стремится его проглотить» (Шрейдер, 1897: 108). Вечером улицы наполнились шумом петард и хлопушек, горожане любовались фонарями причудливой формы и цвета (Шрейдер, 1897: 109).

Заключение

Во второй половине XIX – начале XX в. досуг горожан (в первую очередь состоятельных и средних слоев) был наполнен разнообразными уличными развлечениями. Городские сады и парки, водная гладь рек и морей, дачная местность превратились в обширное развлекательное пространство. Организацией уличных развлечений занимались самодеятельные общества – спортивные, поощрения учащихся, детских развлечений, благотворительные. Они преследовали две цели – сбор средств для своих нужд и организация досуга горожан. Эти мероприятия выполняли важную роль в сплочении местного городского общества, наполнении досуга горожан полезными развлечениями, способствовали физическому развитию взрослых и детей, вовлеченных обществами в развлечения на свежем воздухе, спортивные соревнования, занятия туризмом и подвижными играми. Самодеятельные организации уделяли немало внимания и организации развлекательных пространств: строительство разнообразных спортивных сооружений в городских садах и в дачной местности. Большинство практик уличных развлечений в городах дальневосточной окраины не были местным изобретением, а были привнесены извне – из европейской части России или из-за границы. Близость Китая накладывала отпечаток на местные уличные развлечения: китайские мигранты принесли с собой празднование Нового года по восточному календарю, представления уличных артистов, акробатов и жонглеров. Изменение досуговых практик отражало трансформацию российского общества в эпоху модернизации. В сфере уличных развлечений быстро шли процессы

гомогенизации и демократизации досуга. Народные гуляния, благотворительные мероприятия, спортивные соревнования в садах и парках привлекали все слои городского населения.

Литература

- Андриец, 2007** - Андриец Г.А. Массовые городские праздники на юге Дальнего Востока России (конец XIX — начало XX в.) // *Россия и АТР*. 2007. № 1. С. 155-165.
- Виноградов, 1901** - Виноградов А. В дальних краях. Путевые заметки и впечатления. М., 1901. 332 с.
- Владивосток, 1985** - Владивосток. Штрихи к портрету. Владивосток, 1985. 304 с.
- Голубцов, 1903** – Голубцов Н. Амурский календарь на 1903 год. СПб., 1903. 265 с.
- Гончаров, 2004** – Гончаров Ю.М. Городские праздники в Западной Сибири в середине XIX – начале XX в. // *Вестник ТГПУ*. 2004. Вып.4. (41). Сер. Гуманитарные науки. С.9-15.
- Далекая окраина, 1911** – Далекая окраина. Ежедневная газета. Владивосток. 1911. Все материалы опубликованы в разделе «Хроника».
- Дедлов, 1900** – Дедлов В.Л. Панорама Сибири. (Путевые заметки). СПб., 1900. 252 с.
- История, 2008** - История Амурской области с древнейших времен до начала XX в. Благовещенск, 2008. 424 с.
- Коляда, Кузнецов, 1997** - Коляда А.С., Кузнецов А.М. Никольск-Уссурийский: штрихи к портрету. Уссурийск, 1997. 224 с.
- Литягина, 2007** - Литягина А.В. Досуг в городах России во второй половине XIX – начале XX в. // *Вопросы истории*. 2007. №10. С.136-142.
- Ловелл, 2005** – Ловелл С. Досуг в России: «свободное» время и его использование // *Антропологический форум*. 2005. №2. С. 136–173.
- Малинова-Тзиафета, 2013** - Малинова-Тзиафета О.Ю. Из города на дачу: социокультурные факторы освоения дачного пространства вокруг Петербурга (1860–1914). СПб., 2013. 336 с.
- Мальшева, 2009** - Мальшева С.Ю. «Еженедельные праздники, дни господские и царские»: время отдыха российского горожанина второй половины XIX – начала XX в. // *Ab Imperio*. 2009. №2. С. 225-266.
- Матвеев, 1990** - Матвеев Н.П. Краткий исторический очерк г. Владивостока. Владивосток, 1990. 304 с.
- Позняк, 2013** - Позняк Т.З. Общественный досуг горожан на дальневосточной окраине во второй половине XIX – начале XX в. // *Вестник СПбГУ. Сер. 2*. 2013. Вып.1. С.146-155.
- Позняк, 2015** - Позняк Т.З. Развезть скуку провинциальной жизни: общественный досуг в городах дальневосточной окраины в 1850-1870-х гг. // *Россия и АТР*. 2015. №1 (87). С.81-93.
- Прей, 2008** - Прей Элеонора Лорд. Письма из Владивостока (1894-1930). Под ред. Б. Ингемансон. Владивосток, 2008. 448 с.
- РГИА ДВ** – Российский государственный исторический архив Дальнего Востока.
- Шрейдер, 1897** - Шрейдер Д.И. Наш Дальний Восток (Три года в Уссурийском крае). СПб., 1897. 469 с.
- Koenker, 2003** – Koenker D. Travel to Work, Travel to Play: On Russian Tourism, Travel and Leisure // *Slavic Review*. 2003. Vol.62. No4. P.657-665.
- Lovell, 2002** – Lovell S. Between Arcadia and Suburbia: Dachas in Late Imperial Russia // *Slavic Review*. 2002. Vol.61 No.1. P.66-87.

References

- Andriec, 2007** - Andriec G.A. Massovyе gorodskie prazdniki na jуге Dal'nego Vostoka Rossii (konec XIX — nachalo XX v.) [Mass city holidays on the south of the Russian Far East (the end of XIX – early XX century)] // *Rossija i ATR*. 2007. № 1. S.155-165. [in Russian]
- Vinogradov, 1901** - Vinogradov A. V dal'nih krajah. Putevyе zametki i vpechatlenija. [In far lands. Travel notes and impressions]. M., 1901. 332 s. [in Russian]
- Vladivostok, 1985** - Vladivostok. Shtrihi k portretu. [Vladivostok. Strokes to the portrait]. Vladivostok, 1985. 304 s. [in Russian]
- Golubcov, 1903** - Golubcov N. Amurskij kalendar' na 1903 god. SPb., 1903. 265 s. [in Russian]
- Goncharov, 2004** – Goncharov Ju.M. Gorodskie prazdniki v Zapadnoj Sibiri v seredine XIX – nachale XX v. [City holidays in Western Siberia in the middle of the XIX - early XX century] // *Vestnik TGPU*. 2004. Вып.4. (41). Ser. Gumanitarnye nauki. S. 9-15. [in Russian]
- Dalekaja okraina, 1911** – Dalekaja okraina. Ezhednevnaја gazeta. Vladivostok. [in Russian]
- Dedlov, 1900** – Dedlov V.L. Panorama Sibiri. (Putevyе zametki). SPb., 1900. 252 s. [in Russian]
- Istorija, 2008** – Istorija Amurskoj oblasti s drevnejshih vremen do nachala XX v. Blagoveshhensk, 2008. 424 s. [in Russian]
- Koljada, Kuznecov, 1997** - Koljada A.S., Kuznecov A.M. Nikol'sk-Ussurijskij: shtrihi k portretu. Ussurijsk, 1997. 224 s. [in Russian]

Lityagina, 2007 - Lityagina A.V. Dosug v gorodah Rossii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v. [The leisure in Russian cities in second half XIX – the beginning of XX century] // *Voprosy istorii*. 2007. №10. p. 136-142. [in Russian]

Lovell, 2005 - Lovell S. Dosug v Rossii: «svobodnoe» vremya i ego ispol'zovanie. [The leisure in Russia: «free» time and its use]. *Antropologicheskij forum*. 2005. №2. pp. 136-173. [in Russian]

Malinova-Tziafeta, 2013 – Malinova-Tziafeta O.Yu. Iz goroda na dachu: sociokul'turnye factory osvoeniya dachnogo prostranstva vokrug Peterburga (1860-1914). [From the city to the country: socio-cultural factors of development suburban area around St. Petersburg (1860-1914)]. SPb., 2013. 336 s. [in Russian]

Malysheva, 2009 – Malysheva S.Ju. «Ezhenedel'nye prazdniki, dni gospodskie I carskie»: vremja otdyha rossijskogo gorozhanina vtoroj poloviny XIX – nachala XX v. // *Ab Imperio*. 2009. № 2. S. 225-266. [in Russian]

Matveev, 1990 - Matveev N.P. Kratkij istoricheskij ocherk g. Vladivostoka. Vladivostok, 1990. 304 s. [in Russian]

Poznjak, 2013 - Poznjak T.Z. Obshhestvennyj dosug gorozhan na dal'nevostochnoj okraine vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v. [Public leisure of the citizens on the Far East in the second half of XIX – early XX century] // *Vestnik SPbGU. Ser. 2*. 2013. Vyp.1. S.146-155. [in Russian]

Poznjak, 2015 - Poznjak T.Z. Razvejat' skuku provincial'noj zhizni: obshhestvennyj dosug v gorodah dal'nevostochnoj okrainy v 1850–1870-h gg. // *Rossija i ATR*. 2015. №1 (87). S.81-93. [in Russian]

Prej, 2008 – Prej Eleonora Lord. Pis'ma iz Vladivostoka (1894-1930). Vladivostok, 2008. 448 s. [in Russian]

Shreyder, 1897 - Shreyder D.I. Nash Dal'niy Vostok. Tri goda v Ussuriyskomkraye. [Our Far East. (Three years in Ussuriisk territory)]. SPb., 1897. 469 p. [in Russian]

Koenker, 2003 – Koenker D. Travel to Work, Travel to Play: On Russian Tourism, Travel and Leisure // *Slavic Review*. 2003. Vol.62. No4. P.657-665.

Lovell, 2002 – Lovell S. Between Arcadia and Suburbia: Dachas in Late Imperial Russia // *Slavic Review*. 2002. Vol.61. No.1. P.66-87.

УДК 947.083(571.6):379.8

Городские улицы, сады и дачи как пространство досуга на российском Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX в.

Татьяна Зиновьевна Позняк ^{а, *}

^а Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена исследованию сферы досуга в городах дальневосточной окраины Российской империи в конце XIX – начале XX в. Автор попытался восстановить многообразие повседневных и праздничных уличных развлечений горожан. Военные парады на городских площадях, массовые гуляния в садах и парках, благотворительные мероприятия выполняли важную роль в сплочении местного общества, наполнении досуга горожан полезными развлечениями. Важную роль в организации развлечений на свежем воздухе играли разнообразные общества и кружки. Спортивные соревнования, туристические походы способствовали физическому развитию взрослых и детей, вовлеченных обществами в развлечения на свежем воздухе. Добровольные общества уделяли немало внимания и организации развлекательных пространств: строительству разнообразных спортивных сооружений в городских садах и в дачной местности, украшению садов во время благотворительных мероприятий. В сфере уличных развлечений быстро шли процессы гомогенизации и демократизации досуга. Новые формы социальной активности в сфере досуга стали выражением трансформации традиционной культуры и формирования городского образа жизни. Большинство практик уличных развлечений в городах дальневосточной окраины не были местным изобретением, а были привнесены извне – из европейской части России или из-за границы. Близость Китая накладывала отпечаток на местные уличные развлечения: китайские мигранты принесли с собой празднование Нового года по восточному календарю, представления уличных артистов, акробатов и жонглеров.

Ключевые слова: город, досуг, местное общество, повседневность, добровольные общества, Дальний Восток, Российская империя.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: tzpoznyak@mail.ru (Т.З. Позняк)

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 41, Is. 3, pp. 770-776, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 93(99 930.85)

The System's Evolution of Church and Parish Schools Western Siberia at the Boundary of the XIX–XX Centuries

Alexander A. Valitov ^{a, *}, Elvira Sh. Dementieva ^b, Sergey A. Dianov ^c

^aTobolsk complex scientific station of UB RAS, Russian Federation

^bTobolsk Teacher Institute D.I. Mendeleev Branch of the Tyumen State University, Russian Federation

^cState National Research Politechnical University of Perm, Russian Federation

Abstract

In article educational activity of the Russian Orthodox church is considered at a boundary of the XIX–XX centuries on the territory of Western Siberia. Authors state results of the analysis of the historical sources allowing to track process of emergence and development of elementary church schools in the region undertaken by it. Aspects of institute's work are covered of diocesan observers and diocesan school boards.

The existing church schools were the only possibility of familiarizing with knowledge of the basic to the population of the region of this period. The value of educational activity of church was especially great, at extensiveness of territories, big remoteness of settlements from each other and lack of territorial establishments in Western Siberia.

The conclusion is that the system of church schools was developed in parallel with system of secular education of similar level. The competition between two systems forced to find new effective methods of work and constantly to improve vocational training of teaching personnel that eventually played a positive role in development of domestic primary education.

Keywords: public education, Western Siberia, parochial school, Tobolsk province, Tomsk province.

1. Introduction

Need of economic modernization of Russia required to solve problem of school training in the country at the end of the nineteenth century. Reforming of the state demanded increase of education level of the population which main part was illiterate. The existing system of initial training didn't correspond to calls of an era and couldn't be effective in current situation.

During the different historical periods the parish school took a certain place in life of the people, the government treated them ambiguously also. However, its emergence and further development was always lit with the historical union of orthodox church and the state. Therefore, at the end of XIX – the beginning of the XX centuries it contained in herself not only the whole system of religious and educational and moral and educational measures in the field of primary education, but also a complex of actions for formation of national and patriotic feelings.

2. Materials and methods

Today in studying of history of spiritual education in Russia there are unexplored materials on emergence, functioning of different types of church schools: one-cool and two-cool parish, schools of literacy, Sunday, second-class and church and teacher's schools. Meanwhile church schools made a basis of system of spiritual education and played an important role in distribution of both national education, and bases of orthodox culture.

* Corresponding author

E-mail addresses: val11@bk.ru (A.A. Valitov), elvira-dem@yandex.ru (E.Sh. Dementieva), dianov-sa@rambler.ru (S.A. Dianov)

Addressing to consideration of researches on primary education, that is parish schools during the Soviet period, one can note that the subject of activity of church schools wasn't considered as independent, and was only indirectly mentioned in works on history of primary education or on history of Russian Orthodox Church.

The article has been compiled from original archive sources from the State Archives of Tobolsk, fund 61, "Eparchial School Council of Tobolsk" and from the State Archives of Tomsk, fund 146 "Eparchial School Council of Tomsk". Material of official pre-revolutionary statistics and published sources and investigations of modern authors were used here too. Complication of the object required to use the theory of modernization. Structural analysis made it possible to identify elements of religious school as a system. Their interconnections and transformation for whole period of their existence were examined too. Historical and genetic method revealed cause-and-effect relationships and regularities of the Orthodox schools. The method helped to make a whole picture of church school matter in the Western Siberia for a period of study.

3. Discussion

There was a certain historiography in the basic at the all-Russian level on the studied problem, so E.V. Dvoretzky, K.V. Kozlov investigated a control system of church schools in Russia (Дворецкий, Козлов, 2014: 112-115). The place of church school in system of national education of the empire was studied by A.N. Kalachev (Калачев, 2011: 21-30).

At the beginning of Alexander II's board (1856) specific weight of the people made only 5-6 % of the total number of the population of the Russian Empire who got an elementary education. The question of development of initial national education was one of the most topical. Especially it was particularly acute in the remote regions of the country where the share competent was even less, than in the European part (Eklof et al., 2010: 8).

The state considered that the Russian Orthodox Church (ROC) has a necessary resource for education of the population. The system of primary national education which began to be made out in Russia in the 60th of the XIX century, with some changes existed till February, 1917. In the second half of the XIX century (1856–1896) total of schools was grown more than by nine times (from 8 to 79 thousand), and the number of pupils was increased by eight times (from 450 thousand to 3,8 million people). Thus, number increased from 6 % to 21 % got an elementary education (Определение Св. Синода, 1909: 17-18). Nevertheless, it was obviously insufficiently for satisfaction of needs of the country for competent people.

4. Results

At the end of XIX – the beginning of the XX century participation of ROC in national education was carried out according to two fundamental bills: "The provision on initial national schools" of July 14, 1864 and "Rules about the parish schools (PS)" of June 13, 1884.

New rules about parish schools promoted rather rapid growth of number of church schools, in dioceses of Western Siberia – Tomsk and Tobolsk. More difficult situation was observed with their establishment at the end of the XIX century in again formed in 1895 the Omsk diocese where there was no steady financial base, and own leading infrastructure only started developing. Therefore, there were not so many observed church schools in the last fifth anniversary of century.

The West Siberian church and teacher's seminaries were based as the similar secular educational institutions existing already in the region. However unlike secular establishments seminaries had a bit different task – it was education of future mentors who have to become, before everything, conductors of religious and moral traditions in the wide mass of local population. Seminaries were arranged, as a rule, at monasteries, had rather rigid regulation of the internal schedule and quite long terms of training.

Till 1910 on the territory of Western Siberia one church teacher's seminary functioned in Tomsk. There were twenty them in Russian Empire (Гизей, 2004: 121).

Training of capable teachers for parish schools was conducted as well in spiritual schools, and in theological seminaries, and in diocesan women's schools but as activity of the called educational structures pursued first of all other aims directed on satisfaction of internal requirements of church (especially it is necessary to charge to spiritual schools and theological seminaries), the share of release of teachers from them was insignificant.

By 1907 in Western Siberia only seven teachers from the members of a pricht who had the higher and secondary education worked: two – in the Tobolsk diocese and five – in Tomsk. Pupils of diocesan schools became rural teachers more willingly, but also from their circle of persons interested was a little as they "were hardly reconciled with those deprivations which had to be experienced in the poor... to church school" (Manchester, 2000: 663).

In the 80-90th of the XIX century in Russia in general there was a system of educational institutions of spiritual department where the elementary national schools (parish and schools of the diploma) trained to elements of the diploma of everyone rather effectively functioned and also preparation of the pedagogical personnel was carried out. This system existed up to February, 1917, as it was already mentioned above, and made the significant contribution to development of primary national education.

In the 1880th the bulk of elementary schools of Western Siberia was under supervision of two departments – the Ministry of National Education (MNE) and Orthodox church though the full palette of similar educational institutions was rather motley.

The right of the basis of PS on the places theoretically belonged to diocesan bishops. However they, without having often opportunities personally to be engaged in school business, actually charged its monitoring to diocesan observers. The official statement of established posts of diocesan observers belongs to the beginning of the 1890th. And it was carried out not everywhere, but only in some large dioceses: Moscow, Tobolsk, Kursk and where there were no territorial establishments. It is remarkable that the Tobolsk diocese concerning success of the organization of spiritual and school business during this period was mentioned along with Moscow (GATO. F. 146. Op. 1. D. 1. L. 14).

Expediency and efficiency of introduction of positions of diocesan observers was confirmed with practical activities, and this experience was widely adopted over all country soon. In 1895, for example, on the maintenance of observers in 63 dioceses 141 500 rub besides the special inspectorate was founded operating under the guide of the same diocesan observers. Same 1895 for ensuring its functioning 338 020 rub were released.

Constantly acting administrative structure in church and school business in the provinces were the Diocesan College's Councils (DCC) supervising everything the leading aspects of activity of system of PS in dioceses on the basis of the legislation and in strict accordance with ultimate goals. The diocesan observers and inspections of PS which were a part of DCC in the 1890th became part of this of the uniform organizational controlling mechanism. If DCC were engaged first of all in administrative problems, diocesan observers and inspections were obliged to watch the correct statement and productivity of directly educational process. DCC gave help to schools in the solution of personnel questions, tried to distribute more effectively the means arriving from treasury organized the book warehouses allowing to supply smoothly and in due time all elementary schools cheap, and in certain cases and free textbooks. The big role of DCC was played in completing and replenishment of school libraries for home reading.

Discussion of current affairs in the college's councils was carried out jointly at the general meetings gathering about 40-50 times a year (Головин, 1894: 7). In the Tomsk diocese for bigger efficiency in the solution of urgent questions at DCC in general the school commission was specially created.

By the end of the 1880th the number of church schools increased so that DCC was already difficult to carry out the actions connected with ensuring their high-quality functioning. Besides the situation in the Siberian region was complicated by the geographical features consisting in the big territorial extent and lack of stable means of communication with northern territories. These reasons caused the necessity of establishment of DCC branches in districts. On May 28, 1888 St. The synod approved rules of their opening and activity. In the Tobolsk and Tomsk dioceses appeared on five branches (offices) of DCC. Countrywide by 1891 similar district offices were 496 (Ванчаков, 1909: 6).

Left in November, 1895 the provision on management of schools parish and diplomas", approved for No. 3767 is most royal ", gave completeness to a control system of initial national educational institutions of spiritual department. The document regulated the number of staff of EUS and district offices, defined the rights and duties of the officials, and also a range of questions, which were in competence of each of them.

In the middle of the 1890th there was a sharp, strict hierarchy of the management of PS allowing to organize rather effectively educational process according to the designated purposes, to provide educational institutions to all necessary and in due time to react to their needs and inquiries. Thanks to it church and school business became active to develop, and five years later after publication of "Rules about parish schools" (1884–1889) in the country 17 715 such schools already worked, and by the end of their XIX century was already 21 418, and 898 worked in Western Siberia (Определение Св. Синода, 1909: 1). In comparison with 1870 the number of parish schools increased almost seven times, and in comparison with 1880 – five times (Ванчаков, 1909: 7). Training programs of PS were ground on education of youth in the spirit of moral and world outlook values of Orthodoxy which were combined with faithful moods. Realization of this task demanded introduction to process of training of such occupations which weren't provided at secular schools. Among them there was a Church of Slavonic language and reading, church of singing, etc. These circumstances demanded increase in an initial two-year course at one-cool schools till three years. They were considered and when determining the St. synod in 1885 of an area of the textbooks accepted for schools where the main emphasis and became on religious and moral education.

At the beginning of 1886 by the definition of the St. synod of February 14-25 at No. 414 the first training program was approved and published, and to the middle of the year by circular decrees of July 9, 1886 the programs for the all subjects taught at church schools were dispatched on dioceses. Besides, training programs, were published on pages of the central and local diocesan editions for the purpose of their wider circulation (Отчет о состоянии, 1892: 17).

Rates and tendencies of development of church and school matter in the Western Siberia quite fitted into a context of dynamics of the all-Russian situation. PS greatest number in the region functioned in 1901-1903 – there were them from 1. 718 to 1.999. In 1902 year in Tomsk diocese 1.086 PS worked that considerably surpassed indicators of the next territorial educations. On the second place there was the Tobolsk diocese where carried out educational activity of 350 such institutions, then the Omsk diocese followed containing 282 schools (Церковные школы, 1898-1899: 687).

After 1903, in process of a maturing of a revolutionary situation in the country, recession began in process of the organization and functioning of church and school system. However, turning of activity was very unequal. If in the Omsk diocese only three PS stopped existence, the Tomsk diocese suffered incomparably more considerable losses – in it 200 church schools were closed. The Tobolsk diocese became only in which the gain of PS remained the same. Here in general for a decade, from 1897 to 1907, the situation remained quite equal and stable. In the first five years the number of schools increased on 25, and in the subsequent – on 20.

Then the period of small rise came there. By 1908 in the Western Siberia 2 196 PS functioned from which 2 138 were parish. In it is general number also 22 teacher's schools entered, among them – 20 second-class and one church and teacher's seminary in the Tobolsk diocese ([Программы учебных предметов, 1886: 14](#)).

Apparently from the provided figures, the Tomsk diocese was the regional leader in quantity of PS which, by the way, were opened on its territory much earlier, than initial educational institutions of the Ministry of national education. In 1884 148 ministerial schools at which 3 433 people, and 239 church schools where the contingent was almost twice more – 5 416 pupils ([Луппов, 1903: 2](#)).

In 1901 in the Tomsk province functioned already 993 PS from 37,5 thousand pupils. Ministerial schools at the same time was only 245 from 12,5 thousand pupils ([Преображенский, 1897: 81](#)). By the end of 1908 superiority of ROC in a school question in the province remained in spite of the fact that during this period already there is the whole set of educational institutions which organization authorized not only MNP, but also other secular departments (the Ministries of Internal Affairs, railway transport, mountain plants, the Cossack divisions, etc.). If there were secular educational institutions in total 599 and of 37 994 pupils joined knowledge in them ([GA v g. Tobol'sk. F. 61. Оп. 1. D. 18. L. 5](#)), church schools exceeded the corresponding indicators practically twice ([Отчет о состоянии, 1910: 45](#)).

In total in 30 years (1884–1908) in the Tomsk province the number of elementary schools of various departments increased four times ([Ванчаков, 1909: 31](#)). Successful advance of school matter in the provincial diocese is explained by two main reasons.

First, high competence of the diocesan bishops who not only were possessing pedagogical skill, but also having a wide experience in the field of school education. Two of them – Vladimir (Petrov) and Makari (Nevsky) – rather long time were on missionary service in Altai Region where creation and work of TsSh were supervised. Both priests worked in close contact with N. I. Ilminsky – the theorist of school business of the state scale. The remained correspondence between them shows existence of high pedagogical talent and organizing abilities at orthodox figures.

Heading the Tomsk diocese, both Vladimir (Petrov), and Makari (Nevsky), everyone in turn, directed church and school construction by means of own orders and mailing of circular instructions of St. the synod, but also regularly in personal meeting explained decent literally all arising practical questions. It is important that Vladimir (Petrov) who was at the head of the diocese during the most active formation of PS (1883–1886) from the very beginning could give to school matter in the province a strong and correct basis.

Secondly, unusually high grow of number of PS in the Tomsk province is connected with interest of the local administration which in own way proved in the state importance in comparison with the neighboring dioceses. In the second half of the 1890th by order Tomsk governor general aide-de-camp A.A. Lomachevsky forced local civil societies to open elementary schools on villages. With the stroke of the pen to the current only 1895–1896 the number of schools increased with 234 to 1 178 ([Программы учебных предметов, 1886: 14](#)). But already by the end of 1896 because of complication of their contents for local societies and for the purpose of ensuring appropriate functioning of school were transferred to the jurisdiction of the diocese. Without having absolutely any financial base, at the beginning they existed as school of the diploma. Soon the active governor was transferred to the new duty station, and the number of schools began to be reduced gradually. By 1900 their number decreased to 690, and by 1909 there was only 458 ([Определение Св. Синода, 1909: 30-31](#)), i.e. a little more half of the originally based.

5. Conclusion

Thus, in development of school matter in the Tomsk province opposite strategy of spiritual and secular administration were brightly reflected in the solution of problems of national education. On the one hand, the laborious, permanent and long-term job aimed at receiving as much as possible a good result was carried out, with another – for the sake of ephemeral, but fast progress momentary, unreasoned decisions were made. This situation, of course, wasn't typical for all Western Siberia. However, this example shows that the end result in many respects depended on concrete circumstances.

So, active self-sacrifice of Russian Orthodox Church in the field of national education at the end of XIX – the beginning of the XX century was caused by national objectives of distribution of literacy among the population. For many citizens of the Russian Empire church schools were the only opportunity to join elementary knowledge. In Western Siberia, in the absence of territorial establishments, value of educational activity of clergy was especially great.

The system of church schools evolved in parallel with system of secular education of similar level, and the first on many indicators practically was always ahead of the last. The competition between two systems

forced to find new effective methods of work and constantly to improve vocational training of teaching shots that eventually played a positive role in development of domestic primary education.

Литература

Ванчаков, 1909 – Ванчаков, А.М. Краткий историко-статистический обзор развития церковной школы с 1884 г. до настоящего времени (1884–1909): читанный на торжественном акте в день 25-летия церковных школ. СПб., 1909. 29 с.

Гизей, 2004 – Гизей Ю.Ю. Церковно-приходская школа в Томской епархии (1884–1917). Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004. 143 с.

Головин, 1894 – Головин П.Д. Десятилетие церковно-приходских школ в Тобольской епархии. Тобольск, 1894. 57 с.

Дворецкий, Козлов, 2014 – Дворецкий Е.В., Козлов К.В. Складывание системы управления церковными школами в России в 1884–1896 гг. // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика*. 2014. Т. 31. № 15 (186). С. 112–115.

ГА в г. Тобольске – Государственный архив в г. Тобольске.

ГАТО – Государственный архив Томской области. Ф. 146.

Деятельность, 1897 – Деятельность преосвященного Агафангела бывшего епископа Тобольского по отношению к духовно-учебным заведениям епархии (1893–1897 гг.). Тобольск, 1897. С. 14–17.

Церковные школы, 1898–1899 – Церковные школы к 1 января 1898 г. // Школьный календарь. 1898–1899. С. 66–69.

Исторический очерк, 1909 – Исторический очерк развития церковно-приходских школ за истекшее 25-летие (1884–1909). СПб., 1909. 36 с.

Калачев, 2011 – Калачев А.Н. Церковно-приходская школа в системе начального народного образования // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта Выпуск. 2011. № 4. С.21–30.

Луппов, 1903 – Луппов П. Из школьной статистики. Движение церковно-школьного дела в пятилетие 1896–1900 // Народное образование. 1903. Кн. III. С. 253–254.

Определение Св. Синода, 1909 – Определение Св. Синода от 19 декабря 1909 г. № 10260 // Народное образование. 1909. Вып. VIII. С. 30–31.

Отчет о состоянии, 1892 - Отчет о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты Томской епархии за 1890-1891 учебный год. Томск, 1892. 41 с.

Отчет о состоянии, 1910 - Отчет о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты Томской епархии за 1908-1909 учебный год. Томск, 1910. 45 с.

Преображенский, 1897 – Преображенский И. Отечественная Церковь по статистическим данным с 1840 по 1891 г. СПб., 1897. 240 с.

Программы учебных предметов, 1886 - Программы учебных предметов для церковно-приходских школ // Иркутские Епархиальные Ведомости. 1886. № 40–45. С. 17–21.

Успенский, 1910 – Успенский А. Краткий обзор церковно-школьного дела в Томской епархии за 1886–1909 гг. Томск, 1910. 41 с.

Eklof et al., 2010 – Eklof, B., Peterson, N. Laska i Poriadok: The Daily Life of the Rural School in Late Imperial Russia // *Russian Review*. 2010. Т. 69, Is. 1. pp. 7-29.

Manchester, 2000 – Manchester L. Religious schools in Russia in the first quarter of the 19th century // *Slavic Review*. 2000. Т.59, Is. 3. pp. 663-664.

References

Cerkovnye shkoly, 1898-1899 - Cerkovnye shkoly k 1 janvarja (1898). [Church schools by 1898]. The School calendar. (1898–1899). January 1. P. 66-69. [in Russian]

Dejatel'nost, 1897 - Dejatel'nost' preosvjashhennogo Agafangela byvshego episkopa Tobol'skogo po otnosheniju k duhovno-uchebnym zavedenijam eparhii (1893–1897 gg.). [Preosvyashchenny Agafangel's activity, the former Bishop of Tobolsk in relation to spiritual educational institutions of the diocese 1893-1897]. Tobolsk, 1897. P. 14-17. [in Russian]

Dvoretzky, Kozlov, 2014 – Dvoretzky, E.V., Kozlov, K.V. Skladyvanie sistemy upravlenie cerkovnymi shkolami v Rossii v 1884-1896 gg. [Folding of system management of church schools in Russia in 1884-1896]. Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija. Politologija. Jekonomika. Informatika. [Scientific sheets of the Belgorod state university. Series: History. Political science. Economy. Informatics]. T. 31. No. 15 (186). 112-115. [in Russian]

ГАТО – Gosudarstvennyj arhiv Tomskoj oblasti [State archive of Tomsk region].

ГА в г. Тобольск – Gosudarstvennyj arhiv v g. Tobol'ske [State Archive in Tobolsk].

Gizey, 2004 – Gizey, Yu.Yu. Cerkovno-prihodskaja shkola v Tomskoj eparhii (1884–1917). [Tserkovno-prihodskaya school in the Tomsk diocese (1884–1917)] Kemerevo, 143 p. [in Russian]

Golovin, 1894 – Golovin, P.D. Desjatiletie cerkovno-prihodskih shkol v Tobol'skoj eparhii. [Desyatiletie of parish schools in the Tobolsk diocese]. Tobolsk, 57 p. [in Russian]

Istoricheskij ocherk, 1909 - Istoricheskij ocherk razvitiya cerkovno-prihodskih shkol za istekshee 25-letie (1909). [A historical sketch of development of parish schools for the expired 25 anniversary 1884–1909]. St.-Petersburg, 5–6. [in Russian]

Kalachev, 2011 – *Kalachev, A.N.* Cerkovno-prihodskaja shkola v sisteme nachal'nogo narodnogo obrazovanija [Tserkovno-prihodskaya school in system of primary national education]. *Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta*. Vypusk № 4. P. 21–30. [in Russian]

Lupov, 1903 – *Lupov, P.* Iz shkol'noj statistiki. Dvizhenie cerkovno-shkol'nogo dela v pjatiletie 1896–1900. [From school statistics. The movement of church and school business in the fifth anniversary 1896–1900]. *Narodnoe obrazovanie*. 1903. Kn. III. [National education. Book of (III)]. P. 253–254. [in Russian]

Opreделение Sv. Sinoda, 1909 - Opreделение Sv. Sinoda ot 19 dekabrya 1909 g. № 10260 [Definition St. The synod of December 19. 1909. № 0260]. *Narodnoe obrazovanie*. 1909. Vyp. VIII. [National education. 1909. Vyp. (VIII)]. P. 17–18. [in Russian]

Otchet o sostojanii, 1892 - Otchet o sostojanii cerkovno-prihodskih shkol i shkol gramoty Tomskoj eparhii za 1890–1891 uchebnyj god [The report on a condition of parish schools and schools of the diploma of the Tomsk diocese in 1890–1891 academic years]. 1892. Tomsk, 41 p. [in Russian]

Otchet o sostojanii, 1910 - Otchet o sostojanii cerkovno-prihodskih shkol i shkol gramoty Tomskoj eparhii za 1908–1909 uchebnyj god [The report on a condition of parish schools and schools of the diploma of the Tomsk diocese in 1908–1909 academic year]. 1910. Tomsk, 45 p. [in Russian]

Preobrazhensky, 1897 – *Preobrazhensky, I* Otechestvennaja Cerkov' po statisticheskim dannym s 1840 po 1891 g. [Domestic Church according to statistical data from 1840 to 1891]. St.-Petersburg, 1897. 241 p. [in Russian]

Programmy uchebnyh predmetov, 1886 - Programmy uchebnyh predmetov dlja cerkovno-prihodskih shkol. [Programs of subjects for parish schools.] *Irkutskie Eparhial'nye Vedomosti* 1886. № 40–45. [Irkutsk Diocesan Sheets. 1886. № 40–45]. P. 14. [in Russian]

Uspensky, 1910 - Uspensky, A. (1910). Kratkij obzor cerkovno-shkol'nogo dela v Tomskoj eparhii za 1886–1909 gg. [The short review of church and school matter in the Tomsk diocese in 1880–1909]. Tomsk, 1910. 41 p. [in Russian]

Vanchakov, 1909 – *Vanchakov, A.M.* Kratkij istoriko-statisticheskij obzor razvitiya cerkovnoj shkoly s 1884 g. do nastojashhego vremeni (1884–1909): chitannyj na torzhestvennom akte v den' 25-letija cerkovnyh shkol [The short historical and statistical review of development of church school since 1884 so far (1884–1909): chitanny on the solemn act in day of the 25 anniversary of church schools]. St.-Petersburg, 29 p. [in Russian]

Eklof et al., 2010 – *Eklof, B., Peterson, N.* Laska i Poriadok: The Daily Life of the Rural School in Late Imperial Russia. *Russian Review*. 2010. T. 69, Is. 1. pp. 7–29.

Manchester, 2000 – *Manchester L.* Religious schools in Russia in the first quarter of the 19th century. *Slavic Review*. 2000. T.59, Is. 3. pp. 663–664.

УДК 93/94

Эволюция системы церковно-приходских школ Западной Сибири на рубеже XIX–XX веков

Александр Александрович Валитов ^{a, *}, Эльвира Шарипзяновна Дементьева ^b, Сергей Александрович Дианов ^c

^aТобольская комплексная научная станция УрО РАН, Российская Федерация

^bТобольский педагогический институт им. Д.И. Менделеева филиал ТюмГУ в г. Тобольске, Российская Федерация

^cПермский национально-исследовательский политехнический университет, Российская Федерация

Аннотация. Изучение системы народного образования дореволюционной России продолжает оставаться актуальной научной задачей для исследователей. Статья посвящена развитию системы церковно-приходских школ Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. Проведен тщательный анализ правовых, организационных и региональных особенностей возникновения и дальнейшей эволюции данных учебных заведений. Большую роль в организации церковных школ сыграли Епархиальные училищные советы.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: val11@bk.ru (А.А. Валитов), elvira-dem@yandex.ru (Э.Ш. Дементьева), dianov-sa@rambler.ru (С.А. Дианов)

Существующая система церковно-приходских школ исследуемого периода создавали возможности для просвещения подрастающего населения Западной Сибири. В регионе при обширности территорий, большой отдаленности населенных пунктов друг от друга и отсутствии земских учреждений, значение созданных церковно-приходских школ было велико.

Таким образом, созданная система церковно-приходских школ развивалась параллельно с системой светского образования Министерства народного просвещения. Между ними существовала конкуренция, которая вынуждала искать новые эффективные методы и формы работы, заставляла постоянно совершенствовать профессиональную подготовку учительских кадров, что в дальнейшем стало важным фактором успешного развития отечественного начального образования.

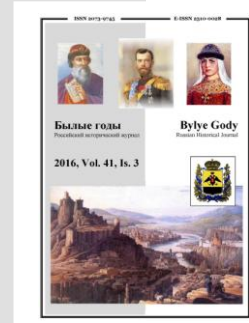
Ключевые слова: народное образование, Западная Сибирь, церковно-приходские школы, Тобольская губерния, Томская губерния.

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 41, Is. 3, pp. 777-783, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 908(470.4)-055.2-058.55

Specificity of Female Deviancy in Tsaritsyn at the end of the XIX century – early XX century

Anna S. Suhova ^{a,*}, Natalia V. Kazanova ^a, Irina G. Selezneva ^a

^a Volgograd State Technical University, Russian Federation

Abstract

The topic of the article is analysis of the nature and structure of the female deviancy in the town of Tsaritsyn at the end of 19th century – early 20th century. There was investigated the system and types of female deviant behavior. The work also discusses the theoretical basis of the problem of the influence of economic stability on the species structure of deviant and delinquent behavior of women. Based on the analysis of the materials of local archives, authors made “a collective portrait” of female criminal in Tsaritsyn at the end of 19th century – early 20th century, also defined the main reasons and structure of female crimes. We studied the main factors of the deviant behavior of women in the period of economic transformation of society, and come to the conclusion that the processes of industrialization, urbanization, changing economic structure has had significantly less impact than originally anticipated. This is probably due to the fact that these processes at the initial stage of its development has not yet led to a significant change of the traditional role of women in the structure of society, including to the mass of the active inclusion of women in these socio-economic processes.

Keywords: female deviant behavior, Tsaritsyn, female criminality, local history.

1. Введение

Во второй половине века XIX в России происходили структурные изменения традиционной экономической организации жизни, что неизбежно вело за собой разнообразные социальные проблемы. В частности, происходил слом устоявшихся гендерных моделей поведения, проявлявшийся в разнообразных девиациях. На наш взгляд, состояние женского девиантного поведения является определённым индикатором стабильности (или нестабильности) социально-экономического состояния общества. Исследование изменений в поведении женщин в пореформенное время позволяет нам представить целостную картину жизни женщины в одной из провинций Российской империи.

2. Материалы и методы

2.1. Основной источниковедческой базой исследования послужили материалы Государственного архива Волгоградской области (ГАВО. Ф. 1, Ф. 2, Ф. 10). В ходе работы нами были изучены документы Царицынской городской управы, уездного полицейского управления и уездного жандармского исправника за период с 1864 по 1904 гг. (данные хронологические рамки исследования связаны с проведением судебных реформ и изменениями в действующем законодательстве). В качестве сравнительного материала использовалась опубликованная статистика министерства внутренних дел России за период с 1874–1894 гг. (Итоги, 1899), справочный материал (Минх, 1902), аналитические и статистические работы дореволюционных авторов по заявленной теме.

2.2. Проблемы девиантного поведения рассматриваются нами с использованием системного, микросоциологического и комплементарного методов постижения правовых явлений в исторической

* Corresponding author

E-mail addresses: belousov34@yandex.ru (A.S. Suhova), nvkazanov@gmail.com (N.V. Kazanova), irinaselezneva@bk.ru (I.G. Selezneva)

ретроспективе. Специфика гендерных исследований предполагает использование сложного системного анализа половой дифференциации и девиантного поведения (с юридической точки зрения) как целостного феномена. Микросоциологический метод (Ф. Ле Пле, П.А. Сорокин, Г.Д. Гурвич), предоставляет возможность для комплексного исследования и изучения малых социальных групп (случаев), сопряженного со сбором информации о них самих и об их окружении. Комплементарный метод позволяет рассматривать правовые нормы и их трансформации, происходящие под влиянием изменяющихся социальных условий, их закрепления в нормах права, а также постепенное «размывание» правовых норм в зависимости от изменений социальной и экономической ситуации.

3. Обсуждение

Отдельные аспекты женского девиантного поведения рассматривались в ряде работ, наиболее ранние из которых относятся к концу XIX – началу XX веков. Старт исследованиям особенностей женского девиантного поведения, как известно, положили работы Ч. Ломброзо, антропометрические идеи которого были весьма популярны и получили широкое применение в юридической практике дореволюционной России. Наиболее значимыми публикациями, в которых были, как впервые опубликованы, так и проанализированы материалы по уголовной статистике, а также впервые рассматривалась гендерная специфика преступной деятельности, являются работы М.Н. Гернета, А.Н. Трайнина и других. Заостряя своё внимание на характерных особенностях и отличиях женских правонарушений от мужских, М.Н. Гернет исследовал динамику женских преступлений, их виды, специфику и мотивацию (Гернет, 1916), а также делал акцент на значимости социальной детерминации преступности (Гернет, 1905). Подробный обзор дореволюционной историографии по исследуемому вопросу составила Е.Н. Косарецкая, аргументировано утверждая, что «дореволюционные исследователи накопили значительный материал для дальнейшего изучения преступности в целом, женской в частности. Им удалось обосновать взгляд на преступность как социальное явление, выявить наиболее существенные факторы ее генезиса, дать им самую общую классификацию» (Косарецкая, 2007: 8).

После 1917 года исследования в области женских правонарушений по различным причинам долгое время оставались на периферии поля зрения юридической, социальной и исторической наук, и лишь с середины 80-х годов стали выходить серьёзные исследования, по всестороннему изучению данной проблемы. Этот поворот был осуществлён, в частности, благодаря публикациям Н.Л. Пушкарёвой. На обширном и разнообразном источниковедческом материале Н.Л. Пушкарёва и её соавторы подготовили достаточно большой корпус текстов, посвящённый исследованию женской истории в России. Особенно значимыми для нашего исследования являются следующие тексты: «Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X – начало XIX вв.)» (Пушкарева, 1997) и «Бытовое насилие в истории российской повседневности (XI–XXI вв.)» (Бытовое, 2000). Необходимо также отметить фундаментальную работу Б.Н. Миронова «Социальная история России периода империи (XVIII – начала XX вв.): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства». Автор, в частности, рассматривает положение женщины в обществе и анализирует её правовой статус, а также одним из первых среди современных исследователей начинает разрабатывать тему женской преступности в России рубежа XIX–XX веков (Миронов, 2003).

В начале XXI века началось интенсивное исследование процессов женских девиаций, происходивших в российской провинции в конце XIX – начале XX веков. В настоящее время данной (или смежной) проблематикой занимается достаточно широкий круг исследователей. Полагаем, что интенсификация исследовательского интереса связана с разработкой таких направлений исторических изысканий, как история преступности в регионах, история женской преступности, гендерные особенности и девиации поведения (Косарецкая, 2007; Рамазанова, 2011; Австрийский, Сухова, Селезнёва, 2015; Сухова, Селезнева, 2015а; Сухова, Селезнева, 2015b). Подробный обзор современной отечественной историографии по проблемам социальных девиаций в повседневной жизни российского социума конца XIX – начала XX века составили В.Б. Безгин и Д.П. Жеребчиков (Безгин, Жеребчиков, 2015).

Существенный вклад в исследование истории женщин в России внесли и зарубежные авторы (Engelstein, 1993; Wagner, 1994; Kaiser, 2002; Clements, 2012). В частности, в коллективной монографии «Women in Nineteenth Century Russia, Lives and Culture» тщательно проанализированы статьи дореволюционного законодательства, касающиеся прав женщин, и дан статистический обзор преступлений, совершённых в отношении женщин (Rosslyn, Tosi, 2012: 209-238).

Несмотря на столь масштабные исследования, некоторые вопросы особенностей девиантного поведения женщин в условиях бурного промышленного развития и ускоренной урбанизации, а также этнических и географических особенностей, присущих региону Нижнего Поволжья, в частности Царицыну, остаются недостаточно освещёнными.

4. Результаты

В начале исследуемого периода, в 1860 году в Царицыне насчитывалось 7027 жителей (3485 мужчин, 3542 женщин) (Минх, 1902. Т. 1, вып. 4: 1137) и основой экономики города служил рыбный промысел. Однако выгодное географическое положение способствовало тому, что в течение сорока лет Царицын превратился в один из наиболее интенсивно развивавшихся торгово-промышленных уездных городов юга России (Минх, 1902. Т. 1, вып. 4: 1094-1110). К началу XX века Царицын – достаточно крупный торгово-промышленный центр, с металлургическими и нефтеперерабатывающими предприятиями, а также железнодорожный и водный транспортный узел. К 1897 году население Царицына возросло почти в 8 раз – до 55186 тыс. человек (Царицын, 2005. Т. 4: 137). Помимо постоянного населения, за исследуемый период Царицын с каждым годом привлекал всё большее количество наёмных работников – в среднем до 10000 человек в год – (Царицын, 2005. Т. 4: 137), как сезонных, так и оседавших в городе на длительный срок (Минх, 1902. Т. 1, вып. 4: 1098).

Интенсивный экономический рост принёс в Царицын не только положительные изменения – трансформации традиционного образа жизни спровоцировали всплеск девиантного поведения населения. Девиантное поведение находит крайнее выражение в совершении преступления. Именно преступление является практически единственным видом девиантного поведения, которое в обязательном порядке фиксируется документально и потому наиболее доступно для изучения.

Исследование специфики правонарушений в зависимости от состава преступления, национальности, социального происхождения преступников и других факторов издавна привлекало внимание исследователей. Так, историк криминалистики А.Н. Трайнин, комплексно исследуя городскую и сельскую преступность в Российской империи, утверждал, что преступность в городе выше, чем в деревне (Трайнин, 1909: 7), полагая, что «каждая группа лиц, переселившихся в город, должна дать, по крайней мере, вдвое больше преступников, чем она дала бы, живя в деревне» (Трайнин, 1909: 26). Данное предположение А.Н. Трайнина, подтверждал фактическим материалом Е.Н. Тарновский, уточняя, что «преступность женщин в городском населении в три раза превышает отношение осужденных, совершивших преступления в уезде» (Итоги, 1899: 200). Влияние на рост преступности социальных факторов, таких как возраст, пол, незаконнорожденность, раса, экономическое положение и т.п., исследовал выдающийся юрист М.Н. Гернет (Гернет, 1905: 77-203). Он же рассматривал проблему дискриминации по национальному признаку (в частности женщин еврейской национальности) при применении уголовного наказания (Гернет, 1916: 45).

Сопоставив данные работ М. Н. Гернета (Гернет, 1911; Гернет, 1916), А. Н. Трайнина (Трайнин, 1909) и Е.Н. Тарновского (Итоги, 1899) с материалами Государственного архива Волгоградской области (ГАВО), мы приходим к выводу, что видовая структура женской преступности на примере правонарушений Царицына имеет свою специфику.

В исследованных материалах авторами было выявлено небольшое количество дел, заведенных в отношении женщин, которые по мотивам обвинения можно объединить в одну группу – политические преступления (Сухова, Селезнёва, 2015b: 45). Это скорее исключение, так как в основном политические дела находились в ведении Жандармского управления (см.: «Царицынский уездный исправник Саратовской губернии жандармского управления г. Царицын»: ГАВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 21). Правонарушительницы, осуждённые за совершение тяжких преступлений (кроме государственных преступлений, к ним относились преступления против жизни, здоровья и чести частных лиц) составляли в среднем 0,0065 % от общего количества женского населения Царицына (т.е. 2–3 осуждённые на 10 тыс. жительниц). В любом случае, мы полагаем, что дела по политическим преступлениям необходимо исследовать отдельно от уголовных.

В структуре женской преступности Царицына, как и в целом по России, преобладали мелкие правонарушения. Исследуя их, необходимо учитывать, что, как указывает Б.Н. Миронов, большинство мелких правонарушений разбирались непосредственно полицией или сельскими судами и не попадали в статистику Министерства юстиции, поэтому, по его оценке, фактический уровень количества мелких преступлений был в 3–4 раза больше, чем официально зарегистрированный (Миронов, 2003, т. 2: 83). Необходимо учесть также такие факторы, как отсутствие чёткого разграничения функций между судебными инстанциями, занимавшимися в исследуемый период мелкими правонарушениями, и отсутствие единой формы отчётности. Вследствие этого интересующая нас документация, представленная в архивах, фрагментарна, неоднородна и распределена по различным фондам. Данное обстоятельство, наряду с некоторыми другими (например, утратой части фондов Государственного архива Волгоградской области во время Великой Отечественной войны), не позволяет в полном объёме проследить динамику женской преступности в Царицыне. Тем не менее, сохранившиеся данные дают возможность составить некоторое представление об этом явлении, в частности, о его видовой структуре, и составить приблизительный «коллективный портрет» царицынской правонарушительницы.

Рассмотрение динамики женских девиаций в России в указанный период по пятилеткам показывает, что уровень делинквентного поведения у женщин в 70–80-е годы XIX века был относительно стабилен, а наибольшее количество женских девиаций было зафиксировано в 90-е годы XIX века (Итоги, 1899: 137-139). Доля женщин среди лиц, осужденных в Саратовской губернии, к

которой относился Царицын, была одной из самых низких по России и составляла около 9 % (Итоги, 1899: 140). Показатели женской девиации в Царицыне были достаточно низкими и почти неизменными: согласно нашим подсчётам к началу XX века на 10 тыс. женщин в среднем приходилось до 5 преступниц в год.

В период с 1896 по 1901 гг. отмечается плавное понижение уровня женской преступности, к наказаниям было приговорено наименьшее число женщин за весь исследуемый период. С 1901 года женская преступность незначительно возрастает, оставаясь, тем не менее, на уровне более низком, чем в 80-е гг. XIX века. Системный анализ динамики женской преступности обнаруживает её сезонные изменения, что можно объяснить ежегодными «турами» профессиональных преступниц из столичных регионов империи (Сухова, Селезнёва, 2015b: 56). Географическое местоположение Царицына оказало существенное влияние на то, что в конце XIX века он стал перевалочным пунктом как для проезжающих через него профессиональных преступниц, так и для перевозки и сбыта краденого имущества.

Преступления против общественного порядка, которые совершали женщины, были схожи с правонарушениями, совершаемыми мужчинами (ГАВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3; Д. 16). При этом, на общем фоне преступности, характерной для Царицына в исследуемый период, имели место и преступления, отнесённые юристами того времени к типично женским правонарушениям: плодоизгнание и детоубийство (Неклюдов, 1865; Гернет, 1911: 174-210; Гернет, 1916: 41; Бытовое, 2000: 105-141). За детоубийство осуждалось в среднем по стране 9,5 из 100 преступниц: 4,5 – незамужние девицы; 4,5 – вдовы и разведенные; 0,5 – состоящие в браке (Итоги, 1899: 157).

Основное место в видовой структуре женской преступности составляли преступления против чужой собственности, среди которых примерно 80% приходилось на кражи. Около 8% уголовных дел, выявленных в архивах судов и полицейских управлений (Царицынского, Камышинского, Усть-Медведицкого и других, находившихся на территории современной Волгоградской области), были заведены в отношении женщин за поджоги. Как правило, не принимая активного участия в самом поджоге, женщины сбывали краденые вещи. Подобный случай был зафиксирован в Царицыне в июне 1886 года: 23-летняя гражданка П. Озерова продавала личные вещи и ювелирные украшения из поместья, в котором у хозяина ранее вымогали денежные средства, а после неудачной попытки шантажа подожгли поместье. Гражданка П. Озерова была лишена всех прав и сослана на поселение в Сибирь (ГАВО, Ф. 1. Оп. 1. Д. 18).

В Царицыне среди осуждённых женщин за исследуемый период преобладали представительницы крестьянского и мещанского сословий, что соотносится с отмечаемой Е.Н. Гарновским общероссийской тенденцией: «Рассматривая распределение осуждённых по сословиям за пятилетие 1889–1893 гг., прежде всего, приходится остановиться на том факте, что огромное большинство осуждённых, как в общих, так и мировых установлениях, принадлежит к крестьянскому и затем мещанскому сословию. В общих судебных установлениях осуждённые этих двух сословий составляют 90,7 % всех осуждённых, в мировых судах ещё больше – 97,5 %» (Итоги, 1899: 188).

Так же как и в целом по Российской империи, представительницы других сословий (почётные гражданки, купчихи и дворянки) составляли в Царицыне весьма незначительную долю правонарушительниц (Итоги, 1899: 360-361). Полагаем, что данный факт можно объяснить не только сравнительно небольшой долей представительниц привилегированных сословий в общей структуре женского населения Царицына, но и особенностями их образа жизни, моделями повседневного поведения, социального и культурного облика.

Анализ основных показателей женского делинквентного поведения в Царицыне продемонстрировал их низкий уровень и стабильность по пятилеткам. Женщины, осуждённые за тяжкие и особо тяжкие преступления, составляли примерно от 0,004 % до 0,010 % в год от общего числа жительниц Царицына. Отметим также, что всплесков показателей преступности, подобных мужским, у женщин выявлено не было (ГАВО. Ф. 2. Оп. 2. Д. 3).

Системный анализ судебных разбирательств конца XIX – начала XX веков в Царицыне позволяет составить собирательный образ преступницы: горожанка мещанского или крестьянского сословия, православная, 22–35 лет, неграмотная, замужем, имеющая одного или нескольких детей, занимающаяся торговлей, осуждённая за совершение преступления против чужой собственности по корыстным мотивам.

5. Заключение

Завершая свое исследование, мы убедились в том, что социально-экономические изменения, происходившие в Царицыне на рубеже XIX–XX веков, оказали меньшее, чем мы предполагали, воздействие на распространение среди женщин девиантного поведения. Интенсивное развитие промышленности и урбанизация затронули в основном мужскую часть населения. Женщины в большинстве своем, особенно в провинциальных городах, подобных Царицыну, все ещё оставались ограничены рамками узкого и достаточно специфического круга общения, не принимая активного участия в экономической жизни. Поэтому и специфика совершаемых ими преступлений в большей степени была обусловлена индивидуальными личностными особенностями и особенностями

оказавшей их микросреды. В то же время необходимо отметить, что процесс бурного экономического развития, характерный для Царицына в конце XIX – начале XX вв., имел определенное значение, оказав влияние на видовую структуру женской преступности. Об этом свидетельствует, в частности, высокий процент преступлений против собственности, в сравнении с «традиционными» для женщин провинциальной России преступлениями против личности.

Литература

Австрийсков, Сухова, Селезнёва, 2015 – Австрийсков Е.В., Сухова А.С., Селезнева И.Г. Специфика женских девиаций в Царицыне в конце XIX века – начале XX вв. // *Вестник Московского университета. Серия 18, Социология и политология*. 2015. № 4. С. 201-209.

Безгин, Жеребчиков, 2015 – Безгин В.Б., Жеребчиков Д.П. Социальные девиации периода российской модернизации в современных исторических исследованиях // *Современные исследования социальных проблем*. 2015, № 5 (49). С. 190-206.

Бытовое, 2000 – Бытовое насилие в истории российской повседневности (XI–XXI вв.): коллективная монография / (И.С. Кон, И.В. и Д.В. Михель, М.Г. Муравьева и др.); общ. ред. и сост. М. Г. Муравьевой, Н. Л. Пушкаревой. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2000, 200 с.

ГАВО – Государственный архив Волгоградской области (ГАВО).

Гернет, 1905 – Гернет М.Н. Социальные факторы преступности. М., 1905. 203 с.

Гернет, 1911 – Гернет М.Н. Детоубийство: Социологическое и сравнительно-юридическое исследование: С приложением 12 диаграмм / М.: Тип. Имп. Моск. ун-та, 1911. 346 с.

Гернет, 1916 – Гернет М.Н. Женское равноправие и уголовный закон // *Современный мир*. 1916. № 5-6. С. 36-48.

Итоги, 1899 – Итоги русской уголовной статистики за 20 лет (1874-1894 гг.): Приложение к № 7 «Журнала министерства юстиции» (сентябрь 1899 г.)/под. ред. Е. Н. Тарновского. СПб, 1899. 414 с.

Косарецкая, 2007 – Косарецкая Е. Н. Женская преступность в Орловской губернии во второй половине XIX – начале XX вв.: автореф. дис.. канд. ист. наук. Орел, 2007. 25 с.

Минх, 1902 – Минх А.Н. Историко-географический словарь Саратовской губернии: Южные уезды: Камышинский и Царицынский. Т. 1, вып. 4. Лит. X-Θ / А. Н. Минх; печатан под наблюдением С. А. Щеглова. Саратов: Тип. Губ. земства, 1902. С. 1093-1409. [Прил. содерж. Алфавит 1-го тома [35 с.]].

Миронов, 2003 – Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начала XX вв.): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. / 3-е изд. СПб.: Дм. Буланин, 2003. Т. 1. LX+548 с.; Т. 2. 583 с.

Неклюдов, 1865 – Неклюдов Н.А. Уголовно-статистические этюды: Статистический опыт исследования физиологического значения различных возрастов человеческого организма по отношению к преступлению: рассуждение, написанное для получения степени магистра уголовного права. С. -Петербург, 1865. 251 с.

Пушкарева, 1997 – Пушкарева Н.Л. Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X – начало XIX в.). Изд-во Ладомир, М., 1997, 384 с.

Рамазанова, 2011 – Рамазанова Г. Р. Социальные девиации в городах Уфимской губернии в конце XIX – начале XX века // *Вестник Челябинского государственного университета*. Челябинск: Изд-во ЧГУ, 2011. № 1 (216). Вып. 43. С. 39-45.

Сухова, Селезнева, 2015a – Сухова А. С., Селезнева И. Г. Видовая структура женских девиаций в Царицыне в конце XIX – начале XX вв. // *Сервис plus*. 2015. Т. 9, № 4. С. 85-90.

Сухова, Селезнева, 2015b – Сухова А. С., Селезнева И. Г. Девиантное поведение в Царицыне конца XIX – начала XX вв.: гендерный подход: монография / ВолгГТУ. Волгоград, 2015. 68 с.

Сухова, Селезнева, Австрийсков, 2015 – Сухова А.С., Селезнева И.Г., Австрийсков Е.В. Влияние экономических факторов на особенности развития девиантного поведения в Царицыне в конце XIX – начале XX вв. // *Молодой учёный*. 2015. № 6 (86), часть 8. С. 771-776.

Трайнин, 1909 – Трайнин А.Н. Преступность города и деревни // *Русская мысль*. 1909. № 7. С. 1-27.

Царицын, 2005 – Царицын в путевых записках, дневниках и мемуарах современников (конец XVI в. – 1917 г.): в 4 т. / под общ. ред. М. М. Загоруйко. Волгоград, 2005. Т. 4. 394 с.

Clements, 2012 – Clements B.E. A History of Women in Russia: From Earliest Times to the Present: Indiana University Press, 2012. 386 p.

Engelstein, 1993 – Engelstein L. Combined Underdevelopment: Discipline and the Law in Imperial and Soviet Russia // *American Historical Review* 98:2, 1993. P. 338-353.

Kaiser, 2002 – Kaiser D.H. “He Said, She Said”: Rape and Gender Discourse in Early Modern Russia // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History* 3.2 (2002) P. 197-216

Roslyn, Tosi, 2012 – Roslyn W., Tosi A. (eds.) Women in Nineteenth-Century Russia, Lives and Culture. Cambridge: Open Book Publishers, 2012, 249 p.

Wagner, 1994 – Wagner W.G. Marriage, Property, and Law in the late Imperial Russia. Oxford: Oxford University Press, 1994. 428 p.

References

- Avstrijskov, Suhova, Selezneva, 2015** – *Avstrijskov E.V., Suhova A.S., Selezneva I.G.* Specifika zhenskikh deviacij v Caricyne v konce XIX veka – nachale XX vv. [Specificity of female deviancy in Tsaritsyn in the late XIX century – early XX centuries] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18, Sociologiya i politologiya.* 2015. № 4. S. 201-209 [in Russian]
- Bezgin, Zherebchikov, 2015** – *Bezgin V.B., Zherebchikov D.P.* Sotsial'nye deviatsii perioda rossiyskoy modernizatsii v sovremennyh istoricheskikh issledovaniyah [Social deviations in the period of Russia's modernization in modern historical studies] // *Sovremennye issledovaniya sotsial'nyh problem, Krasnoyarsk.* 2015, № 5(49). S. 190-206. [in Russian]
- Bytovoe, 2000** – *Bytovoe nasilie v istorii rossiyskoy povsednevnosti (XI–XXI vv.): kollektivnaya monografiya / (I.S. Kon, I.V. i D.V. Mihel', M.G. Murav'eva, et al.); obshch. red. i sost. M. G. Murav'evoy, H. L. Pushkarevoy.* [Domestic violence in the history of Russian everyday life (11-21 centuries)] SPb.: Izdatel'stvo Evropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2000, 200 s. [in Russian]
- GAVO** – Gosudarstvennyj arhiv Volgogradskoj oblasti. [State Archive of Volgograd Region. [in Russian]
- Gernet, 1905** – *Gernet M.N.* Sotsial'nye faktory prestupnosti. [Social factors of crime] M., 1905. 203 s. [in Russian]
- Gernet, 1911** – *Gernet M.N.* Detoubiystvo: Sotsiologicheskoe i sravnitel'no-yuridicheskoe issledovanie: S prilozheniem 12 diagramm. [Infanticide: a sociological and comparative legal research] M.: Tip. Imp. Mosk. un-ta, 1911. 346 s. [in Russian]
- Gernet, 1916** – *Gernet M.N.* ZHenskoe ravnopravie i ugovolnyy zakon [Women's equal rights and criminal law] // *Sovremennyy mir.* 1916. № 5-6. S. 36-48. [in Russian]
- Itoji, 1899** – *Itoji russkoy ugovolnoy statistiki za 20 let (1874-1894 gg.): Prilozhenie k № 7 «ZHurnala ministerstva yustitsii» (sentyabr' 1899 g.)* [The results of the Russian criminal statistics for 20 years (1874-1894): App. to "The journal of the Ministry of Justice", #7, September 1899] / pod.red. E. N. Tarnovskogo. SPb, 1899. 414 s. [in Russian]
- Kosaretskaya, 2007** – *Kosaretskaya E.N.* ZHenskaya prestupnost' v Orlovskoy gubernii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv.: avtoref. dis.. kand. ist. nauk. [Female criminality in the Oryol province in the second half of the 19th – early 20th centuries.] Orel, 2007. 25 s. [in Russian]
- Minh, 1902** – *Minh A.N.* Istoriko-geograficheskiy slovar' Saratovskoy gubernii: YUzhnye uezdy: Kamyshinskiy i TSaritsynskiy. T. 1, vyp. 4. Lit. Kh-Θ [Historical and Geographical Dictionary of the Saratov province. Southern Counties: Kamyshin and Tsaritsyn] / A. N. Minh; pechatan pod nablyudeniem S. A. SHCHeglova. Saratov: Tip. Gub. zemstva, 1902. S. 1093-1409. (Pril. sodерж. Alfavit 1-go toma [35 s.]). [in Russian]
- Mironov, 2003** – *Mironov B.N.* Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachala XX vv.): genezis lichnosti, demokraticheskoy sem'i, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva: v 2 t. [Social History of Russian Empire period (18th – early 20th cc.): the genesis of the individual, democratic family, civil society and the rule of law] / 3-e izd. SPb.: Dm. Bulanin, 2003. T. 1. LX+548 s.; T. 2. 583 s. [in Russian]
- Neklyudov, 1865** – *Neklyudov N.A.* Ugolovno-statisticheskie ehtyudy: Statisticheskii opyt issledovaniya fiziologicheskogo znacheniya razlichnyh vozrastov chelovecheskogo organizma po otnosheniyu k prestupleniyu: rassuzhdenie, napisannoe dlya polucheniya stepeni magistra ugovolnogo prava. [Studies in Criminal statistics: The experience statistical research of the physiological values of various ages of the human body in relation to the crime] S. -Peterburg, 1865. 251 s. [in Russian]
- Pushkareva, 1997** – *Pushkareva H.L.* CHastnaya zhizn' russkoy zhenshchiny: nevesta, zhen, lyubovnitisa (X-nachalo XIX v.). [The Private Lives of Russian women: the bride, the wife, the mistress (10th – early 19th centuries.)] Izd-vo Ladomir, M., 1997, 384 s. [in Russian]
- Ramazanova, 2011** – *Ramazanova G.R.* Sotsial'nye deviatsii v gorodah Ufimskoy gubernii v kontse XIX – nachale XX veka [Social deviation in the cities of Ufa province in the late 19th – early 20th century] // *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta.* Chelyabinsk: Izd-vo CHGU, 2011. № 1 (216). Vyp. 43. S. 39-45 [in Russian]
- Suhova, Selezneva, 2015a** – *Suhova A.S., Selezneva I.G.* Vidovaya struktura zhenskikh deviacij v TSaritsyne v konce XIX – nachale XX vv. [The specific structure of female deviancy in Tsaritsyn in the late XIX – early XX centuries] // *Servis plus.* 2015. T. 9, № 4. S. 85-90 [in Russian]
- Suhova, Selezneva, 2015b** – *Suhova A. S.* Deviantnoe povedenie v TSaritsyne kontsa XIX – nachala XX vv.: gendernyy podhod: monografiya [Deviant behavior in Tsaritsyn in the late 19th – early 20th century: gender approach] / VolgGTU. Volgograd, 2015. 68 s. [in Russian]
- Suhova, Selezneva, Avstrijskov, 2015** – *Suhova A.S., Selezneva I.G., Avstrijskov E.V.* Vliyanie ehkonomicheskikh faktorov na osobennosti razvitiya deviantnogo povedeniya v Caricyne v konce XIX – nachale XX vv. [The impact of economic factors on the peculiarities of the development of deviant behavior in Tsaritsyn in the late 19th – early 20th century] // *Molodoj uchyonyj.* 2015. № 6 (86), chast' 8. S. 771-776. [in Russian]
- Traynin, 1909** – *Traynin A.N.* Prestupnost' goroda i derevni [The crime of towns and villages] // *Russkaya mysl'.* 1909. № 7. S. 1-27. [in Russian]

Tsaritsyn, 2005 – Tsaritsyn v putevyh zapiskah, dnevnikah i memuarah sovremennikov (konets XVI v. – 1917 g.): v 4 t. [Tsaritsyn in travel notes, diaries and memoirs of contemporaries (the end of the 16th century – 1917)] / pod obshch. red. M. M. Zagorul'ko. Volgograd, 2005. T. 4. 394 s. [in Russian]

Clements, 2012 – *Clements B. E.* A History of Women in Russia: From Earliest Times to the Present: Indiana University Press, 2012. 386 p. [in English]

Engelstein, 1993 – *Engelstein L.* Combined Underdevelopment: Discipline and the Law in Imperial and Soviet Russia // *American Historical Review*. 98: 2, 1993. P. 338-353 [in English]

Kaiser, 2002 – *Kaiser D. H.* “He Said, She Said”: Rape and Gender Discourse in Early Modern Russia // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 3.2 (2002) P. 197-216 [in English]

Rosslyn, Tosi, 2012 – *Rosslyn W., Tosi A. (eds.)* Women in Nineteenth-Century Russia, Lives and Culture. Cambridge: Open Book Publishers, 2012, 249 p. [in English]

Wagner, 1994 – *Wagner W. G.* Marriage, Property, and Law in the late Imperial Russia. Oxford: Oxford University Press, 1994. 428 p. [in English]

УДК 908(470.4)-055.2-058.55

Специфика женских девиаций в Царицыне в конце XIX века – начале XX веков

Анна Сергеевна Сухова ^{а,*}, Наталия Витальевна Казанова ^а, Ирина Геннадьевна Слезнёва ^а

^а Волгоградский государственный технический университет, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена анализу характера и структуры женского девиантного поведения в Царицыне конца XIX – начала XX вв. Проведено исследование системы и видов женского девиантного поведения. В работе также рассматриваются теоретические основы проблемы влияния экономической стабильности на видовую структуру девиантного и делинквентного поведения женщин. На основе анализа материалов местных архивов, авторы составили «коллективный портрет» царицынской женщины-преступника конца XIX – начала XX вв., а также определили основные причины и структуру женских преступлений. Изучив основные факторы девиантного поведения женщин в период экономической трансформации общества, авторы пришли к выводу, что процессы индустриализации, урбанизации, изменение экономической структуры имели на него значительно меньшее влияние, чем предполагалось первоначально. Вероятно, это связано с тем, что данные процессы на начальной стадии своего развития не привели к существенному изменению традиционной роли женщин в структуре общества, в том числе к массовому активному включению женщин в эти социально-экономические процессы.

Ключевые слова: женское девиантное поведение, Царицын, женская преступность, локальная история.

---

* Корреспондирующий автор

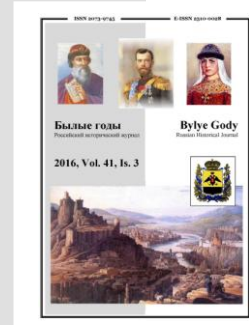
Адреса электронной почты: belousov34@yandex.ru (А.С. Сухова), nykazanova@gmail.com (Н.В. Казанова), irinaselezneva@bk.ru (И.Г. Слезнёва)

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 41, Is. 3, pp. 784-794, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94

Student Tumult in St. Petersburg Shortly Before the Revolution of 1905

Sergei A. Nefedov ^{a, b, *}

^a Ural Federal University, Russian Federation

^b Institute of History and Archaeology, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

The interest towards student demonstrations has increased recently in connection with the recognized and highly active role of youth in the revolution of the late XX - early XXI century. Here a question arises: What was the role of the students in the process of destabilization of Russian society before the First Russian Revolution? The article is devoted to student unrest in St. Petersburg in the autumn of 1904. It is shown that spontaneous student movement was at the heart of unrest - as well as in 1899-1902. «Liberation Union» has proclaimed the necessity of organizing of students and liberal professors for purposeful struggle against the autocracy - but in the events of the autumn of 1904 we cannot find the traces of activity of such organization. There was a liberal campaign, but it had a latent, disguised character, appearing in explicit and implicit criticism of the current regime. However, the agitation has created excited mood among students, and students, who were the members of a party, informed the St. Petersburg Committee of the Russian Social Democratic Labour Party about these facts. The Committee decided to use the spontaneous movement, in order to express the proletarian requirements with the help «of all-public demonstrations»; the requirements of proletariat differed from the requirements of the liberal members of Zemstvo (elective district and provincial administrative assembly in prerevolutionary Russia). At this it promised students a strong support of workers - but it turned out that Social-Democrats could not mobilize the workers for demonstration. The Committee changed the date of the demonstration twice and excitement among students was increasing under the influence of the Zemstvo Congress and «banquet campaign». The Committee acknowledged its impotence and tried to cancel the demonstration, but it realized that the demonstration would be held anyway, and had decided «to take part in that demonstration, which will take place on the 28th of November in Nevskiy avenue». However, the Bolsheviks did not want to admit their deception and admit the fact that the workers would not come – so they had left the students alone with the gendarmerie battery. Since the battery was preparing to disperse «the impressive demonstration» announced by the Bolsheviks, the 28th of November has become a tragic day for Petersburg students.

Keywords: Russia, the student movement, student unrest, the Russian Social-Democratic Party, the demonstration November 28, 1904, the First Russian Revolution.

1. Введение

В последнее время интерес к выступлениям студентов увеличился в связи с общепризнанной и весьма активной ролью молодежи в революциях конца XX – начала XXI века, в особенности в связи событиями на площади Тахрир в Каире в 2011 г. и на Майдане Незалежности в Киеве в 2014 г. Возникает вопрос: какую роль играло студенчество в процессе дестабилизации российского общества, начавшемся в середине 1904 года? Студенчество было одним из акторов процесса российской модернизации, процесса, который, в конечном счете, привел к русской революции. Однако насколько самостоятельными были действия студенчества и насколько они шли в русле замыслов политических партий? Кто руководил студентами и каковы были планы этих руководителей?

* Corresponding author

E-mail addresses: hist1@ya.ru (S.A. Nefedov)

В первой части исследования (Nefedov, 2016) было показано, что после первой волны стихийного студенческого движения в 1899–1902 годах наступил перерыв, связанный, как тогда полагали, с наметившимся политическим размежеванием среди студентов. Но в октябре 1904 года студенческие волнения возобновились, причем первые демонстрации, по видимости, носили стихийный характер и провоцировались случайными обстоятельствами. Конечно, какую-то роль играла подспудная агитация либеральной профессуры и то возбуждение, которое нарастало в обществе в связи с «новым курсом» правительства Святополк-Мирского. Как раз в это время на конференции в Париже либералы (при посредничестве японского агента полковника Акаси) заключили союз с эсерами с целью дестабилизации положения в России. Этот план предусматривал, в частности, организацию студенческих демонстраций, и П.Б. Струве на страницах «Освобождения» писал о том, что «необходимо в определенных политических целях организовать и студенческую, и профессорскую среду. Организация же должна выработать операционный план кампании...» (П.С., 1904: 98). Однако в октябре-ноябре 1904 года еще не отмечается никаких признаков существования такой организации, а либеральная агитация профессуры прослеживается лишь в единичных случаях и при этом носит очень осторожный и подспудный характер. Фактически студенческие волнения начались независимо от агитации либералов и – что характерно – студенты обратились за поддержкой не к либералам, а к социал-демократам. Большевики обещали привлечь к студенческой демонстрации широкие рабочие массы – и дальнейшей нашей целью является исследование обстоятельств этого петербургского «майदानа».

2. Материалы и методы

Исследование выполнено, в основном, на документальных материалах, представленных в архивах Москвы и Санкт-Петербурга. В Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) имеются ценные материалы Особого отдела Департамента полиции (Ф. 102., Делопроизводство Особого отдела), касающиеся полицейского наблюдения за имеющими политическую направленность студенческими организациями. Материалы Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) содержат документы, касающиеся переписки деятелей студенческого движения (Ф. 17) и материалы, поступившие из Санкт-Петербурга в редакции заграничных газет, «Освобождения» и «Искры» (Ф. 25). Из материалов Российского государственного исторического архива (РГИА) наибольшее значение имеют документы Департамента народного просвещения (Ф. 733), в особенности материалы 1904 года по Разряду высших учебных заведений (Оп. 152). Использовались также материалы Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб), содержащие переписку канцелярии попечителя Петроградского учебного округа (Ф. 139), судебные дела арестованных студентов (Ф. 2075) и другие материалы.

В исследовании использовались также материалы периодической печати, статьи о студенческом движении, опубликованные в газетах «Освобождение», «Искра», «Революционная Россия», «Вперед». Некоторую дополнительную информацию по изучаемому вопросу дают немногочисленные мемуарные свидетельства.

3. Обсуждение

Студенческое движение 1904 года связывают, главным образом, с впечатляющими демонстрациями, закончившимися жестокими полицейскими расправами – с событиями 28 ноября в Петербурге и 5–6 декабря в Москве. Эти события кратко освещаются в общих работах, посвященных студенческому движению (Гусятников, 1971; Завадский, 1998; Георгиева, 1986; Олесич, 2002; Ушаков, 1904; Dudgeon, 1982; Strauss, 1973), а также – в некоторых аспектах – в работах, касающихся деятельности петербургских большевиков (Гусятников, 1966; Бондаревская, 1975), однако специальных исследований на эту тему до сих пор не проводилось.

4. Результаты

Как отмечалось в первой части исследования, в конце второй декады декабря между студентами-активистами Петербургского университета и Петербургским комитетом (ПК) РСДРП было достигнуто соглашение об организации «общенародной демонстрации». Однако требовалось вовлечь в движение возможно большее количество студентов. 28 октября руководимая ПК «Объединенная социал-демократическая организация» предложила студентам начать «сходочную кампанию». На сходках, проводимых во всех вузах столицы, предлагалось выносить резолюции с протестом против войны, с требованием созыва Учредительного собрания на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования (РГИА. Ф.733. Оп. 152. Д. 176. Л. 63). Кроме того, «Объединенная организация» собиралась на сходках «выяснить отношение студентов к подготовлявшейся комитетом демонстрации 7 ноября» (Отчет..., 1959: 562). Одновременно агитацию за проведение демонстрации начал местный комитет партии социалистов-революционеров – причем эсеры предлагали подготовить вооруженную демонстрацию (ГАРФ. Ф.102, ДП. ОО. Оп. 253. Д. 38. Л. 105).

Решающим событием «сходочной кампании» была большая сходка студентов Петербургского университета, состоявшаяся 1 ноября – как всегда, после лекции Тарле. На сходке присутствовало около тысячи студентов. Председателем собрания был избран один из лидеров «Центральной организации», Б.Г. Нестеровский, но фактически вели заседание члены «Объединенной организации» А.Я. Каплан и К.С. Жерновецкий (ГАРФ. Ф.102, ДП. ОО, 1904. Оп. 232. Д. 3. Ч.10. Т. 1. Л. 90). Как сообщает одна из листовок, «во время речи первого из ораторов на сходку явился ректор, который пытался говорить с собравшимися, игнорируя председателя. Но последний резко оборвал его, предложив записаться в лист ораторов. Ректор, растерявшись, ушел, не сказав ни слова. Кроме ректора, правильное течение сходки было нарушено еще корпорацией “Денница”, которая криками и свистом пыталась воспрепятствовать обсуждению намечаемых вопросов». В конечном счете, «“Денница” в количестве 15-20 человек предпочла демонстративно удалиться» (РГИА. Ф.733. Оп.152. Д. 173. Л. 49об.).

Резолюция сходки была принята 926 голосами, 10 студентов голосовали «против». В резолюции говорилось, в частности, что «только полная ликвидация существующего порядка путем созыва всенародного и учредительного собрания на основе общего, равного, прямого и тайного избирательного права и немедленное прекращение войны – создадут почву для выработки нового государственного строя и развития прогрессивных сил страны... Исходя из этих положений мы повторяем свой клич “долгой самодержавие”... и выражаем готовность активно поддержать свои требования на общенародной демонстрации близкого будущего, организованной революционными партиями» (РГИА. Ф.733. Оп. 152. Д. 173. Л. 49).

Одно из перехваченных полицией писем говорит, что на сходке царил возбужденное настроение; собравшиеся полагали, что демонстрация будет вооруженной, что в ней будут участвовать 30 тыс. рабочих и 3 тыс. студентов (ГАРФ. Ф.102, ДП. ОО, 1904. Оп. 232. Д. 3. Ч.10. Т. 2. Л. 56). Очевидно, Петербургский комитет РСДРП дезориентировал студентов, пообещав участие в демонстрации огромной рабочей массы – и тем самым усилил их решимость перейти к радикальным действиям.

Вслед за сходкой в университете в течение ближайшей недели сходки прошли почти во всех вузах Петербурга. Студенты, в основном, повторяли требования университетской сходки и присоединялись к ним. Так, в резолюции сходки в Электротехническом институте говорится, что «лозунги, к которым присоединяются петербургские студенты в лице Университета и Политехнического института согласуются вполне с нашим политическим настроением» (РГИА. Ф.733. Оп. 152. Д. 176. Л. 46). Повсюду студенты выражали готовность участвовать в демонстрации под руководством «революционных партий», и лишь слушательницы курсов Лесгафта указали конкретно, что они желают участвовать в «активной борьбе» под руководством РСДРП (ЦГИА СПб. Ф.139. Оп. 1. Д. 9921. Л. 304). Размеры поддержки РСДРП среди студентов можно оценить по результатам межвузовской сходки 2 ноября, которая состоялась по призыву ПК. В сходке участвовало 400–500 студентов, но лишь 213 из них соглашались признать руководящую роль социал-демократов (Политическое..., 1904: 199).

Необходимо отметить, что во всех вузах (кроме курсов Лесгафта) на сходках присутствовало меньшинство студентов; большинство же по-прежнему придерживалось консервативной позиции. По подсчетам «Объединенной организации» в сходках участвовало 2,5 тыс. из 20 тыс. студентов Петербурга (РГИА. Ф.733. Оп. 152. Д. 176. Л. 63). 6 ноября студенты университета пытались устроить новую сходку, коллективно читали первый номер «освобожденческой» газеты «Новая Жизнь», распространяли в большом количестве прокламации. Однако сходка не состоялась ввиду противодействия студентов-консерваторов, распорядившихся, в свою очередь, собственную прокламацию. «Понимая важность выявления и освещения нужд и недочетов современного строя, мы, однако, думаем, что освещение это не должно быть таким тенденциозным, как это было на прошлой сходке, – писали студенты-консерваторы. – Война, как вообще явление нежелательное, разумеется, должна быть окончена по возможности скорее, но как русские люди, мы не можем желать, чтобы она окончилась иначе, чем победой России» (РГИА. Ф.733. Оп. 152. Д. 176. Л. 40).

Тем не менее, распропагандированное меньшинство проявляло высокую активность – и эта активность поддерживалась общественным оживлением, связанным с происходившим в это время Земским съездом. Отчет «Объединенной организации» говорит, что «на сходках было обнаружено сильнейшее стремление к демонстрации, намеченной на 7 ноября, и “Объединенная организация” уже начала готовиться к ней, но демонстрация была отменена комитетом. На следующей неделе отмена повторилась. Ввиду напряженного состояния студенчества настроение могло прорваться стихийно и “Объединенная организация” была уже не в силах сдержать его» (Отчет..., 1959: 562).

Отмена намеченной на 7 ноября демонстрации была вызвана серьезными причинами: неожиданно выяснилось, что ПК не в состоянии поднять рабочие массы. И. Бур писал, что «когда 5 ноября состоялось собрание организаторов, выяснилось, что за это время сквозь организационные собрания прошло около 500–600 рабочих, что ядро демонстрации может состоять приблизительно из такого же числа. На 7-е демонстрация назначена не была, но было решено предложить комитету выпустить листок, в котором назначалась бы демонстрация в ближайшем будущем... На ближайшем комитетском собрании (9 ноября) было постановлено назначить демонстрацию на конец ноября,

продолжать вести агитацию... В виду того, что студенчество прорывалось и им была назначена... демонстрация на 14 ноября, пришлось выпустить листок к студенчеству, предлагая не дробить сил, а выступить вместе с пролетариатом в конце ноября» (РГАСПИ. Ф.25. Оп.1. Д. 172. Л. 75).

Тем временем власти начали преследовать участвовавших в сходках студентов. 16 ноября ректор университета А. Жданов объявил выговоры 51 студенту и перевел из студентов в слушатели двух «зачинщиков», Бориса Нестеровского и Ярослава Пиотровского (РГИА. Ф.733. Оп.152. Д. 176. Л. 73). Но дисциплинарные меры против студентов неожиданно вызвали противодействие профессуры. Когда после сходки на курсах Лесгафта министр потребовал у руководителя курсов предоставить списки участников, тот ответил, что сходка «была вызвана... теми тяжелыми моментами, которые переживает теперь русское общество» и «нравственный долг наш подсказывает, что мы не должны применять к молодым людям методы сыска и репрессий» (РГИА. Ф.733. Оп.152. Д. 185. Л. 106.). Совет Политехнического института также не считал возможным выразить порицание студентам, участвовавшим в сходке 2 ноября (ЦГИА СПб. Ф.478. Оп.14. Д. 178. Л. 78). «Освобождение» писало по этому поводу, что на этот раз между студентами и старшим поколением (то есть профессорами) «нет той разницы и взаимного непонимания, которое обыкновенно обнаруживается в таких случаях» (К.С., 1904: 204).

Между тем, студенты с нетерпением ждали дня назначенной на 28 ноября демонстрации. Полицейские донесения характеризовали настроение студентов как «крайне приподнятое» (ГАРФ. Ф.102, ДП. ОО, 1904. Оп.232. Д. 3. Ч.10. Т. 1. Л. 1110б.). 13 ноября в Политехническом институте состоялся студенческий вечер, на котором присутствовало больше четырех тысяч человек. На хорах, где собралось до трехсот студентов, шли разговоры о готовящейся демонстрации, причем одни порицали нерешительность ПК, а другие оправдывали комитет, который «не может подготовить демонстрацию раньше конца ноября, так как рабочие крайне инертны» (ГАРФ. Ф.102, ДП. ОО, 1904. Оп.232. Д. 3. Ч.10. Т. 1. Л. 123). Кто-то из говоривших о демонстрации сказал, что это «будет кровь, но отступления уже нет» (ГАРФ. Ф.102, ДП. ОО, 1904. Оп.232. Д. 3. Ч.10. Т. 1. Л. 123).

15 ноября после лекции Тарле один из студенческих активистов взойшел на кафедру и стал читать письмо из Варшавы с описанием демонстрации, состоявшейся там 31 октября. В этой демонстрации участвовали, в том числе, студенты и боевики Польской социалистической партии, которые стреляли в полицию и спровоцировали кровавое столкновение. Было убито несколько полицейских и десять демонстрантов. На сходке в «аудитории Тарле» петербургские студенты пели «вечную память» по своим варшавским товарищам, и, надо полагать, говорили о своей решимости отомстить за них (ГАРФ. Ф.102, ДП. ОО, 1904. Оп.232. Д. 3. Ч.10. Т. 1. Л. 122; Д. 5. Ч.35. Л. «Б». Л. 90б-11).

18 ноября на вечере в память Чехова собралось около тысячи студентов, и председательствовавший Б.Г. Нестеровский говорил о необходимости прийти на демонстрацию с оружием; его поддержали студенты-эсеры: М.Г. Двужильный, К.К. Тер-Нарсесов, М.С. Салов и другие. Однако большинство оказалось на стороне социал-демократов, которые стремились избежать кровопролития и настаивали на невооруженной демонстрации 28 ноября (ГАРФ. Ф.102, ДП. ОО, 1904. Оп.232. Д. 3. Ч.10. Т. 1. Л. 24, 29). Тогда эсеры предложили провести еще одну демонстрацию 30 ноября, в день суда над участниками покушения на Плеве, Сазоновым и Сикорским. Демонстранты должны были прийти к зданию Окружного суда с оружием и попытаться освободить подсудимых (РГАСПИ. Ф.25. Оп.1. Д. 169. Л. 1).

19 ноября произошел инцидент у Тенишевского училища, где должно было состояться заседание Юридического общества. Первым произнес речь известный либерал К. К. Арсентьев, который резко выступал против правительственной цензуры. Среди собравшихся было много студентов, причем больше тысячи человек не смогли попасть в зал и толпились у входа. На требования полиции разойтись толпа отвечала криками и свистом. В конечном счете, к училищу приехал сам градоначальник И. А. Фуллон, который после безрезультатных переговоров приказал конной полиции разогнать толпу (ГАРФ. Ф.102, ДП. ОО, 1904. Оп.232, д. 3. Ч.10. Т. 1. Л. 26; Хроника..., 1904: 3).

Это было первое за несколько лет столкновение петербургских студентов с полицией, и оно подлило масло в огонь. 20 ноября студенты-эсеры организовали в Электротехническом институте большую сходку, на которой попытались провести резолюцию о вооруженной демонстрации. Студентов пришли поддержать их «старшие товарищи», в числе которых был литератор М. Чернавский и присяжный поверенный Зелинский. Присутствовал (но не выступал) также М. Горький; председательствовали Нестеровский и Севрук. Сначала прения шли по вопросам, касавшимся партийных программ, но затем кто-то из студентов потребовал отомстить за избитых у Тенишевского училища товарищей, и начался спор между эсерами и эсеками о характере предстоящей демонстрации. Полицейское донесение говорит, что «дело чуть не дошло до драки». В конце концов, Нестеровский объяснил, что ПК решил сделать мирную демонстрацию так как он может рассчитывать на участие всего какой-нибудь тысячи рабочих, что через некоторое время число рабочих составит десятки тысяч и тогда демонстрация сама собой превратится в вооруженную (ГАРФ. Ф.102, ДП. ОО, 1904. Оп.232. Д. 3. Ч.10. Т. 1. Л. 35, 40-41). Собрание не приняло никакой резолюции, но некоторые студенты пришли на демонстрацию с палками, и это сделало столкновение с полицией более ожесточенным.

В тот же день, 20 ноября началась организованная либералами «банкетная кампания». Резолюции, принимаемые на банкетах, были гораздо более радикальными, чем резолюция Земского съезда: они выдвигали требование созыва Учредительного собрания. Докладная записка Департамента полиции подробно сообщает о первом банкете в Петербурге: «На рауте, на котором приняли участие до 800 человек, преимущественно литераторы и адвокаты, было произнесено очень много речей, причем большинство из них отличало крайнее направление. Много говорили о конституции в России, причем некоторые ораторы высказывали мнение, что... необходимо добиться свободы ценой крови...» (ГАРФ. Ф.102, ДП.ОО, 1904. Оп.232. Д. 1250. Ч.1. Л. 51). Максим Горький напутствовал студентов: «Если 28 ноября будет демонстрация на улице, то не давайте себя бить нагайками и топтать. Пускайте в ход револьверы, кинжалы и собственные зубы, лишь бы произвести большой переполох среди полиции... - иначе уличная демонстрация не имеет смысла» (ГАРФ. Ф.102, ДП.ОО, 1904. Оп.232. Д. 1250. Ч.1. Л. 63об.).

Несмотря на предупреждение Нестеровского, студенты были уверены в том, что они будут поддержаны рабочими массами, что 28 ноября состоится «грандиозная вооруженная демонстрация». Так считали и большевистские лидеры ПК: А.Э. Эссен писал В.И. Ленину, что «к 28 ноября готовилась демонстрация, которая сулила быть грандиозной». «18 ноября собрание комитета решило устроить демонстрацию 28 ноября. Тотчас была выбрана исполнительная комиссия, которая должна была заняться организацией демонстрации и выработать план действий... Пишущему эти строки пришлось устроить ряд собраний рабочих... обсуждались вопросы о вооруженной и невооруженной демонстрации... Было выражено пожелание, чтобы каждый демонстрант имел при себе какое-либо тупое оружие, необходимое в случае сопротивления» (Петербургский..., 1986: 62). По сведениям департамента полиции, агитация в рабочих кружках была довольно интенсивной, но печатная агитация была поставлена слабо – в частности, потому что 9 ноября полиция захватила подпольную типографию ПК (ГАРФ. Ф.102, ДП. ОО, 1904. Оп.232. Д. 5. Ч.1. Т. 4. Л. 38об.). Тем не менее, непосредственно перед демонстрацией удалось издать «призывную» листовку. Ее содержание показывает, что демонстрация должна была расстроить возможное соглашение между самодержавием и либералами. «Мы пролили потоки крови в борьбе с кровопийцами-мучителями, а они теперь вступают в последний торг с богатыми помещиками и земцами – говорилось в листовке. – Довольно, терпеть уже нельзя...» (Листовки..., 1939: 137)

24 ноября полиция нанесла новый удар: были арестованы 32 студента из числа эсеров и их сторонников, у многих арестованных были найдены революционные прокламации; было арестовано также несколько социал-демократов (ГАРФ. Ф.102, ДП. ОО, 1904. Оп.232. Д. 3. Ч.10. Л. 91об.). 25 ноября состоялось экстренное заседание ПК, на которое не явились три организатора из числа большевиков; их поначалу сочли арестованными. Из прозвучавших докладов стало ясно, что комитет может рассчитывать на участие в демонстрации лишь 550 организованных рабочих. «Если мы трезво смотрим на вещи, то надо сказать, что мы выведем кучку рабочих и получится жалкая картина, - говорил организатор Василеостровского района студент А.Д. Брейтерман. – Это будет разгром наших организованных сил» (К расколу..., 1924: 50). Брейтерман был известен полиции как активный агитатор в рабочих кружках, и, надо думать, он знал о реальном положении вещей. Его поддержал организатор Невского района; оба выступавших были меньшевиками, что впоследствии позволило большевикам обвинить их в срыве демонстрации. Как бы то ни было, на заседании 25 ноября комитет был вынужден отменить запланированную на 28 число демонстрацию (ГАРФ. Ф.102, ДП. ОО, 1904. Оп. 232. Д. 5. Ч.1. Т. 3. Л. 101об; там же. Т. 4. Л. 40; РГАСПИ. Ф.25. Оп.1. Д. 172. Л. 77-78).

Студенты протесовали против этого решения комитета. «Студенческие организации, недовольные новой отсрочкой, заявили, что они в таком случае приступят к демонстрации самостоятельно, - сообщает «Искра». – По-видимому, эта угроза... побудила Комитет за два дня до воскресенья, 28 ноября, вновь назначить демонстрацию на этот день» (Демонстрация..., 1904: 4).

В ночь на 26 ноября полиция провела новые аресты; на этот раз были арестованы 30 активистов из числа социал-демократов, в том числе Брейтерман, Аносов, Кузьминский и вся верхушка «Объединенной организации» (ГАРФ. Ф.102, ДП. ОО, 1904. Оп.232. Д. 5. Ч.1. Т. 4. Л. 28). Днем состоялось новое заседание Петербургского комитета, на котором (при отсутствии арестованных меньшевиков) большинство участников склонилось к мнению, что «если мы не назначим демонстрацию, она все равно состоится». Поэтому было решено «принять участие в той демонстрации, которая состоится на Невском 28 ноября» (К расколу..., 1924: 59). Для этой резолюции характерна перестановка акцентов: если раньше студентов призывали присоединиться к массовой демонстрации рабочих, то теперь рабочим рекомендовали «принять участие» в демонстрации, организуемой студентами. Между тем, сообщает «Искра», «известие же об отмене демонстрации уже успело распространиться в некоторых рабочих районах. В результате – на демонстрацию рабочие почти вовсе не явились» (Демонстрация..., 1904: 4).

Исследователи, работавшие в советский период, пытались оправдать неявку рабочих теми же аргументами, что и «Искра», – мол, рабочие полагали, что объявленную ранее демонстрацию отменили (Гусятников, 1971: 134; Бондаревская, 1975: 40). После совещаний 25 ноября было уничтожено 12 тыс. из отпечатанных 20 тыс. «призывных» листовок, но оставшиеся листовки все-таки распространялись (РГАСПИ. Ф.25. Оп.1. Д. 172. Л. 80). Но самое главное: предупреждения

градоначальника Фуллона о демонстрации 28 ноября были расклеены на афишных тумбах и напечатаны во всех газетах. «Недостаток листов восполнил Фуллон своим предупреждением», - констатирует «Освобождение» (*Избиение..., 1904: 3*). Так что рабочие знали о демонстрации, и, если бы они пожелали прийти – они бы пришли. Неявка рабочих была свидетельством слабости социал-демократов и их оторванности от масс. В ПК не было ни одного рабочего – он состоял их партийных функционеров-интеллигентов (*Доклад..., 1959: 544*). Автор одной из партийных брошюр писал: «Комитеты, одержимые какой-то конспиративной манией и вследствие этого связанные с массой лишь через посредство одного или двух рабочих... перестали прислушиваться ко всем ее потребностям и запросам» (*Рабочие..., 1904: 23*).

Таким образом, ПК, пообещав организовать «грандиозную вооруженную демонстрацию» с участием (как говорили) до 30 тыс. рабочих, попросту обманул студентов. Не в силах выполнить свое обещание, комитет уговаривал студентов подождать, два раза переносил дату демонстрации, и, в конце концов, попытался ее отменить. А когда студенты воспротивились этому решению, комитет согласился «принять участие» в демонстрации - но не предупредил студентов о реальной ситуации, о том что его актив – это «кучка рабочих». При этом ПК даже не пытался привлечь к организации демонстрации другие партии – в частности, партию социалистов-революционеров (*Из общественной..., 1904: 21*).

Между тем, градоначальник Фуллон – также как и студенты – ожидал «грандиозной вооруженной демонстрации». Для разгона демонстрации были подготовлены значительные силы конной жандармерии и мобилизованы несколько тысяч дворников. Наготове стояли кареты скорой помощи, а в помещениях, куда предполагалось доставлять арестованных и раненых, дежурили фельдшеры с перевязочными средствами (*РГАСПИ. Ф.25. Оп.1. д. 171. Л. 2*). Были арестованы чуть ли не все активные агитаторы, и полиция отслеживала буквально каждый шаг оставшихся на свободе. Полицейские знали о месте и времени выступления и о том, кто понесет красные знамена. Утром 28 ноября по дороге к месту сбора был задержан прятавший под пальто знамя подмастерье М. Ливсон – один из немногих рабочих, пытавшихся принять участие в демонстрации (*ГАРФ. Ф.102, ДП. ОО, 1904. Оп.232, д. 3. Ч.10. Т. 1. Л. 70*). Тем не менее, несмотря на арест всех организаторов, демонстрация состоялась: движение было стихийным и его было невозможно остановить арестами.

«Воскресенье, 28 ноября будет памятно многим, - писал журнал “Освобождение”, - в этот день к назначенному времени на Невский явилось несколько тысяч человек, преимущественно студенты и курсистки... В час дня на углу Михайловской и Невского остановилась небольшая кучка, человек 60–70. Послышались звуки “марсельезы”, крики “долой самодержавие”, “долой войну”. Появились два красных флага с теми же надписями. Тут же на демонстрантов бросился конный отряд, спрятанный, очевидно, во дворе думы, и врезался в толпу. Толпа моментально раздалась надвое: часть в ужасе бросилась на Михайловскую. Здесь на углу на нее наскочил отряд городских и, обнажив пашки, погнал ее перед собой. Пешие городские и дворники, выстроенные вдоль тротуара, принялись бить бегущую толпу кулаками и ножнами пашек... Демонстрация вспыхивала в разных местах еще несколько раз, и избитых... жертв приводили на Михайловскую, где они подвергались новой расправе» (*Избиение..., 1904: 2012*).

«Получивших раны и подвергшихся страшным побоям было, несомненно, гораздо больше 42 человек – числа, показанного в официальном сообщении. В числе валявшихся, как трупы, после избиения на дворе дома № 4 по Михайловской улице с лицами, залитыми кровью, было десять штатских, в том числе один приват-доцент Петербургского университета, двое железнодорожных служащих, двое рабочих, пятнадцать студентов Горного института, десять студентов университета, около десяти медиков, лесники, несколько курсисток... Но были и другие дворы, куда стаскивали избитых...» (*Протест..., 1904: 3*)

Официальное сообщение гласило, что «во время всеобщего смятения и давки демонстранты пустили в ход палки, а чины полиции после ушибов вынуждены были обнажить пашки, которыми действовали плашмя... Зарегистрировано 42 человека потерпевших от побоев, ушибов и поранений, но, несомненно, были и такие потерпевшие, которые с места происшествия отправились домой. Пострадали также один офицер конной полиции, четверо городских, четверо дворников... Все повреждения у лиц, подвергшихся осмотру, относятся по заключению врачей... к категории легких и только у двух студентов университета, отправленных для перевязки в Обуховскую больницу, оказались рассеченные раны на голове... Во время беспорядков временному задержанию подверглись всего 132 лица, из них 88 студентов высших учебных заведений. Все эти лица после опроса в полицейских учреждениях были отпущены. Кроме того, за участие в беспорядках задержано 48 лиц, в том числе 32 студента и 5 курсисток. Из них 9 привлечены к судебной ответственности в порядке уголовного судопроизводства, а остальные, после составления протокола... в тот же день вечером были отпущены» (*Официальное..., 1904: 3*).

Как следует из официального сообщения, большинство задержанных составляли студенты. Кроме того было довольно много интеллигентов, пришедших поддержать молодежь: в списках упоминаются четыре врача, три инженера и т.д. Рабочих и крестьян-отходников среди задержанных было восемь человек (*ГАРФ. Ф.102, ДП. ОО, 1904. Оп.232. Д. 3. Ч.10. Т. 1. Л. 70*).

После разгона демонстрации возмущенные студенты собрались в Технологическом институте, где в тот вечер в актовом зале проходил ежегодный традиционный студенческий бал. Демонстранты заняли несколько больших аудиторий и провели митинги протеста. В физической аудитории собрались студенты, которые несмотря ни на что сочувствовали социал-демократам, а в чертежной перед студентами выступали люди, которые, очевидно, имели отношение к студенческому движению, но до сих пор предпочитали держаться в тени. Наиболее знаковой фигурой был один из вождей «Союза Освобождения», А.В. Пешехонов; после него выступали «освобожденцы» более низкого ранга: В.В. Хижняков, С.Г. Сватиков и другие. Особенно символическим было появление на этом митинге приват-доцента Е.В. Тарле (ГАРФ. Ф.102, ДП. ОО, 1904. Оп.232. Д. 3. Ч.10. Т. 1. Л. 850б-86). Все выступавшие призывали студентов объединиться с либералами для решительной борьбы с самодержавием – то есть выйти из-под влияния большевиков, союз с которыми привел к таким печальным последствиям. Один из выступавших прямо указал студентам, что момент для демонстрации был выбран неудачно: «Вы демонстрируете в то время, когда мы еще не знаем, как отнесется правительство к конституционным требованиям, как раз когда мы ждем царского ответа на резолюцию земцев. Вы все дело испортите» (Авенар, 1925: 50).

На следующий день студенты-радикалы, как всегда по понедельникам, собрались на лекции Тарле. Участники демонстрации сообщали страшные подробности избиения, говорили, что убито 35 человек. По окончании лекции двухтысячная толпа студентов вышла из университета и двинулась по набережной к Дворцовому мосту. Студенты пели «вечную память» по убитым (как они думали) товарищам (РГИА. Ф.733. Оп.152. Д. 176. Л. 91; Демонстрация..., 1904: 4). Согласно полицейскому донесению, близ Дворцового моста толпа была рассеяна конным нарядом жандармерии (ГАРФ. Ф.102, Д-3, 1904. Оп.102. Д. 5. Т. 3. Л. 146; ГАРФ. Ф.102, ДП. ОО, 1904. Оп.232, д. 3. Ч.10. Л. 910б).

Волнения продолжались и в Политехническом институте. Вечером 29 ноября в общежитие студентов нагрянула полиция, якобы для того, чтобы произвести обыск в комнате одного из арестованных по время демонстрации. Возмущенные студенты вытеснили из помещения полицейский наряд – тогда охранное отделение сообщило, что пришет для обыска батальон пехоты. 700 студентов забаррикадировались в общежитии и всю ночь ожидали штурма; утром они отправились к Лесному институту просить поддержки у «лесников». Ректору Политехнического института удалось договориться с полицией, пообещав принять дисциплинарные меры. Но профессора вновь встали на сторону студентов. Собравшийся Совет Политехнического института «счел нравственным долгом заявить, что для высшей школы России является настоятельным и необходимым установление такого правового порядка, который... гарантировал бы неприкосновенность личности, свободу печати и собраний... Единственной гарантией такого правового порядка является широкое участие свободно избранных народных представителей в осуществлении законодательной власти» (ГАРФ. Ф.102, ДП. ОО, 1904. Оп.232. Д. 3. Ч.10. Т. 1. Л. 940б; Конституционное..., 1904: 204). Таким образом, профессора открыто присоединились к политическим требованиям студенчества.

«Освобожденцы» использовали избиение студентов как еще один аргумент в пропагандистской кампании против правительства. 30 ноября в Тенишевском училище состоялось собрание литераторов под председательством Н. Ф. Анненского. Было решено подробно изложить события 28 ноября и все это опубликовать нелегальным путем, напечатать прокламации, отправить экземпляры в «Освобождение», «Искру», «Революционную Россию» (ГАРФ. Ф.102, ДП. ОО, 1904. Оп.232. Д. 1250. Ч.1. Л. 263-2630б.).

В тоже время разгром демонстрации стал роковым событием для петербургских социал-демократов. Свидетели произошедшего высказывали свое негодование по поводу образа действий ПК. Корреспондент газеты «Вперед» писал в редакцию: «...Накануне от имени СПб комитета были распространены по учебным заведениям приглашения явиться, а потом из комитета **никто** (выделено в оригинале – С. Н.) на демонстрацию не явился и все было предоставлено студентам и курсисткам... Если бы я мог, я бы всем им плюнул в харю...» (РГАСПИ. Ф.25. Оп.1. Д. 172. Л. 6). Газета эсеров «Революционная Россия» писала о «жалобах, даже озлоблении на организаторов демонстрации» (Из общественной..., 1904: 20). Студенты-технологи обвинили ПК в «призыве на совершенно неподготовленную и неорганизованную демонстрацию... сильно подорвавшую авторитет партии и имевшую все характерные признаки политической авантюры» (РГАСПИ. Ф.17. Оп.1. Ч.1. Д. 332. Л. 1).

В итоге, студенческая «Объединенная социал-демократическая организация» распалась. К февралю 1905 года четыре институтские группы (из 14) полностью вышли из «Объединенной организации» и еще три группы потеряли большую часть своих членов (Отчет..., 1959: 562-563). Против ПК, которым руководили большевики, выступили не только студенты, но и рабочие. Вечером 28 ноября состоялся митинг, на котором несколько сот рабочих в самой резкой форме осуждали поведение комитета (Демонстрация..., 1904: 4). К началу 1905 года четыре районные организации вышли из подчинения комитету и под руководством меньшевиков создали свою организацию – впрочем, рабочие часто не переходили к меньшевикам, а совсем уходили от социал-демократов (Доклад..., 1959: 544).

Среди студентов на некоторое время возобладали настроения разочарования и апатии. «О демонстрации сейчас нельзя и думать, - писал один из корреспондентов “Искры”. – Масса арестов

надломила силы...» (*Демонстрация..., 1904: 4*) Позже, в марте, состоялся суд над самыми активными участниками демонстрации 28 ноября. Среди них были студенты, несшие красные флаги: А.М. Баталин, А.А. Капустянский, А. Саруханов и М.И. Ярцев. Обвинение требовало признать их организаторами демонстрации, но суд отклонил это ходатайство, так как «обязанность несение флагов могла быть возложена на них другими лицами» (*ЦГИА СПб. Ф.2075. Оп.6. Л. 14*). Кроме того суд принял во внимание «неполную умственную зрелость подсудимых и недостаточную, по их возрасту, твердость воли и убеждений для того, чтобы не избежать вовлечения в преступную деятельность» (*ЦГИА СПб. Ф.2075. Оп.6. Л. 14об.*). В итоге, приговор оказался относительно мягким – четыре месяца ареста. Двое других обвиняемых, В.С. Грибакин и А. Михайлов, были оправданы, а П.И. Бутов был осужден на три месяца ареста за сопротивление полиции (*ЦГИА СПб. Ф.2075. Оп.6. Л. 14об.*).

5. Заключение

Суд над флагоносцами стал завершением «эпопеи 28 ноября». Анализируя эти события, мы можем сделать вывод, что в основе их лежало стихийное студенческое движение – так же как в 1899–1902 годах. Выводы студенческого съезда 1903 года относительно того, что период массового стихийного студенческого движения закончился, оказались преждевременными, и осень 1904 года принесла с собой новый подъем студенческой активности. Министерство народного просвещения и полковник Акаси связывали этот подъем с либеральной агитацией и общим оживлением общественной жизни. Действительно, «Союз Освобождения» прокламировал необходимость организации студентов и либеральной профессуры для целенаправленной борьбы с самодержавием – но в событиях осени 1904 года не прослеживается следов деятельности такой организации. Либеральная агитация имела место, но она носила подспудный, замаскированный характер, проявляясь в явной и неявной критике существующего режима. Тарле рассказывал о Французской революции, после его лекции студенты устраивали сходки и пели «марсельезу», но университетское начальство при всем желании не могло обвинить приват-доцента в организации этих сходок или в провоцировании студенческих выступлений. Однако агитация создавала в студенческой среде возбужденное настроение, и студенты-партийцы информировали об этом Петербургский комитет РСДРП. Комитет решил воспользоваться начавшимся стихийным движением, чтобы с помощью «общенародной демонстрации» заявить о требованиях пролетариата – отличных от требований либеральных земцев. При этом он обещал студентам мощную поддержку рабочих – но оказалось, что социал-демократы не могут мобилизовать рабочих на демонстрацию. Комитет дважды переносил дату демонстрации, а возбуждение среди студентов все росло под влиянием Земского съезда и начавшейся банкетной кампании. У Тенишевского училища произошло первое столкновение с полицией, эсеры призывали к вооруженной демонстрации, а Горький призывал студентов стрелять в полицейских. Комитет расписался в своем бессилии и попытался было отменить демонстрацию, но поняв, что демонстрация все равно состоится, постановил «принять участие в той демонстрации, которая состоится на Невском 28 ноября». Однако большевики не пожелали признаться в своем обмане, в том, что рабочие не придут, – и оставили студентов один на один с жандармским дивизионом. Поскольку дивизион готовился к разгону обещанной большевиками «грандиозной демонстрации», то 28 ноября стало для петербургских студентов трагическим днем.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №14-18-01625)

Литература

- Авенар, 1925* - *Авенар Э.* Кровавое воскресенье (9-ое января 1905 г.). Харьков, 1925. 148 с.
- Бондаревская, 1975* - *Бондаревская Т.П.* Петербургский комитет РСДРП в революции 1905–1907 гг. Л., 1975. 327 с.
- Бондаревская, 1979* - *Бондаревская Т.Н.* Большевицкая организация университета в революции 1905–1907 гг. // Петербургский университет и революционное движение в России. Л., 1979. С. 67–80.
- ГАРФ* - Государственный архив Российской Федерации.
- Георгиева, 1986* - *Георгиева Н.Г.* Революционное движение в России в конце XIX – начале XX в. М., 1986. 190 с.
- Гусятников, 1966* - *Гусятников П.С.* Деятельность петербургских большевиков среди демократического студенчества (1903–1904 гг.) // *Ученые записки Петрозаводского государственного университета.* 1966. Т. XIII. Вып. 4. С. 51–62.
- Гусятников, 1971* - *Гусятников П.С.* Революционное студенческое движение в России. 1899–1907. М., 1971. 264 с.
- Демонстрация..., 1904* - Демонстрация в Петербурге 28 ноября // *Искра.* 1904. № 80. С. 4.
- Доклад..., 1959* - Доклад Петербургского комитета РСДРП к III партийному съезду // Третий съезд РСДРП. Апрель-май 1905 года. Протоколы. М., 1959. С. 537–556.

- [Завадский, 1998](#) - *Завадский Н.Г.* Студенчество и политические партии в 1901–1914 гг. СПб., 1998. 221 с.
- [Из общественной..., 1904](#) - Из общественной жизни // Революционная Россия. 1904. № 57. С. 21.
- [Избиение..., 1904](#) - Избиение демонстрантов в Петербурге // Освобождение. 1904. № 62. С. 3.
- [К расколу..., 1924](#) - К расколу партии // Пролетарская революция. 1924. № 11. С. 50.
- [К. С., 1904](#) - *К. С.* Наши внутренние дела // Освобождение. 1904. № 62. С. 204.
- [Конституционное..., 1904](#) - Конституционное заявление Совета Санкт-Петербургского Политехникума // Освобождение. 1904. № 62. С. 204.
- [Листовки..., 1939](#) - Листовки петербургских большевиков. 1902-1907. Т. 1. М., 1939. 565 с.
- [Олесич, 2002](#) - *Олесич Н.Я.* Господин студент Императорского Санкт-Петербургского университета. СПб., 2002. 207 с.
- [Освобожденческая..., 1904](#) - Освобожденческая прокламация о войне и конституции // *Освобождение*. 1904. № 57. С. 119.
- [Отчет..., 1959](#) - Отчет объединенной социал-демократической организации студентов С.-Петербурга // Третий съезд РСДРП. Апрель-май 1905 года. Протоколы. М., 1959. С. 557-576.
- [Официальное..., 1904](#) - Официальное сообщение // Русские ведомости. 1904. № 333. С. 3.
- [Петербургский..., 1986](#) - Петербургский комитет РСДРП. Протоколы и материалы заседаний. Июль 1902 – февраль 1917. Л., 1986. 589 с.
- [Политическое..., 1904](#) - Политическое движение среди студенчества // Освобождение. 1904. № 61. С. 199.
- [Протест..., 1904](#) - Протест литераторов против бойни 28 ноября // Искра. 1904. № 81. С. 3.
- [Рабочие..., 1904](#) - Рабочие и интеллигенты в наших организациях. Женева, 1904. 56 с.
- [РГАСПИ](#) - Российский государственный архив социально-политической истории.
- [РГИА](#) - Российский государственный исторический архив.
- [Ушаков, 1976](#) - *Ушаков А.В.* Революционное движение демократической интеллигенции в России. 1895-1904. М., 1976. 239 с.
- [Хроника..., 1904](#) - Хроника // Русская газета. 1904. № 71. С. 3.
- [ЦГИА СПб](#) – Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга.
- [Энгель, Горохов](#) – *Энгель Г., Горохов В.* Из истории студенческого движения 1899–1906 г. СПб., б.г. 128 с.
- [Dudgeon, 1982](#) - *Dudgeon R. A.* The Forgotten Minority: Women Students in Imperial Russia, 1872–1917. *Russian History*, 9, 1: 1-26
- [Nefedov, 2016](#) – *Nefedov S. A.* (2016) Student Movement in St. Petersburg Shortly Before the Revolution of 1905. *Bylye Gody*. 40, 2: 508-515.
- [Strauss, 1973](#) – *Strauss H. J.* Revolutionary Types Russia in 1905. *Journal of Conflict Resolution*. 17, 2: 297-316.

References

- [Avenar, 1925](#) - *Avenar E.* Krovavoe voskresen'e (9-oe yanvarya 1905 g.) [Bloody Sunday (January, 9th, 1905)]. Khar'kov, 1925. 148p. [in Russian].
- [Bondarevskaya, 1975](#) - *Bondarevskaya T. P.* Peterburgskii komitet RSDRP v revolyutsii 1905-1907 gg. [The Petersburg committee RSDRP in revolution 1905-1907]. L, 1975. 327 p. [in Russian].
- [Bondarevskaya, 1979](#) - *Bondarevskaya T. N.* Bol'shevistskaya organizatsiya universiteta v revolyutsii 1905-1907 gg. [The Bolshevik organisation of university in revolution 1905-1907] // Petersburg university and revolutionary movement in Russia. L., 1979. P. 67-80. [in Russian].
- [GARF](#) - Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii. [The State archive of the Russian Federation]
- [Georgieva, 1986](#) - *Georgieva N.G.* Revolyutsionnoe dvizhenie v Rossii v kontse XIX – nachale XX v. [Revolutionary movement in Russia in the end of XIX - the beginning of XX century] M., 1986. 190 p. [in Russian].
- [Gusyatnikov, 1966](#) - *Gusyatnikov P.S.* Deyatel'nost' peterburgskikh bol'shevikov sredi demokraticheskogo studenchestva (1903-1904 gg.) [Activity of the Petersburg Bolsheviks among democratic students (1903-1904)] // Scientific notes of Petrozavodsk state university. 1966. T. XIII. Vyp. 4. P. 51-62. [in Russian].
- [Gusyatnikov, 1971](#) - *Gusyatnikov P. S.* Revolyutsionnoe studencheskoe dvizhenie v Rossii. 1899-1907 [Revolutionary student's movement in Russia. 1899-1907]. M., 1971. 264 p. [in Russian].
- [Demonstratsiya..., 1904](#) - Demonstratsiya v Peterburge 28 noyabrya [Demonstration in Petersburg on November, 28th] // The Spark. 1904. № 80. P. 4. [in Russian].
- [Doklad..., 1959](#) - Doklad Peterburgskogo komiteta RSDRP k III partiinomu s'ezdu [the Report of Petersburg committee RSDRP to III party congress] // the Third congress РСДРП. April-May, 1905. Reports. M., 1959. P. 537-556. [in Russian].
- [Zavadskii, 1998](#) - *Zavadskii N.G.* Студенчество и политические партии в 1901–1914 гг. [Students and political parties in 1901-1914]. SPb., 1998. 221 p. [in Russian].
- [Iz obshchestvennoi..., 1904](#) - Iz obshchestvennoi zhizni [From public life] // Revolutionary Russia. 1904. № 57. P. 21. [in Russian].

- Izbienie..., 1904** - Izbienie demonstrantov v Peterburge [Beating of demonstrators in Petersburg]// Clearing. 1904. № 62. P. 3. [in Russian].
- K raskolu..., 1924** - K raskolu partii [To party split]// Proletarian revolution. 1924. № 11. P. 50. [in Russian].
- K. S., 1904** - K. S. Nashi vnutrennie dela [Our internal affairs]// Clearing. 1904. № 62. P. 204. [in Russian].
- Konstitutsionnoe..., 1904** - Konstitutsionnoe zayavlenie Soveta Sankt-Peterburgskogo Politehnikuma [The Constitutional statement of Council of St.-Petersburg Politehnikuma] // Clearing. 1904. № 62. P. 204. [in Russian].
- Listovki..., 1939** - Listovki peterburgskikh bol'shevikov. 1902-1907. T. 1. [Leaflets of the Petersburg Bolsheviks. 1902-1907]. M., 1939. 565 p. [in Russian].
- Olesich, 2002** - *Olesich N.Ya.* Gospodin student Imperatorskogo Sankt-Peterburgskogo uni-versiteta [The mister the student of Imperial St.-Petersburg university]. SPb., 2002. 207 p. [in Russian].
- Osvobozhdencheskaya..., 1904** - Osvobozhdencheskaya proklamatsiya o voine i konstitutsii [the Osvobozhdenchesky leaflet about war and the constitution]. // Clearing. 1904. № 57. P. 119. [in Russian].
- Otchet..., 1959** - Otchet ob"edinennoi sotsial-demokraticheskoi organizatsii studentov S.-Peterburga [the Report of the incorporated social democratic organisation of students.].// The Third congress РСДПР. April-May, 1905. Reports. M., 1959. P. 557-576. [in Russian].
- Ofitsial'noe..., 1904** - Ofitsial'noe soobshchenie [The Communique]// Russian sheets. 1904. № 333. P. 3. [in Russian].
- Peterburgskii..., 1986** - Peterburgskii komitet RSDRP. Protokoly i materialy zasedanii. Iyul' 1902 – fevral' 1917 [The Petersburg committee RSDRP. Reports and materials of sessions. July 1902 - February 1917]. L., 1986. 589 p. [in Russian].
- Politicheskoe..., 1904** - Politicheskoe dvizhenie sredi studenchestva [Political movement among students] // Clearing. 1904. № 61. P. 199. [in Russian].
- Protest..., 1904** - Protest literatorov protiv boini 28 noyabrya [the Protest of writers against a slaughter-house on November, 28th] // The Spark. 1904. № 81. P. 3. [in Russian].
- Rabochie..., 1904** - Rabochie i intelligenty v nashikh organizatsiyakh [Workers and intellectuals in our organisations]. Zheneva, 1904. 56 p. [in Russian].
- RGASPI** - Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi isto-rii [The Russian state archive of sociopolitical history].
- RGIA** - Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [The Russian state historical archive].
- Ushakov, 1976** - *Ushakov A.V.* Revolyutsionnoe dvizhenie demokraticheskoi intelligentsii v Rossii. 1895-1904 [Revolutionary movement of democratic intelligency in Russia. 1895-1904]. M., 1976. 239 p. [in Russian].
- Khronika, 1904** - Khronika [The Chronicle]// *The Russian newspaper*. 1904. № 71. P. 3
- TsGIA SPb** - Tsentral'nyi gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Sankt-Peterburga [Central state historical archive of St. Petersburg].
- Engel', Gorokhov** - *Engel' G., Gorokhov V.* Iz istorii studencheskogo dvizheniya 1899-1906 g [From the history of student's movement of 1899-1906]. SPb., b.g. 128 p. [in Russian].
- Dudgeon, 1982** – *Dudgeon R. A.* (1982) The Forgotten Minority: Women Students in Imperial Russia, 1872-1917. Russian History, 9, 1: 1–26.
- Nefedov, 2016** – *Nefedov S. A.* (2016) Student Movement in St. Petersburg Shortly Before the Revolution of 1905. *Bylye Gody*. 40, 2: 508-515.
- Strauss, 1973** - *Strauss H. J.* Revolutionary Types Russia in 1905. *Journal of Conflict Resolution*. 17, 2: 297-316.

УДК 94

Студенческие волнения в Петербурге накануне революции 1905 года

Сергей Александрович Нефедов ^{a, b, *}

^a Уральский федеральный университет, Российская Федерация

^b Институт истории и археологии УрО РАН, Российская Федерация

Аннотация. В последнее время интерес к выступлениям студентов увеличился в связи с общепризнанной и весьма активной ролью молодежи в революциях конца XX – начала XXI века. Возникает вопрос: какую роль играло студенчество в процессе дестабилизации российского общества перед Первой русской революцией? Статья посвящена студенческим волнениям в Петербурге осенью

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: hist1@ya.ru (С.А. Нефедов)

1904 года. Показано, что в основе волнений лежало стихийное студенческое движение – так же как в 1899–1902 годах. «Союз Освобождения» прокламировал необходимость организации студентов и либеральной профессуры для целенаправленной борьбы с самодержавием – но в событиях осени 1904 года не прослеживается следов деятельности такой организации. Либеральная агитация имела место, но она носила подспудный, замаскированный характер, проявляясь в явной и неявной критике существующего режима. Однако агитация создавала в студенческой среде возбужденное настроение, и студенты-партийцы информировали об этом Петербургский комитет РСДРП. Комитет решил воспользоваться начавшимся стихийным движением, чтобы с помощью «общенародной демонстрации» заявить о требованиях пролетариата – отличных от требований либеральных земцев. При этом он обещал студентам мощную поддержку рабочих – но оказалось, что социал-демократы не могут мобилизовать рабочих на демонстрацию. Комитет дважды переносил дату демонстрации, а возбуждение среди студентов все росло под влиянием Земского съезда и начавшейся банкетной кампании. Комитет расписался в своей бессилии и попытался было отменить демонстрацию, но поняв, что демонстрация все равно состоится, постановил «принять участие в той демонстрации, которая состоится на Невском 28 ноября». Однако большевики не пожелали признаться в своем обмане, в том, что рабочие не придут, – и оставили студентов один на один с жандармским дивизионом. Поскольку дивизион готовился к разгону обещанной большевиками «грандиозной демонстрации», то 28 ноября стало для петербургских студентов трагическим днем.

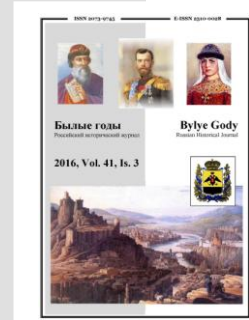
Ключевые слова: Россия, студенческое движение, студенческие волнения, Российская социал-демократическая партия, демонстрация 28 ноября 1904 года, Первая русская революция.

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 41, Is. 3, pp. 795-803, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94(57)

Maps of the Resettlement Administration and colonization process in Tomsk-Chulyum taiga (1905–1918)

Artyom V. Vasilyev^{a,*}, Elena A. Kim^a, Anastasia O. Burkun^a

^a National Research Tomsk State University, Russian Federation

Abstract

The article deals with the maps of Resettlements Administration as a valuable source for the history of social infrastructure of Tomsk-Chulyum taiga in beginning of 20 century. Due the lack of available areas for colonization, the flow of migrants was forwarded into Siberian taiga spaces. This required a great effort form authorities on the preparation of resettlements: a study of the region, development of communications, construction of social infrastructure, the church building etc. Measures taken by the Resettlement Administration has found its reflection in the map data, attached to the reports of the Administration.

Maps of Resettlement Administration are an informative source for the study of colonization of Tomsk-Chulyum taiga. More than any other source, they provide a glimpse on the direction of government policies on settling the area, allow to make conclusions about the success of various measures of the authorities and to reconstruct the main stages of the infrastructure and administrative development of the region, as well as the economic activities of migrants. In diachronic aspect they reveal the development of resettlement processes of region; in compression with other sources they allow to analyze the role of those factors, which on a small degree depended on the policy of Resettlement Administration, but affected the colonization of taiga. This is such a strong source as an illegal skit colonization, the influence of which can be traced on the maps. Considering the maps in terms of the audiences for which they were intended, we can also analyze the peasant and official representation of colonial space.

Keywords: Tomsk-Chulyum taiga, resettlement maps, social infrastructure.

1. Введение

Рубеж XIX–XX вв. стал временем наиболее активного освоения таежных пространств Сибири. Включение тайги в государственную переселенческую программу происходило не сразу. В законодательстве 80-х гг. тайга как особый переселенческий район еще не фигурирует, и даже в 1895 г. правительство могло еще рекомендовать переселенческим чиновникам не отводить под участки пространства, сплошь покрытые лесом, где нет чистых полей для первоначального земледелия. Однако реальность массовых переселений в Сибирь, сокращение доступных площадей и в некоторой степени государственная политика по сдерживанию переселений привели к тому, что в 1899 г. правительство уже утверждало, что “отсутствие в площади переселенческих участков пространств, свободных от леса... не может служить препятствием к заселению” (Чуркин, 2006: 178). Так или иначе, с 90-х гг. XIX столетия работы по образованию переселенческих участков все больше и больше углублялись в сибирскую тайгу. В 1900–1904 гг. таежные участки составляли уже 65,2 % от всего заготовленного колониационного фонда (Шкапский, 1907: 125). На повестку дня властей различного уровня встал вопрос о регулировании и организации переселений. Необходимым условием, в силу слабой изученности таежных районов, стало исследование тех районов, куда направлялась колонизация – а одним из важнейших инструментов этого явились карты, составлявшиеся различными учреждениями, участвующими в процессе колонизации.

* Corresponding author

E-mail addresses: hegelianer@gmail.com (A.V. Vasilyev), kimea@mail.ru (E.A. Kim), burkun.asya@gmail.com (A.O. Burkun)

Одним из регионов, картографирование, которого шло параллельно процессу заселения, являлась в начале XX в. томско-чулымская тайга. Данный регион расположен на громадном пространстве, ограниченном на западе нижним течением реки Томи и Обью, на севере и востоке рекою Чулымом и на юге – заселенными к началу 1890-х гг. землями, лежащими чуть севернее сибирского тракта. Активными участниками в процессе заселения региона выступали с середины XIX в. старообрядцы различных согласий (страннического, часовенного, белокрыницкого), для которых тайга стала сакральным “убежищем”, актуализующим целый спектр христианских пространственных образов. В связи с этим особый интерес представляет та часть томско-чулымской тайги, где соприкасались официальная государственная и иллегальная конфессиональная колонизации (в административном отношении это – Александровская, Петропавловская и Ново-Кусковская волости).

Начало XX в. характеризуется всплеском попыток картографирования томско-чулымской тайги: от деятельности экспедиций по землеустройству старожильского населения и образованию переселенческих участков и почвенно-ботанических исследований до озвучивавшейся миссионерами Томской епархии идеи составления карты раскола в удаленных приходах Томской епархии ([Первый, 1900: 22](#)). Среди них по объему и информативности выделяются карты, составлявшие главным органом колонизации – Переселенческим управлением Министерства внутренних дел (с 1905 – Главного управления землеустройства и земледелия). Как источниковый материал данные карты незаменимы – позволяя, с одной стороны, реконструировать динамику развития инфраструктуры новых переселенческих участков, они, с другой стороны, предоставляют возможность выявить механизмы взаимодействия локальных, региональных и национальных социокультурных процессов ([Дутчак и др., 2013: 79-90](#)).

2. Материалы и методы

2.1. В период с 1905 по 1916 гг. Переселенческое управление ежегодно издавало отчеты о проделанной работе, к которым прилагались карты, выполнявшие важную функцию визуализации как процесса заселения, так и проводимые управлением работы по созданию инфраструктуры. Однако интересующую нас эволюцию развития транспортных и социально-экономических коммуникаций можно увидеть только в том случае, если проанализировать данные карт на протяжении длительного периода. Для решения этой задачи мы выбрали комплекс карт: карту заселяемой части Сибири 1905 г., созданную к началу массовых переселений ([Карта, 1905](#)); карту Томского и Мариинского уездов Томской губернии 1909 г. ([Карта, 1909](#)); карты, прилагаемые к ежегодным отчетам переселенческого управления за 1911–1914 гг. ([Описание, 1911; Карта, 1911; Карты, 1913: 7; Карты, 1914: 7; Карты, 1915: 8](#)), и, наконец, карту Томской губернии 1921 года ([Карта, 1921](#)).

Сопоставить и конкретизировать данные о состоянии транспортной и социальной инфраструктуры региона делают возможным делопроизводственные и статистические материалы. Дело об открытии постоянной промежуточной телеграфной станции позволяет выявить причину установления телефона в Томско-чулымской тайге ([ГАТО. Ф. 218. Оп. 4. Д. 43. Л. 1-7](#)). Архивный материал является отражением не только деятельности центральной и местной администрации, но и представителей пароходных фирм. Среди статистических источников следует выделить локальную перепись ([Описание, 1911](#)), которая является выборочным обследованием различных групп населения. Она была проведена в 1911 г. Переселенческим управлением для обследования переселенческих хозяйств и переселенцев Томской губернии.

2.2. Основным методом данного исследования выступает историко-географический анализ карт как исторических источников, направленный на реконструкцию как отдельных элементов инфраструктуры прошлого, так и общих закономерностей территориального развития. Детальный анализ переселенческих карт в качестве самостоятельных источников существенно расширяет наши представления об этапах и результатах крестьянской колонизации в начале XX в. Картографический материал наглядно отражает состояние заселенных территорий: количество переселенческих участков, сельскохозяйственных складов и медицинских пунктов, проектируемые и разрешенные к сооружению линии железнодорожных магистралей, грунтовые дороги, почтовые тракты и т. д.

3. Обсуждение

Современное изучение переселенческого движения в годы аграрной реформы П.А. Столыпина вводится в разных направлениях. Так факторы адаптации, барьеры и стратегии поведения переселенцев исследуются в работах М.К. Чуркина ([Чуркин, 2006](#)), мероприятия и противоречия переселенческой политики – Д.Н. Белянина ([Белянин, 2011](#)). Содержанию административных, ментальных, национальных и экономических практик освоения Сибири посвящены исследования А.В. Ремнева и Н.Г. Суворовой ([Ремнев, Суворова, 2013](#)). Алтайские ученые одними из первых обратили внимание на переселенческие карты как на важный исторический источник по истории заселения Сибири ([Псарев, 1997; Владимиров, Силина, 1998](#)). Из общих работ, посвященных рукописным и печатным картам Сибири, следует отметить труды О.Н. Катионова ([Катионов, 1998; Катионов, 2007](#)) истории картографирования Сибири различными учреждениями России – публикации, А.А. Лобановой, Р.Ю. Смагина, Н.В. Павловой ([Лобанова, 2013; Смагин, 2012; Павлова,](#)

2015). Среди зарубежных исследований можно отметить ряд статей, посвященных работе Переселенческого управления, в которых исследуются институциональные особенности работы чиновников этого колониального по сути учреждения (Sunderland, 2010; Holquist, 2010).

4. Результаты

Несмотря на то, что первые научные описания природного и культурного ландшафтов сибирской тайги и их картографирование относится к первой половине XVIII века (карты Ремезова, экспедиционные дневники Д.Г. Мессершмидта и Г.Ф. Миллера), к моменту массовой колонизации края он оставался практически неизвестным для властей. Основные работы в XIX в. проводились Военно-топографической службой при Главном управлении генштаба, результатом которых, стала изданная в 1861 г. Генеральная карта Западной Сибири и прилегающей территории. Хотя съемки проводились с неточностями и даже к моменту издания материалы уже устарели, они стали основой для картографирования последующего времени.

Ко времени начала активного освоения тайги в конце XIX в. проблема отсутствия надежных информации обозначилась необычайно остро. Хотя южная часть рассматриваемого региона примыкала к хорошо освоенным и населенным местностям вдоль сибирского тракта, в целом он оставался *terra incognita* для светских и церковных властей, о чем свидетельствует запись чинов западно-сибирского переселенческого отряда, командированных туда в конце 1890-х для организации переселенческих участков. Так работавший в томско-чулымской тайге В.Т. Волков, вынужден был констатировать, что “до настоящего времени об окраинах Томской губернии ни в официальных документах, ни в литературе почти не имеется никаких сведений, если не считать поверхностных описаний, сделанных в различное время” (Волков, 1898: 9).

В конце XIX – начале XX вв. заселение Западной Сибири осуществлялось двумя способами: путем образования новых поселков или направлением переселенцев в села старожилов (Храмков, 1998: 136). Согласно карте заселяемой части Сибири 1905 года (Карта, 1905) на территории томско-чулымского таежного массива в этот период располагались Семилужная, Ново-Кусковская волости Томского уезда и Зырянская волость Мариинского уезда, все волостные правления и села были расположены на землях крестьянских старожилов. На ней обозначены существующие и предполагаемые переселенческие и запасные участки, казенные лесные дачи, к северным границам Семилужной и Ново-Кусковской – от правого берега р. Оби в районе с. Карнаухова до левого берега р. Чулым – земли, предназначенная для вольного поселения, которые находились также и на правом берегу реки Чулым над с. Пышкино. Как уже отмечалось, весь этот таежный массив еще в XIX в. стал местом локализации скитов староверов страннического, часовенного и белокрыницкого согласий (Дутчак, 2011: 949-964; Дутчак, 2012: 4-27).

Судя по картографическому материалу, крупные линии коммуникаций (в том числе – железнодорожные) в 1905 г. томско-чулымский таежный массив обошли стороной, а почтовый тракт в это время проходил от Томска, через такие села и деревни как Семилужное, Мазалова, Ишимское, Покровская, Кольонская. К 1905 г. Переселенческим управлением было начато строительство грунтовой дороги от с. Пышкино, видимо, поэтому конечный пункт на карте не был отображен. Из отчета чиновника особых поручений Н.П. Рахманова, мы узнаем, что в Зачулымском подрайоне устраивался паром через р. Чулым близ с. Пышкино-Троицкое, в Зырянской волости Мариинского уезда строился мост к уч. Ломовицкому и было начато переустройство грунтовой дороги от уч. Притаежного к уч. Зимовскому (Рахманов, 1910: 15). Что касается объектов социальной инфраструктуры, то на карте обозначен лишь один медицинский пункт, находившийся в с. Кусковом.

Карта Томского и Мариинского уездов Томской губернии за 1909 г. (Карта, 1909) дает нам возможность проследить динамику развития дорожных коммуникаций по сравнению с 1905 годом. Так в Зачулымском подрайоне на 1909 г. планировалось строительство двух грунтовых дорог. Первая, Притаежно-Зимовская, должна была пройти по территории Зырянской волости через переселенческие участки Притаежный, Куличек и Логовой, вторая – Халдеево-Троице-Пышкино – по территории Семилужной волости и связать переселенческие участки Тихомировский и Ксениевский с селами Ново-Кусково и Троице-Пышкино. Следовательно, на территории Зачулымского подрайона продолжали идти изыскания и строительство грунтовых дорог, начавшееся в 1905 г. И, если на карте Томской губернии 1905 года конкретная информация о проектах дорожного строительства не отображена, то карта за 1908 год уже отражает запланированные Переселенческим управлением дороги.

1911 год представлен двумя картами Переселенческого управления. Одна из них является приложением к «Описанию Томского переселенческого района: справочная книжка для ходоков и переселенцев, на 1911 год» (Описание, 1911), а вторая карта, прилагалась к отчету о проделанной работе Переселенческим управлением за 1911 г. Важно отметить, что каждая из карт была ориентирована на свою аудиторию, а значит, имела определенную специфику. Карта, предназначенная для чиновников, выполнена в цвете на плотной бумаге, масштабом в английском дюйме 20 верст, количество условных знаков составляет 35 ед., с указанием переселенческих подрайонов (Карта, 1911). Иначе выглядит карта для ходоков и переселенцев: во-первых, это не карта, а копия, выполненная на тонкой серой бумаге, масштабом в английском дюйме 50 верст, красным

цветом выделены только границы губернии, волостей и некоторые условные знаки; во-вторых, количество условных знаков ограничивается всего 13; в-третьих, акцентирует внимание на информации о церквях, что было не случайно, ведь именно они являлись важным фактором адаптации переселенца на новом месте. Обозначение церкви на карте должно было продемонстрировать ходоку с одной стороны, что, данное пространство является частью православного мира, и, следовательно, привычно для православного человека, с другой, возможность осуществления не только духовных потребностей, но и гражданских, поскольку при церкви велись метрические книги, фиксирующих информацию о родившихся, бракосочетавшихся и умерших.

Таким образом, основываясь на картографическом материале можно сделать следующие выводы: карта, предназначенная для чиновников, содержит в большей степени информацию прагматического характера, правительству необходимо было заселить пустующее таёжное пространство; другая карта являлась «приманкой» для крестьян, переселенческое управление прекрасно понимало, насколько для переселенцев значимым было не только хозяйственное обустройство, но и организация привычных для них форм религиозной жизни.

В период с 1906 по 1911 гг. в Томской губернии незаселенные переселенческие участки преобразовывались в населенные пункты. И как результат – появление на карте новых волостей, в том числе Александровской и Петропавловской. Необходимо отметить, что Петропавловское волостное правление, в отличие от остальных существующих ранее, располагалось на территории переселенческого участка, и Александровская волость тоже была новым образованием, однако волостное правление находилось старожильческом селе. Судя по карте 1911 г., местная администрация находилась в Ново-Кусковской волости, здесь же проживали заведующий переселенческим районом и крестьянский начальник. Врачебную помощь могли оказать в переселенческой больнице с. Ново-Кусково и фельдшерском пункте в пос. Томашенском Александровской волости. В селе Пышкино-Троицком был размещен склад сельскохозяйственных орудий, расширилась сеть дорог, связывающих населенные пункты между собой и губернским городом.

Несмотря на то, что количество условных знаков на карте Томской губернии составило 35 ед., более подробной информации о социальной инфраструктуре извлечь не представляется возможным. Это связано с тем, что карты, составляемые Переселенческим Управлением, издавались ежегодно и отражали проделанную работу за год, поэтому для получения более полной картины колонизации и освоения региона, необходимо привлечение статистических источников. В частности, более детальные сведения о состоянии транспортной и социальной инфраструктуры региона содержатся в локальной переписи 1911 г (*Список, 1911*). В ней указаны расстояния от уездного города до волостных правлений, ближнего почтового отделения, станового пристава, квартиры крестьянского начальника, земской станции, телефонной станции. Все это дает возможность судить о развитии коммуникации в широком понимании этого слова: дороги, почтовая и телефонная связь.

Любопытным фактом является наличие телефонной станции в д. Орловка Петропавловской волости. Сразу возникает ряд вопросов: «зачем в деревне телефон?», «кто был заинтересован в его установке?» и «кто им пользовался?». Изначально возникло предположение, что телефон был установлен для томско-обского лесничего, квартира которого располагалась в д. Орловка. Благодаря архивным делопроизводственным материалам удалось выяснить, что промежуточная телеграфная станция в деревне Орловка в 1 ½ верст от Усть-Томской телеграфной линии, была открыта по инициативе представителей пароходных фирм в Томске: товарищества «Западной Сибири пароходства и торговли», торгового дома «Михаил Плотников и сыновья», обладавшего здесь рыбными промыслами, И.Н. Корнилова наследницы и «Богословского горнозаводского общества» (*ГАТО, ф. 218. ОП. 4. Д. 43. Л. 1-7*).

Опираясь на данные переписи, можно судить о том, как новосельцы обустроивались на новом месте, насколько успешно использовали выделенные государством ссуды. Из интересующих нас трех волостей Ново-Кусковская волость – была наиболее развитой, что объясняется, с одной стороны, более ранним ее заселением, с другой, близостью судоходной р. Чулым, что давало возможность переселенцам заниматься не только рыбным промыслом, но и производством муки. Здесь находилось 29 хлебозапасных магазинов, 25 мелочных торговых лавок, 7 мануфактурных лавок, 5 казенных винных лавок, 1 еженедельный по понедельникам базар, 1 ветреная и 27 водяных мукомольных мельниц. Статистические показатели по Александровской волости выглядят несколько скромнее – 15 хлебозапасных магазинов, 9 мелочных торговых лавок, 1 казенная винная лавка, 1 водяная мукомольная мельница. Земли Петропавловской волости в основном состояли из переселенческих участков, что хорошо видно на карте 1905 года, и успешность освоения этой волости на наш взгляд отражают как картографические данные, так и локальной переписи 1911 года: 15 хлебозапасных магазинов, 12 мелочных торговых лавок, 1 мануфактурная лавка, 2 казенных винных лавок, 3 водяных мукомольных мельниц, 1 ветряная мукомольная мельница; 1 пивная лавка, 1 паточный завод, пароходная пристань (*Список, 1911*).

В ходе реализации аграрной реформы П.А. Столыпина шла работа над удовлетворением духовных нужд переселенцев. По локальной переписи к 1911 г. в Петропавловской и Александровской волостях находилось лишь по одной церкви и часовне, в то время как, в Ново-Кусковской волости,

уже было построено 8 церквей и 2 часовни (Список, 1911). Вместе с тем обращение именно к карте позволяет детализировать эту картину и увидеть, что церкви в Ново-Кусковской волости располагались относительно равномерно по всей ее территории.

Неожиданно массовый характер переселений заставил правительство в 1910 г. принять решение об увеличении расходов на развитие социально-экономической инфраструктуры для переселенцев (Белянин, 2008: 104-109). Например, на строительство школ в Томской губернии Переселенческим управлением было выделено 87980 руб., а в 1913 г. – 171492 руб., Министерством народного просвещения – 64650 руб. и Священным Синодом – 19300 руб. (Гизель, 2012: 51).

Результаты деятельности переселенческого управления, связанные с увеличением государственного финансирования, нашли своё отражение на картах Томской губернии за 1912–1914 гг. Судя по карте 1912 г. основные изменения произошли в Зачулымском подрайоне, который включал в себя Ново-Кусковскую волость Томского уезда и Зырянскую волость Мариинского уезда. Здесь на средства Священного Синода и Переселенческого Управления были построены две церкви, два водохранилища, произведены изыскания трех дорог, на 4 участках были произведены гидротехнические изыскания, а также отмечено 9 переселенческих пунктов для передвижения крестьян, один фельдшерский пункт (Карты, 1913: 7). В Александровской и Петропавловских волостях было проведено 12 гидротехнических изысканий с целью обследования земель на наличие грунтовых вод, поскольку только участок обеспеченный необходимым количеством водных источников отдавался под заселение, в противном случае он переходил в разряд запасных (Белянин, 2013: 82).

В 1913 г. Переселенческим управлением на территории томско-чулымского таёжного массива был образован один хуторской отруб, открыто 8 школ, построена одна церковь, в волостях велись поземельные устроительные работы (Карты, 1914: 7). В 1914 г. на территории Александровской и Ново-Кусковской волостей появляется 4 школы, 3 водохранилища, колодцы на семи участках (Карты, 1915: 8). На большинстве участков шли или должны были начаться с 1 января 1915 г. поземельно-устроительные работы (Белянин, 2013: 82).

Первая мировая война, а затем революция и гражданская война привели к свертыванию всех мероприятий, связанных с переселенческой политикой, а переселенческое управление в 1918 г. вошло в состав Наркомзема. В 1921 г. была издана карта Томской губернии, которая имеет особое значение для нашего исследования (Карта, 1921). Дело в том, что она визуально представляет не только результаты колонизации интересующих нас волостей, но на ней впервые обозначены все заимки, располагавшиеся вокруг скитов в томско-чулымской тайге, а также, созданная к этому времени и запланированная дорожная инфраструктура, соединяющая их как с волостными, так и губернскими центрами. В том числе железную дорогу, которая должна была соединить Томск с Белым Яром на реке Кети, и проходить через старообрядческие заимки и скиты. Можно только предполагать, как эта дорога могла повлиять на дальнейшее развитие этого региона, но она так никогда и не была построена.

5. Заключение

Карты переселенческого управления являются важнейшим источником в изучении сибирской колонизации. Они делают возможным реконструировать наиболее сложные процессы, связанные с освоением томско-чулымской тайги, выявить основные этапы инфраструктурного и административного развития региона и то, насколько эффективными были усилия властей по заселению таежных пространств и хозяйственная деятельность поселенцев. Карты, визуализирующие пространство осваиваемой территории, позволяют подтвердить предположение о том, что не последнюю роль в столь успешном в хозяйственном отношении развитии Петропавловской и Александровской волостей играла ориентация на близ лежащие скиты староверов беспоповцев и часовенных.

6. Благодарности

Статья подготовлена в рамках научного проекта, выполненного при поддержке Программы «Научный фонд Томского государственного университета им. Д.И. Менделеева» в 2015–2016 гг., проект № 8.1.39.2015.

Литература

Белянин, 2008 - Белянин Д.Н. Столыпинская переселенческая политика – как национальный проект // *Вестник КузГТУ*. 2008. № 1. С. 104–109.

Белянин, 2011 - Белянин Д.Н. Переселение крестьян в Сибирь в годы Столыпинской аграрной реформы // *Отечественная история*. 2011. № 1. С. 86–95.

Белянин, 2013 - Белянин Д.Н. Организация гидротехнических и мелиоративных работ в колонизируемых районах Западной Сибири на рубеже XIX–XX вв. // *Вестник Томского государственного университета*. 2013. № 374. С. 82–87.

Владимиров, Силина, 1998 - Владимиров В.Н., Силина И.Г. Историко-пространственные аспекты анализа переселенческого движения на территории Алтайского округа в конце XIX – начале XX в. // *Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер»*. 1998. № 23. С. 129–131.

Волков, 1898 – *Волков В.Т.* К вопросу о заселении таежных пространств Томской губернии. Доклад // Труды Томского отдела императорского московского общества сельского хозяйства. Томск., 1898. Кн. II. 31 с.

ГАТО – Государственный архив Томской области.

Гизель, 2012 - *Гизель Ю.Ю.* Школьное строительство в переселенческих поселках в 1906–1913 гг. : (на примере Том. переселен. р-на) // *Вестн. КемГУ.* 2012. №3 (51). С. 51–54.

Дутчак, 2011 - *Дутчак Е.Е.* «Спасайте свою паству заблаговременно!..»: скитское сообщество в условиях модернизации (1870–1930-е годы) // *Старообрядчество: история, культура, современность.* Вып. 14. М., 2012. С. 4–27.

Дутчак, 2011 - *Дутчак Е.Е.* Скитская колонизация Западной Сибири: общее и особенное // Книга и литература в культурном пространстве эпох (XI–XX века). Новосибирск, 2011. С. 949–964.

Дутчак и др., 2013 - *Дутчак Е.Е., Васильев А.В., Ким Е.А., Полежаева Т.В.* Православный ландшафт таежной Сибири: концепция исследования // *Сибирские исторические исследования.* 2013. № 1. С. 79–90.

Карта, 1905 - Карта Томской губернии 1905 г. [Электронный ресурс] // Все о революционных монетах. URL: <http://4x10.ru/karty-sibiri/tomskaya-guberniya/> (дата обращения: 7.06.2015).

Карта, 1909 - Карта Томского и Мариинского уезда Томской губернии 1909 г. [Электронный ресурс] // Все о революционных монетах. URL: <http://4x10.ru/karty-sibiri/tomskaya-guberniya/> (дата обращения: 1.06.2015).

Карта, 1911 - Карта Томской губернии 1911 г. на 29 листах [Электронный ресурс] // Все о революционных монетах. URL: <http://4x10.ru/karty-sibiri/tomskaya-guberniya/> (дата обращения: 1.06.2015).

Карта, 1921 - Карта Томской губернии 1921 г. [Электронный ресурс] // Старые карты on-line. URL: http://www.etomesto.ru/map-tomsk_10verst/ (дата обращения: 7.06.2015).

Карты, 1913 - Карты заселяемых районов за Уралом: отчет о работах Переселенческого управления за 1912 г. / Переселенч. упр. Гл. упр. землеустройства и земледелия. СПб., 1913. 12 карт.

Карты, 1914 - Карты заселяемых районов за Уралом: отчет о работах Переселенческого управления за 1913 г. / Переселенч. упр. Гл. упр. землеустройства и земледелия. СПб., 1914. 12 карт.

Карты, 1915 - Карты заселяемых районов за Уралом: отчет о работах Переселенческого управления за 1914 г. / Переселенч. упр. Гл. упр. землеустройства и земледелия. СПб., 1915. 13 карт.

Катионов, 1998 - *Катионов О.Н.* История научно-картографического изучения Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1998. 164 с.

Катионов, 2007 - *Катионов О.Н.* Картографическое сопровождение государственной политики по освоению Сибири в XVII – начале XX века // Роль государства в хозяйственном и социокультурном освоении Азиатской России XVII–XX века: сб. матер. регион. науч. конф. Новосибирск, 2007. С. 217–226.

Лобанова, 2013 - *Лобанова А.А.* «Подводные камни» в работе землемеров в Западной Сибири (2-я пол. XIX – начало XX в.) // Освоение и развитие Западной Сибири в XVI–XX вв. : матер. межрег. науч.-практ. конф., посв. 300-летию Чаусского острога. Новосибирск : СИБПРИНТ, 2013. С. 87–91.

Описание, 1911 - Описание Томского переселенческого района : справочная книжка для ходоков и переселенцев на 1911 год. СПб., 1911. 14 с.

Павлова, 2015 - *Павлова Н.В.* Вклад военных топографов и геодезистов в картографирование Сибири во второй половине XIX – начале XX века // *Вестник ОмГУ.* 2015. №1 (75). С. 147–151.

Первый, 1900 - Первый Епархиальный миссионерский съезд в г. Томске, 10–27 августа 1898 года / сост. Ив. Новиков. Томск, 1900. 33 с.

Псарев, 1997 - *Псарев В.И.* Картографическое обеспечение хозяйственного освоения территории Алтайского края // Историческая и современная картография в развитии Алтайского региона : Тез. докл. 1997. С. 3–6.

Рахманов, 1910 - *Рахманов Н.П.* Переселенческие дороги в Томской губернии: отчет по служебной поездке в Томскую губернию летом 1909 года чиновника особых поручений Н.П. Рахманова. СПб., 1910. 23 с.

Ремнев, Суворова, 2013 - *Ремнев А.В., Суворова Н.Г.* Колонизация Азиатской России: имперские и национальные сценарии второй половины XIX - начала XX века : монография. Омск, 2013. 246 с.

Смагин, 2012 - *Смагин Р.Ю.* Становление военно-топографической службы Сибири в XIX – начале XX века (на примере Омского военно-топографического отдела) // *Геодезия и картография.* 2012. №1. С. 46–52.

Список, 1911 - Список населенных мест Томского уезда Томской губернии 1911 г. [Электронный ресурс] // Государственный архив Томской области : официальный сайт. – Электрон. дан. Томск [2006–2015]. Режим доступа: <http://pereselenie.gato.tomica.ru/snm/1911/document-4.html>, свободный (дата обращения: 16.02.2014).

Храмков, 1998 - *Храмков А.А.* Земельное обеспечение крестьян Алтайского округа в конце XIX - начале XX в.: переселенческие аспекты // История. Карта. Компьютер. Барнаул, 1998. С. 136–149.

Чуркин, 2006 - Чуркин М.К. Переселение крестьян черноземного центра Европейской России в Западную Сибирь во второй половине XIX – начале XX в.: детерминирующие факторы миграционной мобильности и адаптации. Омск, 2006. 376 с.

Шкапский, 1907 - Шкапский О.А. На рубеже переселенческого дела // *Вопросы колонизации*. СПб., 1907. С. 112–137.

Holquist, 2010 - Holquist P. «In Accord with State Interests and the People's Wishes»: The Technocratic Ideology of Imperial Russia's Resettlement Administration. *Slavic Review*. 2010. Vol. 69, No. 1. Pp. 151-179.

Sunderland, 2010 - Sunderland W. (2010) The Ministry of Asiatic Russia: the colonial office that never was but might have been. *Slavic Review*. Vol. 69, No. 1. Pp. 120-150.

References

Belyanin, 2008 - Belyanin D.N. Stolypinskaya pereselencheskaya politika – kak natsional'nyi proekt [Stolypin migration policy as a national project], *VestnikKuzGTU*. 2008, № 1, p. 104–109. [in Russian].

Belyanin, 2011 - Belyanin D.N. Peasant resettlement to Siberia during the Stolypin land reform, *Rossiiskaia Istoria*. 2011. №1. p. 86–95. [in Russian].

Belyanin, 2013 - Belyanin D.N. Organizatsiya gidrotekhnicheskikh i meliorativnykh rabot v kolonizuemykh raionakh Zapadnoi Sibiri na rubezhe XIX–XX vv. [Management of hydroengineering and land-reclamation works in the colonized areas of Western Siberia in late 19th – early 20th centuries.], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2013, № 374, p. 82–87. [in Russian].

Churkin, 2006 - Churkin M.K. Pereselenie krest'yan chernozemnogo tsentra Evropeiskoi Rossii v Zapadnuyu Sibir' vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v.: determiniruyushchie faktory migratsionnoi mobil'nosti i adaptatsii [The resettlement of peasants of chernozem center of European Russia in Western Siberia in the second half of XIX - early XX century: determining factors of migration mobility and adaptation], Омск, 2006. 376 s. [in Russian].

Dutchak, 2011 - Dutchak E.E. «Spasaite svoyu pastvu zablagovremennno!..»: skitskoe soobshchestvo v usloviyakh modernizatsii (1870-1930-e gody) [«Save your people a forehand..!»: Skit community in terms of modernization (1870-1930)], *Staroobryadchestvo: istoriya, kul'tura, sovremennost'*. Vyp.14. M., 2012. p. 4–27. [in Russian].

Dutchak, 2011 - Dutchak E.E. Skitskaya kolonizatsiya Zapadnoi Sibiri: obshchee i osobennoe [Skit colonization of Western Siberia: the general and special], *Kniga i literatura v kul'turnom prostranstve epokh (XI-XX veka)*. Novosibirsk, 2011. p. 949-964. [in Russian].

Dutchak i dr., 2013 - Dutchak E.E., Vasil'ev A.V., Kim E.A., Polezhaeva T.V. Pravoslavnyi landshaft taezhnoi Sibiri: kontseptsiya issledovaniya [Orthodox landscape of Siberian taiga region: the concept of research], *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*. 2013. № 1, p. 79–90. [in Russian].

GATO – Gosudarstvennyi arkhiv Tomskoi oblasti [State archive of the Tomsk region]. [in Russian].

Gizel', 2012 - Gizel' Yu.Yu. Shkol'noe stroitel'stvo v pereselencheskikh poselkakh v 1906 – 1913 gg. : (na primere Tom. pereselen. r-na) [School building in resettlement townships in 1906 1913 (the example of Tomsk resettlement district)] *Vestn. KemGU*. 2012. №3 (51). p. 51–54. [in Russian].

Holquist, 2010 - Holquist P. «In Accord with State Interests and the People's Wishes»: The Technocratic Ideology of Imperial Russia's Resettlement Administration. *Slavic Review*. 2010. Vol. 69, No. 1. P. 151–179.

Karta, 1905 - Karta Tomskoi gubernii 1905 g. [Elektronnyi resurs] [Map of Tomsk governance in 1905], *Vse o revolyutsionnykh monetakh*. URL: <http://4x10.ru/karty-sibiri/tomskaya-guberniya/> (data obrashcheniya: 7.06.2015). [in Russian].

Karta, 1909 - Karta Tomskogo i Mariinskogo uезда Tomskoi gubernii 1909 g. [Elektronnyiresurs] [Map of Tomsk and the Mariinsk district of Tomsk governance in 1909], *Vse o revolyutsionnykh monetakh*. URL: <http://4x10.ru/karty-sibiri/tomskaya-guberniya/> (data obrashcheniya: 1.06.2015). [in Russian].

Karta, 1911 - Karta Tomskoi gubernii 1911 g. na 29 listakh [Elektronnyiresurs] [Map of Tomsk governance in 1911 on 29 pages], *Vse o revolyutsionnykh monetakh*. URL: <http://4x10.ru/karty-sibiri/tomskaya-guberniya/> (data obrashcheniya: 1.06.2015). [in Russian].

Karta, 1921 - Karta Tomskoi gubernii 1921 g. [Elektronnyi resurs] [Map of Tomsk governance in 1921], *Starye karty on-line*. URL: http://www.etomesto.ru/map-tomsk_1overst/ (data obrashcheniya: 7.06.2015). [in Russian].

Karty, 1913 – Karty zaselyaemykh raionov za Uralom: otchet o rabotakh Pereselencheskogo upravleniya za 1912 g. [Maps of populated areas beyond Urals: a report on the work of the Resettlement Administration for 1912], *Pereselench. upr. Gl. upr. zemleustroistva i zemledeliya* [Resettlement Administration of General Administration of Land Use and Agriculture], SPb., 1913. 12 kart. [in Russian].

Karty, 1914 – Karty zaselyaemykh raionov za Uralom: otchet o rabotakh Pereselencheskogo upravleniyaza 1913 g. [Maps of populated areas beyond Urals: a report on the work of the Resettlement Administration for 1913], *Pereselench. upr. Gl. upr. zemleustroistva i zemledeliya* [Resettlement Administration of General Administration of Land Use and Agriculture], SPb., 1914. – 12 kart. [in Russian].

Karty, 1915 – Karty zaselyaemykh raionov za Uralom: otchet o rabotakh Pereselencheskogo upravleniya za 1914 g. [Maps of populated areas beyond Urals: a report on the work of the Resettlement

Administration for 1914], *Pereselench. upr. Gl. upr. zemleustroistva i zemledeliya* [Resettlement Administration of General Administration of Land Use and Agriculture], SPb., 1915. – 13 kart. [in Russian].

Kationov, 1998 - *Kationov O.N.* Istoriya nauchno-kartograficheskogo izucheniya Sibiri i Dal'negoVostoka [The history of the scientific and cartographic study of Siberia and the Far East], Novosibirsk, 1998. 164 p. [in Russian].

Kationov, 2007 - *Kationov O.N.* Kartograficheskoe soprovozhdenie gosudarstvennoi politiki po osvoeniyu Sibiri v XVII – nachale XX veka [Cartographic support of the state policy on the development of Siberia in the 16 - beginning of 20 century], *Rol' gosudarstva v khozyaistvennom i sotsiokul'turnom osvoenii Aziatskoi Rossii XVII–XX veka*, Novosibirsk, 2007. p. 217–226. [in Russian].

Khramkov, 1998 - *Khramkov A.A.* Zemel'noe obespechenie krest'yan Altaiskogo okruga v kontse XIX - nachale XX v.: pereselencheskie aspekty [Land provision of Altai district peasants in the late 19 - early 20century: resettlement aspects], *Istoriya. Karta. Komp'yuter*. Barnaul, 1998. S. 136–149. [in Russian].

Lobanova, 2013 - *Lobanova A.A.* «Podvodnye kamni» v rabote zemlemerov v Zapadnoi Sibiri (2-ya pol. XIX - nachalo XX v.) [«Pitfalls» in the work of land surveyors in Western Siberia (the second half of 19 - beginning of the 20 century.)], *Osvoenie i razvitie Zapadnoi Sibiri v XVI-XX vv*, Novosibirsk : SIBPRINT, 2013. S. 87–91. [in Russian].

Opisanie, 1911 – *Opisanie Tomskogo pereselencheskogo raiona: spravochnaya knizhka dlya khodokov i pereselentsevna 1911 god.* [Description of the Tomskresettlement region: reference book for colonists in 1911], SPb., 1911. 14 s. [in Russian].

Pavlova, 2015 - *Pavlova N.V.* Vklad voennykh topografov i geodezistov v kartografirovanie Sibiri vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka [The contribution of military surveyors and geodesists to mapping of Siberia in the second half of 19 - early 20 century], *Vestnik OmGU* . 2015. №1 (75). S. 147–151. [in Russian].

Pervyi, 1900 – *Pervyi Eparkhial'nyi missionserskii s"ezd v g. Tomske, 10-27 avgusta 1898 goda* [The first Diocesan Missionary Congress in Tomsk, 10-27 August 1898], sost. Iv. Novikov. Tomsk, 1900. 331s. [in Russian].

Psarev, 1997 - *Psarev V.I.* Kartograficheskoe obespechenie khozyaistvennogo osvoeniya territorii Altaiskogo kraya [The cartographical maintenance of economic development of the Altai rigion], *Istoricheskaya i sovremennaya kartografiya v razvitii Altaiskogo regiona* :Tez. dokl. 1997. S. 3–6. [in Russian].

Rakhmanov, 1910 - *Rakhmanov N.P.* Pereselencheskie dorogi v Tomskoi gubernii: otchet po sluzhebnoi poezdke v Tomskuyu guberniyu letom 1909 goda chinovnika osobykh poruchenii N.P. Rakhmanova [The Resettlement roads in Tomsk governance: report on official trip to Tomsk governance in the summer of 1909 by official for special assignments N. Rakhmanov], SPb., 1910. 23 s. [in Russian].

Remnev, Suvorova, 2013 - *Remnev A.V., Suvorova N.G.* Kolonizatsiya Aziatskoi Rossii: imperskie i natsional'nye stsenarii vtoroi poloviny XIX - nachala XX veka: monografiya [Colonization of Asiatic Russia: Imperial and national scenarios of the second half of 19 - early 20 century: Monograph], Omsk, 2013. 246 s. [in Russian].

Shkapskii, 1907 - *Shkapskii O.A.* Na rubezhe pereselencheskogo dela [On the edge of the resettlement affair], *Voprosy kolonizatsii*. SPb., 1907. S.112-137. [in Russian].

Smagin, 2012 - *Smagin R.Yu.* Stanovlenie voenno-topograficheskoi sluzhby Sibiri v XIX – nachale XX veka (na primere Omskogo voenno-topograficheskogo otdela) [Formation of military-topographic service in Siberia in 19 - early 20 century (on the example of the Omsk Military Topographic Department)], *Geodeziya i kartografiya*. 2012. №1. S. 46–52. [in Russian].

Spisok, 1911 - Spisok naseleennykh mest Tomskogo uezdaTomskoi gubernii 1911 g. [Elektronnyi resurs] [List of localities of the Tomsk district of Tomsk governance in 1911], Gosudarstvennyi arkhivTomskoi oblasti: ofitsial'nyi sait. – Elektron. dan. – Tomsk [2006-2015]. Rezhim dostupa: <http://pereselenie.gato.tomica.ru/snm/1911/document-4.html>, svobodnyi (data obrashcheniya: 16.02.2014). [in Russian].

Sunderland, 2010 - *Sunderland W.* The Ministry of Asiatic Russia: the colonial office that never was but might have been. *Slavic Review*. 2010. Vol. 69, No. 1. Pp. 120–150.

Vladimirov, Silina, 1998 - *Vladimirov V.N., Silina I.G.* Istoriko-prostranstvennye aspekty analiza pereselencheskogo dvizheniya na territoriyu Altaiskogo okruga v kontse XIX - nachale XX v. [Historical analysis of the spatial aspects of the resettlement movement in the territory of the Altai district in the late XIX - early XX century], *Informatsionnyi byulleten' Assotsiatsii «Istoriya i komp'yuter»*. 1998, № 23. pp. 129–131. [in Russian].

Volkov, 1898 - *Volkov V.T.* K voprosu o zaselenii taezhnykh prostranstv Tomskoi gubernii. Doklad [On the question of the colonization of the taiga space of Tomsk governance. Report], *Trudy Tomskogo otdela imperatorskogo moskovskogo obshchestva sel'skogo khozyaistva*. Tomsk., 1898, Kn. II. 31 p. [in Russian].

УДК 94(57)

Карты Переселенческого управления и процессы освоения таежного Причулымья (1905–1918 гг.)Артём Викторович Васильев^{а, *}, Елена Алексеевна Ким^а, Анастасия Олеговна Буркун^а^а Национальный исследовательский Томский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются переселенческие карты, как ценный источник по истории складывания инфраструктуры томско-чулымской тайги в 1905–1918 гг. В связи с нехваткой удобных для проживания земель колонизационный поток продвигался вглубь таёжного массива Сибири, что потребовало от властей больших усилий по подготовке переселений и устройству переселенцев на местах. Это включало в себя цикл мероприятий по географическому и естественнонаучному исследованию заселяемых районов, развитие коммуникаций, строительство объектов социальной инфраструктуры, церковное строительство и т.д. Меры, предпринятые Переселенческим управлением Главного управления землеустройства и земледелия, нашли своё отражение в картографическом материале, прилагаемом к отчетам о проделанной работе.

Карты переселенческого управления являются информативным источником по изучению колонизации томско-чулымской тайги. Как никакой другой источник они позволяют судить о направленности политики властей по заселению района, дают возможность делать выводы об успешности тех или иных мероприятий властей и реконструировать основные этапы инфраструктурного и административного развития региона, а также хозяйственную деятельность переселенцев. Взятые в диахроническом разрезе они рисуют эволюционную картину заселения района; в сравнении с другими источниками позволяют анализировать значение тех факторов, которые в малой степени зависели от политики Переселенческого управления, но влияли на освоения региона. Речь идет о таком сильном источнике заселения томско-чулымской тайги, как скитская колонизация, влияние которой прослеживается на картах Переселенческого управления. Рассматривая карты с точки зрения аудиторий, для которых они предназначались, мы можем анализировать представления чиновников и крестьян о важности тех или иных объектов пространства, выходя на проблему образов колонизации.

Ключевые слова: томско-чулымская тайга, переселенческая карта, социальная инфраструктура.

---

* Корреспондирующий автор

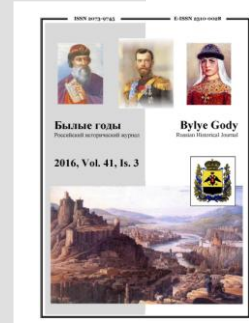
Адреса электронной почты: hegelianer@gmail.com (А.В. Васильев), kimea@mail.ru (Е.А. Ким), burkun.asya@gmail.com (А.О. Буркун)

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 41, Is. 3, pp. 804-812, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 93/94

Creative Intelligentsia in Socio-Political Processes of the Epoch of the First Russian Revolution

Tatiana V. Gryaznukhina ^a, Alexander G. Gryaznukhin ^{a, *}, Mikhail D. Severyanov ^a, Ivan A. Pfanenshtil ^a

^a Siberian Federal University, Russian Federation

Abstract

The attitude of artistic intelligentsia to the revolutionary events of 1905–1907 years is covered in the article. General discontent with the regime of Nicholas II and the wish to change something contributed to intelligentsia's sympathy for the revolution, which was seen as the attempt of solving social problems. However, artistic intelligentsia's involvement level in the current events was unequal: some tried to grasp the idea of what was going on, some were simply passive onlookers, and others ignored those events and did not reflect them in their works. Archive materials, used in the article, published sources and the evidence of intelligentsia's representatives make it possible to say that, in general, intelligentsia chose the role of an outside observer instead of being an active supporter of the revolutionary events. The analysis of intelligentsia's creativity, given in the article, shows that they were trying to reconsider people's role in the development of Russian history and, as the result of that, civil subject appeared in intelligentsia's works. However, lack of understanding by intelligentsia of ongoing social processes in the country contributed to the inability to give a sharp awareness of the subject of revolution in intelligentsia's works. The identity of Russian and Siberian intelligentsia's views toward the revolution has been revealed on the basis of comparative study. Being sympathetic towards people, intelligentsia did not approve of violence, which scared them off from taking part in the revolution. They showed their disapproval of the regime in the way of protesting, making statements and declarations without going in for active actions. The content and the topics of works of artistic intelligentsia's most famous representatives at that period have been analyzed in the article and its role in the formation of public conscience and the development of culture in general has been validated.

Keywords: creative intelligentsia, the First Russian revolution, culture, Russia, Siberia, creativity, people.

1. Введение

Понять и осмыслить происходящие в современной России события невозможно, не учитывая в них роли интеллигенции. Общественный и научный интерес к вопросам, связанным с определением роли и значения интеллигенции в обществе, не ослабевает со временем. Дискуссии, разворачивающиеся вокруг них, позволяют переосмыслить и по-новому понять роль интеллигенции в формировании общественного сознания и выработке духовных ценностей. Огромная роль в этом принадлежит творческой интеллигенции. Перемены, происходящие в наше время: отрицание насилия как формы разрешения конфликтов, утверждение демократических форм правления, обращение к религии как средству духовного возрождения созвучны с общественными настроениями, доминировавшими в революционную эпоху 1905 г. Изменившаяся историческая ситуация в современной России позволяет иначе взглянуть на проблему восприятия творческой интеллигенцией революции и дать соответствующую современному уровню знаний оценку происходившим тогда событиям.

* Corresponding author

E-mail addresses: tag-kras@mail.ru (T.V. Gryaznukhina), agagag@mail.ru (A.G. Gryaznukhin), kafedraistoriirossii@yandex.ru (M.D. Severyanov), IPhanenstil@sfu-kras.ru (I.A. Pfanenshtil)

2. Материалы и методы

2.1. В процессе написания данной статьи были использованы документы государственных архивов Томской, Омской, Иркутской областей, воспоминания и письма представителей творческой интеллигенции России и Сибири, материалы периодической печати начала XX в.

2.2. В основу методологии исследования легли общенаучные методы: анализа, синтеза, обобщения. Использование принципа историзма позволило рассмотреть фактический материал в контексте происходящих общественно-политических процессов. Применение сравнительно-исторического и проблемно-хронологического методов позволило рассмотреть исследуемые научные проблемы в их последовательном развитии и проанализировать аналогичные процессы, происходившие в России и Сибири на рубеже XIX–XX вв.

3. Обсуждение

Проблемы становления, развития и деятельности интеллигенции всегда находились в поле зрения многих исследователей. Отношению творческой интеллигенции к революционным событиям 1905 г. посвящен сборник статей «Интеллигенция и революция. XX век» ([Интеллигенция и революция, 1985](#)). Авторы сборника отмечали, что интеллигенция рубежа столетий полностью интегрировалась в капиталистическую систему и ее задача состояла в том, чтобы идеологически защищать систему буржуазных отношений. Искусство, создававшееся интеллигенцией, соответственно, носило буржуазный характер. Более объективная оценка в освещении художественной жизни России дана в книге Э.П. Гомберг-Вержбинской «Русское искусство и революция 1905 г. Графика. Живопись» ([Гомберг-Вержбинская, 1960](#)). Автор подчеркивает, что незначительное число работ, посвященных революционной тематике, говорит об аполитичности интеллигенции, что характеризует ее не лучшим образом. Художественным процессам, происходившим в предоктябрьское десятилетие в изобразительном искусстве, посвящен сборник статей «Русская художественная культура конца XIX – начала XX века» ([РХК, 1980](#)). Богатый материал о творческой интеллигенции Томска и ее реакции на революционные события 1905 г. содержится в книге П. Муратова «Изобразительное искусство Томска» ([Муратов, 1974](#)).

Интеллигенции со стороны современных ученых уделяется большое внимание. В 1990–2000-е гг. появился целый ряд серьезных исследований, в которых принимали участие М.А. Мунтян ([Мунтян, 1992](#)), В.С. Жидков ([Жидков, 2001](#)), О.Н. Козлова ([Козлова, 1995](#)), Ю. Поляков ([Поляков, 1996](#)), К. Б. Соколов ([Соколов, 2001](#)). Феномену русской интеллигенции посвящены сборники статей «Русская интеллигенция. История и судьба» ([Русская интеллигенция, 2001](#)), «Судьба российской интеллигенции» ([Судьба, 1999](#)).

Современные зарубежные ученые так же освещали в своих трудах процессы, происходившие в художественной жизни России рубежа веков ([Кассу, 1998](#)), отношение к ним творческой интеллигенции ([Кристиан, 2000](#)), а также вопросы сибирского областничества ([Pereira, 1993](#)), судьбы интеллигенции России ([Finkel, 2003](#)).

Большой вклад в разработку вопросов культуры Сибири внесли омские исследователи, выпустив в свет историко-краеведческий альманах «Омская старина» ([Омская старина, 1993](#)). Несомненный интерес для исследователей культуры региона представляет монография Н.Я. Артамоновой «Интеллигенция Восточной Сибири: опыт формирования и деятельности (конец XIX – середина XX вв.)» ([Артамонова, 2000](#)). Сведения о выдающихся представителях художественной культуры Омска представляет «Омский историко-краеведческий словарь» ([Вибе, 1994](#)). Особо следует выделить тематические сборники, изданные в Новосибирске ([Культурный потенциал, 1992](#)), в Омске ([Культура, 1993](#)), в Томске ([Художественная жизнь, 2000](#)).

Исследования современных ученых внесли большой вклад в разработку вопросов о роли интеллигенции в общественной жизни. Анализ опыта прошлого: взаимоотношения интеллигенции с властью, ее поведение в переломные исторические моменты, может послужить примером для выработки моделей поведения современной интеллигенции. Научная разработка проблемы свидетельствует о том, что в настоящее время происходит переосмысление роли интеллигенции и поиск новых подходов в методологии исследования проблемы.

4. Результаты

Первая русская революция явилась событием огромной общественной важности в истории России, оказала большое влияние на ее общественно-политическую жизнь и оставила глубокий след в развитии русской культуры в целом. Недовольство режимом Николая II, желание хоть каких-то перемен повлияли на сочувственное отношение интеллигенции к революции и восприятие ее как способа разрешения всех проблем. О том, насколько глубоко интеллигенция понимала суть происходивших событий можно судить по ее активности и характеру творческой деятельности в революционную эпоху. О своей общественной позиции свидетельствуют сами художники. Так, например, Е. Лансере писал: «В нашей повседневной работе мы все были далеки от политики. Всякая оппозиция правительству находила в нас сочувствие» ([Лансере, 1935: 40](#)). Не противоречит это высказывание и воспоминаниям К. Юона, который в те годы руководил классами рисования и

живописи в Москве: «Надо прямо сказать, что школа в целом была пассивна, но сочувствие революции было почти у всех» (Юон, 1935: 43). С протестом против увольнения Н.А. Римского-Корсакова за его сочувственное отношение к революции из Петербургской консерватории выступили московские музыканты С.И. Танеев, С.В. Рахманинов, Р.М. Глиэр, Ф.И. Шаляпин. Они опубликовали открытое письмо, в котором критиковали правительство и требовали реформ. В чем конкретно должны были заключаться реформы, музыканты не знали. Их оппозиция режиму чаще всего выражалась в виде заявлений или проявления солидарности с теми, кто пострадал от произвола властей. Когда С. Рахманинов добился постановления в Москве оперы Н. Римского-Корсакова «Пан воевода», то опального автора публика встретила аплодисментами. В. Серов в знак протеста против расстрела мирной демонстрации 9 января 1905 г. сложил с себя звание члена Императорской Академии художеств. Его протест поддержал В. Поленов. Не приветствовал развитие революции И. Репин. Совершенно не принял революцию В. Васнецов, считая само требование конституции возмутительным. Более эмоционально откликнулся на революционные события К. Сомов. Он писал А. Бенуа в Париж: «Я восхищаюсь каждой новой победой революции, не сомневаюсь в ее добре, зная, что она выведет нас не в пропасть, а к жизни. Я слишком ненавижу наше прошлое» (Гомберг-Вербжинская, 1960: 136). Но это были только слова. На деле художник все больше погружался в свое творчество, в котором царил мир прошлого. В разгар революции он ходил по антикварным лавкам, отыскивая предметы старины. Для С. Дягилева революция – это «дикая вакханалия», «чинящая столько уродливых бедствий», хотя и «не лишенная стихийной красоты» (Гомберг-Вербжинская, 1960: 138). Он надеялся, что все это скоро кончится. Красивые идеи увлекли Ф. Шаляпина. Он даже обращался к М. Горькому за советом: не вступить ли ему в партию социалистов. На деле его участие в революции выразилось в исполнении рабочей песни «Дубинушка» на концерте в Киеве в 1905 г. Русская интеллигенция не понимала общественных процессов, происходивших в стране, не имела постоянных политических убеждений. В судьбе поэта К. Бальмонта был эпизод сотрудничества с большевистской газетой «Новая жизнь», в которой он опубликовал антимоноархическое произведение «Песни мстителя». Однако вся его революционность сводилась к стихийному стремлению к свободе. Ему в равной мере были ненавистны и социал-демократическая диктатура и самодержавие. Расстрел рабочих 9 января взволновал впечатлительного А. Блока. Но в его душе царило смятение, он не смог разобраться в происходивших событиях. «Я и в политике не понимаю, на сходке подписался в числе «воздержавшихся», но... покорных большинству. Не знаю, что из всего этого выйдет» - писал А. Блок С. Соловьеву (Орлов, 1980: 204). Интеллигенция, убежденная в необходимости перемен, приветствовала любые попытки изменить настоящее. Не понимая сути происходившего, она, однако, отрицала насилие как форму разрешения социальных и политических проблем.

Если «в центральной России существовала потомственная интеллигенция, имевшая свои эстетические взгляды, то «местная сибирская творческая интеллигенция происходила в основном из народа», она «была близка с народом, являясь носителем его мироощущения, его эстетических понятий» (Gryaznukhin, Gryaznukhina, 2015: 975). Уже в силу этого, сочувственное отношение к народу, его проблемам было характерно для нее. Однако реакция на революционные события сибирской творческой интеллигенции была аналогичной реакции интеллигенции российской.

В 1905 г. из-за закрытия Академии художеств из Петербурга вернулся алтайский художник Г. Гуркин. Но основные проблемы, которые волновали его после возвращения – это проблемы достоверной передачи пасмурной погоды на полотне. Красноярский художник Д. Каратанов сочувствовал революционерам, он даже подделывал паспорта для социал-демократов. Однако события 1905 г. в своем творчестве он никак не отразил (Лисовский, 1974: 65). Летом 1905 г. Д. Каратанов писал этюды, ездил в экспедицию к северным кетам. В. Шишков был свидетелем расправы черносотенцев над рабочими в Управлении железной дороги. Но, сочувствуя им, он не откликнулся на эти трагические события даже очерком. Известнейшего сибирского писателя А. Сорокина в большей степени волновали проблемы русско-японской войны, чем революционные события. В 1906 г. он издал роман «Хохот желтого дьявола», направленный против войны и принесший ему популярность. Не принял никакого участия в революции писатель Г. Гребенщиков, хотя сам происходил из среды рабочих. Пожалуй, самым известным произведением сибирской литературы, написанным под влиянием 1905 г., была сатирическая поэма «Егорка» поэта И. Тачалова. Она повествовала о пробуждении политического сознания у простого рабочего паренька. Не раз прочитанная в среде рабочих, поэма имела у них большой успех. Во время революционных событий поэт ходил по городу, участвовал в митингах, но как потом сам признавался, не различал никаких партий, никаких программ, просто ему было интересно. Глубокого понимания событий у И. Тачалова не было, и только сочувственное отношение к рабочим побудило его к созданию поэмы. Поэзия же его проникнута философскими размышлениями. За революционную деятельность в 1906 г. был выслан из Казани в ссылку на пять лет начинающий ученый-минеролог, поэт П. Драверт. Профессиональным революционером П. Драверт не был, скорее всего, он был идеалистом-мечтателем. В письмах к отцу из Сибири он писал не о политике, а о природе. «Драверт воспекает минерологию» – писал о нем А. Сорокин (ГАОО. Ф.1073. Оп. 1. Д. 618. Л. 7).

Революция воспринималась творческой интеллигенцией как некая очищающая стихия. И это придавало революции в ее сознании вполне определенный романтический пафос. Но насилие,

сопутствующее любым революционным переворотам, отпугивало интеллигенцию и заставляло искать жизненные ценности в красоте, любви, гармонии с миром. Сибирский писатель П. Олигер принимал участие в революционном движении. Однако, убедившись в том, что нравственные проблемы революция решить не может, он полностью посвятил себя литературе. Непродолжительным было участие в революционных событиях поэта Г. Вяткина. В одной из анкет он писал: «Участвовал в революционном движении 1905 г. – печатал революционные стихи в газетах и журналах, за что подвергался обыскам» (Беленький, 1978: 182). Но поэт не верил в самостоятельность народа, ведущую роль в общественном прогрессе он отводил интеллигенции. Приоритетным в поэзии для него оставались поэтичность и красота слога.

Наиболее последовательной в отношении к революции была позиция писателя Ф. Березовского. В 1904 г. он вступил в ряды РСДР и на станции Зима создал боевую рабочую дружину. В 1906 г. писатель опубликовал рассказ «Стрелочник Гранкин», главным героем которого сделал простого рабочего. Создание образа героя нового типа из рабочей среды послужило основанием утверждать, что имя Ф. Березовского связано с рождением новой пролетарской литературы в Сибири (Беленький, 1978: 20).

В тревожное время накануне первой русской революции в обществе все сильнее зрело чувство протеста. Ответить на вопросы, которые стояли перед всем обществом, со своей стороны пыталась и театральная интеллигенция. Чуждая политике, она не совсем полно понимала, что происходит в действительности. К.С. Станиславский признавался, что «очутился на линии общественно-политической неожиданно для себя, от интуиции через быт и символ – к политике» (Станиславский, 1990: 261). Общество ждало героя, который открыто смог бы выразить свое недовольство режимом. Таким героем оказался доктор Штокман, из пьесы Ибсена. Штокман протестовал и говорил правду. И этого оказалось достаточным, чтобы в глазах зрителей он стал политическим героем. К. Станиславский писал: «Мы, исполнители пьесы и ролей, стоя на сцене, не думали о политике. Для нас Штокман был не политиком, а просто честным человеком» (Станиславский, 1990: 259).

Волна революционного движения захлестнула и города Сибири, не затронув, однако, творческую интеллигенцию. Художественная жизнь там шла своим чередом. Недовольство режимом со стороны интеллигенции чаще всего выражалось в форме протестов, заявлений, деклараций. Не принимая участия в революционных событиях 1905 г., томская интеллигенция была возмущена поступком дирекции Петербургского отделения русского музыкального общества, уволившего Римского-Корсакова, который поддержал забастовку учащихся Петербургской консерватории. Члены Томского отделения музыкального общества выразили свой протест дирекции, а композитору послали сочувственный адрес. Г. Потанин, придавая исключительное значение интеллигенции, с сожалением отмечал, что сибирская интеллигенция отмежевалась от народа, практически не принимая участия в революции. «Возможны ли черносотенные погромы 1905 г., когда интеллигенция трусливо разбрелась по квартирам, не имея влияния на толпу, отделенная от массы непроходимой пропастью?» – спрашивал он (ГАИО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 370. Л. 1). Когда в 1906 г. со стороны губернатора Нелькена начались репрессии, то «все общества заленились и благополучно проспали весь восстановительный период» (Потанин, 1912: 80).

Оценить степень влияния революционных событий на сознание художественной интеллигенции, поможет анализ характера ее творчества. Быстрее всего на происходящие события художники отреагировали графическими работами. Они были более доступны для зрителя, так как печатались в многочисленных журналах. Обращаясь к событиям дня, художники не успевали их переосмыслить, фиксируя лишь факты, происходившие в жизни. Так Е. Лансаре создал рисунки «Радость на земле основных законов ради» и «Рад стараться», на которых изобразил шестерых черносотенцев и погромщиков. Графические работы М. Добужинского «Октябрьская идиллия», «Как наш славный генерал нашу крепость покорял», «Умиротворение» выполнены высокопрофессионально. Но автор нигде не изображал людей, уделяя большое внимание брошенной кукле, кровавому пятну на стене дома после разгона демонстрации. А рядом было изображение Кремля. Оно выполнено так тщательно и настолько привлекает к себе внимание, что не ясно ради чего создавалась работа: показать кровавые события дня или красоту архитектурного ансамбля. Б. Кустодиев опубликовал свои карикатуры на Витге и членов правительства. Его рисунок «Вступление» явно проникнут сочувствием к простому народу. Но главным здесь является не классовый подход, а вечная тема «смерти» как результата любого насилия. Об этом говорит композиционное решение рисунка. В 1905 г. в газете «Русь» была опубликована статья «Голос художников» за подписью Добужинского. Бенуа, Сомова, Лансаре, в которой говорилось о том, что для них по-прежнему важно, «чтобы красота и искусство слились с жизнью». «Мы зовем не к «опрощению» художеств, а просвещению масс в духе красоты» (Добужинский, 1912). Эстетические идеалы художников были далеки от реальной жизни, которая для своего отображения в искусстве требовала совсем другого подхода. Наиболее последовательно свою позицию к событиям 1905 г. выразил В. Серов. Любые формы проявления насилия для него были чужды. Художник создал акварель «1905», на которой изобразил казаков, рубящих саблями безоружных людей. Актом проявления огромного гражданского мужества можно считать создание художником карикатуры на

Николая II. В знак протеста против произвола властей В. Серов отказался от всех официальных заказов, дававших ему заработок.

В Сибири, так же как и в европейской части России, в этот период происходило оживление журнальной деятельности (Frolov, 2016). Массово начинают издаваться сатирические и юмористические журналы. Они существовали недолго, быстро закрывались. Основным их содержанием была политическая карикатура. В Красноярске в 1906 г. начал издаваться сатирический журнал «Фонарь». Его редактором стал поэт Ф. Филимонов, муж старшей сестры художника Д. Каратанова. Дмитрий Каратанов рисовал для журнала карикатуры на злобу дня. Но просуществовал журнал недолго, и был закрыт уже после девятого номера.

Не всегда художники могли понять происходивших на их глазах событий, и в силу этого не могли выработать какого-то конкретного направления в своем творчестве и выдержать его до конца. Так творческого запала и фантазии редакции журнала «Бубенцы» хватило только на сорок номеров, после чего журнал был закрыт. Нейтральным к событиям 1905 г. остался журнал «Томский театрал». В самый разгар революционных событий, редакция понимает, что нужно как-то определить свою идейную позицию. И вот на страницах журнала появляется редакционная статья, которая заканчивается такими словами: «Теперь, быть может, нас спросят о «направлении» нашего журнала. Но ведь, конечно, направления в известном смысле этого слова не может быть у органа, преследующего интересы искусства. Совершенство – наш девиз!» (Муратов, 1974: 54). Из этого заявления редакции ясно, что волновали ее в большей степени вопросы искусства, а не вопросы общественного переустройства России.

В живописных работах тема революции отразилась более скромно. Если графические работы создавались быстро, под впечатлением от события, то создание картины требовало более глубокого осмысления и понимания происходящего. И. Репина глубоко взволновали революционные события. Он сделал эскизы, пытаясь изобразить демонстрацию, расстреливаемую толпу. Но недостаточно полное понимание того, что происходит, не позволило реализоваться замыслу художника, и картина не была написана. Потрясенный январскими событиями 1905 г., В. Маковский создал большое полотно «9 января». На картине изображена улица, запруженная толпой. Среди толпы выделяется интеллигент-революционер, образ которого трактуется в качестве жертвы происходящего. Правдиво удалось передать скорбь рабочих И. Бродскому на полотне «Красные похороны». В. Поленов попытался передать свои впечатления через пейзаж, изображая улицы, озаренные пожаром. Непосредственным участником революционных событий был С. Иванов. Он посещал митинги, слушал речи ораторов, делал рисунки и наброски, которые послужили материалом для создания картин «Расстрел», «Едут! Карательный отряд». Художник Н. Касаткин, сочувствуя революции, изображает ее героические моменты. В картине «Атака завода работницами» он показал активную роль женщин в происходивших событиях. Иркутский скульптор И. Жуков, работы, которого по своей глубине О. Роден сравнивал с романами Ф. Достоевского (ГАИО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 370. Л. 5), выражал свой протест против зла и несправедливости через поэтику символизма, защищая униженных и оскорбленных. Жизнеутверждающие мотивы его творчества нашли отражение в образах детей, которых не коснулись еще жизненные проблемы (ГАИО. Ф. 2120. Оп. 1. Д. 342. Л. 8).

Многие художники, не понимая происходившего, или просто не желая разбираться в нем, никак не отражали в своем творчестве революционные события. Поиски душевной гармонии и красоты больше чем события текущей за окном жизни волновали В. Борисова-Мусатова. Древняя Русь занимает центральное место на полотнах М. Нестерова. Изучением быта Руси XVII в. был занят А. Рябушкин. Вопросы вечности бытия и природы продолжали оставаться центральными в творчестве И. Левитана. Творческое воображение Н. Рериха в этот период было занято историей древних славян. Мучительные поиски новой красоты наполняли работы М. Врубеля. Несмотря на трагические события праздничной и красочной оставалась живопись К. Коровина. Художники, представлявшие объединение «Союз русских художников» не отражая конкретных революционных событий, стремились обозначить некие непреходящие ценности, формируя идеалы «свободы» и «счастья». Обращаясь к национальному самосознанию, они воспевали быт русской деревни. Великое прошлое России, по их мнению, давало основание для оптимистической веры в ее будущее.

Судя по всему, позиция творческой интеллигенции по отношению к революционным событиям не отличалась активностью. В. Лапшин, исследовавший проблемы развития русской живописи XIX в. писал, что «малочисленность работ, особенно станковых, чье содержание, весь художественный строй были бы рождены переживаемым временем» дают повод упрекать художников «в пассивности творческой позиции» (Лапшин, 1980: 30). Пассивность же эта обуславливалась в изменении критериев оценки художественных произведений. Непреходящей ценностью, вокруг которой формируется восприятие мира в этот период, становится «красота». И каждое творение художника должно было дать ощущение приобщения к прекрасному, вызвать восторг и преклонение перед красотой, которая в свою очередь должна была облагородить мир. Непонятые интеллигенцией события 1905 г. с митингами, демонстрациями и расстрелами не вписывались в эти критерии. «В общем, все немного сбилось, стащили старых идолов с пьедесталов, новых не решаются поставить, и бродят вокруг чего-то, что-то чувствуют, а нащупать не могут!» – вспоминал Л. Бакст (Долгополов, 1987: 554). Не приветствуя революционного насилия, В. Поленов сожалел, что реформы были

проведены слишком поздно, что «все это должно было совершиться 28 лет тому назад. Тогда удалось бы избежать, возможно, и убийства Александра II, бойни на Дальнем Востоке, теперешних диких погромов» (ГАТО. Ф. 253. Оп. 1. Д. 41. Л. 15). В политическом плане революция 1905–1907 гг. не просветила русскую интеллигенцию. Об этом можно судить по массовой иммиграции интеллигенции после революции 1917 г., в составе которой преобладала творческая ее часть и бойкоту новой власти со стороны оставшейся в России интеллигенции (Gryaznukhina, Gryaznukhin, 2014: 44).

5. Заключение

Революционные события 1905–1907 гг. повлияли на мировосприятие творческой интеллигенции, в сознании которой происходило переосмысление роли народа в развитии истории России. Как следствие этого появляется гражданская тематика в ее творчестве. Но все же, интеллигенция не пошла вместе с народом, довольствуясь ролью наблюдателя, а не прямого участника событий. По мнению большей части творческой интеллигенции, художник не должен вмешиваться в политические события. Непонимание общественных процессов, происходивших в стране, сказалось в отсутствии у нее постоянных политических убеждений и ее неучастия в политических партиях. Свое несогласие с режимом она чаще всего выражала в форме протестов, заявлений, деклараций, не прибегая к активным действиям. Сочувственно относясь к народу и его нуждам, интеллигенция не приветствовала насилия, которое отпугивало ее от участия в революции.

Литература

- Артамонова, 2000 – Артамонова Н.Я. Интеллигенция Восточной Сибири: опыт формирования и деятельности (конец XIX – начало XX вв.). М., 2000. 237 с.
- Беленький, 1978 – Беленький Е.И. Из сибирской тетради. Очерки и портреты. Новосибирск, 1978. 287 с.
- Вибе, 1994 – Вибе П., Михеев А., Пугачева Н. Омский историко-краеведческий словарь. М., 1994. 320 с.
- ГАИО – Государственный архив Иркутской области.
- ГАОО – Государственный архив Омской области.
- ГАТО – Государственный архив Томской области.
- Гомберг-Вербжинская, 1960 – Гомберг-Вербжинская Э.П. Русское искусство и революция 1905 г. Графика. Живопись. Л., 1960. 175 с.
- Добужинский, 1912 – Добужинский М., Бенуа А., Лансере Е. и др. Голос художников // Русь. 1905. 12 окт.
- Долгополов, 1987 – Долгополов И.В. Мастера и шедевры. Т.2. М., 1987. 752 с.
- Жидков, 2001 – Жидков В.С. Российская интеллигенция, большевизм, революция // Русская интеллигенция. История и судьба. М., 2001. С 272–298.
- Интеллигенция и революция, 1985 – Интеллигенция и революция. XX век. М.: Наука, 1985. 336 с.
- Кассу, 1998 – Кассу Ж., Брюнель П., Клодон Ф. и др. Энциклопедия символизма. Живопись, графика и скульптура. Литература. Музыка. М., 1998. 429 с.
- Козлова, 1995 – Козлова О.Н. Интеллигенция в российском обществе // Социально-политический журнал. 1995. № 1. С 162–175.
- Кристиан, 2000 – Кристиан Д. Символисты и декаденты. М., 2000. 91 с.
- Культура, 1993 – Культура и интеллигенция России в переломные эпохи (XX в.). Омск, 1993. 225 с.
- Культурный потенциал, 1992 – Культурный потенциал Сибири в досоветский период. Новосибирск, 1992. 168 с.
- Лансере, 1935 – Лансере Е. Художники о революции 1905 года // Искусство. 1935. № 6.
- Лапшин, 1980 – Лапшин В.П. Развитие традиций русской живописи XIX века // Русская художественная культура конца XIX - начала XX века (1908–1917). М., 1980. С. 29–78.
- Лисовский, 1974 – Лисовский Н.В. Сибирский художник Д.И. Каратанов. Красноярск, 1974. 144 с.
- Мунтян, 1992 – Мунтян М.А. Интеллектуал, интеллигент и отношения с властью // Кентавр. 1992. Ноябрь.-дек. С. 4–7.
- Муратов, 1974 – Муратов П.Д. Изобразительное искусство Томска. Новосибирск, 1974. 80 с.
- Омская старина, 1993 – Омская старина. Историко-краеведческий альманах. Омск, 1993–1995.
- Орлов, 1980 – Орлов В.Н. Гамаюн. Жизнь Александра Блока. Л., 1980. 725 с.
- Поляков, 1996 – Поляков Ю.А. Зачинщица или жертва? Интеллигенция в эпоху смуты // Свободная мысль. 1996. № 2. С. 15–25.
- Потанин, 1912 – Потанин Г.Н. Культурно-просветительские организации // Город Томск. Томск, 1912. С. 92–93.
- Русская интеллигенция, 2001 – Русская интеллигенция. История и судьба. М., 2001. 423 с.
- РХК, 1980 – Русская художественная культура конца XIX – начала XX века. М.: Наука, 1980. 495 с.

- Соколов, 2001 – Соколов К.Б. Мифы об интеллигенции и историческая реальность // Русская интеллигенция. История и судьба. М., 2001. С. 149–208.
- Станиславский, 1990 – Станиславский К.С. Моя жизнь в искусстве. М., 1990. 261 с.
- Судьба, 1999 – Судьба российской интеллигенции. СПб., 1999. 384 с.
- Художественная жизнь, 2000 – Художественная жизнь Сибири начала XX века. Томск, 2000. 214 с.
- Юон, 1935 – Юон К., Герасимов А. Художники о революции 1905 г. // Искусство. 1935. № 6.
- Finkel, 2003 – Finkel S. Purging the Public Intellectual: The 1922 Expulsions from Soviet Russia. *Russian Review*. 2003. Vol. 62. Iss. 4. Pp. 589–613.
- Gryaznukhina, Gryaznukhin, 2014 – Gryaznukhina T.V., Gryaznukhin A.G. Triumph and Tragedy of People's Commissar A.V. Lunacharsky. // *Bylye Gody*. 2014. 31 (1): 43–48.
- Gryaznukhin, Gryaznukhina, 2015 – Gryaznukhin A.G., Gryaznukhina T.V. Siberian Intelligentsia in Socio-Cultural Space of Russia at the Turn of XIX–XX Centuries // *Bylye Gody*. 2015. 38, (4): 972–981.
- Frolov, 2016 – Frolov V.V. To the issue of the use of aeronautical ships by Russia in the Russian-Japanese War of 1904–1905 (on the material of the journal «Chronicle of the war with Japan») // *East European History*. 2016. Vol. 3. Iss. 1.
- Pereira, 1993 – Pereira N.G.O. The idea of Siberian Regionalism in Late Imperial and Revolutionary Russia. *Russian History*, 1993, Vol. 20. Iss. 4. Pp. 163 – 178.

References

- Artamonova, 2000 – Artamonova N.Ya. Intelligentsiya Vostochnoi Sibiri: opyt formirovaniya i deyatelnosti (konets XIX – nachalo XX vv.) [The intellectuals of Eastern Siberia: experience of formation and activity (end of XIX – beginning of XX centuries)]. – Moscow, 2000. 237 p. [in Russian]
- Belen'kii, 1978 – Belen'kii E.I. Iz sibirskoi tetradi. Ocherki i portrety. [From the Siberian notebook. Essays and portraits] Novosibirsk, 1978. 287 p. [in Russian]
- Dobuzhinskii, 1912 – Dobuzhinskii M., Benua A., Lansere E. i dr. Golos khudozhnikov [Voice artists] // *Rus'*. 1905. 12 okt. [in Russian]
- Dolgoplov, 1987 – Dolgoplov I.V. Mastera i shedevry [Masters and masterpieces]. T.2. M., 1987. 752 s. [in Russian]
- Finkel, 2003 – Finkel S. Purging the Public Intellectual: The 1922 Expulsions from Soviet Russia. *Russian Review*. 2003. Vol. 62. Iss. 4. Pp. 589 – 613. [in English]
- GAIO – Gosudarstvennyi arkhiv Irkutskoi oblasti [State archive of Irkutsk region].
- GAOO – Gosudarstvennyi arkhiv Omskoi oblasti [State archive of Omsk region].
- GATO – Gosudarstvennyi arkhiv Tomskoi oblasti [State archive of Tomsk region].
- Gomberg-Verzhinskaya, 1960 – Gomberg-Verzhinskaya E.P. Russkoe iskusstvo i revolyutsiya 1905 g. Grafika. Zhivopis' [Russian art and the revolution of 1905. Schedule. Painting]. Leningrad, 1960. 175 p. [in Russian]
- Intelligentsiya i revolyutsiya, 1985 – Intelligentsiya i revolyutsiya. XX vek [The Intelligentsia and the revolution. XX century]. M.: Nauka, 1985. 336 p. [in Russian]
- Kassu, 1998 – Kassu Zh., Bryunel' P., Klodon F. i dr. Entsiklopediya simvolizma. Zhivopis', grafika i skulptura. Literatura. Muzyka [Encyclopedia of symbolism. Painting, drawing and sculpture. Literature. Music]. Moscow, 2001. 423 p. [in Russian]
- Khudozhestvennaya zhizn', 2000 – Khudozhestvennaya zhizn' Sibiri nachala XX veka [The artistic life of Siberia in the early XX century]. Tomsk, 2000. 214 p. [in Russian]
- Kozlova, 1995 – Kozlova O.N. Intelligentsiya v rossiiskom obshchestve [The intelligentsia in the Russian society] // *Sotsial'no-politicheskii zhurnal*. 1995. № 1. Pp. 162–175. [in Russian]
- Kristian, 2000 – Kristian D. Simvolisty i dekadenty [The symbolists and the decadents]. Moscow, 2000. 91 p. [in Russian]
- Kul'tura, 1993 – Kul'tura i intelligentsiya Rossii v perelomnye epokhi (XX v.) [Culture and Russian intelligentsia in the crucial era]. Omsk, 1993. 225 p. [in Russian]
- Kul'turnyi potentsial, 1992 – Kul'turnyi potentsial Sibiri v dosovetskii period [Cultural potential of Siberia in pre-Soviet period]. Novosibirsk, 1992. 168 s. [in Russian]
- Lansere, 1935 – Lansere E. Khudozhniki o revolyutsii 1905 goda [The artists of the revolution of 1905] // *Iskusstvo*. 1935. № 6. [in Russian]
- Lapshin, 1980 – Lapshin V.P. Razvitie traditsii russkoi zhivopisi XIX veka [The development of traditions of Russian painting of the XIX century] // *Russkaya khudozhestvennaya kul'tura kontsa XIX – nachala XX veka (1908 – 1917)*. Moscow, 1980. Pp. 29–78. [in Russian]
- Lisovskii, 1974 – Lisovskii N.V. Sibirskii khudozhnik D.I. Karatanov [Siberian artist D. I. Karatanov]. Krasnoyarsk, 1974. 144 p. [in Russian]
- Muntyan, 1992 – Muntyan M.A. Intellektual, intelligent i otnosheniya s vlast'yu [An Intellectual, intelligence and relations with the authorities] // *Kentavr*. 1992. Noyab.-dek. Pp. 4 – 7. [in Russian]
- Muratov, 1974 – Muratov P.D. Izobrazitel'noe iskusstvo Tomskaya [Specimens of the Fine arts of Tomsk]. Novosibirsk, 1974. 80 p. [in Russian]

- Omskaya starina, 1993** – Omskaya starina. Istoriko-kraevedcheskii al'manakh [Old Omsk. Local history almanac]. Omsk. 1993 – 1995. [in Russian]
- Orlov, 1980** – *Orlov V.N.* Gamayun. Zhizn' Aleksandra Bloka [The Life Of Alexander Blok]. Leningrad, 1980. 725 p. [in Russian]
- Polyakov, 1996** – *Polyakov Yu.A.* Zachinshchitsa ili zhertva? Intelligentsiya v epokhu smuty [The Instigator or the victim? Intellectuals in an era of turmoil] // *Svobodnaya mysl'*. 1996. № 2. Pp. 15 – 25. [in Russian]
- Potantin, 1912** – *Potantin G.N.* Kul'turno-prosvetitel'skie organizatsii [Cultural and educational organizations] // *Gorod Tomsk.* Tomsk, 1912. Pp. 92 – 93. [in Russian]
- RKK, 1980** – *Russkaya khudozhestvennaya kul'tura kontsa XIX – nachala XX veka* [Russian artistic culture of the late XIX – early XX century]. Moscow, 1980. 495 p. [in Russian]
- Russkaya intelligentsiya, 2001** – *Russkaya intelligentsiya. Istoriya i sud'ba* [The Russian intelligentsia. History and fate]. Moscow, 2001. 423 p. [in Russian]
- Sokolov, 2001** – *Sokolov K.B.* Mify ob intelligentsii i istoricheskaya real'nost' [Myths about intellectuals and historical reality] // *Russkaya intelligentsiya. Istoriya i sud'ba.* Moscow, 2001. Pp. 149–208. [in Russian]
- Stanislavskii, 1990** – *Stanislavskii K.S.* Moya zhizn' v iskusstve [My life in art]. Moscow, 1990. 261 p. [in Russian]
- Sud'ba, 1999** – *Sud'ba rossiiskoi intelligentsii* [The Fate of the Russian intelligentsia]. SPb., 1999. 384 p. [in Russian]
- Vibe, 1994** – *Vibe P., Mikheev A., Pugacheva N.* Omskii istoriko-kraevedcheskii slovar' [Omsk local history dictionary]. M., 1994. 320 p. [in Russian]
- Yvon, 1935** – *Yvon K., Gerasimov A.* Khudozhniki o revolyutsii 1905 g. [Artists of the 1905 revolution] // *Iskusstvo.* 1935. № 6. [in Russian]
- Zhidkov, 2001** – *Zhidkov V.S.* Rossiiskaya intelligentsiya, bol'shevizm, revolyutsiya [Russian intelligentsia, the Bolshevism, the revolution] // *Russkaya intelligentsiya. Istoriya i sud'ba.* Moscow, 2001. Pp. 272–298. [in Russian]
- Gryaznukhina, Gryaznukhin, 2014** – *Gryaznukhina T.V., Gryaznukhin A.G.* Triumph and Tragedy of People's Commissar A.V. Lunacharsky. *Bylye Gody.* 2014. 31 (1): 43–48.
- Gryaznukhin, Gryaznukhina, 2015** – *Gryaznukhin A.G., Gryaznukhina T.V.* Siberian Intelligentsia in Socio-Cultural Space of Russia at the Turn of XIX–XX Centuries. *Bylye Gody.* 2015. 38, (4): 972–981.
- Frolov, 2016** - *Frolov V.V.* To the issue of the use of aeronautical ships by Russia in the Russian-Japanese War of 1904–1905 (on the material of the journal «Chronicle of the war with Japan»). *East European History.* 2016. Vol. 3. Iss. 1. [in English]
- Pereira, 1993** – *Pereira N.G.O.* The idea of Siberian Regionalism in Late Imperial and Revolutionary Russia. *Russian History,* 1993, Vol. 20. Iss. 4. Pp. 163 – 178. [in English]

УДК 93/94

Творческая интеллигенция в общественно-политических процессах эпохи Первой русской революции

Татьяна Владимировна Грязнухина ^a, Александр Григорьевич Грязнухин ^{a,*},
Михаил Дмитриевич Северьянов ^a, Иван Алексеевич Пфаненштиль ^a

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы отношения творческой интеллигенции к революционным событиям 1905–1907 гг. Общее недовольство режимом Николая II, желание каких-либо перемен способствовало сочувственному отношению интеллигенции к революции, которую она воспринимала как попытку разрешения социальных проблем. Однако степень участия художественной интеллигенции в происходивших событиях была неодинаковой: одни пытались понять суть происходящего, другие выбрали пассивно-созерцательную позицию, третьи проигнорировали эти события, никаким образом, не отразив их в своем творчестве. Используемые в статье архивные материалы, опубликованные источники, свидетельства самих представителей интеллигенции позволяют говорить о том, что в целом интеллигенция предпочла роль стороннего наблюдателя, а не активного участника революционных событий. Анализ творческой деятельности интеллигенции, проведенный в статье, показывает, что в ее сознании происходило переосмысление роли народа в развитии истории России и как следствие этого появлялась гражданская тематика в ее

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: tag-kras@mail.ru (Т.В. Грязнухина), agagag@mail.ru (А.Г. Грязнухин), kafedraistoriirossii@yandex.ru (М.Д. Северьянов), IPhanenstil@sfu-kras.ru (И.А. Пфаненштиль)

творчестве. Но непонимание интеллигенцией общественных процессов, происходивших в стране, сказалось на невозможности глубокого осмысления темы революции в ее произведениях. Проведенный сравнительный анализ позволил выявить единство взглядов российской и сибирской интеллигенции по отношению к революции. Сочувственно относясь к народу, интеллигенция не приветствовала насилие, которое отпугивало ее от участия в революции. Свое несогласие с режимом она чаще всего выражала в форме протестов, заявлений, деклараций, не прибегая к активным действиям. В статье проанализировано содержание и тематика работ наиболее известных представителей творческой интеллигенции в данный период и обоснована ее роль в формировании общественного сознания и развития культуры в целом.

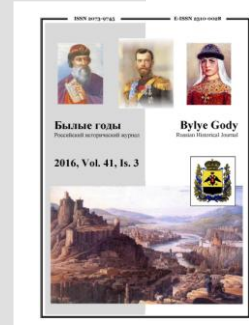
Ключевые слова: художественная интеллигенция, Первая русская революция, культура, Россия, Сибирь, творчество, народ.

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 41, Is. 3, pp. 813-821, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 908 (571.12) + 352

Reforms of police department and the practician of their realization in Western Siberia (1905–1917)

Pavel A. Sungurov^{a,*}, Alexander B. Khramtsov^a

^a Tyumen industrial university, Russian Federation

Abstract

Process of organizational and regular changes in police authority in the territory of Western Siberia in the conditions of social cataclysm, growth of criminalization, revolutionary promotion and strengthening influence of crime on all aspects of life of society in 1905–1917 is researched. Since 1908 in the provincial centers the Tobolsk and Tomsk provinces the detective police is founded, and also additional (supernumerary) police positions at the expense of public institutions, private firms and persons were everywhere entered. The nedoukoplektovannost of staff of police officers was observed. Actually the problem of professional training of police personnel was not solved. Especially difficult situation was observed in the small cities and villages where absence or an insignificant staff of police caused alarm in inhabitants for their safety. Despite reforms, police authority in the region neither quantitatively, nor qualitatively did not correspond to realities of local life.

Keywords: police, police department, police officer, reform, safety, Tobolsk province, Tomsk province, Western Siberia.

1. Введение

Ускоренные темпы социально-экономического развития страны на рубеже XIX–XX вв. поставили вперед правительством вопрос о переустройстве всей системы полицейского управления применительно к новым условиям жизни. Причем поиск оптимальных форм и методов обеспечения безопасности государства, защиты прав и свобод граждан и в целом правопорядка продолжался вплоть до 1917 г.

2. Материалы и методы

Информационную основу данного исследования составили документы архивного фонда Департамента полиции МВД Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), документы Российского государственного исторического архива (РГИА) и региональных архивов (Томской и Тюменской областей). В Департамент полиции МВД, как центральный орган управления полицией на местном уровне, отчеты о реализации полицейских реформ поступали со всех губерний страны. В архивном фонде отложился комплекс документов, до настоящего времени не подвергавшийся специальному изучению. В этой работе проблема реформирования полиции рассмотрена на материалах Западной Сибири, т. е. Тобольской и Томской губерний.

В XXI веке развитие исторической науки характеризуется усилением полиметодологизма, происходит расширение научной проблематики исследований. Анализ источников дан в контексте теории модернизации.

В качестве метода исследования применялся контент-анализ содержания однотипных документов – докладов, отчетов. Предмет анализа – практика преломления реформ полицейского управления на сибирской почве. Изучение документов предполагает критическое отношение к их сведениям, установление их достоверности и полноты. Для выявления общего и особенного

* Corresponding author

E-mail addresses: Pavelsungurov@yandex.ru (P.A. Sungurov), khramtsov_ab@bk.ru (A.B. Khramtsov)

применялись методы аналогии и историко-сравнительного анализа. Метод историко-системного анализа позволил установить общие проблемы реформирования полицейского управления в Западной Сибири.

3. Обсуждения

Интерес к теме истории полиции со стороны исследователей находится в строгой зависимости от политического курса: в процессе подготовки и проведения реформ полиции всецело обращались к историческому опыту реформирования правоохранительного ведомства в России. Следовательно, историографические работы можно подразделить на несколько групп.

В первую группу входят дореволюционные исследования. В 1903 г. изданы труды И.П. Высоцкого, В.Ф. Дерюжинского, а в 1913 г. – Е.В. Белецкого и П.Н. Руткевича. В них, на основе законодательства детально изучены организационные трансформации полицейского управления. Однако в их работах практически нет данных о многообразной работе местных полицейских управлений (Высоцкий, 1903; Дерюжинский, 1903; Белецкий, Руткевич, 1913).

Вторую группу исследований составляют работы, опубликованные после 1917 г. Они значительно отличались от дореволюционных: тема изучения царских силовых органов утратила актуальность. После масштабных погромов и сожжений архивов жандармских и полицейских управлений, исследовать историю этих учреждений стало значительно сложнее. По мнению ряда авторов, труды по истории полиции в советское время в своем большинстве носили не научный, а публицистический характер. Лишь Н. П. Ерошкин в книге по истории государственных учреждений дореволюционной России уделяет внимание как общей, так и политической полиции (Ерошкин, 1968).

История полицейских учреждений также являлась объектом изучения зарубежных авторов, среди них – монографии Р. Дикона и Р. Хинглей по истории спецслужб Российской империи (Deacon, 1972; Hingley, 1970).

Современных работ, посвященных реформированию полиции в Сибирском регионе, сравнительно немного. Отдельные вопросы данной темы рассмотрены С.А. Невским, С.А. Яковцевым, М.В. Тушемиловым и И.А. Коноваловым (Невский, Яковцов, 2015; Тушемилов, 2009; Коновалов, 2007).

Требуется дальнейшая разработка проблемы. В этой статье сделан шаг к восполнению пробела в исторической науке.

4. Результаты

Революция 1905–1907 гг. заметно усилила противоречия в обществе, вызвав рост числа правонарушений в сибирских поселениях. Волна терроризма и дерзких преступлений захлестнула города региона. Причем тенденция роста преступности сохранялась довольно устойчиво, даже после относительной стабилизации ситуации к 1907 г. (Van Der Oye, 2008: 78). Скажем, 18 января 1905 г. в Томске произошли беспорядки. Учащаяся молодежь вышла около часа дня на демонстрацию, размахивала красными флагами с революционными надписями. На требование полиции разойтись, демонстранты открыли огонь из револьверов, ранив 6 полицейских. Для устранения волнений были вызваны до 50 казаков, которые также были встречены выстрелами. Чины полиции и казаки применили ответный огонь, и толпа рассеялась. В ходе операции был задержан 121 человек, из них 23 получили ранения, и один скончался (ТГВ, 1905: 4, 1).

Революционные события привели к растерянности центральной власти, что сказалось на работе полиции на местах. Погромы, беспорядки и бездействие полиции вызывали потребность в организации охраны из местного населения. Скажем, тюменский уездный исправник в октябре 1905 г. поддержал такое предложение городской управы. В дружину записалось свыше 200 человек. Однако губернатор не разрешил самоорганизацию «городской милиции», не подчиненной полиции. По распоряжению МВД устройство охранных дружин «отнюдь не должно быть допускаемо», дозволялось лишь усиливать состав действующих полицейских команд (ГАТюмО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 64. Л. 37-39, 53, 59 об.; Ф. И-2. Оп. 1. Д. 537. Л. 117).

После подавления революции начался поиск новых путей укрепления полицейских структур. Согласно высочайше утвержденному мнению Госсовета от 31 января 1906 г., изданному в изменение составов полиции по положению от 14 апреля 1887 г., в городах вводились новые штаты полицейских команд из расчета 1 городской на 400 жителей, что так и не было достигнуто. Остро стоял вопрос финансирования штатов по новым нормативам. Циркуляр МВД от 24 мая 1908 г. предписывал губернаторам возложить расходную часть содержания нижних чинов на городские бюджеты. МВД же обязалось оказывать помощь в виде пособий в 1906–1908 гг. В обязанности городов входило квартирное довольствие, вооружение и лечение полицейских (Тушемилов, 2009: 123).

Центральная власть приступила также к организации сыскного дела в стране. Совет министров 28 декабря 1907 г. рассмотрев проект МВД, внес в него ряд изменений, разделив города на 4 разряда (вместо 3-х). К 3-му и 4-му разрядам были отнесены Томск и Тобольск соответственно (в пропорции к числу жителей). Штат отделения 4-го разряда состоял из: начальник отделения с окладом 1000 руб. в год, 2 полицейских надзирателя (по 500 руб. каждому); 3 городских (по 360 руб.) + сыскные и

канцелярские расходы (РГИА. Ф. 1276. Оп. 3. Д. 858. Л. 45). В отделениях наблюдалась частая смена кадрового состава. В 1910 г. тобольским сыскным отделением руководил М.А. Лисенко, числился 1 полицейский надзиратель – В.Н. Саханенко, а должность второго была вакантной. (Памятная книжка, 1910: 190). В 1915 г. главой тобольского сыскного отделения был И.А. Питухин. Должность первого полицейского надзирателя занимал И.В. Куриленко, а второе место надзирателя вновь было вакантным (Памятная книжка, 1915: 160).

Несмотря на скромный штат и всего 8 лет действия сыскных отделений (1908 – февраль 1917 гг.), их чиновники смогли оставить результативный «след» в своей работе. В частности, И.А. Питухин (начальник тобольских сыщиков) в 1915 г. оказал управляющему акцизными сборами Тобольской губернии «... энергичное содействие чинам акцизного надзора к обнаружению тайного винокурения» (ГА в Тобольске. Ф. И-479. Оп. 6. Д. 16. Л. 25).

Очевидно, что два сыскных отделения с малочисленным кадровым составом не смогли реализовать свой потенциал в оперативно-розыскной работе на громадной территории региона.

Организационно-штатные проблемы устройства полиции особо остро стояли в быстроразвивающихся городах, находящихся на узлах Транссиба (скажем, Барнаул, Курган, Новониколаевск), куда неизменно прибывали переселенцы, военные, ссыльные и преступные элементы. В Новониколаевске штат полиции состоял из заведующего полицейской частью, пристава, его помощника и 20 стражников. В городе проживало более 28 тыс. населения (т. е. 1 городской на 1200). Он стал центром хлебной торговли, промышленности, скотоводства и маслоделия. Проходящие военные части имели здесь дневки. Целый ряд убийств жителей, грабежей и погромов их домов стали обычным явлением. С открытием летней навигации возросло транспортное движение.

В этой связи томский губернатор ходатайствовал об изменении штата полиции Новониколаевска. Начальник губернии отмечал недостаток средств у города и его невозможность содержать полицию. МВД и Минфин рассмотрели проект преобразования полиции и отметили, что, несмотря на недавнее введение Городового положения, местный бюджет уже в 1906 г. достиг 91152 руб. Такой быстрый подъем города ведет к дальнейшему росту его доходов, поэтому нет оснований для освобождения города от издержек по содержанию полиции. С 1 мая 1908 г. в городе вводился штат полиции из 60 лиц: полицмейстер (жалование 1000 руб. + 1000 руб. столовых в год); секретарь (300+300); 2 участковых пристава (по 500+500 руб. каждому); 6 околоточных надзирателей (по 500 руб. каждому); 10 старших городских (по 275 руб. каждому) и 40 младших городских (по 215 руб. каждому), с общим расходом в 22580 руб. Содержание полиции в 6980 руб. взяла казна, 15600 руб. – город (РГИА. Ф. 1276. Оп. 3. Д. 93. Л. 22).

Отсутствие полиции или ничтожная численность городских в малых поселениях, где на службе их состояло от 3-х до 5 (Нарым, Кузнецк, Березов), также вызывали беспокойство губернских властей. Скажем, общественная жизнь в Сургуте (1265 жителей) была мало развита, но отсутствие нижних чинов полиции, часто ставило местное начальство в сложное положение при производстве разных дел, при делах мировой подсудности, уплате инородцами ясака и др. Здесь нет воинской команды, а кроме исправника и его помощника других должностей не учреждено. По крайней бедности города содержать полицию он не мог. Доходов не хватало на покрытие «обязательных» расходов. Тобольский губернатор ходатайствовал в МВД об образовании полицейской команды за счет казны из 1 старшего (300 руб. в год) и 3-х младших городских (по 240 руб. в год каждому) + 25 руб. на обмундирование, а всего – 1020 руб. С 1 июля 1908 г. МВД утвердило штат местной полиции на счет казны в составе 1 старшего (275 руб.) и 2 младших (по 215 руб. каждому) + 25 руб. на обмундирование каждому, а всего 780 руб. (РГИА. Ф. 1276. Оп. 3. Д. 96. Л. 4, 9).

За 7 лет (1904-1910 гг.) штаты полицейских команд в городах выросли в среднем на 45 % (Книга, 1914: 1026-1027). При этом нормативная пропорция фактически не снизилась: 1 городской на 630 жителей (1903 г. – 1 на 655). В условиях революции 1905-1907 гг. малочисленные штаты не позволяли полиции справиться с ростом преступности, вследствие чего МВД была активизирована работа по внедрению новых методов обеспечения правопорядка. Новшеством стал закон об учреждении дополнительных полицейских на средства общественных объединений, частных фирм и лиц. Одними из первых с такой просьбой в МВД обратились владельцы акционерных обществ, товариществ и совместных предприятий, которые несли большие убытки от краж, грабежей и поджогов их собственности. Например, 2 апреля 1905 г. был утвержден «штат полицейской стражи на пристанях г. Тюмени Тобольской губернии», содержание которого относилось на средства пароходовладельцев: товариществ Западно-Сибирского пароходства, братьев Плотниковых, Корниловых, Колмаковых, Злоказовых и общества Богословских горных заводов (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 62. Д. 11. Ч. 46. Л. 7).

По прошениям частных лиц и за их счет МВД разрешало добавлять служащих в состав команды. Этим правом воспользовались предприниматели для охраны частных банков, пристаней, складов, магазинов и др. Например, 13 августа 1913 г. МВД по прошению ТД «Братья Агафуровы» учредило 2 должности городских в составе полиции г. Тюмени с возмещением казне 480 руб. в год из средств ТД; 6 мая 1914 г. введен городской с компенсацией казне 190 руб. в год из средств ТД «И.Н. Колокольникова Н-ки» (СУРП, 1913). Как показала практика, сверхштатные должности

полицейских вводились повсеместно: в городах, селах, железнодорожных станциях, крестьянских участках, каменно-угольных копях, золотодобывающих рудниках и др.

С началом Первой мировой войны в газетах появилась информация о продовольственных трудностях и существенном росте цен на потребительском рынке. Газета «Ермак» отмечала: «мясо становится продуктом недоступным не только для бедных, но даже людей среднего достатка» (Ермак, 1914: 2). По городам и селам в июле-августе 1914 г. прокатилась волна погромов винных и торговых лавок. В частности, в конце июля запасные разгромили полицейское управление и воинское присутствие в селе Тюменцевское Мариинского уезда Томской губернии (Зиновьев, Харусь, 2013: 351).

В лазареты на территории региона шел поток военнопленных, раненных, а также из других районов беженцев, вследствие чего существенно возросла численность потребителей товаров и услуг. Дороговизна и перебои с продуктами питания встревожили местное население, тем самым, усилив противоречия в обществе и вызвав рост преступлений в городах и селах, в первую очередь, уличной преступности, проявившейся в многократном увеличении числа краж, грабежей, разбойных нападений и убийств. В частности, томский губернатор сообщал в МВД о таких беспорядках: «...Самые значительные погромы были совершены в гг. Барнауле, Новониколаевске, Кузнецке и Мариинске, а затем по линии железной дороги в течение 21, 22, 23 чисел июля месяца (1914 г.). В городах громилась винные склады, в селениях – винные лавки, волостные правления, дома жителей, чинились насилия над ними, уничтожен целый ряд учреждений Кабинета Его Величества, конторы, квартиры лесничих, грабились и жглись леса. Один г. Барнаул пострадал на несколько миллионов...» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 72. Д. 137. Л. 1, 2).

Сложившаяся острая ситуация выдвинула в категорию первоочередных задачи по обеспечению общественной безопасности и правопорядка в городах и уездах региона. Губернские администрации неоднократно обращались в МВД за содействием в решении этой проблемы. В частности, 23 августа 1914 г. томский губернатор просил министерство об увеличении штатов полиции губернии, необходимость чего связывал с призывом по мобилизации запасных и ополченцев. Тобольский губернатор 27 октября 1914 г. также возбудил ходатайство об увеличении числа классных чинов городской полиции в губернии и окладов их содержания, а также об учреждении в г. Тюмени «особого городского полицейского управления» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 72. Д. 137. Л. 8; Ф. 102. Оп. 72. Д. 155. Л. 3).

Правительственная власть была вынуждена провести ряд кадровых и финансовых преобразований, направленных на усиление личных составов полиции в регионе. Во-первых, Совет министров решил увеличить численный состав классных и нижних чинов полиции в Томской и Тобольской губерниях и утвердил Положение о введении полицейской стражи в губерниях Сибири. Были раздроблены действовавшие полицейско-административные округа – станы, состоявшие из нескольких волостей и селений, – на более мелкие. В этой связи был усилен личный состав станowych приставов. Например, в Тобольской губернии на 1915 год на полицейской службе состояло 34 станowych пристава (Памятная книжка, 1915: 91-93). В Томской губернии до 1912 г. состояло всего 30 станowych приставов. По закону от 1 июля 1912 г. их количество увеличено на 9 единиц (по Барнаульскому уезду); позднее – по утвержденному 18 марта 1915 г. положению Совета министров «Об усилении полиции в губерниях и областях Сибири», учреждены 31 новая должность станowego пристава. В результате, к 1916 г. число станowych приставов в уездных управлениях увеличилось до 70. Всего в полиции Томской губернии насчитывалось 442 штатных служащих (без учета урядников) (табл. 1).

Таблица 1. Содержание штатов полиции Томской губернии. На декабрь 1915 г. (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 73. Д. 88. Ч. 71. Л. 13-16)

Наименование должности	Число лиц	Размер годового содержания (руб.)	Всего
<i>Томское городское полицейское управление</i>			
Полицмейстер	1	1500	1500
Помощник его	1	1200	1200
Начальник сыскного отделения	1	1000	1000
Пристав	5	1000	5000
Помощник его	5	750	3750
Секретарь полиции	1	600	600
Полицейский надзиратель	3	550	1650
Околоточный надзиратель	20	420	8400
Околоточный надзиратель конной полицейской стражи	13	500	6500
Столоначальник	3	200	600
Городовые			
- старшие	21	216	4536

- младшие	84	180	15120	
- рассыльные	24	150	3600	
- конные	30	275	8250	
- сыскного отделения	4	360	1440	
<i>Всего</i>	<i>216</i>		<i>63146</i>	
<i>Ново-Николаевское городское полицейское управление</i>				
Полицмейстер	1	2000	2000	
Секретарь	1	900	900	
Столоначальник	2	600	1200	
Пристав	3	1000	3000	
Околоточный надзиратель	9	500	4500	
Городовые				
- старшие	12	275	3300	
- младшие	48	215	10320	
- конные	15	360	5400	
<i>Всего</i>	<i>91</i>		<i>30620</i>	
<i>Кольванское городское полицейское управление</i>				
Полицмейстер	1	1000	1000	
Секретарь	1	500	500	
Полицейский надзиратель	2	400	800	
<i>Всего</i>	<i>4</i>		<i>2300</i>	
<i>Уездные полицейские управления (Барнаульское, Бийское, Змеиногородское, Каинское, Кузнецкое, Маршинское, Томское)</i>				
Наименование должности	Число лиц	Размер годового содержания (руб.)	Всего	С надбавкой
Исправник	7	750	5250	10500
Помощник его	7	500	3500	7000
Секретарь	7	250	1750	3500
Столоначальник	15	150	2250	4500
Журналист	7	133	931	1869
Становой пристав	70	375	26250	52500
Пристав в Кош-Агаче Бийского уезда	1	500	500	1000
Полицейский надзиратель	15	200	3000	6000
Полицейский пристав в селах Змеиногородского уезда (Риддерский и Зыряновский)	2	400	800	-
<i>Всего</i>	<i>131</i>		<i>44231</i>	<i>87669</i>
<i>Всего по губернии</i>	<i>442</i>			<i>183735</i>

Как следует из таблицы, единообразия в оплате труда равнозначных должностей в полицейских управлениях губернии не отмечалось: скажем, надзиратель в Томской городской полиции имел оклад 550 руб., в Ново-Николаевской – 500 руб., в Кольванской – 400 руб., а в уездных управлениях – 200 руб. в год. Между тем, к 1915 году число полицейских урядников, положенное на Томскую губернию, согласно утвержденному 18 марта 1902 г. мнению Госсовета оставалось прежним – 135. По донесению томского губернатора от 7 марта 1913 года об усилении личного состава полиции в уездах губернии, решено было учредить 776 должностей урядника, т. е. увеличить их число в 6 раз (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 73. Д. 37. Л. 24).

Другое изменение было направлено на улучшение материального положения полицейских в условиях войны посредством увеличения размеров суточного довольствия. Надбавка составила от 12,5 % (классным чинам) до 25 % (младшим чинам) (табл. 2). В частности, Департамент полиции сообщал томскому губернатору, что 5 октября 1915 г. «сделано сношение с министром финансов об отпуске в ваше распоряжение на выдачу суточных денег чинам полиции, по Высочайше утвержденному 17-го февраля 1915 г. положению Совета министров, сверх суммы в 24 662 рублей 00 коп., указанной в отношении от 11 марта, еще 23 833 руб. 33 коп.» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 73. Д. 88. Ч. 71. Л. 26). Отношением от 18 октября 1916 г. Департамент полиции сообщил тобольскому губернатору, что 5 октября «сделано сношение с министром финансов об отпуске в ваше распоряжение на выдачу суточных денег чинами полиции, по указанному положению Совета министров, сверх суммы в 27 088 руб., еще 1 386 руб.» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 73. Д. 88. Ч. 70. Л. 25).

Таблица 2. Содержание штатов полиции Тобольской губернии. На 1916 г. (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 73. Д. 88. Ч. 70. Л. 19)

Наименование должности	Число лиц	Содержание одного в год (руб.)	Содержание всем в год (руб.)	С надбавкой		
				%	В год одному	В год всем
<i>Уездные полицейские управления (Ишимское, Курганское, Тарское, Тобольское, Туринское, Тюкалинское, Тюменское, Ялуторовское)</i>						
Исправник	8	1500	12000	12,5	187,50	1500
Березовский исправник*	1	2000	2000	12,5	250	250
Сургутский исправник*	1	1200	1200	12,5	150	150
Помощник исправника	8	1000	8000	15	150	1200
Помощник березовского исправника*	1	1400	1400	15	210	210
Помощник сургутского исправника*	1	800	800	15	120	120
Становой пристав	44	750	33000	17,5	131,25	5775
Становой пристав	4	900	3600	17,5	157,50	630
Городской пристав	5	600	3000	17,5	105	525
Полицейский надзиратель	1	550	550	20	110	110
Полицейский надзиратель	7	400	2800	20	80	560
Околоточный надзиратель	12	400	4800	22,5	90	1080
Секретарь	9	500	4500	17,5	87,50	787,50
Березовский секретарь*	1	800	800	17,5	140	140
Столоначальник	17	300	5100	22,5	67,50	1147,50
Березовский столоначальник*	2	500	1000	22,5	112,50	225
Журналист	8	267	2136	22,5	60,07	480,60
<i>Тобольская городская полиция</i>						
Полицмейстер	1	1500	1500	12,5	187,50	187,50
Пристав	3	600	1800	17,5	105	315
Околоточный	7	400	2800	22,5	90	630
Секретарь	1	600	600	17,5	105	105
Столоначальник	2	200	400	22,5	45	90
Начальник сыскного отделения	1	973	973	12,5	212,64	121,64
Полицейский надзиратель сыскного отделения	2	500	1000	22,5	112,50	225
Полицейский урядник	135	200	27000	25	50	6750
<i>Городовые</i>						
старшие	1	275	275	25	68,75	68,75
-	10	180	1800	25	45	450
-	6	174	1044	25	43,50	261
-	6	144	864	25	36	216
-	7	120	840	25	30	210
младшие	67	120	8040	25	30	2010
-	2	215	430	25	53,75	107,50
-	58	108	6264	25	27	1566
- сыскного отделения	3	360	1080	25	90	270
Стражник при Тобольской скотобойне	2	180	360	25	45	90

* Отмеченные должности имели особый размер содержания.

Кроме того, губернаторы, исходя из местных нужд в отдельных уездах, ходатайствовали о введении особых должностей. Например, Совет министров 25 июля 1915 г. заслушал доклад по ходатайству тобольского губернатора об усилении состава чинов уездной полиции, крестьянских учреждений и дополнении штата губернского управления. Прошение было частично удовлетворено. Томский губернатор 14 января 1916 г. указывал на крайнюю недостаточность личного состава в Томском уезде и считал «в интересах правильной постановки полицейского надзора» за ссыльными в Нарымском крае необходимым пополнить штат Томской уездной полиции (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 75. Д. 16. Л. 1-2).

Однако Департамент полиции не удовлетворил его просьбу. 14 марта 1916 г. он сообщил губернатору, что более одной должности помощника уездного исправника нигде в империи по действующим штатам не полагается; равно как только одна должность помощника исправника предусмотрена проектом реформы полиции (1916 г.). Поэтому ходатайство об учреждении второй должности помощника Томского уездного исправника уважено быть не может; равным образом невозможно возбуждение вопроса об учреждении в Томском уезде трех должностей станового пристава, так как в минувшем году по закону от 18 марта 1915 г. число должностей становых приставов увеличено в губернии на 31, из которых 8 предназначены именно для Томского уезда, в пределы которого входит и Нарымский край (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 75. Д. 16. Л. 4).

Интересно, что Николай II 30 октября 1916 г. подписал комплексный пакет реформы – Положение «Об усилении полиции в 50 губерниях Империи и об улучшении служебного и материального положения полицейских чинов», который, правда, воплотить в жизнь не удалось (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 75. Д. 66. Л. 68-149). При этом сибирские губернии в него даже не были включены. Вероятно, введение полицейской стражи в регионе считалось достаточным.

Следовательно, центральными и губернскими властями в условиях войны были предприняты отдельные меры для усиления личного состава и материального довольствия служащих городской и уездной полиции в Западной Сибири. Однако такая поддержка на фоне кризиса всех сфер общественной жизни уже не могла принести желаемого результата и повысить уровень социальной защищенности полицейских кадров. Причем практическая реализация мер традиционно запаздывала, в связи с чем отставала от темпов инфляции и роста численности населения в крае.

Помимо организационно-штатных перестановок, фактически не решалась проблема профессиональной подготовки полицейских кадров, а в ряде городов речь шла подчас об элементарной грамотности и благонадежности городских. На нижние чины набирались лица по вольному найму. Из-за дефицита кадров часто возникали трудности комплектования составов полиции, поэтому «требование о наборе в городские грамотных людей оставалось в Сибири лишь пожеланием» (Коновалов, 2007: 47). В журнале Томского губернского управления от 17 декабря 1909 г. отмечено, что сибирская служба отличается «неблагоприятными условиями»: суровый климат, громадность расстояний, несовершенство путей, а в некоторых местах их полное отсутствие (ГАТомО. Ф. 3. Оп. 70. Д. 891. Л. 67 об.).

Проблема особенно обострилась в годы Первой мировой войны, когда даже на классные чины полицейского управления принимались лица, не имевшие чинов. Для подтверждения сказанного, приведем личный состав Барнаульской уездной полиции (без учета городских): согласно списку ее чинов (1916 г.), на службе состояло 40 человек, из них 31 не имели чинов, а 16 с «домашним» образованием (ГАТомО. Ф. 3. Оп. 70. Д. 1523. Л. 37 об.-41).

После февральской революции большинство чиновников царской полиции весной 1917 г. оставили службу, некоторые погибли, другие отказывались служить «из-за трудностей переживаемого времени», из-за конфликтов и неприязни со стороны населения (Daly, 2009: 141-155). Лица с полицейским стажем избегали службы в милиции, т. к. она в новых условиях представлялась чрезвычайно опасной и не давала тех материальных выгод, которые можно получить даже при «самом примитивном труде» (Звягин, 2001: 181).

5. Заключение

Полицейские реформы в 1905–1916 годы не дали ощутимого эффекта. Полиция в городах и селах региона в связи с неукомплектованностью кадрами, отсутствием системы профессиональной подготовки служащих и низким уровнем их социальной защищенности, не могла справиться с поставленными перед ней задачами.

Литература

Ананьева, 2009 – Ананьева Е. Создание полицейских конных частей в России // Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії: Збірник наукових праць. Харків: ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2009. Вип. 12. С. 69-75.

Белецкий, Руткевич, 1913 – Белецкий Е.В., Руткевич П.Н. Образование и развитие полицейских учреждений в России. Исторический очерк. СПб.: МВД, 1913.

Высоцкий, 1903 – Высоцкий И.П. Санкт-Петербургская полиция и градоначальство. Краткий исторический очерк. СПб.: Товарищество Р. Голике и А. Вильборг, 1903.

ГА в г. Тобольске – Государственный архив в городе Тобольске.

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.

ГАТомО – Государственный архив Томской области.

ГАТюмО – Государственный архив Тюменской области.

Дерюжинский, 1903 – Дерюжинский В.Ф. Полицейское право. Пособие для студентов. СПб.: Сенатская типография, 1903.

Ермак, 1914 – Газета «Ермак». 1914. 28 июля. С. 2.

Ерошкин, 1968 – Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М.: Высшая школа, 1968. 368 с.

- [Звягин, 2001](#) – *Звягин С.П.* Правоохранительная политика А.В. Колчака. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2001. 352 с.
- [Зиновьев, Харусь, 2013](#) – *Зиновьев В.П., Харусь О.А.* Общественно-политическая жизнь в Томской губернии в 1880 – феврале 1917 г. Хроника. Томск: Том. ун-т, 2013. 398 с.
- [Книга, 1914](#) – Города России в 1910 г. СПб.: МВД, 1914. С. 1026-1027.
- [Коновалов, 2007](#) – *Коновалов И.А.* Городская полиция Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // *Вестник Омского университета.* 2007. № 3. С. 47.
- [Невский, Яковцов, 2015](#) – *Невский С.А., Яковцов С.А.* Полицейская стража в Западной Сибири в конце XIX в. // *Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России.* 2015. № 2 (34). С. 88-94.
- [Памятная книжка, 1910](#) – *Памятная книжка Тобольской губернии на 1910 г.* Тобольск, 1910. С. 190.
- [Памятная книжка, 1915](#) – *Памятная книжка Тобольской губернии на 1915 г.* Тобольск, 1915. С. 91-93, 160.
- [РГИА](#) – Российский Государственный Исторический Архив.
- [СУРП, 1913](#) – *Собрание узаконений и распоряжений Правительства. II полугодие. I отдел.* СПб., 1913. Ст. 2792.
- [ТГВ](#) – *Томские губернские ведомости.* 1905.
- [Тушемилов, 2009](#) – *Тушемилов М.В.* Становление полицейской системы в Сибири (XIX – начало XX вв.) // *Сибирская ссылка. Иркутск,* 2009. Вып. 5 (17). С. 123-135.
- [Daly, 2009](#) – *Daly J.* Machine Guns, Hysteria, and the February Revolution // *Russian History.* 2009. Vol. 36. pp. 141-155.
- [Deacon, 1972](#) – *Deacon R.* History of the Russian Secret Service. London, 1972.
- [Hingley, 1970](#) – *Hingley R.* The Russian Secret Police: Muscovite, Imperial Russian and Soviet Political Security Operations. New York, 1970.
- [Van Der Oye, 2008](#) – *Van Der Oye D. S.* Rewriting the Russo-Japanese war: a centenary retrospective // *The Russian Review.* 2008. Vol. 67. Nr 1. pp. 78-87.

References

- [Anan'eva, 2009](#) – *Anan'eva E.* Sozdanie policejskih konnyh chastej v Rossii [Creation of police horse parts in Russia] // *Aktual'ni problemi vitchiznjanoi ta vsesvitn'oi istorii: Zbirnik naukovih prac'.* Harkiv: HNU imeni V. N. Karazina, 2009. Vip. 12. pp. 69-75. [in Russian].
- [Beleckij, Rutkevich, 1913](#) – *Beleckij E.V., Rutkevich P.N.* Obrazovanie i razvitie policejskih uchrezhdenij v Rossii. Istoricheskij ocherk [Education and development of police establishments in Russia. Historical sketch]. SPb.: MVD, 1913. [in Russian].
- [Derjuzhinskij, 1903](#) – *Derjuzhinskij V.F.* Policejskoe pravo. Posobie dlja studentov. [Police right. Benefit for students]. SPb.: Senatorial typography, 1903. [in Russian].
- [Ermak, 1914](#) – *Gazeta «Ermak».* 1914. 28 July. p. 2.
- [Eroshkin, 1968](#) – *Eroshkin N. P.* Istorija gosudarstvennyh uchrezhdenij dorevoljucionnoj Rossii [History of public institutions of pre-revolutionary Russia]. M.: The higher school, 1968. 368 p.
- [GA v g. Tobol'ske](#) – *Gosudarstvennyj arhiv v gorode Tobol'ske.*
- [GARF](#) – *Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii.*
- [GATjumO](#) – *Gosudarstvennyj arhiv Tjumenskoj oblasti.*
- [GATomO](#) – *Gosudarstvennyj arhiv Tomskoj oblasti.*
- [Книга, 1914](#) – *Goroda Rossii v 1910 g.* [The cities of Russia in 1910]. SPb.: MVD, 1914. pp. 1026-1027. [in Russian].
- [Konovalov, 2007](#) – *Konovalov I.A.* Gorodskaja policija Zapadnoj Sibiri vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v. [City police of Western Siberia in the second half of XIX – the beginning of the 20th century] // *Bulletin of Omsk university.* 2007. Nr. 3. p. 47.
- [Nevskij, Jakovcov, 2015](#) – *Nevskij S. A., Jakovcov S. A.* Policejskaja strazha v Zapadnoj Sibiri v konce XIX v. [Police guards in Western Siberia at the end of the 19-th century] // *Bulletin of the All-Russian institute of professional development of police officers of Russia.* 2015. Nr. 2 (34). pp. 88-94. [in Russian].
- [Pamjatnaja knizhka, 1910](#) – *Pamjatnaja knizhka Tobol'skoj gubernii na 1910 g.* [The memorable book of the Tobolsk province for 1910]. Tobolsk, 1910. p. 190. [in Russian].
- [Pamjatnaja knizhka, 1915](#) – *Pamjatnaja knizhka Tobol'skoj gubernii na 1915 g.* [The memorable book of the Tobolsk province for 1915]. Tobolsk, 1915. p. 91-93, 160. [in Russian].
- [RGIA](#) – *Rossijskij Gosudarstvennyj Istoricheskij Arhiv.*
- [SURP, 1913](#) – *Sobranie uzakonenij i raspordzhenij Pravitel'stva. II polugodie. I otdel.* [Collection of legalizations and orders of the Government]. SPb., 1913. St. 2792. [in Russian].
- [ТГВ](#) – *Томские губернские ведомости.* 1904, 1905.
- [Tushemilov, 2009](#) – *Tushemilov M. V.* Stanovlenie policejskoj sistemy v Sibiri (XIX – nachalo XX vv.) [Formation of police system in Siberia (XIX – the beginning of the 20th centuries)] // *The Siberian exile.* Irkutsk, 2009. Issue 5 (17). pp. 123-135. [in Russian].

Vysockij, 1903 – *Vysockij I. P.* Sankt-Peterburgskaja policija i gradonachal'stvo. Kratkij istoricheskij ocherk [St. Petersburg police and gradonachal'stvo. Short historical sketch]. SPb.: Association P. Broom and A. Vilborg, 1903. [in Russian].

Zinov'ev, Harus', 2013 – *Zinov'ev V. P., Harus' O. A.* Obshhestvenno-politicheskaja zhizn' v Tomskoj gubernii v 1880 – fevrale 1917 g. Hronika [Social and political life in the Tomsk province in 1880 – February, 1917. Chronicle]. Tomsk: Tom. un-ty, 2013. 398 p. [in Russian].

Zvjagin, 2001 – *Zvjagin S. P.* Pravoohranitel'naja politika A. V. Kolchaka [Law-enforcement policy of A.V. Kolchak]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2001. 352 p. [in Russian].

Daly, 2009 – *Daly J.* Machine Guns, Hysteria, and the February Revolution // Russian History. 2009. Vol. 36. pp. 141-155.

Deacon, 1972 – *Deacon R.* History of the Russian Secret Service. London, 1972.

Hingley, 1970 – *Hingley R.* The Russian Secret Police: Muscovite, Imperial Russian and Soviet Political Security Operations. New York, 1970.

Van Der Oye, 2008 – *Van Der Oye D. S.* Rewriting the Russo-Japanese war: a centenary retrospective // *The Russian Review*. 2008. Vol. 67. Nr. 1. pp. 78-87.

УДК 908 (571.12) + 352

Реформы полицейского управления и практика их реализации в Западной Сибири (1905–1917 годы)

Павел Александрович Сунгуров^{a, *}, Александр Борисович Храмов^a

^a Тюменский индустриальный университет, Российская Федерация

Аннотация. Исследуется процесс организационно-штатных изменений в полицейском управлении на территории Западной Сибири в условиях социального катаклизма, роста криминализации, революционной пропаганды и усиления влияния преступности на все стороны жизни общества в 1905–1917 годы. С 1908 г. в губернских центрах Тобольской и Томской губерниях учреждена сыскная полиция, а также повсеместно вводились дополнительные (сверхштатные) полицейские должности на средства общественных учреждений, частных фирм и лиц. Наблюдалась недоукомплектованность личного состава полицейских. Фактически не решалась проблема профессиональной подготовки полицейских кадров. Особенно сложная ситуация наблюдалась в малых городах и селах, где отсутствие или незначительный штат полиции вызывали тревогу у жителей за их безопасность. Несмотря на реформы, полицейское управление в регионе ни количественно, ни качественно не соответствовало реалиям местной жизни.

Ключевые слова: полиция, полицейское управление, полицейский, реформа, безопасность, Тобольская губерния, Томская губерния, Западная Сибирь.

---

* Корреспондирующий автор

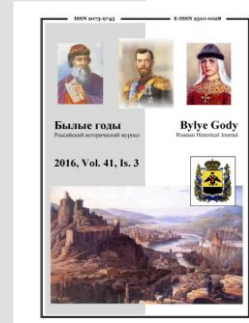
Адреса электронной почты: Pavelsungurov@yandex.ru (П.А. Сунгуров),
khramtsov_ab@bk.ru (А.Б. Храмов)

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 41, Is. 3, pp. 822-829, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 316: 355.354

Allowance officers Russian and Austro-Hungarian armies on the eve of the First World War

Alexander P. Abramov ^{a, *}

^a Southwest State University, Russian Federation

Abstract

On the basis of historical material provides information on measures of state and military administration on the eve of the First World War to improve the welfare of Russian officers and Austro-Hungary, through various forms of material incentives, which are reflected in the cash payments, promotions, awards and social guarantees. On the basis of archival materials of the study period, open scientific publications and Internet resources there are disclosed the features of the destination of salaries, various allowances and compensations Russian army in comparison to the Austro-Hungarian army, who spoke Russian opponent in the First World War. The author notes that the existing system of money allowances in the Russian army was more advantageous than in the Austro-Hungarian army. However, neither one nor the other could not fully meet the needs of the majority of officers of both armies, entered as opponents in the First World War. One of its major shortcomings, both in Russia and in the Austro-Hungarian Empire, was a wide gap in the amounts of all kinds of money allowances between chief officers, staff officers and generals.

Keywords: allowance, salary, additional payments and compensation, pensions, Russian army, Austro-Hungarian army, officers.

1. Введение

Обращение к историческому опыту управленческих практик по вопросам денежного обеспечения всех категорий военнослужащих, и в первую очередь офицеров приобретает особую значимость как в теоретическом, так и в практическом дискурсе, поскольку материальные стимулы существенно влияют на боевую готовность армии и в настоящее время. В условиях реформирования российской армии интерес к опыту решения вопросов финансового обеспечения офицеров в различных исторических условиях в разных армиях мира возрастает в среде всего научного сообщества. Поэтому возникает объективная необходимость проведения такого сравнительного анализа, что и предпринято в публикации в отношении Русской и Австро-венгерской армий.

2. Материалы и методы

2.1. В работе использованы материалы историографии Русской и Австро-венгерской армий, изложенные в справочных изданиях и научных публикациях конца XIX – начала XX веков (*Военно-хозяйственный календарь, 1913; Аничков, 1860; Защук, 1913; Макшеев, 1912* и др.), в советской литературе (*Зайончковский, 1981; Игнатьев, 1951*), в работах конца XX – начала XXI века (*Веремеев, 2016; Вещиков, 2007; Керсновский, 2004; Рассел, 2013* и др.), а также архивных документах Государственного архива Российской Федерации.

2.2. Аналитические процедуры строятся на основе системного и ценностного подходов с применением сравнительно-исторического, историко-ситуационного и проблемно-хронологического методов, которые позволили исследовать проблему в контексте изучаемой эпохи в совокупности с сопутствующими событиями и фактами.

* Corresponding author

E-mail addresses: abramov_ap@inbox.ru (A.P. Abramov)

3. Обсуждение

В российской историографии накоплен большой арсенал материалов, посвященных вопросам организации военного хозяйства европейских армий (Аничков, 1860), жизни и быта (Карпущенко, 1999), зарождения органов тыла Русской армии в XIX–XX веках (Вешиков, 2007: 33–38). В публикациях по истории русской армии (Керсновский, 2007) и авторских исследованиях (Абрамов, 2011: 10–13; Абрамов, 2014: 140–144) раскрываются различные аспекты деятельности Русской армии и военно-учебных заведений в канун Первой мировой войны. Вместе с тем, освещение вопросов, связанных с денежными выплатами для офицеров других армий мира, в первую очередь противников России в будущей Первой мировой войне носит лишь фрагментарный характер.

4. Результаты

Как в Русской, так и Австро-венгерской армий накануне Первой мировой войны денежные доходы офицеров складывалось из нескольких элементов: денежное содержание (жалованье, столовые деньги); добавочные, суточные и порционные деньги; пособия, прогонные и квартирные деньги взамен предоставления жилья (Высочайшие приказы, 1912). Сравнительные данные по размеру денежного содержания Русской и Австро-венгерской армий представлены в таблице 1.

Представленные данные свидетельствуют о том, что денежное содержание для офицеров и генералов Русской армии было в 1,5–2 раза выше, чем для той же категории военнослужащих Австро-венгерской армии. Кроме того, в гвардейских частях русские офицеры получали денежное содержание на ступень выше, чем в армии и получали повышенный оклад. Для подпоручика гвардии оклад увеличивался на 147 рублей; для поручика гвардии – на 156 рублей; для штабс-капитана гвардии – на 169 рублей; для капитана гвардии – на 183 рублей, для гвардейского полковника – на 343 рублей. Лично от императора всем офицерам гвардии ежегодно назначалось пособие в размере половины годового денежного содержания (жалованье и столовые деньги). Усиленные оклады были положены офицерам Русской армии, проходящим службу в отдаленных местностях.

Офицеры Русской армии имели ряд преимуществ и по размеру дополнительных выплат. Добавочные деньги выплачивались в армии практически всем русским офицерам строевых частей пехоты, кавалерии, артиллерии, инженерных и железнодорожных войск. Так, за каждые сутки несения службы в карауле в своем гарнизоне обер-офицерам выплачивалось 30 копеек, а штаб-офицерам – 60 копеек. Выплаты назначались при выполнении задач по восстановлению порядка во время массовых волнений: генералам – 3 рубля, штаб-офицерам – 2 рубля, обер-офицерам – 1.5 рубля в сутки.

Таблица 1. Денежное содержание генералов и офицеров Русской и Австро-венгерской армий в 1913 году в пересчете на российские рубли*

Русская армия					Австро-венгерская армия				
Воинское звание	Жалованье	Столовые деньги	Добавочные деньги	Итого	Жалованье	Квартирные	На меблировку	Итого	Воинское звание
Генерал от инфантерии (от кавалерии)	2100	5700	–	7800	2856	347 – 922	5	3208 – 4783	Полный генерал
Генерал-лейтенант	1800	4200	–	6000	2383	318 – 717	5	2706 – 3105	Фельдмаршал-лейтенант
Генерал-майор	1500	3300	–	4800	1938	163 – 537	5	2106 – 2480	Генерал-майор
Полковник	1200	600	660	2460	1224	102 – 493	5	1331 – 1722	Полковник
Подполковник (войсковой старшина) с выслугой в чине 5 лет и более	1080	600	660	2340	918 – 1020	88 – 398	5	1111 – 1423	Подполковник
Подполковник с выслугой в чине 1-4 года	1080	600	480	2160	681	88 – 398	5	1074 – 1384	Майор

Капитан (ротмистр, есаул) 5 лет командования ротой	900	360	480	1740	510	68 – 295	4	582 – 807	Капитан (ротмистр) I класса
Капитан (ротмистр, есаул) 1-4 года командования ротой	900	360	360	1620					
Штабс-капитан (штабс-ротмистр, подъесаул) 5 лет в чине	780	–	420	1200	408	68 – 295	4	480 – 707	Капитан (ротмистр) II класса
Штабс-капитан 1- 4 года в чине	780	–	300	1080					
Поручик	720	–	240	960	347	44 – 172	18	409 – 537	Поручик
Подпоручик	660	–	180	840	286	44 – 172	18	348 – 476	Подпоручик
Прапорщик запаса	300	–	120	420	нижний чин				

* Курс австро-венгерской кроны к рублю в 1913 году был установлен в 0.17 рублей (Россия. 1913 год: 232).

При нахождении офицера или генерала на учениях, полевых сборах и лагерях также предусматривались денежные компенсации. Для детей русских офицеров назначались пособия на образование и содержание детей в возрасте до 18 лет. При этом выплаты составляли от 100 до 150 рублей в год на пропитание и от 120 до 360 рублей на образование офицерских детей (Чинаев, 2008: 136).

С 1909 г. строевым офицерам начали выплачивать так называемые добавочные деньги в зависимости от звания. Так, обер-офицеры получали добавочные деньги за выслугу лет, за 4 года службы в строю, а штаб-офицеры за 5. При этом подполковники получали их, если общая сумма получаемого жалования, столовых и добавочных денег не превышала 2400 рублей, а полковники – 2520 рублей. С июля 1912 г. летчики-офицеры получали дополнительно 200 рублей в месяц (Российская Императорская Армия, 1997: 22).

В состав дополнительных денежных выплат в Русской армии входили порционные деньги. Так, офицерам, назначенным для выполнения работ в инженерном, артиллерийском ведомствах, работ на железной дороге и морских портах выплачивалось 30 копеек в сутки – штаб-офицерам и 15 копеек в сутки – обер-офицерам. Офицерам, сопровождающим нештатные команды, арестантские партии и арестантов полагалось 1 рубль в сутки – штаб-офицерам и 50 копеек – обер-офицерам. Офицерам, командированным в Уездные (Окружные) Воинские Присутствия на время проведения призывной кампании назначались выплаты от 90 копеек для обер-офицеров до 1,25 рублей в сутки для штаб-офицеров. Командированным офицерам от главного артиллерийского ведомства – 1,15 рублей обер-офицерам и 1,75 рублей штаб-офицерам (Военно-хозяйственный календарь, 1913).

В отличие от Русской в Австро-венгерской армии не все офицеры имели эти денежные преференции. Добавочное довольствие назначалось по должности (Funktionen-und Dienstzulagen) для служащих в управлениях и заведениях; высшим строевым начальникам, армейским инспекторам и корпусным командирам. Так, размеры добавочного довольствия в год составляли от 600 крон начальникам кадетских школ до 20000 крон военному министру. По 20 крон ежемесячно получали обер-офицеры генерального штаба, кавалерии и артиллерии. Добавочные выплаты полагались и за выслугу лет. Для капитанов, прослуживших 12 лет в одном чине, такая прибавка составляла 400 крон, при выслуге в 15 лет – в 800 крон в год (Рассел, 2013: 149-150).

Все населенные пункты Российской империи в зависимости от цен и условий жизни делились на 9 разрядов. В местности 1-го разряда (столичные и некоторые крупные губернские города с высоким уровнем цен: Москва, Санкт-Петербург, Киев, Одесса и др.), например, капитан, получал 45 рублей 33 копейки в месяц. В Москве комнату дешевле 20 рублей было крайне затруднительно (Игнатьев, 1951: 110). В местности 8-го разряда (мелкие уездные города и поселки) квартирные деньги офицера в том же звании составляли 13 рублей 58 копеек в месяц. К 9-му разряду относилась сельская местность. Кроме денег на оплату самих квартир или предоставления казенных квартир русским офицерам выдавались еще и деньги на отопление и освещение. Размеры квартирных денег в Русской армии зависели от разряда местности и чина офицера и колебались для полных генералов от 426 до

1692 рублей, для обер-офицеров от 72 до 246 рублей в год. В большинстве случаев квартирные деньги были ниже рыночной стоимости аренды жилья в России (ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 7. Л. 2).

Как и в России, вся территория Австро-Венгрии была разделена на разряды (10 разрядов). Например, к территории 1-го разряда относилась Вена, где размер выдаваемых квартирных денег фельдмаршалу составлял 6952 кроны. Подпоручику, квартирующему в населенном пункте 10-го разряда назначалась выплата в 250 крон в год. При отсутствии мебели, офицерам и генералам Австро-венгерской армии отпускались деньги на ее приобретение (Mobelzins) от 104 крон для подпоручиков до 168 крон генералам и штаб-офицерам. Общий размер квартирных денег в Австро-венгерской армии составлял от 7120 крон (1210 рублей) для фельдмаршала до 354 кроны (60 рублей) для младших офицеров, что было несколько ниже, чем в Русской армии.

Столовые деньги полагались русским офицерам от капитана (командира роты) включительно и выше. Размер их зависел от занимаемой должности и колебался от 360 до 5700 рублей. Так, генералы и командиры полков получали от 225 до 475 рублей столовых денег в месяц (Зайончковский, 1981: 27). Капитану (командиру роты) полагалось 30 рублей столовых денег в месяц. Этим денег вполне хватало. Так, обед в ресторане в 1913 году стоил около 2 рублей, 1 кг свежего мяса – около 50 копеек, 1 кг сахара – 30 копеек, 1 литр молока – 15 копеек. В тоже время заработная плата промышленного рабочего была весьма скромной – от 1 рубля до 3 рублей в сутки, а обед в чайной обходился им в 15–20 копеек (Защук, 1913: 62–64).

В Австро-венгерской армии выплаты столовых денег составляли от 6 крон для офицеров до 40 крон в сутки для фельдмаршала. При совершении заграничных командировок выплаты по ним увеличивались в два раза. Командировочные расходы компенсировались 2-мя кронами для офицеров и 8-мью для генералов и фельдмаршалов. Таким образом, и по этим выплатам русские офицеры имели в отличие от австро-венгерских коллег большие преимущества.

Кроме регулярного денежного содержания в Русской и Австро-венгерской армиях существовали и различные единовременные пособия на обмундирование, на обзаведение имуществом, на приобретение книг, при вступлении в должность и т.п. Так, для выпускников военных училищ императорской России, успешно окончивших их по 1 или 2 разряду, для прапорщиков запаса при призыве на действительную службу по мобилизации размер такого пособия составлял 300 рублей. Выпускники военных училищ, не получившие офицерский чин и выпущенные унтер-офицерами получали 50 рублей (в случае присвоения офицерского чина позднее – дополнительно 250 рублей). Выпускники военных училищ, направляемые в казачьи полки хорунжими, получали 300 рублей на обмундирование и 200 рублей на приобретение лошади. На первоначальное обзаведение имуществом всем, получившим офицерский чин, по прибытию к месту службы выплачивалось 100 рублей. Для слушателей военных академий единовременное пособие на приобретение книг и других учебных принадлежностей (учебных припасов) в 1 классе предусматривалась выплата в 40 рублей, а во 2 классе – 100 рублей. Те, которые изучали восточные языки, получали дополнительную разовую выплату в размере 15 рублей. Выпускники Николаевской военной академии, выслужившие к выпуску право на орден по выслуге лет, получали годовой оклад содержания, а не выслужившие к выпуску право на орден по выслуге лет – два годовых оклада содержания. Тем, кто закончил дополнительный курс академии, назначалась выплата в 300 рублей.

При вступлении в должность штаб-офицера, начальника гарнизонов, командира бригады, юнкерской роты и батальона русским офицерам назначалось единовременное пособие в размере 100 или 150 рублей. (Настольная справочная книга, 1913: 78).

Для сравнения для офицеров Австро-венгерской армии по окончании военно-учебного заведения размер такого пособия был значительно ниже, чем в Русской армии: направляемые в гусарские полки – получали по 500 крон (85 рублей); в уланские и драгунские полки – по 400 крон (68 рублей); в артиллерию и обозные войска – по 320 крон (54 рубля); в остальные роды оружия – по 240 крон (41 рубль) (Рассел, 2013: 149).

Для служебных поездок, а также для поездок при определении на службу, назначении на должность, при переводах офицерам Русской армии выплачивались прогонные деньги (Макшеев, 1912: 45). В полках армейской кавалерии, в полевых конных и пеших батареях, всем офицерам, кроме командиров полков и батарей, полагались казенные лошади. Лошади эти не находились в собственности офицеров и предназначались лишь для облегчения исполнения ими служебных обязанностей, для чего одной собственной лошади было недостаточно. На содержание собственных офицерских лошадей от казны отпускался фураж: на одну лошадь для каждого офицера.

В Австро-венгерской армии офицерам было положено по штату определенное количество собственных лошадей (см. таблицу 2). Содержание собственных лошадей в Австро-венгерской армии в отличие от Русской армии было обязательным для офицеров всех родов войск.

Австро-венгерские офицеры артиллерии, адъютанты командиров пехотных частей и капитаны пехоты имели право на получение казенной верховой лошади. Остальные вынуждены были приобретать лошадей за свой счет. Цена верховой лошади в Австро-Венгрии – от 1500 до 1600 крон (255–272 рубля). При производстве в майоры офицеры получали единовременную ссуду в 1200 крон на покупку лошади. Фураж для лошадей отпускается натурой всем офицерам, которым было положено их иметь. Кроме того, особое денежное довольствие назначалось для ремонта конского

снаряжения. В кавалерии размер таких выплат составлял 64 кроны, в других родах войск – 84 кроны в год, на каждую собственную лошадь. Все офицеры имели право на казенную прислугу (денщика, *Offiziersdiener*), или, взамен денщика, на денежное вознаграждение (*Offiziersdiener-Aequivalent*), в размере 16 крон в месяц. Штаб-офицерам, которым положено содержать лошадей, имели право на конюха из нижних чинов. Из обер-офицеров этим правом пользовались только служащие вне войсковых частей (например, обер-офицеры генерального штаба). Генералы могли иметь 4-х денщиков и конюхов, но денежное вознаграждение на их содержание им не выдавалось. При всех командировках австро-венгерские офицеры и генералы пользовались правом бесплатного проезда.

Таблица 2. Прогонные деньги в Русской армии и офицерские лошади в Австро-венгерской армии

Русская армия		Австро-венгерская армия	
Воинское звание	Прогонные деньги на количество лошадей	Лошади, по штату (кол-во)	Воинское звание / должность
генерал-фельдмаршал	20	7	фельдмаршал
генерал от инфантерии (от кавалерии)	15	5	все генералы
генерал-лейтенант	12		
генерал-майор	10		
полковник	5	4	командир кавалерийского полка и дивизиона, командир дивизиона конной артиллерии
подполковник, гвардии капитан	4	3	командир пехотного полка, штаб-офицер Генерального штаба, командир полка полевой и горной артиллерии
капитан и гвардии штабс-капитан	3	2	капитан Генерального штаба, командир эскадрона, штаб-офицер полевой и горной артиллерии, командир дивизиона обозных войск, командир батареи конной артиллерии
остальные офицеры	2	1	штаб-офицеры пехоты, младшие офицеры конной артиллерии, обер-офицеры кавалерии, командир батареи полевой и горной артиллерии

Пенсия полагалась русским офицерам, имевшим выслугу не менее 25 лет. В этом случае им выплачивалась пенсия в размере 50% от последнего оклада, который исчислялся с учетом всех выплат – основного и «усиленного» жалования, «столовых» и прочих добавочных денег (кроме «квартирных», единовременных пособий и доплат военного времени). Размер пенсии увеличивался на 3% за каждый год, прослуженный свыше 25 лет. За выслугу 35 лет полагалась максимальная пенсия в размере 80% от общей суммы последнего жалования. Предусматривалось льготное исчисление выслуги лет для получения права на пенсию. Такие льготы, например, давала служба в воюющей армии – месяц службы на фронте считался за два. Максимальная льгота полагалась воевавшим в составе гарнизонов, окруженных и осажденных неприятелем крепостей, – в таком случае месяц военной службы считался за год при исчислении выслуги лет ([О пенсиях, 1912](#)).

В отличие от русских, австро-венгерские офицеры только при выслуге 40 лет приобретали право на пенсию в размере полного жалования. В остальных случаях пенсия назначалась лишь по болезни, по ранению или увечью в ходе военных действий при выслуге в офицерских должностях не менее 10 лет в размере трети получаемого жалования. При выходе на пенсию, прослужившим 15 лет пенсия полагалась в 3/8 жалования. За каждый последующий год прибавлялось по 2,5%. При увольнении в отставку по болезни до выслуги 10 лет, австро-венгерским офицерам могли быть назначены лишь временные пенсии: за 1–2 года службы – на 1 год; за 3–4 года – на 2 года; за 5–6 лет – на 3 года; за 7–8 лет – на 4 года и за 9 лет – на 5 лет. Размер пенсионных выплат составлял треть получаемого на службе жалования. Пенсии для вдов офицеров и генералов устанавливались в размере от 750 до 5400 крон ([Рассел, 2013: 149](#)). Дополнительные выплаты на содержание детей вдов офицеров устанавливались в размере 20% ее пенсии и назначались они до достижения детьми 24-летнего возраста.

Значительную часть расходов офицеры, как Русской, так и Австро-венгерской армий обязаны были покрывать самостоятельно.

Например, за свой счет приобреталось обмундирование. В русской армии вычеты производились из жалования и столовых денег: по 1% на госпиталь и в пенсионный капитал; по 1,5%

на медикаменты (полковая аптека); 6 % – в эмеритальную кассу (для прибавки к пенсии); 1 % столовых денег в инвалидный капитал. За полученные награды кавалеры орденов также выплачивали в капитал ордена определенные денежные суммы единовременно (Тиванов, 1998: 4). К обязательным расходам русских офицеров были отнесены взносы в офицерское собрание, библиотеку, на питание (более 15 рублей в месяц), на починку обмундирования, посещение театров, полковые праздники и т.п. (Волков, 1993: 187).

В Австро-венгерской армии с назначением на высший оклад из жалования делался вычет, в размере трети годовой разницы между прежним и новым окладом (Diensttaxe). Такой вычет (Spitaltaxe) зависел от получаемого жалования и составлял от 0,6 до 4 крон. Вольноопределяющиеся обязаны были содержать себя за собственный счет. За обмундирование они платили 120 крон, за продовольствие – 312 крон в год. Вольноопределяющиеся в кавалерию обязаны были приобретать верховую лошадь за 657 крон и конское снаряжение – 32 кроны. Впрочем, подобная ситуация характеризовала и вольнонаемных в армии Германии (Веремеев, 2016).

Военная служба представляла собой основной профессиональный и карьерный лифт в европейских армиях мира, поэтому и австро-венгерский и немецкий доброволец вынуждены были идти на эти материальные издержки.

5. Заключение

В заключение необходимо отметить, что существующая система денежного довольствия в Русской армии была более предпочтительной, чем в Австро-венгерской армии. Вместе с тем, ни та, ни другая не могла полностью покрыть нужды большинства офицеров обеих армий, вступивших в качестве противников в Первую мировую войну.

Литература

Абрамов, 2011 – Абрамов А.П. Военная метакультура и ее особенности // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2011. № 6–1. С. 10–13.

Аничков, 1860 – Аничков В. Военное хозяйство. Сравнительное исследование положительных законодательств России, Франции, Пруссии, Австрии, Сардинии, Бельгии и Баварии. СПб.: тип. Н. Дноткина, 1860. 614 с.

Веремеев, 2016 – Веремеев Ю. Анатомия армии Военная служба в Германской империи в начале XX века [Электронный ресурс]. URL: <http://army.armor.kiev.ua/hist/nem-armia-1901.shtml> (дата обращения 30.05.2016 г.).

Вещиков, 2007 – Вещиков П.И. Зарождение и совершенствование органов тыла в XIX-XX вв. // *Военно-исторический журнал*. 2007. № 2. С. 33–38.

Военно-хозяйственный календарь, 1913 – Военно-хозяйственный календарь на 1913 г. СПб., 1913.

Волков, 1993 – Волков С.В. Русский офицерский корпус. М.: Воениздат, 1993. 218 с.

Высочайшие приказы, 1912 – Высочайшие приказы по Военному Ведомству за 1912 год // *Разведчик*. С.Пб., 1912. 584 с.

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.

Зайончковский, 1981 – Зайончковский П.А. Офицерский корпус русской армии перед первой мировой войной // *Вопросы истории*. 1981. № 4. С. 21–29.

Защук, 1913 – Защук И.И. Содержание офицеров и врачей. (Сб. выдержек из С.В.П. приказов, циркуляров и т.п.). СПб., 1913. 92 с.

Игнатъев, 1951 – Игнатъев А.А. Пятьдесят лет в строю. Т.1 Молотов: Молотовское обл. гос. изд-во, 1951. 590 с.

Карпущенко, 1999 – Карпущенко С.В. Быт русской армии XVIII начала XX века. М.: Воениздат, 1999. 366 с.

Керсновский, 2004 – Керсновский А.А. История Русской армии: 1881–1916. Смоленск: Русич, 2004. 512 с.

Макшеев, 1912 – Макшеев Ф.А. Военное хозяйство: Курс Интендантской академии. Ч. 1: Устройство интендантства. СПб.: Тип. Тренке и Фюсно, 1912. 554 с.

Настольная, 1913 – Настольная справочная книга для строевых обер-офицеров СПб.: Типография Штаба войск Гвардии и Петербург. военного округа, 1913. 265 с.

О пенсиях, 1912 - О пенсиях и единовременных пособиях чинам военного ведомства и их семействам: [Закон от 23 июня 1912 г.] – ПСЗРИ. Собрание третье. Т. XXXII. № 37442.

Рассел, 2013 – Рассел Д. Вооруженные силы Австро-Венгрии. М.: Изд-во VSD, 2013. 337 с.

Российская Императорская, 1997 – Российская Императорская Армия накануне Великой войны. СПб.: Военно-историческое отделение ГУГШ, 1997. 99 с.

Россия. 1913 год, 1995 – Россия. 1913 год: Статистико-документальный справочник. / Под ред. А.М. Анфимова и А.П. Корелина. СПб.: Изд. «Русско-Балтийский информационный центр «БЛИЦ», 1995. 417 с.

- [Тиванов, 1998](#) – *Тиванов В.В.* Денежные капиталы в русской армии // *Военно-исторический журнал*. 1998. № 5. С. 2–11.
- [Чинаев, 2008](#) – *Чинаев А.А.* Культура быта офицерского состава русской армии в 1874–1914 гг. // *Армия и общество*. 2008. № 4. С. 132–138.
- [Abramov, 2014](#) – *Abramov A.P.* Cadet education in the imperial Russia: genesis, dialectics and the role in social structure of the society. // *Bylye Gody*. 2014. № 32 (2). pp. 140–144.

References

- [Abramov, 2011](#) – *Abramov A.P.* Military metaculture and its features // Historical, philosophical, political and juridical sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice. 2011. № 6–1. Pp. 10–13. [in Russian].
- [Anichkov, 1860](#) – *Anichkov V.* War economy. A comparative study of positive legislations of Russia, France, Prussia, Austria, Sardinia, Belgium and Bavaria. Petersburg: Type. N. Dnotkina, 1860. 614 p. [in Russian].
- [Veremeev, 2016](#) – *Veremeev Yu.* Anatomy Army Military Service in the German Empire at the beginning of the XX century [electronic resource]. URL: <http://army.armor.kiev.ua/hist/nem-armia-1901.shtml> (reference date of 05.30.2016). [in Russian].
- [Veshchikov, 2007](#) – *Veshchikov P.I.* Origin and improvement of logistic units in the XIX-XX centuries. // *Military History magazine*. 2007. № 2. pp. 33–38. [in Russian].
- [Military, 1913](#) – *Military hardware calendar 1913*. SPb., 1913. [in Russian].
- [Volkov, 1993](#) – *Volkov S.V.* Russian officer corps. M.: Military publishing, 1993. 218 p. [in Russian].
- [The highest orders, 1912](#) – *The highest orders on the military departments for 1912* // *Scout*. St.-Petersburg, 1912. 584 p. [in Russian].
- [GARF](#) – State Archive of the Russian Federation.
- [Zaionchkovskii, 1981](#) – *Zaionchkovskii P.A.* The officer corps of the Russian army before World War // *Questions of history*. № 4. 1981. pp. 21–29. [in Russian].
- [Zaschuk, 1913](#) – *Zaschuk I.I.* The content of the officers and doctors. (Sat excerpts from S.V.P. orders, circulars, etc.). SPb., 1913. 92 p. [in Russian].
- [Ignatiev, 1951](#) – *Ignatiev A.A.* Fifty years in the ranks. V.1 Molotov: Molotov region. state. Publishing House, 1951. 590 p. [in Russian]. [in Russian].
- [Karpuschenko, 1999](#) – *Karpuschenko S.V.* Life Russian army XVIII beginning of XX century. M.: Military Publishing, 1999. 366 p. [in Russian].
- [Kersnovskaya, 2004](#) – *Kersnovskaya A.A.* History of the Russian army: 1881–1916. Smolensk: Rusich, 2004. 512 p. [in Russian].
- [Maksheyev, 1901](#) – *Maksheyev F.A.* Military Farm: Course Quartermaster Academy. Part 1: The device commissariat. AS Saint-Petersburg: Type. Trinquier and Fyusno, 1912. 554 p. [in Russian].
- [Table reference, 1913](#) – *Table reference book for stroevyh senior officers SPb.: Printing of Staff of troops the Guard and St. Petersburg. Military District, 1913. 265 p. [in Russian].*
- [Pensions and lump, 1912](#) – *Pensions and lump sum ranks of the military department and their families: [The Act of 23 June 1912] – Full legislation of the Russian Empire. Assembly of the third. T. XXXII. № 37442. [in Russian].*
- [Russell, 2013](#) – *Russell D.* The armed forces of Austria-Hungary. M.: Publishing house of the VSD, 2013. 337 p. [in Russian].
- [Russia, 1913, 1995](#) – *Russia. 1913: Statistical and documentary handbook. / Ed. A.M. Anfimov and A.P. Korelin. SPb.: Publishing. "Russian-Baltic Information Center" Blitz ", 1995. 417 p. [in Russian].*
- [Tivanov, 1998](#) – *Tivanov V.V.* Cash capital in the Russian army. *Military-Historical Journal*. 1998. № 5. [in Russian].
- [Abramov, 2014](#) – *Abramov A.P.* Cadet education in the imperial Russia: genesis, dialectics and the role in social structure of the society. *Bylye Gody*. 2014. № 32 (2). Pp. 140–144. [in Russian].

УДК 316: 355-354

Денежное довольствие офицеров Русской и Австро-венгерской армий накануне Первой мировой войны

Александр Петрович Абрамов^{а, *}

^а Юго-Западный государственный университет, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: abramov_ap@inbox.ru (А.П. Абрамов)

Аннотация. В статье на основе исторического материала представлены сведения о мерах государственных и военных органов управления в канун Первой мировой войны по улучшению благосостояния офицеров России и Австро-Венгрии через различные формы материального стимулирования, которые нашли свое отражение в денежных выплатах, поощрениях, наградах и социальных гарантиях. На основе изучения архивных материалов исследуемого периода, научных публикаций и отрывков Интернет-ресурсов раскрыты особенности назначения денежного содержания, различных пособий и компенсаций Русской армии в сравнении с Австро-венгерской армией, которая выступила противником России в Первой мировой войне. Автором отмечается, что существующая система денежного довольствия в Русской армии была более предпочтительной, чем в Австро-венгерской армии. Вместе с тем, ни та, ни другая не могла полностью покрыть нужды большинства офицеров обеих армий, вступивших в качестве противников в Первую мировую войну.

Ключевые слова: денежное довольствие, жалованье, дополнительные выплаты и компенсации, пенсии, Русская армия, Австро-венгерская армия, офицеры.

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 41, Is. 3, pp. 830-838, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94(47)

Channels of Social Mobility of Russian Society: World War I influence

Vadim M. Rynkov^{a,*}

^a Institute of History Siberian Branch Russian Academy of Science, Russian Federation

Abstract

The article deals with World War I influence on dynamics of social processes in Russia. The subject of the research is limited by the channels of social mobility, which mean horizontal or mainly horizontal movement in social space. The conclusions are based on studying statistic sources and modern historiography. In 1914–1917 due to war influence severe deformation of previously stable working channels of social mobility took place. Large groups of people who had not had any prerequisites of social status change started to migrate. Some channels almost stopped working, such as agrarian migration, seasonal work, but some new ones emerged, such as refugees, captivity, desertion. The war effaced estates boundaries and deformed class groups. Produced by war, the processes of society restructuring are characterized by high level of social entropy – the most important prerequisite of revolutionary explosion of 1917.

Keywords: Social mobility, World War I, population, migrations, call-outs, urbanization, refugees.

1. Введение

Российское общество в начале XX века переживало модернизацию всех подсистем – политической, экономической, социальной. По мере усложнения социальной структуры в нем ускорялись распад старых и формирование новых социальных групп. Эти процессы сопровождались все более интенсивными перемещениями населения в пространстве, а также между социальными группами и внутри них. Социальная мобильность выступала важнейшим проявлением модернизационных процессов и одновременно механизмом их обеспечения. Первое выражалось в очевидном наращивании масштабов социальной мобильности, в формировании новых ее типов; второе связано с появлением кластеров инновационного развития экономики и новых общественно-политических практик, целиком базировавшихся на тех, кто менял, подчас неоднократно, свои социальные статусы.

Вступление Российской империи в Первую мировую войну стало глубочайшей встряской для всех сфер жизнедеятельности государства и общества. Мобилизация мужского населения в армию, перестройка экономики на военный лад, милитаризация быта и сознания не могли не повлиять на направления и интенсивность социальной мобильности. Очевидно, что нарушение ключевых механизмов функционирования и поступательного развития социума создает напряженность, является одним из индикаторов и в то же время предпосылкой будущего социального взрыва. Этим обусловлена необходимость анализа влияния Первой мировой войны на социальные перемещения внутри российского общества.

2. Материалы и методы

Под социальной мобильностью мы понимаем изменение индивидуумом или группой социальной позиции. Стоявший у истоков концепции социальной мобильности П.А. Сорокин (Сорокин, 2005) выделил горизонтальный и вертикальный типы социальной мобильности, сформулировал такие ее свойства, как интенсивность (число страт, пройденных при социальном движении), охват (численность лиц, осуществляющих социальное движение) и проницаемость

* Corresponding author

E-mail addresses: vadsvet@list.ru (V.M. Rynkov)

социальных страт. В отличие от основоположника теории социальной мобильности отметим, что ее порождает не только присущая обществу неоднородность. Причиной перемен в динамике и масштабах социальной мобильности являются переживаемые обществом крупные перемены и особенно социальные катастрофы. Последующие опыты изучения социальной мобильности привели к убеждению, что при смене социального статуса часто мировоззрение, закрепленные опытом социальные практики и привычная самоидентификация долго связывают индивида с тем слоем, из которого он вышел. Мобильность сопровождается психологической инертностью. Этим обусловлена возможность всплеска традиционализма в условиях динамичных, но органически не вызревших в недрах самого общества перемен в функционировании параметров социальной мобильности.

В настоящем исследовании предметное поле будет ограничено каналами социальной мобильности, под которыми будет пониматься горизонтальное либо преимущественно горизонтальное перемещение в социальном пространстве. Такое социальное движение могло быть как стихийным, так и организованным. Важно, что оно не мотивировалось со стороны власти целью рекрутирования элиты, а со стороны участников – стремлением кардинально улучшить свой социальный статус. Данный подход является новаторским и принят с целью отделить каналы от лифтов, институционально закрепленных передвижений в вертикальном направлении, связанных, как правило, с быстрым прохождением через ступени социальной лестницы. Работа лифтов нацелена на формирование элиты общества и ее ротацию. Их изучение требует специального исследования и должно, в свою очередь, опираться на анализ особенностей функционирования каналов социальной мобильности. Последние, будучи важной чертой социальной жизни, являются также необходимым условием для вертикально направленной динамики.

Рамки статьи не позволяют показать все многообразие социальных процессов, связанных с мобильностью общества, и заставляют ограничиться только наиболее значимыми из них. Источниками для анализа изучаемой научной проблемы выступала социальная статистика. Данные о социальном движении населения в годы Первой мировой войны широко публиковались, хотя не являются полными и требуют критического осмысления и интерпретации. Краткость изучаемого периода обусловила значительные лакуны в характеристике объекта исследования. Частично их удается восполнить путем использования данных из нарративных источников.

3. Обсуждение

Обширная советская и постсоветская историческая литература показывала преимущественно социальную динамику отдельных классов и слоев российского общества в начале XX века: рабочих, крестьян, интеллигенции, вписывая период Первой мировой войны в более длинный цикл социальной истории России. Лишь в последние два десятилетия на российские исторические исследования оказала решительное влияние терминология и методология социальных наук. Историки начали изучать проблему социальной мобильности российского общества в познеимперский период, пытаясь выявить господствующий ее тип, масштабы, интенсивность и доминирующие направления. Б.Н. Миронов в своем фундаментальном исследовании среди прочих социальных характеристик проанализировал и межсословную мобильность. По его расчетам, основные направления социальной мобильности оставались стабильными, но после 1861 г. и, особенно, в начале XX в. возрастала интенсивность. К 1917 г. сословия в основном утратили свои специфические юридически закрепленные черты, общество почти превратилось в классовое. При этом уровень социальной мобильности дворянства, духовенства и городского населения был достаточно высок, а крестьянства – оставался низким, но масштаб социальных перемещений кумулятивно возрастал. Автор отметил, что горизонтальная мобильность охватила значительные массы населения, но при переводе в относительные цифры оказывалась незначительной (Миронов, 2003: 138–148).

В интересующих нас узких хронологических границах тема представляется слабо разработанной. За исключением весьма детально исследованного феномена беженства (Курцев, 1999; Gatrell, 1999; Sanborn, 2005; Gatrell, 2015), изучение социальной мобильности в годы Первой мировой войны пока ограничивается уровнем анализа микропроцессов (Стрекалова, 2003; Щетинина, 2008).

Можно отметить две попытки определить влияние мировой войны на тип социальной мобильности в целом. Питер Гатрелл назвал социальные перемены времен Первой мировой войны России потрясением. Он охарактеризовал их как масштабные социальные перемещения, перемешивание «плебейских и маргинальных слоев» друг с другом, а также возникновение условий для существенно более интенсивного взаимодействия и обмена социальным опытом рабочих и крестьян с интеллигенцией и средними слоями городского населения (Gatrell, 2005: 79–80). В более поздней совместной с Ником Бароном статье подчеркнуто продолжительное «эхо» социальных бифуркаций, решительно стиравшие всякие прежние социальные границы (Baron, 2015: 60–67). Совершенно другой подход обозначен в исследовании Н.А. Ивановой. Оговорив разнонаправленность социальных процессов в обществе, она определила их равнодействующую силу как усиление сословного начала и ослабление классового. С ее точки зрения, война замедлила классовообразование и активизировала механизмы сословной консолидации (Иванова, 2014а: 105–106; Иванова, 2014б: 196).

4. Результаты

На первой стадии исследования были установлены ключевые характеристики функционирования лифтов социальной мобильности в предвоенный период, когда Россия переживала мощный экономический подъем. Это обстоятельство способствовало росту социальных перемещений. На первый взгляд, наиболее значимый с точки зрения модернизационных перспектив являлся восходящий тип социальной мобильности, как через социальные лифты в состав расширявшейся и обновлявшейся элиты, так и за счет роста уровня жизни, более заметного у групп населения, связанных с финансовым капиталом и индустрией. Но в действительности, развитие экономики в значительной степени обеспечивало гибкое горизонтальное социальное перемещение, ставшее предпосылкой и условием для попадания индивидума в социальный лифт.

Самым массовым видом социальной мобильности всегда и в любом обществе следует признать семейную. В России в начале XX в. сосуществовали простые, сложносоставные и большие патриархальные семьи при постепенном росте числа семей первого типа, что медленно упрощало этот вид мобильности. Лишь 23 % мужчин и 4 % женщин вступали в повторный брак. Вне брака в предвоенное десятилетие оставалось в России 4 % мужчин и 5 % женщин (Население..., 2000: 35). Так что условно цикл семейной мобильности можно признать всеобщим. Фаза такого цикла влияет с большой вероятностью на материальное положение семьи, становящейся в среднем богаче по мере того, как она накапливает внутренние ресурсы и человеческий капитал и сокращает долю затрат, необходимых для воспроизводства. Но при этом доходы следует признать достаточно условным показателем. Попытки просчитать дифференциацию и мобильность по данному признаку ведут к получению завышенных показателей, так как не учитывают включенность большинства семей в сети социальных трансфертов, которыми обмениваются соседи, и нуклеарные семьи в рамках родственной взаимовыручки.

Город, концентрировавший 15 % населения, являлся узловым местом слияния целого пучка каналов социальной мобильности. В 1897 г. 1,2% населения городов составляли выходцы из других государств, 30 % – из других губерний, еще 15 % – из других уездов. Причем остальные являлись жителями данного уезда, следовательно, среди них наряду с коренными горожанами находились и крестьяне, переселившиеся в ближайший уездный город. Таким образом, основная часть городского населения – переселенцы, сменившие место проживания (Рашин, 1956: 130). Интенсивные социальные перемещения – служебные, профессиональные, имущественные – охватывали средние слои горожан. Среди них примерно каждый пятый менял свой социальный статус минимум единожды каждое пятилетие. Война принципиально не усилила и не ослабила интенсивность этого движения, но изменила его преобладающее направление с восходящей на нисходящую мобильность (Стрекалова, 2012: 324).

Для сельского населения важнейшим каналом социальной мобильности выступало отходничество – сезонный или временный уход на заработки за пределы своего селения. Как справедливо подметил А.Н. Курцев, масштаб социального движения оказывался выше, чем отражено в статистических данных. За общими показателями численности отходников скрывается большая ротация (Курцев, 2007). Можно говорить о тройном проявлении мобильности в связи с отходом. Во-первых, внешние заработки усиливали социальную дифференциацию среди крестьян, во-вторых, это канал перехода в города на временное или постоянное, хотя часто и нелегальное, жительство, то есть сложные формы урбанизации. И, в-третьих, отходничество стало одним из массовых каналов перехода супругов на латентное положение разведенных.

Отходничество практически полностью поглощало трудовую миграцию и являлось важнейшей формой ее выражения. Далеко не все отходники отправлялись в город. Широко были развиты и аграрные сезонные заработки. Но в начале XX столетия удельный вес неземледельческой миграции стал преобладать над земледельческой (Курцев, 2008: 85).

Другой канал мобильности крестьянства связан с устройством на свободных землях восточных регионов России в рамках столыпинских переселенческих мероприятий. В 1896–1913 гг. на окраины империи переселилось 5,2 млн крестьян (Население..., 2000: 28). За десятилетие 1906–1915 гг. за Урал выехало 3067 тыс. чел. из которых 540 тыс. вернулось обратно. Пик миграций пришелся на 1908–1909 гг., но и 1913–1914 гг. отличались довольно интенсивными перемещениями – 240 и 241 тыс. переселенцев за Урал, 45 и 27 тыс. вернувшихся обратно (Белянин, 2011: 89).

Война кардинально изменила характер и масштабы социального движения в обществе. Не вызывает никаких сомнений, что армия в условиях тотальной войны не только превратилась в главный канал социальной мобильности, но и явилась ее своеобразным мультипликатором, обусловив логику всех прочих перемен в функционировании каналов и лифтов. На военной службе накануне войны состояло 1423 тыс. чел., к 1 мая 1917 г. призвали в войска 14 375 тыс. чел. (Россия...; 1925: 18). Необходимо учитывать нарастающий эффект мобилизации. В первое полугодие войны было призвано 6,5 млн чел., в 1915 г. около 5 млн, в 1916 г. еще 3 млн чел., и за первые два месяца 1917 г. – еще 730 тыс. (Головин, 2001: 79–80).

В сельской местности проживало 85 % населения, в городах – 15 %. Доля мобилизованных из деревни составляла 91,5 %, из городов – 8,5 % (Головин, 2001: 82), что означает примерно вдвое меньшее участие города в призывах, а, следовательно, и вовлеченности горожан в данный по-новому работавший канал социальной мобильности. Из оставшихся вне армии мужчин призывного возраста,

3 млн чел. получили бронь, трудоустроившись на оборонных и приравненных к ним предприятиях, 2 млн чел. остались на оккупированной территории и не попали под призыв, 5 млн чел. оказались физически непригодны к службе. Призывам не подлежали инородцы, в 1915 г. призванные на тыловые работы. Выросшая в десять раз по сравнению с мирным временем армия оттянула на себя до половины трудоспособного населения сельской местности (47,4 % по сельскохозяйственной переписи 1917 г.). В результате демографический потенциал деревни оказался к 1917 г. практически полностью исчерпан (Асташев, 2014: 18–19).

Призывы прервали течение устоявшейся семейной социальной циркуляции. В сельской местности на каждые пять хозяйств из трех на войну ушел один мужчина. Такие семьи перестали функционировать как гармоничный общественный и хозяйственный организм. К 1917 г. 71,9 % труда в крестьянских семьях легло на плечи женщины (Иванова, 2014: 204). Функции хозяина перешли к старшим или младшим мужчинам, а в тех хозяйствах, где мужчин вообще не осталось, со временем их приняла на себя солдатка (Анфимов, 1962: 192; Gatrell, 2005, 73). По разным губерниям доля таких хозяйств колебалась от 21,2 % в Пермской до 44,9 % в Калужской губернии (Анфимов, 1962: 189). Так под влиянием войны искусственно вырос социальный статус женщин, произошла дефеминизация ее семейной, общественной и производственной роли.

Начало войны понизило брачность до 83 % от довоенного уровня, в 1915 и 1916 гг. данный показатель составил 42 % и 43 % соответственно. Его повышение, причем сразу на 22 пункта, произошло в революционном 1917 г. (Труды..., 1923: 104). Демографы считают, что в результате войны было отложено 1 млн 339 тыс. браков. Город оказался менее подвержен эффекту торможения семейно-брачной мобильности. В крупных городах падение брачности к 1916 г. составило лишь 25–35 %. Сокращение рождаемости, наоборот, накапливалось кумулятивно, составив в 1915 г. 12–13 %, в 1916 г. – 34 %, а в 1917 г. – 46 % в сравнении с довоенным периодом. В результате численность неродившихся детей определяют в диапазоне от 4 млн 855 тыс. (Труды..., 1923: 106, 109–110) до 7 млн, а с учетом 1918 г. – до 10 млн (Морозов, 2001: 171–172).

Оторвав кормильцев у миллионов семей, государство озаботилось тем, чтобы эти семьи предохранить от деградации ввиду сокращения доходов. Близкие родственники мобилизованных стали получать пайки. Таким образом, совершенно помимо собственной воли они оказались вовлечены в новую социальную группу членов солдатских и офицерских семей. Необходимо оговориться, что круг получателей пайков постепенно расширялся. Если к 1 января 1915 г. на одного призванного приходилось в среднем 1,5 полных пайка, то в 1 декабря 1916 г. – 1,75. Но, являясь солидным материальным подспорьем в первые месяцы войны, пайковые выплаты постепенно обесценивались и в 1916 г. уже не способны были серьезно поддерживать доход солдатских семей.

Последствия длительного и жесточайшего вооруженного столкновения в семейной сфере не ограничивались только временным отрывом рабочих рук. Многие семьи остались неполными. За годы войны «кровавые» потери (убитые и умершие от ран) составили, по данным Н.Н. Головина, 1 млн 650 тыс. чел., по данным Урланиса – 1 млн 451 тыс. чел. (Уралнис, 1994: 179). Численность больных и раненых оценивается в диапазоне от 4,2 млн чел до 5,15 млн. Из них полностью или частично потеряли трудоспособность 1,15 млн чел. (Головин, 2001: 125; Зумпф, 2014: 65). Существовало несколько видов инвалидности – увечные, хронически больные и страдающие неврозом жертвы контузии. Эти травмы часто совмещались. Они позволяли солдатам и офицерам покинуть фронт, но осложняли адаптацию к мирной жизни. Подчас мужчины из кормильцев становились обузой для семьи, если таковую удавалось сохранить (Зумпф, 2014: 59). Военные потери, миграции и смертность гражданского населения привели к появлению к 1916 г. 2,5 млн беспризорных детей и подростков (Иванова, 2014а: 209).

Еще во время войны началось возвращение с фронта солдат и офицеров. Этот процесс сначала целенаправленно регулировался государством, которое распределяло вернувшихся с войны на несколько групп инвалидов в зависимости от степени потери трудоспособности, и на возвращенных «по брони» в связи с необходимостью поддерживать уровень военного производства. В то же время масса военнотружущих, особенно в 1916–1917 г., дезертировала и попала на незаконное положение. Их разыскивали и подвергали наказаниям, но главным образом насильно возвращали обратно на фронт. К концу 1916 г. сложились значительные группы дезертиров, пользовавшихся возможностью надолго затеряться в прифронтовом хаосе. Часть из них опасалась возвращения в тыл. Они участвовали в мародерстве, грабежах в тылу. Это открывало широкую дорогу для криминализации военнотружущих, причем совершение противоправных действий редко влекло за собою изоляцию в рамках пенитенциарной системы. Впрочем, многим бежавшим с фронта военнотружущим удавалось добраться до дома и спрятаться при посредничестве родных. А.Б. Асташев оценивает общую численность дезертиров в 1–1,5 млн, из которых примерно 200 тыс. было поймано и возвращено на фронт либо подвергнуто наказанию (Асташев, 2014: 480). Со временем стихийная демобилизация стала преобладающей.

Совершенно особым каналом социальной мобильности стал военный плен, в котором оказалось 2,4–3,9 млн российских солдат и офицеров. Их возвращение растянулось до 1922 г. (Асташев, 2014: 23). Никто не проводил подсчеты, какая часть плененных смогла вернуться в свои семьи, адаптироваться к мирной жизни и вернуться к полноценному труду, но, очевидно, меньшая в

сравнении с солдатами и офицерами, вернувшимися домой с фронта. Плен повлиял не только на самих солдат и офицеров, прошедших через его горнило, но и их родных и близких.

Под влиянием войны претерпел кардинальные перемены и характер механического движения гражданского населения. Практически полностью прервался такой его канал, как аграрные переселения. Здесь, правда, сказалась инертность переселенческих мероприятий. Чтобы подготовить семью к переселению, требовалось не менее года. Поэтому первые месяцы войны никак не сказались на численности крестьянских мигрантов. Зато в 1915 г. от прежнего потока осталось едва шестая часть – 27 тыс. переселенцев и 10 тыс. выехавших в обратном направлении (Белянин, 2011: 89). В 1916 г. переселения оказались практически свернуты.

Зато прикрытый канал социальной мобильности сельского населения с лихвой перекрыли потоки беженцев. Само это понятие было юридически определено только в законе 30 августа 1915 г. Ранее официально в качестве получателей материальной помощи признавались только немногочисленные контингенты эвакуированных. Но великое отступление лета 1915 г. превратило беженство в значительную социальную проблему, заставив власть определиться и с официальными дефинициями, и с организационным и финансовым обеспечением вынужденных мигрантов. Пришел на помощь и опыт переселенческого управления по перевозке людей. Между прочим, количество перевезенных за Урал беженцев вполне сопоставимо с численностью переселенцев в предвоенные годы. Но нужно понимать, что подавляющая масса беженцев оседала в прифронтовых губерниях, испытывавших максимальное демографическое давление. Так что само направление и количество мигрантов, цели их миграции несопоставимы с довоенными. Их численность по разным источникам определяется в диапазоне от 3 до 7 млн чел. Тактика выжженной земли, применявшаяся российскими военными, привела к тому, что поток мигрантов включал две разные группы – действительно беженцев и так называемых выселенцев, то есть насильственно изгнанных из своих домов отступавшей армией. Но отделить их друг от друга сложно, в дальнейшем государственная социальная политика маркировала их преимущественно как единую группу беженцев. Большинство из них проживали до бегства в сельской местности, покидать свой дом не планировали и поэтому обладали минимальным потенциалом интеграции в принимающее сообщество. Но даже обладатели востребованных в прошлом профессий среди беженцев, вовлекаясь в трудовую деятельность, почти всегда претерпевали понижение своего профессионального статуса (Щетинина, 2008).

Сельское население сохранило и прежние каналы механического движения в виде отходничества. В частности, по результатам сельскохозяйственной переписи 1917 г. в 35 губерниях европейской части России на 16 млн 525 тыс. мужчин рабочего возраста 7 млн 682 тыс. чел. оказалось призвано в армию (46,4 %), а 2 млн 443 тыс. чел. (14,7 %) занято промыслами (Анфимов, 1962: 190). Часть сельских жителей нанималась на промышленные предприятия, заняв должности, не требовавшие квалификации. Некоторым, устроившимся на железные дороги, металлургические, угольные предприятия, удалось избежать призыва. Еще 1 864 тыс. освобожденных от призыва военнообязанных работали на оборонных предприятиях. Но просчитать, какая часть из них являлась выходцами из деревни, а какая – местными горожанами, не представляется возможным. В то же время, изменился характер отхода в самой деревне. Как отмечал А.М. Анфимов, семьи среднего достатка, обходившиеся ранее собственными трудовыми силами, стали нанимать работников. Поэтому, вероятно, часть земледельческого отходничества была заменена внутридеревенским наймом. С точки зрения советского исследователя, это вело к усилению внутрикрестьянской дифференциации. При этом общее оскудение деревни не подвергает сомнению ни один автор.

Резкий всплеск социальной мобильности наблюдался и в сфере индустриального труда. Совершенно не имеет основания утверждения о сокращении численности промышленных рабочих в годы войны. Они базируются на неверной интерпретации статистических данных. В частности, Н.А. Иванова делает такой вывод, находя подтверждение в одном из авторитетных советских изданий. При этом приводимые ею данные крайне неполны, по ряду показателей учитывают только непрерывно действовавшие в 1913–1918 гг. производства. Статистический эффект сокращения отдельных отрядов рабочего класса возникает в результате потери польских губерний, высокоиндустриализированной части Российской империи. В сопоставимых же границах получался очень серьезный рост. Н.И. Иванова данные обстоятельства, серьезно искажившие общую картину, проигнорировала, а рабочих казенных предприятий в 1913 г. учла дважды (Рабочий класс..., 1982: 246; Иванова, 2014а: 245; Иванова, 2014б: 106–107).

Реальная картина получалась куда более сложная. Перестройка промышленности на военные рельсы обернулась резким усилением ротации кадрового состава индустриальных рабочих. Если основываться на данных промышленной переписи 1918 г., в 1913 г. потеряли работу из-за закрытия фабрично-заводских предприятий 957 тыс. рабочих, а устроились на вновь открывшиеся 1642 тыс. рабочих, что отражало нормальную мобильность промышленных рабочих и общую тенденцию к расширению численности пролетариата. В 1914 г. на закрывшихся предприятиях было занято 16 млн 40 тыс. рабочих, потерявших работу, а на вновь открытых – 19 млн 101 тыс. чел. Таким образом, ротация выросла в 12–15 раз. В действительности она существенно превышала и эти цифры, так как часть рабочих (их точный подсчет не велся) были мобилизованы, а им на смену пришли совершенно новые люди. В 1916 г. уже закрылись предприятия с общим числом рабочих 11 млн 212

тыс., а вновь открытые приняли 21 млн 663 тыс. При этом почти полностью оказалась ликвидирована отрасль, связанная с производством алкоголя, резко сократилась численность занятых на предприятиях, выпускавших гражданскую продукцию, а мощный прирост занятых пришелся на предприятия, добывавшие сырье и работавшие на оборону, как за счет вновь прибывавших в индустрию, так и за счет «перетекания» рабочих на оборонные предприятия из прочих (Кафенгауз, 1994: 175). Следовательно, в действительности кадровая мобильность существенно превосходила указанные объемы за счет межотраслевых перемещений (Кафенгауз, 1994: 207). Промышленная перепись 1918 г. свидетельствовала, что учтенный состав промышленных рабочих в годы войны непрерывно возрастал. В 1913 г. он составил 2 млн 598 тыс. чел., в 1914 г. – 2 млн 667 тыс., в 1915 г. 2 млн 641 тыс., в 1916 г. 2 млн 976 тыс., в 1917 г. 3 млн 24 тыс. чел. Состав пролетариата за три года обновился минимум наполовину, а то и более. С 1913 по 1916 гг. численность рабочих металлообрабатывающих заводов выросла вдвое, причем в конце указанного периода лишь 1/3 из них непрерывно работала на производстве с довоенного времени (Сборник..., 1924: 168–169; Кафенгауз, 1994: 185). Если до войны численность вспомогательного и ремонтного персонала промышленных предприятий составляла 13,1% от общей численности рабочих, то в 1918 – 17,5 %. Возрос и удельный вес служащих. Если до войны на одного служащего приходилось 14,6 рабочих, то к 1917 г. – 11,5 а в 1918 г. – 10,3 (Фабрично-заводская..., 1926: 58, 119 (таблицы)). Итак, с особой интенсивностью росла численность низкоквалифицированного, обслуживающего персонала.

5. Выводы

Вступление России в Первую мировую войну привело к глубокой деформации основных каналов социальной мобильности общества. Война усилила перекосы в процессах урбанизации, подорвала нормальную динамику семейно-брачной мобильности населения, сделав массовыми такие явления, как неполные семьи, сиротство, инвалидность. В ее жерновах перемальвались многочисленные группы населения, для которых в условиях мирной жизни отсутствовали предпосылки для массовой смены социальных статусов. Не приходится удивляться, что одновременно возросли как уровень государственного регулирования социальной мобильности в виде целенаправленной воинской и трудовой мобилизации населения, социальных трансфертов, так и масштабы стихийной социальной динамики. Большинство прежних каналов мобильности наполнились новыми людскими контингентами. К таким каналам можно отнести мобилизации в армию, рекрутированные рабочие в сферу индустриального труда. В то же время нельзя не отметить, что война привела почти к полному свертыванию некоторых каналов социальной мобильности, в частности, аграрных переселений и сельскохозяйственного отходничества, зато породила ряд совершенно новых – плен, дезертирство, инвалидность, беженство.

Война не только не оживила сословные институты в российском обществе, но и деформировала складывавшиеся элементы классового общества. Значение прежнего социального опыта и багажа в виде формальных статусов (сословного, профессионального, имущественного) часто утрачивало решающую роль, уступало место ситуативным факторам, определявшим движение по каналам. Довоенные социальные маркеры, сословные и классовые, уступили место стремительно формировавшимся новым, определявшим параметры реструктуризации общества. Но групповые воззрения и привычки слишком консервативны, в силу чего оказавшиеся в непривычных и неожиданных социальных условиях и ролях массы людей стали взрывоопасным «материалом» – источником социальной энтропии, которая, как известно, на определенной стадии становится средой для перековки социума в новое качество. Подготовленный войной, этот процесс будет запущен в революционном 1917 году.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-01725).

Литература

- Анфимов, 1962 - Анфимов А.М. Российская деревня в годы первой мировой войны (1914–февраль 1917 г.). М., 1962. 384 с.
- Асташев, 2014 - Асташев А.Б. Русский фронт в 1914 – начале 1917 г.: военный опыт и современность. М., 2014. 740 с.
- Белянин, 2009 - Белянин Д.Н. Основные направления деятельности переселенческих организаций Западной Сибири в годы Первой мировой войны // Известия Алтайского государственного университета. 2009. № 4–4. С. 15–22.
- Белянин, 2011 - Белянин Д.Н. Переселение крестьян в Сибирь в годы столыпинской аграрной реформы // Российская история. 2011. № 1. С. 86–95.
- Головин, 2001 - Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. М., 2001. 440 с.
- Зумпф, 2014 - Зумпф А. Инвалидность и экспертиза во время Первой мировой войны в России // Большая война России: Социальный порядок, публичная коммуникация и насилие на рубеже царской и советской эпох. М., 2014. С. 58–80.

- Иванова, 2014a** - *Иванова Н.А.* Демографические и социальные процессы // Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис. М., 2014. С. 187–259.
- Иванова, 2014b** - *Иванова Н.А.* Старые структуры и новые страты (влияние войны на социальные процессы в России) // Россия в годы Первой мировой войны, 1914–1918: мат-лы Международная науч. конф. М., 2014. С. 105–110.
- Кабузан, 1994** - *Кабузан В.М.* О достоверности учета населения в годы Первой мировой войны // Население России в 1920–1950 годы: численность, потери, миграции. М., 1994.
- Кафенгауз, 1994** - *Кафенгауз Л.Б.* Эволюция промышленного производства России (последняя треть XIX в. – 30-е годы XX в.). М., 1994. 848 с.
- Курцев, 1999** - *Курцев А.Н.* Беженство // Россия и Первая мировая война (Материалы международного коллоквиума). СПб., 1999. С. 129–146.
- Курцев, 2008** - *Курцев А.Н.* Историческая социомобильность и многообразие м миграций населения Центрального Черноземья в 1861–1917 гг. // *Вестник Российского университета дружбы народов*. 2008. № 3(13). С. 82–92.
- Курцев, 2007** - *Курцев А.Н.* Ротационный характер отходничества крестьян России на рубеже XIX–XX века // Научные ведомости Белградского государственного университета: сер.: История. Политология. Экономика. Информатика. 2007. № 8. С. 93–97
- Миронов, 2003** - *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). В 2 т. 3-е изд., испр. и доп. СПб., 2003. 583 с.
- Морозов, 2001** - *Морозов С.Д.* Крестьянская семья в Центральной России в 1897–1917 гг. // Семья в ракурсе социального знания, Барнаул, 2001. С. 159–173.
- Население..., 2003** - Население России в XX веке. В 3-х т. Т.1. М., 2003. 463 с.
- Рабочий класс..., 1982** - Рабочий класс России (1907 – февраль 1917 гг.) М., 1982. 463 с.
- Рашин, 1956** - *Рашин А.Г.* Население России за 100 лет (1811–1913 гг.). Статистические очерки. М., 1956. 352 с.
- Россия..., 1925** - Россия в Первой мировой войне (в цифрах). М., 1925. 103 с.
- Сборник, 1924** - Сборник статистических сведений по Союзу ССР. 1918–1923 гг. За пять лет работы Центрального статистического управления. М., 1924. 481 с.
- Сорокин, 2005** - *Сорокин П.А.* Социальная мобильность. М., 2005. 588 с.
- Стрекалова, 2003** - *Стрекалова Н.В.* Социальная стратификация и социальная мобильность средних слоев в 1907–1917 гг. (на материалах Тамбова): Автореф. дис. ... канд. ист. н. Тамбов, 2003. 25 с.
- Стрекалова, 2012** - *Стрекалова Н.В.* Социальная мобильность городских средних слоев в период трансформации российского общества начала XX века: проблемы и перспективы исследования // *Вестник Тамбовского государственного университета*. 2012. Вып. 9(113). С. 320–327.
- Труды..., 1923** - Труды комиссии по обследованию санитарных последствий войны 1914 – 1920 гг./ под ред. М.М. Гран и др. М.; Пг, 1923. Вып. первый. 227 с.
- Урланис, 1994** - *Урланис Б.Ц.* История военных потерь. М., 1994. 560 с.
- Фабрично-заводская, 1926** - Фабрично-заводская промышленность в период 1914 – 1918 гг., М., 1926. Вып. 1. Промышленная перепись. 131+413 (табл.)+ 131 (прил.) с.
- Щетинина, 2008** - *Щетинина А.С.* Профессиональный состав беженцев Первой мировой войны в Томской губернии // Историческое профессиоведение: источники, методы, технологии анализа. Барнаул, 2008. С. 226–245.
- Baron, 2003** - *Baron N., Gatrell P.* Population displacement, state building, and social identity in lands of former Russian empire, 1917–1923. // *Kritika*. 2003. Vol. 4. № 1. P. 51–100.
- Gatrell, 1999** - *Gatrell P.* A whole empire walking: refugees during World War I. Bloomington; Indianapolis, 1999. 318 p.
- Gatrell, 2005** - *Gatrell P.* First World War: a social and economic history. Harlow, 2005. 318 p.
- Gatrell, 2015** – *Gatrell P.* Tsarist Russia at war: the view from above, 1914 – February 1917 // *Journal of Modern History*. 2015. Vol. 87. № 3. P. 668–700.
- Sanborn, 2005** – *Sanborn J.* Unsettling the empire: violent migration and social disaster in Russia during the World War I // *Journal of Modern History*. 2005. Vol. 77. № 2. P. 290–324.

References

- Anfimov, 1962** – *Anfimov A.M.* Rossiiskaia derevnja v gody pervoi mirovoi voiny (1914–fevral 1917 г.) (Russian village during the World War I (1914–February 1917)). М., 1962. 384 p. (in Russian)
- Astashov, 2014** – *Astashov A.B.* Russkii front v 1914 – nachale 1917 г.: voennii opyt i sovremennost (Russian front in 1914 – beginning of 1917: military experience and modern era). М., 2014. 740 p. (in Russian)
- Beljanin, 2009** – *Beljanin D.N.* Osnovnie napravlenija dejatelnosti pereselencheskoi organizatsyi Zapadnoi Sibiri v gody Pervoi mirovoi voiny (The main activity directions of migration organizations in Western Siberia during the World War I), Altay State University News, 2009, Nr. 4-4, pp. 15-22 (in Russian).

- Beljanin, 2011** – *Beljanin D.N.* Pereselenie krestjan v Sibir v gody Stolypinskoj agrarnoi reformy (Peasants resettlement to Siberia during Stolypin's agrarian reform), Russian history, 2011, Nr. 1, pp. 86–95 (in Russian).
- Golovin, 2001** – *Golovin N.N.* Voennye usilija Rossii v Mirovoi vojne (Russian military efforts during the World War I). M., 2001, 440 p. (in Russian).
- Zumpf, 2014** – *Zumpf A.* Invalidnost i ekspertiza vo vremja Pervoi mirovoj vojny (Disability and expert examination during the World War I), Russian Great War: Social order, public communication and violence at the turn of Tsarist and Soviet eras. M., 2014, pp. 58–80 (in Russian).
- Ivanova, 2014a** – *Ivanova N.A.* Demograficheskie i sotsialnye protsessy (Demographic and social processes), Russia during the World War I: economic situation, social processes, political crisis. M., 2014, pp. 187–259 (in Russian).
- Ivanova, 2014b** – *Ivanova N.A.* Starye struktury i novye straty (vlijanie vojny na sotsialnye protsessy v Rossii) (Old structures and new striations), Russia during the World War I, 1914 – 1918. Materials of scientific and practical conference. M., 2014, pp. 105–110 (in Russian).
- Kabuzan, 1994** – *Kabuzan V.M.* O dostovernosti ucheta naselenija v gody Pervoj mirovoj vojny (About authenticity of population registration during the World War I), Population of Russia in 1920–1950s: number, casualties, migrations. M., 1994, pp (in Russian).
- Kafengauz, 1994** – *Kafengauz L.B.* Jevoljucija promyshlennogo proizvodstva Rossii (poslednjaja tret' XIX v. – 30-e gody XX v.) (Evolution of industrial manufacturing in Russia (last third of XIX – 30s of XX)). M., 1994, 848 p. (in Russian).
- Kurcev, 1999** – *Kurcev A.N.* Bezhenstvo, Rossija i pervaja mirovaja vojna (Refugees, Russia and World War I) (Materials of international colloquium). St. Petersburg, 1999, pp. 129–146 (in Russian).
- Kurcev, 2008** – *Kurcev A.N.* Istoricheskaja sociomobil'nost' i mnogoobrazie migracij naselenija Central'nogo Chernozem'ja (Historical social mobility and diversity of population movement in Central Black earth area in 1861–1917), Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia, 2008, Nr. 3(13), pp. 92–92 (in Russian).
- Kurcev, 2007** – *Kurcev A.N.* Rotacionnyj harakter othodnichestva krest'jan Rossii na rubezhe XIX–XX veka (Rotational character of peasants' seasonal work at the turn of XIX–XX centuries), Scientific journal of Belgrad State University: History. Politology. Economics. Information Technology, 2007, Nr. 8, pp. 93–97 (in Russian).
- Mironov, 2003** – *Mironov B.N.* Social'naja istorija Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.) (Social history of Russia during the period Empire (XVIII – beginning of XX century)) in two volumes. St. Petersburg, 2003, 583 p. (in Russian)
- Morozov, 2001** – *Morozov S.D.* Krest'janskaja sem'ja v Central'noj Rossii v 1897–1917 gg. (Rural family in Central Russia in 1897–1917), Family from the perspective of social knowledge. Barnaul, 2001, pp. 159–173 (in Russian).
- Naselenie..., 2003** – Naselenie v Rosii v XX veke (Population in Russia in XX century). In 3 volumes. Vol. 1. M., 2003, 463 p. (in Russian)
- Rabochii klass..., 1982** – Rabochii klass Rossii (1907 – fevral' 1917) (The working class in Russia (1907 – February 1917)). M., 1982, 463 p. (in Russian)
- Rashin, 1956** – *Rashin A.G.* Naselenie Rossii za 100 let (1811–1913 gg.) (Population of Russia during 100 years (1811–1913)), Statistic analytical review. M., 1956, 352 p. (in Russian)
- Rossija..., 1925** – Rossija v Pervoj mirovoj vojne (v cifrah) (Russia in World War I (in figures)). Россия..., 1925 – Россия в Первой мировой войне (в цифрах). M., 1925, 103 p. (in Russian)
- Sbornik, 1924** – Sbornik statisticheskikh svedenij po Sojuzu SSR. 1918–1923g. Za pjat' let raboty Central'nogo statisticheskogo upravlenija. (Collection of statistical information on USSR. 1918–1923. For five years of the Central statistical department), M., 1924, 481 p. (in Russian)
- Sorokin, 2005** – *Sorokin P.A.* Social'naja mobil'nost'. (Social mobility), M., 2005, 588 p. (in Russian)
- Strekalova, 2003** – *Strekalova N.B.* Social'naja stratifikacija i social'naja mobil'nost' srednih sloev v 1907–1917 gg. (na materialah Tambova). Avtoref. dis. ... kand ist. (Social stratification and social mobility of middle classes in 1907 – 1917 (on Tambov materials). Author's abstract), Tambov, 2003, 25 p. (in Russian).
- Strekalova, 2012** – *Strekalova N.V.* Social'naja mobil'nost' gorodskih srednih sloev v period transformacii rossijskogo obshhestva nachala XX veka: problemy i perspektivy issledovanija (Social mobility of urban middle classes during transformation of Russian society at the beginning of the XXth century: problems and perspectives of the research), Bulletin of Tambov State University. 2012. Issue 9 (113), pp. 320–327 (in Russian).
- Trudy..., 1923** – Trudy komissii po obsledovaniju sanitarnyh posledstvij vojny 1914–1920 gg. (Studies of commission of analysis of war sanitary consequences 1914–1920. Under the editorship of M.M. Gran and others.). M., St. Petersburg, 1923. Issue 1, 227 p. (in Russian)
- Urlanis, 1994** – *Urlanis B.Ts.* History of wars losses. M., 1994. 560 p. (In Russian)
- Fabrichno-zavodskaja..., 1926** – Fabrichno-zavodskaja promyshlennost' v period 1914 – 1918 gg. (Manufacturing industry during 1914–1918, M., 1926. Issue. 1. Industrial census, 131+413 (tables)+ 131 (Appendices) p. (in Russian).

[Shhetinina, 2008](#) - *Shhetinina A.S.* Professional'nyj sostav bezhencev Pervoj mirovoj vojny v Tomskoj gubernii (Occupational structure of World War I refugees in Tomsk Governorate), Historical occupation study: sources, methods, analysis technologies. Barnaul, 2008, pp. 226–245 (in Russian).

[Baron N., 2003](#) - *Baron N., Gatrell P.* Population displacement, state building, and social identity in lands of former Russian empire, 1917–1923. *Kritika*. 2003. Vol. 4. № 1. P. 51–100. (in English)

[Gatrell, 1999](#) - *Gatrell P.* A whole empire walking: refugees during World War I. Bloomington; Indianapolis, 1999, 318 p. (in English)

[Gatrell, 2005](#) - *Gatrell P.* First World War: a social and economic history. Harlow, 2005, 318 p. (in English)

[Gatrell, 2015](#) – *Gatrell P.* Tsarist Russia at war: the view from above, 1914 – February 1917. *Journal of Modern History*. 2015. Vol. 87. № 3. P. 668–700. (in English)

[Sanborn, 2005](#) – *Sanborn J.* Unsettling the empire: violent migration and social disaster in Russia during the World War I. *Journal of Modern History*. 2005. Vol. 77. № 2. P. 290–324. (in English)

УДК 94(47)

Каналы социально мобильности российского общества: влияние Первой мировой войны

Вадим Маркович Рынков^{a, *}

^a Институт истории Сибирского отделения РАН, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассмотрено воздействие Первой мировой войны на динамику социальных процессов в России. Предметное поле ограничено каналами социальной мобильности, под которыми понимаются горизонтальное либо преимущественно горизонтальное перемещение в социальном пространстве. Выводы основаны на изучении статистических источников и современной историографии. В 1914–1917 гг. под влиянием войны произошла глубокая деформация ранее устойчиво работавших каналов социальной мобильности, по которым стали перемещаться большие группы населения, объективные предпосылки смены социального статуса которых отсутствовали. Некоторые каналы (аграрное переселение, сельскохозяйственное отходничество) оказались практически свернуты, но появились новые – беженство, военный плен, дезертирство. Война нивелировала значение сословных границ и деформировала классовые группы. Порожденные войной процессы реструктуризации общества характеризуются высоким уровнем социальной энтропии – важнейшей предпосылкой революционного взрыва 1917 г.

Ключевые слова: социальная мобильность, Первая мировая война, население, миграции, призывы, уранизация, беженство.

---

* Корреспондирующий автор

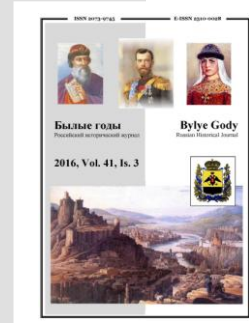
Адреса электронной почты: vadsvet@list.ru (В.М. Рынков)

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
ISSN: 2073-9745
E-ISSN: 2310-0028
Vol. 41, Is. 3, pp. 839-842, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

REVIEWS

UDC 37.01 (091)

A Book on Bulgarian Naval Officers Training in the Russian Empire and Western Europe

Inna Manasieva^{a, *}^a Institute for Historical Studies at the BAS, Sofia, Bulgaria

Abstract

The article presents the monograph about Bulgarian naval young officers and cadets training at Russian and West European naval and maritime academies from 1882 to 1944. It establishes detailed time frames concerning the education process abroad.

Keywords: Bulgarian naval officers, European education system, Russian imperial navy, Kronstadt, Murwik, Brest, Trieste, professional training, WW1.

1. Введение

В наше время обучение за границей – обычное явление. Оно было свойственно и в прежние века, включая и сферу морского и военно-морского образования. Замечено, что это явление было весьма характерно для подготовки офицерского корпуса малых морских стран. Тем не менее, исследования на подобную тему крайне редки. Так, например, системно-обобщающий научный труд, посвященный обучению болгар в иностранных учебных заведениях с целью получения морского или военно-морского образования, отсутствует. Именно этой проблематике посвятил свою монографию Асен Кожухаров, специалист в области военно-морской истории, доцент Высшего военно-морского училища им. Николы Вапцарова, г. Варна, Болгария. Ее название на русский язык можно перевести как: «Обучение болгарских морских офицеров за границей (1882–1944)» (Кожухаров, 2015: 1-258). Книга является результатом многолетних исследований; по отдельным обособленным этапам этих исследований автор выступал со статьями в научной печати Болгарии (Kozhukharov, 2012: 191-195; Kozhukharov, 2013: 151-157) и России (Кожухаров, 2009: 31-34; Кожухаров, 2014: 191-195).

А. Кожухаров ограничивает период исследования в рамках 1882–1944 годов. Цель монографии – провести историческую реконструкцию процесса получения образования за границей и оценить его значение в формировании болгарского военного флота и морской промышленности страны. Автор выделяет три критерия, которые влияют на качество обучения за рубежом: количество обучаемых, в том числе и стипендиатов болгарского государства, образовательный ценз и последующая реализация кадров, а также продолжительность процесса обучения в данном учебном заведении. Таким образом, автор выделяет четыре волны отправления болгарских стипендиатов в заграничные учебные заведения. Первая волна охватывает период с 1882 г. по 1889 г., когда обучаемых отправляли преимущественно в Российскую империю. Во время второй волны (1889–1896 гг.) стипендиатов отправляли на обучение в Италию и Австро-Венгрию, в то время как случаи обучения в России единичны. Третья волна длится с 1899 г. по 1914/1915 гг., когда болгары учатся преимущественно в странах Антанты – в Российской империи и частично Франции. Последняя волна (1915–1944 гг.) связана с обучением стипендиатов болгарского государства в Германии и Италии, что обусловлено внешнеполитической ориентацией Болгарии в рассматриваемый период.

2. Результаты

* Corresponding author

E-mail addresses: innamanasieva@abv.bg (I. Manasieva)

Монография состоит из двух частей (глав): «Обучение в Российской империи» и «Обучение в Западной Европе», выводов и обобщений, заключения, а также списков использованных сокращений, фигур и таблиц и использованной литературы. Исследование базируется в первую очередь на архивных материалах ряда болгарских архивов: Государственного военно-исторического архива (г. Велико-Тырново), Центрального государственного архива (София), Ведомственного архива Министерства обороны (г. София), Государственных архивов городов Варны и Русе, Национального военно-исторического музея, Военно-морского музея (г. Варна), Исторического музея города Батак, Болгарского исторического архива (Национальная библиотека им. Кирилла и Мефодия, г. София). Кроме этого, автор использует и материалы зарубежных архивов: Bundesarchiv-Militärarchiv (г. Фрейбург) и Российского Государственного Архива Военно-Морского Флота (г. Санкт-Петербург).

Первая глава «Обучение в Российской империи» посвящена обучению болгарских морских кадров в России с 1882 г. по 1915 г. Она рассматривает также случаи обучения болгар в РСФСР и СССР. Глава разделена на четыре раздела и ряд подразделов. Первый раздел посвящен воспитанникам Морского училища и Морского кадетского корпуса Российской империи. По мнению А. Кожухарова, эта тема недостаточно освещена в болгарской историографии, особенно с точки зрения влияния на учебный процесс таких ключевых для болгарской истории событий как Соединение, Сербско-Болгарская война 1885 года и разрыв дипломатических отношений между Российской империей и Болгарским княжеством. Начало заграничной подготовки болгар положено с целью пополнить командирский состав корабельных экипажей в г. Руссе и связано с именем капитан-лейтенанта Александра Егоровича Конкевича, первого начальника Флотилии и Морской части Княжества (как официально именовали ВМС Княжества Болгарии в то время). Начало этой подготовки положено в 1882 г., когда на обучение в Санкт-Петербург отправляется Владимир Кисимов, стипендиат Военного министерства в Софии. В. Кисимов благополучно справляется с поставленной ему задачей, и в 1884 г. ему присвоено звание «гардемарин». Другие два болгарских стипендиата не успевают закончить училище. А. Кожухаров подробно останавливается на проблеме подбора отправляемых на обучение болгар, с которой сталкиваются как болгарские, так и российские власти. Он отмечает, что в целом подготовка болгар в Морском училище неудовлетворительна, а его выпускники не могут полноценно реализовать себя в Княжеской Флотилии. По-другому обстоит дело с обучением болгарских стипендиатов в Морском кадетском корпусе в Санкт-Петербурге. Там обучается 15 болгар, 13 из которых проходит полный курс обучения. А. Кожухаров подробно останавливается на их подготовке, дальнейшей судьбе и профессиональной реализации во время Балканских войн, а также на тех перипетиях, с которыми они сталкиваются во время Первой мировой войны, когда им приходится воевать против своих учителей. Влияние воспитанников Морского корпуса на общественную жизнь в Болгарии в 1920–1930-х гг. осязаемо.

Второй раздел первой главы посвящен обучению болгар в Техническом училище Морского ведомства (ТУМВ) в Кронштадте, которое во время обучения там болгар (1885–1894) готовит корабельных инженеров и инженеров-механиков. В 1898 г. училище переименовано в Морское инженерное училище (МИУ) Императора Николая I. Первые стипендиаты отправляются в Кронштадт осенью 1885 г., сразу же после Соединения Княжества Болгарии с Восточной Румелией. Впервые ТУМВ обучает иностранных стипендиатов. Успеваемость болгар в этом учебном заведении весьма неплохая – трое обучаемых получают аттестат по окончании учебы, а четвертый, после того как прошел весь курс обучения, отчислен по собственному желанию, но, несмотря на это, сразу же принят на службу в Болгарии. Знания и умения, полученные в Кронштадте, способствуют дальнейшему карьерному развитию болгар-воспитанников ТУМВ, и А. Кожухаров подробно останавливается на их дальнейшей судьбе. Начиная с 1905 г., переименованное училище возобновляет прием болгарских стипендиатов, который оканчивается с началом Первой мировой войны и разрывом дипломатических отношений между Болгарией и Российской империей. По окончании МИУ его воспитанники-болгары удачно реализуют себя в народном хозяйстве страны; некоторые становятся инженерами в кораблестроительной индустрии, другие – опытными преподавателями и администраторами.

Третий раздел первой главы монографии А. Кожухарова посвящен воспитанникам офицерских классов. В начале XX в. Болгарское княжество готовится к войне с Османской империей, начало которой считается вопросом времени. Активную роль в этой подготовке болгары отводят России, которая должна унифицировать болгарский флот по подобию Российского императорского флота в отношении использованных стандартов и процедур. Это отражается на обучении болгарских офицеров, стипендиатов Военного министерства Княжества, которые обучаются на различных курсах для повышения квалификации и образования: Минные и Артиллерийские офицерские классы в г. Кронштадте, Водолазная школа, Учебный отряд подводного плавания и Николаевская морская академия. Обучение в российских военно-морских структурах оказывается для болгар дешевле, а образовательный статус воспитанников – выше, чем у воспитанников французских и австрийских структур. Больше всего болгарских стипендиатов обучается в Минных и Артиллерийских офицерских классах, двое стипендиатов посещают Водолазную школу, а окончивший Учебный отряд подводного плавания Р. Серафимов становится первым болгарским дипломированным командиром подводной лодки.

Последний, четвертый, раздел первой главы знакомит читателя с судьбой болгар, воспитанников гражданских мореходных классов Российской империи – так называемых мореходок. Болгарские студенты логически выбирают мореходные училища, расположенные на побережье Черного моря – в Николаеве, Севастополе, Херсоне. Близость к Болгарии позволяет значительно сократить расходы на обучение. Болгары обучаются также в мореходках Санкт-Петербурга и Нарвы. Карьерное развитие болгар-воспитанников мореходок, выбравших службу во Флоте Царства Болгарии, противоречиво – большинство из них уволено после окончания Первой мировой войны. Остальные воспитанники мореходок выбирают карьеру капитанов (комендантов) на кораблях созданного в 1892 г. Болгарского торгового пароходного дружества (БТПД). Накануне Первой балканской войны (1912–1913 гг.) они составляют костяк командного состава пароходов БТПД. Их влияние на болгарскую морскую промышленность ощущается в продолжение полвека – фактически до окончания Второй мировой войны.

Российская военно-морская образовательная система играет важную роль в формировании болгарского офицерского корпуса. Однако обучение болгарских морских кадров в Российской империи прекращается после разрыва дипломатических отношений между двумя государствами в 1915 г. Ввиду этих обстоятельств перед болгарским правительством на передний план выступает подготовка необходимых кадров в странах Западной Европы. Исследованные А. Кожухаровым источники позволяют ему выделить четыре основных центра обучения болгар за границей – в Италии, Австро-Венгрии, Франции и Германии. Каждому из этих центров посвящен соответствующий раздел второй главы. Случаи обучения в других странах Западной Европы (Великобритании, Румынии, Бельгии, Монако) единичны.

Первый раздел второй главы посвящен воспитанникам Военно-морского училища (ВМУ) в Ливорно. А. Кожухаров выделяет три волны отправки болгар на обучение в ВМУ: с 1885 по 1892 гг., с 1914 по 1915 гг. и с 1929 по 1938 гг. – в периоды обострения отношений между Болгарией и Россией. Болгарских воспитанников ВМУ Ливорно – 14 человек, но в действительности училище оканчивают 8. Вторая волна обучаемых не оканчивает этого учебного заведения, что объясняется противостоянием Болгарии и Италии в Первой мировой войне. Карьерное развитие офицеров, получивших образование в Италии, противоречиво. По стечению обстоятельств они не участвуют в Балканской и Первой мировой войне. Их образование не эквивалентно стандартам морского корпуса в Петербурге. Им засчитывают более низкий образовательный уровень, поскольку считается, что у них нет высшего военно-морского образования.

Второй раздел этой главы рассказывает о воспитанниках Академии торговли и мореплавания в Триесте. После разрыва отношений между Княжеством и Российской империей в 1886 г. и восшествия на болгарский престол Фердинанда I Австрия закономерно превращается в альтернативу России в отношении обучения военных кадров. В конце XIX в. Академия в Триесте дает подготовку по трем специальностям, интересующим болгарское правительство: обучение кораблеводителей, кораблестроителей и судовых механиков. Несмотря на свое имя, Академия не дает своим выпускникам дипломы о высшем образовании, но в условиях острого дефицита кадров в болгарском флоте на этот факт закрывают глаза. Почти за полвека (с 1892 по 1942 гг.) в Триесте обучаются 23 болгарских стипендиата. Реализация их в военном флоте Болгарии весьма успешна. Почти все выпускники Академии по завершении обучения там оканчивают и курсы в Российской империи. Во время Балканской войны австро-венгерские воспитанники занимают командные должности на кораблях, они же впоследствии составляют костяк болгарского морского офицерского корпуса и вносят ощутимый вклад в строительство морской промышленности и морской образовательной системы Болгарии. Они же реализуют себя в БТПД.

Известное количество болгар обучается в Военно-морском училище в Бресте (Франция), что подробно описано в третьем разделе второй главы. А. Кожухаров детально останавливается на обучении и дальнейшей карьере трех воспитанников этого училища, поскольку подготовка офицеров там сопоставима лишь с подготовкой в Морском корпусе Санкт-Петербурга. Он констатирует, что, несмотря на высокое качество подготовки, французские воспитанники не успевают достичь вершин флотской иерархии Болгарии.

Обучению морских кадров в Германии посвящен последний раздел второй главы. Интерес болгарского правительства к образовательным структурам Германии появляется лишь после начала Первой мировой войны. Это понятно, поскольку внешнеполитическая ориентация Болгарии сразу после ее Освобождения направлена на Россию, которая в то время является противником Германской империи. Первым германским военно-морским вузом, куда болгары отправляют своих студентов, становится военно-морское училище (ВМУ) «Мюрвик» в г. Фленсбурге. Обучение болгарских кадетов там можно проследить с 1916 по 1918 гг. Офицеры, получившие образование в ВМУ «Мюрвик», по объективным причинам не всегда успевают реализовать себя по предназначению, но А. Кожухаров отмечает их вклад в развитие БТПД, а также в военно-образовательную систему Болгарии в качестве преподавателей. Важным аспектом обучения болгарских морских офицеров за границей во время «Великой» войны является подготовка в Германии специалистов-подводников и кадров морской авиации.

3. Заключение

Надеюсь, что книга А. Кожухарова заинтересует историков, ученых и преподавателей, занимающихся морской историей, как в Болгарии, так и за рубежом. Монография «Обучение болгарских морских офицеров за границей (1882-1944)» является весьма удачной попыткой комплексно исследовать процесс получения болгарскими офицерами образования за рубежом в конце XIX – первой половине XX в., а также значение этого образования в формировании болгарского военного флота, морской промышленности страны и Болгарского торгового пароходного дружества.

Литература:

- Кожухаров, 2009 - Кожухаров А.Н. Болгарские офицеры-воспитанники Морского инженерного училища Императора Николая I // *Военно-исторический журнал*. 2009. № 3. С. 31-34.
 Кожухаров, 2014 - Кожухаров А. Болгарские капитаны торгового флота, воспитанники мореходных классов Российской империи // *Новая и новейшая история*. 2014. №4. С. 191-195.
 Кожухаров, 2015 - Кожухаров А. Обучението на българските морски офицери зад граница (1882-1944). Варна: Тера Балканика, 2015. 258 с.
 Kozhukharov, 2012 - Kozhukharov A. Career Study of Bulgarian Cadets Trained in Trieste 'Accademia Di Commercio E Di Nautica' (1892–1942) // *Bulgarian Historical Review*. 2012. Nr 3–4. P. 191-195.
 Kozhukharov, 2013 - Kozhuharov A. La formation et la carrière des officiers bulgares, élèves de l'école navale militaire de Brest // *Bulgarian Historical Review*. 2013. Nr 3-4. P. 151-157.

References

- Kozhukharov, 2009 - Kozhuharov A.N. Bolgarskie oficery - vospitanniki Morskogo inzhenernogo uchilisha Imperatora Nikolaia I [Bulgarian Officers – Ex-Cadets Of The Emperor Nicholas Naval Engineering Academy]. *Voенно-istoricheskij zhurnal*, 2009, Nr 3, pp. 31-34 [in Russian].
 Kozhukharov, 2014 - Kozhuharov A. Bolgarskie kapitany trgovogo flota, vospitanniki morehodnykh klassov Rossijskoj imperii [Bulgarian Merchant Captains, Ex-Maritime Cadets Of The Russian Empire]. *Novaia i novejsiaia istoriia*, 2014, Nr 4, pp. 191-195 [in Russian].
 Kozhukharov, 2015 - Kozhuharov A. Obuchenieto na bylgarskite morski oficeri zad granica (1882-1944) [Bulgarian Naval Officers Training Abroad (1882-1944)]. Varna: Terra Balkanica, 2015 [in Bulgarian].
 Kozhukharov, 2012 - Kozhukharov A. Career Study of Bulgarian Cadets Trained in Trieste 'Accademia Di Commercio E Di Nautica' (1892–1942). *Bulgarian Historical Review*, 2012, Nr 3–4, pp. 191-195.
 Kozhukharov, 2013 - Kozhuharov A. La formation et la carrière des officiers bulgares, élèves de l'école navale militaire de Brest [Formation And Career of Bulgarian Officers, Students at the Ecole Navale of Brest]. *Bulgarian Historical Review*, 2013, Nr 3-4, pp. 151-157 [In French].

УДК 37.01 (091)

Книга об обучении болгарских морских офицеров в Российской империи и Западной Европе

Инна Манасиева^{а, *}

^а Институт исторических исследований Болгарской академии наук, София, Болгария

Аннотация. В статье представлена монография, посвященная болгарским военно-морским молодым офицерам и курсантам, проходящих обучение в Российской и Западно-Европейской военно-морских академиях в период с 1882 по 1944 годы. В статье обсуждаются подробные временные рамки, касающиеся процесса получения образования за рубежом.

Ключевые слова: болгарские морские офицеры, европейская система образования, российский императорский флот, Кронштадт, Мюрвик, Брест, Триест, профессиональная подготовка, WW1.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: innamanasieva@abv.bg (Инна Манасиева)